

НА СУШЕ
И НА МОРЕ



1981



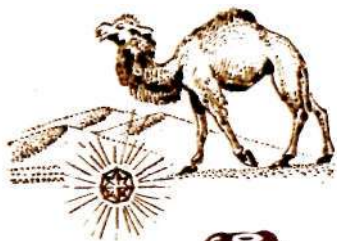




ЃНА СУШЕ
И НА МОРЕ



ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ



ФАНТАСТИКА



ФАКТЫ
ДОГАДКИ
СЛУЧАИ

ГНА СУШЕ И НА МОРЕ

ПОВЕСТИ
РАССКАЗЫ
ОЧЕРКИ
СТАТЬИ



Москва
МЫСЛЬ
1981



Редакционная коллегия:

С. А. АБРАМОВ

М. Э. АДЖИЕВ

В. И. БАРДИН

М. Б. ГОРНУНГ

В. И. ГУЛЯЕВ

А. П. КАЗАНЦЕВ

Б. С. ЕВГЕНЬЕВ

С. И. ЛАРИН (составитель)

В. Л. ЛЕБЕДЕВ

В. И. ПАЛЬМАН

Н. Н. ПРОНИН (ответственный секретарь)

С. М. УСПЕНСКИЙ

Оформление художника

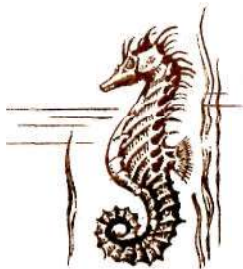
Е. В. РАТМИРОВОЙ

© Издательство «Мысль», 1981

20901-090
Н—————159-81. 1905020000
004(01)-81

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ



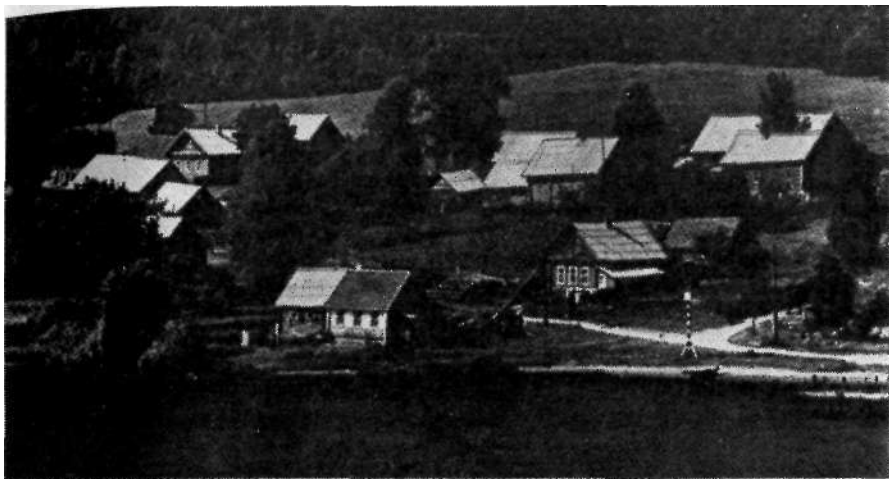


ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

Василий Песков	ОЧАРОВАНЬЕ ДОРОГИ
Игорь Фесуненко	ОПЕРАЦИЯ «СПАСЕНИЕ В СЕЛЬВЕ»
Карем Раш	ЛЕДОВЫЙ КЛАСС
Алексей Исаев	СТАРИННЫЙ БОР
Иво Андрич	ЛИЦО ЗЕМЛИ
Александр Романенко	ПУТЕВЫЕ ЗАПИСИ ИВО АНДРИЧА
Евгений Курильский	СЫНЫ ВУЛКАНА
Валентин Рыбин	БЕРЕГ ЗАГАДОК
Борис Соколов	К ТЕПЛОМУ КУРОСИО
Виктор Островский	САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ
Вячеслав Пальман	НА РЕКЕ ДА НА СУХОНЕ...
Александр Рогов	У СКАЛ ПУТЯТИНА
Федор Худушин	ГОРОД И ПРИРОДА
Вячеслав Крашенинников	ШВЕЙЦАРИЯ: ТУРИЗМ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА
Мargarита Ногтева	УВИДЕТЬ МОРЕ...
Генрих Гунн	КОЖЕОЗЕРСКИЕ БЫЛИ
Владимир Лысов	УДАЧНЫЙ РЕЙС
Станислав Старикович	ВСТРЕЧА С ТЕРМИТАМИ
Ричард Дана	ВОКРУГ МЫСА ГОРН
Олег Басов	САРЫГ
Виктор Сарианиди	ЗОЛОТО БАКТРИЙСКИХ ЦАРЕЙ
Александр Иванченко	ДРАКОНЫ ОСТРОВА КОМОДО

ОЧАРОВАНИЕ ДОРОГИ

Очерки



Проселок, по Далю,— это расстояние и пути между селениями в стороне от городов и больших дорог. Это глухая, не очень ухоженная дорога. Ее всегда поругивали. «Ехать проселком — дома не ночевать». И верно. Застрять на проселке — обычное дело. Колеса телеги после дождей увязают по ступицы, а на нынешних «Жигулях» на проселок лучше и не заглядывать. В ином месте лишь трактор одолевает колдобины, проезды через ручьи, подъемы, спуски.

С хозяйственной стороны поглядеть — погибель эти дороги. Всю быструю жизнь тормозят. Овощ, не увезенный вовремя с грядок, вянет, хлеб мокнет, яблоко-слива гниют. Иное дело — шоссе: утром — в Москве, вечером — в Конотопе. Быстрота и всему экономия, времени в первую очередь. Радость большая, когда проселок превращается в асфальтированную дорогу. Жизнь, ставшая на резиновые колеса, требует и дорог подобающих.

Но для странствия, для хождения по земле с котомкой, теперь называемой рюкзаком, и для небыстрой езды на надежной машине что за чудо эти плохие дороги — проселки! По опыту знаю, что по шоссе ехать — ничего не увидеть. Много ли замечает мчащийся по шоссе из Москвы в Симферополь?

Проселок — иное дело. Тут дорога тебя ведет не спеша ко всем подробностям жизни. Всего ты можешь коснуться, ко всему как следует приглядеться. Радости и печали тут живут обнаженными. Рядом с дорогой. Все крупное на земле соединил сегодня асфальт. А Деревенку в четыре двора увидишь только тут, у проселка. Из ключа, текущего у шоссе, кто из нас решится напиться? А проселок может привести тебя к роднику, и ты изведешь вкус первородной

воды, ничем не сдобренной и здоровой. Скрипучий мосток. Проезжая его, прощаешься мысленно с жизнью. Однако ничего — переехали. Стоишь наблюдаешь, как в омутке играют резвые красноперки. Чья-то пасака возле старинных лип, оставшихся после усадьбы. Чьей? Тебе называют по книгам знакомое имя, и ты стоишь, пораженный: вот тут Он ходил, под этой липой, возможно, сидел, наблюдая за облаками, за этой дорогой, убегающей в перелески... На проселке ты можешь остановиться, изумленный полоской неизвестных, скорее всего каких-то заморских растений. Батюшки, да это же конопля, которую сеяли ранее всюду. Теперь ее посеяла только эта вот сидящая на завалинке бабка. «Зачем же теперь конопля?» — «А блох выводить!» — простодушно отвечает старуха.

Дорога от крайнего дома, где растет конопля, спускается к лугу, потом, огибая ржаное поле, углубляется в лес. За лесом ты опять уже видишь на синюющем взгорье светлый шнурочек — дорога пошла к другой незнакомой тебе деревне. Ничто любопытного человека не дразнит так сильно, как эти проселки по древним российским землям. Запахи трав. Звоны кузнечиков. Урчание лягушек в болотце. Следит за тобою с сухого дерева птица. Пастух притронулся к козырьку, отвечая на приветствие проходящего. На проселке версты не бывает, чтобы с кем-то не перекинулся словом, а то завяжется разговор — не хочется расставаться.

Я проехал на «газике» по проселкам Псковской, Новгородской и Калининской областей. Ехал по делу. Не слишком долгой была дорога. И все же проселки оставили в памяти много желанных и чаще всего неожиданных встреч.

Пастух

У роши играл рожок... Мы открыли дверцу машины, заглушили мотор и боялись поверить ушам. Пастуший рожок! Эту музыку где услышишь теперь? В кино, по радио. А тут дорога угодила нам подарок, удивительный в своей натуральности. Пастух сидел спиной к нам у березы и разливал по поляне мелодию, какую и родил-то, возможно, пастуший рожок: «Сама садик я садила...» Под тягучие звуки черный пес пастуха шевелил ухом, коровы лениво щипали траву, стрекотали кузнечики в бурьянах. А березы у края рошицы, казалось, вот-вот пробудятся от дремоты и пойдут хороводом.

— Вот такая арматура, — сказал пастух, вытирая тряпичей пищик рожка.

Он нисколько не удивился нашему появлению, не заставил себя уговаривать сыграть еще что-нибудь. Закончил и опять сказал весело:

— Такая вот арматура. Интересуетесь—заезжайте с заходом солнца домой, вместе повеселим душу.

Вечером гроза повредила электролинию. Старик поставил в бутылку свечу и при ней разложил на столе богатство свое — пищики, сделанные им самим из веточек волчьего лыка. Он крепил их к рожку, пробовал, поясняя:



Древнейшая на земле музыка...

— Этот—играть с баяном, этот—под балалайку, этот—с роялей в паре, этот—для кардиона. А этим баб по утрам подымаю с постелей.

Далее шел рассказ о том, как, где и с каким успехом играл пастух на рожке.

— На эту музыку спрос большой. В Москве на концерте как дунул—все: ах!—и рты поразинули. В Ленинграде играл, в Калининe, тут, у себя, на свадьбах, ну и коров в лесу этой музыкой собираю.

Веселое балагурство пастуха-музыканта слушала, прислонив голову к печке, его жена Лидия Матвеевна. На замечание: «Нет, наверное, в округе человека веселей вашего мужа»—она, согласная, улыбнулась:

— Он у меня огонек...

Старику без года семьдесят. Пастушество начал с девяти лет.

— Мы, зубцовские, все пастухи. Из других мест в отхожий промысел шли плотничать, портняжничать, шли пильщиками, официантами, сапожниками. А мы—пастухи. Сотнями уходили на лето к Москве и под Тверь. И все знали: зубцовский—значит пастух... Вот такая была арматура.

Девятилетним мальчишкой с новым кнутом и узелком пышек осилил Сергей Красильщиков путь с Верхней Волги почти до Москвы—полторы сотни верст пешим ходом. И вот пятьдесят лет—пастух. Были в этой работе и перерывы. Перед войной освоил трактор. Воевал в танке. После войны в колхозе «Сознательный» был бригадиром и председателем. Однако главная линия жизни—пастух.

— Я скажу, профессия самая хорошая, ежели кто понимает. Ну, конечно, дождинки неприятны, и просыпаться надо следом за петухами—тоже не сладкое дело. Зато уж все твое на земле: видишь, как солнце всходит, как птица гнездышко вьет, как зверь в лесу обитает. Небо, травы, день без конца и вся духовитость земли как будто для тебя созданы. Ходи и радуйся. Пастуха-то всегда считали почти что нищим, а я посмеивался: богаче меня и нет никого на земле! Вот такая арматура...

Сейчас пастуху и платят исправно: четыре сотни целковых—да я не пастух, а полковник! Однако радость, как прежде, вижу не в деньгах. Семьдесят за плечами, а я весь день на ногах—молодым не угнаться. Весел. Здоров, хотя и клюнут железом дважды—в живот и в руку. В зеркало гляну—глаза, как у подпaska, с блеском. Чарку могу опрокинуть. Всегда компанию поддержу. И вижу, что нужен в людском обороте. Ну и, конечно, вот дом, жена, дети, внуки. Чего же еще желать человеку?

У печки в прежней позе тихого согласия стоит жена пастуха. В открытое окно к свечке летят мохнатые мотыльки. Старик, подбирая нужные пищики, вспоминает одну мелодию за другой: «На диком берегу», «Калинка», «Прощай, радость, жизнь моя» и кое-что из «своего сочинительства».

— Эту утром обычно играл. Эту вот в полдень—себя подбодрить и чтобы коровы не разбредались. А это—вечер; солнце садится—пастух веселится. Такая вот арматура. Инструмент, глядите сюда, проще и некуда. Коровий рог, к нему, гляди-ка, трубочка из рябины вся в дырках—по ним пальцами прохожусь—ну и пищик. Однако дуньте-ка, что получится?.. Во! На рожке и раньше не каждый пастух играл. На рожке труднее, чем на гармошке. Оттого и плату пастух-рожечник получал иную, чем безголосый пастух. И при найме непременно тебе вопрос: играю ли на рожке? Особо этим бабы интересовались. И конечно уж, им угождал: под рожок просыпаться—приятное дело... А теперь я на много губерний остался, пожалуй, один. Меня уже можно за деньги показывать.

Нашу беседу со снисходительным любопытством слушает сын пастуха Сергей, такой же веселый и откровенный, как и отец.

— Ха, чепуха какая—рожок. Да появься с этой музыкой в ПТУ—засмеют...

— А ты появься, появься!—горячится старик.—Ты появься! Ревом, понятно, кого удивишь?! Ты появься с музыкой. Вон, погляди, смеются там или нет?

Вблизи избы пастуха на бревнах и на скамейках в полутьме августовского вечера сидят люди, явно привлеченные звуком рожка.

— Дядя Сергей, «Меж крутых бережков» можно?

— Вон, слышишь, просят? Слышишь: «Меж крутых бережков»? И так всегда. Заиграл—сейчас же люди. И всегда тебе благодарные.

Старик отыскал нужный пищик и сел поближе к окну.

Он сыграл «Меж крутых бережков», потом «Катюшу», потом по просьбе женского голоса «Хуторок». И под конец по-свойски весело крикнул в окно, в темноту:

— Концерт окончен, пора на насести!

Мы вместе с Сергеем-младшим стали собираться на сеновал.

— Выпейте молока на ночь,—сказал пастух, принимая из рук жены большую стеклянную банку.

Пока пили, старик опять незлобно и, видно, не первый раз вразумлял сына:

— Смешон не рожок. Смешно, что ты от этих пространств, от этой вольности в таксисты хочешь податься... Такая вот арматура,— подытожил он разговор.— Валяйте на сеновал. Утром рожком разбуду. Но вы не слезайте. Это будет просто сигнал: я пошел на работу.

Утром мы и проснулись от звука рожка. Через прореху в крыше был виден реденький сад с покосившейся загородкой. За садом к Волге спускался лес. Здесь он наполнен был подсвеченным солнцем туманом. Верхушки высоких сосен, берез и елок темнели в тумане, как острова. В соседнем сарае чутко переговаривались гуси. Слышно было: где-то в подойник бьет струйками молоко. Шуршала на сеновале мышь. И сладко посапывал младший Сергей.

А старший Красильщиков, судя по звукам рожка, был уже за околицей. Он извещал селение над Волгой, что день начался и надо его встречать.

Новоселье

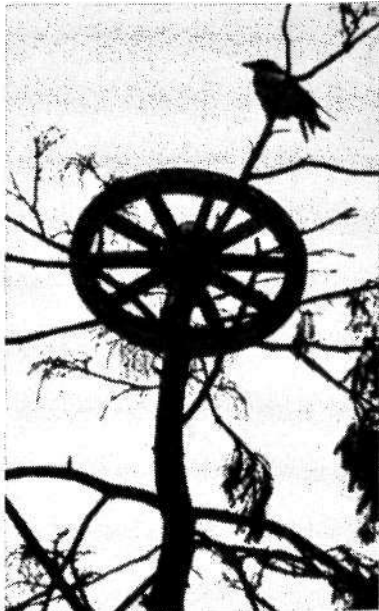
В деревню Сытьково в этом году весной прилетели три пары аистов. Полетали, посидели на высоких деревьях, походили по болотцам у Волги, и жители догадались: прилетели в разведку. Аисты в этих местах никогда не селшщсь, никто никогда их не видел. И можно представить радость, волнение и ожидание: а вдруг останутся?

Два просвещенных сытьковца, Цветков Михаил и Геннадий Дроздов, первыми вспомнили: в иных местах для привлечения птиц укрепляют на дереве колесо. Колесо сейчас же нашли, хотя найти тележное колесо в наше моторное время — дело совсем непростое. Ну и, конечно, не просто надеть колесо на верхушку высокого дерева. Вся деревня сошлась поглядеть, чем все окончится. Не будь такого схода людей, Геннадий и Михаил, возможно, отступили бы. Но на миру чего не сделаешь! В старое время на местных ярмарках смельчаки за сапогами на гладкий столб залезали.

Фундамент для птичьего дома получился хороший. И пара аистов поселилась в Сытькове. Гнездо, однако, птицы построили не на ели, увенчанной колесом, а на церкви.

На самом высоком месте деревни стоит эта церковь. В былые времена такое расположение постройки (за многие версты видна!) внушало человеку верующему подобающее почтение. А во время войны сытьковская церковь стала многострадальной мишенью. Подозревая на ней наблюдателей, били по деревне то наши, то*немцы, и столько было изведено снарядов, что целый город бы рухнул. А Церковь стоит. Старухи обстоятельство это приписывают покровительству сил неземных. А семилетний внук одной из старушек в моем присутствии высказал суждение очень здравое: «Что ты, бабушка, это со Знаком качества строили!»

Неистребленный запас прочности аисты по достоинству оценили. На самой верхушке церкви соорудили гнездо, вывели аистят. И стали они принадлежать как бы всем, всей деревне. И в этом



Вся деревня помогала аистам обосноваться на жительство

усмотрена высшая справедливость. Даже Геннадий с Михаилом сказали: «Ну что ж, им виднее, где строить. Они понимают...»

Лето в Сытькове прошло под знаком птиц-новоселов. Непугливые аисты ходят по огородам, по лугу, садятся на крыши домов. Из любой калитки, с любой завалинки и скамейки видно гнездо. Видно, как прилетают с запасом еды для детей старики аисты. Видно: толпятся в гнезде — пробуют крылья — три молодые птицы. Вся деревня слышит раннюю утреннюю побудку — треск клюва. «Это они переговариваются друг с другом. И так приятно душе от этого разговора».

Много толков о птицах. Куда летают, что носят в гнездо, у чьего дома любят садиться, что за странная песня... Глядя на трех аистят, подросших в гнезде, стали строить предположение: вернутся сюда же или, как сельские молодые ребята, подадутся еще куда. Колесо, на котором ночуют пока что вороны, у аистов на виду — селись, пожалуйста! А у парома я встретил двух молодцов на мотоцикле — везли еще колесо от телеги.

— Не иначе как аистам?

— А что, разве плохо? — Говорят, счастье от них.

Паромщик, переправлявший ребят в деревню, с покоряющим удовольствием тоже заговорил о птицах:

— Слышал, там и там поселились... А ведь никогда не было.

В этом орнитологическом явлении (ареал гнездящихся аистов за последние годы заметно расширился на восток) паромщику явно хотелось видеть добрый житейский знак.

— Селится птица! Вот и люди, глядишь, тоже начнут кое-что понимать. Недавно с одним из наших беседовал. Говорит: «Уеду из



города! Срублю дом и буду хозяйствовать». Как считаете, только поговорил или в самом деле назад в деревню?..

Селигер

— Ну, а Селигер? Бывали, конечно?

Когда говоришь «не бывал» — удивление. Объяснение «Берегу про запас» встречается с пониманием: у каждого есть заветное место, которое хочется видеть не мимоходом. И все же встреча эта была короткой. Дорога лежала у Селигера. И мы завернули. Сразу после ржаного поля увидели много тихой воды. Однако не сплошь водяная гладь, а полосы темной осоки, острова с кудряшками леса, за которыми снова сверкала вода. Садилось солнце. И все кругом как будто оцепенело в прощании со светилом. Не шевелились на красном зеркале лодки. Дым от костра на синеем вдалеке берегу подымался кверху светлым столбом. Стрекоза сидела на цветке таволги возле воды, и блики заката играли на слюдяных крыльях. Мы зачерпнули воды в ладони, сполоснули пыльные лица.

— Здравствуйте, Селигер Селигерыч...

— Первый раз приехали? — понимающе отозвался натиравший песочком кастрюлю явно нездешний загорелый рыбак. — Я тоже, помню, так же под вечер увидел все это. И теперь вот в плену, восемнадцатый раз приехал. Откуда? Не поверите, из Сухуми...

У большинства наших больших озер мужское имя: Каспий, Арал, Балхаш, Байкал, Сенеж. И это — Селигер Селигерыч. На карте, где

восточное чудо — Байкал синее внушительной полосой, Селигер почти незаметен: в лупу я разглядел лишь подсиненную, неясного очертания слезку. И только тут, вдыхая запах воды, одолевая взглядом уходящие друг за друга гребешки прибрежного леса, понимаешь, как много всего скрывала от глаза мелкомасштабная карта.

Озеро очень большое. И все же его размеры разом определить невозможно. С моторной лодки одновременно видишь два берега. Они то расходятся, то сужаются, так что даже не слишком смелый пловец вполне одолеет протоку. Но лодка идет полчаса, час, два часа, и озеро все не кончается. На коленях измятая карта, где крупно помечена каждая из морщинок земли, заполненная водой. Лишь этот крупномасштабный рисунок дает представление о водяном кружеве. Длина озера — сто, ширина — пятьдесят километров.

Иные озера похожи на огромную залу под куполом. Селигер же вызывает в памяти лабиринт Эрмитажа: сотни причудливых «помещений», переходящих одно в другое, — протоки, заливы, тайные устья речек, плесы, мыски, острова. И все это в зелени трав и подступающих к самой воде лесов. Одних островов тут насчитано сто шестьдесят. Есть малютки: сверху глянуть — мыши одолевают воду, и есть большие; есть один с деревеньками у воды, с непроходимым лесом, большим и малым зверьем, с озерами, на которых свои острова и тоже с озерами.

Отцом озера был ледник, отступавший с Валдая, как считают, двадцать пять тысяч лет назад. Получив изначально талую воду утомленного ледника, озеро пополняется теперь постоянным стоком сотен маленьких речек. Избыток же вод Селигер, подобно Байкалу, отдает в одном месте, одним только руслом, впадающим в Волгу.

Исток Волги лежит по соседству, в девятнадцати километрах от озера. Взглянув на подробную карту, можно увидеть: очень близко от колыбели Волги резвятся еще две маленькие речки. Приглядимся, проследим их пути — Днепра и Западной Двины. Вспомним Днипро у Киева, Даугаву у Риги, на российских просторах матушку Волгу — могучие реки! А тут, в Валдайских лесах, они еще босоногие ребятишки. Не познакомившись даже, они разбегаются в разные стороны из непролазной чащи их общего детского сада. Они мало чем отличимы от десятков таких же маленьких речек. В этих местах главный держатель вод — Селигер. Богат, красив и заметен. «Европейский Байкал», — зовут Селигер любители странствий.

Человеческая история у этой воды теряется в дымке времени. Никто не знает, когда впервые появились тут люди. Но кремневые молотки, скребки и долота, открытые в городищах на берегу, говорят о том, что в каменном веке Селигер уже был приютом для человека. Череда веков, именуемая «до нашей эры», тут тоже оставила память. А в XIII веке берега Селигера уже густо заселены славянскими племенами кривичей. Деревушки, видимые сейчас с воды и скрытые за лесами, нередко имеют глубокие корни во времени. Сотни лет назад выглядели они, конечно, иначе, но в названиях деревенок сохранились звуки минувшего, ощущения пространств и преград, разделявших людей. Заречье, Залучье, Заплавье, Заболотье, Заборье, Замошье, Задубье, Селище, Свапуца, Кравотынь...

Селение Кравотынь, манящее путника белой церковью и сиреновой россыпью деревянных домов, название свое получило, как считают, из-за резни, устроенной тут Батыем. С юго-востока до Селигера в 1238 году докатились конные орды завоевателей. Воображение Батыя, покорившего многие земли, дразнили теперь Псков и Новгород. «Посекая людей, яко траву», двигалось войско к желанной пели «селигерским путем». И осталось до Новгорода всего несколько переходов, когда озеро вскрылось. Текущие в него речки набухли весенней водой, и непролазными стали болота. Войско Батыя остановилось и, не мешкая долго, повернуло на юг. Селигер, воды, в него текущие, и глухие леса без дорог загородили, прикрыли Новгород.

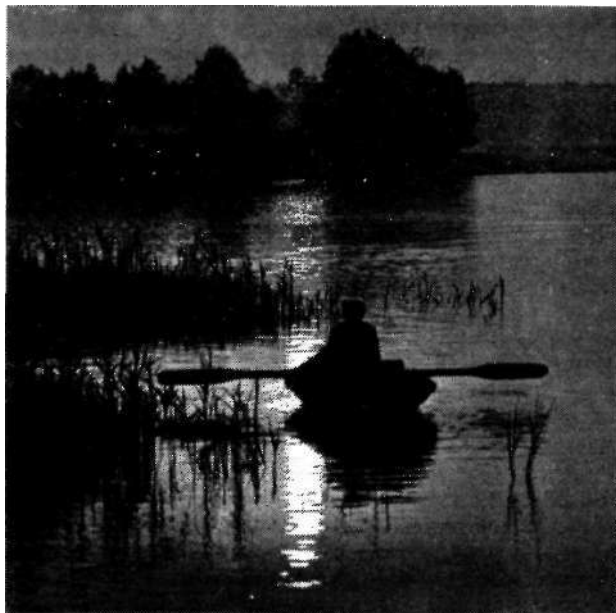
Позже этот природный щит прикрывал россиян и с другой стороны, с запада, при походах сюда литовцев. Служил он также амортизатором в междоусобных стычках русских князей. И недавно совсем, в 41-м году, в Селигер уперлась, забуксовала машина фашистского наступления. Обойдя природную крепость с юга и с севера, Селигер фашисты все же не одолели. Проплывая сейчас по озеру, видишь на западном берегу памятник — пушку на постаменте. Надпись «Отсюда люди гнали прочь войну...» имеет в виду наступление 42-го года, однако смысл ее глубже: с берегов Селигера поворачивали вспять многие силы, сюда подступавшие.

Не перечислить всех здешних людей — героев из разных времен. Двое из них хорошо нам известны — Лиза Чайкина и Константин Заслонов.

Мирная жизнь искони держалась на Селигере рыболовством, лесными промыслами, ремеслами и торговлей (селигерский путь «из варяг в греки» и выгодное торговое положение позже). У каждой из приютившихся на берегах деревенок поныне свой нор. Звонком кузнечиков и дремотной тишиной встретило нас Залучье. Кажется, даже собаки лаять тут не обучены и вся деревенька создана для любования ею. На взгорке между водою и лесом как будто чья-то большая рука рассыпала деревянные домики, а по соседству та же рука насыпала холм, с которого видишь эту деревню, леса, уходящие за горизонт, а глянешь в сторону Селигера — кудрявые косы и островки, лес и вода полосами. «Кто в Залучье не бывал — Селигера не видал», — пишет путеводитель.

Тот же путеводитель очень советует заглянуть и в Заплавье. «Вы знаете — Голливуд! Голливуд!» — прокричал нам со встречной моторки знакомый «киношник» из Ленинграда. Мы заглянули в Заплавье минут на двадцать, а пробыли там пять часов, хотя деревня эта, как все другие на Селигере, совсем небольшая.

Очарованье Заплавья начинается с пристани. Видишь какую-то ярмарку лодок, рабочих и праздных туристских, с парусами и без парусов. Дощатые мостики, баньки, деревянные склады и щегольской магазинчик, толчея людей, приезжих и местных, собаки и кошки — завсегдатаи причала, ребятишки-удильщики, местный юридивый. И тут же рыбацкие сети на колях, копенки сена, одноглазые баньки под крышами из щепы. И, обрамляя все, глядит на воду прибрежная улица. Дома пестрые и необычные — то крепость из бревен, то деревянное кружево от порога до конька кровли. И более



всего неожиданно — много домов тут каменных, но построенных и украшенных так, как будто трудился плотник. Так, видно, и было. На одном из крахмально-белых строений читаешь вдруг надпись: «Строил плотник Александр Митриев».

Углубляясь в деревню, чувствуешь, что в самом деле занесло тебя в некий северный Голливуд — смешение строительных стилей, красок, форм и объемов. Все покоряюще необычно, как детский рисунок, наивно и ярко — не деревня, а дымковская игрушка! «Как будто специально для туристов построено», — говорит кто-то идущий сзади тебя. Однако большому туризму в этих краях лет двадцать от роду, а деревенька — старожил Селигера. Не замечая множества любопытных глаз, она живет своей накатанной жизнью. Во дворе за малиново-красным забором слышно — доят корову, на улице перед стайкой туристов посторонились овцы, ходят три лошади около бани. На лодках привезли сено. Молодая мамаша катит младенца в ярко-желтой коляске. Двое соседей через забор выясняют давние отношения. До пояса голый старик варит в огромном котле смолу, а по краю деревни (субботний день!) курятся баньки и сохнут сети.

Заплавье жило всегда и теперь живет рыболовством. Здесьние рыбаки, возможно, лучшие на Селигере, а весь край славен и рыбой, и умением ее ловить. Рыба отсюда издавна шла в Петербург и в Москву. А слава о рыбаках расходилась и того дальше. В 1724 году шведский король обратился к царю Петру с просьбой прислать в королевство двух рыбаков для обучения шведов рыбному промыслу. Понятное дело, царь приказал разыскать лучших. И выбор пал на рыбаков с Селигера. И насколько не удивляешься, когда на гербе столицы здешнего края — града Осташкова видишь три серебряные рыбы.

Город Осташков, как и все здешние поселения,— дитя Селигера. Он жил тоже рыбой, кузнечным и кожевенным ремеслом, славен был знаменитыми богомазами, сапожниками, чеканщиками и оборотистыми купцами, подарил отечеству двух математиков: Леонтия Магницкого (по его учебнику постигал азы арифметики Ломоносов) и Семена Лобанова, читавшего лекции в Московском университете.

В среде уездных городков России конца XVIII — начала XIX века Осташков слыл знаменитостью. О нем охотно и много писали в столичных газетах. Много людей шло и ехало сюда на богомолье, просто «взглянуть на славный Осташков» и даже, как сейчас бы сказали, «за опытом». И было чему подивиться тут ходакам из уездной России. «На грани столетий,— читаем мы у историков,— в Осташкове были: больница, народные и духовные училища, библиотека, театр, бульвары, воспитательный дом, училище для девиц, городской сад и духовой оркестр, мощенные булыжником улицы, первая в России добровольная общественная пожарная команда, в городе почти все были грамотны, жители брили бороды и называли себя гражданами». Не мало для уездного городка! И осташи всем этим, конечно, гордились. Был тут даже и собственный гимн с такими вот строчками:

От конца в конец России
Ты отмечен уж молвой:
Из уездных городов России
Ты слывешь передовой.

Образцово-показательная провинция! Но нам интересно сейчас, что все это было и дошло до нас не слишком поврежденное временем. Бурное течение нашего века уездный Осташков не подмяло, не затопило. Что строилось—строилось в стороне, не разрушая облика городка. Он хорошо сохранился, уездный Осташков. И (диалектика времени!) «уездность» эта с памятниками архитектуры и старины стала его богатством. Он снова столица озерного края. На этот раз столица туристского Селигера.

Сегодня не надо уже доказывать, что Селигерский край разумнее всего использовать для отдыха и радостей путешествия. Это, кажется, все уже понимают. Досадно, однако, что оснащение удобствами и утверждение этого края «национальным парком» (или местом отдыха с иным каким статусом) движутся медленно. Слишком медленно, ибо стихийные, без разумного регулирования, потоки людей могут повредить уникальное на земле место, да и удобства, хотя бы самые небольшие, в путешествиях людям нынче необходимы.

Потоки людей сюда остановить уже невозможно. Наиболее неприхотливые, запасаясь едой и всем, что надо на две-три недели для жизни в лесах у воды, едут сюда зимой и летом. Люди находят тут ценности, в других местах поглощенные городами и громадами производства. Тишина. Чистый, здоровый воздух. Чистые воды. Рыбная ловля. Лес со всеми его богатствами. Своеобразие жизни на берегах. Следы истории. Все это, объединенное символом «Селигер», стоит ныне в ряду самых больших человеческих ценностей. Дело только за тем, чтобы богатством этим разумно распорядиться.

— Прощай, Селигер...

Мы стоим на пристани Свапуща, готовые двинуться к пограничной новгородской земле, к деревенькам, откуда повернули вспять орды Батыя. Белый пароход выплыл из-за полосы леса, помаячил на синей воде и снова скрылся за поворотом.

— Мама, мама, я поймал окуня! — кричит шестилетний рыбак.

— Он маленький. Отпусти его. Лови большого, — отвечает женщина, перебирающая грибы у мостка.

Мальчик с сожалением разжимает в воде ладошку, смотрит, что стало с рыбкой, и снова забрасывает удочку.

Застыли на воде лодки рыболовов серьезных. Неподвижно стоят над озером облачка. Оцепенели леса над гладью.

— Эх, искупаться, что ли, в последний разок! — говорит шофер.

И мы решаем так попрощаться со стариком Селигером...

Об озере много написано. Так же много, как о Байкале. В одной книжке я подчеркнул строчку: «Осмотреть селигеровские владения не хватит никакого отпуска». Верно. Два дня же — это так, мимолетность. И все-таки в памяти что-то осталось. Так при коротком знакомстве запоминаешь лицо хорошего человека и думаешь: мы еще встретимся.

Ключи от Волги

— Ну, вот и пришли. Запоминайте минуту...

Мы оглянулись. На горке виднелась деревня, мимо которой мы только что шли. За нею — дорога по освещенным солнцем холмам и еще одна кроткая деревенька с названием Вороново, а далее лес — хранитель здешнего тайнства, зарождения великой реки.

Лес вековой в полном смысле этого слова. Топор его не касался. Прорубили только дорогу, по которой когда-то ездили на телегах, но теперь дорога доступна лишь пешему. Она почти скрыта пологом елей, огромных душлистых осин, темнотой черемухи и ольхи. Лужи на этой дороге не высыхают все лето. И все кругом пронизано влагой. Шаг в сторону от дороги — под ногой, как губка, сочится мох, упавшее дерево мокро и скользко, грибы тоже какие-то водянистые, и даже позеленевший камень, кажется, будет сочиться, если как следует сжать его в кулаке.

Шумно хлопая крыльями, улетают с дороги не очень пугливые тут глухари. Часто видишь на мягкой глине четкий след лося. Отпечаток собачьего следа? Нет, это волки прошли за лосем. Леший если и водится, то, несомненно, в таких вот лесах, сырых, непролазных и старых, как сам Валдай.

Пеший путь — километров десять-двенадцать — посильное испытание всякому, кто хочет видеть, как зарождается Волга. Сама ее колыбелька, освещенная солнцем, лежит у холмов, поросших ромашками, и входящего к ней встречают оркестры кузнециков. Однако дорога лесом напоминает: места глухие, удаленные от сует, веками лежат они в тишине и покое. Человеку надлежит прийти сюда поклониться и тихо вернуться к шумным своим дорогам.

Размышление это, возникающее у всех, кто приходит к истоку Волги, прервет сообщением: строят сюда шоссе. Новость эта, конечно, должна быть приятна для тех, кто привык уже видеть землю свою из окошка автомобиля. Однако будем уповать на

Тут начинается
Волга...



мудрость тех, кто дорогу наметил: ее ни в коем случае не следует вести до истока. Владельца автомобиля надо понудить хотя бы два-три километра пройти пешком. Только в этом случае в душе его шевельнется волнение от встречи. И сам исток великой реки не потонет в бензиновой гари, в конфетных обертках и сигаретных окурках.

Минуту, когда мы скинули рюкзаки и сели на них — оглядеться, вспоминаешь сейчас, как зарубку на прожитом. Важная это минута, когда видишь то, о чем много раз думал, старался себе представить, к чему стремился давно и только на пятом десятке годов дошел вот сюда.

Маленький ручеек. Вода немного коричневая. Она не течет, а сочится из мхов, от подножия невысоких березок, ив, ольхи и болотной травы. Летают стрекозы, снуют по воде жуки-водомерки, окунек размером с мизинец полосатым тельцем жметя к тонкому стеблю водяной травки. Вода прозрачная и кажется неподвижной. Но вот ты кинул ольховый листок, и вода его медленно потянула в проход между стенками таволги и осоки. Течение есть. И течет это Волга. Хотя странно называть Волгой ключик, который можно перешагнуть, над которым челноком, охотясь на комаров, порхает Резвая трясогузка, в который издали, снизу, заплывают шальные щурята и обнаруживают: пути дальше нет, тут начало реки.

Река-младенец. Через три десятка шагов пересечет ее первый



Хранительница истока
великой реки Нина
Андреевна Полякова

деревянный мосток. Немного дальше встретит она подругу, такую же малую, как и сама, Персянку. И потечет с нею вместе.

Потом еще приток, потом озера, вытянутые по течению воды. А дальше первые лодки, паромы, мосты, водопои, причалы и пристани, катера, теплоходы, водокачки, плотины, каналы. Отразятся в воде селения большие и малые, огромные города, шалаши рыбаков, обрывы, леса, степное небо, речные огни. Почти четыре тысячи километров пути у реки — красавицы и работницы. А тут, в колыбельных лесах, забот у нее никаких. Полуденный сон, тихие детские шалости в камышах...

С горки от старой церкви спускается парень с ведерком.

— Для самовара?

— Для него. Заходите на чай из волжской водицы.

Заметив колебание — можно ли пить прямо тут, из ключа? — парень откинул волосы и, нагнувшись, припал к воде.

— Пейте. Чистая и здоровая. Пили ее всегда. Монахи раньше считали даже целебной.

Вода отдает настоем травы, но холодная и на вкус очень приятная.

— Кошунством кажется даже умыться в этой воде...

— Да, — соглашается парень, — родник... А между прочим, мыли в нем тут сапоги. Сейчас я вам покажу...

Он уносит ведерко в дом на горе и, вернувшись, достает из кармана погнутой черной патрон от немецкой винтовки.

— Тут, под березой, нашел. Дошли сюда. На этом месте как раз снимались — «мы у истока Волги». Дед мне рассказывал: гоготали, мыли в этой воде свои грязные сапоги. Страшно подумать, что стало бы с нами со всеми, если бы там, ниже по Волге, их бы не вернули...

Все, что стало великим, — человеческая жизнь, река, событие, путь, творение — всегда привлекает людей своим началом, истоком: откуда и как пошло? Если хотите узнать поэта, побывайте у него на родине, говорил Гёте.

Исток Волги люди знали давно, хотя научно географы подтвердили его только в конце минувшего века. И надо думать, величие Волги, а не свойство воды заставляло христиан-богомольцев совершать паломничество в эти глухие места, «к святому ручью».

В 1649 году в царствование Алексея Михайловича основан был монастырь, святыней которого был этот ключ, дающий начало Волге. Петр Великий, не слишком благоволивший к монастырям, этот жаловал и вниманием, и средствами, и богослужебными книгами. Однако глушь, удаленность от дорог и бедность местного люда не дали окрепнуть монастырю. Он захирел, и деревянные постройки за год до смерти Петра сгорели. От огня уцелела только часовенка над истоком. Паломники продолжали сюда идти, и часовенку подновляли, а когда она сильно ветшала, «на деньги, собранные в кружку», ставили новую. Нынешний домик с острокопечной крышей традиционен. На многочисленных снимках именно этот домик известен как символ начала Волги.

Домик закрыт на ключ. И эта мера оправданна. Люди бывают тут разные, и место общего поклонения должно быть в покое. Однако всякий, кто пожелает увидеть круг темной воды в полу на сваях стоящего теремка, легко может ключ получить.

«В Волго-Верховье разыщите Нину Андреевну Полякову. Ключи от домика у нее», — сказали провожавшие нас в Осташкове.

Найти старушку проще простого: в Волго-Верховье всего двенадцать домов, а Нина Андреевна — единственное «должностное лицо» в деревне. Зимой она расчищает дорожку к истоку, а летом, когда идет сюда много людей, ее дело — присматривать за порядком.

Нина Андреевна сгребала сено и издали нам покричала:

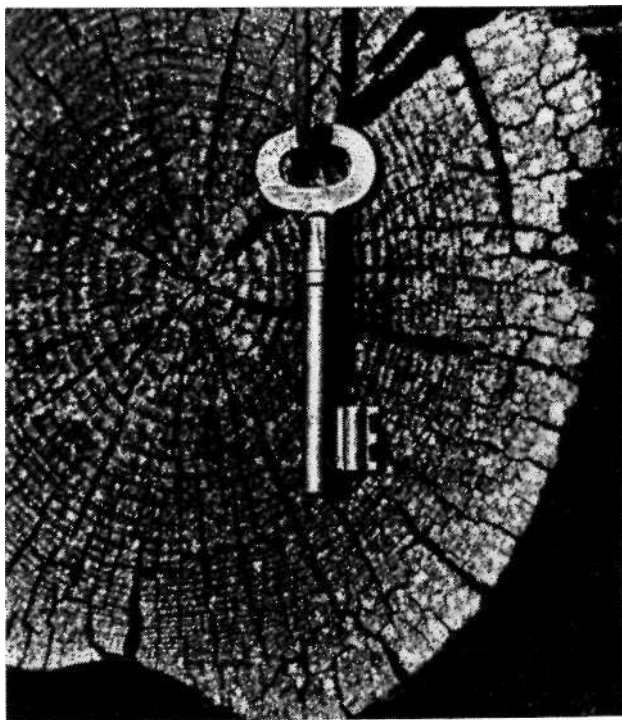
— Ключи от Волги (так и сказала: «От Волги») на гвоздике возле Двери. Открывайте, а я приду.

Ключ оказался на месте, и минут через пять мы стояли в домишке с непокрытыми головами.

Чистые стены, обитые тесом, полосы света через окошки, запах воды и смолы. И вот он у ног, символический круг-колодец, означающий: в этой точке начинается Волга. Аккуратный — метр в поперечнике — круг. Вода таинственно-темная. Движение родниковых струй незаметно, однако оно тут есть. В окошко видно: вода из-под домика утекает.

— Ну, помолились? — улыбается на пороге Нина Андреевна. — Не вы первые, не вы последние. Идут и идут. На горе, слышишь, погомонят, а тут как-то все утихают. Стоят и молчат.

Старуха запирает домик на ключ, черпает из ручья два ведерка



воды и, охотно отдав нести их до дому одному из «паломников», продолжает рассказ-размышление:

— Разные люди. И скажу вам, едут со всего света. Германцы недавно на кино тут Волгу снимали. Попросили цветной платочек надеть. Молодые совсем ребята, обходительные. Японцы тоже снимали. Небольшие росточком, шустрые, головы у всех черные. Тоже не дурные люди...

— Нина Андреевна, вы сами-то Волгу в ином каком месте видали? — спрашиваю я напоследок.

Нет, в другом месте Волгу Нина Андреевна не видала. Шестидесят девять лет живет она безвыездно у истока. Схоронила умершего от ран мужа, взрастила трех сыновей.

— Виктор шофером в Нелидове, Николай в Мурманске большие электрические столбы подымает, Алексей в Баку водолазом. И я вот тоже при должности. Соберусь умирать, скажу, чтобы тут, на горке, и положили. Хочу видеть все, как сейчас вижу.

На прощание мы постояли возле дороги на теплом песчаном холме. Вечернее солнце золотило в низине верхушки леса, удивленно и радостно глядел на мир белобровый домик над родником. Одеяльцем тумана накрылось узкое руслице Волги.

— Люди вот умирают, а она течет и течет... Ну, с богом. Если еще приедете — ключ на гвоздике возле двери.

Раза два мы еще оглянулись помахать старушке рукой и, как могли скоро, двинулись к лесу...

Шли потом уже в темноте, с фонарем. Опять лужи, хлопанье крыльев невидимых птиц. Ярко светились, попадая в луч фонаря, соцветия таволги у дороги. Усталость скрыла на время яркие впечатления дня. Вместо них в голове почему-то всплыли и обозначились древней таинственной связью три слова: Волга, иволга, таволга. В такт шагам они повторялись, следуя друг за другом, несчетное число раз: Волга—иволга—таволга... Под музыку этих слов я, помню, и шел до ночлега.

ИГОРЬ ФЕСУНЕНКО

ОПЕРАЦИЯ «СПАСЕНИЕ В СЕЛЬВЕ»

Документальная повесть



О том, что индейцы приготовились к штурму базы Кашимбо, ее гарнизон узнал случайно. В тот июньский рассветный час, подлетая к базе, командир третьей воздушной зоны бригадейро * Рубен Серпа запросил по радио условия посадки. В этих местах, прежде чем сесть, необходимо, чтобы кто-нибудь проверил, не упало ли дерево на просеку, служащую «аэродромом», не разгуливает ли по ней веадо** из сельвы, чтобы погреться на солнышке. И когда дневальный пошел узнать, все ли в порядке, он увидел в утреннем тумане индейцев. Они прятались за кустами и, видимо, готовились к атаке.

В Кашимбо объявили тревогу. Бригадейро Серпа предупредили, что посадочная площадка окружена индейцами. Бригадейро не растерялся. Как писали впоследствии бразильские газеты, «демонстрируя отличное мастерство вождения самолета и личное мужество, он дважды прошел над полосой и соседним участком сельвы на бреющем полете, почти касаясь шасси верхушек деревьев». Занявшие круговую оборону солдаты видели, как индейцы обратились в бегство, бросая луки, стрелы, боевые дубинки.

Тогда бригадейро приземлился. Приняв рапорт дежурного, он приказал выставить охрану вокруг сараев, в которых размещалась база. Предвидя, что индейцы после его отлета вернутся, бригадейро распорядился не терять бдительности, поддерживать связь с командованием в Белеме и вызвал по радио подкрепление. После этого он

* Бригадейро (португ.)—офицерское звание в бразильских ВВС (здесь и далее прим. авт.).

** Веадо (португ.)—амазонский олень.

улетел, а крошечный гарнизон Кашимбо — дюжина солдат под началом сержанта Гомеса — приготовился к отражению новой атаки индейцев.

В тот же день, 15 июня, офицер гарнизона Белема лейтенант Велли появляется дома намного раньше обычного. «Джип» с работающим мотором стоит у калитки. Лейтенант торопливо целует жену и четырех дочерей:

— Лечу в Кашимбо на несколько дней. Получили приказ бригадейро Серпа отогнать индейцев, которые бродят вокруг базы.

Привыкшая к разлукам жена спокойно смотрит с веранды, как машина, подняв столб красной пыли, исчезает за углом.

На аэродроме Вал-де-Кан все уже готово к отлету. Прогреты моторы старенького «Дугласа» С-47. Полтора десятка солдат поднимаются на борт. На такси подъезжает капитан медицинской службы Пауло Фернандес. Последними прибывают сертанист* Афонсо да Силва и прикомандированный к нему в качестве переводчика индеец Боророти Бетао.

Сделав круг над Белемом, «Дуглас» берет курс на Жакареакангу, где предстоит дозаправка. Солдаты принимают за продукты сухого пайка. Радиотелеграфист Годиньо отстукивает в Жакареакангу просьбу о приеме «борта 2068», как именуется «Дуглас». Командир корабля Ногейра рассказывает второму пилоту свежий анекдот.

В 16.45 «борт 2068» приземлился в Жакареаканге для дозаправки. Никто впоследствии не сумел объяснить, почему он пробыл там свыше пяти часов. Казалось бы, нужно было торопиться: в Кашимбо ждут помощи. И тем не менее «дуглас» вырулил на взлетную дорожку лишь в 21.40, когда на сельву уже опускалась ночь. Словно предчувствуя недоброе, Годиньо, прежде чем подняться в самолет, сказал радисту Жакареаканги:

— Послушай, Мираси... Не отходи от аппарата. У меня пошаливает радиокompас. Ты же знаешь: в этих местах без него как без глаз.

На борту самолета было два радиокompаса. «Пошаливал» второй, первый же не работал уже давно. Инструкция запрещала подниматься в воздух с таким дефектом навигационной аппаратуры. Впрочем, что такое инструкция?.. Люди просят о помощи. Они ждут. И «борт 2068» берет курс на Кашимбо, где, опасливо озираясь, солдаты крошечного гарнизона готовят костры вдоль посадочной полосы.

Через час после вылета радист Мираси в Жакареаканге слышит позывные Годиньо:

«Вышел из строя второй радиокompас. Нахожусь в 20 минутах от Кашимбо. Стараюсь выдерживать курс 85, чтобы выйти на Кашимбо».

Мираси холодеет. Не дослушав до конца, он понял, что случилось непоправимое. Через несколько минут в домике, где находится радиостанция, собираются офицеры и сержанты. Они слушают, как Мираси вызывает Кашимбо и кричит в микрофон:

— Выкладывайте побольше костров! Обливайте бензином кустарник, чтобы пламя было сильнее!

Офицеры и солдаты молчат. Все понимают, что костры —

* Сертанист (португ.) — специалист по контактам с индейскими племенами.

единственный шанс на спасение. Если пилоты не увидят их, самолет заблудится над бескрайними просторами сельвы.

А в самолете царит полное спокойствие. Кроме командира, второго пилота и Годиньо, пока никто не подозревает о случившемся. Солдаты, индеец Боророти и сертанист Афонсо спят. Лейтенант Велли и врач Фернандес играют в карты. Сержант Барбоза, примостившись на ящике с патронами, потягивает трубочку.

— Ну, что они там? — спрашивает у Жакареаканги дежурный диспетчер манаусского аэропорта, только что пожелавший счастливого пути «боингу» «Пан-Америкэн», прошедшему над Манаусом в Каракас.

Мираси не знает, что отвечать. Ему уже ясно, что «борт 2068» прошел мимо цели. В эту минуту он слышит позывные Годиньо: *«Точной позиции не имею. Ложусь на курс 265»*.

Это означало: пилоты, сообразив, что оставили базу Кашимбо в стороне, повернули обратно и вновь пытаются разглядеть во мраке ночи ее костры.

— Сколько у них горючего? — спрашивает у Белема по радио дежурный офицер министерства авиации в Рио-де-Жанейро.

— Осталось на пять часов лета, — раздается в ответ.

Пять часов. Значит, до рассвета не хватит: светать начнет часов через семь.

Так началась трагедия заблудившегося над ночной сельвой самолета. Ярко горят костры в Кашимбо. А где-то за десятки или сотни километров от них всматривается слезящимися от напряжения глазами в черноту ночи капитан Ногейра. И ползет к красной черте стрелка индикатора горючего. Три часа лета, три часа жизни. А Годиньо передает:

— Не могу найти Кашимбо. Ложусь на курс 147, чтобы выйти на реку Тапажос и попытаться по ней определить свои координаты.

— Правильное решение, капитан, — говорит лейтенант Велли, закуривая сигарету.

Через час взойдет луна. В ее свете можно засечь блеск реки. Река — это уже шанс на спасение. Можно определиться, узнав какую-то знакомую излучину. А в случае вынужденной посадки близ реки будет вода и почти верный путь к обитаемым местам. Ведь любая река в этом краю впадает в Амазонку.

А в Кашимбо горят костры. Пришли к приемникам офицеры, диспетчеры, командиры и дежурные в Жакареаканге, Манаусе и Белеме. И дежурный по министерству авиации в Рио-де-Жанейро нервно шагает по кабинету, не зная, будить ли ему министра или обождать еще немного.

Всходит луна, заливая холодным светом темную сельву. Нет внизу реки. Ничего нет.

— Сколько осталось горючего? — спрашивает капитан у бортмеханика.

— На два часа полета, капитан.

— Значит, еще два часа жизни.

И опять радиограмма уходит с «борта 2068».

— Не могу найти Кашимбо. Пытаюсь выйти на Манаус.

Капитан Ногейра поворачивает на север. Впрочем, без компасов одному богу известно, где сейчас север, где юг. Одному богу. Но их ведет в этом полете не бог, а дьявол.

Началась агония.

После того как капитан Ногейра понял, что и Манаус найти не удалось, самолет продолжает лететь без цели, неизвестно куда, радисты Жакареаканги, Белема, Манауса поддерживали с ним постоянную связь. Но чем помочь?

Когда сержант Ботельо сказал командиру, что горючего осталось на двадцать минут, капитан Ногейра скомандовал:

— Все тяжелое — за борт!

Только тогда разбудили сладко дремавшего на мешке с продовольствием семнадцатилетнего солдата Ивана де Брито. Шлепнув его по спине, сержант Барбоза крикнул:

— А ну, давай автомат.

— Что? Зачем? — всполошился мальчишка, только что призванный в армию и твердо усвоивший пока только одно: оружие из рук выпускать нельзя.

За борт полетело все, что могло осложнить посадку в сельву: ящики с патронами, оружие, какие-то пустые бочки, комплекты инструментов. Каждый, как умел, готовился к ужасающей встрече с землей. Доктор Фернандес обернул себя парашютом. Лейтенант Велли и сержант Барбоза натянули спасательные жилеты и надули их. И только пилот капитан Ногейра никак не готовился. Он сидел, глядя прямо перед собой в ночь, крепко сжимая штурвал. И вдруг услышал легкий сбой в левом моторе. Видно, двигатель высасывал последние капли горючего.

Капитан Ногейра не знал, что в эту минуту его самолет проходил над полдюжиной убогих лачуг, именующихся «fazenda Пунья», на правом берегу реки Солимоэс. Из двух десятков живущих на fazende кабюклов один не спал в этот час. Это был старый рыбак Манозл Анибал да Силва, вышедший на минуту из хижины. Поеживаясь на свежем ветру, он услышал рев самолета, идущего куда-то на север, в сторону реки Жапура. Манозл удивился, ибо знал, что никогда не летают здесь по ночам самолеты. Удивился и опять завалился спать.

И в это время — в 4.54 — с «борта 2068» ушла последняя радиограмма: *«Сбросили лишний груз. Горючего нет. Буду садиться на лес. Спасите наши души. Если можете...»*

Стрелка альтиметра уже опустилась ниже отметки «100». Меньше ста метров до земли. А до верхушек деревьев? Капитан Ногейра знал, что они в Амазонии достигают шестидесятиметровой высоты. Вжавшись в пилотское кресло, он сбросил газ и чуть-чуть убрал ручку штурвала от себя...

Грохот врезавшегося в сельву «Дугласа» не был поначалу услышан в Бразилии, занятой в тот день множеством разнообразных проблем. Газеты писали о состоявшейся в Риме свадьбе бразильского футболиста Жермано, умудрившегося покорить сердце знаменитой Дживанны Августы, дочери известного во всей Италии графа. О гигантском пожаре в столице — городе Бразилиа. О резком обострении ситуации на Ближнем Востоке, вызванном захватом израильскими войсками Синайского полуострова.

Некоторые газеты успели дать и информацию о событиях в Кашимбо. «Фолья де Сан-Пауло» опубликовала на первой полосе Десяток строк под заголовком «Индийцы атакуют базу ВВС в Кашимбо». Какая-то провинциальная газета сообщала, что героиче-

ский гарнизон базы Кашимбо ведет кровопролитные бои с полчищами «кровожадных дикарей». Однако в те минуты, когда эти газеты развозили из типографий, уже разворачивалась спасательная операция. Из Рио-де-Жанейро в Манаус вылетел «Дуглас» спасательной команды «Парасар». Была объявлена мобилизация всех военных самолетов на севере и северо-востоке страны. Все радиостанции Амазонии, прервав программы, обратились к местным жителям, рыбакам, охотникам, сборщикам дикого каучука с просьбой принять участие в поисках самолета или хотя бы сообщить, не слышал ли кто-либо в минувшую ночь гула авиационных моторов.

Во всех аэропортах и на военных базах было установлено круглосуточное прослушивание эфира на частотах, отведенных для аварийных сообщений. Но сквозь потрескивание и тихое завывание эфира не доносилось позывных «2068-го»...

Вот что рассказал впоследствии сержант Барбоза: «...когда командир самолета распорядился отправить за борт все лишнее, мы узнали, что будем садиться на лес. Не было на борту паники. Только торопливость, с которой мы выкидывали в открытый люк ящики с патронами и оружие, выдавала нашу нервозность. Доктор Фернандес встал в центре салона и объяснил, что нужно сделать, чтобы смягчить удар. Мы надували спасательные жилеты, как если бы самолет садился на воду, и у меня в голове вертелась одна и та же мысль: «Неужели мне придется плыть в этом жилете?..»

Я прижал какие-то мешки к животу и, укутав голову тряпьем, пригнулся грудью к коленям. Кто-то крикнул: «Внимание!» Мотор чихнул. Я еще крепче обхватил голову, закрыл глаза и стал молиться. В этот миг резкий толчок бросил меня вперед и вверх, раздался грохот, пронзительные крики, и я потерял сознание.

Очнулся я часа через три, не раньше. Почему я так думаю? Потому что самолет садился на лес еще ночью, в полной темноте, а когда я пришел в себя, было уже светло.

Я долго лежал не двигаясь. Боялся пошевелиться. Помню густой туман, свисающие лианы, запах бензина, дыма и легкое потрескивание. Чтобы понять, что это трещит, я повернул голову и увидел в зарослях неподалеку большой обломок фюзеляжа, из которого шел дымок. Это был хвост.

Прошло еще несколько минут, и там, в хвосте, послышался треск: рвались патроны. Потом снова все стихло, и я опять потерял сознание, а когда очнулся снова, была уже ночь, лил дождь. Стало холодно, лицо горело, искусанное москитами. Дрожа, то просыпаясь, то снова впадая в забытие, я пролежал всю эту ночь. Когда рассвело, дождь не прекратился, и я решил добраться до хвоста, чтобы найти там убежище. Ноги у меня ломило, пришлось ползти. По пути я напился воды из лужи и наткнулся на нескольких погибших товарищей. Первым увидел капитана Ногейру. Опознал его по нашивке на левой стороне гимнастерки. Неподалеку лежали индеец Боророти и Афонсо.

Добравшись до фюзеляжа, я обнаружил несколько одеял. Закутавшись, попытался согреться и только тут впервые ощутил голод и окончательно понял, что я не в аду, что еще жив.

Решил осмотреться. Дождь кончился, и солнце, вероятно, вышло из-за облаков. Я судил об этом по тому, что здесь, у земли, заметно посветлело, хотя ни солнца, ни неба увидеть было невозможно.



Остатки самолета словно провалились через кроны деревьев на дно заросшего болота. Посмотрев вверх, я понял, что надежды никакой нет: нас тут не найдут. Просто не увидят, даже если будут лететь над нами совсем низко.

Чувство голода становилось все сильнее. И я решил поискать один из мешков с продовольствием, которые мы везли в Кашимбо. Вылез из фюзеляжа и услышал стон...»

Штаб операции «Спасение в сельве» расположен в Манаусе. В кабинете майора Кардозо на втором этаже аэропорта круглые сутки кипит работа. На столе громадная карта поисковых полетов. Операторы наносят штриховку на уже обследованные квадраты. Входят и выходят пилоты. Одни получают задания, другие докладывают о завершении очередного полета.

Через каждые полчаса перед столом майора возникает очередной репортер из Рио-де-Жанейро, Сан-Пауло или другого города, и майор Кардозо в сто первый раз рассказывает о ходе поисков: «Мобилизованы двадцать три самолета... Поиски ведутся от восхода до захода солнца. Каждый самолет, дойдя до заданного квадрата, ложится на указанный ему курс и следует точно по прямой двести километров. Затем разворачивается (радиус разворота—одна миля) и летит Двести миль в обратном направлении. Затем снова разворачивается и начинает отсчет новых двухсот миль».

Пока майор беседует с репортером, фотограф из той же газеты снимает его в профиль и в фас, потом залезает на стул и запечатляет карту.

А репортер во что бы то ни стало хочет узнать, когда именно будет найден «2068-й». Майор пожимает плечами: «Конечно, мы попытались реконструировать вероятный маршрут «2068-го» после того, как он не вышел на Кашимбо, вплоть до его посадки (майор избегает слов «катастрофа» и «падение»), но задача эта оказалась практически неразрешимой: самолет провел в воздухе после выхода из строя навигационной аппаратуры около шести часов. Несколько раз менял курс. К тому же в эту ночь дули сильные ветры...»

Короче говоря, за двадцать лет своего участия в спасательных операциях в Амазонии майор не помнит случая, когда информация об «инциденте» была бы столь скупой, а район поиска — столь обширным.

«...Стон прозвучал где-то рядом, — продолжает свой рассказ сержант Барбоза, — в густых зарослях по другую сторону фюзеляжа. Продираясь сквозь колючие ветви и лианы, я пополз туда и увидел сержанта Ботелью. Он лежал на спине. Весь в крови. Левая нога у него была сломана ниже колена. Он открыл глаза, увидел меня и заплакал. Я вытер ему лицо, лег рядом с ним на спину и тоже заплакал. Потом мы молчали, ловили открытым ртом дождевые капли, падавшие сквозь этот сплошной полог листьев, лиан и веток, закрывавших нас от неба и от мира. Потом Ботелью сказал, что где-то совсем рядом в кустах он слышал вчера какие-то звуки: хрип или стон. И я отправился ползком на поиски. К тому времени я уже так осмелел, что смог передвигаться довольно быстро, но на четвереньках. Встать на ноги все еще боялся.

За кустами я и нашел лейтенанта Велли. Он лежал без сознания, на груди, около дождевой лужи. Потом он нам объяснил, что еще вчера дополз до этой лужи, чтобы хоть вода была поблизости. У него было сломано бедро, и, как он дополз, я понять не могу. Мы перетащили Велли в хвост самолета. Для этого я лег на землю около лейтенанта лицом вверх, потом мы с сержантом кое-как взвалили командира мне на грудь, и я пополз вместе с ним, извиваясь, на спине, цепляясь руками за лианы и кусты, а Ботелью пополз впереди и указывал дорогу. Теперь нас стало трое.

Лейтенант, придя в себя, принял командование нашей группой. Первым делом он приказал мне наложить шину на ногу Ботелью, а затем осмотреть окрестности, чтобы выяснить, нет ли еще уцелевших.

Я наложил шину и собрался отправиться на поиски уцелевших. Лейтенант взял меня и сержанта за руки и сказал:

— Ни в коем случае не совершайте никаких действий, не советовавшись со мной. Вы знаете, что я инструктор по выживанию в сельве. Поэтому, даже если я снова потеряю сознание и что-то срочное нужно будет сделать или возникнет какая-то опасность, постарайтесь привести меня в сознание. Мой первый приказ: чтобы не отравиться, не пейте воду из лужи и ничего не ешьте, никаких орехов и плодов, не показав мне.

Он сказал это и тут же потерял сознание: видно, много сил стоила ему эта транспортировка в фюзеляж».

Жену лейтенанта Велли привела в сознание старшая, двенадцатилетняя дочка. С веселым криком: «Мамочка, ты еще спишь?» — она прыгнула к ней на кровать. Девочка не знала, что несколько минут назад ее мать услышала по радио сообщение о катастрофе, выключи-

ла радиоприемник и упала в обморок. Роза — так звали жену лейтенанта — очнулась и подняла голову.

— Можно я послушаю музыку? — потянулась девочка к транзистору, стоявшему на тумбочке у кровати.

— Нет! — крикнула Роза. Чтобы не позволить дочери включить радио, добавила: — У меня очень болит голова.

— Ну так я возьму приемник к себе.

— Сначала умойся.

Когда, обиженно надув губки, Мария убежала, Роза встала. Подошла к зеркалу. «Жена офицера должна быть сильной», — часто говорил муж, когда она жаловалась, что он все время пропадает в экспедициях, учениях, полетах.

«Жена офицера. Жена офицера...» Она лихорадочно думала, что предпринять, чтобы девочки ничего не узнали. Сейчас о самолете уже говорит весь город. Знают соседи. И радио говорит об этом через каждые полчаса, прерывая обычные передачи.

«Что делать? Куда девать девочек?» И вдруг пришло решение. Сегодня пятница, она немедленно отвезет детей к своей двоюродной сестре на фазенду «Белла-Виста». Это рядом, в сорока километрах от города. Сестра давно приглашала на субботнюю фейжоаду*. «Сорок километров — это час езды. Сейчас... Сейчас... Сестра поймет, будет молчать. Не скажет девочкам ничего. Радио у нее нет. Газет тоже. Скорей!»

— Лурдес! Мария! Элиана! Тереза! — позвала она высоким срывающимся голосом. — Собирайтесь, мы едем к тете Леонор!

Она выбежала на веранду и увидела двух старших — Марию и Терезу — с застывшими лицами: дочери слушали доносившийся из открытого окна соседнего дома громкий голос диктора «Радиоклуба до Пара», произносящий имя их отца: «...лейтенант Луис Велли...» Диктор читал сообщение о катастрофе «Дугласа».

Первые экипажи вылетают на поиск, когда начинает светать. Это те, кому отведены самые удаленные от Манауса квадраты. За ними уходят остальные, и к девяти утра манаусский аэропорт пустеет. Только у ангара компании «Вариг» застывают два больших вертолета, и на одной из рулежных дорожек стоит «Альбатрос». Этот самолет и вертолеты готовы в любую минуту вылететь по приказу майора Кардозо туда, где будет обнаружено что-либо напоминающее следы катастрофы.

Все остальные самолеты в воздухе. На многих из них наблюдатели-добровольцы: студенты из Манауса, журналисты. Пилоты берут их охотно: веселее в полете. Да и пара лишних глаз не помешает. Правда, добровольцы не выдерживают и часа — засыпают, сломленные однообразием проплывающей под ними сельвы. И только пилоты не имеют права заснуть. Где-то внизу люди, которых надо найти. И пилоты глотают тройной черный кофе из термосов и снова смотрят, смотрят, смотрят вниз.

А вечером, когда самолеты возвращаются в Манаус, пилоты Докладывают о завершении еще одного дня поисков, и их красные глаза слезятся и уже не различают подробностей карты на столе майора Кардозо, на которой заштриховывается очередной квадрат.

* Фейжоада — национальное бразильское блюдо из фасоли и мяса.

Потом они уходят отдохнуть, а майор составляет сводку для министерства авиации с подробным перечислением обследованных за день районов и с кратким планом поисковых работ на завтра.

«...К вечеру того же дня я нашел еще четверых: доктора Фернандеса и трех солдат: Кабрала, Брито и Кальдераро. Правда, Кальдераро на следующий день умер. И таким образом, нас стало шестеро. А погибших — девятнадцать.

Настоящим героем в нашей шестерке оказался солдат Кабрал. Он пострадал не меньше других: у него были сильные ожоги обеих ног и лица, но именно он разыскал где-то нож и сделал костыли для меня и для Ботельо, благодаря которым мы смогли передвигаться. Кабрал все время ползал вокруг, разыскивая что-нибудь годное для нас. Метрах в тридцати он наткнулся на крошечный родник. Это означало, что от жажды мы теперь не умрем. Именно он нашел в обломках самолета обгоревшую банку с сосисками.

— По одной в день каждому, — сказал лейтенант.

Сосисок там было двадцать пять. Значит, на четыре дня. А потом?

Помимо голода нас очень мучил вопрос: ищут ли пропавший самолет, точнее, найдут ли? В том, что ищут, мы не сомневались. Лейтенант все время говорил: «Нас уже ищут и скоро найдут. Я знаю наших парней из «Парасар». Но каждый из нас хорошо понимал, сколь невелик у спасателей шанс обнаружить нас. Ведь они не имели никаких координат.

Через два дня все тот же неутомимый Кабрал разыскал аварийный радиопередатчик «Джибси-герл». Но как привести его в действие, никто из нас не знал. А инструкция, прикрепленная к корпусу, потерялась. Мы начали по очереди вертеть ручку динамо, услышали легкое потрескивание, но этим дело и кончилось».

— Это не радиосигналы, — сказал, снимая наушники, радист Паулиньо. Только что в течение десяти минут он слышал какой-то непонятный, но ритмичный треск на частотах, которые отведены для аварийных радиogramм. — Это не радиосигналы, — повторил он, — но и не атмосферные помехи, не грозовые разряды.

Командир базы в Тефе Октавио тоже слышал эти странные сигналы, но и он не мог понять, что они означают. Впрочем, он не понял бы и переданный по всем правилам сигнал бедствия. Октавио, пятидесятилетний офицер интендантской службы, не разбирался в радиотехнике и вообще был не в ладах с науками. Читать и писать когда-то научился, но дальше этого дело не продвинулось. И все же он обладал немалым чувством ответственности и принял правильное решение:

— Сообщи-ка все это, как есть, майору в Манаус, и пусть он там разбирается что к чему.

В Манаусе радиogramма Паулиньо вызвала интерес. Майор Кардозо направил в этот крошечный поселок своего помощника лейтенанта Силвейру с двумя радистами и мощной армейской радиостанцией.

Пока «Альбатрос» с радистами и Силвейрой летел до Тефе, майор размышлял: «Если эти сигналы действительно посланы «Джибсон-герл» с «2068-го», то район поисков сразу же сужается в несколько раз: спасательная рация может быть услышана в радиусе сто пятьдесят — двести, максимум двести пятьдесят миль. И тогда основ-

ную часть участвующих в поиске самолетов нужно будет перебраться в Тефе».

«Альбатрос» Силвейры не успел пролететь и половину расстояния до Тефе, а слухи о «радиограмме» радиста Паулиньо зажгли Манаус пожаром долгожданной сенсации. Бар в аэропорту опустел, кабинет майора Кардозо подвергся массированному репортерскому штурму. В Рио-де-Жанейро, Бразилия и Сан-Пауло полетели сотни противоречивых телеграмм. Манаусские радиостанции вышли в эфир с экстренными выпусками новостей. Еще через час майору принесли телеграмму от жены лейтенанта Велли: «Ради всего святого подтвердите сообщение телевидения об установлении связи с самолетом».

Когда волна новостей достигла крупных городов и вечерний выпуск «Ултим аора» в Сан-Пауло дал шапку «Сигналы пропавшего самолета?», а рио-де-жанейрская «Нотисия», не мудрствуя лукаво, сообщила, что самолет найден, к этому времени майор Кардозо уже давно переговорил с Силвейрой и выяснил, что никакой обнадеживающей информации у него нет. Загадочные сигналы перестали прослушиваться в Тефе за час до прибытия «Альбатроса».

«...Мы вращали ручку «Джибсон-герл», щелкая наугад тумблерами и переключателями, часа три подряд, пока не выбились из сил и не пришли к выводу, что это бесполезное занятие. Если бы у нас была хоть слабая надежда, что этот проклятый аппарат работает!.. А потом лейтенант Велли вспомнил, что антенна у этой рации сделана в виде воздушного змея, и приказал запустить ее: она сама могла служить опознавательным сигналом, так как яркий, оранжевый змей должен был легко различаться с воздуха на фоне зелени.

Увы, когда проволока антенны была отпущена на всю длину, мы увидели, что змей наш не пробился через кроны деревьев: оставалось метров десять — пятнадцать до «крыши», скрывавшей нас от неба и от спасателей, которые будут нас искать.

Снова уныние овладело нами. Все замолчали, глядя на оранжевый квадратик, который был бессилен нам помочь. И вдруг Кабрал засмеялся. Я удивленно посмотрел на него. А он ткнул пальцем в лицо Брито и сказал:

- Эх, жалко, у меня нет зеркала.
- Зачем оно? — спросил солдат.
- Да чтобы ты поглядел на себя.

Мы все посмотрели на Ивана, на самого Кабрала, который со своей обожженной физиономией был еще страшнее, и рассмеялись. Даже лейтенант улыбнулся, лежа на пустых вещмешках, и ^ которых мы соорудили ему нечто вроде постели.

Однажды сержант притащил показать лейтенанту какое-то пресмыкающееся, напоминающее ящерицу. Тот взял зверька, оторвал ему лапку, и из раны закапал желтоватый сок. Попробовав его на язык, лейтенант сказал:

— Если бы вы мне притащили дюжину, я бы сделал бульон. А так...

Он хрустнул косточками лапки и обглодал ее. Другую лапку съел Кабрал. Я и все остальные тоже получили по кусочку. Иван с отвращением отвернулся.

— Так ты долго не протянешь, — сказал лейтенант.

С каждым днем страдания наши усиливались, а надежда на спасение слабела. Воды в роднике было вдоволь, но голод и раны

подтачивали силы. Доктор Фернандес осматривал по утрам каждого и каждому говорил что-то ободряющее. Но мы видели, что сам он слабеет все больше и больше. И уже не верили в его добрые слова.

Особенно плохо было ночью, когда на нас накидывались москиты «карапана». Их укусы были мучительны. Они вызывали гнойные язвы. От «карапана» не было спасения, и после двух бессонных ночей мы поняли, что лучше спать днем по очереди, чтобы бодрствующий мог охранять спящих от змей, которых вокруг было довольно много. Кроме змей и москитов нас окружало множество муравьев, скорпионов и жуков. Мы ловили их, приносили лейтенанту Велли, и он вместе с доктором определял, съедобны ли эти насекомые.

Больше всего страданий доставлял нам усиливающийся с каждым днем запах от разбросанных вокруг трупов наших товарищей, которых у нас не было сил похоронить.

Не помню, когда это случилось, на четвертый или на пятый день, но помню, что под вечер мы все одновременно вдруг услышали треск сломавшейся ветки. И еще через мгновение — пронзительный крик...»

Из Тефе вот уже двое суток не приходило никаких новостей; радисты, посланные за Силвейрой, не снимали наушников больше пятидесяти часов подряд, но никаких сигналов на аварийных частотах не повторялось. Должно быть, этот Паулиньо, зеленый мальчишка, что-то напугал. Парень полгода назад впервые надел наушники. Разве успел он научиться чему-нибудь?

Скисли репортеры, которым нечего было посылать в газеты. Опустел кабинет майора Кардозо. Уже не шумел маленький бар аэропорта, ставший в эти дни пресс-клубом. Фотографы, отснявшие все, что можно было отснять в Манаусе, потягивали джин с тоникой в ожидании указаний от репортеров, которые тоже не знали, что делать.

За неимением новостей в ход пошел амазонский эпос: кто-то рассказывал о десятиметровой анаконде, кто-то о якобы виденных им каннибалах. Старожилы Манауса вспоминали историю катастрофы 1953 года, когда на подходе к городу исчез самолет компании «Панайр». Он был всего в шести минутах лета от аэропорта, когда вдруг связь с ним оборвалась. Нашли его всего лишь в тридцати девяти километрах от аэродрома. Эти тридцать девять километров спасатели, вооруженные пилами, взрыв-пакетами и прочим снаряжением, преодолели только на четвертый день. Вот что такое амазонская сельва!..

«...В первое мгновение мы чуть не сошли с ума: нам почудился крик человека. Но тут же мы увидели, что кричала макака. Она сидела на ветке метрах в восьми и разглядывала нас, пытаясь, видно, понять, кто мы такие. А мы глядели на нее еще внимательнее, чем она на нас. Нам обязательно надо было увидеть, что эта обезьяна станет есть. Так сказал лейтенант и подтвердил доктор Фернандес: все, что ест макака, пригодно в пищу человеку. И мы смотрели на эту обезьянку и молились, чтобы она съела хоть что-нибудь. Но она ничего не ела. Вероятно, была сыта. Доктор с лейтенантом еще сказали, что и из самой макаки можно сделать неплохое блюдо. Но как ее поймать?..

Мы смотрели на нее, она смотрела на нас, пока Иван де Брито не

повернулся неудачно: под его бедром хрустнула ветка, макака взвилась вверх и исчезла. А солдат заплакал.

На седьмой день, когда мы съели по последней сосиске из банки, найденной Кабралом, над нами появился первый урубун *. Громадный, жирный, с тонкой голой шеей и загнутым книзу клювом. Птица уселась на ветке над нами, и я подумал со злостью, что когда-нибудь еще увижу эту тварь в зоопарке. Увижу ли?.. Пока что этот урубун разглядывает нас так, словно это мы в зоопарке. Потом он взлетел, тяжело пробившись сквозь крону деревьев, и исчез. Вскоре он вернулся с дюжиной других стервятников. И началось самое ужасное: они на наших глазах начали рвать тела погибших...

Сержант Ботелью, опираясь на костыль, бросился к ним, размахивая веткой, и упал. Мы тоже закричали и стали кидать комья земли и сучья.

— Оставьте,— сказал лейтенант.— Все равно не прогоните. Только силы растратите зря. А кроме того... Он помолчал, поднял голову, поглядел на нависшую над нами густую листву, вздохнул и добавил:— А кроме того, они сейчас единственный наш шанс на спасение.

Лейтенант, как всегда, был прав. Он знал, что урубун всегда кружат над местом своего пиршества. Рванут несколько кусков и кружат, переваривая их. И пилоты спасательных самолетов могли обнаружить нас только по этим парящим над сельвой стервятникам.

Инструкция для терпящих бедствие в сельве гласит, что уцелевшим при катастрофе оставаться следует у останков самолета восемь суток. А потом можно начинать самостоятельные поиски реки или человеческого жилища. Поэтому, когда я выскреб восьмую зарубину на полусгнившем стволе дерева, лейтенант Велли распорядился подготовиться к походу. Он сказал, что пора пробиваться куда-нибудь в поисках реки или индейского селения. Впрочем, индейское селение не обязательно означало для нас спасение: индейцы, которых когда-то обидели белые, не прощают им этого и начинают мстить каждому белому, которого они встречают в сельве. Видимо, поэтому появились у Кашимбо те индейцы, из-за которых и начался наш, будь он проклят, полет и все наши мучения. Впрочем, в ту минуту, когда лейтенант Велли приказал нам собираться, никто об этом не думал. И вообще мало кто соображал: от голода, ран, страданий и тоски мы уже начинали терять рассудок».

Когда закончилась первая неделя поисков, уныние, чувство безнадежности начали овладевать даже самыми стойкими из пилотов и самыми оптимистичными из репортеров. Становилось ясно, что через несколько дней поиски будут прекращены. В конце концов даже если предположить, что после аварии кто-нибудь остался в живых, что представлялось маловероятным, то они, следуя инструкции, должны были через восемь суток покинуть обломки самолета. И если останки самолета еще можно было надеяться обнаружить, то кучку людей, бредущих под непроницаемым пологом сельвы, увидеть невозможно.

Все в этих рассуждениях было правильно. Но ни майор, ни Репортеры, дремавшие в баре, ни операторы, методично штрихующие все новые и новые квадраты на карте, ни начальство в

* Урубун (португ.)—стервятник, питающийся падалью.



Бразилиа, ни редакторы газет в Рио-де-Жанейро и Сан-Пауло, постепенно терявшие интерес к судьбе «2068-го», — никто из этой массы людей, прямо или косвенно связанных с операцией «Спасение в сельве», как она была названа газетчиками, не мог знать, что все эти дни по бесконечным притокам Солимоэс спешил в Тефе в утлой лодке рыбак Манозл Анибал да Силва. Тот самый старик, что выходил из хижины в Пунье в ночь катастрофы. На следующее утро, включив транзистор, он услышал о ней, вспомнил о ночном самолете и решил съездить в Тефе.

— Все равно спички и соль уже подходят к концу, — сказала его жена Терезинья. — И не забудь купить керосину, — добавила она, заворачивая ему в тряпицу маниоковые лепешки.

Манозл и не предполагал, какую бурю вызовет его появление в тихом поселке. Уже через десять минут после того, как взволнованный Паулиньо сообщил в Манаус все, что удалось выудить из этого старика, было установлено, что ни один из рейсовых самолетов не мог пролетать в тот час над Пуньей. Еще через двадцать минут майор Кардозо уже сидел в кабине вырливавшего на старт «Альбатроса», повергнув в панику дремавших в баре репортеров.

«...Решение лейтенанта оставить место катастрофы и пробиться через сельву неизвестно куда в поисках спасения никого из нас не обрадовало. Останки самолета все-таки как-то связывали нас с миром. Нам казалось, что бросить их — все равно что тонущему в океане отпустить бревно или доску, за которую он держится. Но никто не стал спорить с лейтенантом. Во-первых, не было сил для

этого Во-вторых, мы знали, что лейтенант лучше нас знаком с правилами и инструкциями спасательной службы.

Поскольку никто из нас не мог идти, мы решили пробираться ползком по течению родника. Может быть, он приведет к какой-нибудь речушке. А речка — это рыба. Хотя кто и как ее сможет ловить?..

Идти должны были четверо: я, сержант Ботелью, Иван де Брито и доктор Фернандес, которого лейтенант назначил старшим нашей группы. Сам лейтенант Велли решил остаться у самолета вместе с Кабралом: он не мог двигаться с самого начала, а Кабрал стал совсем плох за последние три дня. Он уже не говорил, даже руки не мог поднять. Лежал и смотрел вверх. На уруб, которые взлетали и опускались.

Лейтенант назначил наш выход на девятый день. Сборы были недолгими. Мы уложили поудобнее лейтенанта и Кабрала, укрыли их поплотнее и стали прощаться. Все мы понимали, что видим друг друга в последний раз. Но никто этого вслух не сказал. Когда я обнимал лейтенанта, мы услышали, как Кабрал захрипел. Он что-то хотел сказать и не смог. Я наклонился к нему. В глазах парня застыло что-то непонятное. Я наклонился еще ниже и услышал его шепот:

— Тише!

Мы все смолкли.

— Там,— показал он глазами вверх.— Там... Самолет.

Мы замерли, прислушиваясь. Кабрал был прав: сквозь плотную кровлю сельвы проникало чуть слышное гудение мотора.

— Самолет! — закричали все, кто мог кричать.

Брито снова бросился к бесполезному змею, который так и не поднялся над верхушками деревьев. Доктор Фернандес начал крутить ручку динамо у передатчика. На сей раз даже треска не послышалось. Мы плакали, кто-то порывался лезть на дерево высотой с двадцатипятиэтажный дом. Но шум мотора быстро утих.

— Туман,— тихо сказал лейтенант.

И только тут все мы увидели, что действительно густой туман окутывает стволы деревьев, землю и все вокруг.

— Не заметил, — сказал сержант Ботелью».

Теперь вся спасательная авиация была переброшена в Тефе. Здесь собралось более двух дюжин самолетов и несколько вертолетов «Парасар». Несколько гидросамолетов «Каталина» тяжело плюнулось в этот же день на тихое озеро Тефе. Никогда еще со времени своего основания в 1688 году поселок этот, именующийся, впрочем, городом, не переживал ничего подобного. В убогой бакалейной лавке, ближайшей к «аэропорту», полугодовые запасы прохладительных напитков, леденцов, вяленой рыбы и сушеного мяса исчезли за несколько часов, несмотря на то что расторопный владелец Себастьян взвинтил цены сначала в полтора, а потом в два раза. Себастьян плакал от счастья и тихо молился, обращаясь к пожелтевшему строгому лику вырезанной из старого журнала Санта-Терезы — покровительницы Тефе, чтобы хоть изредка происходили авиационные катастрофы поблизости.

Мальчишки играли в пилотов, организуя во дворах и переулках Тефе сотни успешных спасательных операций. Девочки повытаскивали из сундуков банлоновые кофточки и кашемировые платья,

надевавшиеся обычно только дважды в год — на рождество и на июньские праздники Сан-Жоана, и фланировали, поднимая пыль по площади, где стояло здание префектуры. А взволнованный префект Пауло Коэльо пытался решить тысячи свалившихся на него проблем. Облачившись в отглаженный супругой пиджак, сеньор Пауло старался обеспечить ночлег хотя бы для некоторых из участвовавших в операции пилотов и офицеров. Часть людей была размещена на квартирах и в домах «тефеньос». Многие ночевали в самолетах, кое-кто развешивал гамак с противомоскитными сетками прямо у аэродрома. Чтобы как-то выйти из положения, префект уговорил настоятельницу местного монастыря освободить несколько комнат в ее обители для пилотов.

Первый день поисков был неудачным: стоял туман.

— ...Ничего, ничего, — прошептал лейтенант. — Он вернется. Я знаю. Он же видел, что внизу туман. Значит, он должен вернуться в этот квадрат завтра. Или послезавтра.

Дай бог, чтобы лейтенант оказался прав. Сам он так крепко верил в эту мысль, что немедленно отменил приказ о выходе. И мы со вздохом облегчения опустили на землю. Сейчас важно было одно: сохранить силы, как можно меньше двигаться, чтобы дожить до возвращения самолета.

— Барбоза, — тихо захрипел Кабрал.

Я наклонился к нему.

— Там, за родником, — прошептал он, — метрах в десяти в сторону... — Он замолчал и закрыл глаза, видимо отдыхая, потом собрался с силами и продолжал: — Там, за родником, есть просвет... маленький просвет... — Он показал глазами вверх. — Нужно постелить на землю что-то...

Он снова впал в забытие, но мы уже все поняли. Там, за родником, совсем рядом с нами, был небольшой просвет в непроницаемой глухой кроне деревьев. Именно там самолет, падая, повалил дерево и обломил много ветвей, от чего и образовался этот просвет. Лейтенант тоже понял, о чем идет речь, и послал меня, сержанта Ботелью и Ивана расстелить под этим небольшим «окошком» какую-нибудь яркую тряпку и перетащить туда оранжевую антенну от нашей немой «Джибсон-герл». Через полчаса все это было сделано, и мы снова улеглись, прислушиваясь к небу, рядом с лейтенантом и Кабралом.

— Сегодня уже не прилетит, — сказал лейтенант. — Туман. Пождем до завтра.

Одиннадцатое утро операции «Спасение в сельве» было солнечным и прохладным. Вздымая вихри красной пыли, один за другим поднимались «дугласы» и «альбатросы». С озера стартовали «Каталины». Видимость была отличной, и в воздух были подняты все самолеты. С экипажами поддерживалась постоянная связь, однако первые часы никаких сообщений, кроме рапортов о прибытии в заданный квадрат, с самолетов не поступало. И майор углубился в свежие газеты. Мир жил своей обычной жизнью.

Майор перевернул несколько страниц и рассеянно пробежал глазами светскую хронику. Самая элегантная чета в Рио-де-Жанейро — Кармен и Тони Майринк-Вейга — банкетом на тысячу персон отметила десятилетие своей свадьбы. Футболист Жермано, прибывший в Бразилию со своей Джованной Августой, был

встречен в аэропорту толпами болельщиков. И тут в комнату вбежал лейтенант Силвейра:

— Майор, пройдите срочно к аппарату! Экстренное сообщение фаверо.

«...Утром Кабралу стало совсем плохо. Он попросил пить. Я вылил ему в рот несколько капель, и он тут же впал в забытие. Ни у кого из нас уже не оставалось сил. Мы не чувствовали ни голода, ни жажды. Все ощущения, казалось, пропали, кроме одного: нас все сильнее терзал невыносимый запах от тел погибших товарищей.

Доктор Фернандес не осматривал нас в это утро: он уже не мог ни ходить, ни даже ползать, как я, и лежал рядом с лейтенантом Велли. Сержант Ботельо долго не просыпался. Ему, видно, снились кошмары: он стонал и скрипел зубами. Иван де Брито смотрел на сидевшего неподалеку урубубу, и в глазах солдата стояли слезы. Стервятник внимательно смотрел на нас, словно оценивая, кто первым станет его добычей.

Так прошел час, другой... Вдруг мне почудилось, что Кабрал вздрогнул. Я подполз к нему, взял его руку. Она мне показалась какой-то очень тяжелой. Именно в этот момент кто-то из нас сказал: «Самолет». Я хотел крикнуть, но не было сил. Горло сдавило. То же самое происходило и с остальными: мы хрипели, показывали друг другу вверх. Я заплакал. Гул моторов становился все громче и ближе. Тихий доктор Фернандес хрипел какие-то проклятия и грозил кулаком. Сержант Ботельо поднялся, опираясь на костыль. По его лицу тоже катились слезы.

Я снова схватил Кабрала за руку, встряхнул его, чтобы солдат очнулся. Рука была холодной и тяжелой. Рев моторов усиливался. Испуганно шарахнулись в разные стороны урубубу.

— Кабрал! Кабрал! — закричал я. Но мой голос уже никто не мог услышать: самолет в момент этот проходил прямо над нами. Казалось, плотный потолок сельвы колышется и пригибается от рева моторов. Но Кабрал даже в эту минуту не открыл глаза...»

Пилот Фаверо увидел урубубу километрах в ста от точки, где река Тефе впадает в Солимоэс. Несколько дюжин стервятников неторопливо описывали круги над рыжим пятном, выделявшимся на зеленом теле сельвы. Рыжее пятно было образовано группой деревьев ипе-рошо с более светлой, чем остальные, листвой.

Снизившись, Фаверо прошел над ним в бреющем полете. Ничего! Только испуганные «Альбатросом» урубубу шарахнулись в сторону.

Пилот развернулся, прошел еще раз, почти задевая верхушки деревьев, и увидел сквозь листву кусок белой тряпки. Он вернулся в третий раз и готов был теперь поклясться, что сквозь ветви прорисовывалось нечто напоминающее то ли кусок крыла, то ли обломок фюзеляжа.

«...*Вижу останки «2068-го...»* — уходит в Тефе радиограмма Фаверо. Через несколько секунд после этого с аэродрома Тефе поднимается вертолет «Парасар» под командованием капитана Уарани.

С этого гигантского УН-12, повисшего над местом катастрофы, Уарани видит белую тряпку, обломок хвоста самолета, оранжевый Меи «Джибсон-герл», болтающийся под кронами деревьев, и человека, отчаянно размахивающего руками, и другого, лежащего на

«Визу живых!»— уходит в Тефе новая радиограмма.

Все остальные экипажи получают приказ немедленно вернуться на базу. Через несколько минут об обнаружении останков «2068-го» докладывают министру авиации, он тут же звонит президенту страны. Новость узнают в Манаусе, в Белеме, в столице, во всей стране. Экстренные сообщения разрывают неторопливое течение радиопередач. В киосках появляются экстренные выпуски газет.

В эти минуты, когда вся страна обратила свои взоры к Тефе — маленькому поселку на берегу Солимоэс, капитан Гуарани начинает спасательную операцию. Первым делом вниз на длинном тросе спускается ящик, на крышке которого прикреплен записка: *«Постарайтесь успокоиться и прочитайте внимательно все, что написано ниже. В ящике вы найдете продовольствие, аптечку и радиопередатчик, пользоваться которым следует так: 1) разыскать головку антенны на верхней крышке передатчика; 2) потянуть ее вверх, вытащив антенну из корпуса на всю длину; 3) нажать кнопку с надписью «ТРА», включив этим передатчик, после чего спокойно и членораздельно сказать все, что - вам необходимо сообщить. Не торопитесь и не кричите. Говорите только самое необходимое. Сообщите ваше имя. Имена других уцелевших. Скажите, в чем больше всего нуждаетесь в эту минуту.*

После этого нажмите кнопку «РЕК» и слушайте наш ответ. Если мы будем задавать вопросы, отвечайте коротко и ясно.

Успокойтесь. Мы мобилизуем все средства для оказания вам помощи в самое ближайшее время».

Разговора, впрочем, не получается: те люди внизу от волнения, видимо, путают кнопки и тумблеры. Они ничего не слышат. И ничего не могут сказать. Да в этом сейчас, впрочем, уже нет нужды: с борта вертолета сбрасывается веревочная лестница. Первым идет вниз капитан Гуарани.

Идет вниз... Попробуйте спуститься по этой лестнице с шестидесятиметровой высоты на сильном ветру, продираясь сквозь ветви, лианы, колючки! Да когда еще на спине оружие, вещмешок с инструментами, медикаментами, продовольствием.

Спуск в общей сложности продолжается более получаса. И когда капитан ступает, наконец, на влажную землю, он видит перед собой шатающегося сержанта, который, опираясь на костыль, прикладывает руку к пилотке и пытается доложить, как положено по уставу:

— Господин капитан,— говорит он,— разрешите представиться: бортмеханик экипажа сержант Ботельо... Его хриплый голос обрывается, рука падает.

Капитан Гуарани делает шаг вперед, поддерживает и прижимает к себе обмякшее, ставшее вдруг непослушным и тяжелым тело сержанта.

В заключение несколько слов от автора. Сенсационное спасение пятерых человек с «2068-го» приковало в те дни внимание всей Бразилии. Газеты, радио, телевидение подробно описывали эвакуацию уцелевших после катастрофы из непроходимой сельвы. Репортеры не жалели красок, рисуя драматические сцены их встречи с семьями. Реки слез были пролиты, когда стала известна трагедия

мужественного солдата Кабрала, который так много сделал для спасения своих товарищей.

Толпы людей в Манаусе, Белеме и других городах встречали и провожали в последний путь останки погибших. Жена сержанта Афонсо от горя лишилась рассудка; жене индейца Боророти никто вообще не удосужился сообщить, куда исчез ее муж. А вот вдове капитана Ногейры была назначена пенсия, а сам капитан был похоронен в Рио-де-Жанейро под грохот воинского салюта. Его гроб опускал в могилу министр авиации...

Долго не затихал шум в прессе в связи с этой, как писали газеты, «самой крупной - в истории Южной Америки спасательной операцией». Но никто не задумался о том, во имя чего были принесены эти жертвы.. Ни одна из бразильских газет не сообщила своим читателям что тревога, поднявшая в трагический полет «Дуглас» капитана Ногейры, оказалась ложной: в то самое утро, когда разбился «2068-й», было установлено, что индейцы, «осаждавшие» Кашимбо, и не помышляли о нападении на базу.

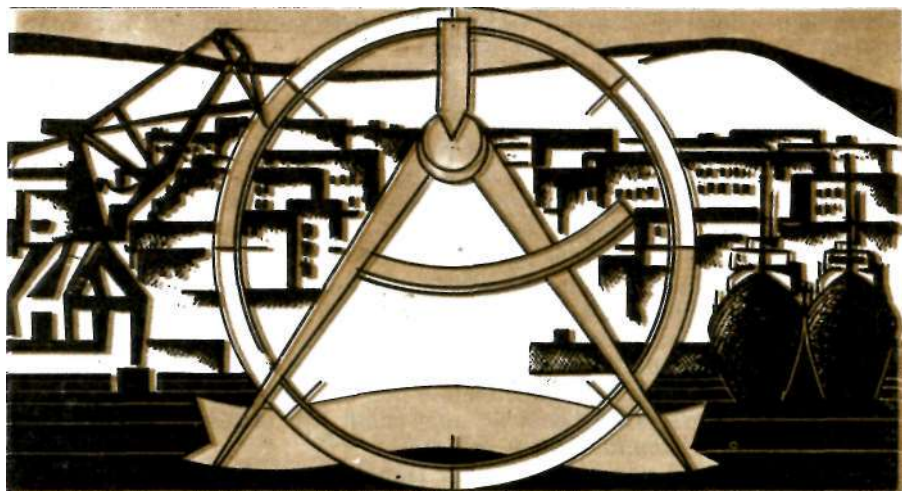
Сертанисты среди брошенных убежавшими индейцами предметов нашли детские игрушки и женские украшения. Опрошенные впоследствии солдаты Кашимбо подтвердили, что среди «нападавших» они видели женщин и детей. Увы, ни бригадейро Серпа, отдавший приказ об отправке в Кашимбо подкрепления под командованием лейтенанта Велли, ни солдаты этой базы не подумали, что индейцы никогда не идут на войну с женщинами и детьми!

В тот утренний час, когда солдат Парделла обнаружил «дикарей», они шли в Кашимбо с мирными намерениями. Может быть, они нуждались в помощи или хотели обменять свои бусы и серьги на спички и мыло? Об этом теперь можно только гадать: напуганное самолетом бравого бригадейро племя бесследно исчезло в сельве, и с тех пор о нем нет никаких вестей. Так кто же виноват в трагедии «2068-го»?

КАРЕМ РАШ

ЛЕДОВЫЙ КЛАСС

Очерк



Дизель-электроход «Капитан Бондаренко»—корабль усиленного ледового класса типа «Амгуэмы». Водоизмещение—14 200 тонн. Длина по ватерлинии—133 метра. Спущен на воду в Комсомольске-на-Амуре. Флаг поднят на корабле 2 февраля 1967 года

«Броненосец»

Морская практика и выработанный ею язык не терпят приближенности. Постараемся не нарушать этой традиции, рожденной суровой необходимостью. За ротозейство, беспорядок или расчет на «авось» море наказывает безжалостно. И это не могло не породить у моряков особой собранности, ясности и точности в действиях и лексике.

Я начал с традиционной краткой характеристики судна, которое хорошо знают во всех портах Дальневосточного бассейна. Однако «Капитан Бондаренко» заслуживает более близкого знакомства. Трудно найти судно, которое лучше бы подходило для этого бассейна, самого большого в нашей стране и самого сложного по условиям плавания. Эта истина общепризнана в среде моряков. Такое сочетание природных каверз, подстерегающих моряка, трудно сыскать. Летом туманы, осенью свирепые штормы, зимой десятибалльные льды, обледенения, высокие приливы, и все это выпадает на долю скромного «каботажного», которому надо доставить груз по

назначению в определенный пункт. Грузы подразделяются на три категории. Массовые включают в себя наливные грузы, такие, как нефть и нефтепродукты, жиры, масла. К массовым же относят навалочные — уголь, руду, соли; туда же причислены насыпные — зерно, порошкообразные и пылевидные. Следующая категория — грузы генеральные; они упакованы в разнообразную тару — ящики, бочки, контейнеры, пакеты, но есть и без упаковки — машины, трубы, станки.

Наконец, третья категория — особорежимные грузы. Это скоропортящиеся продукты, всевозможные опасные материалы и живой скот.

«Капитан Бондаренко» взял на борт в заливе Посьета пять тысяч тонн клинкера — сырья для производства цемента — и более трех тысяч тонн чистого цемента. В Находке ему догрузили дорожные катки, вездеходы, самосвалы и грузовики. Вышли в море, имея на борту восемь тысяч сто семь тонн груза, который по специфическим транспортным категориям относят к массовым и генеральным. Забыл спросить у капитана, доводилось ли ему возить живой скот, но продовольствие он берет на борт нередко. Значит, знаком со всеми категориями грузов.

Судно это универсальное, как говорится, «мастер на все руки». Если добавить сюда хорошие мореходные качества корабля, построенного, как говорит капитан Евгений Иванович Осьмак, «без затей, но добротнo, словом, по-русски», корабля, способного пробиваться через десятибалльные льды, то станет бесспорным вывод, что «Капитан Бондаренко» заслуживает внимания. Не зря всю эту серию судов, начиная с «Амгуэмы», моряки уважительно именуют «броненосцами». И пусть они неказистые с виду. Кораблю, который грудью крушит льды, не до изящных очертаний.

Отсутствие элегантности с лихвой восполняется богатырской силой и маневренностью. Что касается силы, то ею «Капитан Бондаренко» не обделен. У него четыре главных дизель-генератора харьковского завода транспортного машиностроения имени Малышева. Это несколько модифицированные четыре полновесных тепловозных двигателя по тысяче восемьсот лошадиных сил. Каждый из них крутит свой генератор, а вся могучая четверка вращает четырнадцатитонную махину винта из нержавеющей стали.

Коль Дальневосточный бассейн самый сложный по мореходным условиям, решили корабель, то тут должны быть и суда особого ранга. Так родились «броненосцы» целой серии — первые дизель-электроходы отечественного производства, Их можно было бы назвать морскими вездеходами. Не зря радистов с «Капитана Бондаренко» знают по именам метеорологи всех полярных станций, отвечающие за проводку судов от Чаунской губы в Ледовитом океане до залива Креста в Беринговом море. Только когда забивает льдами Чукотское море, да так, что не пройти и хорошему ледоколу, «Капитан Бондаренко» меняет курс и возит грузы в Магадан, как в том Рейсе, о котором речь впереди.

Себестоимость перевозок по морю ниже, чем на любых других видах транспорта, — это хрестоматийная истина. Она верна даже и в суровых природных условиях. Морская дорога не знает ухабов, ей неведомы подъемы и спуски, она не требует ремонта, задержка в пути из-за льдов и штормов окупается другими преимуществами.

Грузооборот Морского флота СССР приближается к тысяче миллиардов тонно-километров. Суда под советским флагом заходят в тысячу сто портов, их можно встретить во всех морях и океанах.

«Капитан Бондаренко» только один из многих сотен советских судов. Однако в рейсах таких кораблей есть чрезвычайно важная особенность. Она связана с «островным» положением нашего Дальнего Севера, куда грузы, по крайней мере большинство из них, могут быть доставлены только морем.

Вот и попробуем увидеть за рядовым рейсом более широкую картину, как бы раздвинем горизонт. Прежде всего окинем взором «театр боевых действий» нашего славного «броненосца». Это весь Дальневосточный бассейн, и плавать придется судну круглый год вдоль восточных границ нашей Родины.

Берег отечества

Площадь Дальневосточного бассейна равна Черноморскому, Балтийскому и Северному морским бассейнам, вместе взятым. На долю Дальневосточного бассейна приходится треть морских границ Советского Союза.

Передовые русские люди прекрасно осознавали роль Тихого океана в судьбах России. Если Охотское море — колыбель Тихоокеанского флота России, то такая суровая колыбель и должна была взлелеять мореходов своеобразного склада. Весь «берег отечества», как издавна именовали Тихоокеанское побережье, пестрит на карте именами офицеров и кораблей, ставшими легендарными уже при жизни. Василий Головнин, Гавриил Сарычев, Федор Литке, Фердинанд Врангель, Федор Матюшкин, Степан Макаров — всех не перечислить.

Они на Тихом океане прошли блестящую школу, которая позволила им в будущем руководить всем русским флотом и его верфями. При несходстве судеб все они были не только «лихими моряками», но и первоклассными учеными, все стали знаменитыми адмиралами. В известной мере Тихоокеанский флот был кузницей русских адмиралов.

Совсем не случайно Пушкин так упорно искал в архивах материалы по истории Петра, и еще менее случайно, что среди его предсмертных набросков — эскизы к роману о Камчатке. Зрелого Пушкина не могла тронуть экзотика. Здесь интерес более глубокий. Поэтический дар у него всегда сочетался с мышлением государственным, народным. Он не мог не знать, как и его современники-декабристы, что история, по сути, не знает ни одной подлинно великой страны, которая не была бы одновременно великой морской державой. С первыми «кругосветками» в русскую жизнь как бы ворвался свежий морской ветер, вызывая восторг будущих декабристов и их друзей.

Дальневосточный морской бассейн вытянут по меридиану от субтропических до полярных широт. В заливе Петра Великого выращивают морскую капусту, промышляют морским гребешком, а в Арктике, на севере того же бассейна, бьют моржей и тюленей. На юге тигры — на севере белые медведи. В Приморье могучие кроны пробкового дерева, опутанные лианами, — в тундре карликовые березки, столь малые, что гриб, вырастая, накрывает некоторые из них шляпкой, как зонтом. И так во всем. Контрасты в море, на суше

и в небе, от вспышек северного сияния до теплых ливней и радуг на юге. Но где-то в середине этого пути север сходится с югом, и тогда можно встретить и в море, и на суше удивительные сочетания северной флоры и фауны с южной. Там по одной и той же тропе ходят соболи и тигры.

Моря бассейна глубоководны. На широких просторах при большой глубине регулярно повторяющиеся сильные ветры вызывают такие штормы, что Берингово и Охотское моря давно отнесены моряками к числу самых каверзных. В этих морях волнения свыше шести баллов встречаются в два раза чаще, чем в Японском. Большая протяженность морей с севера на юг, естественно, сказывается и на разности температур поверхностного слоя. В феврале нулевая изотерма поверхностных слоев опускается до сороковых градусов северной широты.

Для дальневосточных морей характерны муссоны. Зимой преобладают северо-западные ветры, а летом, с мая по август,— устойчивые южные и юго-восточные. Зимой у северо-западных берегов Охотского моря дуют сильные ветры типа бора. Когда над холодными течениями летом пронесится теплый и влажный муссон, море обволакивает такой туман, что с ходовой рубки не видно на носу впередсмотрящего. Суда тревожно гудят. В бассейне бывает до двухсот пасмурных дней.

Чаще всего хребты тянутся вдоль берега и круто обрываются в море. Хорошо защищенных естественных гаваней мало, и во многих районах разгрузка идет на открытых рейдах. Моряки называют эту операцию «самовыгрузкой», добавляя к этому крепкий эпитет. Никакая инструкция тут не поможет. Нужны воля, выучка и любовь к морю. Каждая «самовыгрузка» у какого-нибудь рыбацкого поселка — это боевая десантная операция, требующая искусного маневра.

Создав неудобную береговую линию, природа как бы устыдилась собственной несправедливости, подарив несколько прекрасных гаваней. Это, во-первых, бухта Золотой Рог, на берегу которой стоит Владивосток. Затем Советская Гавань и, наконец, на Камчатке Петропавловская бухта Авачинской губы, самая глубоководная. Она на тринадцать миль врзается в полуостров. Ее зеркало — двести пятьдесят квадратных километров. С океаном бухта соединена узким проливом.

И такие города, как Магадан, Находка или Корсаков, не могут пожаловаться на свои гавани: они достаточно глубоки и обширны.

Одна из грозных опасностей, подстерегающих моряков с ноября по март,— обледенение. При отрицательной температуре воздуха и сильном ветре мачты, ванты, палуба, борта быстро покрываются льдом. Им обрастает рангоут, шлюпки, крышки люков, лобовые стенки. Борьба со льдом, скалывая его, бесполезно. При температуре воздуха минус четыре — восемь градусов и скорости ветра Десять — тринадцать метров в секунду лед нарастает до четырех тонн в час. Судно превращается в бесформенную ледяную массу. Для малых судов это особенно опасно. Корабль переворачивается под тяжестью льда, теряет плавучесть и скрывается в морской пучине.

Сейчас существует служба предупреждения о надвигающейся опасности, использующая современную технику. Суда могут своевременно уйти из опасной зоны. Кроме того, круглый год в Охотском море дежурят спасательные суда «Дальрыбы». А каково было

плавать в этих водах малым парусникам, которым оставалось только уповать на милость божью?

Ну а можно ли не упомянуть о цунами? От Алеутских островов через Камчатку вдоль Курил и до Японского архипелага протянулась цепочка вулканов. По этой же линии проходит зона наибольшей сейсмической активности. Эту беспокойную цепь вулканологи называют «ожерельем Плутона». Иногда на противоположном берегу Тихого океана, в районе Перу, происходит землетрясение. Это тоже порождает цунами. В открытом океане такая волна почти не ощутима, хотя несется она со скоростью реактивного самолета—от 900 до 1500 километров в час. Скорость обычной волны, рожденной ветром, в десять—пятнадцать раз меньше. Достигая мелководья, «волна цунами» снижает скорость, но зато начинает горбиться и увеличивает ударную мощь. Динамическая сила такой волны в тридцать метров высотой наносит портам ужасающие разрушения, а корабли в гавани свиряет на высокие холмы.

Одна из самых высоких волн была зарегистрирована в районе Северо-Курильска, на острове Парамушир. В Охотском море цунами не опасны, так как разбиваются о гряду Курильских островов и Камчатку. Зимой, когда пролив Лаперуза забивает льдами, суда из Магадана возвращаются во Владивосток не через Охотское море. Они проходят один из проливов на севере Курил, выходят в Тихий океан, идут вдоль островов в цунамиопасной зоне, затем входят в Японское море южным проливом.

Первое русское руководство для плавания в Охотском море вышло в 1907 году под названием «Лоция северо-западной части Восточного океана». Составил его офицер русского флота капитан С. Р. Де-Ливров с учетом всех данных, собранных ранее командирами русских военных кораблей. В 1923 году была издана новая лоция — итог работы Гидрографической экспедиции Восточного океана. В этих работах, а также во всех научных трудах, где дается физико-географическое описание Охотского моря, особое место отводится заливу Шелихова и району Шантарских островов. Здесь приливные волны достигают в высоту более десяти метров. Это практически неисчерпаемый источник энергии. Только одна приливная электростанция у Шантарских островов, в устье реки Колпаковой, по подсчетам экономистов Дальневосточного научного центра, сможет давать десять миллионов киловатт-часов в год. Если на реках ставят каскады ГЭС, то в обширных районах Шантар и Пенжинской губы залива Шелихова можно воздвигнуть такое количество ПЭС, мощность которых составит около половины мощности всех электростанций СССР.

Не за горами день, когда вырастут по Амуру и в Приморье, и на Охотском побережье, и на Камчатке миллионные города. Зашумит на этих берегах полнокровная жизнь, шагнут в море тысячи причалов с кранами, и «берег отечества» станет фасадом России на Тихоокеанском побережье. Мечта всех лучших людей России непременно сбудется.

Дальневосточный регион уже по разведанным запасам обладает могучим потенциалом. То, что Байкало-Амурская магистраль породит ряд мощных территориально-производственных комплексов, давно уже не новость. А зона эта только часть Дальневосточного региона.

Миллиарды тонн железной руды хранит хребет Большой Хинган. Ее добывают недалеко от залива Ольги в Приморье. Там же, у залива Тетюхе, начали добычу полиметаллических руд; запасы их внушительны. Там свинец, олово, цинк и медь, а рядом марганец и молибден. На Камчатке есть медь, Чукотке — олово, Колыме — благородные металлы. На базе рудоугольного сырья работает в Комсомольске-на-Амуре такой гигант, как «Амурсталь». На Сахалине вдоль северо-восточного берега тянутся нефтяные вышки. Экономисты знают, что если поставить на службу человеку геотермальные воды Камчатки, то она будет полуостровом без единой дымящей трубы. Горячая вода обогреет дома, даст электричество, согреет парники. Камчатка могла бы обеспечить овощами весь Северо-Восток. Приморье и Хабаровский край должны стать крупными производителями животноводческой продукции.

Прежде чем вернуться к экипажу «Капитана Бондаренко», взглянем еще раз на те заливы Охотского моря, куда в сутки два раза со скоростью бегущей вскачь лошади несутся могучие приливные волны, создавая водовороты, наполняя гулом окрестности и поворачивая вспять воды рек в устьях. Суровая красота этих мест притягательна. Кто знает, может, очень скоро они станут так же хорошо известны в нашей стране, как волжские берега или Валдайская возвышенность.

«Холодильники» Охотского моря

Сейчас судам, не имеющим рации, не рекомендуют появляться в районе Шантарских островов. Здесь все начинается неожиданно, будь то шквальный ветер, водоворот или штормы. Эти острова лежат к северу от залива Академии. Находясь приблизительно на широте Москвы, этот район один из самых студеных, чему способствует выход на поверхность холодных глубинных течений. В архипелаге четыре больших острова — Большой Шантар, Феклистова, Малый Шантар и Беличий в созвездии малых островов. Эти «крепости» поставлены природой при входе в заливы по всем правилам фортификации. Они господствуют над водами. На Большом Шантаре горы достигают семисот метров, но склоны гор сглажены. Долины и склоны покрыты смешанными лесами. Плавание у этих берегов опасно из-за сильных приливных течений, которые бурлят в узких проливах, внезапных штормовых ветров, густых туманов, плавающих льдов.

В Дальневосточном бассейне самые суровые ледовые условия в Охотском море, ну а в последнем — у Шантарских островов. Лед здесь в иные годы держится до середины августа. Здесь хватает и собственного льда, но всю весну и лето течение, которое в Охотском море движется против часовой стрелки, приносит из других районов льды и забивает ими бухты.

Северо-Восточным проливом можно пройти между островами Большой и Малый Шантар. Ширина его между мысами Успения и Филиппа более четырех миль. Здесь находятся камни Диомиды, которые делят пролив на два прохода и о которые разбиваются громадные массы воды, создавая адский шум и грохот. Под водой прчутся острые скалы.

Пенжинскую губу залива Шелихова можно найти на карте сразу.

Она занимает весь крайний северо-восток Охотского моря и вдается в материк на 110 миль.

Капитан Осьмак на предложение рассказать об этих местах усмехнулся с видом человека, которому известно нечто неведомое людям. Здесь он еще старпомом проходил школу «самовыгрузки», пытаясь перехитрить приливы и отливы.

Скорость ветра в заливе Шелихова достигает во время шторма сорока пяти метров в секунду. Если учесть, что здесь и летом не тепло, то работу на открытом рейде под таким ветром словами описать трудно. Это надо испытать. Восемь месяцев в году среднемесячная температура в заливе отрицательная. А когда, наконец, потеплеет, судно окутывает густой и сырой туман, а берег пропадает из виду надолго. Зимой господствуют—это слово подходит как нельзя лучше—свежие северные ветры. Приходит время пурга. Сила ветра такова, что на него можно как бы опереться и висеть в воздухе. Ни неба, ни земли, ни гор не видно сквозь вихри снега. Заблудиться можно в нескольких метрах от дома.

Впрочем, ото льда залив Шелихова освобождается на несколько месяцев раньше, чем Шантары. В начале мая приливы и отливы взламывают припай, и течение уносит льды в открытое море—как мы теперь знаем, не куда-нибудь, а к Шантарским островам.

В заливе Шелихова и у Шантарских островов, в двух самых сумрачных углах Охотского моря, забьется со временем энергетическое сердце края, чтобы залить светом берега моря.

День за днем

Экипаж «Капитана Бондаренко» — 54 человека. Переход из Владивостока в Магадан занимает неделю, иногда и пять суток по хорошей воде. Неделя за неделей в рейсах и на стоянках расписаны по дням и часам. Один из дней недели отводится технической учебе экипажа, другой — политзанятиям, третий — командирской учебе. В определенный день проводятся учебные тревоги по борьбе с пожаром, устранению течи и борьбе экипажа за непотопляемость судна и его живучесть.

Сегодня пятница. Исполняется маневр «человек за бортом», при котором вахтенный штурман обязан застопорить машину и так положить руль, чтобы отвести корму судна и не втянуть человека в воде в струю, создаваемую винтами. Пока корабль маневрирует, команда готовит концы, шторм-трапы и грузовые сетки.

Пожар — огромная опасность на корабле. Правда, применяются огнестойкие конструкции переборок, палуб, шахт и вспомогательных выгородок, но ведь современный корабль несет в танках массу горючего, весь пронизан электрическими кабелями.

После сигнала учебной тревоги палуба гудит от топота ног, хлопают двери кают. Моряки взлетают по трапам, разбирают пожарные рукава и огнетушители, надевают огнестойкие костюмы, спасательные пояса с тросами, рукавицы. Появляются взрывобезопасные фонари, пожарные покрывала-кошмы и пенообразователи.

Наконец, занятия по оставлению судна в случае его неминуемой гибели. Дрейфующий корабль покидают через наветренный борт, а судно, имеющее крен,— через нос или корму. Экипаж отрабатывает все варианты, готовя к спуску шлюпки и плоты. Радист должен

взять аварийную рацию, которая в железном ящике под пломбой всегда стоит в ходовой рубке.

Учения заканчиваются. Раздается сигнал отбоя. Моряки расходятся по своим местам.

Один из матросов, шутя, объясняет учительнице Людмиле Ивановне Филипповой, что прыгать за борт надо ногами вниз, плотно сдвинув их вместе. Людмила Ивановна, насмешливо прищурившись, слушает. Бойкий матрос предлагает ей прыгнуть с большой высоты, обхватив спасательный жилет руками. Людмила Ивановна парирует: «Если бы так же четко отвечал на уроке».

Она преподаватель истории и географии Приморской краевой заочной школы плавсостава. Учителя пересаживаются с судна на судно, сменяя друг друга. Занятия идут по три часа в день между вахтами. На больших судах занятия ведет целая группа педагогов. Помимо школьных занятий они проводят конкурсы, вечера, читают лекции.

Однако «Капитан Бондаренко» не учебный комбинат, как может показаться по его насыщенной учебной программе, а производственная единица. Все сборы, совещания, командирские собрания посвящены производству. Фрахт в предыдущем рейсе равнялся 147 тысячам рублей. Фрахт — это стоимость перевозки. Из нее надо вычесть 84 тысячи рублей, израсходованных на горючее, содержание экипажа и амортизацию оборудования. После этого остается чистая прибыль судна за рейс.

Сдать груз без потерь и выйти скорее в открытое море — это стремление любого капитана, которое разделяет с ним и весь экипаж. Это означает увеличение нормы прибыли, за что борется весь экипаж. Палубная команда соревнуется с машинной, а в целом «Капитан Бондаренко» соревнуется со своим собратом — «броненосцем» «Капитаном Марковым».

Моряки стараются взять больше груза и уложить его без коммерческого брака, то есть надежно закрепить его, плотно закрыть трюмы, проверить насосы. Каждая вахта промеряет уровень воды в колодцах, ведь подмочка груза — бич торгового флота. Все это заботы палубной команды.

Машинное отделение — многоэтажный цех со сложными переходами, зыбкими трапами. Гул здесь такой, что надо кричать на ухо собеседнику. От многочисленных пультов и рычагов с непривычки рябит в глазах. В машинном отделении 28 человек: механики, электромеханики, мотористы, электрики, ученики.

Ледовые рейсы требуют удвоенного внимания и бдительности от всего экипажа. То и дело кингстоны забивает шугой, когда насос качает забортную воду для охлаждения масла и пресной воды. Раньше каждый год судно становилось на текущий ремонт. Теперь «броненосцы» эксплуатируются без такого ремонта два года. Машинная команда выполняет работы заводского характера, ремонтируя силовую установку на ходу и во время стоянок.

Экипаж перекрыл годовой план пароходства по прибыли, хотя 12 дней пришлось простоять в Магадане из-за поломки винта (водолазы ставили новую 2,5-тонную лопасть).

Арктические рейсы, пожалуй, труднейшие в морской практике. Надо обладать незаурядными качествами командира, чтобы держать судно в исправном состоянии, перевыполнять план, не иметь ни



одного случая аварии или травм среди экипажа. Капитану Осьмаку говорят, что его судно — подлинная кузница кадров. Одни к нему в команду попадают на перевоспитание, другие проходят крещение «ледовым классом», а потом переходят на другие суда уже бывалыми моряками.

Каждый рейс «Капитана Бондаренко» и десятков подобных ему судов сближает и связывает друг с другом рудники, города, заводы. Морские пути оказывают влияние на формирование приморских территориально-производственных комплексов, на развитие морского капитального строительства, машиностроения и судоремонта. Морские пути обладают практически не ограниченной пропускной способностью, но они находятся в тесной взаимосвязи с наземными шоссейными и железными дорогами, воздушными путями. Таким образом, наш скромный и трудолюбивый каботажник «Капитан Бондаренко» находится в центре сложного переплетения хозяйственных взаимосвязей. А пока, говоря просто, моряку нужен хороший дом, кораблю — механизированный порт, всем судам — добротный судоремонт, а бассейну — первоклассные верфи.

Русское судоходство развивалось, испытывая «тиранию льдов» на морях, реках и озерах, как ни одно другое судоходство в мире. С первым дыханием зимы суда спешили укрыться в надежные гавани, и оживленные морские дороги на долгие месяцы полностью замирали. Самая короткая морская дорога из Европы в Азию — это Северный морской путь. Но долгое время им не могли воспользоваться. Вызов Севера был принят русскими моряками. Они первыми

пробили брешь в ледяной броне. Это вполне объяснимо. Самая крупная в мире северная страна естественным ходом вещей была предназначена в лидеры в борьбе с «тиранией льдов». Сейчас мы располагаем атомными, линейными, портовыми, мелкосидящими речными ледоколами. Их можно встретить на реках, в озерах, на морях и в высоких широтах вплоть до Северного полюса.

История ледового флота началась немногим более ста лет назад в Финском заливе. Ранние морозы в 1864 году сковали Финский залив. И вдруг жителей Ораниенбаума облетела весть, что в порту бросил якорь пришедший из Петербурга пароход «Пилот», принадлежавший купцу Бритневу. Это было неслыханно. Жители города устремились к гавани, чтобы собственными глазами увидеть это чудо.

«Пилот» же невозмутимо дымил, демонстрируя жителям свой необыкновенный закругленный нос, благодаря которому он не упирался в лед, а наползал на льдину и давил ее собственной тяжестью. Льдина раскалывалась, а «Пилот», продвинувшись, наползал на следующую. Таким образом, он, строго говоря, не колол льды, а продавливал их, но название «ледокол» закрепилось за подобного типа судами сразу, хотя техническая идея осталась неизменной.

В 1871 году замерз Гамбургский порт. В Петербург прибыли немецкие инженеры и купили у Бритнева чертежи его «Пилота». Так Запад начал строить ледоколы.

В России дело продвигалось медленно. Понадобились недюжинные энергия и настойчивость адмирала С. О. Макарова, чтобы преодолеть косность царских чиновников. Адмирал сразу оценил достоинства «Пилота» и ту неоценимую услугу, какую могут оказать ледоколы России с ее замерзающими морями.

В 1898 году по его проекту был построен первоклассный по тем временам ледокол «Ермак» водоизмещением 8730 тонн. Название было выбрано не случайно, оно отвечало его предназначению. Дедушка русского ледокольного флота обладал богатырской силой в девять тысяч лошадиных сил и мог продавливать льды почти метровой толщины.

Россия вернула себе лидерство в строительстве ледоколов.

Капитан Осьмак

Однако ледокол — судно служебное, а «Капитан Бондаренко» — транспортное. Его задача доставка грузов, а не проводка судов. Усиленный ледовый класс придает ему только непреклонность при встрече со льдами. Он, разумеется, не ищет льдов, но и не пасует перед ними. Идея постройки серии «броненосцев» для Дальневосточного бассейна, в зону которого входят и арктические моря, имела немаловажное значение.

Первыми плавать во льдах начали поморы. При постройке своих судов они выработали особые приемы. Судно не строили, а шили без болтов и гвоздей. Для сшивания досок использовали легкие прутья. Такие шитики неплохо переносили удары о плавающие льды. При ледовом сжатии яйцевидная форма корпуса помогала шитику выскользнуть из ледяных объятий. Льды не могли раздавить шитик, а только выжимали его вверх. Для деревянного парусника это был не

такой уж плохой исход в поединке со льдами. Такая живучесть судна была первой серьезной победой человека в высоких широтах.

В каждом ледовом капитане должно быть что-то от помора, ибо к классическим добродетелям лихого моряка он должен прибавить умение бороться со льдами.

В старину говорили: «На небе бог — в море капитан». Других промежуточных инстанций моряк не знал, да они ему были и ни к чему.

Это раньше. Ну а во льдах еще и теперь капитан, и только он один, определяет степень риска, когда дело касается изменчивой ледовой обстановки. Обычно транспортное судно не сунется в сплоченные льды, которые могут разорвать обшивку, как бумагу, и сломать винт. Такое судно подождет ледокол. Сам ледокол чувствует себя во льдах уверенно, на то он и ледокол. А вот транспортное судно ледового класса — это особая статья. Оно крепче обыкновенного транспортника, но слабее ледокола. Подождать ледокол ему не позволяет класс и самолюбие «броненосца». Оно обязано форсировать льды. А как оно выйдет из ледовой переделки, зависит от слаженной работы экипажа и опыта капитана.

Суда, уходящие в ледовое плавание, надежно бункируются и снабжаются всем необходимым. Аварийного запаса должно быть наполовину больше обычного. Осушительные и водоотливные системы здесь держат в постоянной готовности.

Перед выходом в море наш капитан велел проверить исправность рулевого устройства, осмотреть надежность крепления спасательных шлюпок, якорей и грузовых стрел. И в порту и в море боцман то и дело проверял найтовку палубного груза, чтобы он не сместился при качке. Только убедившись в надежности креплений, боцман в который-то раз проклял клинker, которым были засыпаны палубы и такелаж, и взялся за брандспойт вместе с палубными матросами. Приборка заняла почти весь первый день рейса. К заходу солнца «броненосец» был вымыт и прибран. Как бы приветствуя это, появилась стая дельфинов и сопровождала корабль, резвясь между белыми барашками волн. Когда в небе зажглись первые звезды, дельфины исчезли. Матросы, свободные от вахты, собрались в столовой, зажужжала кинопередвижка. Из коридора в кинозал доносился аромат хлеба, испеченного в судовой пекарне.

Потом прошли сутки чистой воды, и на третий день в Охотском море появился первый блинчатый лед — предвестник ледовых полей.

Сплоченность дрейфующих льдов определяют по десятибалльной шкале. Чистая вода — это ноль баллов. Сплошной лед — десять. Если говорят «шестибалльный лед», значит, имеют в виду, что видимая акватория моря покрыта льдами на шестьдесят процентов.

Практика показала, что при сплоченности льдов в три балла все суда идут без потери скорости. Но уже при четырех-шести баллах корабли ледового класса наполовину теряют ее, а дальше требуется уже ледокольная проводка. Это все, так сказать, общая формула. А теперь вернемся к нашему «броненосцу». Самое время немного рассказать о капитане.

Евгений Иванович Осьмак — выпускник Ростовского мореходного училища имени Седова, куда поступил в 1956 году. Два года до этого плавал матросом на Азовском море. Кончил школу и в море подался. О выборе никогда не жалел. Начало его моряцкой жизни было

ознаменовано немаловажным событием. Впервые после войны, в 1957 году, ушел в плавание наш знаменитый учебный парусник «Товарищ». После первого курса Осьмак попал на этот парусник. Девять месяцев под парусами вокруг Африки, далее Сингапур, острова Индонезии — как еще могут воплотиться самые горячие юношеские мечты? На «Товарище» истинными моряками становились вчерашние «салаги».

Что это за моряк, который не бегал по вантам, не качался на рее над морской бездной, убирая паруса, не поднимал вручную якорь? «Море, — говорит Осьмак, — надо почувствовать всем своим существом. Да когда молод еще, когда ветер, звезды и море для тебя все на свете». Капитан немногословен и внешне суховат. Решив, что он ударился в «лирику», пояснил свою мысль: «В общем, без паруса не моряк. Ну, вроде обычного механизатора». Значок, выпущенный в честь первого послевоенного плавания «Товарища», он носит постоянно.

...Сначала мы придерживались кромки основного льда. Лавировали в поисках полыней, потом повернули на север курсом, рекомендованным ледовой службой. (Карту ледовой обстановки составляют патрульные самолеты. Она передается всем судам, находящимся в этом районе.) Когда зашли в настоящие льды, капитан со старпомом встали на ледовую вахту. Теперь они должны были менять друг друга через каждые шесть часов. Капитана словно подменили. Создавалось впечатление, будто он только и ждал этой минуты. Он нередко прихватывал и часы вахты старпома, мотивируя тем, что у того, дескать, и без того дел невпроворот.

Состязание со льдами не только не утомляет его, а вроде бы даже придает новые силы. Наш капитан, видимо, не только прирожденный судоводитель, но и настоящий боец. Судя по особой интонации рулевого, ему очень нравится повторять команды капитана. Осьмак сам не подбирает людей. Их к нему присылают, и он не ждет «подарков» от отдела кадров. «Много дельной молодежи, — замечает он, — но попадаются не в меру лихие, не в меру ленивые, но хуже нет распущенных». И все-таки он к «заскокам» рядовых моряков относится терпимо, зато командному составу не спускает ничего. Потому-то о нем не без скрытого восхищения говорят, что он «два раза не приказывает».

Если капитан решит атаковать перемычку, то угол атаки и разбег корабля будут выверены точно. В отношениях с людьми Осьмак проявляет такое же выверенное чувство дистанции, без высокомерия и панибратства.

Мы ищем разводья. Капитан осторожен и прямо-таки выслеживает полыньи, как охотник. Он спокойно и уверенно движется по рубке, отдавая команды, переходит от экрана локатора к карте ледовой обстановки. Опыт ему подсказывает, что ледовая обстановка меняется быстрее, чем приходят карты. Течения, приливы, ветры могут за час изменить все. Капитан может пройти там, где не всякий пройдет, но на рожон никогда не лезет. Дрейфующий сплоченный лед — грозное и опасное препятствие.

Нам надо пройти кромкой льда с наветренной стороны. Зимой нрав у Охотского моря неласковый. Волнение весьма ощутимо. Чтобы подставлять борт под швыряемые волнами льдины, капитан долго ведет судно вдоль ледяного поля и, найдя излучину, быстро

входит в нее. Теперь волнение нам нестрашно и борта «Капитана Бондаренко» в безопасности.

Темнеет, и двух прожекторов на верхнем открытом мостике становится маловато. Капитан приказывает зажечь ледовый прожектор на салинге фок-мачты. Три луча соединяются перед носом корабля в мощный сноп света. За бортом минус двадцать семь градусов. «Капитан Бондаренко» избегает ледовых полей, где идет торошение. Чем ниже температура воздуха, тем крепче лед и более хрупок металл. Мы уже вторые сутки идем почти в десятибалльных льдах. Перемычки становятся все мощнее и крепче, а разводьев—меньше и меньше. Застрять в сплоченном льду ни в коем случае нельзя. Лед быстро сплотится вокруг судна и смерзнется так, что корабль не сдвинется с места. Команда наблюдает за обшивкой и набором корпуса судна и каждый час измеряет уровень воды в колодцах.

Увидев, что форсирование перемычки неизбежно, капитан Осьмак атакует ее, решительно нанося удар форштевнем. Если не рассчитать угол атаки, судно может скользнуть по кромке льда, ударившись о него скулой, а потом, развернувшись, навалиться кормой или бортом на форсируемую льдину. Тогда в лучшем случае отделаться вмятиной в борту. Осмотрительность и решительность—вот два качества, без которых нет истинного ледового капитана. Евгений Иванович в полной мере обладает ими, и льдам никак не удастся «намять бока» «Капитану Бондаренко».

На мостике тихо, не слышно даже гула силовой установки, зато в каюте к шуму машины примешивается грохот и скрежет льдин, ударяющихся о борта и трущихся о корпус.

До Магадана еще сутки пути. В ходовой рубке тихо. В широких иллюминаторах неоглядное белое ледяное поле. Судно движется медленно и без толчков. Кажется, будто корабль не идет во льдах, а парит над белым пространством. Но это впечатление обманчиво. Капитан Осьмак не уходит спать в каюту. Он может прилечь на несколько часов после обеда. Вот и весь отдых. Стармех Альберт Иванович Чельшев тоже не выходит из машинного отделения. Лицо капитана усталое, но чисто выбритое. Рубашка безукоризненной белизны. Ходит он все так же легко и быстро, только голос стал несколько глуховат. Капитан не расстается с биноклем. Впереди последний и самый трудный участок. Прилив сплотил льды, разряжения их можно ждать только с отливом, но это будет у самого Магадана.

Погода меняется, сильная метель ухудшает видимость. На «Капитане Бондаренко» прожекторы включают раньше обычного. Лед по-прежнему десятибалльный. К ночи немного прояснилось, и над нами открылся во всю ширь усыпанный звездами небосвод. Мы идем строго на север, и Полярная звезда сияет почти над кораблем. Третий штурман и радист заспорили было о созвездиях, но, увидев вышедшего из рубки капитана, «астрономы» умолкли. На судне боевая готовность, разглядывать созвездия не ко времени. Вскоре «Капитан Бондаренко» опять вошел в полосу метелей. Мороз крепчает. К ночи на горизонте показались светящиеся точки. Они медленно приближаются, их число растет. Издали их можно принять за огни порта. Но это не Магадан. Это караван судов, разгрузившихся в Магадане. Суда идут под водительством ледокола «Москва».

Эфир полон их перекличкой. Любые разговоры по радиотелефону запрещены, кроме команд ледокола и ответов судов в караване. По уставу власть капитана ледокола при проводке судов абсолютна. Порожные суда в караване беспомощнее грузеных. То один, то другой корабль застревает. «Москва», как заботливая матка, спешит на выручку пострадавшему. «Москва» окалывает лед вокруг зажатого судна, помогая ему выбраться. Если это не помогает, ледокол с помощью троса вытаскивает застрявшего, как говорят моряки, «за усы». С «Москвы» спрашивают, сможет ли «Капитан Бондаренко» двигаться самостоятельно. Осьмак отвечает утвердительно. Ледокол предупреждает, что в шестидесяти милях от Магадана очень мощное сплочение льдов и, если мы не пробьемся, он проведет нас на обратном пути, как только выведет караван в безопасную зону.

Капитан благодарит, и мы продолжаем путь. Скорость времени падает до минимума. Но Осьмак упрямо ведет судно вперед. Несколько раз нас зажимает так, что мы останавливаемся. Тогда капитан начинает раскачивать судно, переходя от «полного назад» к «полному вперед», и мы медленно, шаг за шагом выбираемся из ледяных тисков.

То ли счастье сопутствует нам, то ли капитан Осьмак в ударе, но мы продвигаемся даже в той опасной полосе, о которой предупреждал ледокол. Видимо, дело не в фортуне. В этом мы убедились, подойдя к безнадежно застрявшему «Маршалу Малиновскому», такому же «броненосцу», как наш «Бондаренко». Потеряв надежду выбраться, «Малиновский» дожидался возвращения «Москвы». «Бондаренко» проходит очень близко от «Маршала Малиновского», чтобы обколотить лед и помочь ему двинуться с места. До «Малиновского» подать рукой. Палубы его залиты светом, и мы видим высунувшегося в иллюминатор кока в колпаке.

«Маршал Малиновский» пристраивается в кильватер, и старпом шутит, что мы отбиваем хлеб у ледокола. Но этого не случилось: через час «Малиновский» вновь застрял.

Мы идем к Магадану в гордом одиночестве, миновав каверзный залив Шелихова. Ночью нас догнал ледокол «Москва». Он вел караван из трех судов: среди них и наш знакомый «Маршал Малиновский». Нам предложено занять место в общем строю и замкнуть караван.

Казалось бы, нет ничего надежнее и спокойнее, чем шествовать в караване за ледоколом по готовому каналу. Не тут-то было. Все напряжение последних суток не идет ни в какое сравнение с этими часами в караване. Рулевой еле успевает переключать руль с борта на борт. Сжатие так сильно, что канал смерзается мгновенно. На том месте, где перед нами прошли четыре корабля, остается только торосистый шов.

Суда то и дело меняются местами в караване. Ледокол разворачивается и вызволяет то одно, то другое. Вырванный из тисков льда корабль пристраивается за ледоколом. Эфир полон команд, ответов и призывов о помощи. Мы неизменно замыкаем колонну без происшествий. Только раз «Капитан Бондаренко» начал терять скорость и отставать, и «Москва» приказала судам сбавить ход.

Суда идут друг за другом в нескольких кабельтовых. Дистанция эта порой становится меньше тормозного пути сзади идущего

корабля. Малейшая оплошность может привести к столкновению. Внимание напряжено до предела.

Наконец, когда одно из судов прочно застряло, Осьмак попросил у капитана ледокола разрешение двигаться вперед самостоятельно. «Капитан Бондаренко» медленно и гордо прошел мимо каравана вперед. Думаю, и здесь капитан Осьмак руководствовался трезвым расчетом. Он хотел прийти первым, чтобы занять свободный причал. План есть план. Раньше придешь — быстрее уйдешь. Выше оборачиваемость — прибыльнее рейс. Евгений Иванович Осьмак и капитан смелый, и руководитель рачительный.

Вскоре показались огни Магадана. Дюжина судов стояла на внешнем рейде и у причалов. Бухта была чиста ото льда. В четыре утра «Капитан Бондаренко» отдал якорь и застопорил машины. Открыв иллюминатор, я услышал плеск и с удивлением увидел усатую изящную нерпу, которая вынырнула из глубины. Кожа ее масляно отливала в палубных огнях. Мы с любопытством уставились друг на друга. Теперь сомнений нет: мы наконец в Магаданском порту.

АЛЕКСЕЙ ИСАЕВ

СТАРИННЫЙ БОР

Заметки лесоведа



В юго-восточной части Воронежской области на территории Бобровского района есть небольшой, но примечательный уголок природы. Это Хреновской бор. Он занимает площадь около 40 тысяч гектаров и узкой лентой (шириной до десяти километров), протянувшись вдоль реки Битюг. Здесь проходит южная граница ареала сосны обыкновенной.

Многие века шумел зеленый остров в лесостепной зоне, отважно вел единоборство с напояющими на него песками и вышел непобежденным. Но в начале XVIII века земли Прибитюжья стали интенсивно заселяться, и красавицы сосны все чаще падали под ударами топора. Когда бор стал владением графа А. Орлова, влиятельный граф распорядился строго охранять зеленый остров. За одно незаконно спиленное дерево следовало суровое наказание. Так продолжалось до начала XIX века. Затем бор снова застонал от бессистемных порубок, стал часто гореть. К 1845 году его площадь сократилась вдвое. Над ним нависла угроза гибели от надвигающихся с севера песков.

Лесной департамент в 1846 году направляет в Хреновское первого лесничего. Был положен конец хищническому истреблению леса, Начали проводить лесокультурные работы: посев семян, посадку дичков и двухлетних сеянцев сосны с длинной корневой системой. Борьба за восстановление бора продолжалась более пятидесяти лет. Лесоводов постигала одна неудача за другой. От летней жары и сухости почвы погибали не только сеянцы в питомнике, но и посаженные дички.

Лесничий Н. Д. Суходский и его помощник Г. Ф. Морозов в 1894

году стали вспахивать пустоши и на дно борозды сажать семена сосны. Этот классический способ обработки почвы и уход за деревьями помогли в короткий срок создать замечательные сосновые насаждения.

На протяжении ста тридцати лет Хреновской бор служит предметом исследований лесоводов, ботаников, энтомологов, почвоведов. Его прошлое изучали виднейшие биологи и почвоведы: В. В. Докучаев, П. М. Сибирцев, А. А. Дубянский, К. Д. Глинка. Известные ученые Г. И. Танфильев, Г. Ф. Морозов, Б. А. Келлер описали в бору 350 видов растений. Преподаватель Хреновского техникума, автор учебника «Дендрология» А. И. Ванин добавил к этому списку еще 650 видов. Он составил перечень «Растения Хреновского бора с краткими указаниями их распространения, значения и применения», написал немало других научных работ, посвященных бору.

Все это говорит об уникальности бора. В ботаническом отношении он занимает промежуточное положение между лесостепной и степной зонами и служит немаловажным естественным препятствием на пути движения юго-восточных суховеев. Бор расположен в районе недостаточного увлажнения, но в целом климатические условия здесь достаточно благоприятны для роста и развития древесных пород. Лесные пожары в Хреновском бору—редкое явление: люди берегут чудесный уголок природы.

Во время Великой Отечественной войны бор не только укрывал наши войска от фашистских самолетов, но и давал народному хозяйству сотни тысяч кубометров древесины, много смолы и ягод. Однако уход за насаждениями ухудшился, и площадь пустошей к 1945 году возросла почти на одну треть. После войны бор был отнесен к особо ценным лесным массивам. Посадка сосны проводилась в сжатые сроки. На пустырях шла самоотверженная работа. Суховеи, пыльные бури, а также майские хрущи и другие вредители леса иной раз сводили на нет все усилия. Казалось, разве могут на сыпучих песках прижиться крохотные сосенки? А они приживались.

На восстановление бора государство израсходовало свыше четырех миллионов рублей. Молодые насаждения составляют ныне подавляющую его часть, а на долю спелых и перестойных приходится всего тринадцать процентов. Девяносто лет бор служит лабораторией, где готовят специалистов лесного хозяйства среднего звена. Где можно лучше практиковаться по таким дисциплинам, как лесоводство, лесные культуры, лесозащита, ботаника, дендрология и лесозащита? Здесь обитают лось, косуля, европейский олень, кабан, белка, лисица, бобр—до тридцати видов млекопитающих и до ста семидесяти видов пернатых.

Хреновской бор расположен на левом берегу Битюга и занимает пойму, надпойменную часть и пристепную полосу. Его растительность представлена большим числом дикорастущих видов (около тысячи, не считая споровых). В пойме шириной от двух до трех километров встречаются различные сообщества—лесные, луговые, болотные и водные.

В прирусловой пойме растут ива, ильм, дуб, тополь черный. Когда под деревьями еще белеет снег, по берегам Битюга уже рассыпаются золотистые монеты мать-и-мачехи. На ночь купола их бутонов покрываются в три слоя зеленовато-фиолетовыми чешуйками: так надежнее спастись от утренних заморозков. Летом ее листья

можно увидеть вокруг песчаных пляжей. Битюг—река красивая, спокойная, чистая. Берега живописные, тихие.

Для центральной поймы характерно большое количество озер, стариц. Почва темно-серая, подстилаемая известняком. Грунтовые воды залегают на глубине около двух метров. Дуб растет хорошо. К нему примешиваются вяз, липа, клен полевой, осина. Подлесочные породы — клен татарский, бера, берсклеты, роза собачья.

Дуб — удивительное дерево. Его издревле считают олицетворением могущества, прочности и надежности. Древесина его не только крепкая, но и красивая. Из нее делают паркет, мебель, детали вагонов, судов. Особую славу принесла дереву кора, содержащая дубильные вещества. С незапамятных времен ее используют для выделки кож, приготовления лечебного отвара.

В этой части поймы самые ценные насаждения — дубняки кленово-липовые и липово-разнотравные. Все деревья давным-давно отцвели, а липа только начинает выделять медвяный запах. Ее мед прозрачный, с легкой янтарной желтизной. Он ароматен и очень полезен. Одно дерево может давать столько меда, сколько целый гектар гречихи. Липовый цвет сушат и используют отвар при простуде. Об этом дереве сложено немало песен.

Липа вековая
Над рекой шумит,
Песня удаляя
Вдалеке звучит.

Когда липа покрывается густыми бледно-желтыми цветками, то становится нежной, мягкой, золотистой. От восхода до заката солнца над ней стоит неумолчное пчелиное жужжание. В эту пору на центральной пойме очень красиво. А в июле розовеют крылатки клена татарского, и все вокруг преобразается. И осенью дубняки кленовые всегда нарядны, торжественны. Листья у клена тогда ярко-желтые, солнечные.

Насчитывается сто пятьдесят видов этой породы, из них двадцать пять произрастают в СССР. Клен остролистный, как и липа, — лучший спутник дуба.

В пониженной части поймы — притеррасной, которая прилегает к коренному берегу, грунтовые воды выходят на поверхность. На таких топях очень хорошо растет ольха черная. Полог леса так сомкнулся, что только кое-где на иловато-болотную почву проникает рассеянный свет. Стволы ровные, высокие. Ольховая древесина мягкая, применяется в столярном деле. В коре содержатся дубильные вещества, отвар которых окрашивает ткани в черный цвет. На корнях ольхи образуются клубеньки-азотонакопители.

Второй ярус редкий: вяз, ильм, дуб. В подлеске растет калина красная. Она украшает эту часть поймы. У нас издавна калину называют снежницей, белицей, невестницей... Своей девственной чистотой, торжественностью, кружевным нарядом цветов, пурпуром осенних листьев и алыми гроздьями ягод она даже среди топей и болот радует душу, поднимает настроение. Из ее ягод делают желе, идущее на приготовление мармелада, пастилы, киселей, компотов. В притеррасной части поймы можно увидеть также смородину черную, черемуху, крушину ломкую. По самым сырым местам произрастают ольшаники разнотравные, а по возвышенным —

дубняки кленово-липовые. Встречаются папоротник женский, недо-трога, вороний глаз, щитовник болотный, селезеночник обыкновен-ный. На влажных полянах попадает изящное растение с розеткой прикорневых листьев и белыми одиночными цветками на верхушках стеблей — белозор болотный из семейства камнеломковых. Он цветет на склоне лета лишь восемь дней. Его цветок, похожий на пятилуче-вую звездочку, пахнет в теплый солнечный день.

Вторая часть Хреновского бора — надлуговая терраса. Она пред-ставляет собой чередование песчаных бугров с низинами, в которых часто застаивалась поверхностная вода, впоследствии способствовав-шая образованию болот — Мохового, Рыбьего, Журавлинка, где обитает водоплавающая дичь. Высота бугров достигает десяти метров. На их вершинах растет сосна. Но стоит она негусто, деревья приземистые, хилые, с низкой кроной. Столетние сосны лишь чуть повыше пятнадцати метров. словно какая-то сила удерживает их рост, не дает тянуться вверх. Они дают мало древесины, но зато своими корнями не дают злым ветрам выдувать песок.

Сухой бор — пример отчаянной борьбы за жизнь. Несмотря на крайне суровые условия, сосна растет, образует чистые насаждения, которые имеют большое почвозащитное и эстетическое значение. Они заставляют задуматься о красоте и жизнестойкости природы. Как не вспомнить тут стихотворение И. А. Бунина «Детство»:

Чем жарче день, тем сладостней в бору
Дышать сухим, смолистым ароматом,
И веселей мне было поутру
Бродить по этим солнечным палатам...

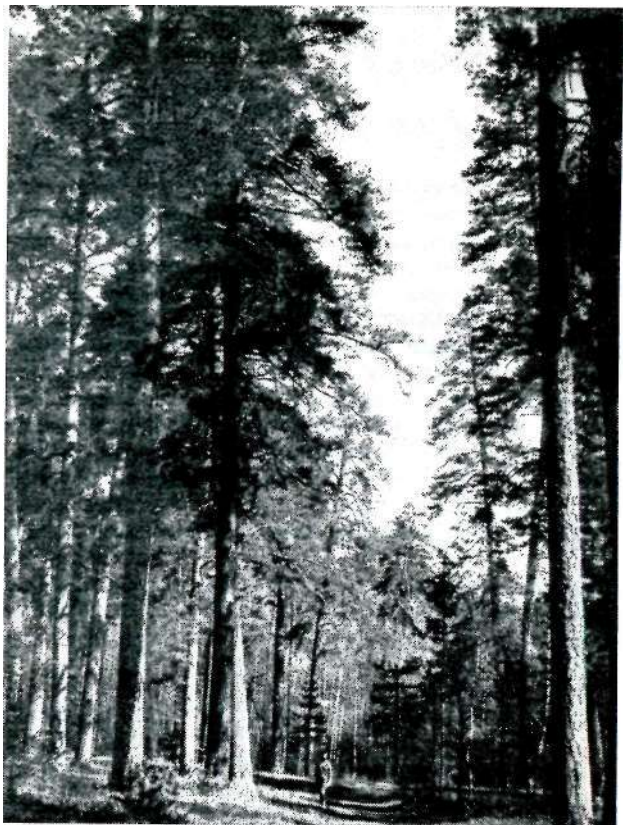
На вершинах песчаных дюн часто попадают растения-сухолобы: лишайники, ястребинка волосистая, герань кроваво-красная, кладония, очиток пурпуровый, василек Маршалла, кошачья лапка, молодило. На западных склонах сосняки лишайниковые сменяются сосняками травяно-мшистыми, а еще ниже — сосняками с низкорослым дубом.

В низинах между дюнами сосна растет хорошо: высота отдельных деревьев достигает сорока метров. Известно сто видов сосны, из них в СССР произрастает пятнадцать. Самый распространенный вид — сосна обыкновенная, она же главная порода Хреновского бора. Сосна дает высококачественную древесину, светолюбива, устойчива против засух, морозов. Ее самосев одним из первых появляется на гаях и вырубках. Хвоинки у нее достигают десяти сантиметров и не опадают до восьми лет.

Хреновской бор — уникальное по своим качествам послеледниковое насаждение. На высоких песчаных буграх растет здесь рудовая сосна. Годичные слои ее древесины мелкослойные, плотные. Каж-дый ствол может давать до полутора килограммов живицы — золотой смолы, которая перерабатывается в скипидар, камфару, канифоль.

На сучьях сосна называется мяндовой; древесина у нее крупно-слойная, рыхлая, менее смолистая. Из нее получают этиловый и метиловый спирты, смолы, фенолы, углекислоту, скипидар, кормо-вые дрожжи.

Между дюнами сосна образует светлые насаждения, которые выдающийся лесовод Г. Ф. Морозов назвал низинными борами. В



мае вершина каждого ствола сверкает молодыми побегами-свечами; они тянутся вверх, к солнцу. Неповторимое зрелище! Сосна обычно зацветает на два-три дня позже рябины.

Мужские колоски (соцветия) облепляют основания побегов этого года. Чуть-чуть подует ветер, и посыплется с них золотая пыльца, полетит желтым облачком на маленькие, красноватые шарики, Расположенные на вершинках других побегов такого же возраста. После опыления эти шарики обычно превращаются в шишки, созревающие осенью на второй год. В каждой шишке от пятнадцати до сорока пяти семян, а на столетней сосне поспевают до сотни шишек. Шестьсот деревьев дают до пятнадцати килограммов семян. Ими можно облесить полторы сотни гектаров песков. Всходы появляются через две-три недели. Шишки раскрываются не в момент созревания, а позже — в марте — июне на второй год.

Живой напочвенный покров в низинах — это мох-толстоног, грушанка брусника, земляника, вейник наземный. Почвы дерново-подзолистые, песчаные. На пустошах здесь появляется самосев березы. Береза-лебедь, распустив свои лакированные листочки, величаво и грациозно плывет по голубому ковру подснежников

Хреновского бора. На длинных, спускающихся к самой земле прядях

всят сережки, похожие на золотые подвески. Какое это очаровательное дерево! Очень образно сказал Ф. Тютчев:

Смотри, как листьям молодым,
Стоят обвеяны березы
Воздушной зеленью сквозной,
Полупрозрачную, как дым.

Молодые березки, тонконогие, пряменькие, как бы на цыпочках приподнялись к голубому весеннему небу, все стройные и гибкие... Посмотришь на них и невольно вспомнишь свое детство, юность. Березы — украшение Хреновского бора. С десяти лет стволы их становятся белыми: в поверхностных слоях пробковой ткани появляется белое вещество — бетулин. Береза первой поселяется на болотах, гарях. Создавая лесную среду, улучшая почву, она благотворно влияет на рост сосны.

По низинам зеленеют стволы осины. Древесина ее мягкая, податливая, пилить и обрабатывать ее легко. Доски из нее никогда не темнеют. А главное, осина хорошо возобновляется корневыми отпрысками, которые препятствуют разрастанию пустошей. Это очень важно для Хреновского бора, расположенного в сухом климате.

Осенью островки осин преобразуются: листья становятся красными, вишневыми, розовыми. Особенно красиво они выглядят на зеленом фоне сосновой хвои.

И снова лето миновало,
Исчез медовый аромат.
Осинники багряно-ало
С утра от холода дрожат.

Среди берез и осин яркими гроздьями своих ягод выделяются небольшие деревца рябины. Она украшает бор четыре раза в году: в мае — скромными кистями белых цветов, в октябре — вырезными пурпурными листьями, в ноябре — огнистыми гроздьями ягод, зимой — слетающимися к деревьям красногрудыми снегирями, малиновыми клестами.

Из других подлесочных пород между дюнами растут крушина, раkitник русский, сохранилось немного можжевельника обыкновенного. Эта хвойная порода растет на сухих песчаных почвах. В отличие от него ива ушастая затерялась на осоковых болотах. Она цветет рано весной до распускания листьев. На сфагновых болотах укрылась ива лапландская — кустарник, произрастающий в более северных областях. Преподаватель Хреновского лесного техникума А. И. Ванин обнаружил на здешних сфагновых болотах альдрованду пузырчатую. Листья ее захватывают мелких водяных животных. Это дополнительное питание растения-хищника. Встречается тут и росянка круглолистная (тоже насекомоядное растение), водяной папоротник сальвиния плавающая, пушица тонкая и влагалищная из семейства осоковых, мякотница болотная из семейства орхидных. В межхолмовых впадинах, заполненных водой, можно найти турчу болотную с беловатыми цветками в кистеобразном соцветии. На влажных почвах попадают куртины брусники. По песчаным буграм кое-где встречается ясенник розовый, или марзанка, из семейства мареновых.

Третья часть Хреновского бора — пристенная полоса. Ширина ее три километра. Рельеф волнистый.

Почвы подзолистого типа: супеси и черноземовидные пески с глинистыми прослойками на метровой глубине. Коренных типов леса осталось тут мало. Это сосняки осоко-злаковые и дубовые (последние на Руси называли свежей суборью). Кто хоть раз побывал в этой части бора, тот не может не обратить внимания, как здесь быстро все меняется. Только оторвешь взгляд от одной картины, перед глазами, как в калейдоскопе, предстает новая, одно впечатление накладывается на другое. В любое время года бор доставляет нам радость и удовольствие. Осенью он весь состоит из оранжевых, желтых, красных, зеленых пирамид. Плавно, как парашютики, падают с веток разноцветные листья. Порывистый ветер старается взметнуть их над деревьями. Щедрая осень отдает украшению бора все богатство своих красок; клены, вязы, дубы, ясени и тополя надевают праздничный наряд. Есть листья пунцовые, светлопалевые, золотые, словно выкованные из слитка. Золотая осень! Удивительны в сумерках березы. Уже темнеет, а они все горят ярко-желтым светом...

Если смотреть на бор сверху, он походит на огромный хоровод, в котором переплелись все краски и оттенки, и среди них — вечная зелень сосны.

Глубокая синь неба, чистый смолистый воздух. Сядешь на пенек, и не хочется уходить. В осеннем солнечном бору стоит какая-то торжественная тишина. Тишина, пробуждающая в душе особое настроение.

Постепенно деревья теряют свою яркую окраску. И в голову приходят есенинские строки:

Отговорила роща золотая
Березовым, веселым языком,
И журавли, печально пролетая,
Уж не жалеют больше ни о ком.

С наступлением холодов замирают муравейники, укрываясь пушистой шапкой хвои и листвы, замолкают птичьи голоса. Только иногда можно услышать глуховатую дробь дятла, тоскливый голос синицы, увидеть поползня, который легко бегаёт по стволу.

Но и глубокой осенью в бору можно увидеть анютины глазки. Летом неприметные, а сейчас они самые яркие здесь. Кругом пожухлая трава, побуревшие листья, а перед тобой желтые, синенькие лепестки. Разве пройдешь равнодушно мимо? Разве не остановишься?

Однако холод свое берет. Земля замерзает, сосны становятся белыми-белыми. Поляны стали ровными. Старый, трухлявый пенёк лихо сдвинул набекрень теплую шапку из снега, свысока на него смотрят купчихи-сосны. Они блестят, торжествуют в своем зимнем наряде — в богатых белых шубах с ослепительной горностаевой оторочкой. Кусты бузины превратились в букеты белоснежных роз.

Крепким сном спит в своей норе барсук, крот забрался в подземные галереи, колючий еж клубком свернулся под кучей хвороста.

Сперва кажется, что все попряталось от суровой зимы, что в бору не увидишь ничего живого. Только деревья потрескивают от мороза да снег шуршит под лыжами. Каждая сосна сверкает

снежинками, как драгоценными камнями. Сказочная тишина! И вдруг огненной стрелой белка перескакивает с ветки на ветку. Лось гордо пересекает лыжню. Напуганный его шорохом, выскакивает из-под куста дымчато-голубой русак. Зимний бор — прекрасное место отдыха. Вокруг такая красота, что невольно вспоминаешь Пушкина:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит;
Прозрачный лес один чернеет,
И ель сквозь иней зеленеет,
И речка подо льдом блестит.

После долгой и суровой зимы приятно походить по оживающему лесу. Еще кое-где белеет снег, но уже пахнет набухшими почками, синеют первые подснежники, желтеют цветочки гусяного лука. По утрам в бору стоит тихий и томный звон колокольчиков. Это раскрываются почки березы и осины. Стоит неумолчный щебет птичьих голосов. Весенний бор покрывается нежным пушком зелени. Хочется прикоснуться к каждому листочку. Среди сосен поднимается сон-трава. Эти лиловые колокольчатые цветки привлекают красотой и нежностью. А кто не любит слушать чудесный утренний весенний перезвон капли? На гибкой веточке клена висит хрустальная сосулька. Один за другим с нее падают шарики. В каждом из них отражаются заросли ивняка со своими серебристыми мягкими барашками, почки лещины с красными бантиками-рыльцами, светло-бурые серьги ольхи, желтые цветки мать-и-мачехи. В алмазных каплях росы купаются головки лютичного чистяка, а на полянах один за другим вспыхивают, как солнце, весенние горлицы.

В конце апреля деревья еще не покрылись листвой, но почки набухли, треснули и зазеленели липкими душистыми кончиками. Стволы сразу как будто подвинулись друг к другу. В изумрудной траве раскрылись нежно-лиловые цветки фиалки душистой. Фиалка — символ ежегодного пробуждения природы. Еще в античные времена она считалась особым цветком. Фиалка цветет дважды — весной и летом. А хохлатка — всего один раз. Зато у нее фиолетовые, красновато-лиловые и даже изредка белые букеты.

Немного позже по полянам Хреновского бора вспыхивает множество золотисто-желтых солнц адониса весеннего. В народе его называют первоцветом, зеленым кладом. Не уступает ему по красоте первоцвет настоящий. На стебле у него словно связка золотистых ключиков. Цветки пахнут медом. Кто не пробовал в детстве на вкус примул-первоцветов, иначе баранчиков? Любуясь цветами, слушаешь разноголосые птички напевы. В дружном хоре пернатых узнаешь дробные трели пеночки-трешотки, короткое цвиканье синицы, голоса других птиц. Но вот в полдень, когда солнце прогреет вершины сосен, раздается сильный треск. Это лопаются сосновые шишки, из которых высыпаются крылатые семена-вертолетки величиной от трех до пяти миллиметров. Наблюдая за их приземлением, ощущаешь пряный запах хвои, медовый — цветовой и хмельной — черемухи. Вокруг нее воздух чист, звонок и пахуч.

Белым облаком раскинулась цветущая черемуха по смешанным насаждениям. В мае она одаривает нас благоухающими цветами, а летом, в июле — августе, угощает гроздьями сочных, чуть вяжущих



Урок по лесоводству в Хрениовском бору. Преподаватель рассказывает об истории Хрениовского бора

рот плодов. А вот и бузина красная. Она выставила на весеннюю ярмарку цветов свое лимонное платье.

Рядом с соснами, дубами можно увидеть белые косынки яблонь, груш. Чем теплее становится, тем ярче наряд флоры. Синенькими стаканчиками цветет будра плющевидная, пестреют лазурные незабудки, цветет вероника дубравная, серебрится лютик иллирийский. А звездчатки ласково светятся в густой зелени травы. Тянутся стебли осоки. Горит желтыми огоньками чистотел большой. В конце мая спешешь заглянуть в тенистые, влажные места бора: не звенят ли серебряные колокольчики ландыша майского? В одно время с ландышем цветет его спутница — купена лекарственная. За узловатые рубцы, которые оставляет отмерший стебель на своем корневище, народ ее прозвал соломоновой печатью.

Майский бор очень красив, но и июньский ему вряд ли уступит. Под деревьями находишь приятную прохладу, ощущаешь аромат Других цветов. Милые голубенькие лепестки вероники дубравной выглядят нежно, трогательно, живописно. Ее обворожительные цветки напоминают роспись на старинном фарфоре. Очень торжественным и величавым бор становится от россыпей желтых цветков зверобоя. Это растение исстари считается «средством от девяноста Девяти болезней».

В Хрениовском бору много полян со смолкой липкой, альпийским клевером, лесным мятликом, тысячелистником благородным. На таких полянах хочется лежать раскинув руки и смотреть в голубое небо на крутолобые облака, медленно плывущие над гигантскими соснами.

На опушках, на вырубках, в редких сосняках растет земляника. Ягоды держатся до четырех недель.

Летом в разнотравье появляются букеты белых ромашек. Рядом с этими броскими растениями не легко отыскать душицу, по-народному материку. Если душица поселяется под тенью деревьев, то чабрец выбирает самые скудные пески, притом открытые места. Называют его еще богородской травой. Это степняк с вечнозелеными продолговатыми маленькими листочками, очень душистый. Когда увидишь розовые или лилово-красные цветки чабреца, собранные в соцветие, обязательно присядешь, чтобы почувствовать их необыкновенный аромат. Чабрец цветет все лето. Он богат эфирными маслами.

Настоящим украшением полян Хреновского бора служит коровяк холмовой. Он, как факел, возвышается над другими растениями. Цветки желтые, с нежным, медовым запахом. Июль — пора цветения в бору бессмертника песчаного, золотисто-зеленого иммортеля. Это очень красивое растение: на каждом шерстистом стебле по горсти светлых, сухих на ощупь клубочков. Золотистые цветки, яркая окраска обертки листочков оживляют пейзаж пустошей Хреновского бора.

Самое красивое место в пристепной части бора находится возле главного корпуса нашего лесхоза-техникума. Сосны-великаны простояли здесь более двух веков. Стволы словно застыли в причудливом танце: одни вышли вперед, другие поотстали, третьи наклонились влево, четвертые — вправо. В трудные годы войны главный лесничий Хреновского лесхоза Т. И. Востриков берег эти сосны — памятники старины.

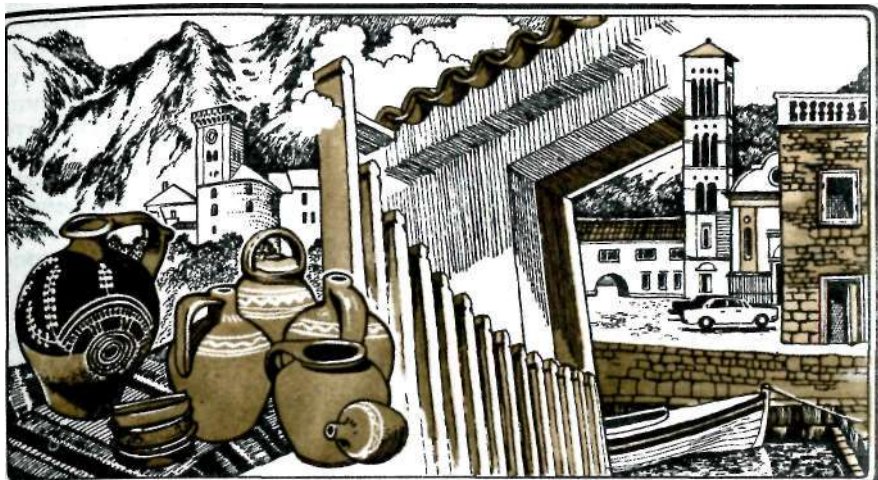
В течение всего лета в Хреновском бору держится грибной запах: растут здесь боровики, рыжики, подосиновики, сыроежки, моховички, опята, свинушки, грузди, лисички, подберезовики, маслята. Собирать грибы — одно удовольствие: под ногами хрустят хвоя, лишайники. Каждый грибник знает: рыжики растут в сосняках, а подосиновики чаще всего встречаются в осинниках, на опушках и полянах; в заболоченных мелких березняках можно найти подберезовики. Белые грибы собирают осенью среди вековых сосен.

Часто в бору раздается стук дятла. Ему доступны древесница вьедливая, личинки усачей, короедов, которых не поедают другие птицы. Очень ловко вниз-вверх по стволу перемещается поползень, проверяя каждую щель. Это настоящий санитар бора. Почти всегда шуруют в кронах деревьев синицы. Они склеивают яйца вредных насекомых. Птицы — живая защита Хреновского бора. Одна кукушка за лето уничтожает до двух миллионов гусениц кольчатого шелкопряда, пяденицы, личинок различных пилильщиков; семья скворцов ловит за летний период до восьми тысяч вредных жуков.

А сам бор защищает населенные пункты, поля от пыльных бурь, суховеев, ослабляет скорость ветра, повышает относительную влажность, накапливает глубокий снежный покров. Скрепляя своими корнями почву, деревья препятствуют развитию эрозионных процессов. Да разве перечислишь все, чем он полезен? И в любое время года он доставляет радость и удовольствие от общения с живой природой, о сохранности которой обязан думать каждый.

ЛИЦО ЗЕМЛИ

Путевые записи



На камне, в Почителе

Почитель*. На одной ноге стоит, одной ступнею держится за землю, да и то не всею. Неустойчивое и неудобное положение. Вряд ли могла быть веселой история этого странного укрепленного поселения, смысл существования которого всегда заключался в том, чтобы служить укреплением, а люди здесь жили лишь по необходимости и мимоходом. В течение шести веков быть замком из камня в крутой, каменистой и тесной долине Неретвы, на трудном и открытом месте («у мира на задворках») — нелегкое дело и незавидная участь.

Нелюдимыми должны были быть и мрачные кастеляны**, привратники и капитаны, что в течение веков, сперва христианских, а потом османских, сидели в самой высокой из этих башен, которые время давно укоротило и свело к одной мере, но которые и по сей День самими своими останками говорят о том, каковы были некогда их подлинные размеры. Суровыми и недоверчивыми были эти люди в

* Почитель — городок в Герцеговине, на левом берегу реки Неретвы, известный своим укрепленным замком, основание которого относится к глубокой древности. Восстановленный, по преданию, боснийским баном (королем) Твртко I (1353-1391), с именем которого связан период расцвета средневекового Боснийского государства, Почитель в течение веков служил то пристанищем боснийским пиратам, то оборонительной крепостью венгерскому королю Матии Корвину, то одним из опорных пунктов Венеции. С 70-х годов XV в. (с перерывами) он играл важную роль в системе турецких укреплений на Балканах. Ныне Почитель, изобилующий памятниками мусульманской культуры, — известный центр туризма. — *Прим. пер.*

** Кастелян — смотритель укрепленного замка. — *Прим. ред.*

постоянной борьбе с хрупким материалом и неизбежной слабостью человеческой воли и характера; забота о неприступности этого замка, опоры безопасности государства, непосредственно и всей тяжестью лежала у них на плечах. Даже по ночам вслушивались они в поступь капризной Неретвы, пожирившей землю и подрывавшей скалу под замком, бодрствовали, чтоб видеть, бодрствует ли стража на стенах; остерегались заговора, подкупа и обмана, хитрости человеческой, которая в подобных местах никогда не спит и не дремлет, а нередко губит во сне тех, кто полностью доверяется покою и сну. Лишь благодаря своей бдительности жили и лишь одним глазом спали многие из тех, кому приходилось здесь бытовать.

Каким следовало быть гарнизону этого замка, который, прежде чем превратиться в развалину, должен был выглядеть столь нечеловечески суровым и подвижнически сухим? Разные в разные времена по числу и составу, силе и значению, принадлежности и названию, солдаты всегда оставались одинаковыми в постоянной борьбе с тоской, скудной окрестностью, далями или надеждой. В жизни гарнизона неизменно, даже в самые спокойные времена, должно было сохраниться нечто от первобытной опасности и мучительной осторожности, создавших и отметивших это место как точку бодрствования и караула, чего-то заключающего в себе горький долг и воинское самопожертвование, но в то же время и чего-то гордого и сильного, преисполненного понимания долга и величия своего призвания, мощной плотины, составленной из камня и живых людей.

Было здесь и должно было быть много тоски и скуки и солдатского безделья в ожидании стычки и опасности, которые не приходили, пока вся жизнь не становилась одним-единственным однообразным ожиданием без конца и края, с позабытой уже первоначальной целью. Была тоска по движению и широте, наслаждению и переменам, острая и резкая, как лезвие ножа в живой ткани. Но была и должна была быть радость, дикая, краткая, солдатская, в каждом колыпании женской одежды у пастушек на другом берегу, в янтарно-желтом мостарском вине, отражавшем неуловимый и неизменный зеленоватый свет, помимо сладости и опьянения воплощавших для воина ислама сладость запрещенного и греховного наслаждения. Услада была во фруктах с солнцепека, в теплой лепешке и непрерывном кофе, в крепком любушском табаке — добром и верном товарище дневных и ночных часов. (Еще и сейчас хитросплетением невиданно прекрасных нитей тянется растение сквозь окна и бойницы, сквозь дикую поросль и листья смоквы и корявого граната, являя собой нечто от мечтаний и миров, увиденных в табачном дыму.) Было и должно было быть.

Я сел и прислонился к гладкому поваленному камню, некогда служившему чем-то в доме, которого больше нет, то ли подоконником, то ли порогом, то ли косяком.

Это редкое и драгоценное место. Здесь можно представить время и человеческие отношения в нем. («Время земное и судьба человеческая».) По крайней мере так кажется на мгновение. А это видение, сколь оно ни кратко и неполно, стоит усилий, затраченных на поиски подобных мест, стоит тяжелой печали их существования.



Камень этот в поте лица человеческого вырублен, вытесан и вложен в разумные здания, что служат людям в удовлетворении их различных нужд и отвечают их стремлению к красоте, стремлению, которое идет мимо и часто поперек этих нужд. Служил этот камень и изнашивался медленно и неприметно на той верной службе, пока предназначение его не изменило ему, пока не исчезла цель, которой он был предназначен, и люди, которым он служил. И простым камнем опять остался он здесь, на месте, и шрамами и желваками на своем теле говорит до сих пор о той службе и будет стоять, пока вода и земля не унесут и не похоронят его. (Ибо обработанный камень ничего не умеет скрывать и ничего не может забыть.)

Вот на таком камне, под небом, до белизны раскаленным, в Почителе я проникаю во время глубже и дальше, чем при всех известных мне человеческих отношениях, которые мы соотносим со временем и которые служат нам для нашего поверхностного и искусственного его измерения. В одно мгновение, которое своей краткостью лишает меня права судить категорично, увидел я, кажется, позади нас и впереди нас века, и те, которые уже за пределами воспоминания, вне его власти, и те, что еще не получили названия и не отмечены никакими событиями. Я говорю «увидел», но говорю так только лишь по недостатку слов, потому что на самом деле я не только не видел, но и словно бы ослеп в миг просветления,

в сравнении с которым молния кажется медленной и долгой. Может быть, я сказал бы «ощутил», если б слово «ощущать» не было столь двусмысленным и затемненным метафизическим призывком, сопутствующим ему, в то время как то, о чем я говорю с камня в Почителе, есть сущая реальность этой нашей человеческой, единственной, исключительно человеческой жизни.

Никогда не мог я без волнения стоять на обработанном людской рукой и вытертом от употребления камне существовавших прежде городов и зданий. От этого обрушившегося теплого камня бывших построек под солнцем, что осталось тем же самым, в моей душе неизменно возникало волнующее видение жизни ушедших людей и поколений, их нужд, страстей, верований и заблуждений, столкновений, влечения и отталкивания, вечного колыхания человеческого моря на твердой и непреходящей земле.

Переливы послеполуденного жара на этом камне, который, прежде чем стать развалиной, жил под руками людей, служа им, на поросли, которую этот камень раздвигает своей тихой, но могучей силой, для меня не просто обнаженная и безмолвная игра стихии, но говор жизни и картина того, что существует сейчас и что будет существовать в великой, и переменчивой, и вечно одинаковой драме человеческого бытия.

Смоковница в трещине крепостной стены.

На этом месте лет двадцать назад ребяташки, искупавшись в Неретве, расположились на отдых, лакомясь зрелым, мягким и сладким инжиром. В летнем озорстве целились они друг в дружку остатками обкусанных плодов. Крохотный кусочек смоквы попал тогда в трещину крепостной стены. Через год здесь выглянуло растение. словно бы недоношенный стебелек долго колебался на границе между бытием и исчезновением. Ком земли в расщелине, редкие дожди и слабая роса сделали свое дело, и росток уцелел. Выросла смоква-калека. Низкая, кривая, словно плющ, прижавшаяся к стене. И в соответствии с законом, имеющим силу для всякой смоквы и для всего живого, она стала приносить мелкие, редкие, опаленные плоды, никогда не вызревающие до конца. И вот сейчас на верхушке ее я вижу эти плоды, и они, как и всякий плод на свете, ожидают начала медовой осени. Смоковница рождает и будет рождать по тем же законам, по которым плодоносят буйные и обильные смоковницы на хорошей земле и в надлежащем месте. Я прохожу мимо, растроганный, и отмечаю ее существование, остерегаясь, как бы не оскорбить ее поверхностным сравнением, суетной метафорой.

Из-за крутого откоса скалы, из-за ее четкой хмурой линии, очерченной высоко на небе, высыпалась стая галок, словно пригоршня черных легких семечек, брошенных невидимой рукой. Здесь как будто даже птицы не знают спокойного полета птичьих стай. Безмолвно и мягко ссыпались хмурые птицы на башню, окропили ее бреши и украсили, словно траурным убранством, черным флером крохотные бойницы. И дополнили пейзаж.

Здесь живут люди. Немногие и привыкшие к жизни в бывшей крепости. А в такие летние дни все, кто здоров и способен к труду, уходят из дому на полевые работы. Там, внизу, вдоль по течению Неретвы, лежат их чистые и плодородные поля, здесь же их старые дома, укрывшиеся в развалинах. На домах сохранились еще номера. Однако может случиться, что, распахнув несколько таких дверей с номерами одну за другой, вместо живых людей и жилых построек вы увидите репейником и травой заросший двор, скелет стоявшего тут здания с окнами, из которых зияет пустота. А может случиться, что на звук отворяющейся двери вы вдруг услышите из обветшавшего дома женский голос, слабый и немощный:

— Кто там?

Смущенный и ошеломленный, вы не отвечаете сразу, а голос предков звенит:

— Кто-о-о?

В этом голосе живет старина нашего языка со всеми красками и долготами гласных, каких нигде больше в современных поселениях не произносят и не слышат. В нем чудится мне и древняя тень крепостного недоверия, пережившего и причину своего рождения, и каменную крепость и звучащего посреди бела дня еще в ее развалинах.

— Друзья!— отвечал я без раздумий с теплом и желанием встречи.

Покидая Почитель, я еще раз сел на горячий поваленный камень в самой высокой точке крепости.

Спокоен мир, каким я вижу его в этот момент. Бесчисленные суетливые движения и неродившиеся замыслы и начинания мгновенно улеглись в темную линию, в которой совпали две стрелки. Спокойно и неподвижно все вокруг меня; здания, растительность и предметы, освободившиеся от своих теней, никуда не стремятся и ничего не говорят. В бессознательном минутном самообмане я распространяю это спокойствие на весь мир, как одну из тех иллюзий, которые содержат правду мгновения.

Растаял в бело-голубом пламени язычок небесных весов. Ни знака, ни числа, ни надписи, ни голоса. Никак не зовется, ничем не означено и не отмечено нигде то, о чем говорит этот момент на камне, между камнями, под солнцем в зените. У дня нет названия, у времени нет меры, мир потерял свои границы. В совершенном равновесии смирились чаши бытия и исчезновения.

Но уже в следующий момент стрелки выйдут из своего слепо-луденного положения и разойдутся в невидимом и неизмеримо крохотном, но сильнее любого катаклизма движении—и мир предстанет нашему взгляду таким, каков он есть, все обретет свое имя и будет подлежать определению установившимися, ограниченными, Доступными нам мерами нашей мысли и нашего шага. Все станет тем, что есть. Все живое и мертвое около меня вновь обретет свою тень, оковы, которые с каждым днем увеличиваются в объеме и весе. Все и будет существовать лишь как движение и поскольку оно есть движение. Я пошел догонять своих. За нами останется невысказанный, неуловимый, безгранично огромный миг безымянного величия и обманчивого прекрасного равновесия мира.



Мы позабудем завет и призыв камня в развалинах, и ничто на свете не сможет полностью оживить их в нашей памяти. Ничто. Не оживят их и строки, которые я сейчас пишу на этом камне в послеполуденный час.

Пейзажи

Поезд мчится по равнине Срема. Воскресная послеполуденная пора. Притушенный свет ноябрьского дня. Над пустынными полями сильный ветер. В окно вагона я вижу, как сухая кукурузная листва плывет в воздухе, несомая порывистым юго-западным ветром, выгибается и сталкивается, поднимается и опускается, напоминая то парусную яхту, то заблудившуюся чайку с темными крыльями.

Вот так же и пейзажи могут обманывать, как мы обманываемся глядя на них.

Мы движемся по горной местности в Восточной Боснии. Высоченые вершины; голые или лесистые, но неизменно крутые склоны; живописные ущелья, вдоль которых растут прилепившиеся одинокие Сосны; глубокие каньоны с тревожными зелеными и пенящимися реками. Повсюду резкие и разорванные линии рассекают или заслоняют небо, а нам кажется, будто все эти исполинские формы обрушиваются с воем прямо на нас. Все здесь острое и агрессивное,

все кажется исключительным и значительным, все рождает чувство романтического восхищения, неразлучно связанного с чем-то, что походит на страх и вызывает мысль о том, что с этими пространствами связаны необыкновенные события, великие исторические перевороты. А на самом деле это спокойный и заброшенный, ничем не знаменитый безмянный край, которого не коснулась история или по которому, может быть, она некогда прошла, спеша к своим далеким целям в других местах, оставляя нетронутым его безмянное, серое бытие с неизменной чередой уныло сменяющих друг друга природных процессов возникновения, роста и умирания.

Совсем иное, совсем противоположное этому чувство, когда мы едем по равнине Срема или Бачки. В глаза бросаются лишь бесчисленные и бесконечные борозды; в зависимости от скорости поезда они или раскрываются и складываются в непрерывной причудливой игре разноцветных вееров слева и справа от нас, или превращаются в разлившиеся темно-зеленые воды, которые молниеносно стекают к какой-то общей линии в глубине горизонта, где их ожидает невидимое и бездонное падение. Едва различимы крыши сел, утонувших в садах и скудной последней зелени деревьев, и только одинокая колокольня иногда возвышается над ними, однако и она теряется в однообразии хмурой равнины и серого неба, незначительная и по форме, и по своему стремлению возвыситься. Здесь не на чем остановить взгляд вплоть до самой дальней черты, которую нельзя больше назвать землей, где тянется небо, однообразное и бескрайнее, словно и его составляют лишь какие-то лазурные, золотые или серые нивы для неведомых нам злаков. Здесь тоже все движется и летит, но словно стремясь ускользнуть от нас, таясь и пригибаясь то в одну, то в другую сторону, подобно стелющейся траве или птице на бреющем полете. Бесформенно и приземленно все, на что ни взглянешь, и все напоминает о буднях, о долгом праздном времени и обычной жизни. На самом же деле эта равнина — арена великих исторических событий и столкновений со времен переселения народов и защиты Римской империи, через вековые турецкие походы и войны до партизанских «баз» и великих битв в недавней борьбе наших народов против фашизма. Эту равнину с давних пор вдоль и поперек бороздили переселенцы, беженцы и огромные воинские отряды; здесь хутора, села и маленькие городки часто означают места, где проходили великие битвы и заключались исторические мирные договоры. Однако ни о чем подобном не говорит этот край.

Такова равнина; тихая и невзрачная, она рождает, молчит и прикидывается неловкой, всегда готовая превратиться в арену человеческого созидания или человеческого разорения.

Так вот и земные пространства могут обмануть на мгновение увства и мысль человека, показать и сказать одно, а быть и означать совсем другое.

Воскресная послеполуденная пора. Поезд гроыхает и мчитя по серой равнине Срема. Взглянув в окно вагона, я вижу, как ветер по-прежнему носит сухую листву кукурузы; она уже далеко, чернеет на фоне серого неба, подобно припоздавшей птице, название которой не можешь угадать.

Взлетая над морем

Infinite mar me meu desejo!

Camões *

Стоит вспомнить о море, как легкая дрожь охватывает меня — волна и крыло! — от затылка до кончиков ногтей, и на миг земля исчезает у меня из-под ног.

Выведите жителя Балканских гор на море, и вы откроете опьяняющий праздник с радостным рассветом и полными неизвестности сумерками. Стремление к морю, видимо, зарождалось и росло в поколениях, и воплощение его в одной нашей личности жестоко, как взрыв. Выход племени к морю — это начало его подлинной истории, его вступление в царство больших жизненных шансов и больших возможностей. Этот решающий миг в истории рода повторяется всякий раз в истории личности при первой ее встрече с морем, только в иной форме и меньшем объеме.

Я стараюсь хорошенько понять ту неопишемую нежность, которой наполняет меня самая мысль о сизо-белых оттенках на перьях чайки, о безмятежных волнах, которые несут в себе солнце, небо, отраженные берега, наши образы и преломляются с музыкой, которой мы внимаем в божественном экстазе. В голову приходит мысль, что это те самые далекие и чудесные игрушки, по которым плачут ночами крестьянские ребятишки в наших горах, когда матери тшкетно суют им грудь, которая утоляет лишь первую жажду и первый голод.

Покидая твердый и суровый материк и вступая на зыбкий ковер, ведущий вдаль и в неизвестность, мы попадаем на важный переход, делаем шаг по пути, который ведет к одухотворению. В самом деле, когда человек спит ночью на корабле, вокруг которого поет море, ему приходит мысль о том, что это лишь первый ночлег в путешествии к покида лишенным телесности элементам более радостных и высших миров. Словно переходишь от круто замешанного вещества через жидкое его состояние к газообразному, и так все дальше и дальше.

Уже самый выход на берег моря создает иллюзию, будто мы движемся к совершенству. Исчезают леса, которые теснят и пугают дух и в которых все задыхается и поспешает в необузданном росте. Травы становятся более редкими и более благородными, они уединяются и ищут одиночества. Сосна становится кипарисом, горный дичок — сладкой смоквой, а трава без названия — розмарином. Огромные глетчерные реки серого камня, что обрушиваются с крутых склонов гор, становятся тоньше, мельче и на самом берегу превращаются в морскую гальку, полную таинственных узоров и образцов, словно непостижимых заветов.

Прополощите рот морской водой! В ней ничто не гниет, и поэтому она драгоценна и священна, как лекарство, ворожба и пока несовершенная форма ожидающей нас вечности. Она горька, но горечи не следует бояться: горечь означает расставание, а расставания — неизбежные станции на пути к совершенству. Доверьте вашу печаль горца морю; оно бесконечно и неодолимо, как непрестанное

—*—
* Бескрайнее море мне мое желание! Камюэнс (португ.)—



Адриатика. Уголок побережья между городами **Примоштен** и Рогозгаша

приглашение к дальнейшему путешествию. Здесь, на каменной опушке, в виду моря, стихла наша песнь горцев, завершилась возгласом неожиданного изумления.

Мы становимся легкими и опытными. Мы плывем.

Мне кажется, будто я вижу, как житель гор, который в своем крае неторопливо рассказывает возле костра, напоминая дива, исполински огромного и тяжелого, медленно превращается в моряка, в маленького матроса, который с двумя флажками в распростертых руках высоко на мачте претворяется в знак или букву, одну-единственную букву в сжатой фразе, продиктованной острой потребностью. При одной мысли о горькой стихии, где угасает любое имя и стирается любой лик, во мне рождается непонятное возбуждение и растет без границ.

Волна становится крылом. Мы становимся бестелесными и счастливыми. Мы летим.

Это больше не то вино, «как красное море», по которому скитаются ладьи и герои, но «неисчерпаемый океан любви божьей», шум которого слушал некто спасавшийся в тишине своей кельи. Шум в ушах бодрствующего в холодной ночи. Этот бесконечный и смутный разговор между одиноким человеком и тишиной, его окружающей, означает, что мы стоим в конце пути. Это последнее слово всех призраков этого мира. В нашем одиночестве, пользуясь

по-прежнему всеми чувствами, но больше не для мира чувств, этот шум должен перенести нас в пределы, где неведомы ни звук, ни тишина. Поэтому линия моря в глубине горизонта мне всегда кажется воротами, которые уводят из мира, а шум волн — последним, что мы заимствуем на этой земле. И бездны сверкания, что иногда раскалываются летом под штормовым ветром над морем, есть лишь бледные предвестники внутренних океанов, поскольку все земные моря остаются позади — ни волн, ни крыльев! — как символы, которые мы превзошли.

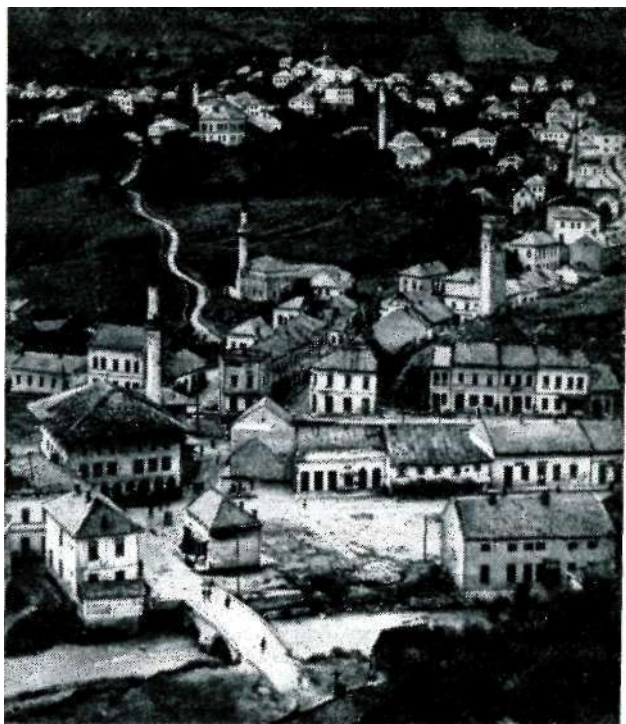
Вино

Я думаю о будничных, обыкновенных вещах и о радостях, какие они нам доставляют. Я думаю о вине. В эту минуту я не знаю, что о нем говорили поэты и что о нем думают мудрецы. Слова поэтов подобны ветру, а о мнениях людей не стоит заботиться, ибо живут не мудрецами и не ради мудрецов, но помимо них и вопреки им. Я говорю лишь об истинных радостях, которые вечны, поскольку они однажды существовали. Все, что я славлю этими своими словами, прошло однажды через мои ощущения и мое сознание, принесло мне радость и поддержало, единственной реальностью оставило мне мысль о самом себе. Одной из таких вещей является вино.

Памятью обращаясь вспять, я не могу определить, с каких пор я ношу его образ и произношу звучное слово, его обозначающее. Это не то красное вино, что виднелось в неуклюже изображенном кувшине над дверями корчмы, мимо которой мы ходили в школу; не то белое, что оставалось в бокале после посещения гостя; не таинственное вино причастия, которое скорее предчувствуешь, нежели воспринимаешь. Первым настоящим вином в моей памяти стало вино из библейского сказания о милосердном самаритянине. Вино, смешанное с маслом, которым неведомый путник омывал раны страдальца. Тогда, думается мне, впервые ощутил я его ценность, силу и смысл. А потом прошли передо мною многие вина этой страны. Знаменитые, культивированные вина, что спали в глиняных сосудах или глухих разбухших бочках, которые не отвечали на постукивания, охраняемые, точно взрывчатка или заветный талисман. Крестьянское вино, для которого в мире нет имени, но лишь кличка без славы. Благородное вино, которым медленно и благоговейно обносят за столом. Бедняцкое вино, которое жены тружеников приносят своим мужьям на стройку, — его пьют из горлышка, а потом локтем левой руки вытирают влажные усы. Опасные вина нашей юности, убогие, ложные; чудесные вина ученических лет, которые были лишь отражением нашего внутреннего опьянения и восторга и которые исчезли вместе с гулом нашего пульса и шумом крови, исчезли безвозвратно в забвении, где им и место. Однако воспоминание об одном из таких вин сохранилось во мне, и я прошу его, точно тепло собственного тела, сквозь стремительные перемены событий и бег проворных времен года.

На одном из островов Средиземного моря осталась стоять на столе из камня моя недопитая до конца тяжелая чаша. И сегодня, спустя много времени, я могу заглянуть в эту широкую чашу и на сверкающей поверхности напитка увидеть виноградную лозу с клочком неба, заметить живое и смутное отражение своего лица и

Травник, средневековая столица Боснии, город, с которым неразрывно связано творчество Иво Андрича



рядом крестьянскую девушку, что, охорашиваясь и смущаясь, произносит глубоким голосом: «У нас есть только сыр, хлеб, маслины и вино». В том небольшом остатке светлой жидкости — разве что на могилу плеснуть, — который уцелел после того, как я утолил жажду, когда-то я мог растворить не только то, что я есть, чем был, что видел и знал о жизни, но и все вина нашего мира и целиком этот мир со всеми его переменами и всеми его творениями и людьми, живыми, умершими и пока еще не рожденными.

Долгий день на летнем море, вино, хлеб, маслины и улыбающаяся женщина с теплым голосом, рождающимся глубоко в груди. Да, это было много больше, чем мне казалось необходимо в моем скоротечном бытии.

Но что недопитая чаша, которую я оставил однажды летом на острове?! В этот миг у меня в сознании она сверкает и искрится в бесконечности своей золотой поверхностью. И однако, я вижу с каждым днем отчетливее, как пучина медленно остается позади меня, и чувствую с неумолимой ясностью, что все вино этой страны есть лишь мертвое, закрытое море, из которого нужно искать выход в океаны, нас ожидающие.

Удаляясь вседальше, оглядываясь, подобно человеку, покидающему любимый и знакомый край, мы произносим искренние последние слова во славу вина. Все мы его искрой, словно в лучах иного солнца, отогрелись и утешились. Кому из нас не довелось переживать дни, когда едешь в одиночестве, убегая от одного,

меньшего одиночества в другое, большее, и когда на этом пути нет ничего из того, что ищешь, ни живого человеческого существа, ни желанной мысли, но ты остаешься один на один со смертоносной пустыней времени перед собою, с единственной возможностью брести по свету, подобно тому как букашка ползает вокруг травинки, без надежды, без будущего и без видимого смысла;— когда единственной пищей является тот горький и высохший кусок, который ты никогда не доел, но который застрял в горле с самого детства и который лишь вино может на мгновение смягчить и протолкнуть в желудок. Кого не утешило и не поддержало тогда вино? И найдется ли человек, который ему ничем не обязан?

За этими словами возникает надежда, смелая и небывалая, что текущий и реальный сок хрупкой лозы станет однажды лишь невидимым запахом и что потом летучий и непостоянный аромат земного плода претворится в чистый дух, который существует веками непостижимым для нас образом, без конца и перемены.

Эта надежда есть то самое, что последним мы видим в каждом стакане вина, пока держим его и согреваем охлажденный сосуд теплом своей ладони, внимая досужему разговору досужих людей. И минута молчания, пока мы созерцаем светлую поверхность наполненной чаши, по сути дела есть тайная, безмолвная здравица в честь этой нашей надежды. Ибо даже в чаше самого темного вина мы замечаем тонкий и быстрый лучик света, словно распахнутые ворота в пределы без звука и знака, без образа и лика, без всякого вина и дурмана. И пока мы безмолвствуем, погруженные в этот отсвет, внутри нас распускаются почки предчувствия, что все вина этой земли испаряются, точно капля воды на раскаленной плите, что, пия без меры и без конца, мы по существу жаждущими прошли по этому миру и что в миг прозрения Истины мы встанем с пересохшим горлом, изнывая от жажды по одной-единственной капле неведомой милости.

Перевод с сербскохорватского
Александра Романенко

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСИ ИВО АНДРИЧА

Послесловие переводчика

За последние годы мы имели возможность сравнительно часто видеть на книжных прилавках, на страницах наших периодических изданий переводы произведений крупнейшего югославского писателя XX века, лауреата Нобелевской премии по литературе Иво Андрича (1892—1975). Тонкий художник и своеобразный мыслитель, стяжавший мировую известность своими романами и новеллами, Андрич обогатил современную югославскую прозу и жанром оригинального лирико-философского очерка, созданного в результате его многочисленных путешествий. Он любил путешествовать и в своей жизни немало ездил, хорошо знал Европу, повывав, вероятно, все ее страны, бывал в Африке, Китае. Его тонкие, полные благожелательности и трезвой обстоятельности путевые зарисовки, странички своеобразного дневника,—единственные в своем роде в литературе югославских народов.

«Зеленая страна» Португалия, холодная Скандинавия, знойная Испания с ее городами-памятниками, «радостный город» Рим, светлый героический

Иво Андрич. «Фотография предоставлена музеем И. Андрича в Белграде»



Ленинград, улицы которого «говорят на дружеском и понятном языке, языке разума и спокойной, непреходящей радости жизни», и жаркое Баку—таковы примерные географические координаты его путешествий.

Иво Андрич несколько раз приезжал в Советский Союз (впервые в 1946 году). Он был одним из первых югославских гостей в разрушенном войной, ставшем символом победы Сталинграде. Вместе с писателями Советского Азербайджана он отмечал юбилей Низами. Возвратившись на родину, он выступал во многих городах Югославии с рассказами о нашей стране и ее людях (очерки Иво Андрича об СССР опубликованы в журналах «Звезда», «Иностранная литература», в его книге «Рассказы, эссе, очерки». М., 1977).

Однако главной темой его путевых записей остается Родина, Югославия, самые дальние и прекрасные ее уголки, которые он умел описывать трепетно и нежно. Андрич любил Словению, где часто отдыхал последние годв; его радовала и делала счастливым маленькая македонская речка Радика, увиденная в молодости; он наслаждался видом Охридского озера, взволнованные и сильные слова находил он всякий раз, говоря о родной Боснии.

В нашем ежегоднике мы публикуем цикл очерков разных лет (1932—1954) о Югославии. Наблюдения писателя над «лицом земли» на первый взгляд мимолетны, случайны; записанные на бумаге, они напоминают эпизоды, как бы мельком увиденные путником из окна мчащегося поезда. Но это поезд жизни, жизни многогранной и неповторимой в каждой своей детали и в каждом мгновении.

Из небольшого, очень лаконичного и сдержанного, отнюдь не претендующего на категоричность очерка, лирического в своей основе, вырастает облик страны с ее пейзажами и людьми, с их характерными национальными особенностями. Без пафоса и патетики, через точно обозначенные и умело отобранные детали Андрич переносит нас в тот или иной край Югославии, самобытный и неповторимый, и не возникает сомнений в том, что он видит и изображает самое главное, самое ценное, самое характерное. Этим объясняется «многомерность» и емкость записей Иво Андрича, которые помимо своей художественной ценности обретают и подлинно научную, историко-географическую, познавательную значимость, тем более что Андрич, будучи историком по образованию, умело владел и методикой научного наблюдения и описания.

В путевых записях Андрича на первый план выступает то, что сближает народы, подчеркивает общее в мечтах и труде людей, в их надеждах на переустройство жизни. Поэтому они интересны многим людям, живущим в самых разных уголках нашей планеты.

Александр Романенко

ЕВГЕНИЙ КУРИЛЬСКИЙ

СЫНЫ ВУЛКАНА

Повесть

*Памяти Андрея Иванова
и Александра Будникова*



Маршрут через преисподнюю

Они огибали извергающийся вулканический конус. Шли местами по лавовым торосам, местами по раскаленной, но уже покрытой корочкой лаве. Оба были немолоды. Один, сухошавый, поджарый, держал в правой руке геологический молоток с длинной деревянной ручкой, на которую то и дело опирался. Второй, несколько грузноватый, массивный, пользовался в качестве дополнительной опоры алюминиевой лыжной палкой. На обоих из-под штормовок виднелись воротники шерстяных свитеров. Голенища резиновых сапог были немного отвернуты. Из-под касок на лбу выступали полоски черных меховых летных шлемов. Их рюкзаки, не очень объемистые и тяжелые, все же мешали удерживать равновесие, когда приходилось перепрыгивать с одной каменной глыбы на другую. Обветренное, загорелое лицо шедшего впереди обрамляла курчавая, с обильной проседью борода. В его выдавшей виды штормовке зияли дыры, а присмотревшись к его каске, можно было увидеть следы ударов вулканических бомбочек. Весь его облик, непринужденность, с которой он передвигался по горячим лавовым торосам, выдавали в нем бывалого «вулкановолка». Штормовой костюм его товарища был новый, хотя и разорвался у левого бедра об острый лавовый выступ; чисто выбритое крупное лицо с черными мохнатыми бровями Раскраснелось, а на левой щеке запеклись капельки крови — след

шлаковой бомбочки. По его неловким движениям нетрудно было догадаться, что на извержении он впервые.

Вулкан интенсивно изливал лаву. Гремели взрывы. Понемногу рос и разрушался конус. С северной стороны его окончательно разорвало, раздвинуло на две половины. Там, где раньше был склон конуса, образовалась широкая бокка (отверстие). От ее основания двинулся новый поток. В сотне метров от истока лава текла со скоростью четверти метра в секунду. Поток нес на себе осыпанные черным шлаком, но горячие (внутри светились ярко-красные трещины) куски разрушенной части конуса. Сквозь неумолчный грохот взрывов слышались шелест, звон и потрескивание текущей лавы...

Они поставили перед собой цель обойти действующий вулкан. Опасность была очевидной, но истинная степень риска им была неизвестна. Перед ними медленно ползла лавовая река. Форсировать ее было трудно. А самое главное, — они не знали, что ждет их за ней. Сколько еще лавовых рек и раскаленных трещин, смогут ли они их преодолеть? А если не смогут, удастся ли вернуться прежним путем? На вулкане и вокруг него обстановка менялась постоянно.

Шедший впереди подождал, пока новичок приблизится, спросил:

— Так как, Алексей Николаевич, рискнем?

— О чем речь?! Впрочем, решайте сами, Константин Иванович. Вы опытнее. По-моему, без риска нельзя заниматься вулканологией.

— А когда чаевать будем? Время-то подошло...

— Вот перейдем лавовый поток, там посмотрим.

Они поднялись на краевой вал потока, где было больше всего замаскированных шлаком трещин. Ступали осторожно: в горячий рыхлый шлак недолго провалиться по пояс, а то и глубже. Сошли на раскаленный, медленно движущийся поток. Через подошвы сапог жгло ступни. В лаве оставались следы, как в размягченном асфальте. Лицо от жара приходилось прикрывать руками. Наконец они достигли противоположного краевого вала. Вскарабкались на высокую шлаковую насыпь. Стоять на ее гребне было очень горячо, но вид с насыпи открылся впечатляющий. Вверху извергающее раскаленные бомбы жерло. Ниже лавовый исток и быстро текущая, почти добела раскаленная лава. Еще ниже и правее целое лавовое море с отдельными рукавами потоков, покрытых местами коркой с многочисленными красными трещинами.

— Ну и ну! — с удивлением, восхищением и затаенным страхом воскликнул Алексей Николаевич, переминаясь на горячем шлаке с ноги на ногу.

— Да, маршрутик нам предстоит через самую преисподнюю, — отозвался его спутник.

Они спустились со шлакового гребня на приостывший старый поток. В этот декабрьский день за пределами вулкана мороз достигал двадцати пяти градусов, температура же остывающих потоков — нескольких сот градусов. Здесь же, на теплых камнях, «климат» был в самый раз. Чтобы остудить ноги, они стащили с себя резиновые сапоги. Резиновые сапоги на извержении были незаменимы. В них переходили через текущие лавовые реки, покрытые лишь десятисантиметровой твердой, но раскаленной коркой. В них нестрашно было провалиться по колено в горячий шлак; Правда, выскочив оттуда, надо было поскорее стащить их с себя. Тогда из сапог, как из трубы, валил пар, а на ногах парились толстые шерстяные носки. В

резиновых сапогах лазали по ломким, хрустким, занозистым кекурам. Какая еще обувь годилась для того, чтобы ходить по воде, камням, снегу, льду и даже по раскаленной лаве?

Немного остудив ноги и обувшись, они вытащили из рюкзака флягу со сладким чаем и разогрели его в раскаленной трещине. Нарезали ломтями хлеб, слегка поджарили его над той же трещиной. Привал не занял много времени: надо было спешить проделать намеченный немислимый маршрут.

Они задыхались в едких вулканических газах, пробивающихся через трещины в лаве, спотыкались и падали на горячие камни, продвигаясь от одного лавового тороса к другому, стараясь держаться ближе к основанию конуса, чтобы верхом обходить лавовые истоки. Но что это?.. Под ногами старые лавовые пласты толщиной более пяти-шести метров начали трещать, взламываться, вздыматься. Образовались зияющие трещины. Крупные обломки скал рушились, поднимая облачка пыли. Это из глубины рвался наружу огненный расплав. Вот в одной из трещин появилась раскаленная лава. Желто-красное, дышащее жаром, пузырящееся каменное тесто, изливаясь из недр, быстро поползло вниз. Они стояли в двух-трех метрах, неожиданно став свидетелями рождения новых лавовых рек. Раскрывались и зияли трещины, шевелились и падали каменные глыбы, огненная масса росла. Они находились выше ее истока. Палящий жар заставил подняться вверх еще на несколько метров. Они заняли более удобную позицию для наблюдений. Встретив на пути обрыв, огненные речки срывались с него эффектно лавопадами. Таких речек возникло три. Сливаясь ниже лавопадов, они образовали раскаленное озеро. Оно быстро покрылось тонкой корочкой, местами разрываеваемой газами. Из озера медленно вытекали рукава вязкой лавы. Наконец положение стабилизировалось. Вздымание пластов старой лавы и расширение трещин прекратились. Весь описанный процесс занял не более получаса. Отобрав образцы расплава, сделав несколько снимков, зарисовок и записей, путники двинулись дальше. С очередного вала стал хорошо виден большой желтый исток лавовой реки, который они рассматривали с высокой шлаковой насыпи. Это было главное препятствие. Предстояло пройти над истоком у самого основания конуса, а туда беспрерывно падали бомбы. Но другого пути не было.

Исток... Из желтой пасти шириной два-три метра под черным козырьком медленно выступала светло-оранжевая лава. Она втекала в глубокий и обширный лавоём. На золотистом фоне лавы то и дело появлялись и сжимались в правильные складки серые «простыни» тонкой корочки. Местами лава вдруг устремлялась в возникающие на короткое время глубокие воронки. Так, как это бывает при сильных водоворотах на реке. Недалеко от середины этой динамичной поверхности параллельно общему движению потока проходил ров, и видно было, как лава справа и слева втягивается в него. В желтой пасти, из которой поступала лава, иногда возникали вязкие пробки, выталкиваемые течением. А на противоположном конце огненной ванны то и дело набухали лавовые пузыри, которые иногда разрывались. Вырывающийся со свистом газ выбрасывал на высоту нескольких метров маленькие лавовые бомбочки. Из этого бурливого глубокого золотого лавоёма, постоянно размывающего свои черные горячие берега, изливались три светло-оранжевые речки. Две текли

на юго-восток, третья — на юг. Скорость течения достигала семидесяти сантиметров в секунду.

...Итак, предстояло пройти над истоком у самого основания конуса в зоне вулканической бомбежки. Звуки взрывов были глухими, ухающими. Фейерверки бомб поднимались на высоту двух-трех конусов. Вслед за этим раздавались серии тяжелых ударов бомб о землю. У основания конуса, над истоком, там, где им предстояло пройти, бомбы падали ежесекундно. Можно было видеть, как они дымят и постепенно тускнеют. Многие раскаленные лепехи, упав на конус, скатывались к его основанию, оставляя за собой пыльный горячий след.

— Значит, так, — решил Константин Иванович, — немного отдохнем и пробежим опасный участок по одному. Вон большой камень, похожий на парус, видите? За ним уже безопасно. Первым иду я. Вы за мной наблюдаете. Перенимаете, так сказать, опыт. Как дойду до камня-паруса, идете вы, а я наблюдаю. Да не бегите очень, а то подведет сердце. И вообще — надо быть осмотрительным.

...Константин Иванович начал проходить опасный участок. Он не бежал, нет. Надо было смотреть под ноги, чтобы не споткнуться, и глядеть вверх, в небо, откуда падают бомбы. Град горячих шлаковых бомбочек величиной от грецкого ореха до среднего яблока бил по каске, по плечам, по рукам. Крупные бомбы размером с голову и больше падали почти ежесекундно на участок в шесть-двенадцать квадратных метров. Вдруг Константин Иванович остановился. Все в нем напряглось. Крупный ошметок раскаленной лавы летел прямо в него. Но вязкая желто-красная бомба, похожая на большой портфель, упала на склон чуть выше и съехала к его ногам. Несколько шагов он пробежал, столько же прошел, наблюдая, куда упадут крупные бомбы. Опять бегом, опять шагом... И так несколько раз. Но вот и камень-парус. Константин Иванович укрылся под ним и стер с грязного, запыленного лица крупные капли пота.

Теперь он стал наблюдать за тем, как проходит опасный участок Алексей Николаевич. «Ах, как медленно он движется, как медленно... Лучше бы самому пройти еще раз, чем так вот ждать. Бомба! Ну что же он медлит?! Она же летит прямо в него...» Но в тот момент, когда Константин Иванович был готов в ужасе закрыть руками лицо, Алексей Николаевич повернулся к летящей бомбе и чуть отступил. Свист. Тяжелый глухой удар. Бомба упала рядом в след его ноги. Наконец они оба на камнях под укрытием скалы-паруса.

— Пронесло, — вздохнул Алексей Николаевич.

— Да, самое трудное, пожалуй, позади, — согласился коллега.

Если бы это так и было... Оба уже были измучены физически и морально. Впрочем, для оптимизма основания имелись. От скалы-паруса за полем лавовых торосов виднелась почти ровная площадка — застывшее лавовое озеро. Ее перейти, казалось, не трудно. А дальше лежал серый от пепла снег — конец опасного пути.

...Они миновали поле торосов. Показался длинный лавовый вал, идущий от основания конуса бог весть куда. А вдоль вала светились две параллельные, пышущие огнем трещины, одна шириной в метр-два, вторая выглядела уже. Они отыскивали относительно неширокое место. Прыгнул Константин Иванович, за ним Алексей Николаевич. Первую трещину преодолели благополучно. Но расто-

яние между первой и второй составляло какие-нибудь два метра. И на этой узкой полоске еще не остывшей лавы, между двумя дышащими огнем зияющими разрывами, они почувствовали себя как на раскаленной сковородке. Дышать было нечем. И увы! Вторая трещина оказалась шире первой. Константин Иванович стал искать, где бы ее перепрыгнуть понадежнее. А его спутник с отчаянием обреченного вдруг первым махнул через огненный ров. Он упал, но уже на той стороне и на четвереньках отполз подальше. Прыгнул и Константин Иванович. Когда отдышались и улеглось волнение, он спросил «новичка»:

— Вы почему так отчаянно бросились?

— Испугался, что сердце не выдержит жара.

Через полчаса, перейдя твердое, но еще горячее лавовое озеро, опаленные, в полном изнеможении, они упали в серый от пепла снег, зарывая в него лица. Потом делали продолговатые снежки, сосали их и выплевывали пепел и шлак. Это были Константин Иванович Привалов, профессор-вулканолог, четверть века отдавший изучению вулканов края, и Алексей Николаевич Дорожнов, профессор-химик из далекой столичной лаборатории.

Вулкан продолжал действовать в прежнем ритме. То и дело до них доносились грохот взрывов, свист и глухие удары бомб, очень напоминавшие артиллерийскую канонаду. Алексей Николаевич прикрыл глаза, и перед его мысленным взором возник пасмурный рассвет на берегу Невы в морозное декабрьское утро 1941 года. Командир стрелковой роты лейтенант Дорожнов, выбравшись из окопа, поднялся на обрыв осмотреться, ознакомиться с обстановкой. Впереди расстиралась обширная поляна с кустарником, за ней чернел лес. Неожиданно лейтенант ощутил толчок в локоть правой руки. Выстрела он не слышал, боли не почувствовал, но рука повисла как плеть... Какое-то шипение за спиной заставило лейтенанта обернуться. В этот момент впереди справа в кустах мелькнуло лицо немца в каске, на которую была наброшена маскировочная сетка. Это был разведчик. Сзади, в канаве, через которую лейтенант только что перешагнул, крутилась и шипела брошенная немцем граната. Взрыв оглушил лейтенанта, и он потерял сознание. Очнулся, когда почувствовал, что кто-то тащит его вниз с обрыва. «Кто-то» оказался его ординарцем ефрейтором Ореховым. В пещере, выдолбленной в стенке обрыва, лейтенанта наскоро перевязали. До сознания донесли слова Орехова:

— Здорово попало!

Лейтенант лежал на животе, все происходящее воспринималось им с трудом. И все же через час он сумел встать. Своему заместителю младшему лейтенанту Чуркину бросил:

— Остаешься за меня. Попытайся дойти до медсанбата.

Медсанбатовские палатки стояли на другой стороне Невы. Ширина реки в этом месте была с километр. Немцы обстреливали минами всякого, кто появлялся на льду; лед был испещрен затянувшимися и свежими пробоинами. От обстрела лейтенанта спас утренний туман. Но... в густом тумане он не заметил занесенной снегом проруби и неожиданно оказался в ледяной воде. Он держался за кромку льда левой рукой, правая безжизненно висела. Но плечевой сустав Действовал, и он рывком выбросил раненую руку на лед. Течение тащило ноги под лед, но, может быть, именно оно и помогло ему

выбраться. Правая безжизненная рука лежала на льду, левой он отталкивался от кромки проруби, стараясь приподняться на затылке и вытолкнуть на лед лопатки. Но это не удавалось, потому что прорубь была шире его вытянутой руки. Однако отчаянным усилием, согнув в колене, он вытащил на лед правую ногу. Она стала такой тяжелой, будто сапоги и ватные брюки были налиты не невской водой, а свинцом. Теперь на льду оказались обе руки, голова и нога. Лишь бы не обломились края проруби. Он вытащил вторую свинцовую ногу. Лед выдержал. Раненый повернулся на живот, потом снова на спину, потом снова на живот и ощутил под собой надежный сухой лед. Лейтенант поднялся на ноги. Сначала вода текла с него ручьями. Потом он начал, не снимая, отжимать левой рукой телогрейку и ватные брюки. Лютовал мороз. Пройдя несколько сот метров, лейтенант вышел к противоположному, крутому и обледенелому берегу Невы. Туман рассеялся, и лейтенант убедился, что подняться на дорогу, идущую над береговым обрывом, он не в силах и участь его, видимо, предрешена. Ну сколько он сможет выдержать? Час, два — не больше. Но... вскинув голову, он увидел санитарную телегу.

В медсанбате, в жарко натопленной брезентовой палатке, его раздели, перевязали, закутали в одеяло. Потом в крытой автомашине привезли в Ленинград, в госпиталь. Там дважды делали операции — из спины и ног извлекли четырнадцать осколков. Пуля не повредила костей руки и главных нервов, и через полгода рука стала работать...

Мысли Дорожнова вернулись к событиям сегодняшнего дня: жуткий свист и удар вулканической бомбы в след его ноги, пышущие огнем трещины. «Везучий я, — думал Алексей Николаевич, — везучий. Повоеюем еще с вулканом».

Сизый газ

В то время как Привалов и Дорожнов огибали конус с западной, южной и восточной сторон, у северной его стороны работали сотрудники Константина Ивановича — Лида Рожкова и Иван Ростовщиков. Аспирантка Рожкова, стройная девушка с карими глазами и копной густых вьющихся каштановых волос, выбивающихся из-под кроличьей шапки, была без каски. Каску она приторочила к рюкзаку — на всякий случай. Младший научный сотрудник Ростовщиков, рослый блондин с холемым лицом, тоже был без каски. Она лежала на отставленном в сторону рюкзаке. У обоих на шее висели респираторы.

Здесь, среди поля затвердевших, но еще не остывших лав, как по туннелю, текла маленькая лавовая речка. Бомбы сюда не долетали, сквозь провалы и трещины в туннеле можно было ежедневно снимать образцы расплава и пробы газа, измерять вязкость лавы, снимать ее спектры и проводить некоторые другие исследования. На первых порах все работы группы велись здесь. Общие рекогносцировки, вроде сегодняшней, Константин Иванович взял на себя. Они были связаны с риском, а ему было гораздо спокойнее рисковать самому, чем разрешать это делать сотрудникам своей лаборатории. Дорожнову, своему старому товарищу, отказать в просьбе взять в сегодняшний маршрут он, однако, не смог. Уж очень хотелось

Алексею Николаевичу не просто посмотреть на извержение, а по-настоящему прочувствовать его.

Лида и Иван отбирали вулканический газ... Взрывы в кратере производят он, лавовые реки колышутся им. Лава потому и жидка, что в ней растворено много газа. Железный стержень у истока такой реки входит в лаву легко, как в тесто. Она и похожа по структуре на обычное тесто, которое быстро поднимается под действием газа. Пожалуй, самая характерная черта застывшей лавы — ее пористость. А поры — это бывшие газовые пузырьки, заключенные в деформированную оболочку из вулканического стекла. Там, где лавовая река течет под затвердевшей корой, из трещин в коре всегда пробиваются струйки газа. Обычно он чуть синеватый, сизый. Он поднимается от всей поверхности лавы, но заметно это особенно хорошо там, где она течет в созданных ею же трубах. Если в крыше такой трубы пробить отверстие, из него повалит газ. Взять газ из жидкой лавы — да это редчайшая возможность! Очень важно знать его состав. Из горячих вулканических камней с течением времени возникла внешняя каменная оболочка Земли — земная кора. А эволюция вулканических газов привела к образованию океана, воздуха и в конечном счете жизни. Из компонентов, входящих в состав вулканического газа, особенно интересовали сотрудников лаборатории соединения углерода, водорода, азота, и в первую очередь вода, аммиак, синильная кислота, углеводороды. Они звенья в эволюционных цепочках, ведущих к возникновению жизни и к образованию нефти.

Титановая трубка вошла в узкую трещину в затвердевшей корочке над лавовым пузырем и нижним концом погрузилась в жидкую лаву. Лавовый пузырь «дышал»: газ сочился из трещинок; казалось, что под его напором корка над пузырем вот-вот будет взломана. Тогда лава может потечь прямо на них. За прошедшие сутки она уже вылилась в нескольких местах из открытой протяженной трещины шириной в метр, разрывающей по оси крутой, высотой в четыре-пять метров, хребтик, образованный над туннелем вздыбленными пластинами ранее излившихся потоков. Лида и Иван расположились на восточном склоне этого хребтика, на вставших торчком глыбах старой лавы. Смачно чавкающий и шипящий пузырь находился как раз на уровне глаз. Огненный базальтовый расплав клокотал под панцирем затвердевшей корки в трещине в гребне хребтика. Из газовых вздутий в панцире жидкая лава легко могла вырваться на склоны. В нескольких метрах справа это только что произошло: из пузыря излился на кручу небольшой огненный ручей. Казалось весьма вероятным, что оставшийся расплав выплеснется прямо на них. Куда тогда бежать? За спиной, чуть ниже, лежало озерко лавы, покрытое тонкой коркой, которую иногда прорывали огненные язычки. Та же картина была и по другую сторону хребтика. Отступать, впрочем, можно было вдоль него по глыбам старой лавы.

...Из титановой трубки выделялся газ. Чистый магматический! Лида надела на нее эластичную силиконовую трубку — газ пошел в систему.

— Бери шприц, Иван, качай! Время идет.

— Да осточертел он мне уже, этот газ! У меня душа болит, что моя собственная работа не движется. Социалистическое обязательство срывается. — Иван, посмеиваясь, все же начал качать большой пятисотмиллиметровый шприц.



— Какое еще обязательство? — Лида замахала рукой: обожгла палец, поправляя титановую трубку.

— Такое, какое я взял: подготовить к весне кандидатскую диссертацию на тему: «Базальты Козловского вулкана». А кто виноват? Константин Иванович! Заставил ехать сюда, на извержение. Будто без меня не обойтись. Вот хотя бы ты — разве без меня этого газа не накачаешь? Ну накачаешь меньше или кто-нибудь поможет...

— Как ты скверно рассуждаешь, Иван. Такое извержение — редкость. А людей в лаборатории мало. Как же поступить Константину Ивановичу? И насчет газа ты тоже... Некрасиво. А козловские базальты... Что толку, если ты их подробно опишешь? Сто лет назад этим еще стоило заняться. А теперь и не перечесть, сколько базальтов описано с разных вулканов. Я на месте Константина Ивановича вообще сняла бы эту тему...

Ростовщиков отлично понимал важность изучения вулканического газа, но у него была забота — диссертация. Ей он и хотел бы подчинить все и вся. Первые дни он еще как-то скрывал это, но, увидев, что ему придется провести на извержении много времени, стал откровеннее. Он досадовал, что диссертация, а значит, и кандидатские «корочки» отодвигались куда-то в неопределенное будущее.

— Почему же это? — резко выпрямился Ростовщиков. — Тема вполне диссертабельная.

— Диссертабельная, слово-то какое. Вроде как бы беспроигрыш-

ная, где все наперед известно, что и как будет. А будет стандартная работа, от которой, как говорится, ни уму ни сердцу.— Лида говорила с горячностью, жестикулируя свободной рукой.

— Ну, это ты слишком! Тему мне как-никак рекомендовал академик...

— Академики бывают разные. Иные, вроде тебя, на диссертационных темах научную карьеру сделали. А вот наш Привалов еще ни разу даже не выдвигал свою кандидатуру в академики. А почему? Потому, что поглощен работой, научными проблемами. А вот такие, как ты, не помогают ему, а мешают!

Ростовщиков уже набрал воздуха, чтобы произнести длинную тираду, но в этот момент увидел Привалова и Дорожнова.

Они подошли, смертельно усталые, поздоровались, с облегчением сбросили рюкзаки.

— Не на горячее ли место вы поставили рюкзак? Смотрите, прогорит! — усмехнулся Константин Иванович, глядя на Алексея Николаевича. Тот поспешно наклонился, ощупал камни, переставил рюкзак и оглянулся в ту сторону, откуда они пришли.

— Константин Иванович, до сих пор не верю, что выбрались из дьявольской западни.

— Неосторожно я поступил, взяв вас. Сколько раз дорогой клял себя за это.

— Зато условия эксперимента я как следует прочувствовал. Это главное. Не мне вам говорить, что, анализируя вулканические бомбы, пепел, шлаки, очень важно знать условия их отбора. А образцы, отобранные собственными руками, анализировать особенно приятно.— И, обращаясь к Ивану и Лиде, Алексей Николаевич добродушно пробасил: — Мы с вашим шефом сегодня едва не угодили прямиком к Плутону. Пересекли несколько раскаленных трещин, лавовую речку, вдоволь наглотались вулканического газа. Но это все эмоции новичка! А у вас как дела?

Иван угрюмо промолчал, Лида серьезно ответила:

— Хорошо! Константин Иванович был прав. Нам удалось сегодня откатить газ, погрузив трубку на полметра прямо в лавовый пузырь.

Привалов пришел в восторг:

— Вот это здорово! В Советском Союзе такие пробы взяты впервые! Но их и в мире считанные единицы. Алексей Николаевич! Захватите с собой завтра этот бесценный груз? На интересующие нас компоненты такие пробы еще никто не анализировал!

Привалов дал кое-какие указания своим сотрудникам и, сказав, что Алексей Николаевич завтра улетит, попросил взять еще пробу конденсата. Потом оба профессора опять впряглись в лямки рюкзаков и устало двинулись к приюту «Извержение».

Приют «Извержение»

Он похож на маленький кораблик, скрывшийся от разгула стихии в надежной гавани. Каменные навалы высотой в несколько метров ограждают его с трех сторон от сильных ветров и метелей. И в пургу, чтобы прочувствовать ее силу, недостаточно просто выйти из домика. Надо немного отойти от него или подняться на расположенную рядом вертолетную площадку. Но, несмотря на такое огражде-

ние, в одно из его двух маленьких окошек видно зарево действующего кратера и багровые облака над ним.

Домик сколочен из досок. Вдоль стен в два этажа нары. Железная печь с длинной трубой. У печи сушилка. Посередине раскладной походный стол. Несколько керосиновых ламп, свечи. К стенам кусочками лейкопластыря приклеены цветные иллюстрации из «Огонька».

...В доме бывают гости — горностаи. Обычно визиты их ограничиваются сенями, где на полках сложены продукты. Сначала зверькам понравилась баночная селедка, потом — мороженая говядина. Горностаи — небольшой симпатичный зверек. Изящно выгибает длинное узкое тельце. Мордочка миниатюрная. Шерсть белоснежная, но у одного из гостей приюта «Извержение» самый кончик хвоста черный. Горностаи не боятся людей и лакомятся в сенях мясом в их присутствии.

Недалеко от домика, к северу и к югу от него, вдруг стали возникать отдушины в снегу. Стоят морозные дни, а из отдушин поднимается пар. Вокруг их устьев образуются белые венчики снежных цветов. Находятся отдушины на одной линии, проходящей через вулканические конусы и через домик. А что, если здесь возникнет новый кратер? Такая мысль не могла не прийти в голову.

Каждый вечер и утро обитатели домика любовались действующим конусом. Сейчас, когда он выбрасывает мало пепла, он кажется гигантским светильником. Бомбы уже не летят так высоко, как прежде. Они редко поднимаются над его кромкой выше полукилометра, но раскаленная взрывающаяся лава освещает столб белых и сизых газов и паров над кратером.

Ночью и в сумерки от приюта «Извержение» хорошо видны огни лавовых потоков. Самые яркие — русла текущих лавовых рек. Они непостоянны: исчезая в одном месте, появляются в другом.

От северного основания действующего конуса до приюта «Извержение» два километра. Привалов и Дорожных приближаются к нему. Идет пушистый снежок, и падает легкая лавовая пена. Небо вокруг удивительно нежно-голубого цвета, а заснеженная земля, покрытая бесчисленными обрывочками ажурной лавовой пены, бледно-сиреневая. Черный конус обрамлен фиолетово-синей полосой. Над жерлом стоит столб бело-розовых паров и темно-малиновая пеплогазовая туча. Взрывы слышатся через каждые пять-шесть секунд, и тогда черная поверхность конуса покрывается желтыми и красными бомбами.

В домике трое — Саша Пшеницын и Юра Плачев из лаборатории Константина Ивановича и журналист Виктор Березкин. На столе разложены вулканические бомбы, куски лавы, шлак. Пшеницын, высокий, статный, со светлыми усами, возится у печки — готовит ужин. Он геолог, и все разложенное на столе — его. Юрий Плачев сухощавый, темноволосый, с тонкими чертами лица. Он физик, занимается съемкой спектров вулканических газов, определяет вязкость и температуру лавы. Полулежа на нарах, он перелистывает стопку журналов и рукописный «Альманах». Виктор Березкин похож на Плачева — такой же невысокий брюнет. Когда-то работал кинооператором. Он и здесь с фото- и киноаппаратурой ведет съемку, но главное для него — понять смысл работы вулканологов, чтобы написать о ней. Вот и сейчас он сидит на нарах и что-то записывает в

блокнот. Все трое в шерстяных свитерах, меховых унтах. Плачев и Березкин накинули на плечи полушубки. Здесь это домашняя одежда вроде халата. В полушубках ходят и на ближайший наблюдательный пункт, где установлен штатив, бродят в окрестностях домика. В маршруты же выходят в свитерах, штормовых костюмах и резиновых сапогах. За плечами рюкзак, в нем на всякий случай телогрейка. Важная деталь одежды — рукавицы. Они предохраняют и от холода, и от жара лавы, и от острых камней, падать на которые приходится часто. Брезентовых рукавиц запас солидный, так как они постоянно прогорают, когда берешь образцы раскаленной лавы. Пожалуй, подошли бы здесь асбестовые рукавицы.

Сегодня молодые люди в маршрут не пошли: пришлось ремонтировать крышу приюта после очередной метели. Ночью ветер со страшной скоростью нес не только снег и пепел, но и колючие кусочки шлака.

Плачев спустил ноги с нар, раскрыл рукописный «Альманах».

— Вот послушайте, каково?

Мирозданье,
Звездный бег.
Черный камень.
Белый снег.
Взрывов праздничный салют.
Домик. Печка. И уют...

Он прочитал нараспев и пояснил:

— Это о нашей хижине. Кто-то в прошлую смену написал. А вот еще. «Десять заповедей обитателям приюта». Заповедь первая. Если тебе не надоела жизнь, не пренебрегай каской. Этот головной убор полезнее многих других. Заповедь вторая. Если в пургу заблудился, возвращайся к действующему конусу. Там можно в тепле переждать непогоду. Заповедь третья. Не ходи по лавовым торосам без рукавиц. Заповедь четвертая. Не лезь в горячий шлак. Он коварен. В нем нетрудно испечь ноги. Заповедь пятая. Если бомба упала рядом с тобой, радуйся, что не на тебя...

Плачев отложил «Альманах» в сторону.

— Ну, это все для нас не ново. Я вам сейчас прочту кое-что из другой области. — Он порылся в кучке журналов, вытащил один, полистал:

— Журнал «Памир» (почему-то в юмористическом разделе) глаголит: «Да сохранит нас аллах от дел, ведущих к сожалению и огорчению!» Не правда ли, хорошо сказано?

— Что касается вашего брата-вулканолога, то пусть аллах вас просто сохранит,— бросил реплику Березкин.— Кстати, Саша,— он посмотрел на Пшеницына, — ты на какой воде ужин готовишь? Снег Растопил?

Нет, снег же с пеплом. Снежная вода еще кислее и противнее, чем из озера. Так что, Витя, будь доволен, на проверенной воде из проруби, с мышьяком и с фтором! Как утверждает профессор Привалов для пессимистов она вредна, для оптимистов сойдет за лечебную — Пшеницын бросил в кипяток куски мороженой козлятины.

Его ответ явно встревожил Березкина. Воду они брали из небольшого озера в провале старого лавового потока. Как показали

анализы, фтора и мышьяка она содержала в десять раз больше нормы. Каждое утро один из них с двадцатилитровым бидоном преодолевал высокую каменную насыпь, опускался в провал и продавливал ломом замерзшую за ночь прорубь. Иногда в проруби показывался большой жук-плавунец. Он был всеобщим любимцем. Все рассуждали так: раз живет в озере жук, значит, и вода в нем не такая уж вредная. Пробовали они и снег растапливать. Но чистого снега практически не было. К нему всегда примешивался пепел. Снежный покров в разрезе походил на слоеный пирог из пепла и снега с примесью того же пепла. С некоторых пор воду для питья им стали забрасывать вертолетом, но она была на исходе.

— Шутки сейчас неуместны, Саша,—сказал Березкин,—ты ведь знаешь, что Андрей Трифонов, который месяц пил эту воду, умер от цирроза печени.

— Андрей жаловался на печень после перенесенной им болезни Боткина,—возразил Пшеницын.—Но я лично думаю, что на его печень повлияла не столько эта вода, сколько вулканический газ. Наглотался он его предостаточно. Газ—вот в чем для нас главная опасность.

— Об этом я читал и у Гаруна Тазиева,—подтвердил Плачев.

— А раньше я думал, что главная опасность на извержении—это раскаленные бомбы...—Пшеницын подбросил в печку поленьев.

— Бомба—это уж определено,—откликнулся Плачев.—В лаву провалишься—тоже крышка...

— Да не всегда,—не согласился Пшеницын,—как повезет. Под Володей Хмелевым кровля над лавовой трубой провалилась. Так ведь выскочил. Но что это за разговор мы завели?..

— Это я виноват. Я завел,—покаялся Березкин.—Но мне этот разговор интересен... Даже нужен. Думаю я написать о вашей работе очерк «Цель. Риск. Награда». Все ясно мне пока только с риском.

— А насчет цели разговор нужно вести с Константином Ивановичем. Принцип у него такой: «Раскрытие тайн бога Огня оправдывает личный риск вулканолога».—Пшеницын стал снимать камни со стола и переключать на свои нары.

— Труднее всего, Витя, у тебя будет с наградой,—грустно улыбнулся Плачев.—Как это в песне поется: «А удача—награда за смелость»? Научное открытие—вот для нас высшая награда. Но это не просто удача... Что же касается других наград, Витя,—продолжал Плачев,—то мы о них не думаем. Впрочем, не думать о наградах—это, так сказать, компонент хорошего тона. Так вот, иногда думаем и даже говорим о них, но с юмором.

Пшеницын зажег свечу и поставил ее на стол.

— Беспокойно как-то. Наших долго нет. Спокойнее, когда сам в маршруте. А когда ждешь других, мысли всякие в голову лезут...

— Сегодня, действительно, есть повод волноваться,—сказал Березкин.—Константин Иванович потащил гостя вокруг конуса... А Рожкова отбирает газ с этим типом.

— Да сохранил нас аллах...—Плачев театрально воздел руки к небу.—Я тебя не понимаю, Саша. Почему ты сам не взялся помогать отбирать газ Лиде? Зачем нам нужен здесь Иван, когда он все время норовит удрать отсюда?

— А затем, что раз он в нашей лаборатории, то нечего ему в такое время заниматься своими дурацкими делами,—раздраженно

ответил Пшеницын.— У нас рук не хватает. Мы с тобой можем помогать Лиде лишь эпизодически.

Раздражение Пшеницына было вызвано тем, что он сам думал точно так же, как его друг Плачев. Можно успеть все: и справиться со своей работой, и помочь Рожковой. Но Пшеницын считал, что нельзя позволять кому-нибудь петься лишь о личном, о своей диссертации. Пусть и Ростовщиков поможет общему делу, столь важному и нужному.

И потому повторил упрямо:

— Да, Юра, и ты и я можем помогать ей только эпизодически.

— Я и ты — это совсем не одно и то же, — возразил Плачев. — Закон избирательного притяжения знаешь? Не знаешь? Тем не менее, как и всё в природе, ты ему подвластен... И Лида тоже...

— Да не подначивай ты его, Юра. У него и так душа не спокойна, — вступился за Пшеницына Березкин. — Чу, кажется, пришли.

До них донесся скрип снега и неразборчивые голоса. Дверь распахнулась, и в домик, как два облепленных снегом медведя, ввалились Привалов и Дорожнов.

— Добрый вечер! Вот здорово, тут и ужин готов, пахнет просто изумительно! А сколько сейчас времени? Мы на вечернюю связь не опоздали? — Привалов подошел к рации, включил ее, надел наушники: — Ка-эр-эс, ка-эр-эс, я ка-эр-эс четыре, я ка-эр-эс четыре, как меня слышите? Как меня слышите? Прием. — И после паузы: — Добрый вечер, на связи Привалов. Примите сводку. Частота взрывов средняя, 30 в минуту. Высота полета бомб до 500 метров. Разлет бомб в стороны до 500—600 метров. Дебит лавовых рек до 20 миллионов кубических метров в сутки. Скорость до 1 метра в секунду. Температура до 1200 градусов Цельсия. — Он повторил сводку, а потом продолжал: — Таня! Примите, пожалуйста, еще радиограмму инженеру по полетам Краковскому: «Согласно договоренности завтра с утра ждем вертолет за профессором Дорожновым, за пробами и образцами. Общая загрузка 800 килограммов». Как поняли?.. Спасибо! До завтра.

Дорожнов подошел к своему рюкзаку, достал бутылку коньяку, поставил на стол:

— Объявляю: мне сегодня стукнуло пятьдесят пять, и я рад, что встречаю эту дату в столь романтической обстановке.

— Сердечно поздравляем, Алексей Николаевич! — Пшеницын, Плачев, Березкин подошли пожать руку Дорожнову.

— Ура Алексею Николаевичу! — крикнул Пшеницын.

— Ура! — дружно поддержали все.

В этот патетический момент в приют вошли Рожкова и Ростовщиков.

— Слава богу, наконец-то. — Пшеницын помог Лиде снять рюкзак — А у Алексея Николаевича сегодня день рождения. Помогите мне, пожалуйста, накрыть стол.

Лида выглядела расстроенной. «Должно быть от усталости», — подумал Пшеницын.

Когда сели за стол и разлили коньяк по кружкам, встал с раскладного стула Константин Иванович:

— Ну что ж, за именинника. У него за плечами фронт, ранение, боевые ордена и двадцать лет работы в районах Крайнего Севера. А

сегодня в свои пятьдесят пять профессор Дорожнов снова бегал под бомбами... вулканическими. Здоровья вам, успехов и радости, дорогой Алексей Николаевич!

Все встали. Сдвинули кружки. Выпили. Сели. При сильных взрывах вулкана домик вздрагивал, пламя свечей тоже вздрагивало в такт взрывам.

Поднялся Дорожнов.

— Я рад, что отмечаю этот день с вами, с вулканологами, здесь, почти как во фронтовой землянке. Рад, что приобщился к вашей работе, что передо мной, как и перед вами, открылась заманчивая цель: показать, что все мы, собственно, в конечном счете дети вулканов!

— Мы — дети вулкана! Это звучит, — сказал Пшеницын. — Предлагаю тост за сынов вулкана!

— А как же дочери вулкана? — спросила Лида.

— За сынов и дочерей вулкана! — уточнил свой тост Пшеницын.

— Вулканы-разрушители, прогноз извержений, использование гидротермальной энергии — это все давние, очень давние проблемы, — сказал Березкин. — Но вулканы — творцы земной коры и океанов, воздуха и самой жизни... От этой идеи дух захватывает! Константин Иванович, пожалуйста, расскажите о ней в двух словах. Хотя боюсь, моя просьба не ко времени, — добавил он, взглянув на утомленное лицо профессора. Пшеницын тоже посмотрел на своего руководителя:

— Витя, позволь мне взять слово. Я ученик Константина Ивановича и хочу его от тебя защитить и ответить на сей раз за него. Ты знаешь, сколько Гремящий изливает лавы ежедневно? Двадцать миллионов кубометров. А все вулканы Земли за год извергают в среднем не менее трех миллиардов тонн вещества. Действуют же они четыре с половиной миллиарда лет. Вот тебе и земная кора! Вулканы извергают водяной пар и газы — отсюда гидросфера и воздух. Собери щепоточку вулканического пепла, промой дистиллированной водой — и ты обнаружишь в ней соль. Это и есть ответ на вопрос, почему вода в океане соленая. Ну, а более подробный рассказ о роли вулканических процессов в формировании внешних оболочек Земли и преджизни отложим до другого раза.

— Ну хорошо, — сказал Дорожнов и подмигнул Березкину. — Вы по крайней мере расскажите нам с Виктором вкратце, чем именно занимаются вулканологи на извержении. Ну вот Лида, Иван, Юра, вы лично.

— А вы будто не знаете? Ну да ладно. Девчоночка изучает газовые компоненты как возможные исходные вещества для синтеза биологически важных соединений. Иван, — Пшеницын усмехнулся, — самоотверженно ей помогает. Юра Плачев исследует физику процессов, происходящих в магме и в пеплово-газовой туче: градиенты температур и давлений, спектры вещества, электрические разряды. Я исследую продукты извержений как катализаторы химических реакций. А все вместе во главе с Константином Ивановичем мы служим новому направлению в науке, направлению, возникшему на грани вулканологии и биохимии.

— За исключением меня, — вдруг сказал Ростовщиков. — Я не верю в новые направления. Это шаткая почва... особенно для соискателя. Пусть моя работа будет рядовой, не выдающейся: я на

многое не претендую, зато диссертабельной, хотя некоторым это слово и не нравится. И защищать я намерен вовремя, несмотря на любые извержения. — Ростовщиков с вызовом посмотрел на Привалова — А вот посмотрим, как аспирантка Рожкова справится со своей темой.

Эта выходка Ростовщикова была вызвана раздражением от речи Пшеницына. Слово «девчоночка» действовало на него, как на быка — красная тряпка. Уверенность Пшеницына, что они с Константином Ивановичем поймут «журавля в небе» — найдут доказательства того, что природа делает первый шаг от неживого к живому в процессе вулканического извержения, тоже бесила его. Он чувствовал, что она, эта их уверенность, унижает его, Ростовщикова, с его «синицей в руке», с его надежной, бесприкрышной, но такой заурадной диссертационной темой. Он был зол и на Лиду. Ему хотелось и досадить ей, и показать свою смелость: не каждый решится вести себя с заведующим лабораторией так дерзко.

— Ты, Иван, пошляк... — возмущенно начал было Пшеницын, но осекся, увидев, что Привалов делает знак не реагировать на этот выпад. Мол, не время сейчас затевать сцены. Сам Привалов, пропустив слова Ростовщикова мимо ушей, больше был озабочен настроением Рожковой.

— Лидочка, почему вы сегодня такая мрачная? — повернулся он к ней.

— Константин Иванович! — Лида теперь чуть не плакала. — Иван газовые пробы разбил, несколько самых ценных!

ЧП

— Ну, наконец-то дошли до некой исходной точки. — Привалов сбросил с плеч рюкзак и посмотрел на часы. — Поздновато уже.

— Я провозился со спектрографом. — Плачев тоже снял рюкзак. — Не надо было меня ждать. Я бы догнал.

— Ладно уж... — Пшеницын поставил и свой к их рюкзакам. — Константин Иванович, вы сегодня на утренней связи не были, а я забыл сказать. Получили радиограмму... от Алексея Николаевича. Из Москвы. Смысл такой: взятые им с собой пробы уже анализируются в ряде институтов.

— Так, так... А что нас ждет сегодня? Знаете, мне приснилось, что мы взяли пробы газа в самом истоке лавовой речки... Сегодня мы разделимся на две группы. Ростовщиков, Березкин и я работаем с восточной стороны конуса, Саша, Юра и Лида — с западной. Задачи У обеих групп одинаковые: отбор свежей лавы, горячих бомб, шлака, пробы газа и конденсата. И как всегда, определение дебита, температуры и вязкости лавы. Вечером повторим съемку спектра лавы... Здесь и встречаемся. В шестнадцать ноль-ноль. Возвращаться домой будем вместе.

Разговор этот происходил на берегу ближайшей к приюту лавовой речки, на традиционном месте режимных наблюдений.

— И да сохранит нас аллах от дел, ведущих к сожалению и огорчению! — Плачев первым надел рюкзак. — Пошли! Вскоре обе группы скрылись за лавовыми торосами.

В последние дни вулкан особенно интенсивно работал. Свежими бомбами было усеяно все его основание. На склоны же бомбы

падали непрерывно. Отдельные взрывы были похожи на пушечные выстрелы. Сначала из жерла вылетала огненная масса полужидких кусков лавы, потом доносился звук взрыва, от которого вздрагивали окрестности конуса. На западном и восточном подножиях появились новые лавовые речки. Исследователи еще не видели столь жидкой лавы. Брошенный в нее камень тонул почти сразу. К этим подвижным лавовым речкам можно было подойти вплотную. Скорость их у истоков даже на пологих склонах часто превышала метр в секунду. Истоки были особенно интересны. Лава в них была наиболее горячей и жидкой. Но достичь их бывало нелегко. Они не оставались на одном месте даже в течение суток. И чтобы найти исток, надо было пройти многие сотни метров по застывшим, но горячим еще лавовым торосам. В истоке лавовой речки можно было длинной железной палкой оторвать кусок вязкой массы и придать ей любую форму. В минуты отдыха Пшеницыну и Плачеву доставляло удовольствие это занятие. Из тестообразного, вязкого куска с помощью консервной банки нетрудно было изготовить пепельницу или подсвечник. Но, пожалуй, самыми интересными изделиями были маски. Они получались, когда в плоском куске вязкого базальта Саша и Юра железной палкой продавливали глаза, рот, нос. Колючая копна волос и борода образовывались сами собой.

...Западная группа быстро нашла удобный для работы лавовый источник, удачно отобрала необходимые пробы, в том числе и газовые, погрузив прямо в магму сначала титановую, а потом кварцевую трубку. К месту сбора группа вернулась досрочно, к пятнадцати часам.

— Снимай рюкзаки, ребята! — распорядился Пшеницын. — Ждать «восточников» нам, наверное, придется долго. Давайте-ка к их возвращению нажарим над трещиной в лаве шашлыки. У меня с собой есть кусок баранины. Как, принимается предложение?

— Конечно, принимается. Но я, с твоего позволения, займусь спектрографом, — сказал Юра.

— А я иду к тебе в подручные, — отозвалась Лида.

Жарить шашлык при помощи раскаленной лавы — своего рода искусство. На длинную металлическую палку нанизывают куски мороженого мяса. Тот, кто жарит его, располагается у берега огненной реки, держа палку в вытянутой руке, предварительно надев рукавицу. При этом следует присесть как можно ниже, а не стоять. Тогда меньше жара достигает лица. Но все равно его надо как следует прикрывать, например подшлемником. Палку с нанизанными кусками следует очень часто поворачивать, иначе мясо сгорит. Это самый быстрый способ. Больше времени жарится шашлык не над огненной рекой, а над узкой раскаленной трещиной. Мясо тогда меньше обугливается, но зато успевает впитать в себя кислоты, содержащиеся в вулканическом газе. Шашлык тогда получается немного кислым. Но некоторые утверждают, что это даже лучше — вроде как с уксусом.

Рожкова достала из рюкзака завернутую в целлофан баранину, фляжки, кружки, сгущенку. Пшеницын нанизал куски баранины на лыжную палку без кольца и начал жарить шашлык. Рожкова пристроила рядом металлические фляжки с чаем. Плачев поставил треногу и укрепил на ней нечто вроде фотоаппарата с большим телеобъективом — спектрограф.



— Юра, сними-ка шутки ради пламя горящего на лаве бараньего жира. Видишь, жир топится, капает и вспыхивает. Вот будет снимочек!— Глаза Пшеницына смеялись.

— Да сохрани нас аллах от дел, ведущих к сожалению и огорчению,— возразил Плачев.

— В самом деле, ни к чему все это,— согласился Пшеницын.

— Ну, чай мой, кажется, закипает.— Лида отодвинула от трещины фляжки.

— Девчоночка, попробуй-ка шашлык.— Пшеницын протянул лыжную палку.

— Сыроват и кисловат!

— Трудно угодить женщине.

— В следующий раз давай пробовать мне.— Плачев невозмутимо смотрел в объектив спектрографа.

Лида чувствовала, что Пшеницыну она очень нравится, что, может быть, у него это было и настоящее, глубокое чувство. Его «Девчоночка» звучало, правда, как ей казалось, несколько фамильярно, но разве можно на это обижаться?

Они успели и шашлыка нажарить, и чай уже второй раз принялись кипятить, а «восточников» все не было.

— Странно. Что-то запаздывает Константин Иванович,— встревожилась Лида. — Это на него совсем не похоже. Правда, компания у него аховая: Виктор очень славный, но он же не вулканолог. А Иван... можно ли на него положиться?..

— Да-а, Константин Иванович взял себе помощников, нечего сказать,— согласился Пшеницын.

— Он еще не знает, что за птица Ростовщиков и каких от него можно ждать сюрпризов.— Лида вдруг приложила палец к губам: — Тихо! Вы слышали?

Откуда-то еле донеслось:

— Э-эй!!!

— Девчоночка, побудь здесь! Юра, пошли! Это неспроста!— Пшеницын вскочил, схватив на ходу лежавшие на одном из камней брезентовые рукавицы.

Юра, перепрыгивая с камня на камень, заторопился вслед.

Двадцать минут Лида напряженно вглядывалась в сумеречную даль. Время тянулось мучительно долго. Наконец она увидела четыре темные фигуры, бредущие через шлаковые холмы и груды камней. На импровизированных носилках они несли пятого. Сердце у Лиды сжалось. Что-то подсказало ей, что несли Константина Ивановича.

Да здравствует жизнь!

День, когда произошло ЧП, был сто двадцать шестым днем работы Константина Ивановича у Гремящего. И все эти дни— горячая лава, сизые облака ядовитых газов, вулканическая бомбежка. Более четырех месяцев только на одном этом извержении. А на счету профессора их были десятки! За четверть века исследований действующих вулканов он не раз попадал в критические ситуации. Случались и переломы костей. Бывало, через лавовый поток прыгал с костью под мышкой, с ногой в гипсе. И вот...

Пшеницын действовал быстро и энергично. Сразу же послал в домик Юру, Виктора и Ивана. Виктор и Иван должны были принести резиновый матрац, пару полшубков, медикаменты. Задача Юры— немедленно по радию вызвать вертолет, дожидаться его в домике и прибыть с ним к подножию вулкана. Нести Константина Ивановича в домик было бы слишком рискованно.

Пшеницын и Рожкова остались с Константином Ивановичем. Он почти не приходил в сознание. Вертолет прилетел на рассвете. Сопроводить Константина Ивановича попросили Березкина: Пшеницыну, Рожковой и Плачеву нельзя было бросить исследования. Улетел с Константином Ивановичем и Ростовщиков, сказав, что его все равно вызовут давать показания о происшествии. Как ни были вулканологи расстроены, все-таки не забыли отправить с вертолетом взятые в тот день пробы.

В вертолете, глядя на лежавшего без сознания Привалова, Березкин думал о нем. Мысли были отрывочными; они скакали друг за другом бессвязно, непоследовательно: «Будет жить... Месяц-другой в больнице— и поправится... Но каков мученик науки... Нет, рыцарь науки...»

А Ростовщиков? Он тоже думал о Константине Ивановиче, но выходило как-то так, что на первый план выдвигались его собственные интересы: «А ведь Лида права— мог бы быть уже и академиком... В науке умен, а в жизни— нет... Чтобы стать академиком, вовсе не надо лезть в самое пекло... Совсем другое требуется. А буду ли я академиком? Ну, надо стать сначала кандидатом...»

И мысли Ростовщикова возвращались к диссертации... Кандидатские экзамены были сданы. В аспирантуру он поступил по протекции известного академика. Научный руководитель у него тоже весьма авторитетен. Значит, и защита пройдет успешно... Ну, а когда он станет кандидатом... Ростовщиков принял строить планы, один грандиознее другого. Очнувшись от розовых грез только тогда, когда вертолет сел в аэропорту, где его уже ждала санитарная машина.

Прошло несколько дней. Рано утром в холостяцкой квартире Березкина зазвонил телефон.

— Здравствуйте, Виктор! — Березкин узнал голос Алексея Николаевича Дорожного.—Только что прилетел. Как дела у Константина Ивановича?

— Неважно.

— Давайте навестим его в больнице.

— Если позволят врачи.

— Посмотрим. Сейчас заеду за вами на машине.

По дороге в больницу Дорожной попросил Березкина рассказать, как произошел несчастный случай.

— Нас было трое,— начал Виктор,— Константин Иванович, Иван и я. Вышли мы на самый исток лавовой речки. Над ним мостик из затвердевшей корки. Константин Иванович указал на него и говорит: «Вот здесь и будем брать газ прямо из жидкой лавы». Мы с Иваном смонтировали систему. Сунулись было к мостику, но Константин Иванович не пустил, пошел сам. И кварцевую трубку сам в исток погрузил. И сам за ней наблюдал, чтобы не уплыла. Мы три полных газовых пробы успели отобрать. А потом... газы, что ли, подточили корку или лава—мостик вдруг рухнул... Всё решали секунды... Температура лавы тысяча двести! Выскочил Константин Иванович из пекла. Мы подхватили его. Штормовка горела. Даже сапоги загорелись: пахло паленой резиной. Одежду сорвали, сапоги разрезали. И тут Константин Иванович потерял сознание. Соорудили из рюкзаков и телогреек подобие носилок, понесли его. Потом подоспели Саша и Юра. В город сопровождали мы с Ростовщиковым. Саша, Юра и Лида заканчивают исследования на извержении.

— А что Ростовщиков?—спросил Алексей Николаевич, и его лицо приняло несвойственное ему сердитое выражение.

— Занялся диссертацией и, чтобы не возвращаться к вулкану, из лаборатории Константина Ивановича перешел в другую, где поспокойнее...

— Вот и слава богу!

— Алексей Николаевич! А как результаты анализов проб, которые вы захватили с собой?

— Результаты интересные. Но об этом после. Мы уже доехали.

Они вошли в больничный вестибюль и поднялись на третий этаж, где находилось хирургическое отделение. Дежурный врач отрицательно покачал головой, узнав, что к Константину Ивановичу пришли посетители.

— Привалов в тяжелом состоянии. У него глубокие и обширные ожоги. Он очень слаб. Ему трудно говорить. Мы должны беречь его силы. Мы не допускаем к нему посетителей.— Эти слова были произнесены не терпящим возражений тоном.

— А вы верите в целительную силу положительных эмоций, доктор? — спросил Дорожной.

Врач испытующе поглядел на профессора:

— Да, конечно.

— Тогда вы должны допустить нас к больному. Я привез ему из столицы очень радостные вести. Я профессор Дорожнов, друг и соратник Константина Ивановича. А этот молодой человек тоже друг Привалова.

— А какие же у вас вести? — Врач все еще колебался.

— Результаты анализов... Понимаете...

— Результаты анализов?! Константин Иванович даже в бреду говорил о каких-то пробах и анализах. Ну и что же результаты? Положительные?

— Да, да. Они очень обрадуют Привалова.

— Ну тогда повидайтесь с ним недолго. И с условием: говорите вы. Больной должен говорить как можно меньше.

Весь в белых бинтах, Привалов полулежал на подушках. Увидев Дорожнова и Березкина, он попытался приподняться, глубоко запавшие глаза заблестели.

Березкин торопливо сказал:

— Не двигайтесь, Константин Иванович, и не говорите, иначе нас отсюда выставят. Говорить будем мы.

Дорожнов положил на тумбочку перед кроватью цветы и мешочек с мандаринами.

— Эти гвоздики, дорогой Константин Иванович, — заулыбался он, — символизируют нашу победу! Результаты анализов превзошли ожидания, но помолчите, пока помолчите. Вас и всех ваших помощников можно от души поздравить. — Алексей Николаевич начал сыпать научными терминами. Привалов прикрыл глаза, но все выражение его лица свидетельствовало о напряженном внимании.

В дверях появился врач и энергичными жестами показывал, что аудиенция закончена. Дорожнов и Березкин послушно поднялись, чтобы выйти из палаты. Но тут заговорил Константин Иванович. Голос у него был тихим, каким-то умиротворенным.

— Спасибо! Теперь я спокоен... но очень прошу... сообщить... хорошие вести... тем... кто работает на извержении... — Он помолчал и добавил еле слышно, но очень внятно: — И... да здравствует жизнь!

Дорожнов обрадованно закивал. Он понял, о чем хотел сказать его друг.

...Дня за два до Нового года из небольшого лесочка, сохранившегося среди вулканических конусов и лавовых потоков, Пшеницын принес елку. 31 декабря все трое — Саша, Лида и Юра отправились в маршрут к лавовой реке. Пшеницын шел впереди и нес, как знамя, зеленую елку. Перед Новым годом выпало много снега, и первую часть пути до горячей лавы они шли на лыжах. Потом несколько сот метров преодолевали лавовые торосы. Рабочий день прошел, как обычно: измеряли дебит лавы, определяли ее температуру и вязкость, отбирали образцы расплава и пробы газов. А когда закончили работу, выбрали широкую ровную лавовую площадку рядом с огненной рекой и поставили на ней елку. В площадке было много трещин, из которых дышал жаром желто-красный расплав; вся поверхность ее была горячая. Но с неба срывались редкие снежинки, и на ветру было даже холодно. Пока Лида украшала елку, Саша и Юра соорудили стол из плоской глыбы, а три камня должны были

служить стульями. На стол они положили большой кусок асбеста вместо скатерти.

— Хорошо, что мы встречаем Новый год здесь, прямо у конуса. Кто еще встречает так? Никто. Только мы, самые счастливые люди планете! — Лида достала из рюкзака приготовленные заранее мясо, хлеб, консервы. — Садимся!

Хлопнула пробка. Пенистое шампанское наполнило кружки.

— Давайте за уходящий, — сказал Пшеницын, — хоть он и принес нам несчастья. Бог огня за свои тайны потребовал от нас слишком многого. Но мы приоткрыли завесу над величайшей загадкой Природы... — У Пшеницына дрогнул голос.

— За Константина Ивановича! За его выздоровление и за его идеи! Я сегодня утром приняла две радиограммы и нарочно не показала их вам раньше. Хочу прочитать сейчас. — Лида достала из кармана штормовки лист бумаги и, освещая его фонариком, прочла: «Результаты новых анализов чрезвычайно интересны. Подтверждают догадки Константина Ивановича. Поздравляю. Желаю здоровья, успехов и радостей Новом году. Дорожных». А вторая от Березкина: «Кажется, у Константина Ивановича кризис миновал...»

— Ура! — одновременно закричали Саша и Юра.

Огненно-золотая река светилась и сверкала в нескольких шагах от них. На черных горячих плитах лавы, отделенных друг от друга светящимися трещинами, они чувствовали себя в каком-то сказочном мире. Вулканологи стояли молча, обняв друг друга за плечи. Потом Лида, поправив выбивающиеся из-под шапки каштановые волосы, начала:

Мы вулкана сыны...

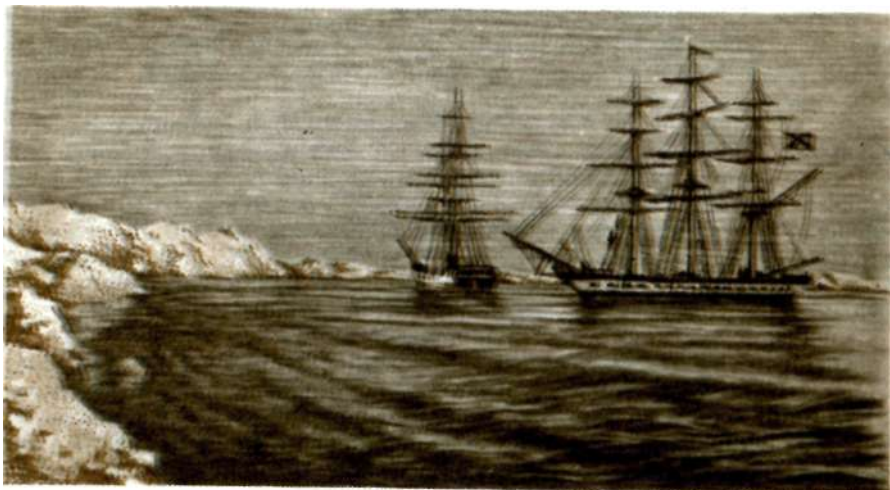
Саша и Юра подхватили:

Кратер гремит, маня.
Выведать мы должны
Тайны бога огня.
Шлак под ногами горяч,
Шлаковый конус крут,
Бомба летит, как мяч,
Бомбы дымят вокруг.
В гору шаги тяжелы.
По каскам лапиллей град,
Упрямы, упрямы и злы,
Лезем мы прямо в ад.
Пепел в глаза и в рот,
Взрывы, как свет зарниц,
Черный, как деготь, пот
Капает с наших лиц.
Едок сернистый газ —
Стиснув зубы, держись!
Жизнь нам дается раз.
Ставим на карту жизнь!

Они пели стоя и смотрели на кратер. Он не скупился на праздничные фейерверки и осыпал конус золотом звездной россыпи. Часы показывали без пяти двенадцать.

БЕРЕГ ЗАГАДОК

Рассказ



Еще в 30-х годах прошлого века русский ученый Г. С. Карелин дал объяснение причины постоянного течения, направленного из Каспийского моря в залив (Кара-Богаз.— *Ред.*). Это — следствие сильного испарения в заливе.

«Правда» № 199, 18 июля 1979 г.

I

В начале осени 1836 года парусники «Св. Гавриил» и «Св. Василий» после трехмесячного путешествия у юго-восточных берегов Каспия вошли в мелководный Балханский залив и бросили якоря близ острова Даг-ада.

Было уже довольно прохладно. С севера в родные гнездовья возвращались птицы. Весь залив был покрыт белыми островками лебедей, чаек и фламинго. Птицы то и дело взлетали над синими волнами, шелестя крыльями, и кричали громко, нехотя уступая место парусникам. Далеко на востоке величественно высечивал в синеве Дигрем — вершина Большого Балхана.

Пока музуры * спускали на воду шлюпки, начальник экспедиции коллежский асессор Григорий Силыч Карелин разглядывал в зрительную трубу горы. Стоял он у борта, в сером сюртуке и фуражке,

* Музур — матрос на купеческом или промысловом судне Каспия.

через плечо на ремешке полевая сумка. Рядом с ним, облокотившись на борт, покуривал трубку штабс-капитан Бларамберг. По палубе нетерпеливо прохаживался поручик Фелькнер, покрикивал на музуров чтобы действовали поживее: время близится к вечеру, а надо дотемна переправиться на сушу.

В то время как Карелин оглядывал горы, Бларамберг тихонько, но недовольно говорил ему:

— Рисуем, Силыч. Если до холодов не доберемся до Астрахани, то зимовать придется у кочевников. На Балханы можно было бы и не ходить. Отправились бы сразу к Карабогазскому заливу.

— Не мудри, Иван Федорович,— ровно отвечал Карелин.— Подняться на Балханы — моя давнишняя мечта. Оттуда увидим все, как на ладони. А Узбой — в первую очередь.

— Самое глупое в нашем путешествии может оказаться, что никакого Узбоя вовсе не существует,— усмехнулся Бларамберг.— Почему бы вам не поверить показаниям князя Урусова?

— Да потому, что, как мне кажется, Урусов сшельмовал в свое время!

Карелин повысил голос, отчего Бларамберг разогнулся над бортом. Ученые посмотрели друг на друга с некоторым вызовом и вновь, в какой уж раз, завели спор об Узбое: существует ли он, или есть только легенда о древней реке, протекавшей когда-то через Каракумы?

Летом, когда Карелин с командой высадился на Атреке и встретился с тамошним туркменским старшиной Киятом, тот рассказал ему, что Узбой существовал, но его перекрыли хивинцы. В дневниках ранее побывавших здесь офицеров Муравьева и Бассаргина тоже говорится о том, что река была и сохранились ее берега. Но князь Урусов, выезжавший сюда после гибели экспедиции Бековича-Черкаского, заявил Петру Первому: никакой реки он не нашел и в природе ее не существует, а есть лишь одни легенды и выдумки о ней.

Сейчас, как никогда, Карелин был близок к разгадке истины. Надо только поскорее подняться на Балханы и оглядеть местность вокруг.

Ученые спорили, сохраняя такт и стараясь не обидеть друг друга, а музуры тем временем грузили в шлюпки провиант и все прочее, без чего не обойтись в походе. В баркас погрузили два фальконета и ящик с ядрами — на случай, если нападут хивинцы. Сюда же положили ружья и патроны, разные физические и астрономические инструменты. Накрыли все это старыми парусами. Да и сами паруса сгодятся: из них на привале можно соорудить большую палатку. Вот и команда начала усаживаться в баркас и шлюпки: топографы, живописец, писарь, два толмача, два урядника и тридцать три казака при оружии.

— Ну что ж, Иван Федорович, пора и нам садиться,— сказал, обрывая спор на полуслове, Карелин.— Да и что теперь спорить? Не найдем Узбоя — отвешу вам извинительный поклон, а если найдем — извинитесь вы. А чтобы не столь обидно каждому было, извинение свое можно сдобрить бутылочкой французского коньяка.

Ученые дружески улыгнулись и отправились по сходням в баркас. Тут же музуры налегли на весла, и с наступлением темноты экспедиция высадилась на полуострове Дарджа. Здесь Карелина

поджидал старшина Кият со своими людьми. Туркмены были готовы в дорогу и только ждали распоряжения. Путешественники заночевали в теплых кибитках и на рассвете отправились в путь.

Впереди на двугорбом верблюде ехал Кият, за ним — Карелин и офицеры. Следом шествовал верблюд с двумя фальконетами. Шли по дну недавно отступившего моря. Под ногами хрустел ракушечник. Вскоре потянулись песчаные бугры. Так продвигались весь день, и, чем дальше уходили от моря, тем больше Карелина одолевали сомнения. «Прав, вероятно, был князь Урусов. Проиграл я в споре с Бларамбергом». Пески, бесконечные пески, поросшие дикой растительностью, и ничего похожего, чтобы когда-то здесь проходила река. Время от времени, встречаясь с Бларамбергом взглядом, Карелин видел, как посмеивается штабс-капитан. Но каким удивленным стало его лицо, когда вдруг к вечеру среди пустыни загоготали гуси и взору открылась широкая река. Карелин и сам не поверил: откуда здесь взяться воде? Он слез с верблюда и некоторое время молча смотрел на улетающую стаю гусей.

— Вот это и есть Узбой, — сказал с благоговением Кият и огладил пышную белую бороду.

— То, что Узбой есть, в этом я не сомневался, — радостно отозвался Карелин. — Но скажите, Кият-ага, откуда в русле вода?

Кият, увлекая за собой путешественников, спустился вниз, к переправе через реку. Остановившись, он присел на корточки, зачерпнул воды в ладони и сказал:

— Вода морская, Силыч. Ветер нагоняет из Каспия воду. Соленая вода шибко. Рыба сюда попадает — сразу от соли слепнет.

— И как далеко нагоняет ветер морскую воду?

— Верст на сорок, — охотно пояснил Кият и прибавил: — Но люди мои говорили, что видели воду в Узбое далеко отсюда, в пяти переходах. Туда вода из моря попасть не может.

— Любопытно, Кият-ага, очень любопытно, — изумленно покачал головой Карелин и посмотрел на Бларамберга: — Иван Федорович, здесь разопьем коньяк или лучше в Астрахани, как вернемся из путешествия?

— Как угодно, Силыч. Ваша взяла. Но кто теперь ответит нам, откуда вода в Узбое? Согласен, что эта из залива. Но там, дальше, о которой говорит Кият-ага?

Карелин развел руками. Офицеры поудивлялись немного и начали раздеваться, чтобы смыть с себя пыль и пот дневного утомительного перехода. Спустя час все сидели у дымного костра и с аппетитом пили крепкий зеленый чай. Обстановка располагала к беседе, и Карелин поведал историю о том, как поручик Кожин, назначенный в экспедицию Бековича-Черкасского, отказался участвовать в ней. Кожин не поехал в Хиву, словно чувствовал — случится беда. Вскоре царю Петру Первому принесли весть: отряд в Хиве погиб, и сам Бекович убит. В живых остался лишь поручик Кожин, который отказался от похода. Царь назначил следствие. В суде Кожин заявил: не пошел с экспедицией, поскольку точно знал, что никакой реки не существует, и просьба хивинцев о том, что Узбой можно повернуть в сторону Каспия, не что иное, как обман, с целью заманить русских в пески и там уничтожить. Доводы Кожина показались Петру убедительными. Царь отстранил карающий меч от головы поручика, но, чтобы окончательно убедиться в его

правоте, послал к каспийским туркменам князя Урусова: «Выясни, князь: если реки нет, значит, поручик Кожин не виновен, а коли есть — поплатится за ложь и предательство головой». Князь отправился на Каспий и, вернувшись, заявил: «Нет никакой реки и никогда не было...»

— Выходит, князь Урусов, чтобы спасти Кожина от смерти, соврал царю? — сказал раздумчиво Бларамберг.

— Выходит, так, — согласился Карелин. — Как видите, тут не только русло древней реки, но и вода в русле. И вообще, восточный берег Каспия полон загадок. Меня поразили грязевые вулканы близ Гасан-Гули, выбивающаяся из земли нефть на Челекене, Кара-Богаз, который пожирает столько воды и неизвестно куда ее прячет... И вот опять — вода посреди барханов!

Молчавший доселе поручик Фелькнер сказал с усмешкой:

— Простите, Григорий Силыч, но для несведущего человека весь мир — сплошная загадка. Для меня, например, ничего загадочного тут нет. Как геолог, я давно вижу, что все дело в тектоническом катаклизме, который имел здесь место.

— Простите, я и забыл, что с нами геогност, — улыбнулся Карелин. — Но что вы имеете в виду, говоря о катаклизме?

— Я имею в виду прежде всего горообразование и смещение земной коры. На ровном месте выросли Балханские горы с вершиной, а между ними образовалась впадина... Вы сами видели, какими порциями заглатывает Кара-Богаз каспийскую воду. А теперь давайте поразмыслим, куда уходит эта вода. Естественно, вода уходит под землю, в образовавшуюся полость. Не будь такой полости, вода бы разлилась и затопила всю прилегающую к ней равнину.

Бларамберг, внимательно слушавший поручика, положил на его плечо руку и снисходительно спросил:

— Уж не кажется ли тебе, милый Фелькнер, что каспийская вода, уходя в Кара-Богаз, появляется на поверхности вновь в русле Узбоя?

— Именно так мне и кажется, — уточнил Фелькнер.

Некоторое время все молчали, думая над сказанным. Карелин перевернул пустую пиалу, сказал не очень уверенно:

— С таким же правом я могу заявить, что существуют подземные реки. Скажем, тот же Узбой опустился и течет под землей, время от времени выходя на поверхность.

— Но тогда должен быть сток у реки! — возразил Фелькнер.

— А разве не перед стоком мы сейчас сидим? Вода вышла из-под земли возле гор и течет в Балханский залив.

— Нет, Силыч, — поддержал поручика Бларамберг. — Вода здесь соленой огуречного рассола, а речная вода, как известно, пресная.

— Да, господа, загадок все-таки много, — подытожил Карелин и предложил располагаться на ночлег, чтобы встать на рассвете и начать переправу через реку.

Рассвет обнажил необъятные просторы Каракумской пустыни и, как застывшего часового над ней, вершину Дигрем. В утренней дымке гора выглядела сказочно красиво. Она была темно-синего цвета и возвышалась не только над Каракумами, но и над целой грядой более низких гор. Над Дигремом бледно-розовой диадемой мерцал ореол осеннего рассвета. До горы было верст тридцать — это

значит еще целый день пути, и Карелин дал команду, чтобы казаки поторопились. Еще до восхода солнца началась переправа. Вещи перевозили в туркменской лодчонке — кулазе, привезенной с собой на верблюде. Люди переправлялись вброд, лошади — вплавь. С величайшей неохотой и жалобным ревом входили в воду верблюды. Долго стояли, задирая шеи и не подчиняясь своим погонщикам. Наконец переправились все, собрались вместе и двинулись дальше, к горам.

Вечером отряд приблизился к подножию Большого Балхана.

Расположились лагерем. Казаки тотчас отправились на охоту и дотемна успели подстрелить несколько зайцев и горных куропадок — кекликов. Карелин, расположившись на отдых в палатке, достал из сумки дневник и сделал запись: «Судя по крутым берегам с обеих сторон, Узбой сопровождающим, ширина его была во 160 сажень, а глубина — 2,5».

На другой день Карелин повел отряд к ущелью, по которому можно было взобраться на вершину Дигрем. Теперь под ногами путешественников стелился не песок, а острые камни и горная осыпь. Поднимались вверх тяжело. Неподкованные туркменские лошади скользили и спотыкались. Вершина вздымалась почти отвесно. Вскоре среди казаков начался ропот: возможно ли взобраться на такую высоченную гору? Карелин и сам было спасовал, остановился. И офицеры Бларамберг и Фелькнер смотрели вверх, запрокинув головы, не решаясь идти дальше.

— Пожалуй, без опытного проводника не обойтись, — усомнился Карелин.

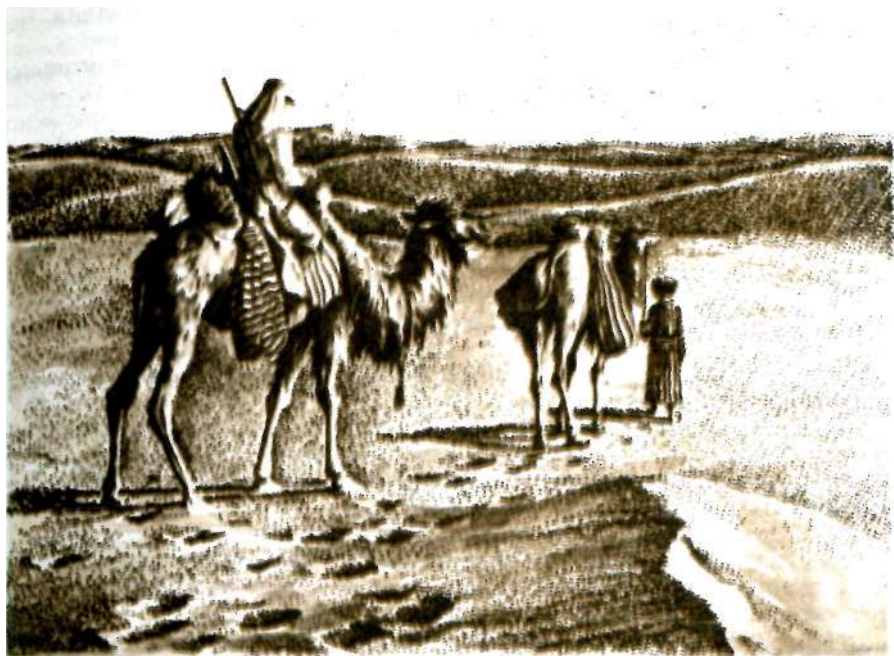
Кият, узнав, чем озабочен начальник экспедиции, предложил в проводники одного из туркмен, живущего здесь, в горах. Тут же слуги старшины отправились за ним, и к вечеру он был уже в лагере. Это был высокий, крепкого телосложения парень в косматом тельпеке. Звали его Союном.

Осмотрев поклажу русских, Союн посоветовал: все тяжести оставить внизу да и людей взять с собой только очень выносливых. Отправились на вершину лишь двадцать человек.

Удалившись от лагеря, небольшой отряд вскоре вступил в дикое, поросшее барбарисом и жимолостью ущелье. Заросли были так густы, что приходилось прорубать в них дорогу. Впрочем, о какой дороге могла быть речь? Делали проход и шли, цепляясь плечами за колючий кустарник. Так прошли две версты и остановились у подошвы верхней части Дигрема. Отсюда гора возвышалась неприступной стеной. Внизу на камнях валялись рога архаров и целые скелеты животных...

После продолжительного отдыха вновь двинулись на штурм вершины, и вот он — Дигрем*. Взору открылась бесконечная желтая равнина. Пески на север, пески на запад, и на восток сплошные волны застывших барханов. Отсюда, с вершины, было хорошо видно побережье Каспия: остров Челекен, Балханский залив и остатки некогда существовавшего Хивинского залива. Отчетливо прослеживалось русло древнего Узбоя. Оно тянулось с северо-востока, прорезая пустыню, и соединялось с небольшим голубым озером,

* Дигрем — ныне гора Арлан, высота 1880 м. — *Прим. ред.*



поблескивающим в утренних лучах солнца. Из озера, куда впадал когда-то Узбой, выходило два теперь уже высохших русла. Одно тянулось на запад, к Кара-Богазу, другое — на юг, огибая Балханы.

Проводник, видя, с каким интересом Карелин смотрит на озеро и речные рукава, пояснил:

— Вот тот рукав, который идет на запад, мы называем Аджаиб. А который огибает горы — Актам.

— Значит, мы переправлялись через Актам? — спросил Карелин.

— Да, начальник...

Путешественники долго смотрели на захватывающие дух просторы Каракумов. И опять каждый был занят мыслью: почему, в силу каких обстоятельств древний Узбой обезводел?

— Союн, — окликнул проводника Карелин, — Кият-ага говорит, что в среднем течении Узбая и теперь есть вода. Верно ли?

— Верно, господин начальник. Весной я сам был в Хиве, через пески ехал, воду видел. Много воды в Узбое.

— Но откуда в нем вода?

— Из Сарыкамыша, господин начальник. Воды прошлым летом в Амударье много было. Ханские поля целиком залило. Хан направил воду по Дарьялыку в Сарыкамыш. Оттуда вода прорвалась в Узбой.

— Пожалуй, это правдоподобнее всего прочего, — согласился Карелин. — А Дарьялыком, вероятно, называют рукав, который впадает из Амударьи в Сарыкамыш?

— Да, начальник.

— Ну, вот видите, Фелькнер, и разрешается загадка, — повеселел

Карелин.— Кажется, Кара-Богаз вовсе не имеет отношения к Узбою.

— Нет, Силыч, я не согласен. Пока что мы с вами не можем ответить, куда девается вода из Кара-Богаза.

— Вероятно, испаряется,—спокойно заявил Карелин.

— Что вы сказали?— удивленно рассмеялся Фелькнер и обернулся к Бларамбергу:— Слышали, Иван Федорович?

— Испаряется,—повторил тверже Карелин.— Я убежден, что и вода в бывшем Хивинском заливе целиком испарилась. И если вы заметили, то и Балханский залив постепенно испаряется. Он стал гораздо меньше, чем на карте 1820 года.

— Этак мы договоримся до самых ничтожных пустяков,—обиделся Фелькнер и вновь посмотрел на Бларамберга, ища поддержки.

Штабс-капитан пожал плечами. Карелин, предвидя новый спор, поспешил погасить страсти:

— Ладно, господа, прошу не сердиться. Придет время—откроются здешние загадки. Но и мы не столь уж беспомощны. А ну-ка, Союн, скажи нам: кто-нибудь из россиян поднимался до нас на Дигрем?

— Нет, господин начальник, никто не поднимался.

— Ну, тогда, как это водится у порядочных путешественников, мы должны сложить пирамиду из камней и оставить в ней список тех, кто совершил ныне восхождение на Дигрем.

Офицеры живо поддержали предложение начальника экспедиции. Казаки начали таскать камни в кучу. Карелин вырвал из тетради лист, составил список, положил его в кожаный кисет и закопал под камнем. Спустя час пирамида была готова. Казаки вскинули ружья, офицеры — пистолеты. Прогремел салют, и путешественники отправились в обратный путь...

II

Спустя неделю парусники, подгоняемые попутным ветром, держали путь на север. 28 сентября обогнули косу Кызылджа, затем мыс Агишмэ и колодцы Джафар. Берег, доселе каменистый и высокий, начал понижаться. Вновь потянулись барханы. После полудня сверху, с грот-салингов, матросы увидели Кара-Богаз и узкий пролив в него, стиснутый каменистыми берегами. Тотчас Карелин приказал бросить якоря. Корабли закачались на волнах. Матросы кинулись на ростры, спустили на воду баркас. Штурман взял с собой музуров и отправился исследовать место впадения Каспия в залив.

Офицеры стояли у борта и следили за баркасом. Вот он отошел и взял направление к заливу. В то время как музуры взмахивали веслами, штурман стоял посреди баркаса и внимательно смотрел вперед. Вскоре суденышко понесло в залив с такой быстротой, что Карелин не сдержался, воскликнул:

— Однако, господа, пасть эта прожорлива! Смотрите, с какой силой затягивает!

Офицеры заговорили все сразу. Действительно, целая прорва. И скорость какая!

Никто не заметил, как и шкоут постепенно сносит с места. Очнувшись, когда матрос с кормы прокричал испуганно:

— Ваше благородие, кажись, и нас течением с якоря сносит!
— Боцман! — прокричал Карелин, тотчас оценив, чем может кончиться малейшее промедление. — Шкоут сносит течением!
— Трави канат! — взревел боцман и помчался по палубе к кабантану. — Трави, да поживее!

Музуры принялись вращать лебедку. Канат, уходящий в воду и натянутый, как струна, стал ослабевать... Парусники отошли подальше от берега и остановились на десятисаженной глубине.

— Ну, теперь не сорвет, — спокойно пообещал боцман. — А то чуть в пролив не затянуло. Оттуда черта с два выберешься.

Карелин пояснил:

— Вы, наверное, и не подозреваете, в какой мы опасности сейчас находились. Именно в этом месте в 1726 году Соимонов едва не поплатился жизнью. Его корабль стащило течением пролива на самые скалы, и только ветер со стороны залива помог морякам вырваться из плена.

В полночь вернулся штурман, доложил, что течение в заливе весьма сильное, музуры с большим трудом вывели баркас обратно.

— Ну, что, Григорий Силыч, усвоили, какова мощь? — с усмешкой спросил Фелькнер. — Залив воду глотает кубическими верстами, а вы изволите говорить об испарении.

— Ладно, поручик, — сказал, помедлив, Карелин. — Будет время — вернемся к нашему спору. А сейчас — спать. Утром отправимся в залив.

В десять утра, после короткого завтрака, музуры спустили на воду баркас и восьмивесельную шлюпку. Штабс-капитан Бларамберг, возглавив команду на шлюпке, взял с собой десятерых казаков. Карелин сел за старшего в баркас с Фелькнером, проводником и пятнадцатью казаками и музурами.

Дул хлесткий ветер с юга. На море вздымались коварные волны. Карелин распорядился убрать весла и поднять паруса. Через час приблизились к берегу, не отважась войти в Кара-Богаз. Течение было сильным, а окружающая с севера и юга залив местность настолько дика и непривлекательна, что путешественники пришли в замешательство. Остановило еще и то, что вызвавшийся провожать экспедицию проводник, оказалось, ни разу сам не бывал в заливе. Карелин выразил ему свое недовольство за обман и отправил отыскать кого-либо из здешних жителей. Проводник нехотя удалился, поймал на песчаной косе верблюда, сел на него и поехал искать ближайшее жилище. Путешественники прождали его до вечера, но он так и не вернулся. Карелин приказал разбить на косе у входа в залив палатки. Ночью был особенно слышен ход воды, впадающей в Кара-Богаз. Словно сотни мельниц работали, перетирая зерно и гремя жерновами. Это вода разбивалась о подводные рифы.

Утром в заливе властвовало солнце. Голубая искрящаяся вода лежала огромным зеркалом, ни складки на ней, ни морщинки. Путешественники неторопливо стащили баркас и шлюпку в воду, двинулись на середину пролива. Вода была прозрачной, по дну катились мелкие камни, дальше пошли остроконечные глыбы. Музуры, искусно загребая веслами, обходили донные преграды.

Карелин с баркаса прокричал Бларамбергу:

— Иван Федорович, отправляйтесь вдоль северной косы, а я углублюсь с юга! Если возвратитесь раньше меня, будете ожидать

меня три дня! Если я раньше вернусь, буду ждать я! Коли не дождетесь вы меня или я вас, надобно будет идти на поиски!

— Добро, Силыч. Счастливого плавания! — громко отозвался Бларамберг.

Суда под парусами двинулись каждый в своем направлении. Карелин следил за шлюпкой штабс-капитана, пока она не скрылась из виду.

Баркас Карелина шел в пенистых бурунах. Ветер, налетавший широкими взмахами с южной косы, трепал парус, как жалкую тряпицу, и сносил судно с курса. Волны заплескивались в баркас, норовя перевернуть его. Карелин приказал убрать парус. Дальше следовали на веслах. Но благополучие и тут сопутствовало путешественникам недолго. Началась мелкая зыбь, баркас вышел на мелководье. Пришлось обходить мели то справа, то слева. Коварные камни задевали за дно баркаса. Дальше продвигаться стало еще труднее. Карелин дал команду плыть назад. Обратный путь, против течения, вовсе утомил путешественников. Казаки нервничали. Музуры предлагали сойти на берег и тянуть баркас бечевой. Сначала начальник экспедиции отказывался, затем, видя, что можно вовсе выбиться из сил на противной волне, велел всем высадиться.

Теперь шли вдоль берега по песчаной косе. Казаки и музуры тянули бечеву, а Карелин с Фелькнером шагали рядом и вели нескладный, то и дело прерывающийся разговор:

— Самая настоящая пропасть, — ворчал Фелькнер. — Какое тут, к дьяволу, испарение?

— Как я предполагал, так и есть, — говорил Карелин. — Именно мелководье, и именно испарение...

Поставив баркас у берега, путешественники развели костер. Карелин послал нескольких казаков на северную косу, чтобы отыскать штабс-капитана Бларамберга и передать приказ возвращаться.

Не теряя зря времени, Карелин укрылся в палатке, достал карандаш с бумагой и сел за расчеты. «Длина пролива с моря до входа в залив 2 версты, — записал он. — Ширина пролива 117 саженей, Глубина в среднем до 3 саженей. Скорость течения до 3 узлов в час...» Приступив к арифметическим действиям, он высчитал: за один час Кара-Богаз поглощает 750 тысяч кубических саженей воды. «Цифра колоссальная, — подумал Карелин. — Такой уймой воды не только Фелькнера, но и самого черта собьешь с толку. Но как бы ни спорил господин поручик, а деваться ему некуда. Залив не может сообщаться путем подземных полостей с другими водоемами, ибо лежит он гораздо ниже всех существующих озер и морей. Следовательно, вода испаряется. И испаряется невероятно интенсивно». Карелин записал: «Испарение на мелководье с обширной поверхностью сравнительно с таким же объемом глубокого моря, к нему прилежащего, должно быть гораздо больше. На мелких местах вода согревается скорее, нежели на глубине. К тому же по законам равновесия жидких тел вода Каспия стремится сравнить свою относительную поверхность с водоемом Кара-Богаза, и тем с большей силой, что единственный проток, их соединяющий, необыкновенно узок...»

К концу дня вернулись с северной косы казаки и сообщили: Бларамберга не нашли. Пришлось послать другую группу, с урядни-

ком Карелин написал записку, чтобы штабс-капитан, если нет возможности выплыть из залива, шлюпку сжег, а сам шел к морю.

Карелин не на шутку забеспокоился: «Хорошо еще, если течение не пускает назад. А может, шлюпку разбило и люди погибли?»

Фелькнер, наблюдавший за начальником экспедиции, подошел успокоить:

— Не волнуйтесь, Григории Силыч... Бларамберг — человек осторожный и путешественник опытный. Все будет хорошо.

— С чего вы взяли, что я волнуюсь? Просто вышло время, и пора возвращаться на шкоут... Кстати, вот ознакомьтесь.— Карелин достал из сумки лист бумаги с расчетами.

Тот взял листок и начал читать. Сначала ухмылялся и пожимал плечами, затем задумался. Карелин, видя, что поколебал все-таки упорство поручика, сказал:

— За абсолютную точность не ручаюсь, но при повторных, более точных исследованиях подобные расчеты могли бы пролить великий свет на теорию испарений и объяснить неразгаданные причины понижения и возвышения Каспийского моря и других водоемов.

— Ну, что ж...

Фелькнер кивнул, вернул листок Карелину и подал руку...

В десять вечера возвратился урядник.

— Отыскали, ваше высокоблагородие! — валясь от усталости, доложил он.— Штабс-капитан в двадцати верстах отсюда. Все живы-здоровы, а выплыть не могут. Ветер со стороны моря мешают.

— Ты передал мою записку?

— Так точно, передал.

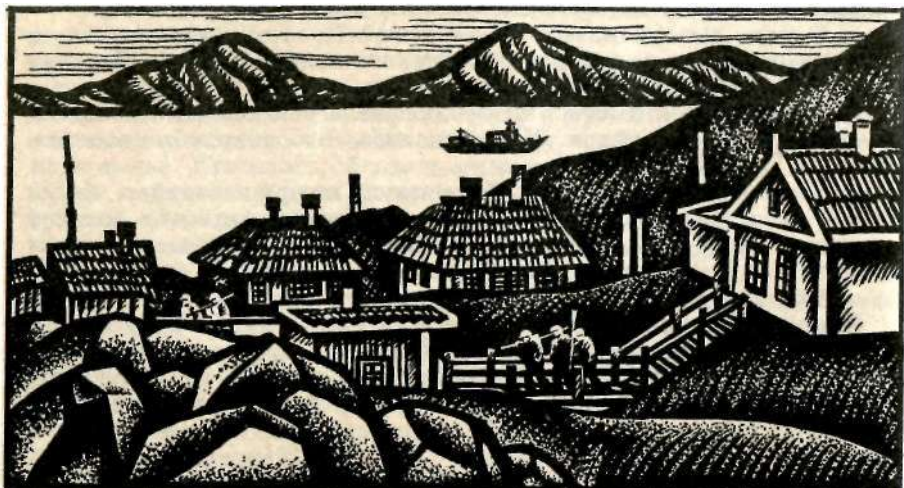
Карелин не стал дожидаться штабс-капитана, ибо в один баркас все не поместится, и переправился с командой на шкоут. Ночью с борта «Св. Гавриила» музуры увидели огонь на северной косе — это Бларамберг жег свою шлюпку. Рано утром Карелин отправил за ними баркас.

Был теплый, солнечный день. Парусники «Св. Гавриил» и «Св. Василий», отойдя от Кара-Богаза, взяли курс на север. Офицеры и сам начальник экспедиции стояли у борта, обозревали восточный берег. Был он сер и неказист: дюны, сухие чахлые кусты, сожженные солнцем травы, потрескавшиеся такыры. Суровый и неласковый край отталкивал и в то же время заставлял думать о нем. Карелин смотрел на дикие прикаспийские просторы и вспоминал только что пройденные сотни таинственных верст. В памяти проплывали грязевые вулканы, самоизливающаяся нефть Челекена, древнее русло Узбоя, величественный Дигрем, наконец, Кара-Богаз — невиданных размеров испаритель. «Да, да,— мысленно повторял Карелин.— Вода в нем испаряется с невиданной интенсивностью. Каспий дарит этой прорве и Волгу, и Урал, и другие впадающие в него реки. И все эти реки восходят паром и образуются в облака. Сильна природа и загадочна в своей сути...» Но согревала и радовала его мысль, что вот они, горстка людей, русские ученые, соприкоснувшись с этими дикими местами и столкнувшись с их загадками, все же постигли самую суть истины. Пусть пока не до конца разгаданы тайны этого берега. Но и за то, что сделано теперь, позднее будет благодарить потомки.

БОРИС СОКОЛОВ

К ТЕПЛОМУ КУРОСИО

Документальная повесть



Для всякого мечтательного скитальца
блуждающий этот Тихий океан, однажды
увиденный, навсегда останется избранным
морем его души.

Герман Мелвилл, «Моби Дик»

Начало

В ночь мы уходим. Впереди мой первый рейс в Тихий океан. Утром мы, старший гидролог Андрей Константинович, или, как мы его называем, Кинтиныч, молодой специалист Леша Горчихин и я, прибыли во Владивосток самолетом из Ленинграда. И едва ступили на землю, как тут же были подхвачены волной невероятного дальневосточного гостеприимства. Вечером, порядком уставшие (сказалась и разница в семь часов поясного времени), сошли с рейсового катера на причал в Диомиде. Добравшись до судовой койки, я словно провалился в небытие. И когда кто-то растолкал меня среди ночи, я некоторое время не мог сообразить, где я.

Балтийское море, шуна, короткая злая волна, резкая качка, ночные бдения под звездами... Память, совершив немалый крюк, поставила, наконец, все на свои места: я узнал Митьку Тучевского, бывшего студента-океанолога ЛГУ, исчезнувшего с факультета на последнем курсе. Я вскочил на ноги, мы обнялись. Ведь вот проделки фортуны: СРТМ, на котором в долгий рейс уходил Тучевский, стоял борт о борт с нашим «Донцом», и Митя узнал о том, что прилетели ленинградцы, всего за полчаса до отхода.

Мы поднялись наверх и постояли у борта. Минуты пробежали незаметно. Митька шагнул на палубу своего судна в самый последний момент, когда уже отдали швартовы. Он так и стоял на корме, пока все, кроме судовых огней, не поглотила тьма.

А через час отошли и мы, и уже утром следующего дня я посматривал с палубы на Японское море. Море как море. «Донец» на ходу плавно покачивается на невысокой серо-голубой волне. Работы на переходе немного: всего-то два раза в сутки опускаем термобатиграф. Время тянется медленно, и я с нетерпением жду встречи с Тихим океаном.

Мы с Кинтинычем разместились в самой корме «Донца» под кают-компанией. Под нами кормовая оконечность и без устали грохочущий винт.

Первые ночи под неумолчный скрежет я спал плохо: было такое ощущение, словно винт задевает обшивку судна. Но в море человек быстро привыкает ко всему. Очень скоро такое музыкальное сопровождение уже не мешало нормальному сну, и я мгновенно просыпался, когда судно ложилось в дрейф и наступала тишина.

Кинтиныч взял шефство надо мной, помогая как следует войти в морскую жизнь. До нашего совместного плавания он уже успел обойти на учебном судне полмира, а в прошлом году участвовал в аналогичной съемке на Куроисио. Кинтинычу легко дается роль куратора: у него солидный опыт обучения курсантов высшего мореходного училища и студентов-океанологов.

Впоследствии я понял, что моя жизнь и работа на судне оказались своего рода экспериментом (одним из многих) по адаптации к морю.

Забегая вперед, расскажу о таком происшествии. Не прошло и месяца плавания, как вдруг однажды вечером я почувствовал себя, что называется, не в своей тарелке. Какое-то странное беспокойство овладело мной. Я не находил себе места и не мог даже читать. Душевная смута выгнала меня из каюты: нечто, сидящее во мне, требовало движения. Я поднялся на верхний мостик. Угрюмый безбрежный океан погружался в сумерки. Мерно пыхтел двигатель, из дымовой трубы время от времени вылетали искры; приплясывая на ветру, оранжевые, светящиеся точки уносились в густеющую тьму и гасли далеко за кормой. Трудяга «Донец» мило за милей преодолевал водное пространство, борясь с волнами.

Долго я стоял так, но легче мне не стало. Я спустился на корму. Но настроение ухудшилось: и ночь показалась чернее, и океан пустыннее. Тогда я скатился по трапу вниз.

В каюте еще горел свет. Кинтиныч спал на нижней койке, его большая голова мирно покоилась на подушке, и я позавидовал: наверно, ему снилось что-нибудь отнюдь не морское. Я сел за столик и некоторое время бессмысленно смотрел на переборку, потом перевел взгляд на круглый, наглухо задраенный (он расположен над самой ватерлинией) иллюминатор. В нем изредка всплескивала бегущая вдоль борта волна—я ощутил себя сидящим в аквариуме. И вот тут-то такая тоска подкатила к самому горлу, что потемнело в глазах.

Утром я рассказал Кинтинычу о своих переживаниях, в которые теперь, при дневном свете, и сам верил с трудом. Он засмеялся: «Ничего, пройдет... В первом плавании это бывает со всеми».

Но я отвлекся. Первая встреча с Тихим океаном стоит того, чтобы сказать о ней несколько слов.

Едва мы прошли Сангарский пролив, как волна сделалась выше, размашистее, и трудяга «Донец» настроился на новый ритм: то скатывается по долгому склону в ущелье, то с натугой, дрожа всем корпусом, выгребает на вершину.

Так вот он, вечный и великий океан... Вот так же, как теперь, шли друг за другом валы и сто, и тысячу, и сотни миллионов лет назад. И он был таким же, океан, в доисторические времена. Мы никогда не узнаем в точности, сколько тайн он похоронил под волнами. На суше перемены заметны, они остаются. Та земля, которую мы видим сегодня, была другой и в близком, и в далеком прошлом. Другими были степи, леса и реки, горы и долины... Лишь океан остался практически неизменным, неустанно катит свои волны. Жизнь каждой из них длится секунды, его же возраст трудно поддается воображению. Если длительность истории цивилизации (пять—семь тысяч лет) представить себе как первый день новорожденного, то океан должен быть этаким глубоким старцем, прапрапра... дедушкой, которому почти тысяча лет. Что и говорить, нелегко такое укладывается в сознании человека, которому собственный путь в несколько десятков тысяч лет кажется долгим. Шумели века, рождались и умирали цивилизации, мир сотрясали войны—океан был все так же величествен и могуч и все так же хранил молчание. Лишь в последние сто лет—срок весьма малый в бесконечной реке времени—человек дерзнул основательно проникнуть в морскую стихию.

Приятно ощутить себя одним из многочисленной армии исследователей...

Работа

Вблизи Японских островов течет в подвижных, «жидких берегах» теплая «река в океане»—течение Куроисио. Огибая южное побережье Японии, оно поворачивает на северо-восток и далее под названием Северо-Тихоокеанского пересекает океан, достигая берегов Аляски. Как и Гольфстрим, это одно из уникальных явлений планетарного масштаба. С древнейших времен течение переносит тепло в северные широты и, взаимодействуя с холодными водами, обеспечивает корм рыбе, зверю, птице, а значит, и человеку. Исчезни вдруг оно, и мир окажется перед катастрофой. Небольшие отклонения течения меняют температурный, солевой, биологический режимы ближайших районов океана. Оттого столь велик интерес ученых к этому природному феномену: по международной программе проводится ежегодная океанологическая съемка—человечество контролирует пульс Куроисио.

В этой работе сейчас участвуем и мы вместе с сотрудниками Тихоокеанского института. Если взглянуть на карту-схему, на которой проложен наш путь, можно увидеть прямые линии с цепочками «точек-станций», отстоящих друг от друга на 30 и 60 миль (а это соответственно три, шесть часов ходу). На каждой такой станции вахтенные гидрологи должны опускать серию батометров от

поверхности до глубины 1000 м, на что уходит 40—60 минут при хорошей погоде.

На переходе Нептун нас не баловал, но, когда пришли на место, погода выдалась по заказу: солнышко, мирный, лазурный океан. Мы с Кинтинычем «смайнали» серию; зрителей на палубе было много: как-никак самая первая! Немного, конечно,, волновались, заранее тщательно готовили приборы, но все сошло хорошо. Стало веселее на душе, и работа пошла вовсю.

Удержать судно в заданной точке при выполнении станции — дело не простое. Бывает, что трос уходит за борт под большим углом к вертикали. Чтобы навесить очередной батометр, приходится каждый раз подтягивать к борту напряженный и гудящий, как струна, трос специальным крюком. Иногда батометры переворачиваются раньше времени или посыльный грузик застревает на полпути. Тогда приходится начинать все сызнова. Теряется время, и нарушается график работ. Мы нервничаем, Кинтиныч выясняет отношения с вахтенным штурманом, тому передается наша нервозность, и, хотя он пытается исправить положение маневрированием, ничего из этого не получается.

Лучше всего идет дело, когда на вахте второй штурман Миша Дорошенко. Тогда и в срок укладываемся, и приборы не подводят. Оценив ветер и течение, Дорошенко разворачивает судно так, что трос уходит в воду почти вертикально. Иногда он дает команду в машину подработать самым малым ходом для компенсации сноса.

Ночью подходит на свет к борту всякая живность. Вахтенные орудуют сачком. Кальмары, вытянутые на палубу, возмущенно фыркают и при этом пускают черную струю. Улучив минутку, я поймал летучую рыбу, похожую на горбатенькую селедку с крыльями-плавниками возле головы. В лаборатории на электроплитке мы сварили мой первый океанский трофей без всяких приправ, кроме соли,— такой вкусной ухи мне есть не приходилось...

«Камералкой» — первичной обработкой данных — обычно занимаемся во время переходов к следующей станции. Располагаемся в кают-компании, когда она свободна, или в нашей каюте, которая несколько больше других: у нас есть столик и даже диван. Именно поэтому всей научной группой в День рыбака собрались у нас. Душой застолья несомненно была гидрохимик Вита — компанейская и хозяйственная женщина. Надо было видеть, как она хлопотала, устраивая нехитрую нашу морскую трапезу; доброе круглое, как луна, лицо ее светилось от удовольствия. В довершение всего Вита напоила всех крепчайшим кофе — электрическая кофеварка, которую она возит с собой по морям-океанам, работала без перерыва.

Гидробиолог Саня Трофимкин, свесив кудрявую голову над гитарой, пел душевные песни. Потом неожиданно запел начальник рейса. Голос Марченко был столь мощным, что заглушил даже грохот винта, и в дверях появилась растерянная физиономия старпома; наверное, он спал и, свалившись с койки, не разобрал со сна, что У нас тут ария, а не сирена.

В море ритмично перемежаются работа и отдых, будни и праздники, но все подчинено одному — программе рейса. Судно следует избранным курсом, и вахты идут своим чередом.

Окончив меридиональный разрез, мы подошли на бункеровку к острову Шикотан и стали на якорь у входа в бухту Малокуриль-

скую. Две мрачные скалы над водой, а между ними в глубине нежно-зеленые холмы, голубые ели, белые домики—словно овцы, спускающиеся на водопой. Красиво!..

Вечером редкие огни маячат над самой водой меж скал. Тлеет ярко-желтая заря, перечеркнутая серыми и черными полосами облаков. А между нами и этой яркой картиной лежат на темнеющей воде черные громады плавучих крабозаводов, истыканные и подсвеченные огнями.

Вечер тихий, теплый, покачивает немного. Грустно... Как-никак мы уже давно не были на берегу. Вот он, остров, рядом. Пройтись бы по твердой земле, да нельзя: выбьемся из графика...

И снова—работа: идем на юг по четвертому разрезу. Вторые сутки океан в тумане. Вероятно, попали в струю Курильского течения (Ойсио)—природного гигантского холодильника. Кажется, туман не кончится никогда. Осторожно пробираемся в плотном белом молоке. Заунывно ревет тифон.

Я стою на мокрой палубе рядом с Лешей и зябко поеживаюсь: температура плюс тринадцать—и это в конце июля на широте Сухуми! Влажно блестит стойка с батометрами, текут капли по стеклам вставленных в обоймы термометров. Влага пропитала хлопчатобумажную куртку, забралась за воротник—туман проник всюду.

Снимаем несколько обойм с батометров и уносим в каюту: необходимо заменить некоторые приборы. Глубоководные термометры довольно просты, но прихотливы и требуют постоянного контроля. Сама по себе подготовка их к работе отнимает не так уж мало времени, поскольку замена их сопряжена с составлением новых таблиц, построением графиков... Потихоньку открываю для себя, что в нашей работе любые мелочи важны, но несоблюдение их может повлечь за собой серьезные последствия.

Разумеется, как следует разбираться во многих нюансах можно, лишь пройдя школу не одной экспедиции... А пока я больше прислушиваюсь к обстоятельным комментариям Кинтинича, вникая в премудрости практической океанологии. Время от времени нас посещает начальник рейса, чтобы обсудить положение фронтов в океане,—б Куроисио он говорит как о живом существе.

На станциях все идет по четко отлаженному ритму. Когда на борту оказывается последний батометр, поднимаем концевой груз и вахтенный штурман дает команду. «Донец» движется к следующей точке. Дублируя друг друга, мы снимаем отсчеты термометров, а гидрохимики собирают пробы воды, поднятые с разных глубин, в пронумерованные флаконы. Для нас на этом палубная работа заканчивается, начинается «камералка». Обработанные данные в конце концов лягут на миллиметровку, чтобы превратиться в поля изолиний температуры, солености и других характеристик—в картину, отображающую происходящие в океане процессы. И в этих плавных то собирающихся в пучок, то расходящихся веером линиях предстанет перед ученым миром мощное теплое течение Куроисио. Но раньше всех о том, как оно вело себя в июле—сентябре этого года, узнаем, конечно, мы.

По мере продвижения к югу становится все теплее. Как-то на очередной станции устроили купание, и я впервые окунулся в открытый океан. Когда нырнул с борта и тело мое погрузилось в

воду, я вдруг особенно остро ощутил, что вокруг, до самого горизонта, нет никакой земли, а подо мной тысяч пять метров глубины — настоящая бездна, в которой обитают ведомые и неведомые существа.

На верхнем мостике расположился наблюдатель; кроме обычного в таких случаях контроля за пловцами он следит, не появятся ли хищники. Говорят, в прошлый рейс толстяк стармех, завидев акулий плавник, в мгновение ока выскочил из воды и оказался на палубе первым.

Переходы между станциями увеличились, темп работы немного снизился. Становится душно, скоро спать в каютах будет невозможно. Вода все теплее. Ночами на черном бархате неба звезды кажутся огромными, а Млечный Путь — как полоса легких облаков.

Морские будни

На «Донце» коллектив небольшой, ежедневно каждый из нас у всех на виду, и поэтому к исходу первого месяца плавания начинает казаться, что все мы знаем друг друга не один год. Да и люди все молодые, мало кому за тридцать. Самый старший — капитан: ему сорок. Это человек, которому не занимать чувства юмора, при всем том, как, наверно, и положено капитану, он молчалив.

Каждый относится ревниво к своему делу — в море это очень заметно. Кое-кто из команды подтрунивает над нами, «научниками», за внешнюю легкость нашей работы. Оно и верно: в палубных вахтах особой трудности или премудрости нет, настоящее-то дело после этого только и начинается. Для нас нет ничего сложнее, чем «объять необъятное» — как следует переварить получаемые сведения об изменчивой морской среде, «остановить мгновение», которое ускользает, не дается без мучений.

Об этом не расскажешь скептикам, да и зачем? Порой они и сами видят многое из того, что мы делаем. Вот на палубе толпится народ. Только что на борт подняли биологический трал, и любопытные заглядывают туда (чего там нынче поймали?), мешая тралмастеру и матросам. Гидробиолог Эля священнодействует у стола посреди палубы. Я вижу, как она берет маленькую морскую звезду и пристально рассматривает ее. Словно сотни миллионов лет эволюции Эля держит в своей руке! Сколько других, более совершенных видов ушло в небытие, но этот — один из простейших — дожил до наших дней через тьму времен и теперь тихо покоится на теплой человеческой ладони.

На металлическом подносе Эля раскладывает дары моря по одной ей ведомым признакам. Потом в своей лаборатории она будет записывать в журнал мудреные латинские названия и подробную характеристику каждой особи. Тяжело вздохнув, Эля сдувает свесившуюся со лба прядь каштановых волос; тонкий профиль ее клонится над столом, аккуратный носик слегка блестит от пота по причине Жары и старательности.

В считанные дни на маленьком судне молодая хрупкая женщина сделалась центром вселенной для многих. Матросы наперебой вызывались помочь ей во всяком деле; тралмастер говорил ей хитрые комплименты; когда она была на палубе, штурманы при первой возможности торчали у окон рулевой рубки, и даже мотористы



ухитрились подняться на минутку из машинного отделения, чтобы посмотреть на Элю. Москвич, студент-практикант по гидрохимии, проявил вдруг повышенный интерес к биологии моря, и, когда Эля оставалась равнодушной к его энтузиазму, он менялся в лице — даже стекла его очков огорченно взблескивали.

Эля держалась с достоинством: как видно, она знала себе цену. При очередном проявлении к ней внимания со стороны мужчин на ее отрешенном, почти безмятежном личике в уголках губ появлялась тонкая ироническая усмешка, как бы говорившая: «Ах, да я давно к этому привыкла... И надоело — поймите!» Но при этом карие чуть раскосые глаза ее утверждали обратное.

Впрочем, Эле не до вздыханий: ей приходится обрабатывать немало тралений и выходить на станциях к подъему планктонной сетки.

Наш путь пролегает на юг. Ночью вблизи южного побережья острова Хонсю побывали в настоящей сказке — словно вернулось детство и мы гостили у волшебника Изумрудного города. Такое забыть трудно!

Ночной океан сверкает у борта голубыми сполохами — вспыхивают и гаснут светящиеся организмы. Ну прямо космос! Есть тут звезды, планеты и даже кометы. Во время работы на станциях кажется, будто под нами не вода, а некий эфир: светятся опускаемые батометры, холодным огнем пылают планктонная сетка. Зачерпнешь сачком воду — она займется фосфорическим пламенем, поднимешь сачок — польется из него зеленовато-голубая светящаяся струя. И

потом долго еще будут падать огненные изумрудные капли (подставь ладонь — обожжешься!) и, встретившись с поверхностью, зажигать на мгновение всплески-фонарики...

Прошли тропик Рака и вечером, получив положенную норму «тропического» * вина, отметили это событие всей научной группой. Сидели прямо на палубе, у кормового флагштока. Небо сплошь было затянуто облаками, и в темноте мы едва различали друг друга.

Ты у меня одна,
Словно в ночи луна...

Саня Трофимкин пел, наверное, о своей молодой жене, оставшейся дома. Песня слетала с палубы, повисая над слабо светящимся кильватерным следом, отставала и пропадала над океаном в черноте тропической ночи. Простые слова песни трогали душу, и каждый из нас молча слушал нашего «барда» и думал свою думу...

А утром облаков как не бывало: ослепительное солнце, немилосердно сверкающий океан — от затопляющего все вокруг света приходится спасаться за темными стеклами очков. В полдень душный влажный воздух почти без движения висит над океаном. Рыбаки на японских судах работают в шортах, и все без исключения носят на голом теле шерстяные пояса. Оказывается, в такой адовой жаре можно подхватить жестокий радикулит.

В каютах духота изнуряющая, не помогают и безостановочно работающие вентиляторы. Обитатели «Донца» выползают с матрацами на палубу, на верхний мостик. Ночью под открытым небом прохладнее, но нередко шквальный ливень гонит всех обратно, в свои каюты. Особо стойкие, такие, как Леша Горчихин, натягивают на голову одеяло и делают вид, что вся эта кутерьма их не касается. И поднимается потом от них пар, как от нагревательных приборов...

Пробудившись, выйдешь взглянуть на мир божий — он все тот же: вокруг от горизонта до горизонта бледно-голубая, подернутая легкой дымкой синева, гладкая, ленивая, пологая зыбь. Стайками и по одной выпрыгивают летучие рыбки, летят низко, над самой водой, часто и коротко повиливая хвостом и оставляя на водной глади едва заметный след. Рыбки ухитряются скатываться и подниматься по склону волны и летят далеко, долго...

От политой с утра деревянной палубы поднимаются испарения, пахнущие смолой, мокрым деревом. Пока одна из вахт выполняет станцию, можно искупаться. Кто откажется лишней раз окунуться в океан, да еще по соседству с Куроисио?

У самого борта, задумчиво поглядывая вниз, стоит Эля и пока еще не решается лезть в воду. Марченко подначивает меня, чтобы я присоединился к прыгунам, взбирающимся повыше. Мимо нас «ласточкой» пролетает студент. От мощного всплеска брызги залетают на палубу. Через минуту, не прибегая к помощи трапа, подтянувшись на руках и играя мускулами, он лихо взлетает наверх (низкий борт «Донца» вполне позволяет проделывать такие штуки) и, взглянув искоса на Элю, отправляется на очередной «подвиг». Атлетически сложенный, он, безусловно, первенствует среди прочих. Его коротко стриженная голова с загорелыми до глянца затылками,

* В тропиках человеческий организм теряет много влаги; сухое вино, смешиваемое водой, хорошо утоляет жажду.

его бугристые мускулы мелькают то тут, то там — от него уже начинает рябить в глазах («Ну куда же, черт возьми, смотришь ты, Эля?!»).

Я пребывал в то утро в благодушном настроении, а как известно, беспечность не приводит к добру там, где необходимо быть бдительным. Но все по порядку.

В тропиках на поверхности океана нередко скапливаются целые колонии этаких симпатичных прозрачных пузырьков воздуха, весело поблескивающих на солнце. Вблизи каждый из них напоминает маленький надутый полиэтиленовый мешочек с несколькими голубоватыми нитями, уходящими в воду. Это так называемый «португальский военный кораблик», или сифонофора физалия, коварный нрав которой мне довелось испытать на собственной шкуре. В одном из первых купаний я повстречался с несколькими из них, и моя грудь оказалась исполосована красными отметинами. Нельзя сказать, что было очень больно, скорее, неприятно. Но, оказываясь, я недооценил эти существа. И хотя мне рассказывали, что в прошлом рейсе наша студентка, ужаленная физалией, едва доплыла до трапа, а когда ее подняли на палубу — потеряла сознание, я не придавал этому особого значения. И был наказан. Ведь легкое касание щупалец физалии — одно, а весь запас яда, который она может пустить в ход, — совсем иное.

Во время очередного заплыва одна из физалий длинными нитями дважды обвила мою правую руку ниже локтя. Дикая боль пронзила меня, и когда я доплыл до судна и поднялся на палубу, нестерпимо болела уже вся рука, от запястья до плеча, ломило кости и к горлу подкатывала тошнота. Кто-то помог мне оторвать врезавшиеся шпагатом в кожу и такие нежные на вид щупальца. Они отпадали кусками, и на глазах вспухал на коже дважды охвативший руку багрово-синий рубец толщиной в мизинец. Кто-то присвистнул и посоветовал идти под душ.

С полчаса я стоял на корме, подставив руку под льющуюся из рожка морскую воду. Боль не проходила. У меня по временам темнело в глазах.

Мучения оставили меня только к вечеру. «Португальский кораблик» заставил уважать себя, и еще долго шрам, оставшийся на руке, напоминал о полученном уроке.

Когда после ужина «наука», как обычно, собралась на юте, я уже чувствовал себя почти нормально. Под нами плавно опускалась и поднималась палуба. Кто сидел, а кто лежал прямо на деревянном настиле. Саня, положив голову на могучее плечо студента и держа гитару на животе, пел о девушке из Нагасаки.

Новые заботы

Разматывается бесконечная лента морской дороги, день за днем тянется за нами тающий, съедаемый волнами кильватерный след. «Донец» привычно берет приступом волну за волной, и так часами, которые складываются в сутки.

Кинтиныч решил, что меня можно выпускать на вахту самостоятельно; начальник рейса дал «добро», и помощником моим стал Леша Горчихин. Чтобы не ударить лицом в грязь, не даю себе послабления: в свободные минуты почитываю специальную литера-

туру, время от времени освежаю в памяти сезонное положение фронтов в районе Куро시오, просматриваю материалы, полученные коллегами в прошлом рейсе. Кроме технической стороны дела, уже достаточно знакомой, теперь приходится вникать в тонкости взаимоотношений, которые нередко влияют на работу. Известное дело — в подчиненных ходить проще. С Кинтинычем легко всем, хотя он и не прибегает ни к каким ухищрениям. Он неизменно доброжелателен и спокоен. Мне кажется, к тому же, определенное значение имеет его внешний вид: он напоминает бывалого капитана, избородившего немало морей. Легко с ним и мне: неторопливые наши беседы все чаще открывают «шлюзы души», исподволь нас сближая.

Очень скоро я понял, что с Лешей у меня не получится ничего похожего. Я взял себе за правило: в каюте или в лаборатории каждый предмет — будь то журнал наблюдений или запасной термометр — должен иметь свое определенное место, и порядка этого я старался неукоснительно придерживаться.

Леша совершенно игнорирует мои принципы, и у нас вечно что-нибудь теряется, чтобы потом обнаружиться в самых невероятных местах. Мои попытки изменить положение терпят крах. Леша молча выслушивает мои речи; при этом его прозрачные глаза не выражают ничего и, казалось, холодно смотрят сквозь меня. Появляется такое чувство, словно я пытаюсь заговорить с бронзовым Буддой. И все остается по-прежнему. Но этого мало. В самые неподходящие моменты на Лешу вдруг нападает приступ такого упорного молчания, будто он дал обет. Когда во время работы не всегда получаешь в ответ даже односложные «нет» или «да», тут уж не до шуток. В такие моменты я замечаю за собой, что начинаю буквально закипать.

Иногда Леша проделывает и такое.

Ночная станция. Вскрываю с койки. Одежда, палубный журнал, карандаш — все дело минуты. Заглядываю к соседям, расталкиваю Лешу: «Станция!» Тот поднимается, бурчит односложное: «Угу».

Уже с трапа кричу: «Леша, догоняй!»

Все операции уже десятки раз отработаны до автоматизма: пока погаснет скорость судна и оно окончательно ляжет в дрейф, можно вывесить за борт концевой груз и все подготовить. Я выполняю это один и становлюсь к контроллеру гидрологической лебедки — можно начинать. Но Леша все нет.

Когда же он наконец появляется, мне начинает казаться, что и батометры он вывешивает медленнее, чем следует, и по палубе от стойки к тросу вышагивает намеренно неспешно. А тут, как нарочно, происходит знакомое: трос то уходит под самый борт и скребет обшивку, то после «подработки» винтом вытягивается черт знает куда. Третий штурман, совсем еще мальчишка, с тонкой шеей и торчащими в стороны ушами, сам чуть не плачет, но сделать ничего не может: ему не совладать с ветром и течением, сносящими «Донец» неизвестно в каком направлении. На волне порой трос так дергает, словно балуется гигантская акула. Очередной батометр, едва отойдя от счетчика, подпрыгивает, как сумасшедший, и переворачивается. «Леша, давай обратно», — не выдерживаю я и поворачиваю рычаг на «вира». Мне жаль штурмана, но я кричу ему, что отказываюсь в таких условиях выполнять работу. Хорошего мало: мы потеряли больше получаса времени.

Через пять минут появляется капитан. «Ну что там у вас, академики?..» — спокойно спрашивает он и отпускает соленую шутку. Напряжение спадает, и мы начинаем все сначала.

Девятый вал и строптивая «Джуди»

Через определенное время как-то привыкаешь к океану. Морская поверхность перестает задерживать внимание. Глянешь равнодушно на однообразную и словно вспаханную плугом водную пустыню, и не возникает в душе никаких эмоций. В голове лишь цифры, выражающие видимость, высоту волны, состояние поверхности моря, волнение...

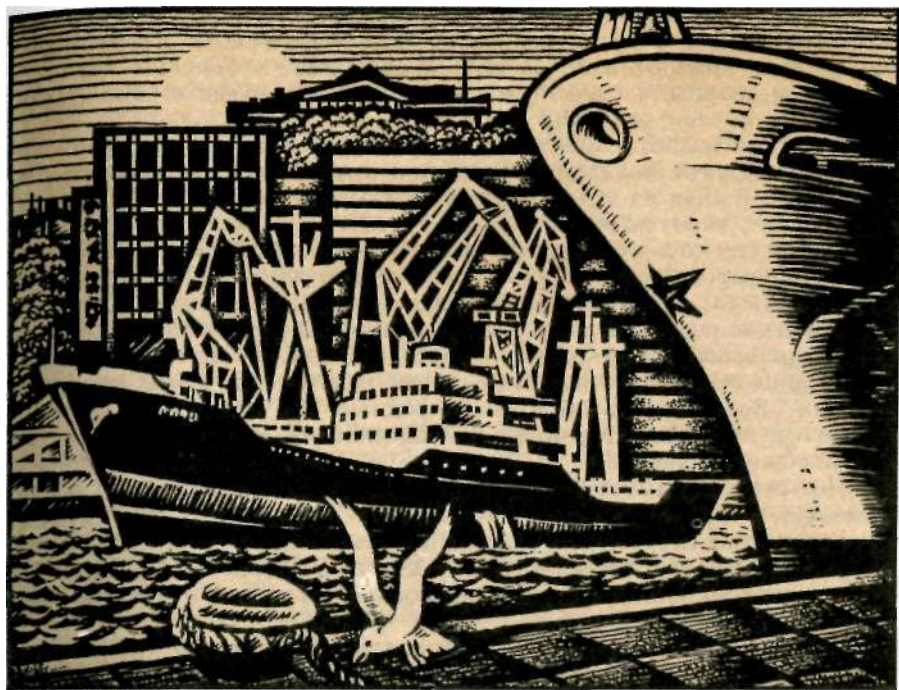
В старину верили, что океан не прощает равнодушия к себе. Конечно, не следует подозревать его в особом коварстве, все дело в психологии человека. Так уж устроен он, что привыкает ко всему, даже к тому, к чему привыкнуть, казалось бы, невозможно. И, увлеченный работой, как-то теряет бдительность. Но океан «по-джентльменски» напоминает о себе.

Однажды, закончив очередную станцию, мы подняли концевой груз на борт, и третий штурман, наблюдавший за работой с мостика, по обыкновению скомандовал в машину дать ход. Мы принялись снимать отсчеты температуры воды. Леша шел вдоль стойки и диктовал данные, а я, прислонившись спиной к надстройке, записывал. «Донец», набирая скорость, менял курс и развернулся лагом к волне. Услышав гулкий удар, я поднял голову и увидел, как над фальшбортом стеной встала гривастая, в белой пене и полосах волна — точь-в-точь такая, какие можно видеть на японских гравюрах. Я даже не успел испугаться и зачарованно смотрел, как Леша присел, ухватившись обеими руками за стойку. В следующее мгновение волна всей мощью рухнула на палубу, некто могучий подхватил меня, положил на свою ладонь — возле самого моего носа, промелькнула траловая лебедка — и опустил на палубу около комингса трюмного люка, столь бережно, что я не ощутил ни малейшего толчка. Несколько секунд я лежал, еще не веря, что все обошлось, потом вскочил, мельком увидел, что Леша тоже поднимается. Встревоженное лицо третьего на секунду появилось в окне рубки и исчезло: он опрометью бросился к переговорной трубе, поняв свою ошибку. При сильном волнении на полном ходу волна нет-нет да и перехлестывает через низкий борт «Донца», и потому нельзя было давать полный ход, пока мы не снимем отсчеты и не покинем палубу.

Это своеобразное предупреждение Нептуна о том, что с ним шутки плохи, было как нельзя более кстати, так как работали мы в неспокойном районе.

Штурманский состав бдительно следил по ежедневным картам погоды за перемещением тайфунов, и обычно мы успевали отвернуть от какой-нибудь разъяренной «красотки». На одну из них, великолепную «Джуди», не обратили должного внимания, потому что она направилась в сторону. Но она, коварная, резко изменила курс и буквально бросилась на нас. Мы «побежали» от нее, однако ушли недалеко, и она задела нас краем.

Низкие грязно-серые облака застлали все небо, океан сделался темно-зеленым. Что и говорить, зрелище предстало великолепное, хотя смотреть было нелегко: ветер выжимал слезы из глаз. Он



истощно и разногласно выл в снастях, то басовито, то переходя на отчаянный визг. Змеящиеся полосы брызг трепетали над волнами. Казалось белое кисейное покрывало легло на верхушки волн, и сквозь его прозрачное узорчатое полотно океан выглядел почти черным.

Солнце скатилось за горизонт, оставив нас наедине со стихией. Там, где оно зашло, над самой границей воды и неба, понизу черных облаков осталась кровавая полоса. Теперь я знаю, как выглядит «пасть дракона».

Все же «Джуди» оказалась еще игривой: как следует припугнув нас, она так же стремительно умчалась. И уже на следующий день мы двинулись к очередной станции.

Знакомство с Токио

И вот после многих дней и ночей плавания мы на рейде токийского залива. К нам подваливает аккуратный, чистенький «пилот», и на борт поднимаются японские чиновники. Прославленная японская вежливость так идет к их аккуратной форме, что кажется, будто они так и родились в мундирах.

Берег — рукой подать, и когда я ступаю на чужую землю с борта рейсового катера, доставившего нас к пирсу, никак не могу разобраться толком, что во мне преобладает — удовольствие моряка, ощутившего под ногой твердь, или радость встречи с незнакомой страной. Утро августовского дня насквозь пронизано ласковыми,

нежаркими еще лучами солнца; мы купаемся в свежем по-утреннему воздухе. Из многочисленных лавчонок, лепящихся по обеим сторонам узкой припортовой улочки, смешиваясь в терпкий «букет», ползут незнакомые запахи японской кухни: ароматы восточных приправ и соусов, жареной рыбы.

Через пятнадцать минут мы в центре города. В Токио поражает тесное соседство различных транспортных линий, многоэтажность движения. Выйдя из метро, порой попадаешь в подземный квартал с магазинами, кинотеатрами, барами, оттуда — на забитую автомобилями улицу, над которой подняты на разных уровнях линии автострад и железной дороги, а еще выше, на изяшных бетонных эстакадах, — монорельсовые дороги. Движение левостороннее, приходится к нему привлекать и, переходя дорогу, поворачивать вначале голову направо.

Центральная часть города в районе Гинзы более европейского вида, лишь иероглифы на стенах домов напоминают о том, что мы в Японии. Большинство вывесок и реклам на улицах, вокзалах, в метро двуязычны: второй язык — английский (весьма чувствуется американское влияние).

Но стоит шагнуть в сторону, и сразу попадаешь на тихую узенькую улицу, сплошь состоящую из лавчонок, кафе, кабаре, ресторанчиков... Кое-где увидишь небольшой двор, одну-две сосны, стилизованный мостик через ручей, цветные бумажные фонарики. И все чистенько, аккуратно, миниатюрно. Глаз заезжего человека отдыхает, как в музее.

Японский дворик — пример удивительной гармонии человека и природы. Это почти не придуманная упорядоченность, столь же одухотворенная человеком, сколь и естественная. И поэтому природа воздействует на чувства, эстетически возвышает. Вспоминаешь старинные японские гравюры с их почти сверхъестественным лаконизмом, гравюры, в которых нет ничего лишнего и, кажется, нельзя убрать ни единого штриха.

В Токио природа обнаруживается там, где ее присутствия никак не ожидаешь. В центре города, рядом с круглым высотным зданием — магазином фирмы, торгующей автомобилями, мы увидели лавчонку, где продавались кузнечики и сверчки в малюсеньких клетках. Один из затворников посмотрел на меня блестящим карим глазом и закатил длинную трель. Что он хотел сказать мне?

Толпы пешеходов на улицах в современной европейской одежде. Мужчины, несмотря на жару, предпочитают строгие темные костюмы, женщины, как во всем мире, не отстают от моды. Но вдруг в этом однообразном потоке пройдет японка в кимоно, будто сошедшая с гравюры Утамаро...

Охотнее всего мы пользовались электричкой и часто ездили по кольцевой линии, охватывающей старый Токио. Сойдя на станции Юракучо и миновав Центр, мы бродили по великолепному парку, окружающему императорский дворец. Здесь глаз отдыхает от мельтешения многокрасочных реклам, от разноцветного сверкания полчищ автомобилей. Кудрявая малахитовая зелень и немногочисленные дорожки успокаивают, просто не верится, что совсем рядом кипит человеческий муравейник.

Но через некоторое время мы снова попадали в его безостановочное движение.

Неотразимо симпатичны японские дети; в городе их много

всякого возраста, вплоть до самых маленьких, уютно посапывающих за спиной у своих мам. Бросается в глаза, что они с младенчества приучены к традиционным для японцев вежливости и спокойствию. Мне не приходилось видеть ни одного ребенка плачущим.

Но дети есть дети. Как и во всем мире, маленькие токийцы играют на улицах, сидя порой прямо на асфальте, бегают, проказничают, и нередко там, где это не разрешается. И при всем при том по большей части они выглядят очень нарядными.

Вообще, повышенное внимание к детям видно во всем. Трудно сравнить что-нибудь по красочности и изобретательности с японскими игрушками. Как-то я попал в детский отдел одного из центральных универмагов на Гинзе. Чего здесь только не было! От прекрасно выполненных персонажей фильмов Диснея до сложных, самодвижущихся космических аппаратов и прочей техники. В одной из секций мягких игрушек на большом столе была устроена пирамида: друг на дружке солидно возлежали собаки удивительной породы, известной одному их создателю. Все они точно копировали друг друга в разных масштабах: нижняя величиной со стол, верхняя чуть больше кошки — выбирай любую! Мы попросили продавщицу «ОЖИЕИТЬ» белоснежную кудрявую болонку с голубыми, почти осмысленно глядевшими на нас глазами. Девушка грациозно поклонилась нам и нажала кнопку. Мы были потрясены: подбежав к нам по прилавку, собачка обнюхала нас, смешно двигая шершавым «мокрым» носом, весело затыкала и дружелюбно помахала хвостиком — так мы познакомились.

Токийские рынки по грандиозности и праздничности тоже своего рода чудо. На одном из них, в районе Синагавы, мы побывали перед самым отходом.

...Яркий, солнечный день. Мы идем по широкой улице, приближаясь к рынку. Уже на самом подходе взгляд, привычно скользящий вокруг, натывается на нечто непривычно («Как такое может быть, ведь я здесь впервые?!») знакомое. Я даже вздрагиваю: перед нами мост, к дугообразным аркам которого подвешены пролеты. И хотя размеры его сравнительно невелики, но и внешний вид моста, и конструкция его связей поразительно напоминают Охтинский мост в Ленинграде. Вдруг явственно, до галлюцинации, я вижу себя едущим на работу в трамвае и поглядывающим из окошка на Неву, на пристань с экскурсионными теплоходами...

Споткнувшись на ровном месте под дружный смех товарищей, будто заправский джинн, пролетаю почти полмира и оказываюсь на Токийском рынке. И вижу: в нашей группе происходит движение. Вита в растерянности поворачивается всем корпусом на две стороны света: ей нужны туфли двадцать пятого размера, и теперь ей никак не решить, в какую из стоящих друг против друга лавок зайти. Наконец она делает отчаянный рывок, а мы из любопытства отправляемся за ней. Тут необходимо пояснить, что все мы, кто как Умеет, изъясняемся с токийцами на скверном английском. Произошел следующий обмен фразами. Вита, показывая пальчиком на туфли нужного фасона: «Твенти файв... есть?» Торговец — с тонкой улыбкой: «Твенти файв — нет».

В первое мгновение мы приняли как должное сей шедевр лаконичности, но потом до нас дошло, что невозмутимый японец ответил в тон — на англо-русском. Выйдя из лавки, мы хохотали до

слез, отчего Вита сделалась чопорно прямая и покраснела от обиды. Ах милая, милая Вита, да что ж тут обижаться? Ведь поговорили вы так славно!..

Успокоившись, мы идем дальше. Синагава, рынок, — современная восточная сказка, тысяча и одна ночь: сплошные два ряда лавчонок, зияющие тенью проемы дверей, выставленные на улицу лотки со всевозможным товаром, улыбающиеся торговцы, старые и молодые... Оба ряда цветут под ярким солнцем диковинными цветами: голубые, малиновые, желтые, зеленые, ярко-белые вещи — свитеры, кофты, сорочки, шарфы, брюки, костюмы, платья, халаты, полотенца, белье, обувь, игрушки, журналы, книги, открытки, марки, сувениры — все течет мимо нас в причудливом калейдоскопе...

Радуга над океаном

Приборы и оборудование к буйковой постановке мы готовили заблаговременно — еще до захода в Токио. Кинтинич терпеливо, как с капризными детьми, возился с регистраторами самописцев течений, попутно объясняя мне все тонкости обращения со столь прихотливыми приборами. Я копался в контейнере «мигалки» — проблескового сигнального огня, предназначенного для установки на бую.

Перед тем как покинуть столицу Японии, мы целый день простояли на якоре в заливе (шел тайфун). И весь день пел, голосил в снастях ветер; зажатые в тисках залива, беспорядочно метались волны; хмурое небо плевалось шквалами, обрушивая на нас песок и гарь.

Выйдя в океан, мы спустились к югу до 33° с. ш., к предполагаемому месту постановки станции, но из-за шторма вынуждены были спрятаться за остров Хатидзё. Воспользовавшись этим, любители устроили грандиозный ночной лов рыбы удочками и сачками. Ветер был сильный, но промысел при свете саиновых ламп был налажен на славу. Скумбрия шла на наживу из своего же мяса, попалась довольно крупная корифена (золотая макрель). Нечаянно поймали сачком противного вида прилипалу, обладательницу небольшого плоского рифленого каблука — так выглядела ее присоска. Этой штуковиной она может столь крепко приклеиться, что нелегко потом отодрать.

На наших глазах разыгралась драма: змеиная макрель настигла и заглотала небольшую рыбку-летучку, но неосторожно сама угодила в сачок. Любопытные кальмары стремительно влетали в освещенное пространство и резко, под острым углом кидались в сторону, бросаясь на добычу или уходя от опасности. На палубе они грозно надувались, пыхтели — иногда это было похоже на писк котенка, — на глазах меняли окраску: под мантией словно пробегали мини-сплохи северного сияния. Некоторые давали работу боцману, оставляя трудносмываемые чернильные пятна на палубном настиле. В воде, спасаясь от преследования, они таким образом ставят «дымовую завесу». Кальмары не столь уж безобидные создания, какими кажутся. Они вооружены острым костяным, как у попугая, клювом, которым хватают жертву, нередко прокусывая ее насквозь.

С постановкой буйковой станции ни на следующий день, ни через неделю ничего не вышло. Ветер усилился, и мы вынуждены штормовать... «Донец» развернулся носом к волне, подрабатывает

машиной. От плохой погоды и безделья уныние и медвежья спячка.

Однако рано или поздно всему приходит конец... Выдохся шторм, и, выйдя на точку в виду островов Хатидзэ и Кодзима в струе Куроисио над глубиной 1200 метров, мы осуществили постановку буйковой станции. Теперь трос на якорях вытянется под напором вод и наши вертушки, установившись в потоке каждая на своей глубине, начнут печатать на ленте скорость и направление течения.

А мы еще не одни сутки будем болтаться поблизости, не теряя из виду буй и проводя контрольную съемку.

У команды «чемоданное» настроение: все уже знают, что после подъема станции на борт пойдем домой. Когда до конца рейса остается неделя-другая, каждый член экипажа начинает считать дни. И это томительное ожидание уже не загл'шить ничем. Из-за этого на «Донце» несколько нервозная обстановка. Все взоры обращены к научной группе, так как от нас зависит, уложимся ли мы в сроки. Под разными хитрыми предложениями на мостике то и дело появляются те, кому там быть не положено, а в кают-компании пристают даже к капитану с единственным вопросом—когда? Тот неумолим: «Здесь не железная дорога. Вот когда придем, тогда и узнаем». Но я чувствую, как он сам заинтересованно наблюдает за ходом работ.

В последние дни я повадился ходить к радисту слушать музыку.

Радист ловил Токио. Нежное воркование и мягкое вибрирование женского голоса, порой переходящего на шепот, успокаивали, снимали нервное напряжение, тут не важны слова. Сама мелодия японской песни, однообразная, но странно завораживающая, уносила меня далеко...

Когда мы, наконец, под всеобщее ликование направились домой, впереди по курсу, словно они ждали этого момента, собрались и обложили все небо угрюмые облака; там, впереди, пошел дождь, и неожиданно вдруг вспыхнула во все небо оромная радуга. И ее цветистая широкая арка расположилась так, что наш труженик «Донец» входил в нее в самом центре, как в сказочные ворота...

Прощай, Куроисио! Доведется ли когда-нибудь снова пересечь твои теплые воды—кто знает?.. Общайся с тобой, мы, люди, как будто лучше узнаем и друг друга, и самих себя. Мы приближаемся к пониманию той неразрывной общности живой и неживой природы, которая существовала всегда и будет вечно.

САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ

Глава из книги «Выше, чем кондоры»



Предисловие переводчика

Первая польская высокогорная экспедиция в Анды состоялась в 1933—1934 годах. К этому времени Татры и Альпы были уже исхожены поляками вдоль и поперек, они мечтали о Гималаях. Но сначала необходимо было накопить опыт покорения шести- и семитысячников. Поэтому члены Высокогорного клуба в Варшаве, узнав, что вторая по высоте вершина Южной Америки Мерседарьо не покорена и очень трудна для восхождения, решили отправиться за океан, чтобы подняться на Мерседарьо, а заодно взять еще несколько шеститысячников из малоисследованной горной группы Ромада.

После тщательного отбора утвердили состав экспедиции, преследовавшей научные и спортивные цели. Ее возглавил Константин Ёдко-Наркевич, врачом экспедиции стал Ян Доравский; в нее вошли также Стефан Осецкий, кинооператор; Адам Карпинский, инженер-метеоролог; Стефан Дашинский, геолог. Шестым был самый молодой участник—Виктор Островский, фотограф и топограф экспедиции. Впоследствии он и написал об этом походе книгу, отрывок из которой публикуется ниже.

Это был коллектив, прекрасно жившийся в предыдущих походах; все они обладали чувством юмора, поэтому никто не обижался на шуточные прозвища. Например, Ёдко-Наркевича за кулинарные таланты называли Коком, а врача Доравского за неукоснительное выполнение опытов по исследованию крови участников на различных высотах окрестили Вампиром.

Экспедиция отправилась за океан, намереваясь прибыть к подножию Мерседарьо в декабре 1933 года. Для удобства в походе разбили на три связки: Наркевич—Доравский, Карпинский—Островский, Осецкий—Дашинский. На Мерседарьо взойшла сначала связка Карпинского, затем остальные. Погода ухудшалась, но, переждав ненастье, участники экспедиции поднялись на вершины в окрестностях массива, открыли и нанесли на

карту ранее неизвестный шеститысячник, хотя взойти на него не удалось. Поляки назвали его Пик Н, а аргентинцы позднее в честь открывателей дали ему имя El Pico Polaco (пик Поляков). Позднее также неизвестные ранее ледник и перевал получили имена Островского и Карпинского, а сам путь восхождения—El camino de los Polacos (дорога Поляков).

Варшавские альпинисты решили совершить восхождение на самую высокую вершину Южной Америки—Аконкагуа. Однако, когда прибыли к исходному пункту в Успальята, их постигло разочарование: три дня назад ушла на штурм вершины итальянская экспедиция и в округе не осталось ни проводников, ни мулов. И тут кому-то из участников пришла в голову спасительная идея: подняться на Аконкагуа по восточному склону из долины Лас-Вакас. И хотя таким путем еще никто не поднимался и, как утверждали, это невозможно, смелый проект был немедленно разработан во всех деталях, поддержан местными жителями-аргентинцами, которые нашли для экспедиции все необходимое.

Этот небывало трудный подъем описан в главе «Аконкагуа». Поднимались связками по два человека, вершины достигли Островский, Едко-Наркевич, Осецкий и Дашинский. Спускаться стали, когда уже начало темнеть. Спуску с Аконкагуа посвящена глава «Самая прекрасная ночь».

Фаина Стекло • ва

Начинаем спускаться. Тем же самым путем: с восточной стороны Аконкагуа, через ледник у самой вершины. На нем метрах в семистах под нами оставили мы утром две палаточки, спальные мешки, приспособления для варки еды, продукты. Там мы отдохнем, обогреемся, выспимся в теплых мешках. Только бы спуститься и преодолеть эти семьсот метров!

Поднимаясь на вершину, мы испытывали воодушевление. Последний трудный отрезок ледника доставил много переживаний. Близость вершины, на которую еще никто не поднимался с восточной стороны, действовала возбуждающе, словно наркотик. Потом—вершина! Победа! Триумф!

Теперь наступила реакция, пришла усталость. Она стокилограммовой тяжестью повисла на ногах. Ломило в висках, пересохло во рту. Холод сковывал онемевшие члены.

Солнце зашло. Только его последние лучи еще освещали вершину, наивысшую точку Американского континента, но ее восточный склон уже застилали сумеречные тени, сквозь которые проступала белизна ледника. А дно далекой долины уже заполнила чернильная темень ночи.

Спотыкаясь и скрежеща стальными шипами наших ракобутов * по осыпи и камням гребня, мы быстро миновали его и остановились на леднике. Мороз сковал размякшую за день его поверхность, превратил в стекловидную массу. Теперь нас выручали лишь острые шипы ботинок. Ледник становился все круче, словно уходил из-под ног в черную бездну. Попарно связанные веревками, мы уделяем особое внимание взаимной страховке. Поскользнуться или споткнуться означает прямоком угодить на дно долины!

Вбиваешь в лед как можно глубже ледоруб, пропускаешь через него веревку, опираешься всей тяжестью измученного тела и только

* Социально спроектированные для экспедиции Адамом Карпинским ботинки с ввинчивающимися в стальную прокладку в подошве шипами.— *Прим. пер.*



На вершине Аконкагуа сидят (слева направо): К. Едко-Наркевич,
С. Осецкий и С. Дашинский

тогда даешь знак партнеру: «Готов... Можешь идти...». Потом внимательно следишь за исчезающей в сером сумраке фигурой товарища, медленно травишь обледеневшую веревку, пока с ее другого конца не долетит призыв: «Готов... Подстраховал... Иди». — «Иду... Следи...» Этот диалог повторялся бесчисленное число раз.

Меня все больше начинало беспокоить поведение партнера. Он передвигался неуверенно, словно во сне. Ноги его заплетались, перерывы между остановками на отдых становились все короче, отдыхал он все дольше, шатался, падал...

Наконец, он, упав, не поднялся. Сматывая ослабевшую веревку и делая каждый шаг с удвоенной осторожностью, я приблизился к нему. Через минуту подошли товарищи, составляющие вторую связку. Кок лежал, странно скорчившись, дышал с трудом, со свистом.

— Что с тобой? Что случилось?

— Не знаю... Я очень измучен... Болит сердце... Я должен отдохнуть... обязательно... подольше...

Подольше отдохнуть? Кажется, желание самое естественное, но в этих условиях об этом не приходилось и мечтать. Было слишком темно, чтобы я мог увидеть выражение лиц друзей. Вероятно, они думали то же, что и я...

Существует целый ряд действенных способов, с помощью которых можно заставить двигаться упавшего духом и физически ослабевшего человека. В тяжелых, даже очень тяжелых ситуациях вовремя сказанные слова одобрения, теплый дружеский жест или острота, шутка могут сотворить чудо, прибавить сил. Иногда даже нужно воздействовать на самолюбие, но в данном случае все это

было ни к чему. Мы понимали, что здесь дело не в обычном упадке сил что это и не психологический надлом, проявление горной болезни, именуемой в Андах пуной. Мы слишком хорошо знали друг друга, чтобы не понять всей серьезности ситуации. Сердечный приступ не смягчить никакими словами, а медицинские средства мог бы применить только наш врач, который еще вчера отправился из третьего лагеря вниз и сейчас, вероятно, уже на главной базе, на дне долины Релинчос.

Что же делать? Может, действительно остановиться на длительный отдых? Кто знает, может, тогда сердечные спазмы прекратятся и успокоится пульс, пляшущий сейчас дикую тарантеллу?

Попробовать спускаться очень медленно или даже нести товарища? По крутому леднику, требующему особой страховки на каждом шагу? Ночью? Нет, это было начисто исключено!

— Я не могу идти... Должен отдохнуть час, два... может, до утра... Вы спускайтесь к палаткам... Там подождете... Я сам дойду... утром...

Кок—руководитель похода. И его слово было решающим. Но сейчас не он должен был принимать решение.

Короткий совет: как свести риск до минимума, риск каждого из нас и всей экспедиции? Шанс выдержать ночевку на леднике у самой вершины Аконкагуа без палаток и спальных мешков, без примуса, с помощью которого можно было бы растопить лед и согреть воды, был ничтожен. Ведь все мы находились в состоянии полного физического истощения. Было это слишком ясно, чтобы требовались какие-либо обсуждения.

Решение пришло само собой. Одна связка, то есть оба Стефана, идут вниз, будут пробиваться через трещины верхнего ледника к палаткам третьего лагеря, приготовят там хотя бы горячее питье. Если потребуются и позволят обстоятельства, постараются помочь нам спуститься... завтра. Мы же остаемся здесь до утра.

Почему решили так, а не иначе? Что означало остаться здесь? Каждый горец, каждый альпинист поймет это без труда. С Коком мы составляли одну связку. А альпинистская веревка служит только для взаимного страхования в опасных условиях. Если партнер сорвется со скалы, он повиснет на веревке, которую держит товарищ. Если один провалится в ледовую трещину, второй постарается его удержать, а потом вытянуть. Мы соединяемся альпинистской веревкой, завязываем ее концы на груди перед выходом на трудную, обрывистую стену или на ледник, рассеченный предательскими трещинами. Существует неписанный закон, о котором в обществе альпинистов даже не вспоминают, но который нельзя преступить: развязать узел страховочной веревки, отделиться таким образом от партнера можно только в уже безопасном месте!

Назвать сложившуюся ситуацию опасной было бы, пожалуй, слишком мягко. Она была просто трагичной. Поэтому мысль о том, чтобы отвязать себя от товарища и оставить его одного, даже не пришла мне в голову.

Прощание с уходящими вниз друзьями было коротким. Даже не помню, подали мы друг другу руки. В конце концов пожатие их, когда они в тройных рукавицах, не очень эмоциональный жест. Скорее уж подойдет легкий толчок в бок, простое касание рукой



Переход по снежному мостику над предельски скрытой трещиной андийского ледника, который ко всему еще покрыт пенитентами

друга, с которым прощаешься, и ворчливое: «До завтра, до свидания!»

Один из уходивших снял с шеи запасной шерстяной шарф и обвязал им голову Кока, другой вынул из кармана немного сахара и сушеных фруктов. И это было все, что они могли оставить...

Все это происходило у края верхней трещины, пересекающей весь восточный ледник Аконкагуа. Помню, что даже при свете дня переправа через нее доставила много хлопот. Нужно было искать снежный мостик, соединяющий края трещины. А можно ли быть уверенным, что этот последний выдержит? Требовались особая осторожность, страховка и сложные манипуляции веревками. Помню также, что я бросил тогда взгляд на стрелку взятого с собой высотомера. Она показывала 6800 метров над уровнем моря. Значит, мы спустились с вершины лишь на каких-то 200 метров.

Не было времени следить, как теряющиеся во мраке силуэты преодолевают трещину. Я должен был побыстрее устроить наш ночлег.

Наклон ледника был так велик, что мы удерживались на нем только благодаря шипам ботинок. Я стал вырубать ледорубом лед, чтобы выровнять площадку, на которой мы смогли бы сесть. Над нею вбил как можно глубже оба наших ледоруба. К одному привязал Кока, к другому самого себя. Это было необходимо, на случай если

мы заснем или потеряем сознание. На лед вырубленной скамеечки я положил оба пустых рюкзака и моток оставшейся веревки. Получилась скудная подстилка, но ничего не поделаешь. Усаживаемся рядом как можно теснее друг к другу. И... началась наша «самая высокая ночь».

Кому случалось проводить ночь в горах, кто, застигнутый темнотой, должен был ожидать там рассвета, тот хорошо знает, как нескончаемо медленно тянутся ночные часы. Кажется, что время остановилось, вопреки горячим мольбам восточная сторона горизонта не хочет светлеть...

Мороз все усиливается. Края капюшонов штормовок покрываются все более толстым слоем инея. Мы дышим широко открытым ртом — ведь только так может хватить кислорода в этой разреженной атмосфере. Старательно закрываем рот шарфами. Лишь бы не обморозить легкие! У нас сейчас великолепный случай для испытания добротности нашего продуманного во всех мелочах снаряжения. Все эти многочисленные слои шерстяных рубашек, свитеров и штормовок... удержат ли они тепло?

Сколько было тогда градусов мороза? Трудно сказать. В полдень минувшего дня при ярком, солнечном свете термометр показывал 15 градусов ниже нуля. Сейчас у нас нет термометра: остался в рюкзаке одного из Стефанов. Но если бы термометр был, я ни за какие сокровища не снял бы рукавиц, чтобы с ним орудовать. Это ведь означало впустить струю холодного воздуха в рукав и сделать определенное, хотя и минимальное усилие, которое обходится на высоте недешево. Делаю только одно очень несложное «измерение», опыт, которому научил меня когда-то очень давно один охотник-сибиряк. Плюю на рукавицу и через мгновение дотрагиваюсь до этого места другой рукавицей. Чувствую твердую ломкую поверхность льда. Густая слюна замерзла почти мгновенно. «Ого! — думаю. — Сейчас, должно быть, значительно ниже тридцати градусов!»

Но тогда нас угнетал не мороз. Гораздо хуже было то, что мы находились на высоте 6800 метров, где атмосферное давление едва достигало 340 миллиметров ртутного столба. И так мало кислорода!

По-прежнему дышим широко открытым ртом, губы и даже кончик языка как бы спеклись, покрылись сетью мелких ранок. Мы ничего не пили со вчерашнего утра. Если полизать кусочек льда, это не утолит жажду, а только вызовет боль в израненном рту. А мне еще, кроме того, докучает сильная боль в горле. Оно начало болеть уже во время нашего подъема на вершину, два дня назад. У меня возникло опасение, что в горле образуется нарыв, но... я утаил это, не сказал товарищам. Поступок этот оправдать нельзя. Ведь могло получиться так, что товарищам пришлось бы меня сопровождать вниз. И это сорвало бы штурм вершины. Однако мысль о том, чтобы отказаться от победы над восточной стеной Аконкагуа, была невыносима. Чувствовал я себя ужасно, мечтал о медицинской помощи...

Наш врач Доравский был в это время уже на главной базе, на дне Долины Релинчос, в трех тысячах метров под нами. Я очень ясно видел с места нашей ночевки этот лагерь, вернее, светлое пятно освещенной изнутри палатки во тьме долины. Минуту спустя возле этого пятна блеснул и погас другой огонек. Я мог отлично

представить себе сцену, которая разыгралась там, внизу, в этот момент. Это Адам, такой педантичный Адам, делает свой ежедневный, а точнее, еженощный замер охлаждающей способности воздуха и его влажности. Вылезет из палатки, осветит фонариком аппараты и дает сигнал доктору, чтобы тот точно отмечал время: «Внимание... Раз, два, три... хоп!» Я ясно представлял себе также Доравского, который в этот момент нажимает на секундомер. В памяти вставляли и другие картины — картины великолепных удобств в каких-нибудь трех тысячах метров под нами. Там теплые спальные мешки, мягкие овечьи шкуры, вытасенные из-под седел мулов; шумит, наверно, примус, разогревается пища. А главное, у них есть столько воды, что можно пить, пить и пить, а потом погрузить в нее лицо... и опять пить! Там можно, наконец, спокойно дышать; сердце не бьется так безумно, и в ушах не шумит кровь. Когда мы туда попадем? Через два дня? Через три? Попадем ли вообще? <

Нас окружала настоящая космическая тишина. Какая-то абсолютная тишина. Время от времени ее нарушал только гул трескавшегося где-то от сильного мороза ледника, ну и... Шум крови в ушах.

Как бы подвешенные между землей и небом, усеянным миллионами мерцающих звезд, у самой вершины колосса Анд, Аконкагуа, Отца Гор, перед лицом равнодушной ко всему природы, два застигнутых бедой человеческих существа отчаянно цеплялись за жизнь, боролись за сохранение ее убывающих остатков. Две живые искорки среди извечного холода ледников. Где-то вдаль, в огромных городах, кипела жизнь, горели страсти, рождались идеи, сражались за власть, добывали или теряли условную ценность деньги, весь цивилизованный мир потрясали вести о новых открытиях, вспышках эпидемий или войнах... Что все это тогда значило для нас? Какую ценность представляло богатство, если за все сокровища мира нельзя было достать... теплого спального мешка, всунуть в него окоченевшее тело и выпить стакан самой обыкновенной воды, хотя бы чуть-чуть теплой?..

Инстинкт, извечный животный инстинкт повелевал нам тогда сконцентрировать все свои мысли и всю силу воли, чтобы продержаться, не заснуть, не замерзнуть, не позволить ногам мерзнуть, не допустить утраты чувствительности пальцев рук. Не позволить ни на минуту ослабнуть воле к борьбе... Мы боролись за жизнь!

Я старался беспрерывно двигать пальцами ног; под тройным слоем рукавиц проделывал замысловатые упражнения пальцами рук. К этому же я понуждал и своего друга. Все время подталкивал его и монотонно, но настойчиво твердил, прямо-таки вдалбливал одно и то же:

— Кок, не спи! Нельзя спать! Шевели пальцами!

— Я не сплю... знаю, что нельзя спать... Оставь меня в покое!..

Нет! Я не давал ему покоя. Если бы не состояние его сердца, я говорил бы и более резкие слова, чтобы заставить его выполнять разогревающие движения. Зная, как угнетающе действует однообразие, я испугался вдруг, что постоянно повторяемое: «Не спи, нельзя» — в конечном счете утратит свое воздействие. Я сменил тактику.

Кок увлекался театром, любил поэзию. Я старался вырвать его из цепких объятий апатии:

— Кок! Никак не могу припомнить продолжение этих строчек...



Это не облака. Это el viento blanco—«белый ветер», срывающий с обледенелых пиков снег

Помнишь сцену, где Сирано де Бержерак декламирует: «Вот гасконские юнаки! Дармоеды! Забияки!..»

Черт знает, почему именно эти строки пришли мне в голову. Может, когда-то мы с Кокком рассуждали на эту тему, или просто у меня была сильная лихорадка (ох, этот нарыв в горле!). Как бы там ни было—я добился желаемого. Кок оживился и припомнил следующий стих. Я декламировал, слегка подталкивая его.

Вдруг мне послышалось, будто он что-то бормочет. Кок сидел скорчившись, словно свернувшись в клубок. Я наклонился, спрашивая, в чем дело.

— Не валяй дурака... Отстань... Дай хоть немножко поспать...

Я притворился разгневанным. Отругал его, назвал человеком совершенно лишенным всякого чувства красоты, кричал, что таким, как он, надо запретить ходить в горы, потому что они не умеют ценить их. Заявил даже, что такой прекрасной ночи, как сегодняшняя, наверняка не будет нам дано пережить второй раз.

Сумасшествие? Весьма вероятно. Но бороться можно различными способами, особенно когда ставка так велика! А мы боролись. И не исключено, что именно эта нелепая в других условиях ссора из-за строчки любимой драмы помогла нам выстоять. Кто знает?

Не могу не вспомнить здесь об одном случае. Несколько лет спустя был я в театре на «Сирано де Бержераке». Когда на сцене проносили упомянутый монолог, соседка с удивлением дотронулась до меня, словно пробуждая ото сна. Я сидел с закрытыми глазами и... быстро-быстро перебирал пальцами рук. Опешив, я пробормотал, что делал это когда-то, чтобы не заснуть и не

отморозить руки. Не знаю, за кого приняла меня соседка. Уверен, что не поняла ровным счетом ничего из моих слов. Но ожившие воспоминания о «самой прекрасной ночи» в тот момент удивили вдруг меня самого.

Я назвал эту ночь, проведенную у вершины Аконкагуа, самой прекрасной. Можно назвать ее и самой страшной. И это не разошлось бы с правдой. Время—добрый лекарь: оно медленно, но неуклонно притупляет остроту пережитой опасности и боли. И в моих воспоминаниях эта ночь навсегда останется «самой высокой» и «самой прекрасной».

Казалось, время остановилось. Где-то далеко на востоке, над пампой, сверкала молнии. Раскатов грома не было слышно. Может, это были всего лишь беззвучные электрические разряды? Этой ночью мы выиграли высшую ставку в лотерее жизни: совсем не было ветра! Застывший без движения, хотя и ледяной воздух позволил нам продержаться. Я уверен, что если бы тогда подул ветер, этот знаменитый в Андах *el viento blanco**, то я наверняка не писал бы этих воспоминаний. Электрические разряды на востоке, однако, очень беспокоили меня. Я возносил молитвы к небу, чтобы хорошая погода продержалась еще хотя бы три дня, потому что, как я считал, именно столько времени понадобится на то, чтобы доставить больного вниз.

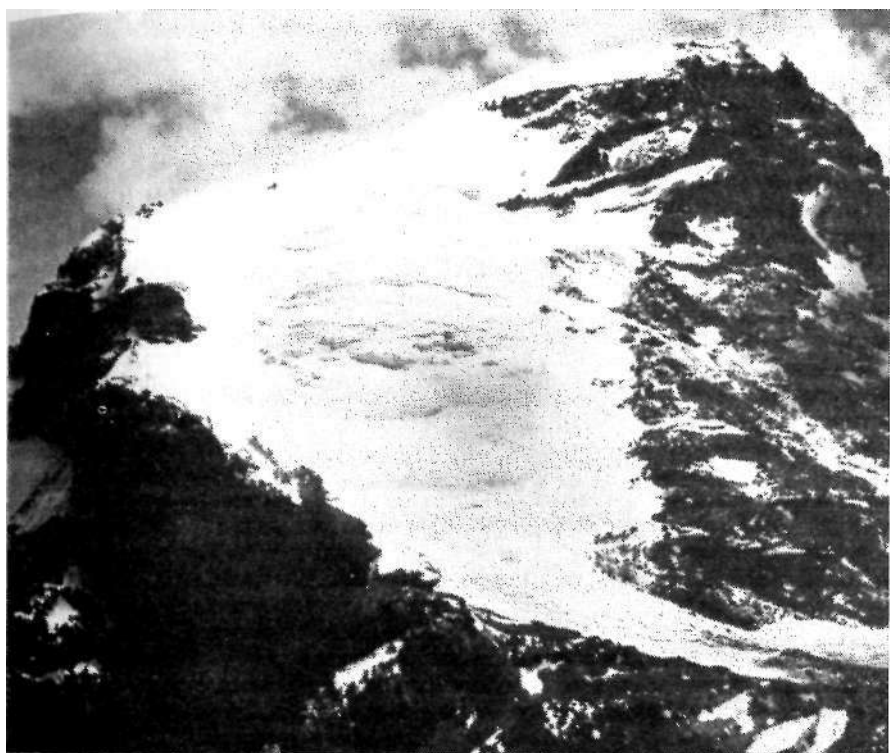
В какой-то момент, глядя на восток, я увидел светлую ракету, которая медленно, величаво всходила где-то на горизонте и, достигнув определенной высоты, остановилась, зависла неподвижно. Я сидел, заглядевшись на нее, и не мог понять, как может ракета так долго держаться в воздухе. Не могу сказать, сколько прошло времени, прежде чем я понял свою ошибку. Ракета, подъем которой я ясно видел, была вовсе не ракетой, а утренней звездой, звездой, предвещающей рассвет. То ли у меня что-то случилось со зрением, то ли произошел какой-то сдвиг в сознании, но я ясно видел достаточно быстрое движение звезды и ее Остановку. Ну, что ж, все-таки в ту ночь у меня была сильная лихорадка, вызванная нарывом в горле.

Все на свете имеет свой конец. Кончилась и эта мартовская ночь. Восточная сторона неба поблекла, потом высветлилась золотистой зеленью и, наконец, взорвалась пожаром восходящего солнца. В тот миг, как никогда до и после этого, я был близок к пониманию верований наших праотцов, отдававших божеские почести огромному золотому шару. Я сам был готов молиться солнцу!

Оно поднялось уже довольно высоко, когда мы принялись свертывать наш бивак, потому что мы очень замерзли, совершенно ооченели и не могли двинуться с места, прежде чем нас хорошо обогреют живительные лучи.

Что же еще рассказать о нашей ночевке на Аконкагуа? Может, стоит упомянуть, что это своего рода рекорд, вынужденный, но все же рекорд. Кто интересуется историей альпинизма, кто знает хронику гималайских, памирских, андийских экспедиций, тот подтвердит, что ночевка на высоте 6800 метров без всякого бивачного снаряжения не была нигде ранее засвидетельствована. Тому, что она

* *El viento blanco* (исп.)—белый ветер со снежной метелью, дующий со страшной, опустошительной силой.—Прим. пер.



Восточная стена Аконкагуа и ледник Поляков, по которому мы поднялись на вершину. Снимок сделан для меня моим другом доктором Ф. Мармиллодом

окончилась счастливо, я думаю, способствовали три основных фактора: во-первых, отсутствие в ту ночь ветра; во-вторых, предельная концентрация воли, не позволившая ни на минуту расслабиться, упасть духом; в-третьих, старательно продуманное индивидуальное снаряжение. Ранее я уже описывал детали снаряжения. Здесь отмечу только, что, если бы не эти ракубы с войлочными вкладками, наша ночевка закончилась бы ампутацией ступней, в крайнем случае пальцев. Сама история восхождений на Аконкагуа может доставить печальные доказательства этого. Мои ракубы — чудовищные и неуклюжие сапожищи — я сохранил как реликвию. Этого они вполне заслужили, потому что позволили мне не только невредимым спуститься с Аконкагуа, но и принять участие в последующих высокогорных экспедициях.

Спускались мы очень медленно. Состояние здоровья моего товарища, несмотря на ночной отдых, оставляло желать много лучшего. Он двигался буквально из последних сил. Мне все больше докучала боль в горле. Напряжение внимания при страховке изнемогающего партнера изматывало. Сколько же раз он неожиданно садился с широко открытым ртом, словно рыба, вытщенная на берег, сколько раз падал, скользил, отчаянно стараясь вбить в лед

конец ледоруба и остановиться перед трещиной. В груди я ощущал пустоту ужасную. И жажду, невероятную жажду!

Из базового лагеря за нами наблюдали в бинокль. Адам отыскал на белизне ледника две точки, две фигурки в бело-голубых штормовках и таких же брюках. Но почему спускаются только двое? Где остальные? И этот черепаший темп. Тогда у Адама зародилось страшное подозрение: катастрофа! Там, наверху, случилось какое-то несчастье. Не теряя времени, он начал вместе с доктором Доравским опять набивать рюкзаки снаряжением и продуктами, чтобы идти на помощь...

Что же случилось со связкой товарищей? С обоими Стефанами? После головоломного, в буквальном смысле головоломного ночного спуска к лагерю на высоте 6350 метров, когда они не раз падали в трещины и вылезали из них (им феноменально везло — попадали в мелкие!), когда многократно чувствовали, как рванулась из рук веревка из-за падения партнера, они только к рассвету дошли до палаток. Совершенно изнемогшие, едва влезли в спальные мешки, как сразу провалились в каменный сон.

А потом увидели нас. Спускаемся. Им уже не нужно было идти к нам на помощь. Ожидали нашего подхода и топили на примусах лед, чтобы встретить чашкой горячего чая.

Как медленно мы в этот день спускались, лучше всего говорит то, что к палаткам мы дотащились далеко за полдень. Чтобы спуститься по леднику на неполных пятьсот метров по высоте над урвнем моря, нам потребовалось более восьми часов!

Ветра по-прежнему совершенно не было, но мороз... Не помню уж, что случилось у Кока с ботинками. Он сел и, сняв рукавицы, что-то делал с ними. Я сидел в это время выше, на краю трещины и страховал его веревкой. Был он без рукавиц минут десять-пятнадцать, не больше. Но этого вполне хватило, чтобы отморозить руки. Несколько дней спустя доктор Доравский отнял у него один палец на левой руке.

— Это не очень высокая цена за восхождение на Аконкагуа по восточной стене! — полушутя-полусерьезно говорил потом Кок.

Однако хорошее настроение и желание шутить вернулись к нам гораздо позднее. А пока что, дойдя до лагеря «6350 метров», мы были чересчур изнуренными. Стали пить приготовленный для нас напиток. Как же пришлось нам по вкусу эта грязноватая теплая жидкость из растопленного в кастрюльке льда с добавкой сахара и лимонного сока! То, что в этой самой кастрюльке перед тем готовили жирные супы (с роскошью мытья посуды на этих высотах мы давно распробовались), не имело ни малейшего значения! Ни в каких горах мира раньше и потом не ощущал я такой жажды и так не мечтал о том, чтобы утолить ее любой ценой. Я объясняю это необычайной сухостью воздуха в Андах. Ведь наши измерения относительной влажности часто показывали ноль!

Стефаны собирают свою палатку, пакуют рюкзаки и идут вниз, чтобы сообщить о состоянии, в котором находится Кок. Мы еще не знали, что и без этого, руководствуясь простой логикой, и Адам, и доктор спешат оказать помощь.

Мы с Коком совершенно обессилены. Решаем провести эту ночь в лагере «6350 метров». Это пятая ночевка на Аконкагуа. Теперь у нас, правда, есть и палатка, и пуховый спальный мешок, и еда, и

примус, но Кока очень донимает боль в отмороженных руках. Он стонет и ворочается в спальном мешке, стараясь принять наиболее удобное положение. Спальный мешок у нас общий, двойной. Лежим тесно прижавшись, стараясь согреть друг друга. Трудно, однако, говорить об отдыхе, тем более о сне. Осторожно касаюсь пальцев рук и ног, дотрагиваюсь до носа. Чувствую их, значит, все хорошо. Растираю и массирую ноги Коку, потому что собственными руками он не может этого делать. А потом начинаю снова топить лед. Даю попить товарищу и сам пью. Это настоящая роскошь. Аппетита совсем нет. Однако принуждаем себя съесть несколько кусочков сахара, ломтик шоколада и горсть изюму. Глотание пищи причиняет мне сильную боль. Видимо, нарыв в горле «развивается нормально». Так проходит ночь.

А утром... нужно не только вылезти из теплого мешка и палатки, но и надеть ботинки. В тех условиях это была не очень-то простая вещь. Не знаю, как мы справились бы с этим, если бы вместо наших широких и легко шнурующихся ракубов с брезентовым верхом и войлочными вкладками (между прочим, мы спали не снимая этих вкладок) потребовалось надеть обычные высокогорные ботинки.

Кроме того, нужно было свернуть палатку, запаковать все в рюкзаки. Это уже было моим делом. А меня упорно преследовала мысль: «Не стоит... Не стоит тратить усилия на свертывание палатки, нести вниз эту тяжесть... Ведь экспедиция уже вроде бы закончена... Возвращаемся, надо только как можно быстрее спуститься...»

Однако рассудок взял верх. Неизвестно, сколько времени будем спускаться. Вдруг неожиданная перемена погоды заставит еще раз ночевать? И потом не в обычаях альпинистов бросать ценное снаряжение. Это походило бы на своего рода паническое бегство. Какой-то внутренний голос подсказывал, что экспедицию надо закончить в надлежащем порядке. И вот я отягощаю свои плечи тяжестью двойного рюкзака.

Спускались по старым следам. Немного ниже ледник стал более пологим, исчезли трещины, путь стал неопасным. Мы развязали узлы страховочной веревки, но и ее не бросили. Шли медленно. На передвижение от лагеря до того места, где ледник стал плоским (это около 300 метров разницы по высоте), ушел почти весь день.

Погода все еще была прекрасной. Солнце пригревало. Мы даже растегнули штормовки.

На ровном участке ледника Кок полностью теряет силы, ложится на лед и обеими руками стискивает сердце.

«Снова сердечный приступ!» — думал я в отчаянии. Не помогают никакие уговоры и даже долгий отдых. Изнурение полное. Он просит, чтобы я как можно скорее привел на помощь товарищей, прежде всего доктора. Может быть, это действительно единственный выход? Если оба Стефана подняли доктора по тревоге, то он, наверно, уже идет навстречу, видимо, где-то недалеко. А без медицинской помощи не может быть и речи о том, чтобы поднять

Кока, вести его или даже нести вниз.

Кое-как устраиваю ложе товарищу, оставляю ему палатку, затискиваю его в спальный мешок, рядом ставлю примус, кладу продукты. Короткое прощание, и я спускаюсь вниз один. Иду так быстро, как только позволяют заплетающиеся ноги.

Двигаясь по старым следам, попадаю в устье заснеженного кулуара, того самого, где на пути вверх я первый раз увидел с близкого расстояния весь наш маршрут к вершине. Этот кулуар навсегда останется в моей памяти. Сходя по нему, спотыкаюсь, теряю равновесие и, выделывая удивительные кульбиты, скатываюсь по замерзшему снегу. Немного ошеломленный, сажусь и... плюю, плюю густой сукровицей и кровью. Минуту спустя начинаю понимать, что, видимо, при падении от встряски в горле лопнул созревший нарыв. Наступает удивительное и неожиданное изменение самочувствия. Утихает боль. Снова весь мир кажется прекрасным, все вижу в розовом свете, даже мысль о трагическом положении оставленного наверху товарища как бы утрачивает свою остроту. Никогда в жизни у меня не бывало такой быстрой смены самочувствия, такого неожиданного прекращения боли. Полными горстями загребая снег и глотаю ледовые кристаллы. А потом — вниз что есть силы! Примерно через час вижу далеко внизу тридвигающихся в моем направлении силуэта. Это товарищи идут на помощь. Но почему трое? Через минуту все разъясняется. Это доктор Доравский, Адам и *baqueano** Хуан. Еще вчера, наблюдая в бинокль за нашим медленным спуском и видя только две фигуры, они сразу поняли: что-то случилось. Связки Стефанов они вообще не встречали. Позднее выяснилось, что Стефаны добрались до нижней морены ледника уже вечером и заблудились в полях *nieves penitentes***.

Ночевали где-то среди них и только сегодня утром добрались до главного базового лагеря и застали его... пустым. Они были дезориентированы этим, но, вспомнив о существовании педантично ведущегося Адамом дневника похода, отыскали его и из бисерным почерком исписанных листочков узнали о выходе спасательной группы.

Я был первым, кто принес друзьям весть о покорении вершины и о происшествиях в течение двух последних дней. Они крепко обнимают меня и сердечно поздравляют. Наша победа — это ведь и победа всей экспедиции. Рассказываю о положении, в котором оставил Кока. Доктор, наш Вампир, предусмотрительно взял с собой не только необходимые лекарства, но и приборы, нужные для того, чтобы делать уколы. Значит, все в порядке. Он заглядывает в мое горло, делает большие глаза, но ругать он будет потом, а сейчас... вручает мне термос с горячим чаем. Что за роскошь! Могу пить сколько угодно! Могу даже позволить себе такое излишество, как прополоскать горло!

Наш отважный *baqueano* Хуан в это время лежал пластом на осыпи и нюхал... камни. Как он пояснил, это лучшее средство борьбы с пуной, горной болезнью. Пеон из Успальяты, привыкший больше к седлу, чем к пешему хождению, человек, который столько наслушался страшных рассказов о *vientos blancos* и пуне, царящих в поднебесных вершинах Анд, но сам никогда в этих горах не бывавший, этот Хуан, получив приказание Адама, не колеблясь, приладил на плечи груз и отправился с товарищами на спасательные

* *Baqueano* (исп.) — проводник.

** *Nieves penitentes* (исп.) — огромные ледовые иглы, усеивающие ледники в Андах; *nieves* — снежные, *penitentes* — кающиеся (похожие на кающихся монахов). — Прим. пер.

Боковая морена андийского ледника, покрывая ледовыми стагмитами, так называемыми *pisces penitentes* («кающиеся снега»)



работы. Теперь пуна сбила его с ног. Ничего нет удивительного: высотомер показывал, что мы встретились на высоте 5400 метров, в местности, находящейся повыше самых высоких вершин в Альпах. Так высоко в горы он забрался впервые в жизни.

Мы разделяемся: доктор с Адамом двигаются вверх, чтобы еще сегодня вечером добраться до Кока, а я забираю Хуана и иду вниз.

Товарищи поднялись к Коку. То, что они за один день взяли такую высоту, нужно объяснить не только нашей отличной акклиматизацией в то время, но и их упорством. Доравский признался потом, что у него были серьезные опасения, выдержит ли Наркевич без соответствующего укола. Слова «выживет» доктор не употреблял.

Тысячу метров разницы в высоте мы с Хуаном преодолели быстро. К вечеру мы стояли уже над мореной. Здесь мы встретили оставленных заблаговременно мулов. Я немного неловко взобрался в седло. Хуан с восторгом рассказывал погонщику мулов — второму проводнику — о своих высокогорных переживаниях. Слово «пуна» не сходило с его уст. Меня же радовало... обилие воды. При переправе через многочисленные ручьи я опускал лицо в воду и пил, пил, пил... Проводники смотрели с удивлением, крутили головами и, естественно, объясняли это себе, как новое проявление... пуны.

Поздним вечером добрались к лагерю. Освещенная палатка Указывает на присутствие Стефанов. Они выходят нам навстречу и,

едва я успел слезть с седла, подносят мне миску горячего супа. Может показаться, что это мелочь, не достойная упоминания. Нет, это не так. Она достойна упоминания во сто раз больше, чем громкие радостные крики приветствий, объятия и потоки нетерпеливых вопросов. Это жест дружбы, товарищеской заботы, хотелось бы сказать — жест людей гор, крепко связанных узами общего дела.

— А Кок? Все хорошо? — И потом сразу: — Садись, снимай ботинки, покажи ноги...

Детальные расспросы начались потом, когда были уже основательно осмотрены ступни и пальцы, когда были растерли и покрыли мазью против обморожения, когда утолили первый голод и жажду товарища и позволили ему растянуться на целой куче снятых с седел мягких овечьих шкур.

В этот момент все мы выглядели далеко не блестяще. Из-за чрезвычайной сухости воздуха, солнечной радиации и мороза кожа на лицах потрескалась и облезла клочьями. Рот был сплошной раной. Вывернутые губы распухли и болели. Болел даже кончик языка, покрытый сеткой мелких ранок. Видимо, это было вызвано дыханием через открытый рот. Глаза провалились и неестественно, лихорадочно блестели; глубоко запавшие щеки покрывала многодневная шетина. Через несколько дней, когда мы взвесились, оказалось, что каждый потерял от пяти до восьми килограммов.

Приведу некоторые цифры, которые могут сказать гораздо больше, чем самое цветистое описание. Покорение Аконкагуа с восточной стороны путем, который считали невозможным преодолеть, отняло у нас шесть дней, считая от выхода из базового лагеря, размещенного на высоте 3980 метров. Услугами мулов мы пользовались только до выступа морены, до высоты чуть больше 4000 метров. Оставшиеся до вершины три километра (по вертикали) преодолели за четыре дня. Что это значит? Мы шли сначала по прямой, потом поднимались по леднику, вырубая ступени в стеклообразной массе, пересекая многочисленные трещины и ледниковые стенки. Отыскивая дорогу, несли на спине не только снаряжение, необходимое для разбивки промежуточных лагерей (палатки, спальные мешки, резиновые подкладки, чтобы спать на льду, примус, горючее), но и недельный запас продуктов, страховочные веревки, измерительные инструменты и киноаппарат. Груз был очень большим и сильно замедлил темп продвижения. За четыре дня подъема мы разбили три промежуточных лагеря. Для этого нужно было найти и выровнять площадки, на которых можно поставить палатки, и т. д. А на следующий день снова все собрать, погрузить на спины и нести вверх. Все это требует больших усилий и отнимает много времени на высоте более 5000 метров над уровнем моря, а выше 6000 метров почти исчерпывает выносливость человеческого организма. В среднем, неся тяжелый груз, поднимались мы ежедневно более чем на 700 метров.

Кок, как только пришли к нему товарищи, был сразу же окружен заботливой медицинской опекой. На следующий день его доставили к моренному порогу, где уже ожидали мулы.

Руки Кока выглядели страшно, были покрыты огромными волдырями, полными гноя. Дело осложнялось еще полным истощением организма и ослаблением сердечной деятельности. Он объяснял доктору, что во время падения получил нервное потрясение. Адам,



педантичный Адам, ведущий подробный дневник и записывающий с достойной восхищения точностью каждый факт, сейчас же вооружился карандашом и задал конкретный вопрос:

— Во время какого падения и где это произошло?

Мы с Коком глянули друг на друга и тихонько рассмеялись. Бог ты мой! Кто же сосчитает эти падения, неожиданные рывки страховочной веревки, зависания на самом краю ледовой трещины или даже внутри нее? День после нашего вынужденного бивака прямо под вершиной, день спуска после нашей «самой высокой ночи» к лагерю «6350 метров» останется навсегда в нашей памяти. К Коку вернулось чувство юмора:

— Увы, Адам, могу только частично удовлетворить твой интерес к истории. Запиши в дневнике: «Во время падения днем 9 марта 1934 года на высоте между 6800 и 6350 метрами». Для точности можешь добавить: «Во время одного из падений».

Врач категорически запрещает расспрашивать Кока и предписывает ему строгий режим отдыха в... течение одного дня. Даже помещает его в отдельную палатку. Кок лежит навзничь, руки забинтованы; они выглядят словно две большие белые куклы.

Мы свертываем свою деятельность в долине Релинчос. Оба Стефана едут верхом до Пунта-де-лас-Вакас, чтобы найти какой-нибудь попутный автомобиль, а мы в течение одного дня должны упаковать все имущество. Надо спешить!

Тем временем хорошая погода, которая благоприятствовала нашему спуску, кончилась. Начинается сильный ветер. Растрепанные оловянные тучи мчатся с невероятной скоростью, затягивают небо, спускаются все ниже и ниже, пока не покрывают долину. Делается темно, и начинает сыпаться острая снежная крупа. Ветер набирает мощь, его сумасшедшие удары так сильны, что заставляют даже тут, на дне глубокой долины, снизить и укрепить главную палатку. А что сейчас творится там, наверху?

На какое-то мгновение вихрь как бы свил тучи в один клубок, разорвал их, сделал окно и показал нам через него еще раз вершину Аконкагуа. Мы наблюдали поразительное зрелище: высоко над нами, освещенная ярким солнцем, горела, словно факел посреди туч, ледовая шапка. В сильный бинокль прекрасно прослеживался весь наш путь на вершину, виднелась даже черная черта верхней трещины, над краем которой провели мы с Коком нашу «самую прекрасную ночь». Сама вершина Аконкагуа чиста, тучи мчатся и разливаются по долине значительно ниже, но за пик зацепилось беленькое облачко. Это собственное облако Отца Гор, рожденное непосредственно на его вершине. Оно представляет собой кристаллы льда, сорванные ураганом с верхнего ледника. Это знаменитый андийский *viento blanco* грозит издалека и показывает свою мощь, вывешивая единственное в своем роде «боевое знамя» на самой высокой вершине обеих Америк!

Адам отмечает удивительный скачок барометра, а потом записывает в дневник путешествия так много говорящие нам слова: «Выпало нам невероятное счастье: *viento blanco* опоздал на один день».

Непогода опоздала на день! Не хочется думать о том, что произошло бы, ударь *viento blanco* раньше, хотя бы вчера!..

Вершина Аконкагуа показалась на миг, как бы на прощание. Потом все закрыли темные тучи. Сгибаясь под ударами вихря, свертываем лагерь. Доктор, однако, не упускает случая еще раз измерить у нас давление крови, проверить работу сердца, а утром, прежде чем мы успели положить что-либо в рот, появился в образе Вампира, чтобы взять у нас кровь для своих опытов.

Идет густой снег. Вечером снежная буря безумствует. Здесь, на дне ущелья! Утром, стряхивая с мешков свежий снежный покров, укладываем их на приведенных из долины мулов. Наркевич держит забинтованные руки как можно выше. Видимо, в этом положении они меньше болят. Он так слаб, что не может держаться в седле. После краткого совещания с *baqueanos* находим простой выход: стремена мы связываем под брюхом мула. Один из нас постоянно едет рядом с Коком, поддерживая его.

Через два дня добираемся до Пунта-де-лас-Вакас, где Стефаны уже раздобыли автомобиль.

Перевод с польского Фаины Стекловой

НА РЕКЕ ДА НА СУХОНЕ.

Очерк



1

Сухона — одна из самых красивых рек России. Она величава, таинственна, не очень многоводна. И полна неожиданностей.

Первые шестьдесят или семьдесят километров от истока она едва течет; падение воды не более сантиметра на километр, будто лежит вода, дремлет и раздумывает, куда бы отправиться... Решившись, она медленно продвигается на юго-восток, к низовьям. Потом вдруг убыстряет течение и следующие двести километров падает уже на семь метров. На последних двухстах семидесяти километрах до встречи с рекой Юг, против Великого Устюга, река успевает опуститься еще на сорок девять метров. Это уже быстрина!

Вот здесь река и показывает характер.

На крутой излучине Опока с высокими каменными берегами русло реки делается очень порожистым. Село на правом берегу так и называется — Порог; недалеко от него заводь — стоянка для судов перед испытанием. А затем Чермянинские борозды, над которыми вода вроде бы закипает; пережат Борона, где на небольшой глубине Щерятся каменные зубья сланца, готовые изорвать даже железное днище судна; пережат Поползуха, само название которого более чем понятно, и, наконец, после крупной волны над гладкой лудой — волнистыми каменными плитами — можно вытереть пот со лба и пристать к берегу, где стоит село Выползово... Выползли, значит. Не без юмора были наши предки!

Вот так, через пороги и пережаты, с посвистом, а то и ползком когда-то тащились ладьи первопроходцев по опасному мелководью, где особенно «сухо» случается летом, в разгар путешествий и

судоходства, пока не выползали на более глубокое место, чтобы перевести, как говорится, дух.

Вероятно, не раз и не два сидели на острокаменных перекатах широкие ладьи и подчалки наших предков, а корабельщики сигали в воду, чтобы тащить суда до этой самой Выползухи.

Так, наверное, оно и родилось—«где сухо», то есть Сухона. Так и пошло откуда-то из одиннадцатого, пожалуй, века насмешливо-уважительное название, и докатилось до наших дней не всем понятное имя Сухона с ударением на первом слоге.

Вторая неожиданность, некий географический парадокс, встречается на реке возле самых ее истоков.

Эти истоки, как известно, скрываются где-то совсем рядышком с длинным корытообразным Кубенским озером. Озеро вырыто древним ледником и питается реками, бегущими с севера: Уфтьгой, Итклой, Кихтой и Кубеной. Сухона рядом с озером еще едва движется, задумчиво стоит по заливам, спит среди неоглядных лугов.

Весной, пока Кубенское озеро покрыто надежным льдом, а его окрестности только-только набухают талой водой, южнее успевают вскрыться и переполниться два крупных притока Сухоны—реки Вологда и Лежа. Они помогают Сухоне разбить зимнюю одежду и быстро наполняют ее до краев. Река стоит чуть не вровень с берегами, а куда течь—никак не выберет. То ли вниз, то ли вверх... Достигнув некоей критической отметки, Сухона потихоньку начинает двигаться в ту сторону, где ниже, в... свое родимое Кубенское озеро, иначе говоря, против законного течения. И не день течет супротив правил географии, даже не два, а до тех пор, пока озеро не разобьет свои льды, само не поднимется, чтобы грозно прищипнуть, наконец, на безрассудную дочь: куда повернула, неразумная?!

Весенний месяц противоборства кончается в пользу порядка. Сухона словно бы одумывается и меняет направление. Нарастающая волна половодья, подталкиваемая переполнившимся озером, обретает движение на юго-восток, от истока к низовьям.

Самые давние поречные люди—корелы, чудь, новгородцы, поселившиеся в этом луговом и лесном крае, только дивились причудам реки да по всякому принаравливались к ней.

Лишь в начале девятнадцатого века, когда западнее Кубенского озера, от Белоозера по Шексне и до Волги, была построена Мариинская водная система, соединившая Балтийский бассейн с Волгой; когда назрела потребность связать этот канал с водными дорогами в Белое море и на Каму, инженеры стали присматриваться к Сухоне. Уж больно удачно расположилась она на древних торговых путях от Новгорода к северу и востоку по Русской равнине, сочетаясь с цепью озер и рек севернее Кубенского озера, с волоками, по которым на катках и на колесах первопроходцы таскали свои кочи,—так удачно, что оставалось только соединить озера и реки каналами да и устроить единую судоходную систему. Начали подробно изучать все Заволочье. Тут-то и обратили внимание на странный каприз Сухоны, исследовали его, чтобы не дать промашки.

Судоходная система, построенная в 1825—1828 годах, оказалась как нельзя кстати. Все более увеличивалась торговля с севером и востоком Европейской России. Расширялось судостроение в Архангельске, куда требовалось доставлять дубовый лес с Волги. Да и вообще водный путь в обширных и бездорожных этих местах был



позарез нужен, чтобы пользоваться богатым краем, где лес, руды, пушнина и соль.

Одним из первых гидросооружений на новой водной дороге стала плотина у истоков Сухоны, на озере.

Длинная водорегулирующая преграда из металлических стоек с затворами могла держать или пропускать воду в две стороны: из озера в реку и из реки в озеро. Ее затворы все лето подпирают воду Кубенского озера, не давая ему обмелеть. Весной же, когда Сухона «балует» и начинает нагонять воду к озеру, плотинные затворы укладывают на дно, и река без задержки течет в Кубену через образовавшийся широкий проем. По этому открытому проему весной из Сухоны в озеро и обратно, минуя шлюз, ходят большие суда.

Шлюз сбоку плотины назвали Знаменитым. Во все месяцы навигации, кроме весеннего, он пропускает суда.

Систему, соединившую Сухону с Волго-Балтом (бывшей Мариин-

ской системой), переделывали и совершенствовали в 1885, в 1916 и в 1944 годах. Первоначально здешние шлюзы-каналы могли пропускать суда грузоподъемностью не более 160 тонн и с осадкой до метра. Игрушечные сооружения, если сравнивать их со шлюзами канала имени Москвы, Волго-Дона или Волго-Балта! Постепенно увеличивали глубину и объемы камер, улучшали управление затворами. Пришлось создать дополнительные водохранилища, привлечь воду со стороны для пополнения каналов. Заодно построили три ГЭС, а на Знаменитом — еще и ТЭЦ.

Сегодня по каналам и шлюзам идут довольно большие теплоходы, они берут уже до восьмисот тонн груза. Вдоль берегов Северодвинской системы поднялись новые поселки; ее постоянно обновляют и украшают; приметы совершенствования — на каждом шагу.

Суда в летнее время следуют по Сухоне и каналам почти непрерывно; на них лес и минеральные удобрения, бетон и гравий, тракторы и контейнеры, комбикорма и мебель. Радиопереключка диспетчеров и капитанов наполняет эфир днем и ночью. И часто слышишь, что кроме обычного «Обход левым бортом», «Обход справа», «Иду сверху за кривизной» и коротких новостей о знакомых и происшествиях капитан судна, следующего с Волго-Балта на Северную Двину, спрашивает встречного капитана:

— Как там Сухона?..

А ведь еще пятьсот километров до опасных перекатов и порогов в низовьях, до тех мест, где железное дно теплохода или баржи нет-нет да и «чиркнет» о каменную луду, острой бороной затаившуюся на глубине встречу течения. Приходится заранее думать и о других препятствиях, созданных уже не природой, а самими людьми.

2

Город Вологда связан с Сухоней небольшой рекой, по имени которой он и назван.

Свой путь по этой реке мы начинаем вечером.

Небо еще светлое, задумчиво-тихое, видно далеко-далеко, но на первых километрах северная сказочность начисто заслонена разнообразной «цивилизацией». Берега обставлены складами, мастерскими, заводами, пристанями, причалами — у каждой организации свой причал, пристань, «свой» естественный берег. Картина, признаемся, не из приятных. Снуют катера, моторки, валяжно, грудью, как и наша семисоттонная «Чагода», идут теплоходы, раздвигая мутно-желтую воду реки, которая чиста и прозрачна только выше города.

Узкая, со скользкими, голыми берегами, заставленная судами, плотами леса и лодками, речка бьется о берега, будто желает выплеснуться из тесноты, из нефтяного угара, да сил недостает. Каждое судно со скоростью пятнадцать километров тянет за собой двухстороннюю волну; она наваливается на берега, слизывает их денно и ночью, отправляя грунты в русло. Землечерпалки едва успевают углублять фарватер.

Кое-где берега обложили бетонными плитами. Здесь, там. Эти укрепления часто разрушаются в ходе самого строительства, потому что все это делается наспех, без единого плана и общего надзора; каждое предприятие пытается отстраивать «свои» сто, двести метров берега и бросает начатое, как только весенний паводок наведет

коррективы. Лишь пристань «Сельхозхимии» выглядит солидно. Здесь отдают себе отчет: в считанных метрах от воды на бетонном берегу открыто лежат горы красноватой калийной соли. Не шутка, если сползет вместе с берегом!

Грустная, явно перегруженная река.

Она разрезает город надвое. Плашкоут. Мост. Еще мост. И вот только выше плашкоута и мостов берега постепенно зеленеют. Здесь не ходят теплоходы, мало моторок. За вологодским кремлем с Софией можно увидеть у берегов деревянные плотики, а на них хозяек. Подобрал подолы, они, как и в далекой старине, полощут белье. Дальше, уже за городом, на зеленом лугу поднимаются — величаво, даже картинно — белые стены и церковные главы Спасо-Прилуцкого монастыря, сохранившего в своих подземельях сокровища Московского Кремля, вывезенные сюда в тяжелый 1812 год...

Идем вниз, минуем городские предместья. Слева кудрявым видением темнеют рощи старых вязов, возле них дремлют одинокие дубы — акварель на фоне светлого однотонного неба. Вспоминаются строки о Вологде из старинной книги географа П. П. Семенова: «Сплошной земледельческий оазис благодаря чернозему...». И это на 59 градуса северной широты?! Видимо, автор имел в виду хорошие луговые почвы, они всюду вокруг города на просторной пойме.

С высоты судовой рубки пойма просматривается так далеко по обоим берегам, что края не видно, сливается с небом. Пятнами темнеют заросли ольхи и осины на старицах, тускло светятся озера, подернутые тонкой вуалькой тумана. И такая тишь, такая светозарная ночь надвигается незнамо откуда, потому что запад и восток одинаково белы... С лугов на реку наносит аромат прохладной, росной травы, все яснее запах медуницы и терпкой желтоцветной пижмы.

Лепечет, плещется о борта «Чагоды» усталая Вологда. Моторы глухо ворчат внизу. На палубе тихо переговариваются парни — матросы. Громкий голос кажется оскорбительным для такой ночи.

У пульта стоит капитан, неотрывно смотрит вперед, щелкает клавишами поворота рулей. Нос корабля отходит налево, направо, фиксируя фарватер извилистой реки. Поворот. Еще более крутой поворот. Нужен глаз да глаз.

— Я «Вожега», иду снизу, — прорезается из треска радиоголос. — Огибаю мыс, двести метров.

— Вас понял, «Вожега». «Чагода» сверху подходит к повороту... Правыми бортами, правыми!

— Есть правыми. Прибавляю скорость.

Из-за мыса вываливается белая надстройка теплохода. Мигает, как на милицейской машине, прерывистый сигнальный огонек. «Чагода» подается левее, к берегу. За мысом ровная, как стрела, свободная река. Она темнее неба — стальной клинок в зеленых ножнах.

— Это канал. — Капитан Юрий Сергеевич Кряжев садится, наконец, на высокий стул, но говорит, не отводя глаз от реки: — Тысяча пятьсот метров прямизны, а петля речная — вон она, за лесом открывается, — более пяти километров. Таких каналов тут два.

Молчим, вглядываемся в ночь, ведь по-московски уже ночь, Двенадцатый час, а над рекой, над северными просторами стоят сумерки; только дали как-то посинели: тай земля слилась с небом в

одноцветье, и пространство расширилось до бесконечности, детали в нем потерялись.

— А вот и устье,— говорит Кряжев и встает.

Сухона наискось пересекает путь Вологде. Левый берег луговой, не выше двух метров—черная полоска над водой. На берегу двухэтажный дом, верхние окна светятся. Диспетчерская речного флота.

— Как вы, «Чагода»?—раздается оттуда по радио.—Далеко идем? На борту порядок?

— Порядок,—отвечает капитан.—В Иванов Бор. Кто впереди нас?

— «Тарнога» прошла, минут сорок. До Знаменитого вы ее обгоните.

Смотрю направо. Еще одна, более светлая полоса воды вырывается из мглы правобережья за полкилометра от устья Вологды. Полоса отличительно поблескивает, струится радостью.

— Это Лежа.—Юрий Сергеевич угадывает и предупреждает мой вопрос.—Чистая река, не чета нашей.

Повинуясь рулям, «Чагода» описывает плавное полукружье—теперь нос ее смотрит строго на яркую Полярную звезду. Плеск за кормой усиливается, слышнее моторы. Прибавили ход.

Уже полночь. Над лугами рождаются ключья тумана. Их не отличишь от озер—такие же тускло-серебряные, как вода, небо, дали. Очаги тумана растут, соединяются. Движешься, будто в пустоте, посреди необъятной, тихой и таинственной сферы, где нет даже звезд. Туман закрывает землю, реку, небо, властно хоронит реальный мир. Исчезают и низкие берега, и вода за бортом. Сумерки сгущаются, уже нет верха-низа, права-лева. Белесая круговерть.

Юрий Сергеевич за пультом спокоен. Пощелкивают кнопки и клавиши, судно послушно воле капитана. Как можно что-нибудь различить в молочной бездне, сквозь которую мы плывем? Редкие огоньки бакенов подозрительно быстро мигают и тотчас пропадают.

— Привычка,—коротко говорит Кряжев.—Я здесь хожу восемь, нет, девять лет. Десятки раз туда-сюда. Присмотрелся к берегам, к каждой кривизне. В лоцию могу не заглядывать, все по памяти. К тому же и родом отсюда. Деревня Суховерхово около Кириллова. Там школа, детство. Полазил по озерам-речкам с удочками, побегал за чибисами в лугах-болотах. Закрою глаза—и могу представить любое место.

Он говорит отрывисто. Сбоку мягко светит лампочка. На молодом красивом и строгом лице Кряжева возникает долгая улыбка. Она оттуда, из детства с удочками, где неповторимые дни, мать, бабушка... Вздыхнул и закурил. «Чагода» шла на скорости по затихшей, сонной реке. Где-то близко под днищем таились мели—отвлекаться разговорами опасно.

Ночь отступала. Туман стал просвечивать. Вот зачернел один берег, второй, проявились силуэты деревянных домов с высокоподнятыми окнами, лодки под берегом, лестницы, а дальше прорезались трубы, еще трубы и заводские корпуса с красными от бессонницы окнами. Город Сокол.

Сухона здесь полна, лесом. На берегах горы уже обсохших бревен, бесконечные плоты на подходах к городу, кивают черными головами вставшие на попа топляки. Речники их так и зовут:

голованы. Кряжев морщится и сбавляет ход, когда под судно уходит такой подарок...

— Откуда они, Юрий Сергеевич?

— Со дна реки. В городской черте и на подходах немало утонувших бревен,— отвечает капитан.— Иные бревна с тяжелым комлем приподымаются, плавают, полузатопленные.

Проходим сквозь город деревообрабочников и бумажников. Незаметно и тихо светает, и не поймешь, откуда свет. Солнца еще долго не будет: часы показывают три; но небо уже налило перламутровым сиянием, один край подрумянен, и на этом фоне рисуются дальние деревни—типографской гравировки линия черных изб, крытых дворов с капитальными воротами, доштых дорожек и лодок под мокрыми от росы березами.

Река ровно движется под нами. Вода дышит теплом. Спрашиваю, можно ли прибавить ходу. Кряжев неопределенно пожимает плечами.

— Попробуем...

Моторы приобретают басовую тональность. Из рубки видно, как приподымается нос. Корма, естественно, садится. И сразу же возникает противная дрожь. Теплоход гневно трясется. Кряжев неторопливо сбавляет обороты.

— Вот так. Мы идем с осадкой примерно полтора метра. Чуть больше, при скорости,— и уже достаем дно. Ограничитель...

Что же сделалось с тобой, Сухона?

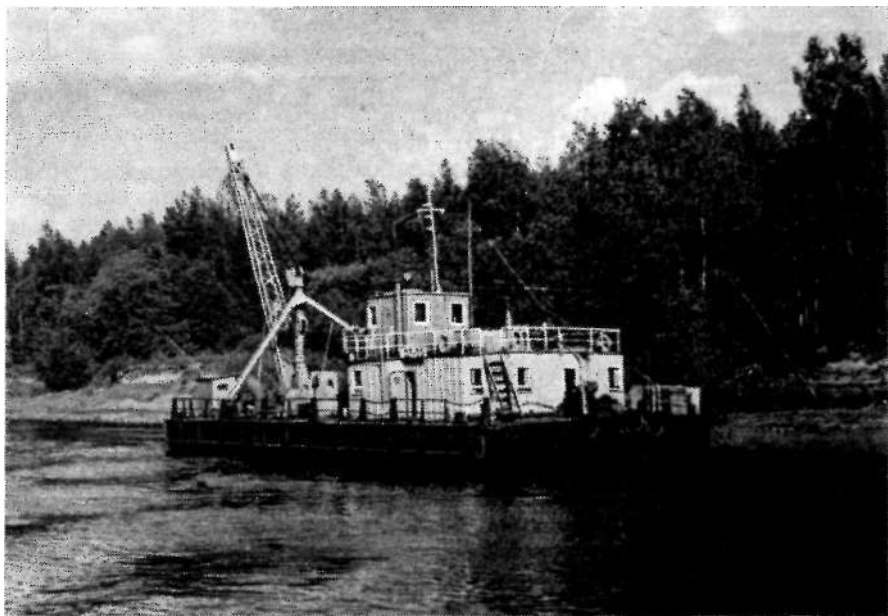
На обоих берегах от истока до далекого града Великого Устюга всегда стоял лес. И был он твоим другом и хранителем, этот густой и бесконечный лес. Все притоки процеживались сквозь лесную чашу и пополняли русло главной реки чистой, свежей водой. Все родники и болота в лесу питали Сухону. Была она глубокой, полноводной даже в жаркие годы, всегда богатая рыбой и бобрами в укромных притоках.

На ее берегах и поблизости охотно селились люди, ставили погосты, из которых пошли города, известные в истории: Прилука, Вологда, Шуйское, Тотьма, Нюксеница, Великий Устюг. К озерному поречью тяготел и древний Кириллов, и Харовск, и молодой Сокол. Рекой жили и рекой пользовались, почитали, дивились красотой и сами украшали.

Когда стали рубить лес по берегам, опять же не обошлось без реки: сплавливали бревна и вверх, и вниз по реке. Сухона исправно таскала всевозрастающую тяжесть древесины. Чем больше бревен скатывали в воду, тем, конечно, пустынное становились берега и чаще проглядывало сквозь обмелевшие притоки тинистое или каменистое дно.

Потом у Сокола выросли заводы. Бесконечные плоты и баржи с лесом втянулись сюда с апреля по октябрь. Лес заполонил реку, люди втренами теряли контроль над этим движущимся лесом. И лишь недавно начали понимать, что так продолжаться не может. Сплавные конторы взялись очищать русло реки, ежегодно поднимают топляк, строже следят за плотами. Работы тут хватает. И на долгие годы...

Над мокрыми лугами поднялось оранжевое теплое солнце. Заблестела каждая капля росы на травах. Река задышала, легкий парок поднялся над ней. Обсыхают тысячи и тысячи бревен на лесных



Ремонт Сухоны. Землечерпалка углубляет дно на фарватере реки

биржах. Все быстрее движутся, скрежещат жадные лесотаски, с акробатической ловкостью перебегают по плотам рабочие: они баграми направляют бревна к транспортеру. Река дает заводам пищу...

Строения реже, все больше открытых берегов, полускошенные луга со стожками сена, и, наконец, Сокол позади.

Чувства, рожденные видом реки в черте города, не дают покоя. Что-то не так... Река, это драгоценное создание природы, воспринимается сокольцами, похоже, только как путь, по которому движется сырье для заводов.

3

Через час догоняем «Тарногу». Двигается она тихо, с полными баржами на буксире. Кряжев берет микрофон:

— Правым, правым бортом иду...— Молчание. Потом голос уставшего человека:

— Понял, «Чагода», проходите. Впереди плоты.

— Спасибо. Тоже вижу.

Затем голос другого тембра, молодой:

— «Чагода», «Чагода», а вам не стыдно? Одних обошли, теперь ко мне подбираетесь?

Юрий Сергеевич подбрасывает в руке микрофон.

— Такова жизнь, коллега. Графики, планы и все такое. Понимать надо. Мелиораторы Нечерноземья ждут наши грузы.

Молчание. Вздох в динамике. Потом скромное: «Ну, давай, по-тихому, слева. Я ведь тоже для них известь везу...»

Кряжев — само внимание. Сухона хоть и широка, но вода ее, озаренная солнцем, играет, слепит глаза.

— Перекаты, — говорит он. — Это Тетеревинский. Тут еще есть Рассохинский, дальше Рязанские и Шитробовские мелкие места. Опасно.

Снова радио, басовито, начальственно:

— Кто там снизу, до шлюза? Торопитесь, пока свободно.

— «Чагода» на подходе. Минут двадцать. — Кряжев отвечает быстро, посматривает на часы. Шлюз «Знаменитый» открыт, можно зайти с ходу.

Утро тем временем разгулялось. От тумана и следа нет. Плывут по небу, четко отражаясь в реке, белые облака. Их много — легких, кучевых, летних. Зелено по берегам, свежо, красиво. Вон и стадо бредет, коров как раз не хватало для полноты картины! На берегу за мысом высится чужеродный холм зеленовато-серой доломитовой муки. Для известкования пашни. Пришел грузовой теплоход со своим плавучим краном, выгрузил эту муку — и будь здоров!

Капитан подавляет зевоту. Устал. Он у пульта всю ночь, прошел опасные места. Мы так и простояли рядом. Для меня все внове, любопытно. Для Кряжева — обычная работа.

В рубку подымается свежий, выспавшийся помощник капитана Александр Андреевич Жулитов, здоровается, закуривает.

— Сменяемся? — спрашивает он. — Как ночь, не очень трудная?

Кряжев уступает ему место, с удовольствием потягивается. Сейчас спустится в каюту и мгновенно уснет...

Стуча башмаками по железному трапу, забегает матрос Володя Маков. Волосы мокрые, глаза и зубы блестят.

— Вахту сдал, — четко по уставу говорит ночной дежурный Костя Микульчик.

— Вахту принял, — в тон ему произносит Володя и смотрит на капитана, какие будут указания.

— Проверь якорную лебедку. Палубу окатить. После обеда, если погода не испортится, всем красить корму.

По радио врывается звонкий женский голос:

— Где там «Чагода»? Подходите быстренько, по-молодому.

Жулитов весело оглядывается. Повезло! Он берет микрофон:

— «Чагода» за мысом, сейчас выходим на прямую.

— Давайте, давайте, а то сверху два судна трясутся от нетерпения...

Выходим из-за мыса, покрытого ольхой. Поселок, высокие березы и ветлы, шлюз в их тени, левее плотина. «Знаменитый» открылся.

Черная ленточка плотины низко над рекой прочерчена по лесистому зеленому заднику. Шиты открыты, из озера широко хлещет белая вода и, выталкивая крупные хлопья пены, валом валит налево, в песчаное русло Сухоны.

Шлюз низкий, бревенчатая камера вложена в откосы канавы. Они замощены камнем, проросли травой. Толстые створки ворот с красной полосой поверху разведены. Сбоку пристроилась опрятная деревня Шера в окружении старых и толстых берез. За плотиной и камерой видна широченная полоса воды, а по берегам зелень всех оттенков: темноокрашенный ельник, светлые березы, солнечный,

салатного цвета луг. Большой деревянный дом на острове — база отдыха речников — тоже выкрашен в зеленый цвет.

Это уже Кубенское озеро. Голубое с зеленым, оно так сияет на солнце, что без прищуря не посмотришь — сплошной блеск.

Жулитов мастерски проводит теплоход через боковое течение и с абсолютной точностью — как патрон в ружейный ствол — загоняет «Чагоду» в шлюз, не коснувшись бортами его бревенчатых стен. До них остается сантиметров сорок воды, не более.

Между тем две быстрые судопропускные — Лия Александровна Папуница и ее напарница — ловко переводят железные рукоятки затворов; одна из них забегает в будку, включает там рубильник, и ворота поехали, закрылись. Зашумела донная вода, теперь уже озерная. Судно качнулось, палуба поехала вверх. До уровня озера чуть больше человеческого роста.

Все тут выглядит просто, по-домашнему: и сам шлюз, уже наполненный до краев, — стоишь на последнем венце, и можно тронуть воду ногой, — и эти говорливые женщины, и открытые окна диспетчерской с геранями, с кошкой у порога, и музыка из деревянных пятистенок, и пустой ящик, брошенный нам на палубу, чтобы на следующем шлюзе его наполнили свежим хлебом и попутным судном привезли снова сюда... Все это создает атмосферу легкости отношений, деревенской простоты.

Минут через двадцать «Чагода» вздрогнула и заскользила из шлюза в озеро. Теперь мы не на Сухоне, а в ее бассейне, на ее продолжении, на связке с Волго-Балтийским путем.

На Кубенском озере, как и на Воже, севернее его, обнаружены самые древние — трехтысячелетней давности — поселения человека в этих широтах. На западных приподнятых берегах прослежена цепочка стоянок оседлых людей того времени. И нынче тут деревни, одна за другой. Все избы на взгорке, окнами на озеро, откуда падает к воде травянистый наволоч. За порядком домов заметны подолы — древние пашни, давным-давно обжитые и ухоженные новгородцами, пришедшими сюда за вольностью, «не прияхъ не имения ото князя, ни отъ епископа, и паша, себе покоя не дахъ». Лен и рожь с ячменем, репа и редька в огородах, овсы и луга кормили земледельца. Держали коров, навоз из подворья вывозили на близкое поле; в озере не переводилась рыба, в лесу тоже кое-чего добывали, вот и жили-поживали, добра не наживали, но и на чужих хозяев хребта не ломали. Сами с усами...

Сегодня здесь самый продуктивный район сельскохозяйственной Вологодчины. Правда, не очень людной: много народа уехало за послевоенные годы. Еще более могла обезлюдеть деревня, не проходя рядом оживленный Северо-Двинский водный путь, приобщивший эти места к новым работам в Нечерноземье. Корабли, баржи, пассажирские скорходы идут мимо. И сюда везут грузы — строяся, удобряй землю, получай городские изделия и блага. Отсюда тоже многое можно вывезти: зерно, картофель, льняную соломку. Все лето ходит катер, забирая с ближних ферм молоко.

Снова луга и луга. В озерной пойме изобилие травы. Видны такие же долины рек Кубены, Уфтюги, мелких притоков. Из озера путь по воде идет к Устью, Харовску, ко всем живущим в стороне. И куда ни глянь — зелень! Сколько коров, бычков можно кормить и выхаживать по этим озерным берегам! Такая сытная вольница окрест!..



Тихий Север...

Стоит пора горячего сенокоса. Погода — что надо. Но людей на покосе мало. Там, здесь колхозные бригады, шефы из городов. Кое-где стожки, чаще на самом береговом урезе, откуда легче взять.

Трудно сказать, сколько сена и травы может дать огромная Шекснинско-Сухонская пойма, где насчитывают сто шестьдесят тысяч гектаров пастбищ и сенокосов. С этой-то площади даже при низком урожае можно собрать не меньше двухсот тысяч тонн сена и прокормить сто тысяч коров. Но это, как говорится, на первый взгляд. Более половины пойменной площади по каналам и по Сухоне, Вологде, Леже, Шексне либо поросло кустами, либо малопригодно по причине заболоченности.

Мелиораторы, много сделавшие для пашни, пока только присматриваются к лугам, хотя ценность осушенного и чистого луга никак не меньше ценности пашни.

Жулитов сидит за пультом на высоком стуле, спокойно ведет «Удно». На озере просторно и светло, бакены покачиваются на мелкой волне — смотри, любуйся по сторонам.

Проходим Устье. Оно справа, чуть видно с озера.

— Часто бываете там? — спрашиваю помощника.

Он скидывает узкое смышеное лицо.

— Без речников там жить не можно. Все завозим. Муку, Удобрения, контейнеры с товарами, бетон и кирпич длястроек, даже тракторы. Не ахти какой причал, но управляемся, путь проторенный. Как и в Уфтьюгу, а по ней на Бережное, там до железной дороги

ой-ой-ой! А проезжие дороги — сами знаете... Только река и озеро выручают глубинку. Сейчас грузов для строек идет все больше.

Александр Андреевич — речник опытный, и судоводитель, и механик. Учился в Котласе, поработал на Иртыше, но вернулся все-таки в родные места, и вот уже десять лет на Вологодчине. Тут, как говорится, и душа на месте.

Букир «Перепел», куцый и пестрый, действительно похожий на птицу, протасил шаланду, полную слякотного грунта от земснаряда, углубляющего фарватер выше по озеру. Похоже, ищет место, где бы свалить на глубину свой груз да скорее назад. На корме сушится, полощется от ветра белье. Наверное, семейный экипаж, с хозяйкой.

Озеро постепенно сужается; с одной стороны болотистый ельник, с другой — осоковая топь. Камыш выше человеческого роста. На чистых от травы лагунах рыбацкие лодки и сами рыбаки застывшими изваяниями.

— Шестой, шестой, я «Чагода», добрый день, подходим снизу.

— Хорошо, слышу вас, слышу. — Женский голос скор и нетерпелив. — Передаю диспетчеру.

— «Чагода», шестой понял. Нажимайте к шлюзу, — окает диспетчер. — У меня водолазы одеты, минут на пятнадцать задержу их. Пока перекурят, я пропущу вас, а то стоять и стоять. Ремонт ворот затеяли.

Жулитов прибавляет ход. Осоки сердито зашуршали, на них накатилась большая волна, гнет, с головой покрывает зелень. Рыбаки поспешно разворачивают лодки носом к волне.

Входим в устье реки Порозовицы. Такое славное название, делающее честь безымянному автору! В этот солнечный день откосы берегов сияют цветами, как вешняя заря. Клеверок душист и красен, холмы покрыты разноцветным ковром. Много ржаных полей, красного клевера, лесных привад. Хаты в деревнях разбросаны по холмам, как в Берендеевом царстве, и такая благодатная, теплая тишь вокруг, что слушаешь ее, словно хорошую музыку.

На шестом шлюзе все, как на «Знаменитом»: та же приятная домовитость и женская сноровка судопропускных Зои Геннадиевны и Марии Тезениных — матери и дочери, шелест тополей над водой, стук плотничьих топоров и запахи ошкуренных сосновых бревен, из которых складывается сруб нового дома. «Чагода» с ходу вошла в камеру, ворота закрылись. Видим, как за воротами спускаются в реку водолазы.

Порозовица, недолгая, полноводная, хорошо обжита людьми.

По правому берегу стоит Никольский Торжок с порушенным собором. Это бывшее торговое село с огромной булыжником вымощенной площадью. Далее две деревни, а за ними пятый шлюз, который проходим без задержки. Еще деревня на холмах. Шиферные крыши делают ее молодой. Рядом завидно-урожайное поле овса, у самой воды толпится стадо черно-пестрых коров. Они сыты и спокойны, бесстрашно стоят близко к нам и влажными глазами провожают серую тушу «Чагоды».

Река Иткла и озера по пути — Вазеринские, Кишемское, Зауломское, Покровское, каналы и шлюзы, соединившие их, — вся наша дорога, то очень широкая, то узкая настолько, что воды по сторонам не видишь. Каналы наполнены до краев, так что иной раз кажется, будто движемся мы на судне посуху, прямо через луга и перелески,

огибаем горбатые холмы в еловой заросли и только что не залезаем на них. Так естественны, так удобны в этой нигде не нарушенной природе старинные инженерные сооружения! Их ничто не выпячивает не отделяет от ландшафта. Просто не верится, что эта часть большого Северо-Двинского водного пути — дело рук человеческих. Ловишь себя на мысли о единстве полезного с красивым, и возникает чувство благодарности к умелым и бережным строителям Северо-двинской системы, не умалившим природной красоты.

Кто они? Когда и как строили, подарив России столь нужный водный путь? Нигде ничего о строителях! Безмянно сооружение, сблизившее крестьян и речников, города и деревни в этом древнем крае, некогда отрезанном от остального мира и особенно ценном сегодня, в годы необычайного внимания к Нечерноземью.

В послеобеденное время в рубку подымается капитан. Его свежесбрившее лицо несет на себе следы короткого, прерванного сна. В глазах нетерпеливое ожидание.

— Что рано? — спрашивает Жулитов.

— Сейчас мои места, не хочу пропустить. Ты пройдишь для разминки, чаю выпей. Я постою.

И Кряжев втискивается между высоким табуретом и пультом.

Навстречу нам серым утюгом движется «Триста двадцать первый»; он толкает баржу, по уши нагруженную камнем. Сидит низко, даже страшно: вода заплескивается на палубу.

Кряжев берет микрофон:

— Я «Чагода», иду правым бортом, правым.

— Понял вас, — доносится радиоголос. — Даю отмашку.

— Куда путь держите?

— На Сокол, там разгрузимся. Камень для новой автодороги в Архангельск. Туда только давай. Нужная стройка.

— Тяжело идете. Как осадка?

— Тысяча тонн. Осадка сто семьдесят.

— Счастливого пути, каменщики!

Кряжев улыбочиво провожает караван.

— Вот так и таскаем, что нужно Нечерноземью. Кто камень и песок, кто машины и горючее. Мы повезем гравий для домостроительного комбината. Капитан Мезгирев только что пришвартовался в Вологде, привез из Москвы крупногабаритные трубы дорожникам и, похоже, идет сейчас за нами. Как говорится, по мере сил своих...

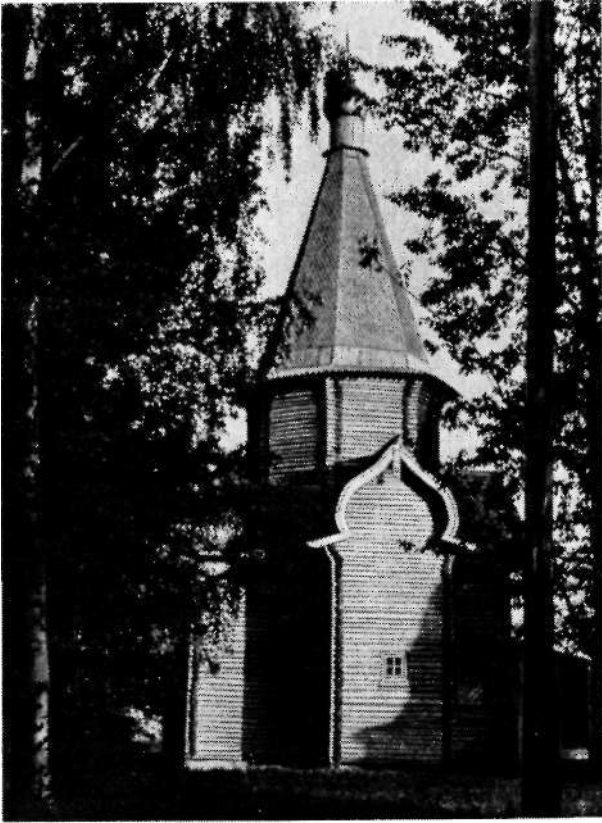
— Что еще возили, Юрий Сергеевич?

— Лучше спросите, чего мы не возили! Только в этом году, по памяти: песок, гравий, пиловочник, минеральные удобрения, кругляк, металлолом из глубинки, бетонные плиты, кирпич, шифер, мебель, доломитовую муку, соль, арматуру, зерно, бочки, контейнеры. Вот, разве навоз от ферм еще не приходилось отвозить... За Десятую пятилетку «Чагода» набрала чуть не сорок миллионов тонно-километров.

Кряжев покачал головой, вздернул белую кепочку. Самому Удивительно, сколько всякого-разного требуется вологодским деревням и городам в наше время!

4

Обширная Вологодская область, как и соседняя Архангельская, явно обделены современными путями сообщения. Строителей в



прошлом отпугивали немеренные версты, нехоженые леса и болота. Нынешние же пока еще не успели развернуться во всю силу.

По обоим концам долгой Сухоны — от Кубенского озера до Великого Устюга, на север и на юг от реки — лежит обширная территория, где линии железных дорог отстоят одна от другой на триста с лишним километров. Первая идет по Архангельской области от Коноши на Котлас, другая по Ярославской и Костромской и захватывает только южный край Вологодчины. Что же касается деревень, то из двадцати шести райцентров только семь так или иначе связаны с железной дорогой и пятнадцать с шоссейными. Сотни деревень совсем отрезаны бездорожьем. И только реки... К самой Сухоне примыкает полтора десятка районов. К ее притокам — еще столько же.

Что бы делали в Тотме, Нюксенице, Сямже, Кириллове, Белозерске, Вытегре, Тарногском Городке, Никольске, Кичменгском Городке, Великом Устюге да и в соседних вятских районах, тяготеющих к реке Юг, в Подосиновце например, без реки, без речных судов, без пароходств — Сухонского и Северного?

Бесчисленные колхозы, совхозы и леспромхозы, поля и луга, способные давать зерно, лен, картофель, корма, древесину, молоко и

мясо, — какбы существовали они, не будь рядом Сухоны или ее судоходного притока грузовых теплоходов, пассажирской «Ракеты» или «Зари», связывающих полюсы жизни и экономики — город и село, промышленность и сельское хозяйство?

Северо-Двинский водный путь — Сухона, Юг, Северная Двина с судоходными притоками — приобрел сегодня первостепенное значение для жизни и развития севера Нечерноземья. Сместе сказать, что эти наиважнейшие водные дороги не утратят первостепенности своей по крайней мере до XXI столетия, когда, быть может, все заботы о грузах возьмут на себя новейшие виды транспорта, а реки станут прекрасными зонами отдыха и туризма.

Речной транспорт и пригодные для судоходства речные пути именно поэтому требуют сегодня постоянного внимания и помощи со стороны Советов, обладающих властью и правом контроля над разными ведомствами, когда дело касается Нечерноземья, его самых острых проблем. Реки не для одного Министерства лесной промышленности и сплавных контор, которые сделали даже большую Сухону труднопроходимой, прежде времени постаревшей рекой. Они — общенародная ценность, всеобщие пути сообщения, наше здоровье; они — часть великой природы, которую надо хранить и лечить, если в этом возникает нужда.

Обо всем этом нам рассказал по дороге знаток здешних мест Александр Петрович Конт.

Он на Сухоне с сорок пятого года. Начинать с рулевого. Теперь возглавляет судоходную инспекцию на Сухонском участке.

Коренастый, крепкого сложения, вдумчивый Александр Петрович прошел по здешним водным дорогам сотни раз, помнит любой поворот, все быстро меняющиеся приметы на берегах. В его памяти жизнь и состояние каждого судна, биографии и точные оценки всех судоводителей и всех чинов береговой службы.

Открытое и чистое лицо Конта, прямой взгляд обычных для северян голубых глаз свидетельствуют о характере мужественном и стойком. Инспектор знает свое дело, не признает компромиссов и половинчатости в решениях. Пытливый взгляд, склонность к глубоким оценкам и загляд в будущее делают его особенно интересным собеседником.

— Да, судьба Сухоны не из легких, — говорит он. — Река и весь Северо-Двинский водный путь нуждаются в постоянной помощи. Ремонт его обходится очень дорого: мы ежегодно проводим земельные работы в объеме более чем миллион кубометров! Устройство фарватера на мелководных участках, спрямление мысов, крепление берегов, очистка дна от топляков — все это лишь в объемах острой необходимости. Очень нужен умелый, технически вооруженный хозяин на Сухоне!

Мы стоим на палубе судна. Легкий ветер шевелит русые волосы Конта. Фуражку с золотым «крабом» он держит в руках. Со встречных судов инспектора узнают еще издали, в бинокль, проходят осторожно, как шоферы поблизости от поста ГАИ.

Навстречу движется самоходная баржа, полная лесом.

— Вот он, день завтрашний: перевозка леса судами. Скоро и исто. Но... Опять какое-то «но»...

— Нехватка судов?

— Нет. Мы располагаем приличным и хорошим флотом. Пожа-

луй, не хватает только мощных буксиров. В общем, способны перевозить не пять миллионов тонн, как сейчас, а на треть больше, если уменьшить простой судов. Вот еще ахиллесова пята речного пароходства. Береговая служба явно отстала от развития самого флота. Три порта и одна пристань на тысячеверстный путь — это все, чем располагает пароходство. А груз идет в десятки мест, чаще всего на голый берег. Простой судов у берега составляют сейчас значительную часть ходового времени. Вот эта баржа, что прошла, доставит лес в четыре раза быстрее, чем на тяге плотами. Но она и простоит под разгрузкой сутки, если не двое. Словом, проблем хватает, — с горечью подытожил он и надолго замолчал, прищуренно разглядывая искристую на солнце реку.

Мимо нас прошла еще одна баржа. Ее трюмы наполняла зеленоватая доломитовая мука — средство для борьбы с избыточной кислотностью нечерноземных пашен.

— Много такого груза прибавилось? — спрашиваю Конта.

— Более четырехсот тысяч тонн за навигацию. Прежде всего, минеральные удобрения и материалы для известкования почв. Затем строительные материалы, трубы и бетон для дорожных работ. Погрузить в хорошем порту, перевезти все это несложно. А вот разгрузка где-нибудь в Тотье, Липином Бору просто на берег!.. У нас горько шутят: ноги крепкие, бегать-плавать можем, а руки немощные. Пришвартуемся — и ждем, ждем. Где-то поблизости строят дорогу, жилые дома, фермы. Там ждут эти грузы. Такая цепочка ведет к невыполнению планов мелиорации полей, планов строительства новых поселков.

Грузы для села... Для глубинки.

Десятки тысяч тонн горючего тракторам и машинам в отдаленных районах области. Более двухсот тысяч тонн минеральных удобрений, извести, хозяйственного оборудования. Ежегодно только по малым рекам нужно отправить в глубинные районы пятую часть потребной для области «минералки», две-три тысячи тонн разных сельхозмашин. Услугами пароходства пользуются сельские строители: цемент для предприятий Минсельхозстроя, сборный бетон и дома для Межколхозстроя, битум и гравий, кирпич, шифер, сантехнику — весь этот груз можно увидеть в Вологодском порту. И еще кое-где прямо на чистом берегу Сухоны.

Сегодняшние проблемы земледелия и мелиорации Нечерноземья трудно решить без речного транспорта, особенно значимого для северных областей.

Отводить речному флоту в Европейской части РСФСР и вообще в стране какую-то нижнюю ступеньку среди других средств связи и транспорта грешно и по другой причине. Речной флот — самый дешевый на Русской равнине и за Уралом. Это немаловажное обстоятельство связано в первую очередь с тем, что он, перебрасывая массу грузов и пассажиров, экономно расходует энергию. А ведь экономия энергии обязательна для любого производства в нашей стране. Она предусмотрена одной из долговременных народнохозяйственных программ.

Флот на Сухоне за двадцать последних лет удвоил перевозку грузов, а расход условного топлива за это же время уменьшил примерно в полтора раза. Очень хорошо!

Чтобы перевезти по реке десять тонн груза на сто километров,

судовые моторы сжигают всего 29 килограммов горючего. Для перевозки этих десяти тонн на расстояние сто километров самолетом требуется горючего в десятки раз больше. Автомобили сожгут по меньшей мере в шесть раз больше. И даже локомотивы расходуют в полтора-два раза больше топлива, чем речные суда. В сопоставимых, конечно, показателях.

Вот что такое река и теплоходы на'ней! Повторим: самый дешевый, экономичный транспорт, если он хорошо организован.

Можно только дивиться да радоваться чудесному дару природы Нечерноземья, способности наших судоходных и малых рек помогать людям в передвижении, в перевозке грузов—тем более крупных, чем обширнее программа развития нашей экономики и культуры.

Каковы же возможности речного флота—уже по всей Русской равнине—взять на себя хотя бы самую трудоемкую—транспортную часть обширного плана мелиорации земель и каково практическое участие Министерства речного флота РСФСР в реализации этого общенародного дела? Возможности речников далеко не использованы на Сухоне и ее притоках. Да и Северо-Западное, Северное, Вятское, Камское пароходства пока что не получают достаточных средств для береговой службы, для ремонтной базы.

5

А «Чагода» продолжает свой путь на север через озера и каналы. По берегам далеко видны луга, перелески, темные от елок холмы, малые деревни, одинокие церквушки. Тихая вологодская земля.

Кряжев не отходит от пульты управления. Неторопливо рассказывает вот об этих зеленых, обильных водой местах, где луга и леса, озера и реки зажали небольшие клочки пахотной земли, где от одной деревни ничего не осталось, от другой—только те шесть черных хат. А вот пошли и родные его места, где жили отец-мать, за леском выглянула бабушкина деревня Мелихово, чуть далее Суховерхово.

— Тут скоро и Кириллов,—поясняет он потеплевшим голосом.

Вдали над каналом возникает красивый железобетонный мост. В две стороны по мосту бегут автомашины.

Юрий Сергеевич говорит:

— Шоссе из Вологды на Кириллов. Летом очень оживленное движение. Туристы... Теперь близко.

Что близко — объяснять не надо.

За камышовым озером на лесистом взгорье, как присказка к значительной сказке, стоит красиво вписанная в зелень церковь Покрова, странно-одинокая только потому, что деревня скрыта по ту сторону взгорья. Провожаем ее глазами, а в это время впереди из-за верхушек ольховой рощи вдруг выглянуло разом шесть разновеликих куполов с крестами. Кириллов...

Выглянули и скрылись.

«Чагода» идет по каналу вдоль деревянных домиков окраины, как по улице, выходит в большое, с изрезанными берегами Сиверское озеро, забирает правее, еще правее, обходит мыс. За ним открывается широкий водный простор. Прямо перед собой видим у воды и одновременно в воде Кирилло-Белозерский монастырь.

Сколько о нем ни читай, все равно словами нельзя передать и малой доли обаяния, удивительной сказочной прелести этого белого монастыря-крепости, созданного русскими мастерами в XIV—XV веках, почти пятьсот лет назад. Монастырь надо увидеть в любой, будь он ясным или пасмурным, но только летний день на блюдечке из живой, цвета рыбьей чешуи, сиверской воды и в окружении зелени.

Схимник Кирилл, выходец из московского Симонова монастыря, достаточно много побродив по лесному и озерному Заволочью в поисках уединенного места, вышел на это озеро и, оглядев берега, записал для памяти: «Место зело крано, яко стеной окружено водами». Так было. Так осталось, когда Кирилл стал архимандритом.

Белым уступом сходят монастырские стены к береговой кромке, смотрятся в воду, и, когда озеро тихое, как сегодня, они целиком отражаются в нем вместе с небом, создавая иллюзию двойника, опрокинутого на дно. Из-за стен смиренно вырастают купола на храмах и звонницах, все разные, ни в чем не повторяющиеся, всяк своей формы и дивности, выше, ниже, тоньше, обширнее, тогда как весь в целом этот образ — стены, зеленые вязы, храмы, трапезные — сплошное чудо, сказка из камня и зелени на озере, полном и без того волшебными красками севера. Трудно оторвать взгляд, настолько совершенны пропорции зданий, так удачно вознеслось все каменное и живое на пологом берегу диковинного озера, укрытого со всех сторон лесом.

«Чагода» торжественно-тихо прошла по заводи и причалила к деревянному пирсу за монастырем.

Юрий Сергеевич не мог унять своего восторженного, прямо-таки детского умиления, когда мы шли по городу в монастырь. Здесь он рос, бегал, учился, познавал первые радости. Мальчишкой сто раз облезал каждую колокольню, стены, подвалы, тайные проходы. Катался с горки у Каменных сеней с крестом, сиживал рядом с художниками перед Ивановской стеной, бегал по узкой тропе возле Успенского собора. Побывал, конечно, и в Ферапонтове монастыре (где теперь музей фресок Дионисия) над другими двумя далековатыми отсюда озерами, под высокой горкой в густых лесах.

Кряжева узнавали на улице, здоровались с ним, спрашивали. Им гордились: наш капитан... В родной город — районный центр — «Чагода» привозит разные грузы для небольшого, но хлопотного хозяйства, где сегодня идет широкая мелиорация земель и скромное в общем-то строительство.

Время торопит, и мы — не без сожаления — отходим от крохотной пристаньси. Тут бы пожить, пораздумать... Еще раз окидываем прощально белокаменную сказку, залитую красноватыми лучами предвечернего солнца. История наша. И защита молодой России.

Озеро сужается, судно идет теперь на запад.

— Сейчас будем спускаться, — говорит Кряжев. — Здесь водораздел, впереди Шекснинская пойма и Волго-Балт.

Последний участок Северо-Двинского водного пути — Топорнинский канал — узок, он глубоко врезан в песчаные холмы. По сторонам за крупным и густым сосняком проглядывают крепи и согры (заболоченные леса водоразделов). Там на веретях — небольших повышениях — много клюквы, брусники и голубики. Иным выглядит и канал. Вода в нем коричневая, лесного и

торфяного настоя. Чтобы волна не разбивала податливые пески на плохо зарастающей выемке, понизу почти всюду устроен частокол из коротышей, между ним и берегом навален хворост. Волна от теплоходов затухает в такой крепости. Просто и хорошо. Чувствуется, что за каналом здесь ухаживают умелые люди.

Топорнинская «лестница» из двух шлюзов просматривается сверху до конца. Как в окошке, в конце просеки видна широкая водная гладь Волго-Балта. По ней густо идут-мелькают суда.

Канал, шлюзы и сам поселок Топорня очень красивы. Это, кажется, самое уютное и здоровое место. Вокруг поселка на белых песках сосновый бор. Чисто, сухо, приятный запах смолки. Дома добротные, рубленые, светлые. Шлюзы тоже срублены из сосновых бревен. И тоже светлые. Вода наливается вровень с берегом. Судно стоит в наполненной камере очень высоко, бортами едва не касается стенок. Ворота шлюзов отвечивают свежей сосной. Все выглядит несколько старинным, миниатюрным, близким к природе и потому особенно по сердцу.

Водный перекресток Нечерноземья.

Здесь встречается Северо-Двинский судоходный путь, в который входит вся Северная Двина с Сухоной и Югом, Вычегдой и Пинегой, Сысолой и Вагой, с каналами и озерами общей протяженностью около пяти тысяч километров, и Волго-Балтийский водный путь. Он начинается тоже далеко — от устья Невы, идет через Ладогу до Белоозера, а от Белоозера до Рыбинского водохранилища по каналам, шлюзам, озерам, по Вытегре и Шексне. Длина всей системы Волго-Балта — около трех тысяч километров.

Три да пять — восемь тысяч километров судоходных дорог! В четыре стороны от Топорни. На запад, север, восток и на юг.

Здесь когда-то был штаб Северо-Двинской системы. Здесь живут или бываю некоторые ветераны этого водного пути — И. П. Кандаков, смотритель гидросооружений А. В. Каляшов, такие видные специалисты, как В. Т. Стороженков и А. К. Шилова, немало сделавшие для модернизации и бесперебойной работы всех сооружений, рек и озер.

День и ночь баржи, теплоходы, буксиры... Вверх-вниз по шлюзам. Ускоренное развитие хозяйства в этом регионе ощущается и здесь.

«Чагода» встретила в Топорне с двумя пассажирскими теплоходами. Они возвращались с туристами из поездки по Волго-Балту. Шли моторные лодки — тоже с путешественниками. Повстречалась красивая, явно семейная парусная яхта. По бортам ее неожиданное имя: «Бес», совсем не подходящее к изящному, белому суденышку в этом былинном месте.

Открылись последние (или первые?) ворота, и наш теплоход разрезал воду широко разлившейся Шексны с плотным ветерком от недалекого Белоозера. Вошли в Волго-Балт.

Иванов Бор — вот он, рукой подать. Это причал с высокими горами песка и щебня: тут карьеры и эстакады Северо-Западного пароходства. К одной из них бедным родственничком причален плавучий кран «194» Сухонского пароходства.

Он и нагрузит «Чагоду».

По радио звучит многоголосие, нервная перебранка. Кряжев слушает, тяжело вздыхает и кладет микрофон. Следует поворот

рулей, и наше судно отправляется к другому берегу, где уже стоят две самоходные баржи. В очередь...

Стоим на рейде остаток дня, всю ночь и утро. На кране что-то поломалось, катерок умчался в неведомые места за запасной частью. Команды судов садятся за домино. Ночью в очередь встал и теплоход капитана Мезгирева. Ему кричат по радио: «Будешь загорать пятым!»

Мимо нас в две стороны по Волго-Балту нескончаемо идут большие теплоходы, баржи, широкобедрые «сормовичи». На них лес, тракторы, намытый песок, бетонные панели, железные трубы, горы мешков с нитрофоской, серые холмы суперфосфата навалом. Много пассажирских судов, скоростных «метеоров». Запах сожженного мазута стоит над водой, ветер не успевает утаскивать его в мелколесье.

В середине дня по команде с крана бежим под погрузку, простояв около двадцати часов. И то хорошо! Вскоре трюмы насыпаны, крышки надвинуты. Всего-то два часа работы. Осторожно обходим большую землеройную машину «Днепр» — серый увалень с выгнутой ручкой донного скребка. От его работы, лязга и грохота сострясаются вода, небо и твердь — в очередную баржу летят комья зеленого донного ила и камни. Идет углубление фарватера — обязательная работа на судоходных реках.

Сворачиваем в залив к тихой Топорне. Общий вздох облегчения: в своих владениях...

Так надо понимать довольную улыбку капитана Кряжева и веселое оживление молодой команды. Матросы проворно скребут и моют палубу, запачканную песком при погрузке. Из камбуза доносятся аппетитные запахи позднего ужина.

За пультом стоит Жулитов, но капитан не уходит из рубки; он сидит позади на скамье и провожает глазами уходящие назад сосны. Лес его детства.

— Завтра к вечеру будем в Вологде, — говорит он.

— А потом?

— Наверное, еще раз сюда. Завезем контейнеры на Уфтюгу, это по пути. И возьмем гравий в Ивановом Бору. А потом... Что потом, Андреевич? — Он смотрит в спину Жулитова.

— Был в диспетчерской разговор... будто в Москву за железобетоном. Как раз годовой план закроем. Хорошо бы!

— А там, в диспетчерской, куда ты вхож, ничего не толковали насчет арбузов для Вологды? Из Астрахани?..

— Да уж, если бы... — По лицу помощника расплывается улыбка. Он вздыхает и мечтательно говорит: — Арбузы для вологодских пахарей не помешали бы. То-то радости на берегу!..

Кряжев встает, засматривает в открытую фрамугу.

— Бери левой, за поворотом караван. Включи сирену...

За кривизной открываются две баржи. Что-то у них неладно — стоят.

— Нужна помощь? — спрашивает в микрофон Кряжев.

— С правого борта подходите по маленькой, — говорят оттуда. — Сцепка не ладится, прижмите.

Над каналом зависают тихие сумерки. «Чагода» осторожно подходит ко второй барже, капитан перепрыгивает туда, и на палубе начинается оживленный разговор.

— Это надолго,— говорит Жулитов. В голосе его нет и нотки посады. Случается. Взаимная помощь—закон речников.

На всех трех судах стучат железом. Моторы гудят на малых оборотах. Команды заняты делом.

К полуночи все заканчивается. Встречные баржи отваливают от борта «Чагоды» и скрываются за поворотом.

Дизели нашего судна приглушенно грохочут внизу. Нос «Чагоды» все шире разваливает тихую воду.

Северо-Двинская дорога работает.

Река помогает своим распаханным берегам возродить плодородие и былую силу.

Вологда — Москва

У СКАЛ ПУТЯТИНА

Очерк



Двадцать лет натягиваю я на себя лямки акваланга. Этот несложный аппарат позволил мне проложить подводные тропы в Беринговом и Баренцевом, Черном, Белом, Каспийском и Японском морях. Во время подводных съемок в кадр попадали осьминоги и акулы, запечатлелись на пленке швы разрушенных причалов и стабилизаторы не разорвавшихся в последнюю войну торпед. Плавал я с подводным фотоаппаратом у остатков старинного парусника и около стальных лопастей гидротурбины уникальной приливной электростанции.

Человек, начавший изучать море, навсегда привязывается к этой грозной и во многом загадочной стихии. Работая с теми, кто познает его тайны, я убедился, что пройдет еще немало времени, пока они будут полностью раскрыты. Однако уже сделано многое, приоткрывающее их завесу. Нам, ластиногим разведчикам, очень хорошо видно, что море требует защиты. На наших глазах оскудели рыбные пастбища, там, где раньше любопытные морские ерши тыкались в иллюминатор фотоаппарата, пытаясь прогнать из своих владений собственное отражение в стекле, теперь редко увидишь рыбий хвост.

Море тысячелетиями скрывает под своим покровом следы деятельности человека. Нам приходилось встречать на дне засыпанные вековым илом древние амфоры и черепки глиняной посуды, затонувшие парусники и стены разрушенных городов. Такие находки вызывают большой интерес. Но вот засорение хламом и мусором акваторий портов и прибрежных городов вызывает только чувство горечи. Активный лов и сбор даров моря в последние десятилетия заметно сократили запасы животного и растительного мира.

Я расскажу об экспедиции, целью которой было изучение одного из моллюсков — мидии.

Во ВНИРО — Всесоюзном научно-исследовательском институте морского рыбного хозяйства и океанографии — решили, что местом проведения работ будет остров Путятина.

Этот остров находится в заливе Петра Великого в Японском море. Длина его — около 13, ширина — около семи километров. Назван в честь адмирала Е. В. Путятина, видного мореплавателя и дипломата. В 1852—1855 годах он возглавлял дипломатическую миссию в Японию, отправившуюся на фрегате «Паллада». Экспедиция открыла заливы Посъета, Ольги, а также острова Римского-Корсакова.

С остатками фрегата «Паллада» мне довелось ранее встретиться на дне бухты Постовой в Татарском проливе. Теперь предстояла встреча с островом, история которого связана со знаменитым фрегатом.

Итак, мы едем на остров Путятина. На него не мечтает попасть лишь тот, кто вообще равнодушен к путешествиям. Мой друг и соратник по многим экспедициям Олег Яременко, кандидат технических наук и по совместительству тренер секции подводного спорта в МВТУ имени Баумана, просто-таки сиял, сообщая эту новость. Да, поездка обещала быть интересной, к ней мы готовились давно.

Олег предложил руководителям экспедиции из отдела беспозвоночных алгоритм решения сложной задачи по определению продуктивности мидии. Решение было предложено лишь в виде идеи, но новизна предложения открыла нам дорогу в отдел и связала нас с ВНИРО и как аквалангистов, и как представителей технических наук.

Интерес ученых к моллюскам понятен. Более 60 тысяч видов их живет в морях и океанах земного шара. Мидии, морские гребешки, устрицы, кальмары, осьминоги. Мясо их чрезвычайно богато белками, жирами, витаминами. Но дело не только в пищевой ценности этих обитателей моря. Это исключительно ценное сырье для получения минеральных и органических продуктов, которые могут использоваться в сельском хозяйстве, технике, медицине.

Из всех моллюсков наибольшее промысловое значение имеют мидии. Запасы их огромны: колонии мидий плотным ковром — до десяти тысяч штук на один квадратный километр — покрывают прибрежные отмели морей и океанов. Но теперь уже нельзя только добывать. Задача заключается в том, чтобы сохранить и приумножить богатства морских угодий.

Планомерная работа по увеличению биологической продуктивности моря в нашей стране ведется давно. Еще до войны в Каспий запустили кефаль из Черного моря, затем успешно была акклиматизирована дальневосточная горбуша в Белом и Баренцевом морях. Во внутренние водоемы из Севана и Иссык-Куля переселяют форель, из Амура — толстолобика. Этот список можно продолжить.

Экспедиция ВНИРО должна была выяснить, как быстро растут мидии, как влияют на их развитие грунт, течения и глубины залегания мидиевых банок. Наши инженерные познания пригодились. Контрольных мидий решено было поместить в садки и в Дальнейшем определить скорость их роста. Садки мы с Олегом спроектировали быстро, конструкцию в институте одобрили и утвер-



Олег Яременко — прекрасный аквалангист, он уже покорил глубины пяти морей — Японского, Берингова, Баренцева, Черного и Каспия

дили, методику отыскания заданной точки в море мы заимствовали в специальной литературе.

Пришлось заняться и оргвопросами; доставать бетонные плиты, на которых затем были смонтированы обрешеченные ящики-садки. Было немало и других хлопот.

И вот наконец зафрахтованный нами на одни сутки сейнер входит в бухту. Остров Путятина весь в легкой дымке, зеленый, холмистый, освещенный утренним солнцем. В вершине бухты извивающееся в воде отражение двух труб рыбокомбината. На нашем судне отдают якорь, и мы начинаем выгрузку. В любой экспедиции можно узнать аквалангистов по их внушительному багажу: множество тюков, ящиков и мешков — это акваланги, компрессорная установка, гидрокостюмы, воздушные фильтры и грузовые пояса.

Приезжая на новое место, мы всегда хлопочем о бензине для мотора компрессора, отыскиваем плавсредства. Наши экспедиции, как правило, бывают прибрежными — налаживаем быт: жилье и питание не последнее дело для людей, отдающих морю массу калорий.

И эта экспедиция не была исключением. Кроме перечисленного выше нам предстояло выгрузить пятнадцать нетранспортабельных железных ящиков, прикрученных к не менее громоздким бетонным плитам. Все это — бетон и железо — капитан взялся везти, только получив прогноз хорошей и устойчивой погоды и строгое указание от инспектора портового надзора доставить груз на место. И вот

теперь, отстаиваясь на рейде у рыбокомбината, капитан не знал, что делать. То ли выбросить садки за борт, то ли везти их обратно во Владивосток. Выгрузить садки на хлипкий причал не позволяла глубина бухты. Судно не могло подойти к пирсу, а выбросить их за борт, как предлагал боцман, не позволяла капитану совесть. Тогда мы выдвинули свою идею, суть которой заключалась в том, чтобы садки сгружать в море именно там, где им и надлежало бы встать.

На судне настроение изменилось. Боцман и тралмейстер готовили снасти, чтобы под водой отцепить садки, не прибегая к помощи водолазов. Наша задача — указать место, установка же, как говорил боцман, много времени не займет. Да и капитан обещал запеленговать те точки, где мы спустим садки, так что все складывалось хорошо.

Мы с Олегом пошли под воду, и рой золотисто-голубых пузырьков снял нервное напряжение. Опускаясь вниз, я забыл о мытарствах прошедших суток. Глубину в этом месте по эхолоту определил капитан: она составляла пятнадцать метров. Нырнув, мы попали в сплошные заросли ламинарий. Олег поворачивает ко мне голову — вижу в маске довольное лицо; он показывает большой палец — все хорошо!

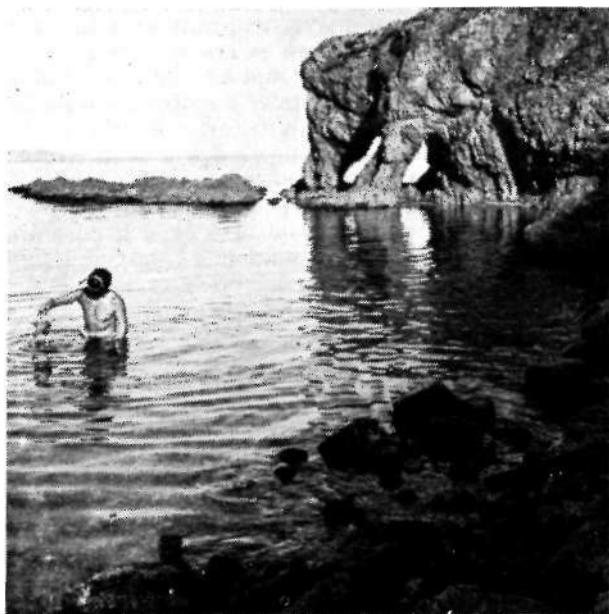
Биолог экспедиции Инна просила одну партию садков поставить на грунт, покрытый морской растительностью. Вот и место найдено! Разгребаем рыже-зеленый ковер руками; под слоем «листьев» мелкие камни, покрытые илом, попадаются кучки — друзы мидий, вечные их спутники морские звезды и сами мидии, кажущиеся нам удивительно большими. Захватив семейку раковин в качестве вещественного доказательства, всплываем.

Первое погружение закончено. Кажется, мы всю жизнь только и делали, что ныряли в голубые воды Японского моря. Но это впечатление потом пройдет, оно от усталости и нервозности. Рассматриваем вместе со всеми грудку блестящих от морской воды моллюсков. Еще внизу, отдирая раковины ото дна, удивлялись мы цепкости их «корешков» — биссусов. Так называются тонкие нити, которыми держатся мидии за грунт. Вместе с десятком крупных, размером в добрых два кулака, раковин выдрали мы с Олегом со дна пяток бульжников. Инна была очень рада: она просто не могла поверить, что вот так, с места в карьер, начнется ее работа, ведь речь шла о самой трудоемкой ее части — установке садков. Она сразу согласилась ставить первую пятерку садков у рыбокомбината.

Капитан «привязал» место стоянки судна к береговому ориентирам: слева — стальная труба комбината, справа — входной маячок. Мы все помогли боцману опускать на дно садки. Он цеплял крючок за веревочное кольцо, привязанное за садок, опускал его с бетонной плитой в воду, погружал на дно, а потом по стальному тросу посылал вниз чугунную болванку. Болванка, пристегнутая к тросу скобой, ударяла по рычагу на крюке, последний отцеплялся от садка, и вместе со снастью его вынимали из воды.

Все садки были опущены за борт, и, чтобы они не легли друг на друга, капитан разворачивал судно, немного смещая его корму в сторону моря.

Вторую и третью партии садков установили таким же способом, вторую — в глубине бухты, где оказалось чистое, не заросшее водорослями дно, третью — у восточного, противоположного побе-



Волны и ветер, мороз и солнце «изваяли» из обломков скал статуи, например, такие, как этот слон, опустивший каменный хобот в волны Японского моря

режья острова. Если западная сторона Путятина представляет собой закрытую бухту с жилыми поселками на берегу, то восточная—это дикий берег, открытый всем ветрам и течениям. Садки там ставили на глубине двадцать пять метров, хотя берег здесь был близко. Мы бросили якорь возле удивительного каменного изваяния, созданного природой: отдельно стоящая скала напоминала слона, четыре ноги и хобот которого принимали на себя удары волн; рядом зеленел склон берега, обрываясь у «слона» белым серпом пляжа. Виднелись другие скалы, которые напоминали причудливых зверей и птиц,—волны, ветер и солнце поработали над их очертаниями. Пять островерхих каменных глыб—кекуров торчали из воды у южного берега острова; они, как стражи, ошетинились в сторону моря острыми пиками. Пять пальцев—так называли моряки эти страшные в туман и шторм рифы.

Огибая кекуры, мы слышали вздохи ревуна—звукового маяка, автоматически подающего сигнал опасности. И если в непогоду к острову со стороны открытого моря подходило судно, то уже за полкилометра на нем слышали предупреждающее—оох, ууух, оох!—гудение ревуна.

Поставив у каменного слона последние пять садков, вернулись в бухту рыбокомбината. Расстались с командой сейнера дружески: всегда ведь общая успешная работа сближает. Записаны на всякий случай адреса новых друзей. До будущих встреч!

Поселились мы на той половине острова, которая считается владениями зверосовхоза. Другая его половина принадлежит рыбокомбинату. Такое разделение, разумеется, чисто условное: одна часть населения работает в зверосовхозе, другая ловит и обрабатывает рыбу. Люди работают, соревнуются, дружат. Но было до революции по-другому. Всеми лесами, холмами, фабриками и завода-

ми на острове владел богатый промышленник Старцев. Были у него, говорят, и владения во Владивостоке, но стать хозяином острова? Такое в голове не укладывается.

Старцев разгуливал по своей земле с плеткой, в расшитом халате и туфлях с загнутыми носами. Имел он на острове конные дворы, его работники обжигали кирпич и фаянс. Безжалостно уничтожал хозяин редкостной ценности маньчжурский дуб, делая древесный уголь для производства кирпича. Но из самодурства купил Старцев в Австралии невиданные тополя, посадил аллею, ведущую на сопку, — пикники устраивать.

После Октября организовали на острове рыбколхоз и звероферму. Развели пятнистых оленей, черно-бурых лис. Олени и по сей день живут на Путятине на вольных выпасах, а вместо лисиц теперь разводят норок. Олени дают панты. Один из первых пантоваров на Дальнем Востоке, Александр Матвеевич Евсеев, показывал нам рыже-пепельные в мягком пушке рога. Сварит Матвеевич их, и отдадут они людям свою целебную силу — пантокрин — лекарство от множества недугов.

По форме остров напоминает восьмерку: две неравные части его придвинуты одна к другой. Вершины полуостровов — две сопки; с высоченной северной сопки видна вторая сопка, она поменьше. Море в солнечный день синее-синее, грозные Пять пальцев на юге стерегут вход на внутренний рейд. При подходе к поселку Путятин слева встают островки — Камни Унковского. Остров Путятин, Камни Унковского и многие другие географические названия напоминают об экспедиции фрегата «Паллада». Бухты острова носят имена членов команды фрегата, капитана, офицеров.

Исследовали мы прибрежные воды острова три лета: в год, когда установили садки, на следующий год и через год, пропустив сезон. Первые погружения провели с сейнера, в спешном порядке, потому они не очень запомнились. Потом начались спокойные поиски с помощью маленького, водолазного катера — доры, как называл его капитан Женя Попов. Очень повезло нам, что работали мы с водолазами-профессионалами. Они были в трехболтовых скафандрах, мы — в легких «Садко».

Наши новые друзья добывали со дна моря трепанга. Они уходили на промысел рано утром и весь день облавливали прибрежные скалистые участки. Команда катера состояла из трех человек, в воду они ходили по очереди на три часа каждый. Члены этой комплексной бригады — умельцы на все руки: и в воду ходить, и катером управлять, и воздух качать, и в камбузе колдовать.

Наше появление на палубе несколько уплотнило ее населенность, но водолазы приняли нас приветливо, и на месяц команда катера выросла до десяти человек. В первый же день нас решили угостить трепангами. Из утреннего улова отобрали ведро самых лучших «морских огурцов», как называл их капитан Женя.

В Японском море водятся различные голотурии, к коим относят трепанги, но морским огурцом чаще называют кукумарию — голотурию, способную выпускать щупальца — отростки, похожие на веточки кустов. В дальнейшем мы научились отыскивать и кукумарий, и трепангов, и многие другие морские диковинки.

Трепангов нам на пробу Женя отобрал особенных — крупных и светлых. Он объяснил, что вареный трепанг, а особенно белый,

способен восстанавливать силу, повышать физическую активность и вообще трепанг все равно что женьшень, этакое дальневосточное магическое целебное средство. Трепангов варили весь день; кок четыре раза сливал бурый, как кофе, навар и заливал варево свежей водой. Наконец, когда мы уже и думать забыли про обещанное угощение, нас позвали в маленькую каютку на носу катера. Все были в сборе, и дегустация трепанга началась. На сковороде аппетитно шипели темно-коричневые комочки, очень похожие на жареные грибы. Но хрустящие кусочки трепанга оказались упругими, похожими на хрящи. Вкус жареного трепанга, отваренного в четырех водах, можно сравнить одновременно с грибами и консервированными крабами. Еда была вкусной и сытной.

В первые дни мы очень уставали, море буквально отнимало все силы. Но постепенно вошли в ритм и планомерно выполняли задуманную работу. Надо отдать должное и дарам моря: трепанги, гребешки, кальмары, креветки были хорошим подспорьем в нашем меню.

Отыскивая мидиевые банки—скопления моллюсков, мы работали бок о бок с водолазами. Натянув свой неуклюжий гидрокombineзон и снарядившись на палубе, наши товарищи заключительную операцию облачения в подводные доспехи осуществляли, уже наполовину погрузившись в море. Протопав по палубе бота свинцовыми подошвами ботинок и держась за поручни, они неуклюже спускались по ступеням трапа. В этот момент голова водолаза без шлема торчит из ворота рубахи, окаймленного металлическим обрезиненным фланцем, и кажется непропорционально маленькой по сравнению с массивным туловищем. Если водолаз оступится и упадет в воду, его будет очень трудно вытащить на поверхность. Все грузы, которыми он обвешан, предназначены для уравнивания выталкивающей силы воздуха в его одежде—герметичном скафандре. Поэтому последний этап—одевание и закрепление металлического шлема—самая ответственная операция. Когда шлем одет и привинчен на горловину, водолаз чувствует себя увереннее. Теперь не страшно и погрузиться. От шлема тянутся на катер шланги—воздушный и телефонный. Снабжение воздухом принудительное, и водолазу остается только спокойно дышать и стравливать лишний воздух из-под шлема. По телефону он может дать команду о добавке или сокращении подачи воздуха, сообщить о своем состоянии, попросить «потравить» шланг, поднять его, водолаза, на борт или сделать еще что-нибудь.

Итак, водолаз в шлеме, ему завинтили окошко иллюминатора, шлепнули ладонью по шлему—сигнал готовности, и он медленно опускается с трапа в морскую воду. Потравив излишки воздуха через клапан, который он нажимает головой, водолаз скрывается под рябью волн.

Мы, аквалангисты, всегда с участием смотрели на длительную операцию снаряжения водолазов. Наш гидрокостюм «Садко-1» позволял одеваться почти самостоятельно. Незначительная помощь товарища—и мы готовы. Акваланг за плечами, воздух подключен, можно нырять с борта. Но войти в воду с трапа удобнее и приятнее. Шлепашь по нему ластами, вода постепенно обжимает ноги, потом тело, море холодит, сам ты почти ничего не вешишь—кувыркайся в толще воды как хочешь. Последняя ступенька трапа; окунув маску в

воду, промываешь ее изнутри, чтобы не потело стекло, стравливаешь через полшлем излишки воздуха, которые собрались где-то возле шей, и отталкиваешься от поручней, уходя в глубину.

Внизу виден водолаз, который выпускает шлейф воздушных пузырьков. Нагнувшись, он отыскивает добычу. Вот медленно, как в кино при замедленной съемке, оторвал одну ногу от каменной площадки, поросшей мелкими водорослями, и, оттолкнувшись второй ногой, скакнул вперед. Если течения у дна нет, водолаз держит в скафандре много воздуха. Общий вес водолаза, скафандра и грузов почти уравновешен этим воздухом, и водолаз может сделать этакий легкий скачок. Но даже при незначительном течении такие манипуляции рискованны: вода потащит неуклюжее существо совсем не туда, куда надо. В этом случае помогают свинцовые подошвы ботинок, нагрудные и заплечные свинцовые бляхи; воздух почти весь стравливается, и тяжесть грузов как бы прижимает ноги к грунту.

Нагнувшись навстречу течению, наш труженик пытается зацепиться ботинками за грунт, скребет его подошвами и медленно продвигается по выбранному пути. В руках у него багор, на груди на специальном крючке висит питомца—плетеная сетка с жесткой горловиной. По мере заполнения ее трепангами водолаз накапливает воздух в скафандре, чтобы уравновесить вес добычи.

Мы ныряем к добычнику, жестикулируем перед его иллюминаторами; он в ответ улыбается, разводит руками: вот, мол, каково его рабочее место—и продолжает свое дело.

Нам держаться в воде легче: мы ведь можем плавать. Ласты—великое дело, и с течением при достаточном опыте можно справиться.

Под водой, как и в любом уголке живой природы—лесу, полю, степи, шумное вторжение человека нарушает естественную гармонию. Все обитатели морского прибрежного каньона, куда мы стремимся вслед за водолазом, реагируют на наш визит примерно так: «Спасайся кто как может!» Рыбы прячутся в щели между камнями и в водорослях, креветки и крабы спешат туда же, гребешки и мидии захлопывают створки; кажется, что даже ежи и звезды замерли, насторожились. Поначалу мы сетовали на то, что место погружений выбрано неудачно, так как встречали только малоподвижных обитателей—звезд, трепангов, мидий да морских ежей. Но пришел день, когда мы научились находить и очень подвижные существа, а некоторые из домоседов оказались на поверку резвыми скакунами.

Погружались мы вдаль от берега—до первого мыска метров триста, но под нами была отмель—глубина не более двадцати метров. На подводных каменных холмах—местных возвышенностях—живности оказывалось больше. Здесь более интенсивное освещение и тепла побольше.

Плыву сквозь сплетение зелено-коричневых, гибких и длинных шнуров. Это водоросль хорда, она цепляется за неровности камней Ризоидами—разветвлениями на нижней части стебля, тянется к поверхности воды. Но вот хорда кончается, впереди песчаная поляна с одиноким камнем посередине. Около камня видна хорошая семейка мидий, вокруг на песчаном грунте много плоских круглых раковин с Ребристой поверхностью. Это промысловый гребешок.

Ложусь на дно около крупного моллюска, который при моем



Отвесные скалы подводных утесов охотно заселяют водные обитатели, среди них множество водорослей и неподвижных животных

приближении захлопнул створки. Хочется сфотографировать его с близкого расстояния. Аппарат готов к съемке, конденсаторы электронной лампы-вспышки зарядились—вижу сигнал неоновой лампы. Проходит минута, другая—створки раковины разомкнулись, показались щупальца, которые белыми ресничками опоясали края розовой мантии—его тела. Между щупальцами черные точки. Это глаза животного. Гребешок различает светотень и при колебаниях воды или изменении освещенности закрывает створки, издавая характерный шелчок. Мой моллюск размером с десертную тарелку, видимо, уже не молод: на верхней, более плоской створке раковины поселились какие-то животные, которые построили здесь извилистые домики—тоннели. Нижняя створка погружена в песчаный грунт.

Мелкие особи гребешков довольно легко парят в воде. Резко закрывая створки раковины, они выталкивают струи воды из внутренней полости, создавая реактивную силу, которая позволяет им толчками передвигаться. Известно, что и крупные гребешки меняют места обитания. Они откочевывают на зиму в более глубокие места.

После съемки гребешка я провел небольшой эксперимент—вытряхнул его из насиженного гнезда на ровную площадку. Гребешок закрылся и замер на некоторое время, потом, успокоившись, несколько раз дернулся, шелкнув створками. Поворачиваясь вокруг своей оси, он зарылся в грунт, насыпая на себя небольшой слой оседающих песчинок. Надежно замаскировавшись, моллюск опять открыл створки и уставился на меня сотнями глаз.

Мое неподвижное лежание на песочке полянки приоткрыло еще несколько тайн и объяснило приемы маскировки ее обитателей. Рядом со мной вдруг неожиданно резко выдвинулись метелки

пушистых, с тончайшими ворсинками перышек. Это были щупальца морских червей nereis, зарывшихся в песок. Черви выбрасывали щупальца, ритмично колыша ими в воде, убирали их, как по команде, и вновь выбрасывали. Создавалось впечатление, будто над ковильной степью проносятся легкие порывы ветра и тонкие метелки растений то пригибаются, то вновь выпрямляются в полный рост.

Среди мелких бугорков и впадин на песчаной площадке перемещались маленькие и большие витые раковины моллюсков. При внимательном рассмотрении можно было обнаружить под раковинами клешни и членистые ножки. Это раки-отшельники сделали бывшие домики моллюсков своим пристанищем.

Подплывая к камню, я вспугнул камбалу, которая так слилась с песчаным грунтом, что я чуть было не опустил на нее ладонь, выбирая позицию для съемки. На камне был свой мирок животных и растений. Друза мидий, будто горная деревня, лепилась к откосу, множество тонких нитей—биссусов—удерживало и больших и малых моллюсков. Это оказалась группа мидий Граяна; створки многих крупных особей у них покрыты, как мхом, водорослями и известковыми наростами. Створки ракушек приоткрыты: работали реснички, загоняя в полости мантий воду с мелкими органическими частицами—пищей мидий.

Весь камень был покрыт разноцветными пятнами. Белели наросты известковых водорослей литотамний, очень похожих на кораллы. Зеленели пучки улывы, на макушке камня красовалась белая актиния; рядом с ней прилепились морские ежи—черные, фиолетовые и серые. Многие из них навешали на свои шубки разную разность—кусочки раковин, обрывки водорослей, а на одном из них прилепился кусочек газетного листка. Странно было видеть в этом подводном уголке на дне моря обрывок газеты!

На поверхности камня виднелись и плоские нашлепки ярко-оранжевого и кремового цвета—губки. Сделав несколько снимков, я поспешил наверх: кончился воздух да и замерз я основательно—пальцы рук стали непослушными.

Всплывая к катеру, я помахал продолжавшему свою работу Жене; он уже порядком набил питомцу «морским женьшенем» и готовился послать ее наверх. Водолаз тратил на сбор полсотни килограммов «морских огурцов» час-полтора, а за смену собирал две-три питомцы, которые отправлял наверх, оставаясь на дне. Всего один раз поднимали его на поверхность для небольшого отдыха и перекура.

Наш труд был менее утомителен. Подняться на поверхность, сменить акваланг, перекусить и передохнуть нам проще, но вот о производительности труда у нас возникли споры. К концу экспедиции мы пришли к общему мнению: каждому классу подводных работников нужно решать свои задачи.

Пока мы изучали условия жизни мидий и сопутствующих им животных и растений, интересы наши и водолазов не противоречили друг другу. Но вот настало время отыскивать первую партию Установленных у рыбокомбината садков, чтобы загрузить их подготовленными для этого моллюсками. Капитан, понимая серьезность момента, без лишних слов повел катер к рыбокомбинату. Мы знали, что водолазам на заросшем ламинариями дне не собрать трепангов: животное это обитает на чистых участках дна. Водолазы решили

передохнуть день-два, использовать их для освоения нашей легково-долазной техники.

Место, где опустили садки, искали так: катер шел по курсу, определенному штатным компасом, на один из пеленгов. По второму компасу мы с Олегом прицеливались на другой ориентир. Прицел Олег изготовил из двух картонных пластин, прорезав в них вертикальные щели — визиры. Эти визиры заранее были установлены по углу второго ориентира, указанного капитаном сейнера при установке садков. Олег смотрел в прицел второго компаса и ждал, когда в прорезях появится труба рыбокомбината. Тогда он даст команду сбросить за борт заранее приготовленный буй с буйрепом и якорем. После завершения операции все повторяется еще раз. Теперь мы идем курсом на второй ориентир, а Олег ждет появления в прорезях прибора третьего ориентира. Поставив второй буй, мы готовы к погружению. В воде плавают два буйка, которые вчерне определяют район поиска, ведь самодельный прибор Олега и не очень точный курс катера теоретически допускают ошибку в сто — сто пятьдесят метров. Правда, наши два буйка, яркие детские мячи в плетеных сетках-авоськах, качаются на волнах на расстоянии полсотни метров друг от друга — это уже успех.

Наше погружение даст ответ на многие вопросы: правильно ли выбран метод поиска, точны ли приборы и на что мы годны в своем творчестве? Под воду идем с Олегом. Перед маской прозрачная синь моря — не то что взбаламученная вода у берега. Видны перья руля и винт катера, все изъедено морской водой; винт с заусенцами и выбоинами от ударов о куски льда или бревна, на рулевых перьях пятна ржавчины и белая россыпь баяланусов.

Проплыв под килем катера от кормы к носу, опускаемся по якорной цепи к зарослям ламинарии. Вокруг подводный мир, но садков не видно. Наш поиск должен определить величину ошибки, и мы уплываем в противоположные стороны. Ищем буйрепы, на которых подвешены поплавки. Течение и ветер развернули катер поперек линии буйков, и мы, ориентируясь на маленькую черную лодочку, которой кажется катер отсюда, со дна, плывем — я от левого борта, Олег от правого. Внизу буро-зеленая плоская поверхность, покрытая зарослями морской капусты. По моему курсу плывет вездесущая камбала; она то поднырнет под водоросли, то, выскочив из-под них и подняв столб мути, парит над бахромой растений. Я плыву и плыву вперед; давно уже должен быть виден буйреп, но его все нет и нет. Стоп, пора остановиться, а то мой «проводник» заведет невесть куда. Разворачиваюсь и осматриваюсь. Над поверхностью морской поросли зеленоватый сумрак. Ни катера, ни белого жгута веревки, ни шлейфа пузырей от акваланга напарника. И камбала скрылась. Я да прозрачные креветки над зеленым ковром как бы в вязком зелено-синем мешке: сверху голубым пятном рябит поверхность моря, вокруг зеленоватая, без четкой границы стена. Куда ни глянь, однообразная картина: зелено-бурая растительность на дне и зелено-синий сумрак водной толщи.

Решаю всплыть и сориентироваться на поверхности, но в последний момент внимание привлекает бугор ламинарий на пределе видимости. Подплываю, и — о чудо! — камбала не напрасно «вела» меня за собой: бугор — это наши садки, скрытые лентами водорослей. За неделю, которая прошла после установки садков, примята

растительность поднялась над ящиками и прикрыла их. Три садка стоят рядом, они удачно опустились и не повреждены; два других встали дыбом и, как кони, на скакивают друг на друга.

Нужен буй. Стараюсь всплыть строго вертикально, чтобы не потерять садки. Поднимаюсь вместе со множеством пузырьков; они, вылетая из коробки автомата акваланга, рассыпаются на мельчайшие шарики, потом, всплывая вверх, увеличиваются в размерах и принимают форму вогнутой чечевицы. Постепенно линзочка раздувается — это уменьшается давление воды. Вот на блестящей поверхности пузыря становится видно изображение уродливого человечка с огромной головой и маленькими ногами — это мое отражение. Хочется взглянуть в него повнимательнее, но вот уже и поверхность воды, и уродец разлетается с легким хлопком.

Катер от меня метрах в сорока, ошибка поиска не велика, но могли бы и поплутать, да вот камбала вывела на садки. Олег стоит на трапе и что-то объясняет Инне. На корме Женя. Показываю, что нужен буй, и спешу погрузиться. Течение, которое всегда есть в море, может отнести меня в сторону, и тогда ищи садки снова.

Опустившись вниз, конечно, не попадаю к садкам: они метрах в десяти, нахожу их только по знакомым мне очертаниям. Взявшись за одну из ножек садка, жду напарника. Олег обязательно заметит шлейф пузырьков из моего акваланга и появится рядом.

Вот и аквалангист, но это не Олег, а Миша. Он притаился с собой груз от поплавка и моток шнура буйрепа, сам буюк где-то на поверхности. Наша сигнализация будет состоять из двух буйков. Один — верхний — мы привяжем на длинном поводке, его хорошо будет видно днем; суда, снующие по заливу, наверняка обойдут его, но ночью наш буй могут сорвать, так как фарватер здесь свободный, а всех капитанов мы не сумели предупредить о наших работах. Для надежности поставим второй буй, на коротком поводке; на глубине пяти метров от поверхности его не заденут винты, а мы, плавая здесь, сможем легко его найти.

Как оказалось, у Олега протекал гидрокостюм, и он, по его выражению, «задубел». Так что пришлось нам с Мишей загружать садки вдвоем. Мы опускали к садку нужную для опыта порцию меченых мидий, снимали с садка крышку и загружали моллюсков в ящик. Крышку прикручивали проволокой. Операция простая, и, будь у нас своей катер, работу сделали бы за пару дней, но у Жени были свои планы, и мы старались не нарушать их.

Однако все садки отыскивали, ящики загрузили и опытный материал оставили зимовать, привязав к садкам притопленные буйки. Инна очень боялась за своих подопечных: как бы не опустошили ящики морские звезды, не растащили его содержимое осьминоги. Вызывали У нее сомнения и надпили на раковинах — метод мечения.

Всех мидий мы предварительно взвешивали. На раковинах Инна наносила яркой нитрозмалью номерок. Еще она надпиливала край створок раковин. Эта операция вскрыла несколько слоев известковых отложений на створках моллюска: каждый год на раковине нарастает новый слой, вот и решили мы по надпилу определять, как вырастет владелец раковины. Инна работала напильником, а сомнения терзали ее душу: не заболел ли моллюск, не изменится ли его рост? Ведь она шла по неизведанному пути.

Прошел год. Опять мы на Путятине. Август. Цветет на Гусином

озере лотос. Растет он в нашей стране только в трех местах: в устье Волги у Каспия, на озере Ханка и на Гусином озере, на Путятине. Дальневосточный цветок отличается от европейского, это другой вид растения. У него более широкие и крупные листья, он как бы массивнее; цвет у лотоса с острова Путятина нежно-розовый. На заповедном озере стерегут редкий цветок местные ребяташки, их «зеленый» патруль сразу извещает местные власти: зацвел лотос! Бывает, что срывают этот редкий, переживший ледниковый период цветок невежи и хапуги, но зорко стерегут реликт пионеры, и если уж поймают злоумышленника, то не сдобровать ему.

По крутому берегу над озером проходит тропа, выбитая копытами сотен оленей, проносащихся вихрем из одного конца острова к другому. Раз два-три за день промчится стадо золотой лентой по тропе, и тот, кто хочет запечатлеть второе чудо острова, должен затаиться у тропы и нацелить фотоаппарат на прогалины в густых зарослях низкорослых дубков. Дубки эти плотной зеленой крышей переплетенных веток укрывают и холмы, и впадины острова.

На северной оконечности Путятина крутой спуск захватили могучие деревья маньчжурского ореха, которые внешне мало чем отличаются от грецкого. Но маньчжурские орехи приплюснуты и имеют толстенную скорлупу, а ядрышка и не видно, так что и есть нечего.

По веткам деревьев вьется дикий виноград, а вершины захватили под гнездовья белые цапли. Они цепляются длинными ногами за ветки и благополучно расхаживают по макушкам деревьев, вызывая удивление: как это они там удерживаются на ногах-ходулях?

Много необычных растений и животных встретили мы на острове и в прибрежных водах. Залетает с материка бабочка — мечта коллекционера — махаон Маака. Солнечным утром такая красавица пересекает остров с запада на восток и, не задерживаясь над сушей, продолжает свой полет над морем. Размером с чайное блюдце черно-фиолетовая бабочка с золотыми «глазами» долетает до берегов Японии. Выходя в море, видели мы махаона, уверенно летящих над волнами. Но тайны морских глубин были для нас самыми интересными, за их познанием и выходили мы в рейсы.

В подводных лабиринтах между камнями можно встретить здесь осьминога или ската, увидеть над головой золотистых ершей и пепельных терпугов, различных по размеру, форме и окраске медуз. С одной из них, медузой крестовичком, мы и хотели, и опасались встретиться. Плавает эта опасная медуза — гонимона — по Японскому морю, а когда появляется у берегов Владивостока, местная печать предупреждает, что становится опасным купание в заливе Золотой Рог. Если крестовичок коснется человека, могут быть самые тяжелые последствия: яд стрекал медузы парализует мускулы дыхательных органов. Вначале на пораженном участке кожи ощущается жжение, затем он краснеет, отекает и на нем могут появиться волдыри. Через несколько минут начинают болеть суставы, затем появляется ломота в конечностях и пояснице.

У пострадавшего возникают перебои дыхания, ему как бы не хватает воздуха, может появиться сухой кашель. Со временем эти явления усиливаются, может возникнуть онемение конечностей.

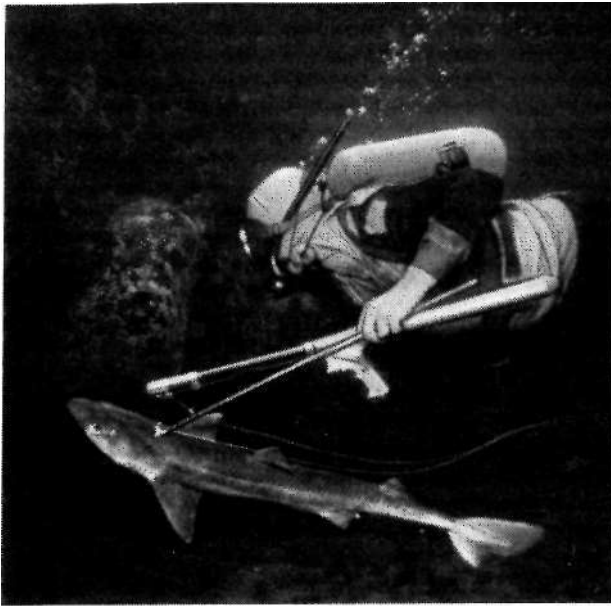
Ныряя у берегов Путятина, мы надеялись, что от ожогов медуз предохранит резина гидрокостюма. Однако некоторые части тела

оставались все же открытыми: часть лица под маской и кисти рук, если мы забывали надевать перчатки. Однажды мы с Олегом обследовали крутой склон берега на севере острова. Глубина здесь не более десяти метров, каменные склоны кое-где переходили в ущелья; крутые лбы камней были заселены звездами, актиниями, асцидиями, губками и множеством других обитателей моря. Я прицеливался к ним фотоаппаратом, а Олег выдергивал из щелей между камнями понравившихся ему моллюсков и клал в сетку. Неожиданно он бросил сетку и начал руками и ногами отмахиваться от невидимого мне преследователя. Подплыв к Олегу, я долго не мог ничего разобрать, но наконец увидел. Какой-то прозрачный шарик метался возле Олега, и, чем тот резче дергался, тем ближе к нему прибывало шарик вихрями воды. Крестовичок, а это была именно зловредная медуза, нес на куполе «парашюта» четкий крестик, по краям его «юбочки» виднелись щупальца; коротенькие спиральки их были не очень многочисленны и казались совершенно безобидными. Олег был без перчаток, и ему приходилось отгонять крестовичок ластами. У меня в руках фотобокс с двумя лампами-вспышками, и я начал орудовать им, как ракеткой, отгоняя назойливую медузу. В конце концов мы удалили ее на безопасное расстояние и смогли внимательно рассмотреть. Размером с полтинник (хотя в воде все кажется немного крупнее), медуза выглядела очень активной, в отличие от своих сородичей резко сокращала купол и, как маленькая ракета, стремительно неслась вперед, затем круто поворачивала и двигалась под углом к прежнему курсу. Я пытался сфотографировать крестовичка, но он не хотел позировать и каждый раз ускользал из кадра. Наш крестовичок в глубине выглядел почти совсем прозрачным, а стрекала то свивалась в спирали, то сжимались в толстенькие сосисочки. На концах щупалец виднелись утолщения, которыми медуза может, как присосками, цепляться за плавающие предметы.

Встречались мы в Японском море и с осьминогами.

Мы как-то искали садки у каменного слона, плавали вокруг якоря катера, удерживаясь за него капроновым поводком. Течение и ветер не позволяли точно выйти по пеленгам на место установки садков, вот и приходилось обшаривать весь район. Глубина в этом месте доходила до тридцати метров, течение относило катер намного в сторону от якоря, и мы уходили или поднимались по его цепи, как альпинисты по отлогой горе. Садки у слона были и предпоследним участком работ, и наиболее трудоемким этапом. В этот раз с нами была студентка из Калининградского технического института рыбной промышленности и хозяйства Луиза. Она помогала Инне взвешивать и сортировать мидий, но, имея первый спортивный разряд по подводному спорту, охотно принимала участие и в нашей работе.

... Плывет рядом со мной на шнуре Луиза, не вижу я ее, но натяжение шнура чувствую. Смотрю вперед и влево—не проглядеть бы садки! Грунт—мелкие камни, покрытые тонким слоем ила; встречаются камни побольше. Крупные звезды застыли в самых неожиданных позах. Одна встала на все пять лучей, под ними очередная жертва—мидия. В плоской ложбинке кучка пустых Раковин приморского гребешка, ребристые блюдца его створок белеют на серо-зеленом фоне дна. Мимо проплыли несколько окуней, они держатся совсем рядом. Протягиваю к ним руку, но



Акула катран попала на гарпун стрелка как экспонат, необходимый ихтиологам для изучения

рыбы оказываются на метр дальше—вот как скрадывается расстояние в воде. Сколько лет плаваю, а к подводному оптическому обману не привык.

Плыву, как мне кажется, метрах в трех над дном; вправо и влево видно метров на десять-двенадцать; сумрачно, прохладно; окраска животных и растений однообразная—монотонный буро-зеленый цвет. С внешним миром связывает меня лишь капроновая веревка, уходящая параллельно дну к центру района поисков. Вот проплыл мимо двух кучек пустых мидиевых раковин, возле них прямоугольник из камней. Камни похожи на обломки кирпичей.

Продлав круговой маршрут, мы с Луизой всплыли на поверхность. Якорь подняли и бросили на другом месте, на поиск пошли Олег и Миша. Подремав в кубрике, поднялся я на палубу, услышав возгласы вернувшихся аквалангистов. Олег наконец-то нашел садки. На палубе громоздились поднятые из них на поверхность груды подопытных моллюсков.

Выбираем якорь и уходим домой. Инна занята сортировкой образцов, остальные ей помогают. Делимся впечатлениями. Олег рассказывает, как нашел садки, как они выглядели после трехлетнего пребывания на дне. Оказывается, на металле сеток выросли целые клумбы из ламинарий. Тонкие волнистые ленты морской капусты и увидел он. Крышки с садков мы сняли еще в прошлое посещение: они оказались лишними; звезды не очень охотно взбирались по металлическим ножкам, изготовленным из стального уголкового проката. Анализ показал, что почти все подопытные мидии сохранились в этой партии.

Я рассказал товарищам о сегодняшнем погружении: ничего необычного, видел какой-то прямоугольник на дне из камней. И тут

меня осенило: почему этот прямоугольник был столь геометрически правилен? Кто его сложил? Там были только мы, случайно оказавшиеся здесь люди. Выходит, не обратил внимания на что-то интересное. Такие домики сооружают осьминоги. Повнимательнее смотреть бы, мог и осьминога увидеть, и дом его разглядеть. И все же встреча с этим животным состоялась. А было все так. Окончание экспедиционных работ на Путятине мы — Миша, Олег и я — отметили трехдневным уединением на одиноких необитаемых островках — Камнях Унковского. Еще в Москве, перед последней поездкой сюда, посоветовали нам побывать на Камнях друзья: и вода там прозрачная, и подводный ландшафт разнообразен.

Всем оказались хороши Камни. И маленький пляж с лагуной есть, и крутые склоны, отвесно уходящие в прозрачные воды, и обильные водоросли, и множество животных. Но не было на островках пресной воды — пришлось тащить кроме подводного снаряжения и туристского инвентаря еще и бак с пресной водой.

Камни Унковского торчат мористее Путятина, и вода, омывающая их, холоднее и прозрачнее: сказывается близость открытого моря. Островки заросли травой и стелющимся по грунту шиповником, ягоды его на кустах перемежаются с цветами, плоды крупные и отличаются от наших европейских формой: они необычно сплюснуты вдоль оси.

Дно вокруг очень красивое. Сверху, со скал, видны заросли ламинарий, морские ежи и звезды, а с песчаного пляжа можно входить в море без риска поскользнуться на водорослях. Мы много купались. Олег плавал с трубкой и маской, он одел резиновую рубашку собственного изготовления и проводил разведку: ему очень хотелось напоследок встретить осьминога. Места у Камней вполне подходящие для этих животных.

Мы с Мишей отправились осмотреть затонувший парусник, который отыскала здесь более двенадцати лет назад экспедиция АН СССР, занимавшаяся охотой и фотографированием. Я пытался экономить пленку, но кадры подвергались один заманчивее другого.

Утро последнего дня началось с того, что Олег натянул полюбившуюся ему рубаху и плавал с морской стороны острова. Мы наблюдали за воздушными пузырьками от его аппарата. Неожиданно он оказался на гребне волны и призывно замахал руками. Мы натянули акваланги и прыгнули в воду.

Мне сверху было видно, как Олег подплыл к большому камню и начал вытягивать из-под него резиново-упругий жгут осьминоговой «руки». Подплыл и Миша, и они вдвоем продолжили борьбу. Судя по поведению ребят, осьминог был не очень большой, и они старались завладеть всеми щупальцами животного, осьминог же обвивал их руки только пятью или шестью, а двумя-тремя вцепился в камень. Но напрасно он упорствовал, мы заранее подготовились к схватке, отработали приемы и последовательность действий. Самое главное, чтобы головоногий не захватил воздушные шланги и не сорвал маски с лиц. Наконец последние щупальца отделились от грунта. Начался танец всплытия трех существ, переплетенных упругими жгутами.

На поверхности я включился в игру, стал отрывать от ребят Щупальца. Осьминог розовел, бледнел, пугал, нас, выпуская мутные облачка «чернил». Но все было напрасно, мы вытащили его на берег

и пустили на песок. Часть прилипших к рукам щупалец оторвали, используя испытанный уже в воде прием: если ухватиться за самый кончик щупальца, то довольно легко можно его оторвать. Ведь тогда присоски отделяются поочередно, одна за другой.

Затащив пленника в подготовленную заранее яму с водой, мы вздохнули спокойнее: первая часть операции была выполнена. осьминогу нужен был для фотосъемок. Мы хотели его сначала найти и поймать, а затем отпустить и снимать момент характерного полета. Передвигается он в воде очень интересно — толчками выбрасываемой из мантии через воронку струи воды.

У Миши от присосок щупалец остались на руках красные пятна. Олега спасла резина рубахи. Впрочем, пятна скоро исчезли. Вооружившись фотоаппаратами, ныряем в мелкую и удобную для съемок лагуну — Миша с легким фотобоксом для «Зенита», я с комбайном — самодельным боксом для «Практики», снабженным двумя лампами-вспышками.

Олег сует осьминогу доску, подобранную на берегу, и затаскивает его в воду. «Хозяин моря» перепуган, он медленно шевелит щупальцами, как бы отыскивая точку опоры; доску он оставил на поверхности и теперь не знает, что ему делать. Наконец осьминог начинает приходить в себя, заработал мантией, накачивая воду. Затем толчок, другой, и моллюск поплыл к каменной гряде. Мы с Мишей нажимаем на спусковые рычаги. Миша снимает осьминога, а я — Мишу, снимающего осьминога. Потом разберемся, чьи кадры удачнее.

осьминог распластался на камне и ждет, что будет дальше. Его черный выразительный глаз устремлен на нас. Ну что ж, прощай! Каждый теперь уплывает в свой дом. В моем акваланге кончается воздух, сигналю Мише и всплываю.

На берегу Олег встречает нас с деловым видом. Он вскипятил чай и поставил варить кашу, теперь осталось дожидаться катера, и маленькая подводная одиссея закончится.

Наши работы в Японском море не прошли бесследно. Инна в своем научном отчете сделала вывод, что запасы мидий в Японском море восстанавливаются медленно, а скорость роста их такова, что надо ограничить на время вылов этого моллюска на промысловых участках, таких, например, как угожья острова Путятина.

Другая участница подводной экспедиции — Луиза — верна ихтиологии. Она изучает повадки антарктических рыб, участвуя в рейсах рыболовных судов.

Ну, а мы, аквалангисты, ждем приглашения в новые экспедиции.

ГОРОД И ПРИРОДА



При мысли о городе испытываешь противоречивые чувства. Воочию представляешь великолепные архитектурные ансамбли и лес труб, извергающих огромные султаны дыма. Нельзя не восторгаться широкими проспектами, величественными площадями, морем огня, раздвигающих мрак ночи, но восторг тут же угасает, едва ощутишь удушливый запах бензинового перегара. Предметом особой гордости служат бесценные культурные сокровища—библиотеки и музеи, театры и картинные галереи. В них воплощается духовная мощь народа, его эстетическое богатство и творческие потенции. Только все это плохо сочетается с несмолкаемым уличным шумом и грохотом, от которых дребезжат оконные стекла.

Город и живая природа—эти понятия могут показаться несовместимыми. Вся предшествующая история служит подтверждением печальной истины: город наступает на природу, обедняя среду человеческого обитания, делая ее менее пригодной для жизни.

Это парадоксально! Город, представляя собой чисто человеческое образование, творит собственную красоту, а она почему-то не всегда согласуется с красотой природы. Разве не едины законы прекрасного?

Знаменитый художник Николай Рерих поспешил объявить противоположность города природе фатальной, неизбежной, отвергнув всякую мысль о возможности «согласовать несогласуемое». «В городских нагромождениях,—писал он,—в новейших линиях архитектурных, в стройности, в жерле плавильной печи, в клубах дыма, наконец, в приемах научного оздоровления этих, по существу, ядовитых начал—тоже своего рода поэзия,—но никак не поэзия природы»*.

* Рерих Н. Зажигайте сердца! М., 1978, с. 56.

Пусть так: поэзия города несет иное содержание, но она возникла при общих предпосылках, которые связаны с развитием человеческой личности на путях социального прогресса. И здесь надо сразу же подчеркнуть, что город со времени его возникновения был центром острейших социальных противоречий. В городе рано обнаружилось хищническое отношение не только к природе, но и к человеку, преобразующему ее. Не случайно возникло сомнение в правомерности городского пути. Его заронили великие гуманисты прошлого в эпоху зарождения капиталистических отношений. Принимая близко к сердцу страдания народных масс и усматривая в этом козни чьей-то злой воли, они вопрошали: не означает ли создание городских поселений роковой ошибки человечества, его вступления на ложный путь, опасный уже тем, что отдаляет нас от природы? Город представлялся им в образе Молоха, жаждущего человеческой крови. Надо исправить ошибку, призывал, в частности, Жан-Жак Руссо, вернуться к природе, восстановить первобытное состояние, а вместе с ним и утраченное счастье «золотого века».

У Руссо были сторонники в различных странах, где усиливалось наемное рабство, обостряя различные формы социального гнета.

Отдал дань этому направлению и Валерий Брюсов. В поэме «Замкнутые» (1900 г.) он восклицает:

Однажды ошибаясь при выборе дороги,
Шли вдаль ученые, глядя на свой компас,
И был их труд велик, шаги их были строги,
Но уводил их прочь от цели каждый час!

Поэма осталась незавершенной. Поэт прогрессивных устремлений, Брюсов не мог утвердиться в мысли о ложности городского пути, о никчемности самой цивилизации. После революции 1905 года, возвращаясь к теме города, он решает ее как зрелый художник—в истинно реалистической манере. Город для него не только порождение цивилизации, средоточие культуры, но и арена социальных противоречий, где вызревают гроздь революционного гнева.

Как начинался город? Это было обычное селение, княжеский терем, замок владетельных особ или укрепленный пункт. Но во всех случаях было нечто общее: здесь объявлялись первые умельцы, способные «подковать блоху», представители торгового сословия, наконец, стражи порядка, утверждавшие волю «властей предрержащих».

Городские поселения известны с древнейших времен: они существовали уже в четвертом и третьем тысячелетиях до нашей эры и своим появлением знаменовали неумолимый процесс разложения родового строя, возникновение частной собственности, переход человечества из первобытного состояния к классовому обществу.

Сегодня вряд ли можно усомниться в исторической закономерности урбанизации. Без нее невозможно представить себе восхождение человечества по ступеням научно-технического и социального прогресса. И в прошлом прогрессивные мыслители не разделяли ложных иллюзий тех, кто призывал общество повернуть вспять, к «идиллии» сельской жизни, якобы свободной от пороков города. Герцен, например, подверг критике идею «женевского отшельника» как нелепую и крайне реакционную. «Руссо понял, — писал он, — что мир, его окружавший, не ладен; но нетерпеливый, негодующий и оскор-

бленный, он не понял, что храма устаревшей цивилизации о двух дверях. Боясь задохнуться, он бросился в те двери, в которые входят, и изнемог, борясь с потоком, стремившимся прямо против него. Он не сообразил, что восстановление первобытной дикости более искусственно, нежели выжившая из ума цивилизация»*.

Чернышевский, находясь в одиночке Петропавловской крепости, мечтал о городе будущего, об обществе завтрашнего дня. Архитектурные проекты составляют неотъемлемую часть социальных воззрений великого революционера-демократа. Они нашли воплощение в сновидениях Веры Павловны — героини романа «Что делать?». Примечательная особенность его городов будущего: они находятся «среди нив и лугов, садов и рощ». Непременной принадлежностью зданий из алюминия и хрусталя служат не только квартиры, но и просторные залы для игр и танцев, зимние сады. Здесь живут славные люди, умеющие плодотворно трудиться и весело отдыхать. Они выглядят очень молодо; у них «здоровая и спокойная жизнь; она сохраняет свежесть».

Чернышевский развивает идеи ранних утопистов — Томаса Мора, Томмазо Кампанеллы, Фрэнсиса Бэкона, Сирано де Бержерака и других. Различная сила воображения сказалась в их мечтах о достоинствах города будущего. Но исходили они из единых помыслов о счастье своих потомков и видели два его слагаемых: во-первых, установление подлинно братских отношений между людьми, во-вторых, преодоление нарастающего антагонизма города и природы, утверждение их единства. Города будущего рисовались им городами солнца, света, простора, в окружении садов и парков.

Город находится в определенной природной среде и постоянно взаимодействует с ней. В этом взаимодействии ему принадлежит активная роль. Он воздействует на природу прежде всего самим фактом своего существования, повышенной концентрацией масс в данной довольно ограниченной местности. Но это лишь одна сторона. Вторую составляет материальное производство. Старый город, где оно держалось на ручном труде, представлял собой в экологическом отношении «большую деревню». Он еще не порвал пуповины с сельским хозяйством, да и ремесленное производство хотя и расширило свои масштабы, но еще мало угрожало живой природе. Его «нагрузка» на природную среду при большой численности населения могла быть значительной, однако находилась в тех пределах, которые не внушали серьезных опасений.

Положение меняется с наступлением промышленной революции. По мере расширения машинного производства и механических видов транспорта окружающая среда, как и люди, густо населяющие ее, подвергаются в возрастающих размерах вредным воздействиям отходов производства и быта, шума, вибрации, электромагнитных полей. К тому же нарастают скученность и сутолока городской жизни.

Казалось бы, в этих условиях можно ожидать отлива части населения в сельскую местность. Ничего подобного, однако, не происходит. Город обладает огромной притягательной силой. Во-первых, он предоставляет человеку многообразие форм деятельно-

* Герцен А. И. Соч. в 9-ти томах, т. 2. М., 1955, с. 94.

сти, позволяя в известных пределах выбирать наиболее подходящую; во-вторых, обогащает духовно, приобщая к достижениям культуры; в-третьих, соблазняет возможностью обеспечить более высокий уровень бытового комфорта. Столь ощутимые блага приобретаются, однако, ценой лишения непосредственных контактов с живой природой, а оно, это лишение, таит в себе серьезную угрозу духовного и физического обеднения личности.

Общение с природой — потребность всякого нормального человека, поскольку в любых условиях, в том числе и городских, он остается биологическим существом. На примере горожан особенно наглядна сила этого вечного зова, влекущего человека из душного мира камня, стекла и бетона на простор зеленого царства. Промышленный город, как правило, вовлекает в свою орбиту прилегающую к нему местность. Известная часть горожан обзаводится дачами, садовыми участками, чтобы проводить досуг на лоне природы.

Существует еще одно свидетельство извечной тяги горожан к живой природе. Ее можно проследить в фокусе так называемых птичьих базаров, где горожанин стремится обзавестись теми компонентами живой природы, которые могут существовать в стенах его квартиры. Он разводит комнатные цветы, содержит в клетках певчих птиц, в аквариумах рыбок, приобретает собаку. Некоторые стремятся даже разводить редких представителей фауны, что, к слову сказать, далеко не всегда уместно и даже порой небезопасно.

Во многих литературных произведениях создан образ страстного любителя природы, рвущегося из города на ее лоно. Таким представляется, например, чеховский охотник милейший Иван Иванович Чимша-Гималайский с его неожиданным откровением. «А вы знаете, — признавался он своему другу-охотнику, — кто хоть раз в жизни поймал ерша или видел осенью перелетных дроздов, как они в ясные, прохладные дни носятся стаями над деревней, тот уже не городской житель, и его до самой смерти будет потягивать на волю». Такие люди используют любую возможность, чтобы отправиться на охоту, на рыбалку, в поход с ночевкой у костра под открытым небом.

У каждого города свой облик, своя судьба. То и другое составляет достояние истории и национальной культуры. Но начальным фактором его формирования и развития послужила все же природная среда, наличие тех или иных естественных ресурсов, включая ископаемые богатства. Существует специфика условий жизни в зависимости от того, в какой природной зоне находится город — в лесном краю или открытой степи, на берегу южного моря или за полярным кругом, в пустыне или на горных склонах. Эти бытовые различия, порой весьма существенные, касаются одежды, обуви, жилища, продуктов питания и прочего. А облик города? Разве в нем не отразились особенности естественной среды? Ереван, расположенный среди безлесных гор, поднимает к небу свои этажи из розового туфа, а Тобольск, как и многие города Западно-Сибирской низменности, до недавних пор оставался по преимуществу деревянным, поскольку возник среди лесов.

Судьба города тесно связана с естественными богатствами. Принято различать естественные источники средств жизни (плодородие почв, обилие диких животных, рыбы, плодов и т. п.) и естественное богатство средств труда (залежи металлов, угля, нефти, лесные массивы, наличие строительных материалов, энергия воды,

ветра и т. д.). На ранних ступенях истории людям были доступны в основном естественные источники средств жизни, и не удивительно, что древнейшие центры городской цивилизации возникли в плодородных поясах жарких стран (дельта Нила, междуречье Тигра и Евфрата, бассейны Ганга и Янцзы).

Зарождение машинного производства связано с использованием естественного богатства средств труда. Центры городской цивилизации переместились из жаркого пояса в умеренный, в Европу, где происходила коренная перестройка старых городов и бурный рост новых. Сколько бы ни изрекалось проклятий по адресу города, ничто не может остановить процесса урбанизации. Любые жалобы перед лицом исторической необходимости поистине лишены всякого смысла.

Особенность города в многообразии общественных функций, которые он принимает на себя, причем они имеют тенденцию дифференцироваться с ростом населения, под влиянием технического и социального прогресса. Уместен такой пример. Чуть ли не каждый город выступает административным центром того или иного значения, но нет такого города, включая столицу, который мог бы ограничиться одной этой функцией. Одновременно он часто служит средоточием науки и культуры, транспортным узлом, центром торговли, туризма. Сочетание этих функций может быть различным, но одна обязательна — материальное производство. Она как раз и составляет основу, на которой развертывается указанное функциональное многообразие.

Исключение составляют города-курорты, где, как правило, нет предприятий тяжелой промышленности. Речь идет о благословенных уголках природы с их уникальными целебными свойствами, которые необходимо сохранять в первозданной чистоте для отдыха и лечения. За последние годы стали возникать города науки, также не обремененные промышленными предприятиями. Однако эти научные центры тесно связаны с материальным производством. Их вызвала к жизни научно-техническая революция, превращающая науку в непосредственную производительную силу. Есть основание полагать, что семья таких городов будет расти. Вероятно, они и будут прообразом городов грядущего. И все же градообразующую основу сегодня составляет промышленное производство.

Одна из привлекательных сторон города — многообразие архитектурных ансамблей, представляющих огромную эстетическую ценность. Один из красивейших среди городов мира — Ленинград. Его архитектура производит неотразимое впечатление, запоминается навсегда. Есть немало других по-своему красивых городов во всех странах мира. Талант зодчих запечатлел в веках неповторимые черты прошедших эпох. При всем том нельзя забывать, что облик города, как и вся его жизнь, отражает господствующие социальные отношения. Что отличает городские поселения старого общества? Резкий контраст между центром и окраинами — наглядное выражение Раздирающих его противоречий. В центре — дворцы, на окраинах — хижины. Аристократические улицы и районы контрастируют с трущобами и гетто, где ютятся беднота, где обитают «лишние люди» — безработные, причем социальная сегрегация обычно усугубляется сегрегацией по расовым и национальным признакам.

Иную картину являет наш строй, утверждая социальную справед-

ливость и уничтожая подобные уродливые контрасты. Обновление коснулось всех советских городов. Ярчайший пример — столица нашей Родины — Москва. Остались в прошлом такие уродливые явления, как Сухаревка, Хитров рынок с их ночлежными домами, кабаками, всякого рода тайными притонами, так ярко описанными В. Гиляровским в книге «Москва и москвичи». Нынешняя Москва — светлый и величественный город людей труда.

Трущобы с их нищетой и притонами — неотъемлемая принадлежность капиталистического города. Лишнее подтверждение этому — вновь выстроенная столица Бразилии. Ее проектировали и создавали лучшие зодчие, движимые благородным стремлением — обеспечить максимум удобств и комфорта будущим столичным жителям. Что ж, они свою задачу выполнили — создали сказочный город! Но в мире голого чистогана любая добродетель чревата своей противоположностью. Прошло несколько лет, и сказочный город обступили со всех сторон не предусмотренные проектами трущобы-фавелы. Не избежал новый город еще одной нелепости, столь характерной для старых капиталистических городов: здесь много пустующих домов при огромной армии бездомных, ибо комфорт и удобства недоступны бедным людям. Таковы очевидные, но далеко не единственные свидетельства кризисного состояния капиталистического города.

Наша социалистическая явь коренным образом изменила уклад городской жизни, несравнимо улучшила условия жизни горожан за счет не только социальных, но и природных факторов. Город стал ближе к природе, находится в большем согласии с ней. В этом легко убедиться опять-таки на примере Москвы. Здесь самый чистый воздух по сравнению с любым другим столичным городом. А воды Москвы-реки! Лондон основательно загрязняет Темзу. Отравлены многие реки в других странах Запада. Москва не знает подобного бедствия. Можно привести солидные выкладки, но их заменит один кадр, снятый крупным планом: рыболов с удочкой на берегу Москвы-реки возле кремлевской стены. Согласитесь, картина, обычная для нас, необычна для любого западного горожанина.

Еще одна зримая примета обновления столицы — озеленение пустырей, улиц, скверов, дворов. Сажают рослые деревья с большими комьями земли — расчет на полную приживаемость.

Показательны сопоставления, которые делают представители старого мира, попадая в нашу страну. Американские журналисты, побывав в Киеве, отметили такую деталь:

— В Нью-Йорке за день надо сменить две рубашки, у вас же можно два дня ходить в одной!

Однажды туристов из Западной Европы после осмотра города-героя Волгограда привезли на пляж. Видя множество купающихся, гости удивились: разве вода достаточно чиста? Удивление понятное, но неоправданное, в чем легко было убедиться. Никто не устоял перед соблазном искупаться. Один из гостей не преминул сказать:

— Когда возвратимся домой и расскажем, как купались в Волге, никто не поверит: у нас уже давно забыли, что в реках можно плавать, вода отравлена отходами промышленного производства.

Киев — город с двухмиллионным населением. А вода в Днепре — светлей лазури. Благо Днепра особенно ощутимо в летние месяцы. После работы киевляне обычно спешат на пляжи.

Конечно, это не означает, что в нашей стране все сделано для

гармоничного сочетания благ цивилизации и природы. С другой стороны, необходимость охраны природы не могут, как ранее, игнорировать и в капиталистических странах. Но там стремятся переложить тяжесть этих затрат на плечи трудящихся, увеличивая налоговое бремя. Для монополий, виновных в загрязнении окружающей среды, очищение ее превращается в новый способ ограбления масс.

У социалистического города ясная перспектива, какой не имеют и не могут иметь города старого мира. Общество контролирует процесс урбанизации как неотъемлемую часть развития всей социально-экономической сферы, придавая ему планомерный характер и подчиняя интересам трудящихся. Наши города все более приближаются к тому идеалу, который Ф. Энгельс определил как гармоническое сочетание высокого комфорта с прелестями сельской природы. В этой формуле ключ к преодолению одного из существенных различий между городом и деревней на путях коммунистического строительства. Если деревня идет на сближение с городом, перенимая у него достижения культуры и бытового комфорта, то город делает шаг в сторону деревни, используя блага природы. Таким образом, достижения цивилизации и мир природы становятся равно доступными людям, где бы они ни проживали. По мере того как исчезают различия между городом и деревней, поэзия природы становится поэзией города, поэзией труда.

Как обновляются наши города, можно видеть на примере нынешнего Донецка. До революции он назывался Юзовкой, а в простонародье его нарекли «Шанхаем» — за беспорядочное нагромождение глинобитных халуп, в которых жили шахтеры и металлурги. То был пыльный и задымленный город, без единого дерева, не говоря уже о цветниках и фонтанах. Если к этому добавить нещадный зной летних месяцев, то напрашивается сравнение с преисподней. Уже в первые годы Советской власти здесь разбили парк культуры и отдыха, перестроили центральную улицу. Впрочем, война не пощадила этой улицы, превратив ее в руины. Город отстраивался заново в послевоенные годы, отстраивался с размахом и основательностью. Его архитектурные ансамбли радуют глаз. В городе появились широкие проспекты, зеленые бульвары, красивые набережные. Да, набережные: речка Кальмиус, долго служившая сточной канавой, очищена от шлака и угольной пыли. Прегражденная плотиной, она разлилась в центре города светлой водной чашей. За городской чертой огромное водохранилище на трассе канала, идущего из Северского Донца. Не менее важное приобретение города — зелень. Практически все улицы и площади обсажены деревьями. Примечательная деталь: весной в цветниках и на бульварах высаживают свыше миллиона Розовых кустов — по одному на каждого жителя. Таковы ныне Условия жизни в этом городе шахтеров и металлургов. Современный Донецк — подлинно город солнца, о котором мечтали лучшие люди прошлого.

Многое из того, что сказано о Донецке, относится к Ростову, Семипалатинску, к другим старинным русским городам, таким, как Рязань и Владимир, Калуга и Тула, Воронеж и Волгоград, Горький и Свердловск. Калужане взяли обязательство догнать Донецк по числу Розовых кустов в расчете на каждого жителя! Они сдержат свое слово, нет сомнения. Идет соревнование и других городов за

оптимальное сочетание завоеваний цивилизации с благами природы, за умножение источников радости на земле.

Омолодились и похорошели все столицы союзных республик, многие областные центры и крупные промышленные города, но жители их не ослабляют усилий в борьбе за улучшение жилой среды. Киев по праву называют городом-парком, однако киевляне ежегодно увеличивают площадь зеленых насаждений. Алма-Ата стала за годы Советской власти настоящим садом, но зеленый наряд все плотнее одевает улицы и площади этого светлого и просторного города.

Предметом особой заботы стало за последние годы озеленение заводских территорий. Путь к цехам пролегает по тенистым аллеям. Производственные корпуса утопают в зелени. Такова наша действительность без прикрас.

Примечательная черта современности — ускорение процесса урбанизации. Города расширяют границы, растет этажность зданий, и не только вверх, но и вниз. Под землю перемещается городской транспорт, пункты технического управления, предприятия, гаражи, склады. В конечном счете усиливается скученность людских масс, возрастает теснота, осложняющая условия жизни горожан.

Важно подчеркнуть: города растут быстрее, чем суммарное население планеты, так как увеличивается приток сельских жителей. Этот процесс приобретает глобальные масштабы. Кажется, совсем недавно городские комплексы составляли редкие островки в океане сельских населенных пунктов. Сегодня свыше трети человечества живет на асфальте, а к 2000 году удельный вес городского населения достигнет примерно 70 процентов. На месте старых, обособленных городов возникают городские агломерации—сложные системы расселения, связанные единством суточных и недельных циклов жизнедеятельности людей, а также мегаполисы—обширные территории сплошной городской застройки.

Один из таких гигантских супергородов стихийно сложился в США, растянувшись почти на 250 километров—от Бостона до Филадельфии. Центром его служит Нью-Йорк, где насчитывается 16 миллионов жителей. Целая страна—Бельгия представляет собой ныне единый мегаполис. Под стать ему многие районы Западной Европы и восточного побережья Японии.

Сходные, хотя и не тождественные процессы урбанизации можно наблюдать и в нашей стране. Сравнительно недавно Макеевку отделяло от Донецка более десяти километров. Оба города стремительно расширяли свои границы и наконец сомкнулись, образовав единый городской массив. Таким же образом Горький слился с городами, которые прежде находились от него на почтительном расстоянии. О темпах урбанизации свидетельствует такой факт: из всех городов с населением свыше миллиона жителей три четверти возникло за последние два десятилетия. Если исходить из этого, нетрудно определить перспективу: в ближайшие четверть века потребуются возвести городских строений столько же, сколько за всю предшествующую историю человечества. Не примут ли города облик каменных джунглей, не окажутся ли горожане в большем, чем теперь, отдалении от природы?

Вряд ли можно однозначно ответить на эти вопросы. Действительно, чем крупнее городское поселение, тем больше препятствий



для гармонического сочетания благ цивилизации и природы. Но эти препятствия не имеют фатальной предопределенности, вполне преодолимы на основе хорошо продуманной планировки и благоустройства, о чем свидетельствует исторический опыт и реальность нашего общества.

Наш общественный строй имеет неопределимое преимущество управлять процессами урбанизации, формированием сложных систем расселения. Исходным принципом такого управления служит ленинская идея равномерного освоения территории страны, наиболее полного использования богатств и благ природы в интересах людей. Речь идет, по выражению В. И. Ленина, о новом расселении человечества, об уничтожении как деревенской заброшенности, оторванности от мира, одичалости, так и противоестественного скопления гигантских масс в больших городах.

За годы Советской власти доля городского населения постоянно росла. Если в 1926 году она составляла 17,9 процентов, а в 1959 году — 48, то к 1978 году поднялась до 62 процентов. В стране появилось более тысячи новых городов. Большая часть их выросла на «пустом месте» в окраинных и слабозаселенных районах, где обнаружены залежи ископаемых богатств. Другие городские комплексы возникали на месте прозябавших когда-то деревень, поселков, возле которых выросли современные промышленные предприятия.

Отличительная черта новых советских городов — гармоническая взаимосвязь с природой. Слагаемые такой гармонии — это, во-

первых, новая планировка населенного пункта с выносом предприятий за пределы жилого массива; во-вторых, внедрение безотходной технологии производства; в-третьих, обилие зеленых насаждений; в-четвертых, доступность водных источников, обеспечивающих удовлетворение не только бытовых, но и общественных нужд. Таков, в частности, город Тольятти на Волге. Он вырос возле автозавода и одновременно с ним. Жилой массив находится на почтительном расстоянии от промышленных сооружений, а между ними пролегла лесная зона, представляющая надежную естественную защиту для полумиллионного населения.

Другого рода примеры — города Навои (Узбекистан) и Шевченко (Казахстан), построенные в безжизненной пустыне среди песков и барханов. Ныне это райские уголки. Дома в окружении зелени, фонтаны испускают радужные сияние под лучами щедрого солнца, бассейны освежают воздух. Люди возродили к жизни мертвый край, сотворив подлинное чудо.

При строительстве Академгородка близ Новосибирска задача состояла в том, чтобы возвести жилые здания, корпуса институтов, не причинив большого ущерба тайге. И вот вырос город в лесу. Его здания не сразу и заметишь за густой хвоей деревьев, и, лишь подойдя поближе, можно рассмотреть тот или иной уголок города. Тишина, покой, уединение, располагающие к сосредоточенности, творческим поискам. В этих идеальных условиях живут и трудятся ученые.

Удачно разместились в лесном царстве Зеленоград — спутник Москвы, Ангарск — город сибирских энергетиков и множество других научных и промышленных центров, вызванных к жизни трудом советских людей.

Строительство столь большого числа городов — это выражение могучей жизненной силы и динамичности нашего общественного строя, практическая реализация идеи равномерного территориального расселения людей. Оно шло одновременно с преобразованием старых городов, которые возрождались к новой жизни, становились моложе, красивее, просторнее. К слову сказать, старые города тоже росли, а некоторые из них довольно основательно. Так, древняя Рязань в послевоенные годы обогатилась крупнейшими заводами, многими институтами. Население ее примерно удвоилось.

Дальнейший же рост крупнейших городов необходимо всемерно сдерживать, но это не означает консервации. Как правило, в таких городах не строят новых промышленных предприятий, а в силу необходимости расширяют сеть объектов обслуживания населения и обновления городского хозяйства. В конечном счете эти города тоже растут, но не столь уж быстро.

Совсем недавно лишь два города в нашей стране имели население свыше миллиона человек — Москва и Ленинград. Ныне таких городов уже 21. К миллионному рубежу подходят Волгоград и Ростов-на-Дону, Саратов и Алма-Ата, Рига и Красноярск, Запорожье и Воронеж.

Осуществляя идею равномерного территориального расселения людей, партия в послевоенные годы взяла курс на размещение промышленных предприятий главным образом в малых и средних городах. Этим объясняется рост населенных пунктов областного подчинения. Так, в Полтавской области вторым большим городом после областного центра стал Кременчуг, в Могилевской —

Бобруйск, в Витебской — Орша, во Владимирской — Ковров, в Латвийской ССР — Даугавпилс, в Молдавской ССР — Тирасполь. Особый случай представляет Череповец с его металлургическим комбинатом, обогнавший по численности населения областной центр — Вологду.

Немалые резервы создания новых городских поселений в восточных районах страны открываются с развитием территориально-промышленных комплексов, таких, как Западно-Сибирский, Саянский, Усть-Илимский, Байкало-Амурский, Южно-Таджикский и др. И все же главный резерв городского строительства отныне будет связан не столько с освоением «пустующих мест», сколько с преобразованием ничем не примечательных районных центров и рядовых селений при достаточно выгодном экономико-географическом положении и наличии трудовых и природных ресурсов. Территориально-промышленные комплексы все более смыкаются с аграрно-промышленными, и в ходе этого процесса окончательно исчезают вековые различия между городом и деревней.

Необжитых земель становится не так уж много. К тому же эти территории отличаются, как правило, суровым климатом, менее доступны для освоения, хотя часто в своих недрах хранят обширные сырьевые богатства. Нарастающая потребность в этих ресурсах вынуждает людей обосновываться там, где никогда прежде никто не жил. Города за полярным кругом — это сказка, ставшая былью, романтика нашей эпохи. Но она имеет и сугубо прозаическую сторону. До сих пор зодчие решали одну задачу — как улучшить жилую среду за счет благ природы, прежде всего солнца, зелени, чистого воздуха. Сегодня наряду с этой задачей возникает другая, противоположная. Строятся города в условиях сурового климата, где человек нуждается в надежной защите от природных факторов — стужи, беспощадного зноя.

Разрабатываются проекты создания крупных городов с искусственным климатом под гигантским куполом из стекла и пластика. Такой купол нужен, наверное, нынешнему Норильску. Появилась реальная возможность создать его, и не исключено, что город со временем будет укрыт от стужи. Очевидно, города с искусственным климатом появятся не только на поверхности земли, скажем в Арктике, Антарктике, в пустыне Сахара, но и под землей, в горных пещерах, на воде и даже под водой, на дне океана. Заранее, разумеется, нельзя сказать, насколько удобными для человека окажутся такие жилища. Может быть, они годятся лишь как временные обиталища для сменного контингента по типу Нефтяных Камней на Каспии или нынешних станций «Северный полюс».

Архитекторы мира ведут поиск оптимальных вариантов жилых зданий, из которых могли бы возникнуть города будущего. Публикуются проекты домов высотой 500—800—1000 этажей. Технические предпосылки сооружения таких небоскребов в наше время созданы. В одном здании можно разместить население среднего по величине города. Рекламируются удобства: в доме будут предусмотрены не только квартиры, но и школы, зоны труда и отдыха, торговые Центры. Хорошо ли проводить дни и ночи в замкнутом пространстве, не видя белого света? Как это отразится на физическом и психическом состоянии людей? В условиях нормального климата такой образ жизни вряд ли может прельстить. В принципе поисковое проектирование опирается на научно-технические достижения, одна-

ко за ним могут стоять различные цели: рекламные соображения, бизнес или истинная забота о благе и счастье будущих поколений. Все дело в том, кому служит проектировщик—обществу или частным предпринимателям.

В мире социализма поощряется и стимулируется поиск архитектурных форм, максимально отвечающих разумным потребностям человека. Для советских зодчих человек, его блага, его удобства составлял главный и единственный критерий в деле жилищного строительства. Они не копируют, скажем, творения Корбюзье, не связывают себя каким-либо одним пусть и нашумевшим решением. В практике нашего градостроительства не принято совмещать под одной кровлей жилые помещения и учреждения общественно-административного назначения. В этом также проявляется принцип, продиктованный заботой о человеке. Очевидно, больше смысла сочетать комплексы жилых домов и здания общественного назначения в пределах микрорайона. Все это, разумеется, не исключает дальнейшего поиска наилучших вариантов планировки квартир и приближения к квартире различных видов бытового обслуживания.

Внутренняя планировка жилищ—одна сторона дела. Для советского человека более важен сегодня, чем когда-либо раньше, внешний облик домов, общий вид улиц и площадей, потому что он стал духовно богаче, умеет ценить прекрасное. Облик города накладывает свой отпечаток на нашу психику, чувства, вкусы. Архитектура может организовать пространство с большей для нас эмоциональной силой, вызывая радость, просветление души или же угнетая психику. Кому не доводилось видеть произведения архитектуры, полные очарования? Вместе с тем немало появилось за последние годы унылых улиц и кварталов в районах новой застройки. Когда-то с ними мирились, но сегодня они вызывают чувство досады. Об этом, в частности, шел разговор на XXVI съезде КПСС. «Не надо объяснять,—отметил Л. И. Брежнев,—как важно, чтобы все окружающее нас несло на себе печать красоты, хорошего вкуса. Олимпийские объекты и некоторые жилые кварталы Москвы, возрожденные жемчужины прошлого и новые архитектурные ансамбли Ленинграда, новостройки Алма-Аты, Вильнюса, Навои, других городов—это наша гордость. И все же градостроительство в целом нуждается в большей художественной выразительности и разнообразии».

Совсем недавно можно было услышать, что в век стандартов, когда дома собирают из деталей, изготовленных на домостроительных комбинатах, обеднение архитектуры неизбежно. Такое мнение сегодня следует считать опровергнутым, чему наглядным подтверждением служит ташкентский опыт. Город, разрушенный землетрясением, восстановлен заново. Дома собирали из панелей и блоков заводского изготовления, и все же ташкентские улицы, проспекты, площади неповторимы. Каждый квартал по-своему красив, воплощая те или иные мотивы национального искусства. Как свершилось такое диво? Здесь, на стройках Ташкента, раскрылись творческие устремления советских зодчих. Профессиональное мастерство, помноженное на творческую заряженность и высокие эстетические критерии, воплотилось в гармонию из камня, стекла и бетона.

Оказывается, из стандартных деталей (панелей) можно строить нестандартное целое (дома). Каким образом? Следует изменить сам метод стандартизации. Зодчие создали каталог унифицированных строительных изделий, которые позволяют монтировать здания, различные по форме и функциональному назначению. Стало быть, архитектуре не угрожает опасность оскудения, упадка. Напротив, перед ней открываются новые широкие возможности творческих дерзаний и открытий, созвучных нашей эпохе, нашим историческим свершениям.

Известно, что архитектура решает возложенную на нее задачу организации пространства часто в синтезе с живописью и скульптурой. Отсюда не следует, что средства архитектуры сами по себе не выразительны. Напротив, в ее распоряжении безграничное множество средств. Все зависит от зодчего, его воображения и вкуса. Но в органическом единстве — с живописью и скульптурой она усиливает свое воздействие, полнее воплощает ту или иную идею. Сочетание трех видов искусства реализуется в конкретных условиях природной среды, поэтому в синтезе архитектуры, живописи и скульптуры нельзя игнорировать четвертый элемент строительной практики — природу. Задача в каждом отдельном случае состоит в том, чтобы «вписать» новое здание в данную местность.

При этом нельзя не учитывать зональные различия, особенности ландшафта и, конечно, климатические особенности: что тундра находится во власти вечной мерзлоты, степь открывает простор сильным ветрам, тайга обычно богата болотами, субтропики — высокой относительной влажностью воздуха. Известно, что озеленение существенно дополняет эстетическое богатство архитектурных ансамблей, но в этом свои тонкости. Киев невозможно представить без каштанов, а Москву — без лип и тополей. Строго говоря, у каждого города свой набор древесных пород. К тому же древесные насаждения важно сочетать с кустарниками, декоративными породами, цветами. Особое очарование придают городскому пейзажу фонтаны. Социалистическое градостроительство исходит из принципа оптимального сочетания технических и природных факторов, применения новейших достижений зодчества не в ущерб природе, а для дополнения и обогащения естественного ландшафта. Это и есть оптимальное сочетание завоеваний цивилизации с благами природы, соответствующее высшим, гуманным нормам! социалистического общества. Строительство городских комплексов соответствует преобразованию сами!; устоев городской жизни. Истинная человечность, теплота и доброжелательность в отношениях между людьми, ставшими подлинными хозяевами жизни, и составляют здесь главное, объясняют, почему жители — обновляют и украшают свои города, делают все, чтобы полнее чувствовать животворную силу родной природы. Истинный гуманизм нашего общественного строя составил решающее звено, позволившее соединить красоту городских сооружений и естественных ландшафтов., поэзию города и природы.

В свое время Владимир Маяковский, поэтически осмысливая программу общественных преобразований, воскликнул: «Для веселия планета наша мало оборудована, надо вырвать радость у грядущих дней!» Строительство городов и обновление городского жизненного Уклада ведутся ради этой великой цели — сделать жизнь светлее, Радостнее, счастливее.

ШВЕЙЦАРИЯ: ТУРИЗМ И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Очерк



В эту небольшую страну в центре Западной Европы влекут поразительные по красоте горные пейзажи: заснеженные вершины Альп, приветливые долины и дикие ущелья с гремящими ледяными потоками, величественные водопады, бодрящий, чистый воздух.

Любители старины находят в Швейцарии целые города-музеи. Грюйер, Муртен, Штайн-ам-Райн почти без изменений шагнули в наш стремительный век, древние крепости и монастыри дремлют за высокими каменными стенами. Собравшиеся вокруг церквей деревеньки на горных склонах похожи издали на лакированные игрушки, а по контрасту с ними — гигантские плотины, смелые по замыслу современные архитектурные сооружения.

Здесь все дышит историей, реликвии которой бережно сохраняются. Конечно же, особой заботой окружены те места, где некогда действовал полубогатырский Вильгельм Телль, воспетый Шиллером.

Первыми открыли для туризма Швейцарию английские дельцы, разбогатевшие на грабеже заморских колоний. В поисках сильных впечатлений они стали предпринимать путешествия в швейцарские горы. В эпоху королевы Виктории англичане облюбовали район Интерлакена, в центре страны, с его голубыми озерами в оправе зеленых гор, замечательными видами на вершину Юнгфрау. С тех пор и стоит большая гостиница возле водопада Гисбах у Изельтвальда. В этом месте гигантская масса ледниковой воды, прорываясь сквозь массивы горного леса, яростно обрушивается на обточенные ею за века темные валуны, и над водопадом в ясные дни стоит

веселая радуга. Отсюда английские туристы совершали восхождения к окрестным ледникам.

Постепенно ими было освоено величественное Бернское нагорье, постоянно покрытое снегами: здесь есть где побегать на лыжах. В этом районе возникли всемирно известные горные станции Гштад, Виллар с их удобными гостиницами и англиканскими церквами.

Предприимчивые британцы проникли в экономически отсталый кантон Валлис (по-французски Вале). Это большая долина Роны, от которой отходят изолированные боковые долины, где в те времена была почти девственная природа. В глубине боковой долины Николайтал высятся гигантская трехгранная пирамида Маттерхорна, сыгравшего важную роль в развитии туризма и альпинизма.

Вслед за англичанами в Швейцарию стали совершать паломничество жители других европейских стран. Для многих, кто был знаком с сочинениями Жан-Жака Руссо, кто читал стихи Байрона, Гёте и Гейне с романтическими описаниями пейзажей, Швейцария стала синонимом первозданных природных красот.

Облик первых туристов легко представить, рассматривая гравюры в швейцарских музеях и на стенах старых гостиниц. Вот энергичные усатые джентльмены в шляпах и пиджаках бегут на широких, неудобных лыжах. Скользят с пригорков на санях дамы в черных длинных платьях. Швейцарские крестьяне тащат в горы в креслах-носилках с длинными ручками пожилых иностранцев — жителей природы.

До середины XIX века путешествовать по Швейцарии было не так-то просто. Туристы ехали на дилижансах, верхом или передвигались пешком; позднее стали ходить по озерам пароходы. О туристах заботились мало. Гостиницы были лишь в тех местах, где перепрягали лошадей почтовых карет. И в глухих деревнях Валлиса первым туристам волей-неволей приходилось останавливаться в домах местных жителей. Деньги, которые крестьяне получали за постоя, были для них немалым подспорьем. Но долго-долго еще богобоязненные женщины и дети Церматта и других деревень Валлиса, осеняя себя крестным знаменем, со страхом глядели на помешанных, которые безо всякой видимой нужды сами лезут в пасть к дьяволу — в опасные и враждебные человеку горы!

Тем не менее лед мало-помалу трогался. Крестьяне и сами стали помогать за плату чужакам иностранцам лазить на соседние горы. Как раз в Церматте наиболее смелые его жители стали первыми горными проводниками. Семья Зейлеров из этого селения основала первые в Европе гостиницы для альпинистов, в том числе и весьма знаменитую под названием «Монте-роза». Зейлеры предлагали гостям удобные номера, великолепную кухню и безупречное обслуживание, организовывали для них верховые и пешие прогулки по горам, поощряли горнолыжный спорт.

Стоило какому-нибудь альпинисту хоть раз побывать в Церматте, он обычно снова наведывался сюда, чтобы вновь полюбоваться на величественный Маттерхорн, совершить восхождения на соседние, более доступные вершины.

В июле 1865 года Европу потрясла весть о трагических событиях в Церматте. Четверо англичан во главе с гравером Э. Вимпером, проводник француз Мишель Кроз из Шамони и два местных проводника — отец и сын Таугвальдеры первыми поднялись на



вершину Маттерхорна. Но во время спуска четверо сорвались в пропасть. Уцелели лишь Вимпер и оба Таугвальдера.

В Церматт устремились потоки туристов, которым хотелось побывать на месте трагедии, взглянуть на «гору-убийцу». Возросшей известностью Маттерхорна воспользовались Зейлеры. Они уже создавали по всей стране целую систему альпийских гостиниц. Так начиналась индустрия туризма в Швейцарии.

Ныне туризм приобрел здесь огромный размах. В 1977 году, например, страну посетило свыше 20 миллионов иностранных туристов, что в три раза превышает численность ее населения. Иностранцы оставили в стране 2,9 миллиарда франков. В последующие годы поток иностранных туристов все возрастал.

Доходы Швейцарии от иностранного и местного туризма превышают прибыль от продажи за границей ее бесцветно известных часов. За счет туризма страна на две трети покрывает свой хронический торговый дефицит: из-за нехватки природных ресурсов Швейцария вынуждена ввозить многие виды сырья.

В канун рождества, когда по всей Европе нарастает волна отпусков, компания Кука и другие транспортные агентства работают с полным напряжением сил. Через их посредство многие отпускники бронируют места в гостиницах Швейцарии, предвкушая катание на лыжах в рождественские дни. Но Швейцария может предложить иностранцам и немало другого. Летом большое удовольствие доставляют дальние горные прогулки: в стране 41 тысяча километров прогулочных тропинок. Почти всюду есть плавательные бассейны, налажен воднолыжный спорт на озерах, организуются интересные поездки на теплоходах. А кроме всего прочего в Швейцарии очень красочно проводятся народные празднества—общенациональные и

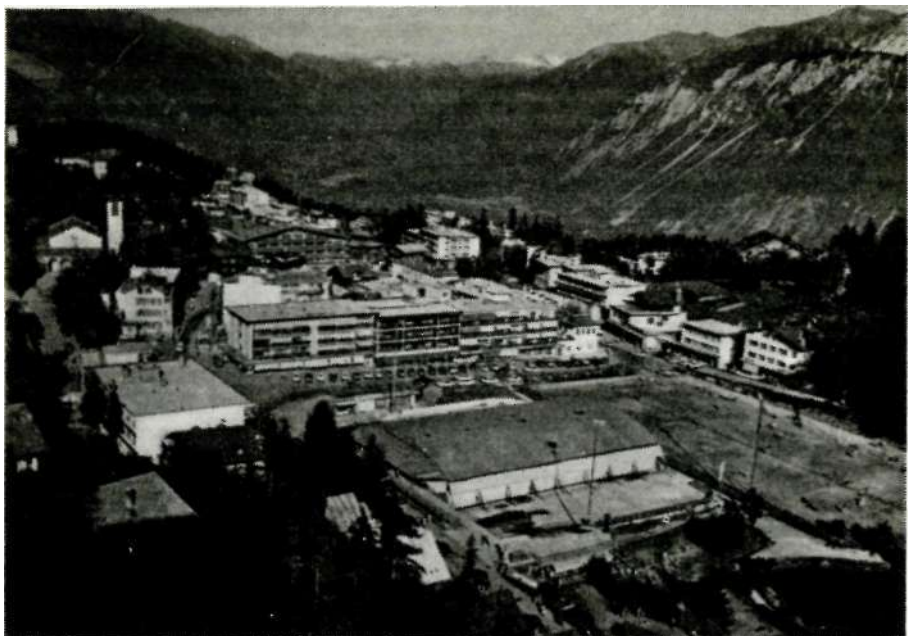


«Гранд-отель» в горном поселке Дьяблере

местные. В их основе давние традиции, восходящие к средневековью.

В апрельские дни в Цюрихе проводится так называемый «зесселёйтен» — праздник окончания зимы. Всадники в колоритных костюмах скачут вокруг охваченного пламенем чучела — символа суровой зимы. Завершается праздник шумными пирушками горожан, которые по сей день вспоминают о своей принадлежности к тому или иному средневековому цеху ремесленников. В последний вторник ноября жители Берна — столицы Швейцарской Конфедерации — спешат на главную площадь перед зданием парламента, где шумит «зибельмёрит» — базар лука. Все они, в том числе и президент Конфедерации, угощаются луковым супом и расходятся по домам со связками репчатого лука на груди.

Во французской Швейцарии очень популярен женеvский праздник Эскалад, отмечаемый 11—12 декабря. К нему готовятся долго и тщательно. В Историческом музее Женевы разvертываются выставки, чтобы все знали подробности того, как в 1602 году коварные савойцы пытались захватить ночью спящий город и как brave женевцы с позором прогнали агрессоров. Вечером на торговой улице Рю-де-Марше посреди толп горожан и приезжих шествует вооруженная до зубов средневековая пехота, ползут телеги с боевым снаряжением четырехсотлетней давности. Праздник завершается хоровым пением старинного гимна женеvцев перед собором святого Петра. В мае многие едут в долину Леченталь (Средний Валлис), чтобы посмотреть в праздник Фет-Дьё шествие гренадеров. Мужчины местных деревенек — Киппеля и Рида, одев военную форму давно



Туристский и горнолыжный центр Монтана-Кран и главная долина Валлиса

уже не существующих европейских армий, в которых некогда служили их предки, проходят строем со знаменем и при полном вооружении.

А в южных кантонах проводятся «ванданжи» — праздники окончания сбора винограда. Улицы городов и селений в эту пору украшены яркими флагами Конфедерации, кантонов и коммун. Гремят оркестры, под бравурную музыку веселятся все от мала до велика. Интересно взглянуть на выставки старинного виноградарского инвентаря.

Повсюду в стране устраиваются «швинген» — борцовские состязания. Натянув подобие коротких штанов из холстины, дюжие парни хватают друг друга за пояс и стараются внезапным рывком сбить противника с ног и уложить на лопатки. А рядом музыкант в расшитой цветами черной ермолке и швейцарском национальном костюме извлекает длинные мелодичные ноты из столь же длинного альпийского рога. Иодлеры поют фальцетом свои альпийские песенки. Зрители с интересом следят за тем, как особенно ловкие бросают высоко в небо красные с белым крестом флаги Конфедерации и ловят их на лету. Гремят аплодисменты.

В индустрии туризма далеко не последняя роль принадлежит историческим памятникам. Порой они умело «создаются». На широкую ногу поставлена их реютама с помощью самой различной печатной продукции.

У какого заезжего путешественника не дрогнет сердце, когда, проезжая по северному берегу Женевского озера, он увидит Шильон-



Старый замок на берегу Женевского озера, получивший всесветную известность благодаря поэме Байрона «Шильонский узник»

ский замок? Замок в отличном состоянии и всегда готов принять посетителей. В его подземелье, где томился воспетый великим английским поэтом узник, начертано имя Байрона. Уж не сам ли он трудился для этого с зубилом над каменной колонной? Швейцарцы не подтвердят, но и не опровергнут такой догадки. Заинтриговать иностранца—это ли не лучшая реклама?

Есть в Швейцарии и горная тропа, ведущая в опасное ущелье, где установлена доска с надписью, что здесь погиб Шерлок Холмс — литературный герой Конан Дойля. Как известно, английский писатель вынужден был оживить Холмса и продолжить его приключения. Но доска тем не менее привлекает внимание. И это тоже работает на рекламу. Сам Конан Дойль, очарованный природой Швейцарии, подолгу жил здесь в приобретенном им небольшом замке. В замке сейчас музей и «бюро» Шерлока Холмса с его «личными» вещами.

В женевском кафе «Ландольт», куда в дни эмиграции часто навещался Владимир Ильич Ленин, чтобы за чашкой кофе обсудить со своими соратниками злободневные вопросы, по сей день показывают старый столик с вырезанным на нем именем вождя Октября. Да простится хозяевам кафе их рекламная уловка, общее есть общее. И все же нельзя не отдать дани прекрасной организации туризма. Может быть, уместно вспомнить, что В. И. Ленин назвал Швейцарию «архиорганизованной страной», и в его устах эти слова не звучат осуждающе.

Швейцарцы свято берегут старые центральные кварталы городов с неперменной часовой башней над ратушей, городские фонтанчики

со скульптурными фигурками, каменные колоды на улицах, из которых пили лошади и коровы. Коммуны создают музеи старины, вкладывая в это немалые средства и извлекая еще большие доходы. Чего стоит, например, всегда переполненный музей старинной механической музыки в крохотном Оберсоне! Такой музей не зазорно иметь в любом большом городе, даже столице. Чтобы завлечь проезжих туристов в свое кафе или ресторан, хозяин выставляет на общее обозрение старинные виноградные прессы, страшные маски или чудища, вырезанные из перепутанных корней виноградных лоз. Все это дает свои результаты.

Основными центрами развития современного туризма в Швейцарии стали отсталые в недавнем прошлом южные кантоны — упоминавшийся уже Валлис, Граубюнден и Тессин. Здесь особенно красивы горы, долины, озера. К прославленным курортам и горным станциям вроде Давоса, Сен-Мориса, Лугано, Церматта и Монтаны здесь в последнее время прибавились новые — Вербье, Нендаз, Шандолен, где можно покататься на горных и равнинных лыжах, коньках, на санях, заняться другими видами спорта, принять участие в различного рода развлечениях.

Гостиницы растут как грибы в самых, казалось бы, недоступных местах, куда, однако, забредают туристы. В Швейцарии сейчас около восьми тысяч гостиниц с доброй четвертью миллиона коек. А кроме гостиниц работают бесчисленные «циммеры» или «шамбры» — сдаваемые внаем комнаты в частных домах.

Ну, а что же природа? Как она реагирует на столь безудержный поток туристов?

На севере Швейцарии природа давно уже подвергается воздействию со стороны развитой здесь, тяжелой и машиностроительной промышленности. В районе Цюриха — Бадена — Шаффхаузена — Винтертура выплавляются многие сотни тысяч тонн стали из импортной руды. Каждый третий дизель на флотах капиталистического мира спроектирован и построен швейцарцами. Природа особенно сильно страдает в районе Базеля, где работает много больших химических предприятий. То же самое наблюдается и на юге, Рона катит к Женевскому озеру воды, загрязненные стоками трех алюминиевых заводов в Валлисе; в эту же реку попадают многие другие промышленные стоки, воды из соляных копей, с карьеров и окрестных полей, щедро удобряемых химикалиями.

Немалую угрозу природе Швейцарии создает быстро развивающийся автомобилизм. В одной только маленькой Женеве автомобилей более 150 тысяч. По всей стране курсирует свыше двух миллионов «своих» легковых и грузовых автомашин. Но к этому надо добавить десятки миллионов «чужих» автомобилей, принадлежащих иностранцам, подавляющее большинство которых составляют туристы.

По всей стране ширится сеть первоклассных шоссеиных дорог. Современные автомагистрали — несомненное благо, важное условие дальнейшего экономического развития Швейцарии. Но вместе с тем это тысячи гектаров бетона и асфальта! Трава по обочинам доро* пропитана содержащими свинец выхлопами остатков высокооктанового бензина. И еще: дороги в Швейцарии — это место массовой гибели зверей. Под колеса машин ежегодно попадают тысячи собак, кошек, ежей и белок.



Форкла— типичная деревня в кантоне Валлис

С развитием дорожной сети в строй вступают все новые и новые высокогорные перевалы, мосты, эстакады, тоннели, подъезды к горным станциям. Под них каждый год отводятся новые тысячи гектаров земли. А по сторонам дорог быстро вырастают загородные дома — в стране их сейчас около ста пятидесяти тысяч. От горных дорог отходят туристские пешеходные тропинки, все гуще оплетающие соседние леса и горные луга.

Жители больших городов — Цюриха, Базеля, Берна, Женевы — днем и ночью вынуждены мириться с шумом моторов, скрипом тормозов. Перед главным женеvским мостом Пон-де-Монблан в часы пик скапливаются сотни автомобилей, выбрасывая облака бензинового смрада. Машины всех стран и континентов загромождают улицы и стоят даже на тротуарах.

Жители северных кварталов Женевы испытывают большие неприятности от близости международного аэропорта Квантран, который ежегодно принимает и отправляет до пяти-шести миллионов пассажиров. Летом при огромном наплыве туристов самолеты прибывают сюда один за другим. Оглушительный рев турбин не дает покоя. Местные жители жалуются на головные боли, бессонницу, ослабление памяти и другие патологические симптомы.

Занимая площадь в пятьдесят восемь тысяч гектаров, Женевское озеро большой дугой растянулось на семьдесят два километра между заснеженными Альпами и зелеными предгорьями Юры. Красиво оно — величайшее озеро Западной Европы! Но в него безостановочно поступают не только загрязненные стоками воды Роны, но и

ядовитые отходы швейцарских и французских прибрежных предприятий. Глубинные воды озера практически безжизненны. Но впереди возможны еще большие беды.

В 1977 году на улицах Женевы, Лозанны, Веве и Монтрё были расклеены призывы спасти Женевское озеро, не допустить прокладки по его дну газопровода с северо-востока. Федеральное правительство решилось на этот рискованный шаг, чтобы избежать громадных расходов по откупу прибрежных участков озера, сплошь занятых населенными пунктами, набережными и частными виллами. Известный французский ученый и путешественник Ален Бомбар, автор книги «За бортом по своей воле», писал: «Нельзя же исходить из соображений одной лишь выгоды! Вы навсегда погубите ваше прекрасное озеро. Смертоносный газ, проникая в воду через мельчайшие трещины в трубах, будет растворяться в ней и убьет жизнь, еще теплящуюся в верхних слоях озера. Опомнитесь!» Но когда Бомбар писал эти строки, уже работал понтон, с которого укладывали на дно озера газопровод.

Швейцарские и французские власти, впрочем, принимают некоторые меры защиты Женевского озера. Проекты новых построек на его берегу утверждают лишь тогда, когда есть соответствующие устройства для очистки сточных вод. Их сейчас возводят повсюду, не жалея средств. Жестко ограничивается количество моторных судов, и всемерно поощряется парусный спорт. Инженеры разрабатывают планы искусственного насыщения вод озера кислородом с помощью дырчатой трубы, которая будет проложена поперек него.

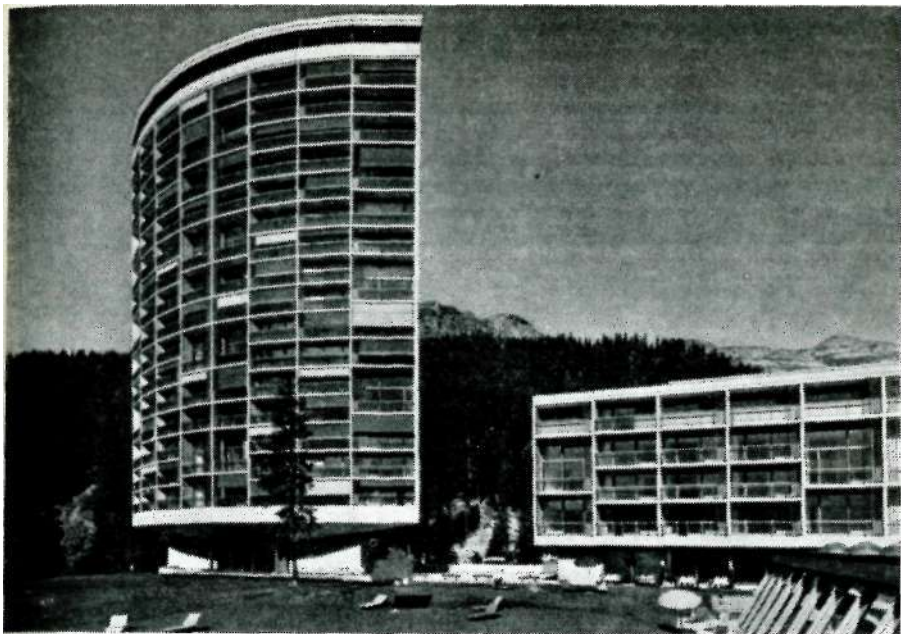
Но купаться в Женевском озере рискованно, пить воду из него нельзя. Рыбаки жалуются, что рыбы в нем становится все меньше. Не лучше обстоит дело и с другими озерами Швейцарии.

Борьба за сохранение природной среды становится общей заботой, общегосударственным делом, важным фактором политической жизни. На выборах в местные и кантональные органы власти, в правительственные органы больше шансов быть избранным имеет тот кандидат, который ратует за сохранение родной природы.

В лесах и горах туристы оставляют множество мусора, и сельское население дружно выходит очищать от него чащи, поля и луга, дороги и тропинки. Власти сельских коммун зорко наблюдают за лесными угодами. И по мере того как возрастает число посетителей леса, скажем Коли-Босси возле Женевы, расширяется в нем и сеть асфальтированных пешеходных дорожек, растет число автомобильных стоянок на опушке. Туристы редко сходят с удобных дорожек—зачем? Многие посещают лес лишь в грибной сезон и в период созревания малины и земляники.

Пропагандой защиты природы в Швейцарии занимаются многие общественные организации. Это важный раздел и школьных программ. По радио и телевидению нередко выступают на такую тему видные ученые и специалисты.

О том, как влияет туризм на природную среду, можно судить хотя бы по боковой долине Валь-д'Илье в Нижнем Валлисе. За одиннадцать лет работы в Европейском отделении ООН в Женеве я был там неоднократно. Каких-нибудь десять-пятнадцать лет назад, въезжая в Валь-д'Илье, турист видел по обе стороны дороги заросшие горным лесом крутые склоны и шумный поток, берущий



Многоэтажная гостиница на горном склоне в Монгана-Кран

начало далеко в глубине долины, где синеют величественные горные пики. В поднебесной выси паслись стада.

Деревня Шампери—«столица» долины — издавна была исходным пунктом, откуда скалолазы отправлялись в окрестные горы. В долине было несколько гостиниц, лесопилка. На орнитологической станции велись наблюдения за птицами, летевшими по коридору между мощными горными образованиями, над которыми главенствует заснеженный массив Дан-дю-Миди.

Гуляя по единственной узкой улице Шампери, заезжий гость видел трех- и четырехэтажные шале — деревянные дома с узкими окнами, заставленными горшками с алой геранью, уютные кафе, магазины и киоски с туристским снаряжением, сувенирами, яркими почтовыми открытками, шоколадом и свежими булочками. А на южной окраине Шампери тянулись животноводческие постройки, поставленные на круглые каменные плиты для защиты от грызунов. Многие швейцарцы-горожане и иностранцы покупали в Валь-д'Илье коровники и сараи для переделки в летние дачи. Цены на них и на землю в ту пору были низкими.

В долине царили мир и тишина, нарушаемые лишь звоном колокольчиков пасущихся стад. Весной жители угоняли коров на высокогорные луга — альпажи, где животных ждала свежая, сочная трава. А осенью в присутствии юре крестьяне делили накопленные за лето на альпажах сыр и масло.

Однако в 70-х годах в Валь-д'Илье произошли большие перемены. Долина вдруг стала многолюдной и шумной. В нее зачастили гости.



Вербье. В считанные годы эта скромная деревенька в Валлисе стала всемирно известным центром горнолыжного спорта

которые теперь без помех добирались до Шампери по расширенному и благоустроенному шоссе. В долине стало больше гостиниц и «шамбр», открыли пансионат для персонала Европейского отделения ООН в Женеве. Число канатных подъемников возросло до тринадцати. А самое главное — здесь возник большой спортивно-туристский центр.

Произошла история, типичная для Швейцарии. Валь-д'Илье явно отставала в своем развитии от других боковых долин Валлиса. Например, в крохотной деревушке Вербье в соседней долине Валь-де-Бань в считанные годы возникла всемирно известная горная станция, куда зимой приезжают кататься на лыжах тысячи иностранцев. У жителей коммуны Вербье появились солидные доходы.

«А мы что — хуже? — спрашивали себя жители Валь-д'Илье. — Или, может, у нас не так красива долина? Или нет места для катаний на лыжах?» Между тем иные жители Валь-д'Илье заколачивали свои шале и спускались в Нижний Валлис. Там можно было найти работу на современном предприятии.

Чтобы выйти из затруднительного экономического положения, решено было привлечь в долину туристов с их тугими кошельками. Возникла идея строительства спортивно-туристского центра в Шампери. Конечно, это было связано с определенным риском. Требовалось пригласить проектировщиков и архитекторов, заключить контракт со строителями, заранее наладить рекламу. На все это нужны были деньги. Значит, придется обращаться за ссудой в банк. Но самое трудное заключалось в том, чтобы уговорить консервативно

настроенных стариков, имевших большое влияние в коммуне. Разгорелись страсти. «Тратить деньги коммуны на сомнительное предприятие?—шумели консерваторы на собраниях в мэрии.— Не допустим!» Им отвечали: «Но тогда туристы будут проезжать мимо Валь-д'Илье и заворачивать к соседям!» Такие аргументы в конце концов сделали свое дело.

Спортивно-туристский комплекс Шампери построен по последнему слову техники, с учетом всех современных требований. Он хорошо «вписан» в окрестный пейзаж, и сверху, с дороги, виднеются лишь его крыши, напоминающие кровли местных построек.

В просторном бассейне центра с приятными голубыми стенками и дном всегда полно любителей плавания. Через широкие витражи открывается великолепный вид на долину. Здесь можно хорошо отдохнуть, удобно расположившись в шезлонгах.

Центр располагает двумя площадками с искусственным льдом — для хоккеистов и фигуристов. Немало здесь разных аттракционов и игр, боулинг. В барах и уютных помещениях для отдыха можно посидеть, почитать или потолковать с друзьями, любясь окрестным пейзажем. Не забыли проектировщики и о тех, кто не хочет или не может останавливаться в гостинице центра, предпочитая спать в палатке или в собственном «караване» — прицепном домике на колесах. Для них сооружен кемпинг.

Но главное в Валь-д'Илье — это новые канатные подъемники. Три из них — с удобными кабинами — поднимают лыжников на соседнее высокое плоскогорье, где долго лежит чистый, искрящийся на солнце снег. От верхней конечной станции их развезят по пригоркам телесьежи — небольшие подъемники со свисающими штангами. Поймав штангу и держась за нее, лыжник «своим ходом» медленно едет вверх по заранее проложенной лыжне, затем выпускает штангу и устремляется на лыжах вниз по склону. Через некоторое время вся операция повторяется, и так не единожды за день. У многих висят на цепочках на груди абонементы на пользование телесьежем — это дешево и удобно. А на залитых солнцем верхних склонах долины к услугам лыжников гостеприимные бары и рестораны, где в любое время можно отдохнуть, поесть, выпить кофе.

К вечеру весь этот пестрый беспокойный люд спускается вниз — в гостиницы, обержи и «шамбры» в Шампери и соседних деревнях. Большинство оказывается в центре, где можно поплавать в бассейне, встретиться с друзьями. Вот почему вдруг стала столь многолюдной долина Валь-д'Илье.

Богатые швейцарцы, как и состоятельные жители соседних стран, предпочитают приурочивать отпуск к зиме, чтобы покататься на лыжах. Лето теперь отводится для поездок в Грецию или Испанию, на Канарские острова, словом, туда, где есть море. В результате для зимнего туризма в Швейцарии сложились благоприятные условия. Произошел некий качественный скачок. Примером комплексного развития туризма может служить горный курорт Монтана-Кран в Среднем Валлисе.

В Монтану и без того ежегодно зимой и летом тысячами Наезжали лыжники, любители дальних прогулок в горах, плавания, Игры в гольф. С этого естественного «бельведера», постоянно залитого солнечным светом, открывается замечательный вид на всю Долину Валлиса, на боковую долину Валь-д'Анниве с ее заснежен-



«Дом рыцарей». Богатые купцы старого Шафхаузена не скупились, украшая великолепными фресками свои дома



Так грюйерские пастухи доставляли сыр в деревни с альпажей—высокогорных лугов

ными гигантами Вейсхорном и Цинальротхорном. Но сравнительно недавно в Монтане начались широкие строительные работы. Вели их мощные международные компании, куда более богатые, чем скромная коммуна Шампери. По соседству с поселком Кран с его новенькими веселыми шале на «бельведере» выросло несколько больших гостиниц с комфортабельными номерами, ресторанами, бассейнами, обзорными площадками и отличными подъездными путями. Вблизи этих «туристских небоскребов» построена канатная дорога, доставляющая лыжников на соседнее высокое плоскогорье. В помещениях нижней станции есть буквально все, что может потребоваться туристу: отделение банка, пункт проката спортивного инвентаря, ресторан, продовольственный магазин, парикмахерская. Рядом гаражи, мастерские и большая автостоянка.

Утром со всех концов Монтаны-Кран к подъемнику спешат тысячи людей, чтобы вознестись в поднебесье и, вдыхая пьяняще свежий воздух, кататься на лыжах среди чистейших снегов.

В Монтане-Кран можно снять номер за наличные или в рассрочку в многоэтажных шале на три месяца или полгода. А можно и купить такой номер в полную собственность. В то время, когда он будет пустовать, его сдадут туристам. Об этом позаботится «рижй» — своего рода жилищно-эксплуатационная контора. Таких комплексных горно-спортивных станций в Швейцарии становится все больше. Они приносят компаниям громадные барыши.

Туризм во всем мире быстро развивается, захватывая в свою орбиту все больше и больше людей. Попытаться приостановить этот процесс бессмысленно. Тем не менее в Швейцарии, как и в других альпийских странах, многие выступают против чрезмерного его развития. И на то есть веские причины.

Наивно было бы закрывать глаза на негативные стороны массового туризма. Он наносит окружающей среде в Альпах громадный, порой непоправимый ущерб. Природа, подвергаясь «окультуриванию», теряет всю свою прелесть и свежесть. Пустуют крестьянские хозяйства, скотные дворы и сенники. А над уцелевшими беспрерывно плывут в воздухе кабины подъемников, невероятно усложняя трудовую жизнь. При массовом строительстве новых лыжно-спортивных комплексов и автодорог безвозвратно гибнут тысячи гектаров лесных и горно-луговых угодий. Бульдозеры снимают на склонах пласты песка и глины, нарушая непрочный верхний слой земли, обезображивая пейзажи. Их портят и бесчисленные опоры подъемников на склонах. Просеки в горных лесах для спуска лыжников повышают опасность образования лавин. Мутнеет вода в горных потоках. Гибнут растения, уходят в другие районы звери. Летом на склонах, на альпаях вместо коров толкуются толпы туристов. А зимой при спуске с гор лыжники сдирают там и тут верхние слои земли вместе с замерзшей травой, ускоряя процесс эрозии. Многие в Швейцарии считают, что над Альпами нависла грозная опасность. Хрупкое экологическое равновесие может быть нарушено развитием огромных лыжно-спортивных комплексов в доселе почти необитаемых долинах. Все явственнее в Альпах проступают черты современной жизни, от которых здесь ищут спасения миллионы людей,— шум, многолюдье, удручающе однообразные здания из бетона, транспортные пробки на дорогах, загрязнение окружающей среды.

Будут ли согласованы интересы дальнейшего развития туризма и охраны природных богатств? Этот вопрос имеет для Швейцарии жизненно важное значение.

УВИДЕТЬ МОРЕ...

Новелла



Не знаю до сих пор, ехала ли я этой дорогой на самом деле, или она мне приснилась. Но иногда, особенно на склоне ясного весеннего дня, меня подстерегает это видение: охваченный предзакатным солнцем разворот гладкой мощеной дороги, светлая сочная трава, на которой пасутся пятнистые породистые коровы, а на обочине прямостоящие и все-таки покореженные и обожженные тополя. Позади город, если его еще можно назвать городом. Это груда развалин, остатки домов с зияющими клетками, висящими над провалами этажей, которые, как мне казалось, должны раскачиваться по ночам, как фонари, чтобы освещать эти странные, чудом уцелевшие статуи и памятники классического немецкого прошлого.

— Запомни, это могила Иммануила Канта,— торжественно сказал мне отец, остановившись внутри какого-то готического сооружения со следами страшных проломов в стенах. Я увидела пирамидальное надгробие из черного мрамора с выбитой плитой, которая лежала рядом на жирной, черной земле, кишасей муравьями.

— А что это за растение? — показывая на какую-то мохнатую поросль, пробившуюся кое-где из камней, спросила я, и даже не из любопытства, а скорее из вежливости, чтобы проявить должное внимание к могиле Канта и ко всему, что ее окружало.

— Медвежье ухо,— ответил всезнающий отец и предложил сорвать его мягкий ворсистый листочек на память.

Вот уже много месяцев, а может быть, и лет я жила, сжигаемая одной-единственной страстью — увидеть море. В кухне над столом, на котором моя бабушка вечно что-нибудь стряпала, висела карта Европейской части СССР, и я подолгу рассматривала моря. Черное

было похоже на сердце, Каспийское — на галошу, маленькое Азовское — на лепесток, а Балтийское, обрывавшееся Финским заливом, — даже не известно на что. Бабушка говорила, что Черное море самое красивое, всегда лазурное, нежное и ласковое и только во время шторма бывает черным, за что так и названо, но шторма на нем она никогда не видела или забыла, так как память о Черном море была связана у нее с лучшими воспоминаниями о свадебном путешествии, когда мой дед провез ее мимо Азовского, которое ей не понравилось, потому что было серое и тусклое, как озеро, мимо Каспийского, которое бросало сероватые пенные волны на берег, и, наконец, вывез к Черному, где она даже купалась в длинной батистовой сорочке, поскольку о купальных костюмах тогда еще не имели понятия...

От этой поездки сохранились старые открытки: среди кипарисов и пальм Ново-Афонский монастырь и каменистый берег, омываемый волнами, самыми нежными, самыми теплыми, самыми лазурными. Я тайно от всех рассматривала морские виды и, храня на своем лице невозмутимое равнодушие, как бы невзначай выпрашивала тех, кто видел море, какое оно и виден ли противоположный берег, как, например, у реки. Берегов не видно — получала я всегда один и тот же ответ. Как это, не видно! Такого количества воды я все-таки не могла себе представить даже в весенние дни, когда на Волге наступало половодье и я шла на набережную внешне как бы на прогулку, но на самом деле с тайной надеждой, что вдруг Волга за ночь превратилась в море. Увы! — такого не случалось. Тоска по морю становилась невыносимой, и однажды небрежно, как бы просто так, я сказала своей подруге:

— Вот бы море увидеть...

— Подумаешь, море... Вода и вода... Вот бы на Красной площади побывать...

На Красной площади в Москве я уже была, и мне ничего не оставалось, как покорно и скромно промолчать. Я засыпала и просыпалась с мыслью о море, и меня начал даже преследовать какой-то смутный страх: вдруг я умру, а моря так и не увижу. Вскоре этот страх неожиданно перешел в другое предчувствие: я умру, когда увижу море, умру от восторга, от разрыва сердца, как в старинных романах, когда возлюбленная, пройдя сквозь все муки терпеливого ожидания, умирала от счастья на руках у своего рыцаря.

Вот почему, стоя в послевоенном Калининграде (бывший Кенигсберг) у могилы Канта, я чувствовала себя стреноженным жеребенком или птицей в клетке. Там, всего в нескольких километрах отсюда, было море, нет, не залив, а открытое Балтийское море, та самая его часть, которая не умещалась на той старой, выцветшей карте, висевшей дома над кухонным столом. Но странно, ничто не напоминало о море: ни ветер, Б котором я еще не научилась распознавать запахи водорослей, ни горизонт, за который убежали стрельчатые готические крыши, а вовсе не серебряная полоска моря. Вокруг все напоминало о войне, о смерти, и на земле вместо прекрасных цветных морских камешков валялись осколки от бомб, снарядов и мин. И я опытным взглядом уже сортировала их, так как все свое сознательное детство вместе с другими ребятами собирала и коллекционировала разнокалиберные осколки.

И все-таки мне стоило диких мук держать себя спокойно и с медлительным достоинством дожидаться встречи с морем. Возможно, на моих еще детских устах гуляла та роковая улыбка, которая выдавала меня, все мое существо... Впрочем, я старалась не смотреть никому в глаза: в них можно было прочесть ожидание смерти, ведь за встречу с морем я готова была заплатить жизнью...

Подробности этой встречи моя память сохранила до мельчайших деталей. Мы еще довольно долго ехали, пока, наконец, не попали в чистенький и благообразный, будто и не тронутый войной, городок.

— Вон там море, — небрежно махнул рукой шофер в направлении какой-то полукруглой площади с высокими белыми столбами, на которых были укреплены фонари — крупные молочного цвета шары. Как только машина остановилась и мне на какую-то долю секунд удалось вырваться из-под родительского надзора, я исчезла. Догнать меня было невозможно: я буквально перелетала с тротуара на тротуар, сворачивала в первые попадавшиеся переулки, нимало не заботясь о том, чтобы запоминать дорогу; я мчалась, соблюдая только одно направление взмаха шоферской руки, не оглядываясь назад, ибо прошлого для меня не существовало. Увидеть море и умереть!.. От меня шарахались редкие в те времена прохожие, оголтело лаяли собаки, а я все бежала, бежала и вдруг споткнулась и ударилась плечом о перила, ограждавшие набережную от длинной песчаной косы, за которой начиналось море. Я даже не сразу поверила в это. Оно было не синее и не голубое, как я предполагала, а какое-то золотисто-изумрудное, охваченное сиянием предзакатного солнца. Только на самом горизонте темнела иссиня-серая полоса, за которой — как я ни старалась — ничего не было видно. Чудо! Я была жива, — и передо мной плескалось настоящее море. Переводя дух, на всякий случай ушипнув себя, чтобы еще раз убедиться, что все это мне не снится, я огляделась. Там вдали, на фоне поросшего сосной песчаного мыса, был виден корабль. Он был близко и в то же время далеко, и я решила, что если добегу до этого мыса, то корабль предстанет предо мной во всей своей победоносной красе, и я снова помчалась во весь опор, но, пока бежала, он отдалился, а когда достигла леса, то из-за деревьев его не стало видно вовсе.

— Здесь нельзя играть, — вдруг строго сказал мне появившийся неведь откуда человек в военной форме, — в лесу попадают мины.

— Ну и пусть мины, — подумала я. — Ведь я уже видела море...

КОЖЕОЗЕРСКИЕ БЫЛИ

(Из рассказов об Озерном крае)



Ко всем большим северным озерам ведут ныне налаженные пути сообщения: где сухопутные, где водные, а где и воздушные. А вот к Кожозеру—нет. Причина проста: хотя и обозначен на карте Кожпоселок, никакого поселка там давно не существует.

— Никто там теперь не живет,—говорили нам мужики в Усть-Коже.—Прежде-то монахи жили, потом, после революции, разросся поселок, а в послевоенные годы опустел.

— И никого там нет?

— Как никого? Люди везде живут. Рыбаки от Гослова, геологи. Пастухи совхозный скот пасут. Свято место пусто не бывает.

— Но ведь далеко...

— Коль пойдешь, так и недалеко... До Покровского, считай, четырнадцать верст, оттуда до Половины тридцать одна верста—деревня такая была на половине пути,—ну уж от нее тридцать четыре до самого озера.

— А если по реке подняться?

— Нашу реку знать надо. Это здесь она такая тихая, а повыше—порог на пороге, падуны, да какие! Речка Кожа невелика—сто километров, а спадает на сто метров, ну как горная.

— Так как же быть?

— А по «монастырке». Эта дорога особенная, ее монастырь строил. Прямая как стрела. В большом порядке содержалась. Старики рассказывали, сам игумен дорогу проверял: едет в коляске, ставит перед собой посох; где он подскочит, там останавливался и велел сровнять ухаб. Если б трактора гати не разворотили, и сейчас бы машины проходили. Сей год лето сухое, идти по «монастырке» — одно удовольствие.

— А мешок за спиной?

— Тут уж ничего не поделаешь, все с собой бери: магазина не найдешь. Эх, не повезло вам, ребята, вчера трактор туда ушел...

Не было у меня в жизни пути более трудного, но и более прекрасного.

«Монастырка» представляла собой проложенное через леса и болота вдоль правого берега Кожи дорожное полотно, достаточно широкое, чтобы на нем встарь могли разъехаться встречные телеги. Поначалу шла она песками близко к берегу, и в просветах между деревьями виднелась беспокойная, шумливая река, скачущая на порогах, окатывающая выглаженные диабазовые плиты. Потом дорога пошла в тенистом коридоре мрачного елового сузема, молчаливого, однообразного. Птиц не слышно было. На возвышенных местах — слезавшаяся супесь, на ней недавние следы трактора еле заметны. В низинах мостики и гати разворочены гусеницами, но пешеходу везде дорога.

Мы шли, делая привалы сначала через пятьдесят минут, потом через сорок, тридцать, двадцать, проклиная груз, все более давивший на плечи. И вот, когда, казалось, уже конца не будет пути, внезапно открылся просвет. Мы вышли на поляну. Весело блестела тихим плесом речка, на берегу ее стояла изба, пониже баня, поодаль на берегу три березы. Это и есть Половина.

Был здесь некогда постоялый двор, потом деревенька в несколько домов. Теперь на поляне стоял зарод—стог по-северному, а в единственном сберегаемом доме останавливаются все проходящие.

У Половины впадает в Кожу Костяница—маленькая речка, скорее ручеек. Названа так, очевидно, потому, что все русло усеяно камнями. Каменистая река извивается в лесной глухомани, уходя далеко, в медвежьи дебри.

А сама Кожа здесь тихая. Выше и ниже — пороги, слышен их гул в вечерней тишине, а здесь — спокойная речка с зарослями кувшинок в заводях, с прозрачной студеной водой. Хорошее, уютное место эта Половина. Тишь здесь лесная, полная, успокаивающая. После долгого пути по мрачному лесному коридору с тяжелой ношей так славно на этой поляне, залитой солнцем, и не хочется никуда идти, а посиживать бы все время вот так, слушая стрекот кузнечиков в траве и крик коршунов в голубой выси.

Да и чего еще надо? Вот он — Север, вот она — тишь, глушь; живи и радуйся, охотись, рыбачь... Но озеро зовет. Пожили день, другой — и в путь. Через пять километров — избушка. Ну как здесь не остановиться на денек?

Двинулись дальше ранним утром по росистой свежести, и дорога поначалу была веселой и легкой. Воздух благоухал терпким сосновым настоем, каждый вдох как глоток целебной родниковой влаги. Птицы пересвистывались в чаще, вспархивали рябчики. По обочинам росла черника и брусника. И река постоянно напоминала о себе шумом порогов, а иногда показывалась в просветах деревьев.

Дорога шла то густым лесом, то гарями, то моховыми болотами. Вещевые мешки оттягивали плечи, усталость заставляла малодушно находить предлоги для остановок, но шагалось вторую половину шути веселее — ведь нас ждало озеро.

В последний раз подошла дорога близко к реке там, где отходит к ней галечниковая тропка, отсюда свернула через болото на сосновый



Насыпной перешеек—«дамба»—со зданием бывшей монастырской гостиницы

холм и открылась взору далеко уводящей вдаль прямой просекой. Тут мы вспомнили рассказы о «прямой как стрела» дороге и легендарном посохе игумена.

Правды ради надо сказать, что не везде она идеальной прямизны (да иначе и быть не может), но на отдельных участках действительно до удивления прямая, и труд людей, проложивших эту трассу,—местных крестьян—заслуживает немало уважения.

Долго-долго мы шли по дороге, пока не открылось лесное озеро, одно из трех Кожозер; на моховом его берегу сидел человек в штормовке и удил рыбу.

Как ни глух северный сузем, как ни пустынна заброшенная дорога, а люди везде встречаются, и мы не особенно удивились встрече, и рыбак не удивился.

— Геологи?—догадались мы.

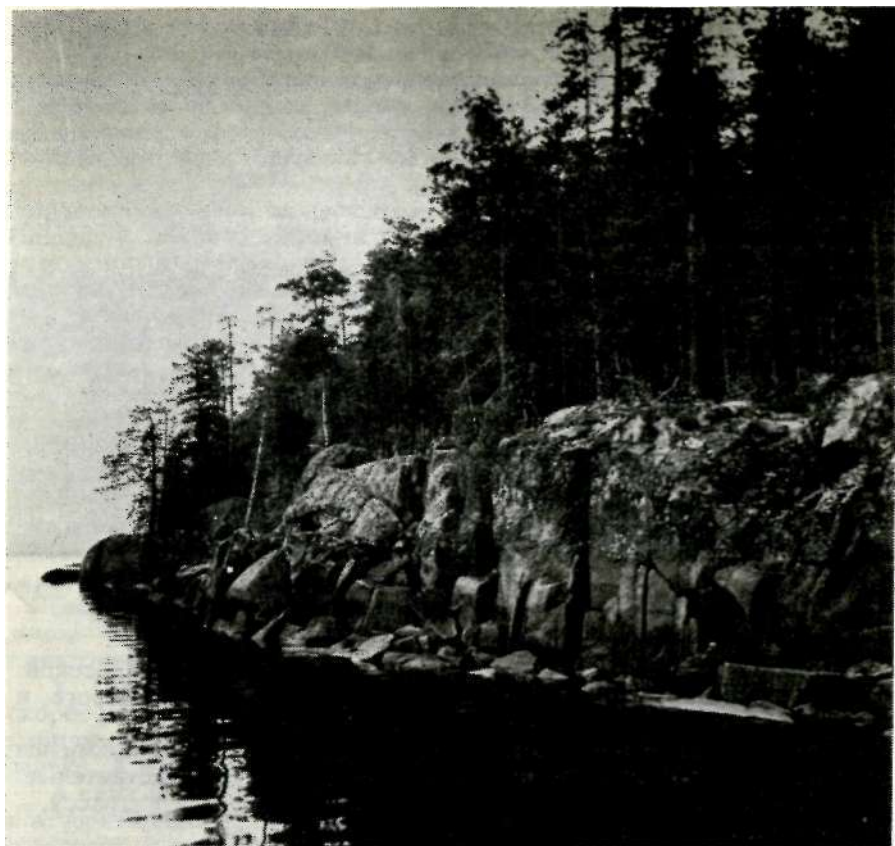
— Теологи,—подтвердил он.— А вы?

Мы объяснили,

— Скоро «гетеэска» придет,— сказал рыбак,— прихватим вас.

ГТС—гусеничный вездеход, ревя, как танк, и, как танк, не разбирая дорог, провез нас последние девять километров. Сквозь заляпанное грязью стекло мы видели лишь мелькание вершин деревьев. Потом стало светлее, вездеход остановился, мотор смолк, мы выбрались из люка, и в звенящей тишине перед нами распахнулась просторная водная гладь—Кожозеро.

Бывает любовь с первого взгляда. Озеро сразу покорило своей необъятной ширью, уводящей взор к сверкающей ртутной полоске,



Скалы Лопского полуострова на Кожозере

где воды сливаются с горизонтом, эпической мощью своих берегов, покрытых вековым, нетронутым лесом...

Большое озеро красиво всюду. С какого берега ни взгляни—открывается по-новому и радует взор. Но бывает и особенное место, как бы некое средоточие всех красот. На Кожозере это Лопский полуостров, к которому выводит лесная дорога. Правильнее назвать его островом, поскольку соединен он насыпным перешейком—дамбой—с материковым берегом. С перешейка открывается вид на возвышенное островное плато и на белые монастырские постройки. С этим местом связана история заселения Кожозера, которой, по письменным источникам, четыре века, а на деле же значительно больше.

В древнейшие времена, до прихода русских поселенцев, населяла здешние земли «чудь белоглазая» и «лопь дикая». Стояло некогда лопское (саамское) поселение и на Кожозере, память о котором сохранилась в названии полуострова. Но в середине XVI века озеро обезлюдело, никто не селился здесь за отдаленностью места и

бездорожьем. Глухие места русского Севера привлекали чающих пустынножизни. Один из таких, монах Нифонт, звериными тропами вдоль реки Кожи достиг озера и поселился здесь. Как и чем он жил в пустынном одиночестве, можно только гадать. Вскоре у него появился со-трудник, мирянин Сергей, которого Нифонт постриг в монахи и нарек Серапионом.

Серапион — человек необычайной судьбы. Он был татарским царевичем Турсасом Ксангаровичем, плененным при взятии Казани войсками Грозного. Его окрестили в Сергия, и жил он некоторое время в Москве у боярина Плещеева, жена которого, татарка, приходилась родственницей Турсасу-Сергию. Почему он ушел из Москвы и искал приюта не в благоустроенном монастыре, а в «далечайшей» пустыни, неизвестно, но обстановка эпохи Грозного наводит на мысль о преследовании.

По некотором умножении братии, как сообщает монастырская хроника, Нифонт отправился в Москву хлопотать об устройении монастырском, но пропал без вести. Его место занял Серапион. Бывший татарский царевич и стал первым строителем Кожеозерской Богоявленной пустыни. Во времена Бориса Годунова монастырь пользовался поддержкой московского правительства и служил местом ссылки. Ссылали на Кожозеро и при Михаиле Федоровиче, и при Алексее Михайловиче.

Каков был первоначальный облик монастыря, трудно сказать. Можно предположить, что здесь стояло несколько рубленых келий и других построек вокруг деревянной Богоявленной церкви на мысу против Лопского полуострова. Место это и ныне угадывается по трем кряжистым соснам и фундаменту сгоревшей церкви.

Песчаный мысок отделял от острова узкий, но глубокий пролив. Очевидно, здесь когда-то существовал деревянный мост на «городнях» — срубках, заложенных камнями, но со временем трудами не одного поколения монахов пролив был засыпан камнем и песком. Озерные волны тоже наносили песок, перешеек расширялся и достиг такой ширины, что позднее на нем возвели двухэтажную монастырскую гостиницу и трапезную для богомольцев. Остров стал полуостровом, как его ныне и называют.

Почему монастырь начал строиться не на острове, понять можно. Берега здесь низкие, песчаные, кругом болота, подходящую землю для полей и пожен можно было сыскать только на острове. Монахи руководствовались давним правилом северного поселенца: беречь каждый клочок плодородной земли. Выжгли и раскорчевали лес в южной части островного плато, распахали поля. На острове было удобно разводить скот: он не разбрелся по окрестностям и не терпел урона от дикого зверя.

Так и стоял небольшой монастырь в стороне от проезжих дорог. Один путь был сюда — шестидесятикилометровая тропа от села Прилуки на Онеге, да и та проезжая лишь в зимнее время...

Озеро всегда было таким же, всегда прекрасным. Оно лежало спящим зеркалом в погожие дни и бушевало в дни ненастные; зимой обращалось в огромное белое пространство, по которому гуляли, завивая поземку, свирепые сивера; долго, до середины мая,

лежало ноздреватой ледовой массой, а в закраинах и полыньях уже гомонила прилетная водоплавающая птица...

Столь же удивителен, как и в давние времена, заповедный Лопский остров-полуостров. К югу ниспадает он мягким земляным склоном, к северу обрывается отвесными скалами — щельями. Мысы его выступают диабазовыми плитами — лудами; береговая кромка, как и везде по озеру, — то окатанные волнами булыжины, плотно пригнанные друг к другу, как на мостовой, то вытянувшиеся мелководные песчаные пляжи. На три четверти покрыт он лесом, где сосновым, где сырым еловым. Что вдоль, что поперек — две версты. Полуостров лежит в северном, Зимнем конце озера, и отсюда открывается во всей своей бескрайности, где-то далеко, в двадцати верстах, южный, Летний конец.

Несколько речек и речонок втекает в Кожозеро. Все они каменисты и порожины. В Летний конец впадает река Тура. По ней проникают в Кожозеро туристы-байдарочники с Ундозера, пройдя часть пути волоком. С запада впадает речка Подломка с притоком Никодимкой. Некогда она называлась Хозяюга и переименована в память пустытника Никодима, тридцать лет прожившего здесь в уединении.

Из Зимнего конца вытекает река Кожа, по которой и названо озеро.

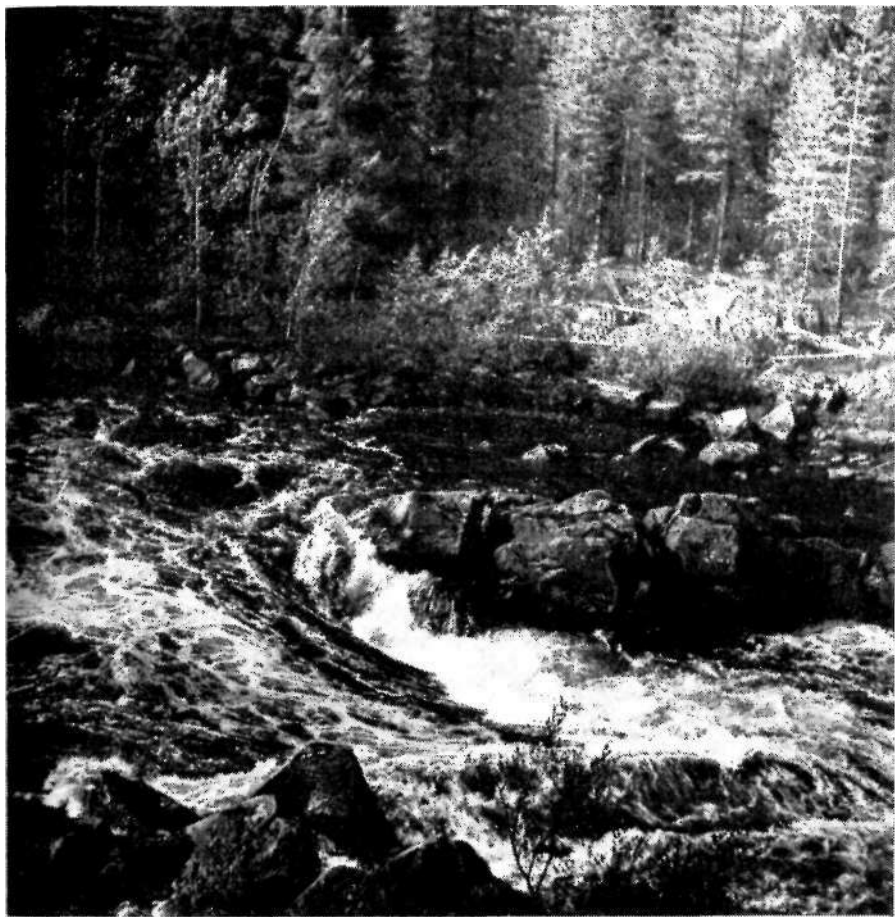
Бурная и порожиная почти на всем протяжении, в истоке, как и в устье, она выглядит вполне мирно и представляет собой широкую водную дорогу среди стоящих в торжественной тиши лесов, а вскоре входит в небольшое лесное озерко с приветливым именем — Доброе. Но за озерком реку уже не назовешь доброй: начинается каменистый Мельничный пережат, за ним порог того же названия — некогда здесь стояла водяная мельница, — и дальше порог на пороге, а потом...

Вы будете плыть, подгоняемые быстрым течением, всматриваясь в кипящие буруны и окатываемые водой камни. Если день ветреный, привыкнув к шуму реки и шуму ветра, можно не обратить внимания на нарастающий равномерный гул: покажется он гулом ветра над северной тайгой, и опомнитесь вы, только вылетев из-за поворота реки и увидев вблизи перегородившую путь белую кипящую массу между выступающих скал. Тогда надо успеть пристать к берегу. Это — Падун.

Падун — каскадный водопад. На протяжении немногим более ста метров вода падает почти на восемь метров. Река здесь срывается с четырех уступов. Скалы, кажется, совсем перекрыли реку, и она с трудом пробила в них протоку не шире десяти метров в самом узком месте, и ревет, и несется с безумной скоростью.

Проходя по тропке правым берегом вдоль Падуна, видишь захватывающую картину: вдруг, наткнувшись на скалы, будто вскричав обиженно от неожиданности, срывается река с первого уступа и бросается в стороны, ища более легкого пути, растекаясь боковыми протоками, но скалистая гряда не пускает в обход, безжалостно рвет речные воды о выступающие глыбы. Вода бунтует, вскипает и белой пеной летит, охая и стеноя, с уступа на уступ и, после того как грохнется с последнего уступа, долго еще кипит и жалуется на нижнем каменистом пережатке...

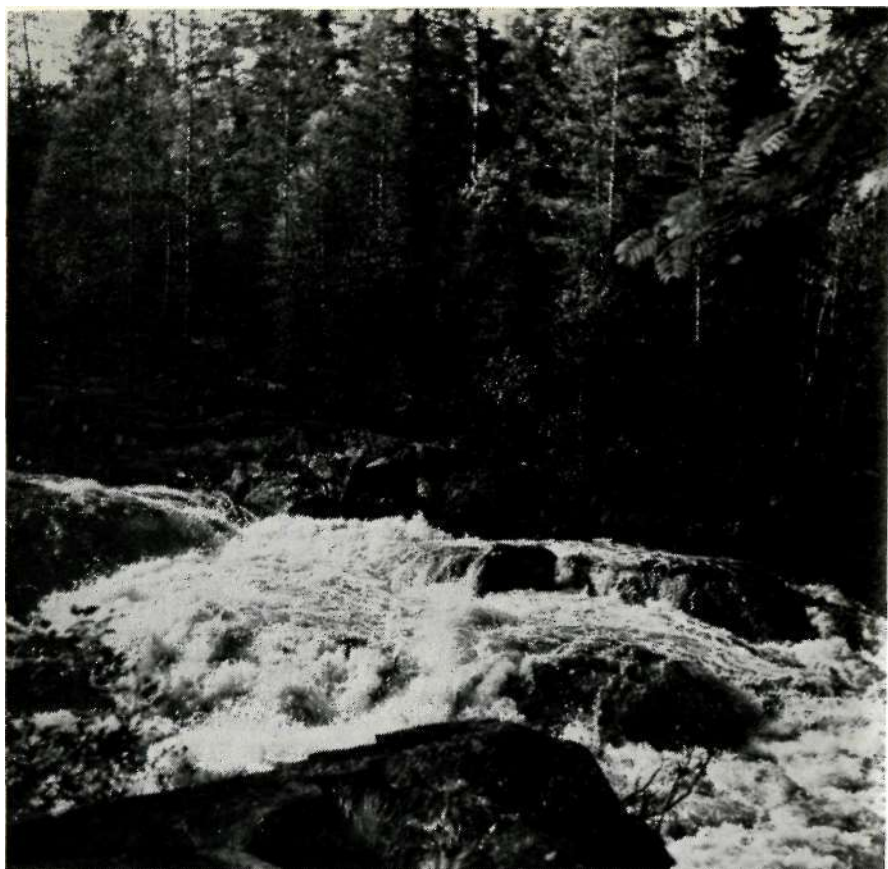
Тропку вдоль Падуна пробили многочисленные туристы, которые несут здесь поверху байдарки. Тут и место для привала. На самой



Водопад Падуи на реке Коже. Река срывается с первого уступа и входит в узость

высокой скале стоит памятник—пирамидка из нержавеющей стали с надписью: «г. Кривой Рог. Цыкалов А. В. 1.XI. 1949—19.IX. 1978. Трагически погиб». Кто говорит: в Падун затянуло, а кто — захотел смелый парень покорить Падун...

Кто ходил по северным рекам, тот знает, как разжигает дерзость опасный порог или падун. Новичка пугает и оглушает даже небольшой порожек. Особенно страшен и зловещ шум реки ночью, когда сидишь у догорающего костра и зябко становится то ли от ночной свежести, то ли от волнения перед предстоящим. А утром и порог не в порог. Падун— иное дело, но, походив возле него час-другой, привыкаешь к нему, неукротенному зверю, к его грозному реву и уже смело ходишь рядом, вскакиваешь на захлестываемые водой камни и не боишься несущегося рядом клокочущего потока, злобно бросающего в тебя холодные всплески. Зверь кажется не столь



Сто с лишним метров с грохотом несется вода в устье, вскипая белой пеной, и свергается с последнего уступа в клокочущую бездну

страшным, и представляется возможным подчинить его своей воле.

Смотрел я на Падун, соображая, где же им, тем смельчаком, допущена роковая ошибка.

Первый каскад хоть и страшен, но, если правильно выбрать струю, взять, скажем, правее, его можно проскочить. А второй уступ невысок, вода сама внесет в устье. Грохот здесь оглушающий, но как раз в этом месте наименее опасно: вода несется прямо, и проскользнешь над третьим уступом. Весь путь занял бы считанные секунды, а в устье—и доли секунды. А впереди, почти рядом, беспокойный, но спасительный плес, и тут—четвертый уступ. Вода здесь обтекает подводные скалы, они видны сквозь ее толщу: две струи сливаются в клокочущую адскую воронку. Она поглощает все, что в нее попадает, затягивает в бездну и не отпускает. Так, наверное, и тот смельчак—пронесся по Падуну, везде помогала ему стремительно летящая вода, а здесь не пролететь, здесь вода кипит и вертится в котле... Говорят, и тела не нашли...

Вид Падуна — жестокого, кипящего, неудержимого — снова возвращает меня к кожеозерской истории. Встает в памяти имя человека, жившего здесь, неподалеку от Падуна... Это Никон, впоследствии ставший русским патриархом. Сюда, на Кожозеро, пришел он с Анзерского острова, самовольно покинув своего строгого учителя Елеазара, и здесь удалился в пустынь. Думается, не случайно избрал Никон для своего жилища место в устье речки Виленги, что впадает чуть выше Падуна. Вид грозной, своенравной стихии был под стать его неукротимому духу. Не раз, наверное, ходил он по сотрясаемым Падуном скалам и смотрел, как клокочет водная бездна, не стихая никогда, не сдаваясь даже грозной силе морозов.

А на далеком Кожозере жизнь текла без особых потрясений.

В XVII веке монастырь переживает расцвет, пользуясь покровительством московских царей. В нем около ста монахов, он имеет свои вотчины в Поморье, рыболовецкие тони и солеварни. Немалый доход приносит и семужный лов в реке Коже, которая вся, от истока до устья, пожалована монастырю царской грамотой. Монастырь ведет строительство в своих вотчинах. В селе Малошуйка на Белом море на его средства возводится деревянный Никольский храм — этот памятник архитектуры сохранился до нашего времени. Сосланные в монастырь — в большинстве люди образованные — способствуют развитию книжно-переписного дела. Создаются и оригинальные произведения. История сохранила имя ссыльного князя Бориса Васильевича Львова, в иночестве Боголепа, одного из малоизвестных писателей XVII века.

В то время Кожезерский монастырь в Поморье уступал лишь Соловецкому и Сийскому. Но удаленное положение монастыря не благоприятствовало его процветанию. Несмотря на немалые вотчинные владения, он жил изолированной хозяйственной жизнью, а это в новое, послепетровское время вело к медленному угасанию. Хозяйство приходило в упадок, монастырь хирел, монахи разбрелись. В 1764 году указом Екатерины II монастырь был упразднен, как и многие другие оскудевшие северные обители, и восстановлен уже в середине XIX века.

В конце прошлого века игуменом монастыря назначили соловецкого иеромонаха Питирима. Это был властный, умный человек. Он занялся подъемом монастырского хозяйства, развернул обширное каменное строительство, занявшее не одно десятилетие. Понимая, что решение всех проблем упирается в бездорожье, Питирим осуществил проведение знаменитой монастырской дороги. Средства на это действительно огромное дело дала продажа лесов, сводимых по трассе дороги. Питирим и стал тем самым легендарным игуменом, который проверял качество дороги, держа перед собой посох. Этот посох можно увидеть в залах Архангельского краеведческого музея.

До сих пор мы говорили об озере, о реке, о Лопском полуострове и его истории, но пока обходили вниманием сохранившиеся монастырские постройки. А они сразу бросаются в глаза, как только ступишь на перешеек, закончив долгий путь по лесной дороге.



Старинный амбар

Издали белые монастырские здания предстают единым ансамблем, отражающимся в озерном зеркале. Каменный монастырь в отличие от прежнего деревянного занял новое место, на краю возвышенного островного плато. Если прежде первенствующую роль играли соображения практические, то теперь на передний план вышли эстетические и престижные: паломников должны были поражать каменные здания, выросшие в дальней дали, в лесной глуши, каких не сыщешь в ближайшем уездном городе да и в самом губернском Архангельске немного. Замысел вполне удался: монастырский ансамбль производит внушительное, торжественное впечатление.

Но вблизи здания, которые давно покинули люди, выглядят уныло. Все они, в том числе два храма, соединенные крытым переходом, невысоки, приземисты, преобладает в них горизонталь, но тем удачнее они вписываются в пейзаж. Настоятельский корпус имеет облик городского жилого дома начала, нашего века — эркер, мансарда, высокие окна. Особняком стоят каменные монастырские ворота с надвратной церковкой. Раскрыты проемы двух арок, нет к ним дороги: все густо заросло травой. Ворота, которые никуда не ведут...

Осматривая здания, замечаешь следы пуль и снарядных осколков. Так далеко в северных дебрях лежит этот монастырь, что не заходили сюда войска и в Смутное время, и, кажется, нечего было делать тут войне. Но война была — гражданская. Нижнее течение

реки Онеги и прилегающая местность до села Чекуева была занята белыми. В Кожеозерском монастыре они расквартировали свой отряд.

Зимой 1919/20 года красные войска перешли в наступление на всех участках Северного фронта. На Онежском его участке был осуществлен дальний рейд с выходом в тыл противника. Хорошо зная Озерный край, красный отряд двигался лесной дорогой на деревню Кривой Пояс, от которой шла тропа на Кожозеро. Красный отряд состоял из северян, привыкших к трудным лесным условиям. Они сумели через снега и болота протаскать пушку и пулеметы. Белые были застигнуты врасплох, но сопротивление оказали яростное. Памятью этого боя и остались следы на стенах зданий да братская могила павших красноармейцев на холме у дороги...

Началась новая страница кожеозерской истории. На месте бывшего монастыря возник Кожпоселок.

— Как вы жили-то здесь? — спрашивал я пастуха Евгения Тимофеевича Таразанова, кожеозерского уроженца, знатока местных преданий.

— Как жили... — неторопливо отвечал он. — Хорошо жили. Был здесь рыболовецкий колхоз. Животноводством занимались. Хлеб сеяли, больше ячмень. Народу много. Клуб у нас был. Все честь-честью.

— Но далеко?

— Чего далеко? Четыре деревни было на озере: Кожпоселок, Хабарово, Гушилово и Летний Конец. Своим «кустом» жили. А ехать надо — дорога налажена. Выедешь, в Половине лошадей накормишь и дальше. За день успевали.

— Почему же сселились отсюда?

— После войны кто не вернулся, кто в город ушел. Людей стало мало, пришлось сселяться.

Сам Таразанов на Кожозеро каждый год пригоняет совхозных телят. Им на Лопском полуострове раздолье, и пастуху с ними хлопот нет.

Ездили мы с ним ловить рыбу на одному ему известные «корги». Время здесь течет иначе, чем в привычной городской жизни, — неспешно, несуетливо; кажется, его так много, что можно всюду успеть, все сделать.

С утра, на заре, иду в лес. За мной увязываются две собаки — Зорька и Тайга. При виде ружья они начинают радостно скакать, и прогнать их невозможно. Пытаюсь ускользнуть от них, уйти украдкой — бесполезно, собаки находят меня по следу. Они молодые, несмышленные, носятся по лесу как угорелые, распугивают дичь на километр.

Возвращаюсь один: собакам надоела моя компания, они убежали Домой. На перешейке дымит летняя кухня — дядя Ваня готовит рыбакам завтрак. Он в белом фартуке и белом колпаке, как заправский повар, да он такой и есть: на самодельной плите готовит кушанья — одно объедение! Говорят, приглашали его в лучший ресторан Архангельска. Не захотел: как, мол, мои рыбачки без меня будут? И те его боготворят, авторитет дяди Вани выше бригадирского. С бригадиром можно поспорить, а тихое слово дяди Вани непререкаемо.

— Доброе утро, дядя Ваня!

Повар наливает мне кружку густого, черного, как деготь, чая, ставит на стол тарелку с оладьями.

— Жаль, сметаны нет... Наши сегодня нельму вынули на восемь килограммов...

Попив чаю и поговорив степенно о погоде, которая нас на удивление балует, иду смотреть рыбацкий улов. В помещении бывшей трапезной оборудован ледник. В алюминиевых ящиках лежат крупные рыбыны — нельмы, сиги, налимы. Их будут укладывать в бочки и засаливать, а потом придет гидросамолет и вывезет в город.

Полюбовавшись огромной рыбиной, возвращаюсь к себе. Живем мы у геологов в единственном сохранившемся от прежнего поселка доме. Хозяин базы Юрий Семенович, как всегда, при деле — пилит, строгают. Между собой мы называем его в шутку последним кожеозерским монахом: живет здесь круглый год, сторожит геологическое имущество и дом. Дел всегда хватает: еще месяц — и холода, а дом старый, надо латать крышу, заделывать пазы, а сколько еще дров заготовить!

После полудня появляется вертолет, заходит на посадку.

— Кажется, Горохов летит, — говорит Юрий Семенович.

Вертолет проходит над нами и садится в поле. Все немногочисленное население Кожозера сбегается к нему. Кто почты ждет, кто письмо хочет отправить, а кто и просто посмотреть на свежих людей. Вертолетчикам время дорого: выгрузка-погрузка — все быстро, винта не выключая, и вот уже ударила по встречавшим взлетная волна и далеко прокатилась по некошенной траве...

У геологов свои дела, у нас свои: надо описать сохранившиеся монастырские постройки, сделать обмеры — для того и добирались сюда. Особенный интерес представляет амбар — единственное сохранившееся деревянное здание из монастырских построек. Это огромный сруб под высокой крышей, по виду типичная «магазья» восемнадцатого века. Отыскали дату на косяке окна — 1715. Но вот стропильная конструкция вызывает споры: не поздняя ли?

Под вечер иду на свою «луду» — каменистый мыс на западном побережье полуострова. Здесь хорошо сидеть на закате под мягкий всплеск затихающих волн. Достоешь записную книжку и не знаешь, что записать, когда так хорошо и полно живется... Рядом лежит удочка, стоит банка с червями. Закидываешь и сидишь до поздних сумерек.

К дому подхожу в загустевшей темноте — в окнах электрический свет от движка.

Пьем долгий геологический чай. Начальник экспедиции прилетел сегодня с дальней буровой. В кожеозерской округе таких партий несколько.

— Юрий Петрович, так что же вы здесь ищите? — интересуемся мы.

— Все ищем. Составляем геофизическую карту района.

— Говорят, и цветные металлы здесь есть?

— И цветные металлы, и много чего другого... Есть легендарные сведения, что в Кожеозере будто бы монахи первое золото в России нашли.

— А вам попадалось?

— В породе попадалось, но в породе много чего попадаетеся, а для промышленных разработок этого недостаточно...

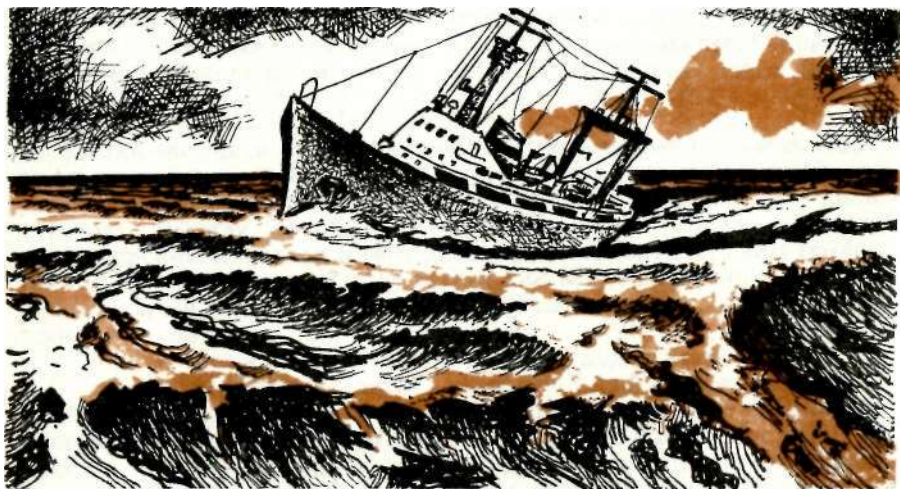
Выхожу под звездное небо к черным молчащим развалинам. Сова летает над монастырским двором. Стоят, сгрудившись, телята. Ночью нежилые здания обладают необъяснимой силой воздействия, кажется, не совсем отлетела от них жизнь, что-то в них таится...

Но молчат здания, безмолвна ночь над озером. Лишь тихо постукивает движок, хорошо так, домовито постукивает, напоминая, что есть здесь люди, что жизнь на Кожозере продолжается.

ВЛАДИМИР ЛЬСОВ

УДАЧНЫЙ РЕЙС

Повесть



I

«Смольный» к отходу готов. Получили продовольствие, снаряжение, назначено время отхода, а куда идем, в какой район — неизвестно. Маленькие хитрости начальства. Если сказать — соберутся группами и начнут обсуждать преимущества и недостатки этого района промысла. А район ведь не ждет.

Траулер перед рейсом прошел основательный ремонт на одном из ленинградских предприятий. Но судно — это такое хозяйство, на котором не всегда и не все бывает благополучно. Вот и наш боцман Гриша Сердюк считает, что дел невпроворот.

— Гриша, — говорят ему, — Регистр принял судно после ремонта или нет?

Гриша молчит.

— Так, может, мы передохнем перед дальней дорогой?

— Тебе плавать со мной, не с Регистром, — говорит Гриша. — Ты это помни и не действуй мне на нервы!

Гриша из матросов. В объединении Ленрыбпром, почитай, со дня его основания. Тогда еще у базы не было больших рыболовных траулеров, плавали на средних. Труд матроса там куда тяжелее, да и бытовые условия не сахар: тесные кубрики, всюду рыба слизь, чешуя. И валяет этот траулер на волне почем зря.

Так что Гриша — бывалый моряк. Психология матроса ему близка. Знает, когда нужно приказать, заставить, а когда и послабление сделать. Сейчас, например, он своему подчиненному друг и брат, поскольку до отхода меньше суток и... четыре с лишним месяца без берега. Но ведь для порядка надо сохранять начальствующий тон.

Ну, а занятие можно найти вполне подходящее: скажем, проверить, в каком состоянии на баке раструбы вентиляции, может, какие винтики проржавели, так заменить...

Вообще-то работать на баке — торчать у начальства на виду. Но сейчас в рубке никого нет: командный состав на берегу, улаживает, утрясает всякие дела. И погода "отличная: солнышко, теплынь. Работа неспешная. Поэтом и рассуждаем о будущем рейсе.

— Чует мое сердце, сторим! — волнуется Гена Орлов. — С этим капитаном много не наловишь.

— План, между прочим, он всегда выполнял. Это, конечно, не «Новочеркасск», но все же можно терпеть...

От капитана зависит многое. Есть суда, куда моряки стремятся всеми правдами и неправдами, в какой бы рейс их ни отправляли, есть и другие, невезучие... Тут важны знания и опыт капитана, его авторитет на берегу.

Наш капитан Рюрик Трофимович Юрков из молодых, но толков. Говорят, ведет планшеты на каждый район, отмечает пути миграции рыбы, точки хороших, средних, посредственных подъемов, точное их время, глубины, условия погоды и разные прочие тонкости, немало говорящие хорошему штурману-рыбаку.

— Да не сгорим, — говорит Саня Венков. — Вишь, Коля Рябов на борту. Коля знает, что к чему.

Коля матрос, но в море бывает редко: его оставляют на берегу, в резерве, там он что-то вроде делопроизводителя. Он уже в годах, фронтовик, прошел с арполком 122-миллиметровых гаубиц от Москвы до Эльбы; конечно, ему трудно тягаться с молодыми.

— Коля, куда ж мы идем-то? Что говорят в ваших кругах?

Коля пожимает плечами, смущенно улыбается:

— Откуда я знаю?

— А чего ж ты пошел в рейс? Кто тебя гнал?

— Сколько можно сидеть в резерве? — объясняет Коля. — Может, это в последний раз... А там уж и захочешь, да не сможешь... Здоровьишко уже не то...

— Ну как дела? — появившись, как всегда, внезапно, интересуется Гриша.

— Да вот... Вроде, все нормально...

— Ну, тогда гуляйте! Старпом разрешил.

И тотчас команду как ветром сдуло: кинулись по каютам переодеваться и — домой, домой! Времени еще достаточно. Посидеть в кругу семьи эти несколько часов — нет ничего дороже для моряка!

На борту остались лишь вахтенные да боцман Гриша, который, похоже, давно попрощался с родными по той причине, что судну нужен глаз да глаз. Присев в затишке, за углом надстройки, он грелся на солнышке, довольно жмурился.

...К назначенному времени весь экипаж собрался в столовой. В президиуме капитан, первый помощник, помощник по производству, стармех; они негромко переговариваются, ждут представителя базового комитета.

Этот энергичный молодой человек быстро, немногословно, толково сообщил, что пойдем брать скумбрию или ставриду, пожелал счастливого пути и уже собрался уходить, но его остановили, засыпали вопросами. Он, вздохнув, прислонил свой портфель к ножке стола и сел.

— Прежде всего, как у «Смольного» с планом? — спросили его.
— С планом порядок, — заверил представитель. — Если и дальше так дело пойдет, вполне можете претендовать на переходящий вымпел базового комитета.

— А если рыбы не будет? Тогда что?

— Задерживать не будем. Ищите! Переходите в другой район.

Вот это уже хорошо. А то, бывает, торчишь на пустом месте, а уходить не велят. И в море, как ни тяжело иной раз, день хорош не тем, что прошел, а тем, что принес.

Как только представитель комитета покинул борт, капитан приказал сниматься и отходить на рейд: нечего больше делать у стенки, подальше от всяческих соблазнов!

Вахтенные отдали швартовы, и траулер потихоньку, осторожно двинулся к середине Морского канала.

На рейде пришлось стоять до утра: в канале не разойтись даже двум крупным судам, а судоходство в это время года, в середине весны, когда Финский залив вскрывается ото льда, особенно интенсивно.

Трудно заснуть в такую ночь. Вот он, огромный город, где-то рядом твой дом, но ты уже с ним расстался, уже далек от него.

2

По Балтике шли спокойно. Погода стояла тихая, теплая, серенькая — совсем ленинградская, а для штурманов Балтийское море как хорошо накатанная, знакомая дорога. Пролив Зунд миновали ночью, так что и Дания, и Швеция остались позади. Но только прошли Зунд, погода испортилась. Правда, это не особенно беспокоило. Когда «прихватывает» на промысле — тут дело серьезное: при волнении в четыре-пять баллов работу не бросишь и за вахту так напляшешься с противнями, коробами в руках, что идешь в каюту, держась за переборки. А на переходе можно все же отсидеться, отлежаться в каюте.

Мы с Володей Журавлевым смотрим по несколько фильмов в день. Такие, как мы, любители экрана уже наизусть выучили некоторые ленты, вслух предваряют реплики актеров. Больше всего нравятся фильмы со стрельбой, с кулачными поединками, с замысловатыми сюжетными ходами.

Ведь жизнь на судне не балует впечатлениями. Конечно, твой сосед по каюте и за рейс не расскажет всего о себе, но тем, что считает важным и интересным, поделится с ходу. Пойти некуда в буквальном смысле слова. И потому, когда возвращаешься домой, в первые дни болят ноги от непривычки к ходьбе, нормальному образу жизни; за день на судне одолеешь две-три сотни метров — только в столовую, в цех или на траповую палубу.

Море, конечно, благотворно влияет на человека. Оно заставляет понять себя, лечит от суеты; оно, спокойное, величавое и бурное, штормовое, приближает к началам, истокам окружающего мира. Но человек — общественное существо, по природе деятелен, предприимчив. Поэтому здесь с удовольствием смотрят эдакие динамичные фильмы, на которые дома, возможно, и силой не затащить.

Итак, мы с Володей «ударяем» по кино. А Коля Семенов, третий обитатель нашей каюты, учится; на судне есть преподаватель

заочной школы моряков, приветливый, очень доброжелательный к своим подопечным. Он принимает зачеты по всем предметам. Коле трудновато: человек взрослый, перерыв в учебе большой, однако тянет: сдал зачет по алгебре, теперь мечтает получить хорошую отметку за сочинение.

Каждый приходит на флот своим путем. Журавлев после школы работал слесарем на машиностроительном заводе. Узнал, что требуются матросы,— с тех пор и рыбак. Доволен. Парень молодой, не устает. Был в южном рейсе. Полгода прошло, а он все еще взахлеб рассказывает о стоянке в Лае-Пальмесе. А Семенов не помышлял о плаваниях. У него отличная специальность — бульдозерист. Но врачи решили, что ему необходимо отдохнуть от нее годика два: сказалось вредное влияние вибрации на организм. И он пошел в море.

...Это море, Северное море, и на этот раз оправдывает свое название. Апрель, весна в разгаре. А над водой висит пелена серой мороси, и небо в клубящихся серых тучах опустилось так низко, что ощущение простора исчезло. На палубе холодно. Ветер пробирает насквозь. В скулу парохода размеренно шлепает крупная зыбь.

Неуютно в такую погоду наверху. А как только придем на место — и не увидишь его, моря, ни днем, ни ночью, ни утром, ни вечером: промысел! И к тому же как-то уже не воспринимаются красоты моря, когда из него черпаешь рыбу и покрыт с ног до головы ее чешуей, слизью, кровью.

Вроде бы выходим из полосы непогоды. Небо все еще хмурое, но сквозь тучи жемчужно просвечивает солнце. Ветер утих, и вода будто загустела — тяжелая, маслянистая, она быстро гасила кильватерную струю.

С шестнадцати ноль-ноль на штурманской вахте старпом Евгений Дмитриевич Абрамов. Стало быть, можно потолкаться на мостике, посмотреть карту, а то и поболтать, если он в духе. Вообще-то, и другие штурманы ничего не имеют против «посторонних» в рубке, но старпом особенно общителен.

— Гебридские острова,— кивнув в сторону левого борта, сказал он.— Иди-ка, студент, спать (он всех подчиненных называет студентами). Начнется молотьба — не до того будет.

По борту высились сизые, синие скалистые горы; их мощные обрывы, уступы, острые пики и массивные округлые вершины внушали прямо-таки благоговение и робость перед этим могучим созданием природы. На уступе утеса, у самого обрыва, торчала белая башенка маяка и рядом два аккуратных домика. Трудно было представить, что на скале жили люди.

— Так как, Евгений Дмитриевич? По-вашему, рейс получится?

Старпом усмехнулся и повторил:

— Иди-ка, студент, спать.

3

— Приготовиться к постановке трала! — скомандовали по трансляции. И добавили: — Кажись, что-то есть...

Все — матросы, машинная команда, состав, те, кто на вахте и кто от нее свободен, — сейчас на палубе, наблюдают, ждут. Шустро, несколько суетливо — еще не втянулись, не сработались — орудут

тральцы. Скользнул по слипу в густую, тяжелую воду ком трала, загудела лебедка, разматывая ваера.

Быть может, придется тащить трал два-три часа. Но никто не уходит. Каким будет первый трал? Первый хороший трал предвещает удачу.

Солнце в утренней дымке, поднимающейся от воды,—тусклое, бледное, на него можно смотреть, не щурясь. Потеплело. Сидя на тюке запасного трала, принайтовленного к бортовому ограждению, покуривая, можно ждать сколь угодно долго. Но лучше бы побыстрее. Если недолго, значит, действительно там что-то есть. А когда трал волокут несколько часов, это плохо, просто экономят время: чего же поднимать пустой трал на борт?

Кто-то, вернувшись из рубки, от штурманов, сообщает: отличные, большие заходы! Правда, эхолот может зафиксировать что угодно—скатов, кальмаров, планктон: он их от рыбы не отличает. Но все-таки...

Нет, уж лучше не верить всем этим сообщениям! Потому что столько бывает обнадеживающих, и все напрасно. Однако легко сказать: не верить! А попробуй не прислушиваться к тому, что говорят вокруг. Говорят много и все об одном:

— Нам бы тресочки, да чтоб для филе годилась...

— Да уж не до хорошего, хоть бы какой ни на есть скумбрии взять!..

Вспоминают прошлые годы, когда рыба словно взбесилась—неделя за неделей, месяц за месяцем шла сомкнутым строем. То были действительно уловы! А теперь?.. Но тут—команда:

— Приготовиться к выборке!

Разговоры враз оборвались, все насторожились, вытянули шеи.

Свет внизу, в цехе,—это видно в сходной люк—померк: дали питание на лебедку. Она пронзительно взывает в напряженном усилии. Ваера, толстые металлические тросы трала, скрипнули, застонали, зазвенели.

...Мокрый слип дымится, парит от трения ваеров. Показались траловые доски—по форме как рыбы чешуйки: выпуклые, округлые. Они как бы распирают горло трала.

Стоп лебедка!

Матрос хватает джильсон—трос с крюком на конце, заброшенный на один из боковых барабанов лебедки,—и бежит к слипу. Теперь, когда показались первые метры сетного полотна, его будут тащить перехватами, попеременно подтягивая то правым, то левым барабаном лебедки.

Посмотреть сейчас на матросов-тральцов со стороны—мечутся как угорелые. Если уж пошла рыба, не зевай! Используй каждую секунду, потому что секунды эти делают рейс. Ведь рыбак не только ловит, но и ищет, причем иногда месяцами.

Джильсон, проскакивая на барабане, стучит, извлекая из массивной, намертво вцементированной в палубу лебедки тонкий, чуть слышный нутряной звон. Этот звон очень волнует присутствующих: лебедка звенит от натуги. Одна рыбешка, запутавшаяся в крупной ячее горловины, другая... А дальше—столько, что рябит в глазах.

Когда из воды показался мешок трала, все разом ахнули: тугая длинная кишка сплошь набита синевато-фиолетовой скумбрией.

Еще мешок не поднят на палубу, еще заводят гаки бортовых

лебедек, а вахта обработчиков уже покатила вниз по трапу, в цех. Теперь только успевай поворачиваться!

...Надо бы подождать минут десять, чтобы рыба заснула, а то она спрыгивает с ленты конвейера, выскакивает из противней. Но где там ждать, когда мастер Юра Матвеев носится по цеху с криками, с воздетыми вверх кулаками.

Витя Ембахов, первый номер на забивке, — парень спокойный, невозмутимый. Его напарник нервничает, не удается ему донести до весов полный противень. Ембахов помогает ему, приговаривая:

— Успеем, не дергайся...

Палуба цеха завалена рыбой. Никто ее не поднимает — некогда. Без привычки на забивке не выдержишь темпа. А привыкать приходится в каждом рейсе: не то что теряются навыки, сноровка — просто необходимо втянуться, войти в другой, более учащенный, чем на берегу, ритм. Но Ембахов ухитряется улучшить минуту-другую, чтобы помочь напарнику. Потому что тут как у альпинистов: средняя скорость та, с которой идет отстающий.

Движения Ембахова расчетливы, выверены. Хватает противень, делает пару шагов к «телеге». (Это нечто вроде металлического стеллажа, в котором зажимаются противни; он передвигается по подвесной дорожке.) Ембахов с маху забивает противень в ячею и тут же делает два шага назад.

Иногда, ухватившись за тавр подвесной дорожки, подтянувшись, он забивает погнувшийся противень ногами: не станешь его выпрямлять сейчас, это потом, когда будет передышка.

«Телега» забита; дверь рефрижераторной камеры, массивная, как в бомбоубежище, откатывается в сторону. Пронзительно, тонко визжит пневмотурбина Гены Орлова. Еще полтонны «заморозки» поехало в камеру.

В другом отсеке цеха, на выбивке, в это время берут рыбу из другой камеры. Из ее растворенной двери вырывается белое морозное облако. Там свист вентиляторов, смерч инея, ледяной крупы. «Телега» подана. Противни намертво вмерзли в ячеи, они от мороза сизые, с перламутровым отливом. Их бросают в ванну с горячей водой, чтобы отстала крышка, срывают ее, ударом об оцинкованный стол выбивают брикет и толкают его в ванну с холодной водой, чтобы образовалась тонкая ледяная корочка, предохраняющая продукцию от окисления, порчи. А там уже брикет подхватывают упаковщики.

Очень это ловкие ребята. Оба, и Степа Никитюк, и Саня Венков, плавают десяток лет, знают дело. Они не дадут тебе спуску даже тогда, когда ты вконец зашился. Так оно и должно быть. А все же иной раз обидно. Но держись на нервах, на самолюбии.

Хватаешь продолговатый короб, набрасываешь шпагатину, двумя движениями делаешь узел, второй веревкой обвязываешь с другого конца. (Связка шпагата висит над головой, разобранная, расчесанная.) Толкнешь короб по желобу в трюм, а по отполированному железу упаковочного стола уже скользит следующий.

Одно неловкое движение — шпагат запутался, порвался и около тебя уже два-три короба. Тогда в минутный промежуток времени, пока отгоняют пустую «телегу», подкатывают новую, кто-то вместо тебя таскает за пневмомашинкой шланг сжатого воздуха, а ты торопишься управиться, и очень у тебя нехорошо на душе, потому

что даже в этот маленький перерыв у каждого свои обязанности.

Но на сей раз вроде заминка от меня не зависит. На чем свет стоит ругается глазировщик: уже несколько брикетов развалились у него в руках на куски. Плохо дело. Зато можно выпрямиться, растереть онемевшую поясницу. Саня Венков уже перемахнул через стол, побежал на забивку. Оттуда навстречу мчится Ембахов.

— Вы, что ж, — бушует Венков, — хоть до четырех-то считать умеете?

— Кто? Мы? Это вы, светлые головы!

Витю Ембахова трудно вывести из себя, но и он накаляется.

Юра Матвеев, рыбмастер, кидается к журналу, листает его лихорадочно. Ничего не сумев понять, бросает журнал и хватается за голову.

А дело все в том, что кто-то на забивке или выбивке перепутал порядок очередности заполнения и разгрузки камер. По журналу рыба, из-за которой и разгорелся сыр-бор, находилась в камере два часа, а по существу она и холода не почувствовала.

Послали за технологом. Помощник капитана по производству Виктор Кузьмич Крутиков — человек солидной комплекции, но прибежал резвой трусцой. Быстро во всем разобрался, и «телегу» с сырой рыбой закатали в камеру, а вместо нее взяли другую. Прерванная работа возобновилась.

Тяжелая работа, что и говорить. Может быть, поэтому матрос из «сорокотов» — так называют на флоте тех, кому около сорока, — держится с особой уверенностью и достоинством. Он уважает себя, потому что знает: не даром ест свой хлеб — работает больше и тяжелее многих других.

Часы на переборке показывают, что до конца вахты час тридцать четыре минуты. От бункера, перекрывая шум транспортера, лязг противней, несутся крики. Вдруг транспортер умолкает, и Гена Орлов, выбежав в проход, сообщает:

— Все, шабаш! Нет больше рыбы!

То есть как нет? Куда же она делась? Что там, на траловой, случилось?

Надо еще подобрать остатки, некогда бежать наверх, а ребятишки у бункера уже освободились, кинулись на траловую. Их долго нет, но вот появляются:

— Все! Нет рыбы! Как отрезало!

Вот те и на!..

Я замаркировал последний короб крест-накрест — знак трюмному, что последний, и выпрямился. Ребята уже собрались в кружок, встревоженно шумят, переругиваются с технологом, который оправдывается, хотя, конечно, не виноват, что бункер пустой. Вероятно, думает: пусть успокоятся-, а меня не убудет. Судно не коммунальная квартира, здесь делают одно общее трудное и важное дело, так что, если и поругаются, все равно остаются друзьями, товарищами. Виктор Кузьмич сам был матросом, консервщиком, рыбмастером, теперь технолог.

И тут в цехе замечают «мотыля», то есть моториста. Он озабоченно что-то высматривает, крутит головой. В руках у него черная табличка — эдакая школьная доска в миниатюре. Найдя на переборке какую-то зацепку, он вешает эту табличку и, отступив, склонив голову набок, оценивает, не криво ли, хорошо ли.



— Мужики! — проникновенно обращается он. — У нас, у машинной команды, к вам просьба! Не сочтите за труд: вот здесь, на левой половинке пишите, сколько дней прошло, а здесь, на правой, — сколько тонн заморозили! А?

Лучше бы ему оставаться в «машине». Вначале исчезает он, а вслед ему летит с любовью сделанная табличка.

— Уже арифметикой занялись! — объясняет свой поступок Венков. — Это ж надо! Как на подвахту выходить — нога за ногу цепляется, а тонны подсчитывать — их дело!

Это только начало. Если пойдет рыба, тут уже точно голова распухнет от их вычислений. Разговоры в столовой о тоннах, расценках, тарифах иной раз прямо-таки выводят из себя. Однако удачу дразнить не следует — это известно! Если берет, надо делать вид, что так оно и должно быть, что тебе безразлично, сколько подняли, каким будет следующий трал. А из «машины» не видно, как рвутся тралы, каково ее, рыбу, сортировать, когда она перемешана с морскими огурцами, скатами, прочей нечистью. Вот они и считают...

Но пока что работа закончена и неизвестно, когда последует продолжение.

На траловой палубе тоже уныние. Валера Азаровский зачищает «бульдозером» (этакой лопатой: черенок, а к нему чуть наискось прибита плашка) «карман» — выгородку над люком бункера.

— Нет в жизни счастья! — говорит он и в сердцах бросает «бульдозер». — Гляди, куда пришли! И рядом-то никого нет! Только вот эти, с удочками...

Действительно, на горизонте два-три судна. А рядом с небольшим мотобота ловят на переметы четверо в ярких, цвета апельсина, роконах. Должно быть, англичане или ирландцы, если судить по названию суденышка: «Sea-gull» — «Чайка». Им-то что, наловят себе на уху и домой!

Один из них, стоя лицом к нам у борта, кусками рыбы наживляет снасть. Покончил с этим, кинул ее за борт и поднял голову. Машет рукой, приветствует. Обернулся к своим, что-то сказал им, те тоже оторвались от работы и тоже салютуют нам. Как на душе ни скверно, надо ответить людям. Привет, привет!

Ну, так что же делать? Видно, ненароком зацепили случайный косячок, а теперь ищи-свищи...

4

Вторую неделю полощем трал; как только услышим гудение траловой лебедки, бежим наверх посмотреть: вдруг в этот раз повезет? Но, видно, удачливых среди нас меньше половины: опять достали «пустыря».

Роба новехонька, как со склада. А ведь перед выходом в рейс нам обещали, что, если будет плохая обстановка на промысле, переменим место, не станет нам берег в этом препятствовать. Что-то не спешат выполнить обещание...

...Сменившись с вахты, я пошел к Юре Назарову, начальнику радиостанции. Вообще-то, кроме капитана, первого помощника и помощника по производству, все остальные в радиорубке — «посторонние» лица, которым вход воспрещен. Но табличка на двери — для самых робких.

О том, что нас ждет впереди, Назаров, конечно, знает больше других. Естественно, в свободную минуту стремишься к нему: как долго еще топтаться на этом пустом месте?

— Не волнуйся, — сказал начальник радиостанции. — Глянь-ка в иллюминатор. Между прочим, бежим в другой район.

А я и не заметил, когда мы снялись. Дизели под ногами гудели ровно, без натуги; взрезанная форштевнем вода, пенистая, шипящая, далеко откатывалась от борта.

Оказалось, капитан давно уже получил «добро» на переход в другой район. Но выжидал, чтобы идти наверняка. Дело в том, что все рыболовные суда в определенное время суток передают через флагмана на берег сведения о том, что поймали, сколько, где, на какой глубине. Юра Назаров регулярно прослушивал все эти радиоразговоры. Долго не удавалось поймать что-либо заслуживающее внимания. Наконец какой-то мурманчанин дал победную сводку. Нам он, конечно, не обрадуется. Но уж пусть не взыщет!

И опять переход. Опять ожидание, прогнозы, надежды, от которых никуда не деться, которые утомляют не меньше, чем работа.

Почти в каждом рейсе пароход охватывает эпидемия какого-нибудь рукоделия. В этот раз режут из гнутых, негодных противней, на которые идет отличная «нержавейка», парусники всевозможных классов и типов.

Зайдешь к кому-нибудь в каюту поболтать — сидят, разложив на

столике инструменты, скребут, паяют, шлифуют. А потом начинают демонстрировать свои суденышки. Тут есть что объяснять, чем хвастать.

...Проснувшись, первым делом суешь голову в иллюминатор: что там по борту, где мы? По-прежнему в открытом море. Пора бы уж показаться Норвегии, но ветер сменился на северный, встречный, и пароход, надо думать, теряет узла полтора-два.

И вот зовут на палубу, к боцману. Поднявшись по трапу, замираешь: словно бы опустили с небес гигантскую сказочной красоты декорацию. Нет, ни один художник не воспроизведет дыхания этих суровых, торжественных и величавых гор и скал.

Вершины их повиты легким туманом, и в этом воздушном венце они как бы чуть-чуть грустят о чем-то.

...Издали скопище траулеров напоминало толчею жуков-водомеров в болотной луже. Трудно было понять, как они умудряются не цеплять друг у друга тралы. Здесь работали мурманчане, рыбаки из Архангельска и ГДР. Немцы, даром что их суда куда меньше нашего БМРТ, спокойно выгребали с тралом против ветра! Удельной мощности наших машин — лошадиные силы по отношению к тоннам водоизмещения — на это не хватало; мы забежали подальше, развернулись по ветру, а уж потом принялись ставить трал.

Трал — штука громоздкая, сложная; он вовсе не похож на большой сачок, как часто представляют. Трал вооружен разнообразными хитрыми приспособлениями. Тут поплавки-кухтыли, донные бобинцы, которые служат и грузилами, и «колесами» трала, траловые доски, «богородица», назначение которой — увеличить плавучесть верхней подборы, пугать, загонять рыбу в трал. Да и просто разобраться, где нижняя, где верхняя подбора, может лишь опытный глаз. Так что без хорошего тралмастера в море делать нечего. А у нас тралмастером Владимир Иванович Кузнецов. Он рыбы переловил столько, что ею, пожалуй, год можно кормить целый город. Но и он нервничает, покрикивает на подчиненных, тральцов. Дело в том, что в этом рейсе решено попробовать новый прибор контроля хода трала. Радионавигатор про этот прибор прожужжал уши всему экипажу. Действительно, ценная штука: записывающие иголки показывают грунт, верхнюю, нижнюю подборы, содержимое трала, обстановку над и под ним.

Матросы крепят приемное устройство к верхней подборе. Тралмастер с сомнением наблюдает за их работой.

— А как оно включается? — спрашивает он.

— А никак! — отвечает радионавигатор. — Само включается, автоматически, на глубине в десять метров.

— Ишь ты, — качает головой тралмастер. — И долго ты думаешь ловить этой штуковиной?

— А хоть бы весь рейс! Если дело пойдет, почему бы и нет? Отличная вещь, у штурманов вся картина перед глазами!

Тралмастер недоволен. Не приходилось ему иметь дело с этим новым изделием. Как бы то ни было, поставили трал. Бросили за борт на параване передаточное устройство, формой своей повторяющее самолет игрушечных размеров. «Самолет» погрузился на глубину, и радионавигатор побежал в рубку следить за самописцем.

Тот вначале вообще не работал. Но навигатор с отверткой в руке

поковырялся в нем, бубня себе что-то под нос, и, кажется, сам удивился, когда бумажная лента вздрогнула и поползла.

— Во! Чего-то, вроде, рисует! — встрепенулся навигатор.

— Где? — Старпом покинул свое место у тумбы телеграфа.

— Вот верхняя подбора, вот нижняя, — объяснял навигатор. — Это, должно быть, дно...

Когда подняли трал, оказалось, что в нем порядочно окушков. Рыба хлынула в бункер. Мелковатый, правда, окушок, но по нашей бедности и такой сойдет.

Эту рыбу можно шерить. На «нож» встает Валера Азаровский. Работа эта весьма опасная: «нож» — вращающийся заточенный диск; хорошо, когда под ногами ровная палуба, а если волнение, если тебя бросает из стороны в сторону? Одно время эту механизацию будто бы запретили, решили обходиться ручными ножами. Но много ли ими сделаешь? И опять установили на судах вращающиеся «ножи».

Валера хватает по рыbine в каждую руку, чиркает ими по кромке диска и, обезглавленными, отбрасывает соседям. И так он это ловко, быстро делает, что не уследишь за мельканием рук — один обеспечивает работой десяток человек.

На руках новые резиновые перчатки, ни разу еще не надетые. А уже прорваны окуневыми плавниками. Вода холодная, соленая, жжет ссадины, царапины.

— Давай, давай! — торопит технолог. — Скоро поставим трал. Немцы, вон, дергают непрерывно. Есть рыба! Есть!

Сообща отшкерили все, что подняли первым тралом, и встали по своим местам на забивке и выбивке. У глазировщика Вити Комарова не сходит с лица страдальческая гримаса: занозил руку; пока шли на выбивку, пытался вытащить занозу зубами, не смог, а теперь уже некогда.

Что значит хороший трал! Ребят не узнать! Куда девались уныние, злость. Работают весело, с подъемом, покрикивают, подбадривают друг друга.

Уже горят ладони: вязать короба в перчатках не так больно, но голыми руками намного ловчее. Вряд ли сегодня придется заснуть. Долго еще, не одну неделю будут у всех болеть руки.

Опять поставили трал.

Кому сейчас трудно, так это Мише Филиппову, трюмному. Когда начинают заполнять трюм, первый ряд кладут у задней его переборки, потому что люковина, выход, — на противоположном конце. Он там сейчас бегом бегаёт с коробами на плече. Да и скользко, настил палубы обледеневаёт. Однако ни разу еще не просил пощады.

Лампы под подволоком потускнели, померкли; утробно взревела над головами лебедка. Опять выбирают трал. А рыбы еще навалом! Может, подвахту дадут? Вряд ли. Пока не завалят и оба «кармана», и бункер, подвахты не будет: у всех свое дело, своя работа. Правда, матрос работает по восемь часов через восемь, машинная команда и комсостав — по четыре часа через восемь — могли бы это принять во внимание... Но что касается продолжительности рабочего дня матросов, тут уж, видно, ничего не придумаешь.

В хорошем рейсе матрос получает неплохо. Однако за эту зарплату выкладываешься без остатка. Наверняка бы не выдержал, если бы такую работу пришлось делать в одиночку. Но ведь рядом ребята, и ты стараешься не подкачать, не испортить общей картины.

Комаров, смотрю, перестал морщиться, привык к своей занозе. Мурманская выучка. В Ленрыбпром он пришел опытным рыбаком, списавшись с судна Мурманского тралового флота.

Смена, те, кому заступать после нас, уже в цехе. Стоят, внимательно, с удовольствием наблюдая за нами; должно быть, интересно посмотреть на свою работу со стороны.

Вот здесь-то и начинается аврал на последнем пределе. Присутствие зрителей возбуждает, прибавляет сил. Чувствуешь себя вроде циркачом, который выделяется замысловатыми трюки.

Смена исчезает в сушилке, а чуть погодя все появляются в клеенчатых фартуках, в резиновых перчатках. Выходит, трал уже подняли? Что там? Есть что-нибудь?

Саня Зотов, трюмный второй бригады, жестом показывает — выше головы!

— Пошла она, родимая, пошла! — говорит он и довольно жмурится, потирает руки.

Все! Аж в глазах туман. Теперь собрать с палубы обрывки шпагата, бумаги, картона — и отдыхать!

Пока ползал по палубе, вторая бригада уже приступила к работе. Бочком, чтобы не помешать Леше Лебедеву, обвязчику, вышел в коридор. Скинуть робу, умыться, пообедать и — спать!

...Едва коснулся головой подушки, провалился в блаженное забытье. Но что-то совсем скоро стало мешать — неприятное, давящее. Очнулся, открыл глаза и понял — ныли, мозжили руки. Сзесил их с койки, вроде полегчало. И сразу опять накатила теплая волна сна и подхватила, качая, баюкая. Но, надо думать, всего несколько минут пробыл в таком неестественном, со спущенными вниз руками, положении. Подтянул их на грудь и проснулся...

Плохо дело. Не выспишься — не потянешь на следующей вахте...

5

Пока не было рыбы, стон стоял: прохарчимся, нечего будет писать в графе «Сумма прописью»... Теперь рыбы много. Так много, что обрабатывать ее едва успевают даже с подвахтой. Штурманы ставят, выбирают трал за тралом... Их тоже можно понять: штурман никогда не может быть уверен, что в следующий раз обойдется без зацепа, трал останется целым.

Много рыбы, идет она днем и ночью. Но радость по этому поводу очень быстро улеглась: устали.

«Мукомолам» — машинистам рыбомучной установки — тоже достаётся. Вообще-то работа у них хоть и пыльная, но сравнительно легкая: отходы попадают в дробилку, потом варятся при температуре сто градусов, отжимаются под прессом и шнековым транспортером подаются в сушилку, затем в мельницу и в мешок. Знай оттаскивай мешки да следи за работой установки. Но когда мукомолка работает беспрерывно да еще попадают акулы, скаты, которые обильно выделяют аммиак, пробыть там даже полчаса непросто. Ребята теряют аппетит, хуеют.

Но на то оно и море, рыбацкое море! Все в порядке вещей. А плохо то, что кончается тара. Непонятно, как это получилось. Видимо, технолог с рыбастерами, принимая тару на берегу, прорсчитались. Но делать нечего. База далеко, некому сдавать

продукцию в обмен на тару. Значит, надо забивать трюм брикетами: не станешь же стоять без дела, дожидаясь базы.

Твиндек кормового трюма часто вообще пустует. Уж слишком там неподручно работать трюмному: высотой твиндек не более полутора метров, и трюмный ползает на карачках. А тут еще брикеты! Это ж двойная работа! Их потом, когда подойдем к базе, возьмем тару, нужно поднимать наверх и упаковывать. Только этого не хватало!

Капитан принял единственно верное решение — продолжать работать как ни в чем не бывало. Но поскольку оно касалось прежде всего меня — Миша Филиппов вывихнул ногу, и мне пришлось заменить его в трюме, — я не слишком-то это приветствовал...

Натянул Мишины телогрейку, шапку, валенки, две пары перчаток, а сверху брезентовые рукавицы и полез на твиндек. Осмотрелся: твиндек чист, выметен, лампы под подволоком поставлены часто, даже в глазах светло. Поднял с палубы железную свайку, брякнул по желобу — подавай!

Ну, тут и начали подавать! Упаковывать брикеты не нужно, поэтому производительность труда сильно возросла.

Брикеты один за другим глухо ударяются в мягкую стенку, сложенную из тряпья. Только успевай хватать их и посылать по бледенелому, скользкому настилу к задней переборке.

Темп растет. Настил твиндека уже наполовину выложен моими брикетами. Они, ударяясь друг о друга, обиваются по граням, один вовсе раскололся надвое. Надо же их сложить в штабеля, а когда? Забарабанил свайкой по желобу.

— Ты чего? — удивились наверху.

— Да так! — рявкнул я. — Скучно стало одному!

Там поняли мое состояние:

— Подождем!

Складывая брикеты в штабеля, я старался сосредоточиться на деле. Стоит подумать о тех, кто наверху, и подымается слепое, яростное раздражение: поди, покуривают, болтают, посмеиваются, а каково мне тут? Но ведь и самому, пока был наверху, не приходило в голову шадить трюмного. Наоборот, из кожи лез вон, чтобы быстрее, больше.

— Давай!

И опять началось! Прошло не больше часа, а я уже запарился, скоро окажусь погребенным под брикетами.

...Как только выбьют очередную пару «телег», лезешь наверх, в тепло. Крышка трюма всегда для тебя открыта, лишь сверху набросаны картонки, чтобы не уходил холод. Пока они отгоняют пустые «телеги», подкатывают новые, успеваешь выкурить папироску. Это время твое, только твое; никто тебя не тронет, не попытается использовать как рабочую силу. Потому что ты — из трюма, где минус двадцать, где за вахту надо перетаскать на себе тонн пятнадцать-двадцать. Они работают, а ты отдыхаешь.

Вот поменяли «телеги», все встали по местам. А ты пока что еще три-четыре секунды принадлежишь себе. Как только глазировщик толклет по железу стола первый брикет, пора подыматься.

Откуда ни возьмись, появился взволнованный Юра Матвеев, рыбмастер.

— Отставить! Загнать «телеги» обратно в камеру!



Что такое? В чем дело?

Оказывается, вот-вот на борту будет мурманский наставник-тралмастер. Сообщил по радиотелефону: мол, для обмена опытом.

— Бегом на шлюпочную палубу! — командует Матвеев. — Не уроните его там! Вот еще навязался на нашу голову...

Мурманский тралмастер не был ни угрюм, ни подозрителен. Ловко взобравшись по штурмтрапу на борт, он поблагодарил нас, поддерживавших трап, улыбнулся и сказал поджидавшему его старпому:

— Здравствуйте! Приветствую вас в наших водах!

На старпома этот средних лет мужчина с простым круглым веселым лицом произвел, должно быть, то же впечатление, что и на нас. Он хмыкнул в ответ, по-приятельски подхватил тралмастера под руку и повел в коридор верхней палубы, где живет комсостав. А мы спустились в цех и, поскольку команды продолжать работу не было, сели в кружок покурить.

Тралмастер, оказывается, прибыл за тем, чтобы посмотреть, как вооружен наш трал: мы давали на берег сводки о своих уловах, мурманчане отставали от нас, и это казалось им странным...

Проводили его и вернулись к своей работе.

— Даешь!

И пошло! Соревнуемся со второй бригадой за право стоять на палубе при подходе к причалу в белой рубашке: кто будет вторым, тот будет швартоваться—такая традиция.

- ...Сколько? — спрашивают сменщики.
- Сорок «телег», — как бы нехотя сообщаем им.
- Ну-у... Вы даете!..

6

Малым ходом, лавируя, чтобы ненароком не зацепить чей-нибудь трал, выбираемся из скопления судов. Нагрузившись под завязку, идем к базе, а наши соперники с однотипного траулера остаются еще минимум на неделю, хотя прибыли на промысел по нашим следам, всего на два дня позже.

Над морем седая дымка. Сейчас море прекрасно. Горбом вырастает из-под винта клокочущая, кипящая волна. На нее смотришь не отрываясь, как завороченный.

В нескольких милях отсюда нас ждут калининградцы, любезно согласившиеся принять груз. Мало того, у них для нас письма. За это мало поклониться в ножки. В рейсе письма от близких, родных — самая большая радость. Поэтому ни один капитан не откажется захватить для кого-либо письма, даже если делать крюк, терять время. Письма — дело святое, как и спасение терпящих бедствие.

— Вниманию членов экипажа! — разносится по судну. — Получено сообщение... — Тут помполит интригующе покашлял, — что на сегодняшний день мы досрочно выполнили по основным показателям полугодовой план! И вышли в лидеры социалистического соревнования! Администрация судна, партийная, профсоюзная, комсомольская организации благодарят всех членов экипажа и желают им хорошего здоровья и бодрости!

Приятно слышать! Весьма приятно! Все же и они там, на берегу, молодцы: только что сообщили о загрузке судна, а они уже успели все обчислить. Это тоже забота о моряке.

Вот она, плавбаза. Ее нетрудно узнать по массивному, приземистому, с эдакими раскидистыми обводами корпусу. База ждет нас — дрейфует, покачивается на зыби. Капитан обходит ее издали, примериваясь, чтобы ошвартоваться в лучшем виде, не ударить в грязь лицом, и идет на сближение.

— Стоп!

И судно по инерции подкатывается к борту базы. Швартуемся мягко, прямо-таки нежно, без малейшего толчка.

Калининградцы выстроились вдоль борта, смотрят на нас с интересом, приветливо.

— Здорово, ребята!

— Здорово!

— Ну, как дела?

— Да ничего, порядок. А вы как?

— А мы после вас идем домой!

— Давай-ка в трюм! — торопит рыбмастер. — Уже все готово, надо перегружаться.

Хорошая это работа. Отдых, а не работа. Во-первых, вахты по четыре часа через восемь. Во-вторых, нас в трюме скопилось столько, что лучше даже работать попеременно, чтобы не толкаться, не мешать друг другу. Да и вообще не такое уж это утомительное занятие для человека, привыкшего к физическому труду, —

перегрузка: хватай короб, беги, бросай; нагрузил сколько-то поддонов — отдыхаешь.

— В трюме! — кричит в проем люка рыбмастер. — Одного наверх!

— Зачем?

— Кому говорят, одного наверх!

Лезу наверх.

— Поможешь начпроду забрать кое-что из продуктов на базе, — сказал рыбмастер. — Ему одному не управиться.

Начпрод уже ждал меня на баке, а боцман Гриша готовил люльку — ее обычно используют для окраски бортов, — чтобы перебросить нас к калининградцам.

Перемахнули на борт базы, у первого встречного моряка спросили, где искать их начпрода. Он объяснил, и мы, лавируя между грудями пустых бочек и ящиков, направились в кормовую надстройку.

Начпрод калининградской базы, мальчик против нашего, тоненький и молодой, кормил печеньем щенка.

— Нет ничего, — сказал он, не ожидая вопросов, просьб. — Идем домой, все уже раздали. Есть бочонок квашеной капусты, это пожалуйста.

Наш начпрод тем не менее достал из кармана список требуемого, разглядел его и как бы между прочим обронил:

— Все же пойдем посмотрим...

Прошли в конец длинного коридора, отперли тяжелую дверь «лавочки» — помещения, где хранятся продукты, разная мелочь из промтоваров, которые команда берет в кредит, включили свет. Наш начпрод перевесился через откидную досочку-прилавок и о чем-то зашептал коллеге.

Я вышел на палубу, на воздух. Перегрузка шла вовсю. У нас на лебедке стоял Валера Азаровский, стропалём — Саня Зотов, а Коля Рябов — учетчиком: отмечал палочками в блокноте переброшенные стропы. Споро работали. Даже мастер залюбовался ими, стоял, наблюдая, сложив на груди руки.

Эти могут! Зотов с Азаровским как-то в южном рейсе вдвоем обслуживали трал. Невозможно себе представить, как они это делали. Тем не менее худо-бедно, а справлялись. Пришлось: на корабле свирепствовал грипп и почти вся команда в лежку лежала. Однако выполнили около семидесяти процентов плана...

Но торчать у них на виду не следовало... Ничегонеделание, хотя бы и вынужденное, раздражает...

В просторном салоне плавбазы тихо играла музыка. Столы были застелены белыми скатертями. Я взял со стола газету и с удовольствием опустился в глубокое, мягкое кресло.

Кто-то тронул меня за плечо. Я обернулся. Надо мной стоял Валентин Иванович Петров, помполит.

— Ты чего здесь делаешь?

— Жду начпрода. Он там, на «лавочке», торгуется со своим коллегой.

— На-ка вот, почитай. Для тебя. Тоже, должно быть, интересно. — И он бросил на стол два письма.

От кого они, я понял сразу и схватил их так цепко, что сгреб заодно и скатерть. Помполит рассмеялся и ушел, оставив меня одного.

Ничего я из них не понял с первого раза. Понял только, что хорошие, и сунул в карман: все равно сейчас ничего не пойму. Я их потом прочту, в каюте, на своей верхней койке, задернувшись шторкой. Долго буду читать, не один раз, откладывая, вспоминая, думая, счастливо переживая. И привезу их домой, эти письма из дому.

...Ну так что же? Начпроды, наверное, уже договорились? Пора идти. Все, отдохнул, будет. Хороший выдался рейс!

ВСТРЕЧА С ТЕРМИТАМИ



Относиться к термитам надо с превеликим почтением: они появились на Земле, когда не только людей, но и динозавров и прочих страшилищ, давным-давно канувших в Лету, и в помине еще не было.

Термитов частенько величают «белыми муравьями», потому что они именно такой окраски, живут большими семьями и строят нечто вроде муравейников. И все же отличить термита от муравья нетрудно: у термита нет и намек на изящную муравьиную талию, а тельце его очень мягкое. А вот и еще принципиальное отличие термитов от муравьев. Вряд ли кто решится сесть на муравейник. А на термитнике можно спокойно сидеть. Правда, у Брема есть строки про некоего араба, заснувшего на крыше термитника и вставшего поутру в чем мать родила: термиты до последней ниточки съели его одежду. Но человека не тронули, хотя, наверное, и не по доброте душевной, а потому, что вегетарианцы. Но оставим беспечного араба и отправимся к термитам, обитающим в нашей стране.

Миновав несколько ашхабадских улиц, экспедиционная машина Института зоологии АН ТССР плавно катила на восток по асфальтированному шоссе. Остались позади пригородные виноградники и бахчи. Справа тянулась цепочка выжженных солнцем предгорий Копетдага, а с другой стороны шоссе, за низкорослыми солянками и прозрачными кустиками верблюжьей колючки, виднелась зеленая поросль камышей по берегам Каракумского канала. В Москве канал представлялся мне широким, голубым и спокойным. А он оказался глубоким и узким. Оно и правильно: в широком канале терялось бы много воды на испарение.

Мы ехали на единственный в Советском Союзе термитный полигон. В кузове расположились я и радушный хозяин—

повелитель термитного царства Курбанмухамед Какалиев. Горячий ветер присыпал пылью горку арбузов и дынь, которые были приобретены на ашхабадском базаре. В другом углу в двух объемистых флягах хлюпала водопроводная вода—едем не куда-нибудь, а к границе Каракумов.

Позади суматошный день: рассмотрение всевозможных материалов, повреждаемых термитами, знакомство с официальными документами и научными публикациями, визит к директору Института зоологии... Пообедать было некогда, и мы, наверстывая упущенное, отламываем изрядные ломти от огромной лепешки. Медленно пережевывая чурек, продолжаем беседу, начатую еще в городе. А в кабине рядом с водителем подкрепляется лепешкой хрупкая женщина—представительница подмосковной организации, чьи материалы семь лет назад были отданы на растерзание термитам. Она едет посмотреть, что же осталось от всяких там пластиков и стеклопластиков.

Машина несколько раз по мосткам переезжает канал, мчится то по одну, то по другую сторону его и через несколько часов круто сворачивает в сторону от асфальтовой ленты—туда, где в пустыне торчит ажурная мачта телевизионного ретранслятора. Неподалеку от нее два серых металлических вагончика—экспедиционное жилье. Поймав мой недоуменный взгляд, Курбанмухамед поясняет: «Конечно, летом в них настоящая душегубка, вот и спим на улице».

После поздней трапезы, организованной по поводу приезда гостей, умаявшиеся хозяева забираются в спальные мешки (климат в пустыне, как известно, резко континентальный, и ночью можно стучать зубами от холода). А мне не терпится потрогать купол подземного жилища «белых муравьев». Это в двух шагах. Высушенные знойными ветрами, обожженные солнцем, невысокие глиняные холмики неимоверно тверды. И когда я стукнул по холмику кулаком, почудилось, будто отозвалось звоном. Пребольно исцарапав руки о верблюжью колючку, растущую рядом, решаю, что утро вечера мудренее...

О том, что было на другой день, рассказ впереди. А сейчас самое время поговорить о том, что мне удалось узнать в ашхабадской лаборатории и роясь в специальной литературе.

Жителям средней полосы, а тем более северянам при слове «термит» обычно приходит на ум не насекомое, а одноименный состав, применяемый для сварки рельсов. При его горении температура подпрыгивает до трех тысяч градусов. Это, разумеется, нечто совсем иное. Начать же рассказ об этих насекомых мне хочется так: да здравствуют термиты!

Подумать только—от них зависит плодородие тропиков! В тропических лесах, где термиты кишмя кишат, они важнейший приводной ремень биологического круговорота вещества. В жарких странах «белые муравьи» выполняют работу дождевых червей—снабжают почву органикой из съеденной и переработанной ими отмершей древесины.

Вот что про них сказано в научной публикации: «Термиты, как почвообитающие насекомые, активно участвуют в повышении плодородия почвы, перемещая ее различные горизонты, обогащают минеральными веществами, азотными соединениями, повышают аэрацию, усиливают окислительные процессы...» В почве каракум-

ских термитников в полтора раза больше гумуса, гораздо больше нитратов и подвижного фосфора, чем на соседнем участке.

В Туркмении термиты в основном питаются засохшими частями растений, верблюжьим или овечьим пометом. Кроме того, в подземелье они возделывают грибы. Конечно, не трюфели и шампиньоны, а всего лишь плесневые грибы, но ведь и они обогащают бесплодные пески органикой, без которой гумуса быть не может. Вот мнение специалиста: «Большой закаспийский термит, обитая в почве равнинной части Туркмении, питаясь в основном растительными остатками, прямым и косвенным путем обогащает почву органическими веществами, улучшает условия роста и развития растений».

Вот ведь что получается: в пустыне, как и без воды, без термитов «и ни туды, и ни сюды!».

В предыдущей цитате речь шла о трудовых буднях большого закаспийского термита, того самого, что строит купола. Но в нашей стране этот вид термитов не единственный — их около десятка. Например, в Туркмении обитают представители четырех видов «белых муравьев»: солидный, в сантиметр длиной, большой закаспийский, чуть поменьше — туркестанский и мелочь — амитермес, микроцеротермес. Последний столь мал, что разглядишь его, пожалуй, лишь под лупой.

В других местах «белых муравьев» меньше, но все же их можно встретить и в Узбекистане, и в Таджикистане, например неподалеку от города Курган-Тюбе. Они изредка попадаются на Дальнем Востоке, на Черноморском побережье Кавказа и даже на юге Украины.

Каковы же нравы этих насекомых?

Весьма импонирует, что у термитов равноправие: рабочие особи — это недоразвившиеся самцы и самки. А ведь у муравьев и пчел работает только женская часть населения. Увы, термиты слепые! И все же готовы взяться за любое дело: строить купол, рыть галереи, искать пропитание, разводить грибы, делать запасы на зиму, нянчить личинок...

Как и муравьи, термиты содержат войско. И здесь хочется их похвалить: термиты не ведут «захватнических» войн. Их армия только для обороны! И хотя у термитов нет «милитаристских» наклонностей, в их армии служат не только мужчины, но и представительницы «слабого пола». Генералов в армии нет — все, как один, солдаты. От рабочих термитов военнотружущие отличаются громадной головой с мощными длинными жвалами. Этой головой солдат закупоривает отверстие, которое он приставлен беречь, и враг (обычно хищный муравей) в полном смысле слова обрушивается ему на голову. Солдаты обоего пола стоят насмерть. И все-таки даже на войне термиты проявляют гуманность. Например, так называемые носатые термиты выбрызгивают из своего длинного носа клейкую жидкость. Не обжигающую, не ядовитую, а смирительную рубашку для агрессора.

В гнезде-государстве большого закаспийского термита проживает примерно двадцать тысяч граждан, солдат из них около двухсот. Иначе говоря, в армии служит лишь один процент населения. Многочисленная армия отягощает любой бюджет, хотя у термитов власть ест лишь тот, кто работает. Остальные пробаваются тем, что уже прошло через кишечник шестиногого рабочего населения.



На холмике термитника лежат разные материалы. По вкусу ли они придутся обитателям подземелья?

Солдаты же при всем желании не могут по-настоящему набить брюхо. Вот что написано в толстой книге: «Солдаты из-за неимоверного развития жвал и слабого развития остальных частей ротового аппарата сами не питаются; их кормят рабочие особи либо выделениями изо рта, либо экскрементами непосредственно из заднепроходного отверстия—в них еще достаточно питательных веществ для солдат».

Зато маленьких детей (личинки всех возрастов—это более половины населения гнезда) рабочие термиты кормят диетическими продуктами, выделениями слюнных желез и разжеванными спорами грибов.

Термиты, как и коровы, не могут сами по себе переварить сухую траву или щепку. В них, как и в коровах, обитают микроорганизмы, вырабатывающие специальный фермент, которому термиты и обязаны столь удивительным пищеварением. Поэтому-то они поедают ветки, палки и деревянные балки. А сами микробы, отмирая, служат для «белых муравьев» отличной белковой добавкой. Но этого мало—в кишечнике термитов нашли и такие бактерии, которых насекомые приютили за то, что те снабжают свою живую обитель усвояемым азотом. И если по-настоящему разбираться, кто обитает в термитнике, надо начинать с симбиотических бактерий, без которых термиты померли бы с голоду.

Правит же государством шестиногих царская чета. Откуда берутся власть имущие? Пожалуй, рассказ о царствующих супругах правильнее всего начать с закладки нового термитника. Вот как это происходит. В апреле и мае, когда Каракумы и предгорья Копетдага еще поливают редкие дожди, происходит лет термитов. В каменных крышах рабочие особи проделывают десятки отверстий. Из них на свет божий вылезают насекомые, снабженные четырьмя длинными

крыльями. С такими длиннющими, словно у планера, крыльями управлять нелегко. Они, вероятно, приспособлены к другой атмосфере, к той, какая была на Земле четверста миллионов лет назад, когда и сформировался термитный народец.

Женихи и невесты, недолго побыв в воздухе, приземляются и резкими, но элегантными движениями обламывают свои крылья. Первый день для новобранцев — сущий кошмар. На беззащитных мягкотелых молодоженов набрасываются птицы, ящерицы, пауки, муравьи, многоножки. Лопают их и собаки, и куры, словом, все, кому не лень; термитов летит столько, что порой вся окрестность покрыта их сброшенными крыльями. Уцелевшие парочки занимают круговую оборону: супруги, прислонившись спина к спине, роют ямку и прячутся в ней от негостеприимного надземного мира. Здесь, в будущем термитнике, самка откладывает первую партию **яиц**. Появившихся деток — личинок — поначалу кормят папа с мамой. Когда потомство подрастет, добывание пищи становится его главным делом, и дети сами начинают кормить отнюдь еще не престарелых родителей.

Перейдя на попечение потомства, папаша и мамаша отдают все свое время приумножению рода. Из яиц сперва получаются только рабочие особи, потом появляются и солдаты. Семья растет как на дрожжах. Папаша и мамаша уже правят большим государством, и именовать их иначе, чем царь и царица, становится просто неловко. Занимая столь ответственные должности, они заботятся и о преемственности власти — у них появляются самые настоящие «замы». Если с царствующей четой что-то стряется, заместители их заменят, и термитник не опустеет. Наконец наступает время, когда надо подумать об основании дочерних государств, — в термитнике появляются крылатые половозрелые особи. Весной и они выйдут на волю.

Быть царицей термитов — тяжелая доля, может, даже потяжелее, чем у рабочих. Никакой великосветской жизни. Она не может отвлечься и пойти погулять: царица каждый день откладывает сотни, тысячи яиц! Прямо-таки поточное производство. Трудясь в поте лица, царица неимоверно толстеет. Брюшко, переполненное яйцами, делает ее беспомощной, она не может двинуться с места. Мускулы конечностей, крыльев и рта атрофируются. И если подданные вдруг перестанут ее кормить, она вскоре окончит свои дни.

Так на чем же основана ее власть? Здесь действует универсальный, но вовсе не царский принцип: я — тебе, ты — мне. Терпеливо несущую яйца царицу кормят рабочие, которые сами то и дело что-то слизывают с царского стола, то бишь с брюха: царица выделяет вещества, регулирующие развитие личинок. Она и без переписи знает демографические нужды своего государства и выделяет те вещества, которые необходимы, чтобы из стольких-то личинок вышли рабочие, из стольких — солдаты, из этих — «замы», а вот из тех — будущие крылатые основатели новых термитников — цари и царицы.

Обязанностей у царствующей особы хоть отбавляй. Ну а что же царь? Будучи прикован обстоятельствами к непрерывному процессу воспроизводства, он, видимо, устает от однообразия. Во всяком случае, когда исследователи докрывали царскую опочивальню, венце-

носец при первой возможности стремглав улепetyвал от своей грузной супруги, прочие же придворные оставались на месте.

Пожалуй, хватит бытовых картин. Пора перейти к результатам деятельности «белых муравьев». И тут надо прямо сказать о том, что хозяйственные интересы людей давно пребывают в острейшем конфликте с потребностями кишечника термитов, чья утроба преспокойно переваривает железнодорожные шпалы, телеграфные столбы, оболочки подземных кабелей, деревянные конструкции зданий, мебель... Не так давно эти шестиногие вегетарианцы проникли в библиотеку Ватикана и съели несколько древнейших фолиантов. В Южной Америке печатные издания редко существуют больше 50 лет: до них так или иначе добираются термиты. Да что там Америка! Если этот выпуск «На суше и на море» предложить обитателям термитного полигона, расположенного возле туркменского поселка Баба-Дурмаз, он исчезнет в считанные дни.

Бывало, что термитам приписывали и чужие грехи. Так, в середине прошлого века некий голландский кассир, служивший на Яве, уверял тамошнего губернатора, будто термиты съели грудку серебра—несколько тысяч гульденов. Губернатор, вероятно, ориентировался в меню термитов и уволил проштрафившегося.

Но хотя звонкую монету термиты обходят стороной, они могут пробиться сквозь свинцовую оболочку подземного кабеля. Конечно, свинцом сыт не будешь—куда привлекательнее простая деревяшка. Однако и от высокосортной полированной древесины термиты тоже в восторге.

Полигон как раз и устроен для того, чтобы получше изучить вкус! «белых муравьев», или, говоря официальным языком, для исследования термитоустойчивости материалов в естественных условиях и для разработки противотермитных мероприятий. Мероприятия эти могут быть разными. О некоторых мы поговорим позднее. А сейчас на очереди отнюдь не шуточная история.

Однажды сверкающее лаком новенькое пианино попало термитам «на зуб». Инструмент они съели, видимо, с большим аппетитом. Как это произошло? Избранный ими способ был чрезвычайно коварен. Сквозь деревянный пол, руководствуясь только ему одному понятными ориентирами, прямо в ножку пианино проложил путь рабочий термит. Отведав вкуснятины, он сообщил своим домашним, что нашел великолепную еду. Начался скрытый бесшумный пир, пока от корпуса пианино не осталась лишь тонюсенькая лаковая корочка. Хозяева инструмента, понятное дело, работу обжор обнаружили тогда, когда уже было поздно.

Но есть и второй способ, к которому прибегают большие закаспийские термиты. Они поедают деревянное изделие с поверхности, стыдливо прикрывая уничтожаемую часть твердой глиняной корочкой, так называемой лепкой. Заметив лепку, можно принять соответствующие меры. Но, так или иначе, термиты глаза человеку не мозолят, обедают только в своей компании.

Чем же кончилась давнишняя история с пианино? Лет десять назад, здесь, на термитном полигоне, был подобран состав для пропитки ножек музыкальных инструментов. И они стали невкусными для «белых муравьев».

Все это я вспомнил утром, когда Курбанмухамед Какалиев, демонстрируя мне крошечного микроцеротермеса, выдернул из зем-

ли, прямо у стенки вагончика, ножку от сломанного стула. Она вся была источена. Ножку бережно воткнули обратно — пусть термиты кушают досыта, они же подопытные...

Утро. Солнце еще не разъярилось, да и ветер не набрал силу. Умываемся в приятной прохладе. Под умывальником корочка соли: вода в местном колодце отнюдь не сладкая. Узнаю, что к каналу командируют машину. Мне не ясно, зачем термитам вода, но я тоже принимаю участие в поездке — заманчиво омыть руки и ноги в самой длинной искусственной реке мира.

Берега крутые, зода мутная и теплая, но все равно так и подмывает искупаться. Однако, не зная броду, не суюсь в воду. Посоветоваться не с кем: лаборанты, воспользовавшись случаем, побежали посмотреть удочки, заброшенные несколько дней назад. К моему удивлению, они притащили небольшого сома и еще какую-то рыбку. Не странно ли, в пустыне — сом?

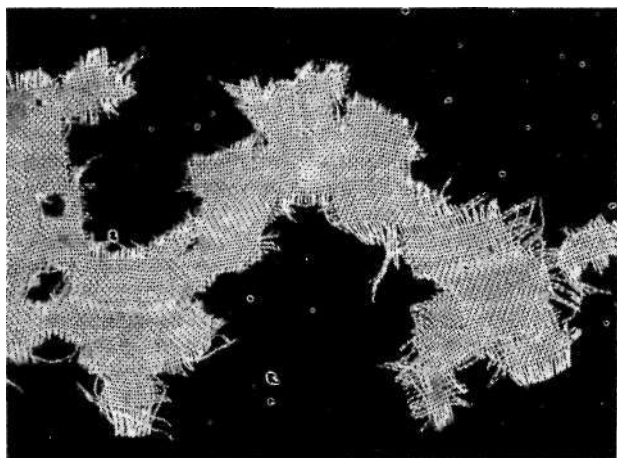
Но весьма удивительно и то, что там, вдали от канала, среди термитных холмиков, расположенных на тридцати гектарах, деловито снуют люди совсем разных специальностей: молоденькая женщина — инженер и солидный мужчина — кандидат биологических наук. На полигоне термитам предлагают попробовать вещи, коих отродясь в пустыне не было: полиэтиленовые и хлорвиниловые трубы, резину, пластмассы, а также древесину и картон, пропитанные жуткими составами. (Кстати, термиты преспокойно уплетают доски, сплошь нашпигованные такими великолепными консервантами против биоповреждений, как бура и четырехпроцентный раствор фтористого натрия.) «Белым муравьям» под силу одолеть то, что в воде не тонет и в огне не горит. Они проели три слоя плотной стеклоткани, чтобы добраться до приманки. И если термиты стеклоткань или свинец, как говорится, жевали да выплевывали, то некоторые химические новинки им явно по вкусу. Например, в журнале «Электронная промышленность» К. Какалиев опубликовал статью, которую могу истолковать только так: от современных пленочных материалов, з какие упаковывают электровакуумные приборы, термитов и за уши не оттащишь.

Пока я размышлял обо всех этих чудесах, машина с флягами пресной воды, набранной в канале, искусно лавируя между глиняными куполами, добралась до нужного места. Курбанмухамед жаждал деятельности. Вскоре я понял, почему у этого загорелого кандидата биологических наук натруженные руки рабочего человека. С утра до вечера он ходил от термитника к термитнику, без устали долбил лопатой каменные купола, доставал образец за образцом (синтетические квадратики, кружки, параллелепипеды) и помечал в блокноте: «Не поврежден», «Поврежден слабо», «Повреждения очень сильные» и пр.

Некоторые из этих разноцветных вещичек успешно противостояли термитному натиску семь лет. И все же они снова были отправлены в чрево термитника: цикл испытаний еще не кончен.

Вдруг при вскрытии очередной крыши из утробы термитника показались не солдаты или рабочие, не крылатые особи, а громадные всамделишные черные муравьи, бегающие с умопомрачительной скоростью. Это враги термитов — хищные фаэтончики. Термитник умирая...

Вода из канала как раз и была нужна для того, чтобы



Чтобы добраться до
деревянного бруса,
завернутого в стек-
лоткань, термиты
превратили ее в лох-
мотья

воспрепятствовать черным муравьям проникнуть под крышу еще процветающих термитных государств. После того как образец осмотрен и положен обратно, лаборанты тщательно собирают осколки глиняной кровли, закладывают их в амбразуру, поливают водой и растирают. Через несколько минут высушенная солнцем корочка станет твердой и не пропустит агрессоров, спасет мягкое белое население от смерти в жвалах фаэтончиков.

А небольшая толика пресной воды, попавшая внутрь, неприятностей не причинит: строители подземелий великолепно регулируют в своем доме не только влажность и температуру, но и газовый состав воздуха. Углекислоты, например, там бывает больше десяти процен-тов.

Мне очень хотелось попросить раскопать поглубже один из холмиков — не терпелось своими глазами увидеть царицу. Но благо-разумие пересилило. Это была бы слишком большая травма для термитника. И ради чего? Увидеть, что царица белая и пышнотелая? И что лежит она не как-нибудь, а всегда головой на восток?

Но можно захिнуть в пробирку тех, кто ошарашен солнцем (как слепые термиты воспринимают свет, пока никому не ведомо), отбился от родного дома и уже не попадет внутрь. Несколько изящных крылатых особей, невзрачных рабочих и отважных солдат я подобрал. Солдаты упрямятся, впиваются в палец, их головы крутятся так, что и сова позавидует. Потом небольшую коллекцию заливаю спиртом. Приметив мой энтомологический интерес, мне тут же преподносят несколько заливочных скорпионов.

Везти куда-либо живых термитов было бы преступлением. Неисчислимые несчастья могут причинить они, удрав, например, в городскую котельную и расплодившись там. Так, в 1931 году термиты невзять как очутились в Днепропетровске. Гнездо их разорили, казалось бы, деля. Но все же через восемь лет оно опять воспрянуло. В Гамбурге, куда случайно завезли термитов, с ними уже почти невозможно сладить. Да и не в одном Гамбурге. Есть сообщения, что с упаковочной тарой термиты попали в Вену и

Бордо. В одном французском городе в прошлом веке эти пришельцы съели архив мэрии, а также приданое некоей девицы, хранившееся в сундуке. Пишут, что в Марселе семья, усевшаяся за праздничный стол, рухнула с третьего этажа на второй, а оттуда — на первый. Расследование показало: виноваты термиты.

В Марселе не бывает сильных землетрясений. Иная обстановка в Ашхабаде. И при страшном землетрясении в октябре 1948 года жертв могло бы быть меньше, если бы тщательно следили за белыми насекомыми, впившимися в деревянные перекрытия домов. Вот строки из монографии знатока туркменских термитов А. Н. Лупповой: «В развалинах старых построек Ашхабада обнаружили ранее скрытые повреждения, показавшие с особенной ясностью, насколько вредными являются здесь эти насекомые и насколько важно их детальное изучение».

Эта монография двадцатилетней давности, но термиты и сейчас не думают отступать. Туркестанские термиты не строят куполов. Недавняя проверка их местожительства в Ашхабаде обнаружила множество гнезд: возле полиграфического комбината и телецентра, возле больницы «Красный крест». В самом центре города термиты обосновались у республиканской Академии наук, около Дворца пионеров... За термитами нужен глаз да глаз: недавно они пообедали деревянными элементами здания республиканского Института сейсмостойкого строительства.

В сельской местности почти любой тамдыр (национальная печь) дал приют «белым муравьям». К тамдыру термиты липнут, словно мухи к меду. Даже зимой в нем тепло и сытно, потому что в глиняных стенках печи много соломы. Да и до другого пропитания рукой подать: возле тамдыра и дрова, и кладовка, и дом. Постепенно термиты превращают стенки тамдыра в густую сеть ходов и камер с запасами корма. Здесь они коротают зиму. А летом переезжают «на дачу» — уходят в землю под печью. Оттуда тянутся подземные ходы к дому, деревянной изгороди и к другим объектам, съедобным с точки зрения термитов.

Заметив «белых муравьев», люди пытались бороться: заливали выходы из подземелья кипятком, керосином или отработанным автолом. Увы! Помогало мало.

В Туркмении срок службы дома, воздвигнутого без надлежащей подготовки территории, без противотермитной пропитки деревянных конструкций, значительно сокращается. Как и что надо делать, ныне подробно изложено и в научных статьях, и в официальных инструкциях. В домах используют растворы хлорофоса или суспензию севина, а на улице — гексахлорбутадиен. Для спасения технической древесины от шестиногих пришельцев пригоден пропиточный раствор из смеси серноокислой меди и бихромата натрия.

Может набрать силу и биологический метод: сейчас проверяют пять бактериальных препаратов, которые вроде бы способны косить термитов направо и налево. Но работы еще непочатый край. И самой разной. Ведь «белые муравьи» могут быть не только врагами, но и помощниками. Не может ли, например, стать естественный клей, коим термиты скрепляют купола, новым материалом для строительства дорог? Не будут ли «белые муравьи» союзниками геологов? В прочных стенах сроих жилищ (а в Индии в покинутом термитнике может спрятаться слон) крошечные землекопы накапливают микро-

элементы из глубоких рудных тел. Кто заранее может сказать, к чему приведут совместные исследования Ашхабадского института зоологии и Ростовского университета микроэлементного состава организма термитов? Выяснено, что магний содержится во всех члениках подземных жителей. А вот олова и молибдена вовсе нет в их голове и брюшке, хотя в других местах организма они присутствуют. Еще интереснее с серебром: оно найдено только в голове и брюшке крылатых особей.

Мать-природа устроила так, что над термитным полигоном почти всегда безоблачное небо. И как бы было хорошо, если бы люди развеяли тучи и на научном горизонте. К сожалению, их немало. Хватает и организационных неполадок, но хочется верить, что они вскоре останутся в прошлом. И кто знает, не здесь ли, не под белым ли солнцем пустыни будет решена экологическая головоломка: все человеческое останется людям, а термитам — термитово...

ВОКРУГ МЫСА ГОРН

(Из книги «Два года простым матросом»)



...Как быстро изменилось все вокруг! Дни заметно сокращались, и с каждым разом солнце все ниже проходило над горизонтом и все меньше грело. Ночи стали холодными, уже нельзя было спать на палубе. Магеллановы облака, мерцающие в безлунной ночи, холодное небо днем, тяжелые валы, катящиеся с юга,— все говорило о том, что мы приближаемся к полярным широтам.

Восемь раз пробили склянки. Наша вахта вышла наверх. Один из нас направился к штурвалу, другой — на камбуз за обедом; я пошел на бак и стал смотреть на волны. Они делали линию горизонта неровной и катились нам навстречу в белых шапках пены и солнечных бликах. Наш корабль хотя и с трудом, но все же взбирался на них. Но вот впереди показалась одна особенно большая волна, и я, привыкший к кораблю настолько, что чувствовал его нутром, понял: на эту нам не взобраться. Я прыгнул на битенг и, ухватившись за фока-штаг, повис на нем. Волна обрушилась на корабль, накрыв его до самой кормы. Когда она схлынула, я увидел, что все находившееся на палубе, за исключением баркаса, надежно принайтовленного к рым-болтам, было снесено со своих мест. Перевернутый камбуз громоздился на корме; в стекавшей через шпигаты воде плавали доски — обломки загона для овец. Перепуганные животные барахтались, издавая жалобное блеяние. Наверх выскочила подвахта — посмотреть, что же произошло. Из-под камбуза вылезли наглотавшиеся воды и едва не раздавленные им кок и Старый Билл. Мы собрали овец и поместили их в баркас, водрузили камбуз на прежнее место и, как могли, привели в порядок все остальное. Старый Билл, немало повидавший на своем веку, сказал, что если наш корабль и дальше поведет себя таким образом, то нам,

пока не поздно, следует написать завешания и надеть чистые рубахи.

На следующий день нам было велено снимать старые паруса и крепить новые. Мы заменили также риф-тали, гитовы, марса-шкоты и брасы. Удерживался западный ветер, волна была небольшой. Корабль быстро шел курсом зюйд-зюйд-ост.

В понедельник, 27 июня, в первой половине дня дул попутный ветер. Нам не было холодно, мы работали налегке. Впервые с того момента, как мы ушли из Сан-Диего, подвахта могла оставаться внизу все свои положенные четыре часа. Справившись у третьего помощника о широте, на какой мы находились в полдень, и погадав, сколько нам еще идти до мыса Горн, мы забралась в койки и успели уснуть, но были разбужены тремя ударами в крышку люка и командой: «Все наверх!»

Справа по борту, скрыв море и небо, стеной напоязал на нас туман. Я уже видел такое, когда проходил мыс Горн на «Пилигриме», и знал, что нельзя терять время. Мы выскочили в одних рубахах: одеваться было некогда.

Парни из другой вахты, кто на марсах, а кто на салингах, убрали паруса. Мы помогли им снять лисели, убрали бом-брамсели и крайс-брамсель. Фор- и грот-брамсели оставили: «старик» хотел показать, что его среди бела дня не запугаешь, и, вероятно, собирался нести эти паруса, пока не ударит шквал.

С первыми же шквальными порывами стало ясно, что следует настраиваться на самый серьезный лад. Корабль завалился на борт по самые шпигаты, натужно заскрипел рангоут, брам-стенги согнулись, как прутки. «Фор- и грот-брамсели на гитовы!» — закричал капитан, и мы бросились к фалам. Но едва мы спустили брам-реи и взяли паруса на гитовы, как услышали: «Трави марса-фалы!» Мы спустили марса-реи, выбрали риф-тали и стали взбираться по вантам. Нас прижимает к ним ветер с градом и мокрым снегом. Наконец мы расходимся по рею и пытаемся взять рифы. Руки онемели и не справляются с задубевшими парусами и веревками. С большим трудом удается подтянуть парус к рею. Теперь нужно к наветренному ноку рея крепить риф-кренгельс. Слава богу! На ноке — Джон Француз. Лучшего штык-болтного не сыскать. Мы лежим в ожидании животами на рее и колотим по нему руками, чтобы не дать им закоченеть. Но вот слышим, как Джон кричит: «С подветра — выбирай!» Мы тянем за риф-бант, крепим его на подветренном ноке, обвязываем парус и собираемся уходить с рея. Но снизу раздается: «Вторые, вторые рифы!..» Процедура повторяется. Затем мы слезаем на палубу и направляемся к грот-мачте, чтобы все начать снова. Ибо нас слишком мало, чтобы работать на двух реях сразу.

Я надеялся улучшить момент и сбегать в кубрик, чтобы надеть бушлат и зюйдвестку, но, когда мы кончили работу, склянки пробились восемь раз, так что, превратившись из подвахтенных в вахтенных, мы должны были отработать еще два часа «собачьей» вахты.

Дул устойчивый юго-западный ветер. Но он не был для нас попутным, так как мы отошли к югу не настолько, чтобы можно было миновать Огненную Землю на безопасном от нее расстоянии. Палубу покрыл мокрый снег, который шел не переставая. Нам нужно было до темноты снять все лисели, убрать лисель-спирты, смотать концы в бухты. Для четверых работы оказалось более чем достаточно. Мы только-только управились с ней, когда четыре раза

пробили склянки. Теперь мы могли уйти на два часа вниз—выпить чашку горячего чаю и, самое главное, сменить мокрую и заледеневшую одежду на сухую и теплую.

У меня уже несколько дней болели зубы, и холодная погода с душем на ветру обострила боль. Воспаление распространилось по лицу, и, не дождавшись конца вахты, я обратился к помощнику капитана, в чьем ведении находились медикаменты, с просьбой помочь мне чем-нибудь. Но в ящике с лекарствами не оказалось ничего подходящего, кроме пузырька с остатками опиия, который берегли на крайний случай, и мне пришлось мужественно сносить свою боль.

Когда мы снова встали на вахту, снег прекратился и даже поблескивали звезды. Удерживался свежий ветер. Около полуночи я залез на бизань и спустил крьюс-брам-рей. Видимо, у меня это вышло неплохо, потому что помощник капитана похвалил меня.

Следующие четыре часа подвахты для меня не были отдыхом. От боли я не мог заснуть и слушал, как отбивали склянки, а утром поднялся наверх совсем разбитый.

В пятницу, 1 июля, мы были почти на широте мыса Горн, в сорока градусах западнее. Обрасопив реи на попутный ветер и отдав рифы на фор-марселе, мы пошли на восток, надеясь оказаться у мыса через семь-восемь дней. Что касается меня, то я не спал уже сорок восемь часов; от усталости и простуды лицо мое раздуло так, что я не мог открыть рта, чтобы поесть. Буфетчик попросил у капитана разрешения сварить для меня рису, но услышал в ответ: «Скажи ему, пусть ест сухари и солонину, как все». Я и не ожидал другого... Если бы не штормило, я ушел бы вниз и отлежался, пока опухоль не сойдет. Но при такой нехватке людей я не мог покинуть своего места и, оставаясь на палубе, по мере сил выполнял свои обязанности.

В субботу, 2 июля, утром дул западный устойчивый марсельный бриз. В воздухе, прозрачном и холодном накануне, появилась какая-то неприятная, сырая изморось. В полдень к нам заглянул кок и стал звать наверх полюбоваться зрелищем, какого, сказал он, мы еще не видывали. «Куда глядеть?» — спросил я, поднявшись первым. «А вон—по левому борту»,— ответил кок.

Там, посреди искрящегося моря, возвышался ледяной остров — айсберг. Никакое описание не может передать всю необычность, все великолепие и величие этого зрелища. Громадные размеры айсберга—мили две или три по окружности и несколько сот футов по высоте, его медленное раскачивание, заметное лишь по перемещению вершины относительно облаков, белый пояс ледяного крошева у основания, грохот, порождаемый растрескиванием его массы, падение в воду отколовшихся от него глыб и наша близость к нему — все это производило поистине непередаваемое впечатление. Мы попытались обойти айсберг с подветренной стороны, но лишились ветра совсем и всю ночь дрейфовали рядом. Ночь была безлунной, но ясной. Мы могли наблюдать движение айсберга по звездам, которые то закрывались им, то снова становились видимыми. Время от времени раздавался громopodobный треск и слышалось падение ледяных глыб в воду. Утром со свежим бризом мы стали быстро удаляться от айсберга, и, когда рассвело, он уже скрылся из виду.

Понедельник, 4 июля. В Бостоне сегодня празднуют День

независимости. Палят из пушек, звонят в колокола, веселятся. Леди прогуливаются по улицам с зонтиками, денди — в панталонах и шелковых чулках. Сколько мороженого будет сегодня съедено! Сколько льда привезено издалека! Какими бы далекими ни представлялись эти празднества нам, приплясывавшим от холода на покрытой льдом палубе, никто не забыл, какой сегодня день, и немало было высказано пожеланий, серьезных и шуточных.

К концу дня дозорный на марсе сообщил, что видит на юго-востоке ледяное поле. Теперь надо быть начеку. Ледяные поля опаснее, чем айсберги. Айсберги можно обойти. Когда же судно попадает в гущу льда и получает пробоину, спастись невозможно.

Невзгоды наши усугубил шквальный ветер, налетевший после захода солнца с востока. Он принес с собой град, снег и туман. В семистах милях к западу от мыса Горн в условиях жесточайшей непогоды мы лишились нашей единственной надежды — западного ветра. •

В четыре часа пополудни уже совсем стемнело. Команду вызвали наверх убирать паруса. Мы были теперь в бушлатах, толстых штанах, сапогах и зюйдвестках. **Всю ночь мы** внимательно наблюдали за морем. Всю ночь, не переставая, дул сильный ветер, то с дождем, то со снегом.

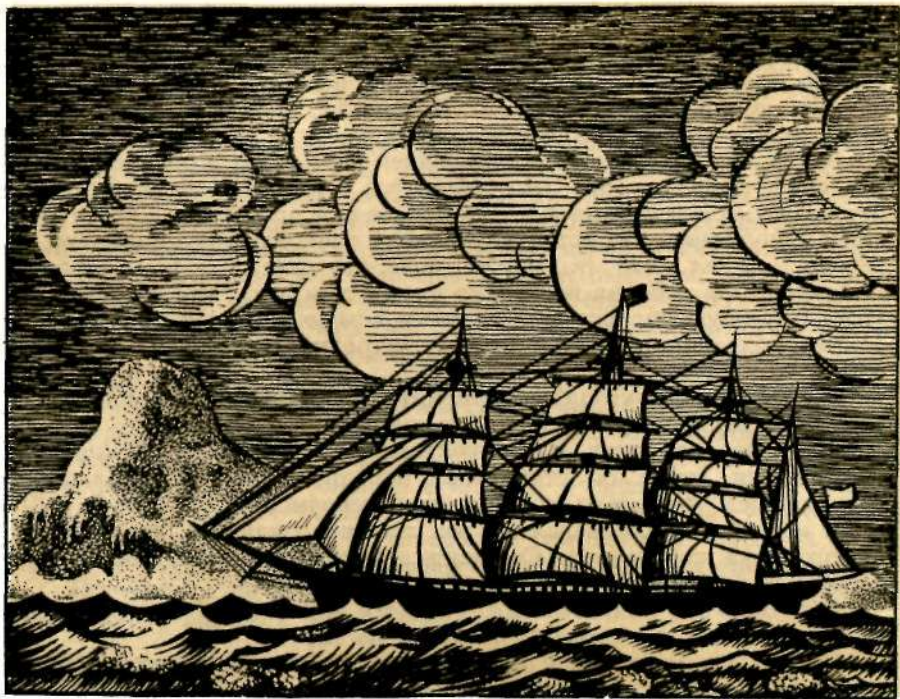
Из-за сырости и холода мое лицо пришло в такое состояние, что я не мог ни есть, ни спать. И хотя я выстоял вахту, к утру у меня был такой плачевный вид, что товарищи настояли, чтобы я отлежался в кубрике день-два, если не хочу свалиться надолго. Сменившись с вахты, я пошел на ют, снял шапку, размотал шарф, показал свое лицо помощнику капитана. Он тотчас отправил меня вниз, а коку приказал приготовить припарку и пообещал поговорить с капитаном.

Я пролежал в кубрике почти двадцать четыре часа, наполовину бодрствуя, наполовину **в забытьи**, ничего не соображая от тупой боли. Слышал, что меняются вахты, **что время от времени кричат: «Лед!»**, но был ко всему безразличен. Помучив меня сутки, боль утихла, и я уснул долгим сном, вернувшим мне нормальное самочувствие. Но опухоль не проходила, и меня заставили отлежаться еще два-три дня.

За это время погода не изменилась: все тот же противный нам ветер с дождем и снегом, туман, лед. Особенно тяжелой была третья ночь. С наступлением темноты капитан вызвал всех наверх и сказал, что судно грозит опасность и никому в течение ночи не разрешается уходить вниз. Когда я услышал о таком состоянии дел, то решил, что должен находиться рядом со всеми, и стал одеваться. Но тут в кубрик спустился помощник капитана и, взглянув на мое лицо, велел возвращаться в койку, сказав, что если нам суждено пойти на дно, то всем вместе; если же я выйду наверх, то слягу совсем, и тогда мне придется прощаться с жизнью в одиночку. Это был первый случай, когда кто-то из офицеров посочувствовал мне.

Подчиняясь приказанию, я снова лег. Но как же маялся! Никогда еще не чувствовал я так остро проклятья болезненного состояния. Если б я только мог быть со всеми на палубе, где можно было уйти в работу, видеть и слышать все, что происходит вокруг!

С восходом солнца туман рассеялся. С запада подул бриз, перешедший в свежий ветер. День был ясным, ветер — попутным. Мо, к удивлению всех, корабль продолжал лежать в дрейфе.



«Почему не плывем дальше, что задумал капитан?» — спрашивали мы друг у друга. Обидно было терять время. Ведь день так короток. Но проходил час за часом, а капитан не спешил ставить паруса. В кубрике начались разговоры. Кто говорил, что капитан испугался опасностей, кто утверждал, что, стараясь избавиться от нервного напряжения, он слишком много выпил и сейчас не способен принимать решения. Плотник, моряк бывалый, человек рассудительный и всеми уважаемый, пришел в кубрик и посоветовал обратиться к капитану за объяснением, почему мы не продолжаем плавание. А ежели он не захочет отвечать, предупредить его от имени всей команды, что паруса поставят без его приказа. Такой совет показался всем разумным. Мы решили, что, если к полудню капитан не распорядится ставить паруса, к нему от команды делегируют людей. Наступил полдень, а корабль по-прежнему лежал в дрейфе. Стали совещаться. Кто-то выдвинул предложение: капитана от командования отстранить, передав его функции первому помощнику, который, говорили, высказывался, что будь его воля, то лед — не лед, а к вечеру мы бы прошли половину расстояния до мыса. Это предложение, по сути, провоцировало мятеж, и я стал призывать команду воздержаться от крайних мер. Меня поддержал матрос, которому довелось быть на судне, где команда высказала свое недовольство капитаном. Он рассказал, какие печальные последствия имело для команды такое выступление. В конце концов мы уговорили всех подождать, пока не выяснится причина задержки.

В четыре часа всем приказали собраться на квартердеке. Не

прошло и десяти минут, как люди вернулись, и я узнал, что произошло.

Плотник поторопился-таки — сказал помощнику, что команда решила больше не подчиняться капитану, и спросил, не возьмется ли он сам командовать кораблем. Помощник, выполняя служебный долг, тотчас сообщил обо всем капитану.

Все ждали наказаний или по крайней мере угроз и обвинений. Но, вероятно, сознание того, что сейчас все в равной мере испытывали невзгоды, несколько смирило дух капитана и пробудило в нем что-то вроде сочувствия. Он встретил команду спокойно, даже доброжелательно, сказал, что не может поверить тому, о чем доложил помощник. Он добавил несколько слов в том духе, что создавшиеся условия требуют от каждого человека ясного сознания своего долга, а затем разрешил разойтись, сказав, что считает инцидент исчерпанным.

Речь капитана оказала благоприятное влияние на команду, и все послушно вернулись к своим обязанностям.

Еще два дня ветер дул с востока и с юга. А в те короткие промежутки, когда он становился попутным, нас окружал такой плотный лед, что плыть дальше было невозможно.

Я все еще отлеживался и уже стал поправляться, но выходить наверх пока побаивался. От меня все равно не было бы проку: недельное голодание вконец ослабило меня.

Как только я почувствовал, что могу вернуться к службе, надел бушлат, сапоги, зюйдвестку и вышел на палубу.

Не так уж много дней провел я внизу, но каким непривычным показалось мне все вокруг! Корабль покрыла корка льда. Судно несло лишь марсели, полностью зарифленные. Тросы замерзли в блоках, паруса задубели; казалось, теперь их невозможно переставить.

День выдался солнечным. С палубы смели снег и посыпали ее золой, чтобы не скользить. Было очень холодно. Ветер все так же был встречным; на востоке море покрывали ледяные поля и айсберги. Четыре раза пробили склянки. Сменился рулевой. Матрос, оставивший штурвал, сказал нам, что мы легли на курс норд-норд-ост. Мы терялись в догадках: что бы это значило? Вскоре все выяснилось: мы идем к Магелланову проливу.

Новость быстро разнеслась по кораблю и сделалась предметом обсуждения. Никто из нас не ходил этим проливом и не мог сказать чего-либо конкретного. У меня в сундучке, однако, хранилось описание одного из плаваний через пролив. Его совершил нью-йоркский корабль «А. Донельсон», а рассказал об этом сам капитан судна, и весьма подробно. Скоро книжку прочла вся команда. То, что наш капитан принял наконец какое-то решение, подняло у всех настроение. Теперь у нас была пища для размышлений, мы могли отвлечься от тоскливых мыслей о задержке плавания.

Поймав ветер, мы вскоре оставили за кормой ледовые поля.

За время болезни мои руки отвыкли от веревок и поначалу болели. Но скоро огрубели снова. А когда я стал открывать рот так, что мог проглотить кусок солины с коркой хлеба, я и вовсе почувствовал себя здоровым.

В воскресенье, 10 июля, в полдень мы были на 54° 10' ю. ш. и 79° 07' з. д. Ярко светило солнце. Льды остались позади. Все

настраивало нас на веселый лад. Мы вынесли из кубрика свои мокрые куртки и штаны и вывесили их на снастях сушиться. Обувь пропитали дегтем и смазали жиром. После обеда вся команда была вызвана наверх — для укладки якорей на борт, крепления канатов и т. п.

Все эти приготовления были необходимы для предстоящего плавания через пролив. Мы уже знали, что он извилист и изобилует приливными течениями, значит, придется часто пользоваться якорями. Перспектива эта была, конечно, малопривлекательной. Перетаскивание по палубе тяжелых якорных цепей и канатов, с которых сочится вода, затекает в рукава и замерзает там, необходимость быть наготове в любое время суток, чтобы поднять или отдать якоря, постоянное наблюдение за подводными опасностями — вот что обещает такое плавание матросу. К тому же, как мы слышали, у капитана не оказалось хорошей карты пролива.

На следующий день, когда мы готовились подойти к мысу Пилар, ограждающему с юго-запада вход в пролив, задул сильный ветер и принес с собой густой туман. Мы вынуждены были выжидать: туман и противный ветер — плохие союзники в плавании через полный опасностей пролив. Сдавалось нам, такая погода установилась надолго. Даже и думать не хотелось о том, сколько придется стоять здесь, у входа в пролив, выжидая благоприятных погодных условий.

Поэтому-то, перебросив реи на другой галс, мы повернули на юг и снова пошли к мысу Горн.

При первой попытке обойти мыс наше судно находилось в семнадцати сотнях миль западнее Горна. Возвращаясь к Магелланову проливу, мы сильно отклонились на восток, и теперь нас отделяло от мыса миль четыреста-пятьсот. Мы надеялись, что на сей раз нам не будут препятствовать льды: сильный восточный ветер должен был отогнать их на запад. Держась к ветру так, чтобы иметь румба два в запасе, мы под зарифленными марселями и фоком бежали на юг. Однако часа в три пополудни, когда наша вахта отдыхала, мы услышали привычное: «Все наверх!», а затем: «Живей, ребята, не одевайтесь, не то поздно будет!»

Капитан, как одержимый, выкрикивал команды. Не теряя времени на то, чтобы оглядеться, мы кидаемся к брасам. Руль положен на борт, корабль круто разворачивается. Мы изо всех сил стараемся перебросить реи. Но такелаж обмерз, реи со скрежетом едва подаются. Слава богу, поворот закончен, мы на другом галсе. За кормой — поле льда. Опасность миновала. Но если бы не бдительность впередсмотрящих, наш корабль превратился бы в обломки.

Несколько часов мы шли на север. Затем развернулись и пошли на юго-восток. Ночью нам то и дело приходилось уклоняться от льдин.

Во время нашей вахты, длившейся с полуночи до четырех, ветер зашел навстречу, на корабль обрушились заряды из дождя и снега. Мы легли в дрейф, оставив лишь зарифленный фор-марсель. К утру ветер стих, погода прояснилась, и стало видно, что море впереди сплошь забито льдами. Мы развернулись и взяли курс на северо-восток, но не с тем, чтобы опять идти к Магелланову проливу, а чтобы снова попробовать обойти мыс Горн, еще более приблизив-

шись к нему по долготе, ибо, как сказал наш капитан, удачу нужно пытаться три раза, на третий повезет.

С северо-восточного курса мы постепенно перешли на восточный и подошли к Огненной Земле настолько близко, что лед больше нам не встречался. В третий раз корабль направился на юг.

...И вот мы снова на широте мыса Горн. Пройдя на юг еще столько, чтобы держаться от мыса на безопасном расстоянии, мы повернули на восток, надеясь через несколько дней взять курс на север — уже по другую сторону мыса.

Но злосчастье, казалось, преследовало нас. Сначала мы попали в штиль, который сменился порывами ветра со снегом. А вскоре разразился шторм. Восточный ветер ураганной силы погнал наш корабль обратно. Похоже было на то, что демон, который царствует здесь, пробудился и, увидя, что мы едва не проскользнули у него под носом, обрушил на корабль всю свою ярость.

Так мы дрейфовали восемь дней. По временам — обычно в полдень — ветер стихал и даже несколько раз задувал с запада. Мы тут же отдавали рифы на марселях и ставили нижние паруса, но скоро убедились, что это напрасный труд.

На нас давно уже не было ничего сухого. Придя с вахты, мы выжимали одежду — вдвоем брались за штаны или куртку и выкручивали. Затем развешивали ее на переборках. Ощупав то, что уже висело, выбирали наименее влажные вещи. Одевались, как на вахту, и забирались в койки. Накрывались одеялами и спали, пока не раздавались три удара в люк и возглас: «Эй, вниз! Восемь склянок!» А наверху нас встречал ливень, отвесный либо стелющийся по ветру. Вахты менялись молча: шутить настроения не было; веселье и смех почему-то казались столь же неуместными, как насвистывание или игра на волынке. Мы больше не гадали о том, что нас ждет впереди: суеверный страх оказаться снова среди льдов заставлял говорить обиняками. Вместо «когда доберемся домой» произносили «если доберемся», а вскоре и вовсе оставили эту тему.

Уныло тянулось время. Стирку, штопку и чтение мы забросили, только ели, спали да выходили на вахту. Сидеть в кубрике было неудобно, мы в основном лежали. Чтобы защититься от воды, заплескивавшей на бак, люк в кубрик закрывали наглухо; воздух в этой тесной и сырой норе был таким спертым, что лампа, подвешенная к бимсу, горела синим пламенем. И все же я никогда не чувствовал себя таким здоровым, как после трех недель пребывания в таких условиях. Я набрал в весе. Аппетит у всех был отменным.

Постепенно ветер стал задувать и с юга, и мы ставили тогда все паруса. Так понемногу продвигались на восток. Однажды ночью ветер окреп, заснежило. Тьма сгустилась. Грот, взятый на гитовы и гордени, запылескался и захлопал на ветру. Капитан приказал его убрать. Первый помощник собрался вызвать наверх всю команду, но капитан остановил его, сказав, что люди выбьются из сил, если их часто поднимать, пусть с этим справляется дежурная вахта.

Никогда не забуду, как нам тогда досталось. Ветер достиг ураганной силы и хлестал нас дождем и снегом. Мы работали без рукавиц, чтобы не сорваться. Несколько раз мы подтягивали парус на рей, но его срывало, прежде чем удавалось закрепить. Чтобы обнести сезень вокруг паруса, приходилось ложиться животом на рей, когда же сезень был обнесен, завязать его удавалось далеко не

сразу. Мы то и дело бросали все к черту, колотили по рею руками, чтобы не отморозить пальцы. Наконец кое-как закрепили наветренную половину паруса и пошли на другое плечо рея. Там было не легче: ветер сместил парус в эту сторону и его пришлось тянуть вверх по вздыбившемуся из-за крена рею. Почти полтора часа занимались мы этим.

В пятницу, 22 июля, с утра подул устойчивый южный ветер; мы шли под зарифленными парусами. После полудня я, третий помощник и еще два матроса перекладывали в кормовом кубрике наши хлебные запасы. Вдруг через люк засветило солнце. Наши сердца радостно забились. Мы так давно не видели солнца. Это было словно доброе предзнаменование. Даже на лица самых суровых и невозмутимых из нас появились улыбки. Тут мы услышали, как на палубе раздался дружный возглас и первый помощник прокричал что-то у трапа, ведущего к капитанской каюте. Мы не расслышали, что именно он прокричал, но капитан тут же выскочил на палубу. Все это было неспроста. Но что же произошло? Корабельная дисциплина не позволяла нам покинуть свое место, мы только поспешили окончить работу. Третий помощник заметил высунувшегося из камбуза буфетчика и спросил его, в чем дело. «Земля, сэр! Разве вы не слышали? Капитан говорит, что это мыс Горн».

Тут уж все мы в мгновение ока выскочили на палубу.

Слева на траверзе виднелся скалистый берег. Это был остров Статен (Эстадос), расположенный к юго-востоку от мыса Горн.

В жизни не видел я более угрюмого места: лед и скалы, расцвеченные кое-где пятнами чахлой кустарниковой растительности. Да и не мог выглядеть иначе этот остров, лежащий как межевой камень на границе двух океанов, под ударами снежных шквалов.

Но каким бы мрачным ни казалось это место, мы готовы были плясать от радости. И не потому, что за много дней впервые увидели землю, а потому, что остров этот говорил нам: мыс Горн пройден, впереди — Атлантика.

Перевод с английского
Анатолия Пахомова

САРЫГ

Повесть



Хлопнул винтовочный выстрел. Крупный шакал завалился на бок на бегу и ткнулся мордой в землю. Из-за цветущих кустов кандыма, розовым облаком окаймлявших тугайный лес, вышел охотник.

Грозный звук заставил умолкнуть соловьев и дроздов. С резкими криками взлетели с деревьев кваквы и белые цапли. Заметались над высокими тополями черные хлопья грачей. Было что-то до крайности нелепое в этом выстреле, в гибели зверя в мирное майское утро.

Охотник, не торопясь, подошел к трофею, вытащил нож, обрезал уши и сунул их в сумку.

— Есть документ,— проворчал он,— будет и премия. А сейчас займись выводком...

В тот день молодой пастух Мерген ехал в поселок за продуктами. Он трусил на иноходце по степи, начавшей оживать под теплым солнцем. Пастуха радовала сочная зелень эфемеров, ярко-красные пятна тюльпанов, гигантские свечи ферулы, сиреневые разливы цветущих кустарников. Степь жила, все торопилось расти, цвести, дать семена, продолжить род до наступления засухи.

Тысячи черепах выползли из темных лёссовых нор на солнышко. Его лучи согревали холодную кровь, и допотопные создания бодро зашевелились, начиная свой день.

Одна за другой просвистели стаи сизых голубей, стремительно пролетели на водопой чернобрюхие рябки. На пригорке пасся табун диких гусей. Из-под копыт нехотя разбегались и взлетали пухлые, взъерошенные от утренней прохлады хохлатые жаворонки пустыни. Суслики, посвистывая, ныряли в норки.

Сливаясь с пестрым фоном трав, призрачными тенями умчалась

вдаль цепочка джейранов. Только мелькнули белые «платочки» у хвостов, да легкая кисея пыли протянулась по следу.

— Хорошо,— сказал пастух Мерген.— Весна, тепло. Овцы ягнятся шибко. Добрые травы, злаки уродились в степи. Якши!

И тут в тугаях раздался хлесткий выстрел из нарезного оружия.

— Что такое? Охоты весной нет! Кто стрелял? Браконьер?!

Мерген был общественным инспектором и следил за охраной дичи. Уже давно никто здесь грубо не нарушал правил охоты. «Надо посмотреть»,— решил чабан, обнажил кинжал, спрятал его в рукав и направил коня в лес.

Браконьера долго искать не пришлось. Знакомый старик хуторянин, опираясь на винтовку, спокойно ожидал всадника. Застреленный шакал лежал рядом, поблизости виднелась раскопанная нора.

— Что забыл здесь?

— Отдай ружье! Следуй за мной!— твердо заявил Мерген и тронул коня, наезжая на нарушителя.

— Стой!— крикнул старик, отступая.— Задавишь! У меня есть разрешение на отстрел хищников круглый год! Инспектор, а не знаешь! Тьфу! Я премии получаю за полезное дело. А ты лезешь! Конем давишь! Жаловаться буду!

— Почему охотишься весной, не в сезон?

— Я что, по-твоему, ума не имею? Осенью одна голова, весной—десяток. А плата одинаковая. Что матерый, что щенок. Думать надо!

Мерген проверил разрешение, выданное профессиональному охотнику Даулету Серикбаеву по всей форме. По закону он имел право уничтожать хищников даже весной. Оставалось извиниться и уехать. В это время из бокового хода в разоренной норе посыпались комочки земли и выскочил уцелевший щенок. Вид людей, запах крови заставили зверька в ужасе броситься к кустам.

— А этого почему не застрелил?— спросил Мерген.

Старик усмехнулся недобро:

— Пусть растет—будет новый выводок.

— Что же получается? Нарочно хищников разводишь? Лишь бы премии шли?

— Это мое дело.

Инспектор вскоре узнал, что этой весной Серикбаев успел получить премии за три выводка шакалов и волков. Он выслеживал зверей и брал в логовищах богатые трофеи, не забывая оставлять немного и на развод.

Вот потому-то шакаленок с приметной по окраске шкурой остался жить.

— Сарыг,— вспоминал о нем Мерген.— Желтый забавный зверек.

В тот день зверек забился в колючие заросли чингила. Их шелест от прошмыгнувшей мимо ящерицы заставил теснее прижаться к земле. Стрекотание сорок у гнезда на соседнем кусте чернотала вызвало дрожь. А топот коров, прошедших к водопою, почти парализовал щенка. Он замер от ужаса. Но время шло, и никто не трогал Сарыга. Щенок приподнял мордочку и начал изучать новый мир...

Солнце зашло за вершины деревьев. На полянах и в зарослях ступили тени. Дневные птицы, зверьки и насекомые начали прятаться по своим тайничкам. В кусты чингила залез толстый

саранчук и остановился у носа щенка. Сарыг вспомнил семейные игры и щелкнул челюстями. Он с удовольствием съел первый трофей, добытый самостоятельно.

Весной промыслить еду в тугаях—дело нехитрое, тем более что природа наделила шакалов способностью не особенно разбираться в пище. В сумерки, осмелевший от голода, щенок вылез из убежища и поймал лягушку. Затем наткнулся на тропку, по которой сновали глупые молодые мыши.

Щенок не вернулся в знакомые заросли и на день залег в пустой норе. После сытной еды пришел крепкий сон. Зверек проснулся в полдень. Жажда заставила побежать к ближайшей луже.

После весеннего паводка в пойме реки осталось множество пересыхающих стариц, проток, мелких ям и луж. Рыба не из всех успела уйти в реку. Ее вылавливали чайки и крачки, уснувших растаскивали вороны, грачи, сороки... По ночам приходили на кормежку кабаны, барсуки, дикие коты, шакалы. Для всех хватало поживы.

Шакаленок несколько дней провел в этих краях, набираясь сил. Он спал вволю, ел так же и рос не по дням, а по часам. Когда рыбы стало меньше, щенок закопал про запас несколько рыбин и поставил метку.

Запах начавшей портиться рыбы привлек птиц. Первыми прилетели сороки, засуетились, пытаясь найти добычу. Затем появился угрюмый ворон. Он прогнал вертихвосток и мрачно вышагивал, чую падаль, но не догадался копнуть землю.

Уверенный уже в своих силах, Сарыг возмущился, обнаружив у тайника наглую птицу. Он залаял тонким голоском и помчался прогнать ее.

Ворон оценил силы противника и принял бой. Острый клюв ударил в неясный нос Сарыга, могучее крыло сшибло с ног. К счастью, кусты оказались рядом, щенок с визгом откатился и шмыгнул в спасительные колючки.

Урок запомнился. Сарыг стал осторожнее. Заметив тень от гигантских крыльев беркута, щенок вильнул в сторону. Сверху прошуршало, взвихрился песок, тронутый крылом. Орел, клекоча, взмыл в небо.

Другие птицы не угрожали шакалу, но все же причиняли хлопоты. Сороки, сорокопуты, даже ничтожные мухоловки, чеканы, славки-завирушки, овсянки, заметив зверя, давали сигналы тревоги, мешали охоте.

Сарыг добывал всякую пищу—рыб, ящериц, лягушек, насекомых. Иногда ему попадалась падаль, не брезговал он и луковицами диких растений. Однажды набрел на хутор своего врага Серикбаева и полакомился на бахче дынями. Лишь лай собак во дворе спугнул зверька.

Хуже произошло при знакомстве с лошадьми. Колхозные кобылицы с жеребятами ходили в степи под надзором жеребца. Могучий конь надежно оберегал табун. Даже при виде человека жеребец шел навстречу, бил копытом землю, громко ржал. Он умел отлично регулировать жизнь стада, как и в древние времена, когда дикие лошади еще не знали седла; в летнюю жару он увел табун в тень тугаев.

Чтобы кони не дичали, к ним наведывались пастухи. Мерген

приехал сюда рано утром и еще издали заподозрил неладное. Кобылицы образовали круг головами к центру. Внутри кольца сбились в кучу жеребята. Животные всхрапывали и беспокойно ржали.

В то утро любопытный Сарыг приблизился к лошадям. Порыв ветра донес до них запах хищника. Они не знали, крупный ли это зверь, один или несколько. Ясно одно: опасность!

В считанные секунды лошади заняли оборонительную позицию. Мерген увидел, как жеребец прижал уши, оскалился и пошел в атаку на врага. Догнал маленького желтого шакала, встал на дыбы и обрушился на него передними копытами. Зверек выскользнул из-под удара. Конь резко развернулся и попытался схватить врага зубами. Шакал все время увертывался, но силы уже иссякали.

— Сарыг! — удивился Мерген. — Ах ты бедолага!

Он вскинул ружье и выстрелил в землю картечью у ног жеребца. Тот вздрогнул, отпрянул в сторону. Сарыг воспользовался этим и с поджатым хвостом умчался в заросли.

Мерген дал лошадям успокоиться. Выкрикивая привычные слова команды, подъехал вплотную к животным, осмотрел. Все были здоровы и целы.

— Молодец Спутник! Хорошо бережешь табун, — похвалил Мерген и попытался подбежать к коню, чтобы потрепать по гриве, но гордый жеребец уклонился от ласки.

Мерген спешил в тени дерева, достал кусок брынзы, вскипятил чай, разогрел на углях лепешку. Отдыхая после еды, вспомнил о желтом шакаленке, быстро нашел его следы и прошелся по ним.

— Одиночка, — сделал он вывод. — Здорово вымахал, сразу и не узнать. Но шкура-то у него приметная...

Однажды Сарыг подошел к овечьей отаре, стал приглядываться к незнакомым животным, но сторожевые собаки тут же отогнали любопытного. Два страшилища с обрубленными ушами, хрипло лая, погнались за шакалом. Пришлось удирать во все лопатки.

Сарыг все-таки несколько дней вертелся -возле стада. Тогда Мерген решил дать урок шакаленку. Он одолжил у бригадира винтовку и, когда зверек появился на открытом месте, тщательно прицелился. Пуля взвихрила пыль у самых ног Сарыга. Осколок камня просек кожу между глазами, сильно напугав зверя. Пять патронов истратил Мерген, шакал навсегда зарекся попадаться на глаза людям.

Как-то вечером Сарыг вышел на промысел. Путь его лежал по границе своего охотничьего участка. Шакал то и дело старательно обнюхивал приметные вехи. Двигался бесшумно, ловя малейшие звуки, внимательно оглядывая местность, легкой трусцой пробегал километр за километром.

Внезапно шакал почуял зайца, стал подкрадываться и увидел толая в клочке травы у основания бархана. Зверек смотрел не мигая на приближающегося врага и не шевелился. Замер и Сарыг. Прошла минута. Наконец, шакал решил, что заяц мертв, и не торопясь пошел к нему. Когда до добычи осталось метра два, в широко открытых глазах зайца мелькнул огонек. Косой проснулся и ринулся прочь. Сарыг замешкался, прыгнул с запозданием и не поймал зверька. Зато узнал, что зайцы спят с открытыми глазами.

В это время Хаза, гончая собака Серикбаева, ушла промышлять в



степь. В ее отсутствие на хутор забрался степной хорь, проник в курятник. Хорьки и другие кунцы теряют голову от свежей крови. Степной хорь схватил ближайшую курицу. От шума проснулся петух и бросился на выручку. В темноте он ориентировался плохо, тут же в его горло впились зубы врага. Через несколько минут все куры погибли. Хорь выел мозг птиц, протиснул гибкое свое тело в узкую щель и ушел в степные просторы.

Сарыг, подойдя к хутору, почуял битую птицу. В одном месте дувал немного обвалился; шакал вспрыгнул на стенку, пробежал по ней и соскочил во двор, но не смог попасть внутрь курятника. Однако следы оставил. Утром Даулет не стал ломать голову, отчего птица погибла, но не съедена. Он увидел следы шакала во дворе и на заборе.

— Бездельник! — кричал хозяин на вернувшегося домой Хазу. — Шляешься, а шакалы кур дают! Стрелять такую собаку надо!

Старик решил расправиться с мнимым обидчиком немедленно. Он наскоро собрался, взял ружье и пошел по следу. Началась погоня.

Сарыг издали увидел человека с собакой. Он привык уходить от деревенских псов без малейшего затруднения и сначала не испытывал страха. Шакал побежал по протоптанным зверями тропам, но Хаза неотступно шел следом, равномерно взлаивая при каждом прыжке. Сарыг применил ряд хитростей, чтобы сбить собаку со следу, однако не смог избавиться от опытной гончей. Тогда шакал вспомнил о спасительных колючках чингила и уверенно кинулся в самую их гущу. Молодой зверь меньше своего преследователя и

легко проходил в тесных колючих лазах. Собаке пришлось хуже. Колючие иглы впивались в ее тело, задерживали движение. Хаза визжал, выл от боли, но сумел все-таки выгнать противника на открытое пространство. Все шансы на победу оказались на стороне гончей. Хаза увидел зверя и залаял «по-зрячему».

Беглец мчался без оглядки и нечаянно выскочил на отару овец. Он вихрем пролетел между собаками, козами, верблюдами, овцами, пастухами и всполошил всех. Пока овчарки соображали, в чем дело, появился преследователь, и вся собачья рать кинулась на него. Рык, лай, визг огласили окрестности. Вмешательство пастухов спасло Хазу от гибели, но искусан он был основательно и едва доплелся на трех лапах домой. Первое сражение шакал выиграл.

Серикбаев после неудачной охоты рассвирепел еще больше и поклялся снять шкуру с ненавистного шакала. Когда-то старик промышлял волков запрещенным способом — отравлял приманки стрихнином. Теперь он открыл тайник и достал сохранившуюся с тех времен капсулу. Сквозь пожелтевший от времени желатин виднелись безобидные на вид белые кристаллики.

Применяющие яд охотники промышляют без собак. Дуалет, сделав приваду, привязал Хазу, чтобы уберечь его от отравы, но не позаботился о пище и воде. Пес, страдая от жажды, натянул цепь, сбросил ошейник и побежал по следу хозяина...

Собака погибла, съев приманку. Стрихнина же у Серикбаева больше не осталось, он стал применять браконьерские силки в виде двойных мертвых петель из тонкой и мягкой проволоки. Такие ловушки, настороженные на тропах, в узких зверовых лазах, могли ждать жертву долго.

Однако в тугаях паслись стада коров, табуны лошадей. Крупные животные не попадали в отверстия петель, но сминали ловушки. Охотник упрямо их восстанавливал. И все же шакал чудом уцелел.

А тут началось освоение целинного клина тугаев. Это было рядом с охотничьими угодьями Сарыга. Бригадир механизаторов после работы любил побродить с ружьем. В тугае он наткнулся на проволочные петли. Кто поставил силки, было нетрудно догадаться: секретов у жителей поймы нет.

— Немедленно уберу ловушки,— предупредил он Серикбаева.

— Так это на хищников,— запел свою обычную песню Дуалет.

— Завтра проверю. Если увижу одну хоть петлю, составим акт. Штрафом не отделаешься. Ясно?

Силки исчезли. Но еще до этого Сарыг, постоянно встречая следы людей, остро пахнувшие стреляные гильзы, ушел из родных мест. Он переплыл обмелевшую осенью Амударью и обосновался в болотистых зарослях, раскинувшихся вдоль низкого берега реки.

Погода изменилась. Теплые солнечные лучи и легкие ночные заморозки сменило мглистое ненастье. Северный ветер пригнал облака и поднял в небо мельчайшую лёссовую пыль. Солнце, изредка пробивавшееся между туч, казалось маленьким и бледным.

Временами сыпались косые пряди мелкого снега. Он смешивался с пылью и ржавыми полосами, набивался между барханами в заросли колючих трав и кустарников.

Птицы и звери попрятались, только несколько воронов ютились по отрямам, прячась за корягами. Чем больше стужалась мгла, тем яростнее выл ветер.

Неуютно стало на реке. Мутные валы горбили ее поверхность. На темном фоне вскипали белоснежные гребни пены. От воды поднимался пар, клочьями разлетающийся под ударами метели. Прибрежные кусты покрыл иней.

На третьи сутки ветер стал стихать. Утро пришло тихое, солнечное, но ударил мороз. Вода загустела, волны утихли, и с зеркальной поверхности потянулись вертикальные столбы тумана. Освещенный лучами восходящего солнца, он собирался в нежное розовое облако.

У берегов быстро разрастались забереги, смыкались с пристывающей к ним шугой. Участки с чистой водой заметно сокращались. Над оставшимися полыньями и разводьями метались редкие стайки запоздалых нырков.

Во время бурь Сарыг отсыпался в теплой норе. Он понимал, что охотиться в такое время не на кого: все живое попряталось.

Под утро шакал направился к протоке и долго стоял на берегу, ожидая ледостава. Зверь стремился попасть на ближайший остров, где осенью водилось множество серых хомячков и была колония полуденных песчанок. Кроме хищных птиц, никто давно не трогал грызунов. Они успели расплодиться, протоптали дорожки, устроили норы, запаслись на зиму кормом. В ясный зимний день многие зверьки повылезали на свежий воздух.

Сарыг наелся до отвала, нашел пустую нору барсука и решил обосноваться в ней. Вскоре шкура его залоснилась, бока округлились, движения стали ленивыми. Он благоденствовал, пока не пришла беда.

Однажды утром шакал выпел на свой обычный промысел и сначала забрался на прибрежный холм. Вокруг простирались знакомые заснеженные пустоши, клоки голых тугаев и сухого тростника, целый лабиринт замерзших протоков, стариц, озер. Далеко на горизонте синели полосы дамб, за которыми раскинулись недавно спланированные массивы рисовых полей. Но основное русло Амударьи не поддавалось морозам — там продолжала идти шуга.

Пестрый фазан-петух с треском и клетотом взлетел с джиды и понесся в крепь тростников. Пискнула в траве мышь. Затараторили и смолкли сороки у старого гнезда. Снова стало тихо. Мир и спокойствие царили в окрестностях.

Внезапно у кромки берега хрустнул лед. Образовалась узкая полоска темной воды, слегка закурившаяся на морозе. Шакал повернул голову и насторожил уши. Подождал немного, не спеша спустился к воде и внимательно обнюхал трещину. В этот момент pistolетным выстрелом треснул лед, разрыв пробежал поперек протоки. Зверь молниеносно прыгнул в сторону, оскалил зубы. Когда он снова осмелился приблизиться к берегу, ширина разводья увеличилась до метра. Вода местами выступила сверху льда. Стал расти и поперечный разлом. И было что-то грозное в непонятном движении льдов тихим солнечным днем.

Первым побуждением зверя было броситься прочь от опасного места и спрятаться в норе, но инстинкт подсказал другое. Сарыг прижал уши, разбежался, перепрыгнул еще более разросшееся разводье. Скользя и падая, помчался через протоку к берегу.

Лед отошел и здесь. Прыгать с гладкой ледяной поверхности на крутой береговой склон оказалось трудно. Зверь поскользнулся,

упал, вымочив бок, но одолел препятствие и побежал подалее от реки.

Если бы Сарыг немного задержался, он вряд ли бы спасся. В нескольких километрах ниже острова, где приютился шакал, возник затор, и льдины, разгоняемые быстрым течением, стали громоздиться друг на друга, крошась и уплотняясь. Образовалась монолитная плотина. Вода начала заливать низменную пойму.

Сарыг мчался прямо к дамбе. Он пересек несколько старых русел, ранее сухих, но сейчас наполнявшихся тусклой ледяной водой. Пришлось кое-где преодолевать их вплавь. На лапах и брюхе зазвенели сосульки.

Над дамбой высился холм, и здесь все искали спасения от наводнения. На вершине его, у вырытой в откосе печи, хлопотали нашедшие приют люди. Около них сгрудилась плотная отара овец. На солнечной стороне в сухом песке грелись измокшие овчарки. Подалее от людей, у границы воды, пытались спрятаться зайцы, песчанки, хомячки, мыши, тушканчики... Приплыло несколько ондатр. Их шубки остались сухими.

В сторонке сидела лисица, жались друг к другу несколько шакалов. Удивительно незаметно держались в общей массе животных пара волков. Один из пастухов заметил хищников и взял ружье. Умные звери оценили безвыходность своего положения, тоскливо смотрели на человека. И у пастуха дрогнула рука.

Вода поднималась выше и выше, затопляя остатки сухой земли, и вскоре все живое собралось на холме. Тяжелые волны набегали на рыхлую почву холма, смывая землю, заставляя еще теснее сбиваться в кучу людей, домашних и диких животных.

Утром прилетел вертолет. Машина повисла над островком, опустила лестницу и забрала женщин и старика. Пастухи же получили пакет с продуктами и топливо.

— Порядок! — объявил бригадир, прочитав полученную записку. — Скоро конец плену.

Взошло солнце, и три самолета пролетели к завалу. Загремели взрывы, завал разрушили, и вода пошла на убыль.

Мокрая грязь на месте наводнения покрывалась ледяной корочкой. Первыми с кургана наметно ушли волки и лисица, а вскоре и пастухи погнали стада на новые пастбища. Голодные овцы жалобно блеяли. Пастухи и повеселевшие собаки подгоняли животных, стараясь миновать опустошенные наводнением места.

Сарыг ушел вслед за волками. Он без труда нашел тушку утонувшего зайца. Вокруг валялось немало и другой падали. С дальних урочищ налетали, призывно каркая, стаи ворон.

Выпал снег, но следов на нем никто не оставлял. Животные ушли в другие места.

Шакал сначала набрел на клин леса, но оказалось, что это владение волков. Сарыг покинул его и залег в соседнем тугае, хотя там обитали и другие шакалы.

Ночью к его лунке в траве явился хозяин участка. Уверенный в своих правах, он основательно потрепал Сарыга. Опытный старый самец мог бы и загрызть молодого, но ограничился хорошей взбучкой.

Сарыг, прихрамывая, уходил дальше и дальше. Начались голые поля, перекопанные пустоши. И зимой работы в целинном районе не

прекращались. Стояли вагончики механизаторов, экскаваторы крошили грунт, бульдозеры утюжили поля. Людей шакал почти не видел, хотя машины гремели целыми сутками. Запахи металла, дыма и человека отпугивали. Шакал менял путь и наконец оказался среди песчаных дюн Кызылкума.

Бригада Есимбая тоже кочевала по пустыне. Когда овцы выедали подножный корм вокруг временного стана, пастухи меняли место. Они ставили юрту у нового колодца, перегоняли отары, расчетливо используя скромные запасы сухих трав-эфемеров. Стога сена, заготовленного весной, приберегали на случаи буранов или гололеда.

Мерген в эту зиму впервые выехал в пустыню. Он работал в паре со старым чабаном Нургалеем.

Как обычно, овцы перебегали от пятна к пятну сухих трав. Лохматые козлы шествовали впереди стада. С боков и сзади овец сопровождали собаки, не позволяя овцам разбежаться или отставать.

Кони легко несли всадников. Пастухи весело перекликались, покрикивали на собак. Дробный топот многих ног, бляение козлов, меканье овец, ржание коней, негромкое позвякивание бубенцов сливались в привычную симфонию пасущегося стада.

С гребня высокого бархана открылась зимняя панорама пустыни. Гряды застывших дюн огромными волнами уходили к горизонту. Барханы имели правильную форму полулуний, местами, снижаясь, мельчали, переходя в чакалаки.

Ранним утром в косых солнечных лучах резко выделялись детали рельефа. Цвет пустыни менялся от светло-желтого до красновато-бурого. Различные оттенки придавала растительность, подросшая с северной стороны увалов и во впадинах. Темнели приземистые кусты джугуна, легким кружевом разбежались рощи саксаула и песчаной акации. Кое-где виднелись серебристые заросли полыни.

Особенно красивой казалась группа барханов из ярко-желтого, отборного песка. Их склоны покрывал изящный узор легкой ряби.

— Вредные пески.— Ткнул в их направлении нагайкой Нургалей.— Пока есть влага, стоят. Летом покатаются дальше. Все засыпают на пути. Теперь такие пески стали засеивать травами, сажать на них кусты.

Между барханами росли песчаная осочка, мятлик, селин, кустики эфедры. Мелкие зайцы — толаи испестрили пески хитрыми узорами; тянулись ровные цепочки следов лис и барханских котлов. Воспользовавшись потеплением, разбросали пунктиры своих отпечатков тушканчики, натоптали вокруг нор сулики и песчанки.

Особенно много следов оказалось около зародов сена. Даже одинокий волчий след протянулся сюда аккуратной цепочкой. Но около стога он распался на несколько следов, выдав секрет стаи.

Пастухи продолжали свой путь. Нургалей тихонько пел, но внезапно смолк, спешился и нагнулся над отпечатком когтистой лапы.

— В чем дело? — окликнул Мерген.— Опять волк?

— Нет. Здесь он не редкость. Не зря зовут его пустынным. А вот такой след в песках увидишь нечасто.

— Обычного шакала? Эка невидаль! Да их полно в тугаях.

— В тугаях—другое дело. Шакал не волк, очень разборчив насчет жилья. Я ни разу не встречал в пустыне шакала летом. Зимой—бывает. Редко.

— Давай догоним?

След петлял между барханами, и казалось, ему не будет конца. Пастухи уже решили повернуть обратно, но тут зашуршала сухая трава, из редких ее зарослей выскочил шакал и стремительно помчался, умело прикрываясь складками местности.

Мерген вскинул ружье, но тут же опустил. Он узнал Сарыга.

Отара, описав петлю, вернулась к юрте. Собаки помогли согнать овец в плотный массив. Животные сгрудились, засунули морды в овчину соседей и притихли на ночь.

Показалась и вскоре зашла луна. В черном бархате неба повисли низкие и яркие звезды. Заметно похолодало. Откуда-то донесся далекий волчий вой. Собаки ответили хриплым лаем. Есимбай послушал, вышел из юрты и трижды выстрелил в ночь, отгоняя хищников.

Сарыг не слышал выстрелов. Он стремился подальше уйти от людей.

Дни шли за днями. Немало приключений пережил шакал, пока блуждал по пескам и пересекал горный хребет Султануиздаг. У туши павшего джейрана выдержал ночной бой со степной рысью — каракалом. В скалистом ущелье встретился с дикобразом, но сумел избежать знакомства со страшными иглами. Наконец вдоль речной террасы потянулся лесок. Затем полоса тугаев расширилась, раскинулось огромное Круглое озеро.

По льду ходили люди. Сарыг подкрался к границе тростников и принялся наблюдать, как рыбаки расчищали лунки, заводили канаты и подо льдом протаскивали сети. Груды трепещущей рыбы на льду сверкали яркими красками, но мороз быстро делал свое дело — весь улов вскоре превратился в невзрачную кучу мороженой рыбы.

Ветерок донес до Сарыга дразнящий запах, шакал облизнулся и решил попытать счастья. Он затаился, выжидая.

Рыбаки увезли улов на грузовике к противоположному берегу озера. Начало смеркаться, улетели суетливые сороки, потянулись к лесу сытые, отяжелевшие вороны.

Шакал вышел на лед и отыскал мелкую рыбешку. Поев, вернулся к своему временному убежищу.

Через несколько дней зверь освоился, выбрал место для норы. Он подолгу смотрел на рыбаков и стал испытывать к ним нечто вроде доверия. Люди его тоже заметили, но не обижали, даже начали подкармливать. Один старичок оставил для забавного желтоватого шакала две-три жирных рыбины. Близость людей перестала беспокоить зверя.

Однажды Сарыг приблизился к странным постройкам на дальнем берегу. За сетчатыми оградами в двориках копошились тысячи белых уток. Птичий гомон, криканье, хлопанье крыльев разносились далеко.

Сарыг загорелся желанием добраться до вкусной добычи. Он обошел вокруг фермы, осматривая все канавки, полосы травы и кустов, выискивая удобный путь для набега. Но все тщетно. Работники фермы тщательно следили за хищниками. Сарыга быстро обнаружили.

— Шакал появился, — объявил один из работников. — Все вокруг истоптал. Настоячивый зверь.

— Надо поймать, пока не наделал бед, — приказал заведующий.

Повар, он же любитель-охотник, приготовил ловушки, замаскировал. Все было сделано правильно, но на охоте много значит случай. Вечером к повару приехал из города сын. А с гостем появилась и увязавшаяся за ним дворняжка. Ночью пес учуял запах притаившегося шакала, залаял истошным лаем и погнал зверя. И тут заднюю лапу собаки защемил стальной капкан. Пес взвыл. Выскочили люди. Повар спросонок схватил ружье и бабахнул в воздух. Началась суматоха. Сарыг понял главное—здесь капканы! Шакал бросился бежать от фермы, от людей, от их страшных орудий. За ночь беглец одолел огромное расстояние. Он бежал параллельно шоссе, пересекая ставшие знакомыми пески, и к утру вышел в обжитые человеком места, в окрестности столицы Каракалпакии—Нукуса. В таких густонаселенных местах Сарыгу бывать не приходилось. Днем он прятался на обочине хлопковой плантации, в сухом арыке. Ночью двинулся дальше, выскочил на шоссе. Перед ним возникла автомашина, свет фар ослеплял. Шакал, как заяц, кинулся прочь и кубарем покатился в кювет. Он лежал на спине, оскалив зубы, не веря в спасение. Машина промчалась мимо. Сарыг вскочил, отряхнулся и шмыгнул во мрак.

В районе нижнего течения Амударьи Сарыг облюбовал уголок леса. Неподалеку были непроходимые заросли тростников, пресная вода, изобилие дичи и рыбы...

В этом лесу недавно жил барсук. Толстого зверя подкараулили волки. Осталась нора, которую соорудил хозяин, большой мастер подземного строительства. Сарыг наткнулся на один из входов и заинтересовался открытием. Шакал осторожно сунул нос в отверстие. У входа, как обычно, ютились комары и мошкара, какие-то личинки разбежались по щелям. Мелькнула ящерица.

Шакал попятился, затем осмелел и старательно обследовал поляну, прилегающие кусты. Он обнаружил еще несколько выходов. Глубоко под землей, защищенное от летнего зноя и зимней стужи, располагалось просторное жилое гнездо. Рослый шакал чувствовал себя в нем превосходно.

В начале лета изумрудные лужайки осота пожелтели. Вместо травки появились стебельки, усыпанные похожими на овес семенами. Рыжие муравьи приступили к сбору злаков и потащили урожай в подземные хранилища. Горки пустой половы появились у входов в муравейники.

Вероятно, среди далеких предков Сарыга затесался пес. Помимо приметного оттенка шерсть его отличалась особой мягкостью, немного шерсти росло между пальцами.

Семена осота, оставшиеся на стеблях, цеплялись за шерсть. Снабженные колючками, они прочно засели у основания пальцев.

Ощувив боль, Сарыг немедленно занялся лечением—принялся тщательно выгрызать занозы, а также лишнюю шерсть между пальцами, зализывать воспалившиеся ранки. Во время этой операции одно из семян проскочило между зубами и попало под язык. Сарыг попытался выплюнуть колючку. Не получилось, наоборот, она продвинулась дальше, вызывая спазмы.

Шакал мог погибнуть от такого пустяка. Выручил инстинкт. Зверь кинулся к зарослям сухой травы, стал торопливо рвать зубами и глотать целые пучки. Это помогло. Колючка вместе с сеном прошла в желудок.

Летом Сарыг пристрастился к охоте на фазанов. Старую, опытную птицу поймать удавалось нечасто. Такие фазаны умело прятались в непролазных кустах, отсиживались по ночам на ветвях джиды, на кормежке держались открытых мест. Маленьких птенцов добыть было почти невозможно: они не издавали запаха. Когда же птенцы подросли, Сарыг занялся ими всерьез.

Шакал примечал выводок и принимался «пасти» его. Птицы довольно последовательно придерживались выработавшихся привычек. Выводок обычно ночевал в глухомани кустов или отсиживался на ветвях колючей джиды. С восходом солнца фазаны начинали перелетать к водопою и к местам кормежки. Первая птица, приземлившись, осматривалась, давала какой-то сигнал. Тогда один за другим слетались все фазаны.

Сарыг действовал хитро. Он пропускал опытных птиц и ловил затем одного-двух цыплят. Однако вскоре молодняк набирался опыта, и тогда шакал приглядывал новый выводок.

Местный егерь заметил Сарыга и однажды пугнул издали дробью. Шакал переменял место охоты.

В соседних тугаях обитали шакалы. Там жил крупный самец с подругой и щенками, два молодых зверя. Они не составляли единой семьи вроде волчьей стаи. Взаимная привязанность у шакалов слабее, однако они любили общество, устраивали по вечерам «концерты»-переключки, иногда промышляли всей компанией.

Сарыг недолго пребывал в одиночестве. Он пересек границу охотничьего участка соседней и забрался в их рошу. Пришельца заметила самка. Она коротко взлаяла и побежала навстречу нарушителю. Глава семейства взъерошил шерсть на загривке, обнажил клыки и кинулся на незваного гостя. Самка зашла с противоположной стороны. Молодые шакалы стояли в стороне, выжидая.

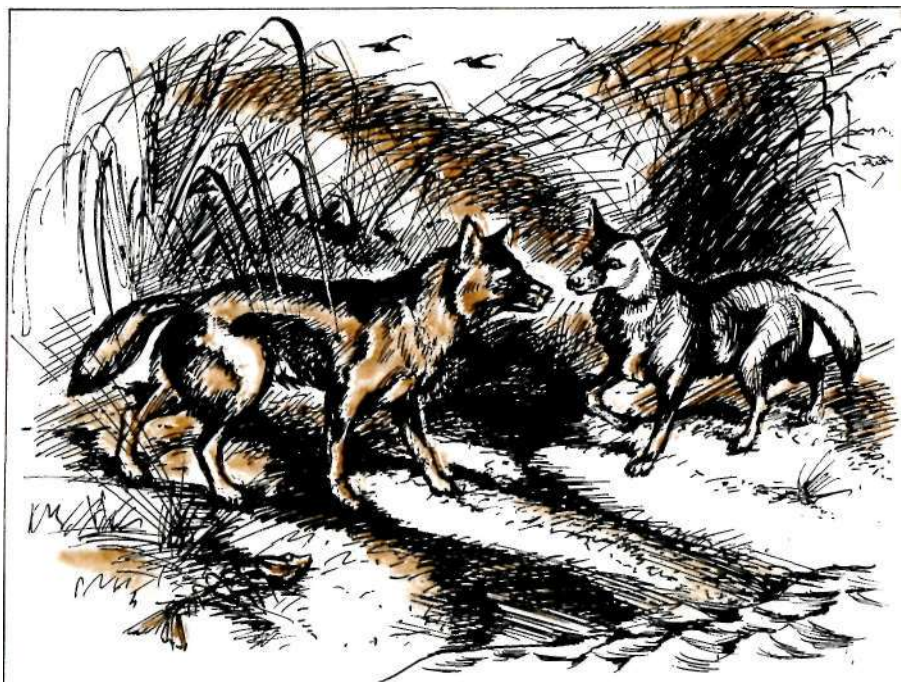
Сарыг всем своим видом постарался выразить полнейшую покорность—опустил хвост и уши, подогнул лапы, но хозяева с ним не церемонились. Грозный рык заставил гостя ретироваться.

На следующий день сцена почти повторилась, однако Сарыг вел себя настойчивее, но не агрессивнее. Он только просил его не гнать...

На этот раз самец долго и придирчиво обнюхивал гостя. Грозный хрип то стихал, то вспыхивал с новой силой. Самка стояла рядом и тихонько рычала. Сарыг снова был вынужден удалиться.

При следующей встрече зверей обстановка почему-то накалилась. Самец сразу изготовился к атаке, самка и молодые придвинулись вплотную. Назревал конфликт. Тогда Сарыг выпрямился и замер, подставив свою шею опасным челюстям хозяев. Один удар клыка мог вспороть горло пришельца. Тон рыка хозяев сразу изменился, стал мягче, стихая. Шерсть еще торчала дыбом на загривке самца, хотя дело явно пошло к миру. Сарыг нашел друзей, а потом среди них и подругу. Весной в старой барсучьей норе запищали щенки.

Дожди прекратились, как обычно, в мае, и до глубокой осени небо Каракалпакии не знало облаков. Под жаркими лучами солнца пожелтела растительность. Первыми погибли красавцы эфемеры, затем засохли степные травы. Только янтак да несколько колючек сохранили зелень. Их корни доставали влагу из глубины почвы. Спасаясь от зноя, деревья в тугаях сбросили часть листвы. Через их поредевшие кроны солнце добралось до нижнего этажа леса—к лианам, кустарникам, травам, иссушило кучи хвороста, валежник.



В своих скитаниях Сарыг часто посещал окраины поселков, хутора, полевые станы, глядел из укрытий на костры пастухов и охотников. Чуткий нос хищника улавливал резкий запах дымокуров, чад кухонь и печей, бензиновый смрад моторов. Шакал не раз обследовал оставленные людьми временные становища, обнюхивал золу костров и потухшие угли. Дым не пугал Сарыга, но однажды, разгребая из любопытства пепел, попал лапой на тлеющие угли и познал боль ожога. Шакал связал огонь с присутствием человека, не видя в нем особой опасности и не подозревая о страшной разрушительной силе пожаров. Но привелось испытать и это.

Сарыг с утра устроился на отдых недалеко от норы, на открытой поляне, вдоль которой дул легкий ветерок, отгонявший гнус. Как все хищники, шакал спал чутко, и во сне реагируя на звуки и запахи. Но первые признаки пожара не вызвали у него тревоги. Он проснулся, прислушался к отдаленному негромкому треску. Принюхался — немного пахло дымом. Запах был давно знаком. Зверь снова погрузился в дрему, не подозревая, что сухие тугаи горят без дыма.

Бедка началась с малого. Колхозники косили густые заросли тростников, опоясывающие лес. Тракторные погрузчики сгребали и подвозили копны подсохшего сена к зародам. Одна из машин закапризничала, тракторист занялся починкой. Он пробовал работу мотора на разных режимах, и временами в выхлопных газах появлялись искры. Неожиданно на сухой траве возникли слабые язычки пламени.

Парень выскочил из кабины и принялся затапывать сапогами

горящую траву. В одном месте огонь гас, но в другом оживал. И вот тоненькая струйка дотянулась до плотного массива эфироносных кустов. Они враз вспыхнули ярким и чадным пламенем. Взлетели с треском тысячи искр. Все, кто был поблизости, бросились тушить пламя, но оно двинулось по ветру. Достигнув еще не скошенных тростников—взревело. Высоко взлетали и парили в небе куски горящих стеблей, пепел. Огонь добрался до деревьев. С оглушительным треском стали рваться стволы валежника, затрещали кучи хвороста. Но пламя почти не давало дыма, и издали пожар не казался серьезным бедствием.

Люди растерянно смотрели на гибнущий лес. Первым опомнился бригадир.

— Спасайте сено! — крикнул он. — Не пускайте пламя к зародам! Бери лопаты! Цепляй плуги к тракторам!

По короткой стерне и против ветра огонь плохо набирал силу. Люди сумели здесь одолеть пламя, тем более что часть стогов заранее была опажена. Вскоре и новые полосы свежеспаханной земли преградили путь огню. Отдельные очаги прорвавшегося пламени гасили лопатами, сапогами, телогрейками...

Пожар, удаляясь, с гулом и треском крушил лес. Пламя двигалось неровной лентой, оставляя за собой едкую гарь обугленных стволов.

Когда Сарыг проснулся снова, он услышал странный гул. Сильнее запахло дымом. Птицы летели в одном направлении. Их тревожные крики заставили шакала двинуться за ними. Только пробежав с километр, он вспомнил о подруге и щенках и подал голос. Никто не ответил. Он завыл в полный голос, и снова без ответа.

Шум пожара приблизился. Хрустя валежником, выскочил перепуганный кабан. За ним ломилось стадо. Задние подталкивали рылами полосатых поросят, встревоженно ухали, оглядываясь.

Совершенно спокойно прошли рысью полудикие ослики. Протопапи раздраженные, с подпаленными шкурами барсуки. Бестолково суетились мелкие зверьки.

На взмыленных конях появились пастухи. Они гнали стада овец и коров. Сторожевые псы действовали решительно. Коровы с ужасом таращили глаза, глухо мычали, роняя пену. Глупая баранта шарахалась, сбиваясь в плотные косяки, путала направление. Даже мудрые козлы-предводители выглядели растерянными.

Наконец, масса измученных животных высыпала на просторную отмель. Лента песков—одно из весенних русл—смыкалась с протокой.

Часть животных кинулась к воде, собаки и кони стали жадно пить. Овцы сбились в кучу на мокром песке и затихли. Пастухи оглядывали спасенных животных, прикидывая потери.

Сарыг юркнул в осоку у берега. Рядом оказался зайчонок, однако косой и не думал спастись от извечного врага. Страх перед стихией уравнил всех.

Пожар вышел к берегу протоки и несколько минут бушевал в полную силу. Волны сухого жара охватили людей и животных, рассыпавшихся по пескам. Наконец пожар стал постепенно стихать. По черным остовам деревьев некоторое время еще пробегали язычки пламени, затем они погасли, потянувшись струйки негустого дыма.

Только иногда над раскаленной землей возникали призрачные следы смерчей.

Сарыг подождал, пока пастухи угонят стада в уцелевший клин тугаев. В наступивших сумерках зверь стал пробираться к норе. Земля успела остыть, но местами продолжали тлеть угли. Ни травы, ни кустов. Деревья стояли голые, с черными опаленными сучьями. У логова он вновь бросил клич. Ответа не было. Сарыг долго и настойчиво звал подругу, пока не приметил странного шакала, вихляющей походкой бредущего на зов. Он устремился навстречу, но остановился в страхе.

Мутный неподвижный взгляд, отвисшая челюсть с нитями клейкой слюны, нетвердая походка незнакомого зверя вызывали инстинктивное отвращение. Сарыг поджал хвост и бросился наутек. Бешеный шакал метнулся было вслед, затем осел на ослабевшие задние ноги. С внезапной яростью схватил и изгрыз обломок коряги и бесцельно побрел дальше...

А Сарыг после всех передряг устало осмотрелся и пошел искать новое убежище.

В дельте Амударьи тростниковые джунгли захватили каждый кусок суши и мелководья. Стройные и крепкие, высотой до пяти метров, растения образовали непроходимую чащу. Только тропы кабанов рассекали заросли.

Мутные воды реки вливались в сеть протоков и озер. Лёсс осаждался, создавая мели и бары, меняя русло. Вода постепенно отстаивалась, становилась прозрачной, но от массы растущих и отмирающих растений приобретала странный, темный оттенок.

Течение не всегда могло размыть грунт, пронизанный сплетением корней, и поток устремлялся прямо в чащу. Черноватая вода, вскипая гребешками пены, с журчанием неслась под уклон через корневища, коряги, упавшие стебли...

Сарыг забрел в джунгли. Он долго шлепал по мелководью, бродил по исчезающим тропинкам, теряя их и находя новые. Отдыхал где придется—на кочках или мелких островках, узкими гривами рассекавших болото. В конце концов шакал запутался в лабиринте тропинок. Он попал в места, где из-за постоянных колебаний уровня воды и частых наводнений не могли обитать мыши, песчанки, суслики, зайцы. Но ловить птиц не представляло особого труда. То заснувшая на островке утка, то беспечный кулик или бекас попадали на обед хищнику. Однажды шакал схватил крупную чайку, всполошив всю колонию. Эти птицы успели нанести ему несколько чувствительных ударов клювами. Пришлось выпустить из пасти добычу и начать огрызаться. Чаек Сарыг больше не трогал, зато приспособился промышлять серых цапель. Они держались парами или выводками, попадались и одиночки. Птицы степенно расхаживали по болотистым отмелям, замирали, карауля добычу, и вдруг молниеносными ударами клюва хватали некрупных рыб и лягушек. Зоркие птицы обычно вовремя замечали хищника. Молодые же цапли нередко устраивали свои засады среди стеблей тростников. Их оперение сливалось с растительностью, удачно маскировало охотников, но и шакалу нетрудно было подойти незамеченным. Сарыг терпеливо подкарауливал неосторожную птицу, впиваясь в длинную шею. Однажды он промахнулся и ухватил жертву за основание крыла. Цапля изогнула шею и нанесла

свирепый удар кинжалом-клювом. Она целилась в глаз, но шакал успел увернуться, отметина же на морде осталась навсегда.

Шакал часто находил хатки ондатр. Низкие, заболоченные берега не позволяли водяным грызунам устраивать норы в откосах грунта. Они натаскивали кучи тростника, водорослей, ила и, когда масса высыхала, выгрызали в ней ходы и норы. Выход из гнезда устраивался под водой. Прочный купол крыши служил столовой. При появлении хищника поднимался шум, плеск, зверьки ныряли и исчезали надолго.

Шакал изловил молодого зверька, но мясо показалось невкусным, и хищник больше не трогал ондатр.

Как-то шакал увидел высокие деревья, растущие правильными рядами. Густые кроны трепещущих от ветра листьев начинались высоко от земли. Ниже прижались к стволам сплетения сухих ветвей. Тишина ясного солнечного утра, ласковый шепот моря, мирные хлопоты множества птиц создавали впечатление безмятежного покоя. Однако многоопытный Сарыг держался настороже. Он не находил следов других зверей. Только быстроногий бродяга-волк, промышляя у моря, оставил цепочку следов. Шакал подошел к ним. Шерсть на его загривке встала дыбом, он сторожко озирался. В полдень с моря подул свежий ветер. К вечеру он достиг силы шторма. Седые от пены валы с ревом побежали на низкий берег. На мелком месте они вспухали, обрастали гривами и тяжелой массой вод крушили все на своем пути.

Волна за волной набегала на равнину, быстро затопливая низкие места. Под напором ветра уровень моря поднялся, и побережье скрылось под водой.

Сарыг успел удрасть от наводнения. Из-за усталости и непогоды у него пропал аппетит, только мучила жажда. Зверь поживился арбузом на заброшенной бахче и залег отдыхать. Ночью он пустился дальше по кромке тростниковых зарослей. Вскоре шакал увидел стада коров, овец, табуны коней и верблюдов. Между ними разъезжали пастухи, бегали собаки, а за полем начинался лес.

Привычная картина обрадовала Сарыга. Он залег в кустах и стал дожидаться вечера. На закате пастухи съехались к стану, стреножили лошадей, установили марлевые пологи и развели костёр. Запах дыма и горячей похлебки дошел до шакала. Он почувствовал голод, встал, потянулся и под покровом темноты безбоязненно направился к тугаям, к границе недавно созданного здесь заповедника.

Пасшиеся недалеко кони учуяли хищника и заржали. Встрепенулись и подали голос собаки, но шакал успел нырнуть в заросли. Запоздало прогремели выстрелы дежурного пастуха.

Появление нового шакала не прошло незамеченным. Оберегая свой участок, егерь вышел на досмотр еще в темноте и до рассвета спрятался в засаде. Едва стало светать, его внимание привлекли два шакала, занятые обследованьем коряги на отмени. Крупный самец с необычным оттенком шкуры уверенно разгребал лапами кучу плавника. Изящная самка суетилась рядом, поглядывая по сторонам. В бинокль отлично была видна ее лукавая мордочка.

Шакал добрался, наконец, до спрятанной в корягах рыбы, вытащил ее и предложил подруге.

Егерь был стар. Он многое повидал в жизни. Семейная сцена четы шакалов заставила его добродушно улыбнуться.

Днем егерь побывал в конторе и рассказал о пришельце. Необычным по окраске шакалом заинтересовались. Директор заповедника поручил установить особое наблюдение за редким зверем. С тех пор закон стал охранять Сарыга.

Солнце село за ажурную кромку леса. Наступившая темнота гасила краски, смазывала детали. Зато осветилась дорожка лунного света, перечеркнувшая водную гладь. Ослепительный блеск Венеры затерялся в россыпи высыпающих звезд. Только на западе еще продолжала светиться оранжевая полоска вечерней зари. Просвистели крыльями последние табунки диких уток, закончился перелет степенных цапель. Чайки и кулики угомонились на отмелях. Далеко-далеко прокричали и затихли гуси. На болоте ухнула выпь. Для хищников началась пора охоты.

Матерый шакал, дремавший в примятой траве, приподнял голову, потряс ушами, отгоняя комаров, и легким движением выскочил на поляну. В свете луны засеребрилась необычно светлая шкура зверя.

Ветерок принес хорошо знакомые запахи трав, нагретой за день земли. Сильный аромат исходил от растущих вокруг полыни, зубровки, мяты... Пахло мелкими птичками, ночевавшими в кустах, лягушками, ящерицами, жуками... Все это скользило мимо, не вызывая интереса.

Внезапно возник резкий запах ядовитой змеи — гюрзы. Зверь слегка повел мордой, следя за шелестом ночной охотницы. Еще один порыв капризного ветра донес аромат рыбы и почти неуловимый, сладковатый — падали.

Хищник потянулся, отгоняя остатки сна, отряхнулся, чтобы сбросить колючки и репей, и хрипло взлаял.

В ближних кустах послышался шорох, появился шакал. Недалеко тьякнуло несколько молодых голосов. Матерый зверь поднял морду и уверенно кинул клич начала охоты.

— Нны-ы-ы-ы... — пел он.

— Ыы-ы-ы-ы... — на разные голоса подхватил выводок.

— Ыы-ы-ав!... — закончил вожак и деловито потрусил к добыче.

Хищники не ринулись прямо к падали. Стая двинулась к цели против ветра, маскируясь зарослями и складками местности. Запах павшей лошади постепенно усиливался. Он, как обычно, переплетался с опасными запахами человека, дыма, пороха... Вожак остановился, стая замерла. В заповеднике, конечно, никто не ставил капканов, но уроки прошлого Сарыг запомнил крепко. Осторожно шакалы подобрались вплотную к темневшей на песке туше. Никто, кроме ворон и сорок, еще не трогал ее, и перед стаей лежало богатое угощение. Однако звери замерли.

Низкий угрюмый вой повис над тугайными дебрями. Неизвестно откуда шел звук, наполнявший пространство.

— У-у-у-у... — предупреждал невидимый волк. — У-у-ов, — закончил он грозно. — Не трогать!

Чуть дрогнули тростники, и из зверового лаза в их стене выскользнула тень. Крупный волк, опустив лобастую голову, провыл повторно и уверенно направился к падали. Затем появилось еще три серых.

Как пригоршня сухих листьев от порыва ветра, разлетелись в разные стороны шакалы и затаились в кустах. Они молча выжидали развития событий, но, когда затрещали кости в крепких челюстях

пришельцев, не стерпели. Звери выскочили на отмель, закружились вопя и причитая.

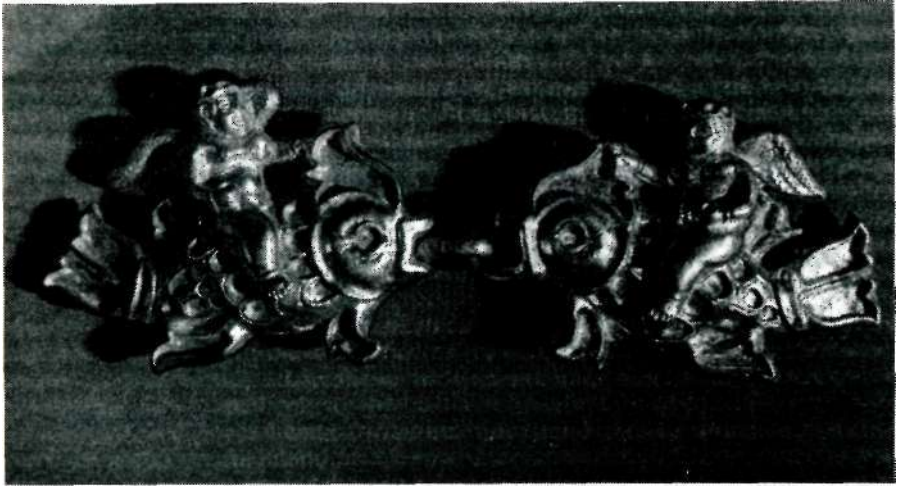
Пока волчья стая справлялась с тушей лошади, шакалы были вынуждены держаться в сторонке. Однако на этот раз счастье улыбнулось Сарыгу и его семейству. Волки не были очень голодны. Насытившись, они хотели было залечь поблизости, посторожить остатки добычи. Однако опытная волчица, ведущая стаю, решила по-иному и увела ее.

Шакалы далеко не каждый день лакомились мясом. Они жадно набросились на остатки. Лучшие куски волки съели, но и осталось немало.

Солнце позолотило вершины деревьев. Певчие птицы начали утренний концерт. Начинаясь новый день.

ЗОЛОТО БАКТРИЙСКИХ ЦАРЕЙ

Очерк



Мы сидим на втором этаже в баре международного аэропорта Шереметьево в ожидании рейса. Впереди Афганистан, будни археологических экспедиций, знойные пыльные бури, сменяющиеся дождливым ветреным ненастьем.

Вот и посадка. Пока самолет пересекает просторы нашей страны, в памяти встают полевые работы первой советско-афганской археологической экспедиции. Вот уже десятый год отправляемся мы на три месяца на север Афганистана, в древнюю Бактрию, где ведутся раскопки.

Пешком, верхом, на автомашинах проделаны многокилометровые маршруты. Вспоминаются радости первых счастливых открытий и горечь разочарований—словом, все то, что составляет нашу работу.

Кабул встретил нас ясным октябрьским утром. Быстро заканчиваются необходимые формальности, и уже через несколько дней мы выезжаем в город Шиберган, на север страны. Направляемся в те же места, что и десять лет назад, в первый полевой сезон. Тогда наше внимание привлекли величественные руины огромного античного города Емши-тепе. Территория его оказалась обнесенной мощными оборонительными стенами, усиленными боевыми башнями. В северной части располагалась высокая цитадель, возможно с дворцом—резиденцией местных правителей. Взобравшись на оплывшие бугры былой цитадели, нетрудно было представить, где вдоль прямых улиц некогда располагались дома горожан, лавки купцов, мастерские ремесленников. Но пока все это оживало лишь в нашем воображении. Только раскопки могли внести необходимую ясность, и вскоре они начались. Десятки рабочих-землекопов ежедневно вскрывали все новые и новые древние помещения, извлекая из-под обрушившихся

стен и крыш то обломки сосудов, то сломанную детскую игрушку, то случайно закатившуюся под циновку монету. Вот эти-то находки и помогли установить, что город Емши-тепе был построен на рубеже нашей эры.

Параллельно шло обследование и других памятников в окрестностях. Почти все они представляли собой античные селения, некогда окружавшие Емши-тепе.

Неожиданно наши работы были прерваны. Переходя от одного холма к другому, мы вступили на поросшую травой поверхность очередного, казалось, ничем не отличавшегося от соседних бугра. Но что это? Под ногами обломки посуды. Она была изготовлена примерно на 1000 лет раньше, чем возник Емши-тепе! Иными словами, это было наиболее древнее поселение всего Шиберганского района. Оно возникло около трех тысяч лет назад. Понятно, что столь древний памятник, к тому же называемый местным населением Тилля-тепе («золотой холм»), в первую очередь стал объектом предварительных раскопок.

Постепенно стало очевидно, что холм Тилля-тепе представляет собой руины не рядового поселка, а монументального сооружения, видимо храма, построенного в конце II тысячелетия до н. э. Благочестивые прихожане возвели на этом месте шестиметровой высоты кирпичную платформу, обнесли ее мощной оборонительной стеной с круглыми башнями. Внутри храм разделяла массивная стена на два парадных многоколонных зала с алтарем в центре одного из них. Несколько раз храм перестраивался и видоизменялся, пока к середине I тысячелетия до н. э. не был сожжен пришельцами. На пепелище некоторое время ютилась небольшая деревушка, но и она вскоре опустела. В IV в. до н. э., когда в Бактрию вступают войска Александра Македонского, это был уже совершенно безлюдный холм, и лишь местами небольшие провалы обозначали контуры былых помещений, сильно оплывших и поросших травой.

Но все это удалось доказать позднее, в ходе широких раскопок, а когда мы приступили к началу работ для выяснения общей конфигурации храма, необходимо было выявить его внешние контуры. Расчистили южный, затем западный фасы, очередь дошла до северного, когда в один пасмурный, дождливый день под лопатой одного из рабочих мелькнул какой-то желтый диск. Вскоре мы рассматривали тонкий золотой кружок с отверстием у края. Тут же стали обследовать участок, где была сделана находка, и отброшенную накануне кучу земли. В первом случае под кистями и щетками археологов вскоре заблели человеческие кости, а в куче земли мы обнаружили 164 мелких золотых украшения! Это было древнее захоронение с золотыми вещами. Приступили к тщательной расчистке захоронения. Забегая вперед, отметим, что полное исследование могилы потребовало свыше полутора месяцев кропотливого труда всего коллектива советских и афганских археологов. Никому из нас не приходилось раньше сталкиваться с «золотыми захоронениями», поэтому методика раскопок во многом выработывалась опытным путем.

За несколько дней до находки захоронения во влажной глине появились обломки каких-то грубых железных изделий с торчащими зубьями длинных гвоздей. Тогда мы не придали особого значения железным полоскам. Теперь же все встало на свое место. Точно



такие железные скобы лежали попарно у черепа, таза и ног покойника. Как оказалось, с их помощью скреплялись части деревянного гроба. Родственники умершего уложили его в гроб лицом вверх, с вытянутыми вдоль тела руками. Они обрядили покойника в богатое погребальное одеяние: короткую, доходящую до бедер рубашу, длинные до щиколоток штаны, поверх которых было надето платье. Возможно, была еще короткая накидка или плащ. Все погребальные одежды были затканы золотым шитьем. Мы нашли золотые булавки в виде многолепестковых розеток, массивную золотую серьгу.

Шею умершего охватывала золотая цепочка (пектораль) с простой застежкой на концах. На его правом плече находилась круглая коробочка с крышкой, выточенная из слоновой кости и поразительно напоминающая современные пудреницы. Когда сняли крышечку, под ней нашли плотный, слежавшийся порошок белого цвета. Около ног погребенного была положена круглая плетеная корзиночка с косметическими принадлежностями: сурьмой для бровей и ресниц, ярко-красными румянами и белилами. Рядом с этим набором был найден железный ланцет для выщипывания бровей. Все это со всей очевидностью свидетельствовало о погребении молодой женщины лет 25—30.

Ткань сгнила, но все же удалось установить, что платье на груди

было расшито в несколько рядов крупными шестилепестковыми розетками, а длинные штаны — как бы лампасами — прямой полосой золотых полусферических бляшек.

Среди украшений шитья оказались золотые пластинки с рельефным изображением человека с дельфином на плече. Это мотив, бесспорно навеянный средиземноморским миром, ведь дельфины в Бактрии не обитают.

На пальце руки было тонкое, сильно стертое золотое колечко с простым орнаментом. К нему мы еще вернемся, пока лишь отметим, что среди парадных украшений колечко выглядит слишком скромно. Скорее всего оно никогда не снималось с руки.

Итак, на Тилля-тепе в античную пору была погребена богатая молодая женщина. Но что это: случайное, единичное захоронение или же здесь располагался специальный могильник? Ответ дали последующие работы.

Для выяснения конфигурации монументального храма решили заложить узкую, но длинную траншею по северному склону холма. И тут совершенно неожиданно в траншее появилось округлое тулово серебряного сосуда. Осторожно зачистив площадку, обнаружили прямоугольной формы «пятно», которое оказалось могильной ямой. Теперь появились все условия, чтобы установить, кто и как был похоронен здесь.

На склоне, как оказалось у подножия холма Тилля-тепе, была прорыта глубокая прямоугольная в плане шахта, на дно которой опустили деревянный гроб. На высоте около полутора метров от дна могильную яму перекрыли деревянными плахами и засыпали землей. Таким образом, впервые с документальной точностью было установлено, что в момент захоронения гроб стоял в пустотелой камере и лишь позднее обрушилось перекрытие.

Прямоугольный деревянный гроб установили на невысоких ножках, вместо крышки на гроб накинута широкое покрывало с нашитыми золотыми и серебряными дисками. Покойник лежал на спине, лицом вверх, с вытянутыми вдоль тела руками. На голову была надета высокая, конической формы тиара, расшитая двойными золотыми дисками, свободно вращающимися на золотых же проволочках. Нетрудно представить, как звенели и блестили под бактрийским солнцем золотые диски высокой тиары даже при легком повороте головы.

Нижняя челюсть была опоясана золотой лентой, украшенной золотыми же цветочками. Волосы были подхвачены головными булавками, золотые фигурные навершия которых украшал жемчуг.

Но, пожалуй, наиболее поразительными оказались золотые подвески у висков. Двусторонние, отлитые в сложной технике, они изображали царя, борющегося с драконами. Впервые за многие века на свет взглянули широкоскулые лица с косыми, по-рысьи поставленными глазами и прямыми носами. Властные и суровые, они передают образ правителя, особое положение которого недвусмысленно подчеркивает высокая корона. Из-под короны на плечи легкими косыми прядями спускались длинные пышные волосы; шею охватывала гривна. Короткий, свободно запахнутый кафтан был перетянут кушаком. Расставленные в стороны руки упирались в рогатых крылатых драконов с широко раскрытыми пастьями.

Образ правителя-драконоборца, достаточно популярный в греко-



Золотые подвески с изображением государя, борющегося с драконом

римском античном мире, получил на бактрийской почве своеобразную трактовку.

Пальцы умершего были унизаны золотыми перстнями с вставками с изображением богини Афины, причем в одном случае сохранилась надпись греческими буквами: «Афина», но в зеркальном изображении, что характерно для печаток, которыми делались личные оттиски.

В еще большей степени соединение греческих и восточных культурных традиций характеризует золотая статуэтка крылатой женщины с широкоскулым лицом и миндалевидными глазами. На голове ее сложный головной убор в виде тюрбана. Нижняя часть тела задрапирована одеждой, перехваченными по линии бедер толстым витым жгутом. У левого плеча миниатюрная фигурка крылатого эрота с луком в руке, причем еле намеченное лицо его во многом сходно с лицом женщины. Очевидно, мастер придал своему произведению черты соплеменниц.

Так или иначе, но фигурка эрота не оставляет сомнения, что перед нами образ греческой богини любви—Афродиты, вернее, ее бактрийский вариант.

Не менее пышны погребальные одеяния умершего. Короткая рубаша оказалась расшита на груди золотыми, инкрустированными бирюзой дисками, образующими три широкие ленты, идущие от воротника к подолу. Рубаша застегивалась двумя золотыми застежками в виде крылатых эротов, сидящих верхом на рыбах, которым придано обличье дельфинов.

Но и это еще не все. Под манжетами на запястьях рук мы обнаружили массивные золотые браслеты, несомкнутые концы

которых отлиты в виде скульптурных фигур антилоп. Они изображены в момент стремительного бега. Тела антилоп богато инкрустированы бирюзовыми вставками, но особенно восхитительны глаза, в уголки которых вставлены почти микроскопические бирюзовые кусочки, а зрачки—сердоликовые бусинки цвета зрелого меда. Потертая поверхность браслетов говорит, что умерший носил их при жизни. Наконец, массивные золотые (весом до 0,5 кг) ножные браслеты надеты были на щиколотки ног, но художественной ценности они не представляют.

Штаны оказались расшиты многочисленными золотыми бляшками. Поверх этой одежды был наброшен длинный халат и, возможно, погребальный саван.

В гроб положили оружие в виде железного боевого топора и двух ножей.

Раскопки Тилля-тепе продвигались своим чередом. На вершине холма обнаружили третье погребение. С самого начала нас насторожил тот факт, что чуть в стороне находилась куча мелких золотых украшений, которые могли быть принесены сюда какими-то грызунами. В археологической практике не редкость, когда полевые мыши облюбовывают древние захоронения, особенно в сухом месте.

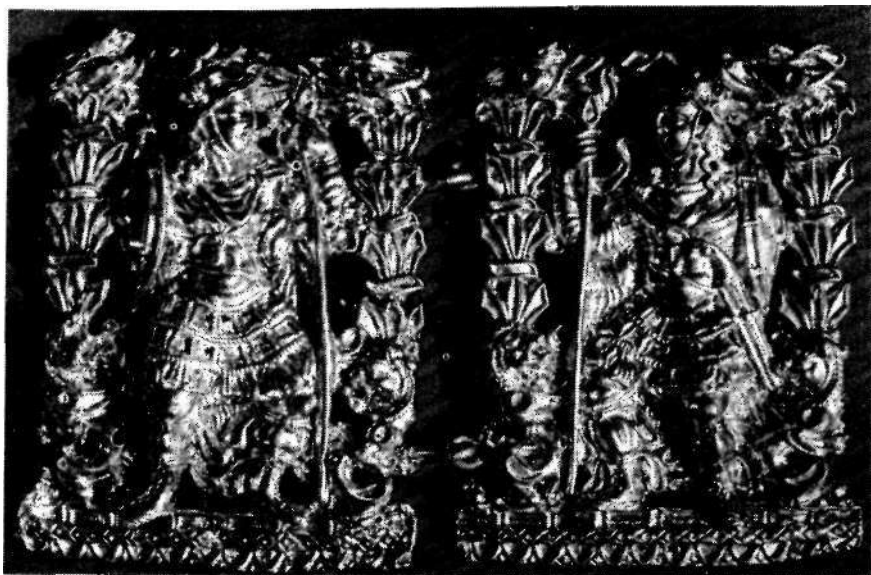
Осторожно зачистили площадку над могильной ямой, но эти меры предосторожности оказались напрасными. Еще в древности, когда могильная яма была пустотелой, здесь обосновалась колония мышей, которая из поколения в поколение проверяла крепость своих зубов на костях и золотых изделиях погребенного. На дне могилы находились входы в три мышиные норы. Мы извлекли оттуда около 1000 мелких золотых изделий. Безрадостная картина предстала перед нами. От скелета на месте сохранились лишь чашечки затылка, тазовые кости и стопы ног. Мелкие обломки костей перемешались с безнадежно испорченными ювелирными изделиями и комками земли.

Тем не менее удалось установить, что и здесь в прямоугольной могильной яме, первоначально пустотелой, стоял деревянный гроб без крышки. На покрывале были нашиты золотые диски. Покойник лежал на спине. Голова его, некогда увенчанная золотой решетчатой короной, покоилась в золотом же сосуде. Шею покойного украшало ожерелье из крупных золотых шариков, покрытых мелкой зернью.

Главное украшение составляли три золотые застежки, располагавшиеся под шейей и свидетельствующие по крайней мере о трех слоях погребальных одежд. Самая нижняя, видимо от рубахи,—это две одинаковые золотые половинки, отлитые в виде эротов, сидящих на рыбах. На головах у рыб пышные султаны, инкрустированные крупными выпуклыми бирюзовыми вставками; бирюза и лазурит использовались для передачи рыбьей чешуи, плавников и хвостов.

У эротов жирные, пресыщенные жизнью лица с обвислыми щеками и чувственными губами. Это очень далеко от античных образов. Надо полагать, местные мастера уже смутно представляли себе этих некогда хорошо известных здесь персонажей греческой мифологии.

Крупные застежки, которыми закалывался то ли длинный халат, то ли плащ, представляли собой изделия, подобных которым еще не было найдено археологами. Это две золотые прямоугольные пластины, отлитые в сложной прорезной ажурной технике, в высоком рельефе. Они изображают воинов в полном боевом облачении.



Золотые застёжки с изображением греческого бога войны Ареса

Из-под шлема с закрученным султаном и двумя торчащими вверх рожками длинными прядями ниспадают вьющиеся волосы. На плечи накинут плащ, который мягкими складками опускается до самой земли. В одной руке воина зажато длинное копье, в другой— круглый щит; сбоку к портупее подвешен меч с рукоятью в виде орлиной головы. Фигуры заключены в рамки из стилизованных растений, причем в верхних углах расположены птицы, держащие в клювах развевающиеся ленты, в нижних—миниатюрные крылатые драконы с оскаленными мордами.

Скорее всего на застёжках изображен бог войны Арес, однако длинные струящиеся по плечам волосы и в особенности рога на шлеме могут намекать на Александра Македонского, за которым на Востоке прочно сохранилось прозвание Александр Двурогий.

Возможно, на плащ были нашиты четыре круглых золотых медальона с однотипными погрудными человеческими фигурами. В высоком рельефе изображены головки, увенчанные прической. Округлые лица с самодовольной улыбкой скорее всего передают образ одного из божеств греческого пантеона.

Трудно перечислить все изобилие золотых изделий этого захоронения, включающих золотые сосуды, в том числе с греческими надписями, золотые ручные и ножные браслеты, золотые нашивки с изображениями греческих богов. Но об одной находке стоит упомянуть.

Как оказалось, к обуви покойного были аккуратно пришиты золотые подошвы в натуральную величину, что не только лишний раз подчеркивает царственное величие умершего, но и указывает на характер заупокойных ритуалов. Кажется, впервые в археологиче-

ской практике обнаружены подобные детали, показывающие, что потусторонний мир рисовался продолжением реального, куда особы царственного рода должны вступить в золотой обуви. И недаром в изголовье гроба были поставлены в ряд три керамических кувшина, из которых вино разливалось в двуручный сосуд, а затем в кубок. Как видно, государи не были уверены в оказании им царских почестей на том свете и предпочитали о вине позаботиться заранее.

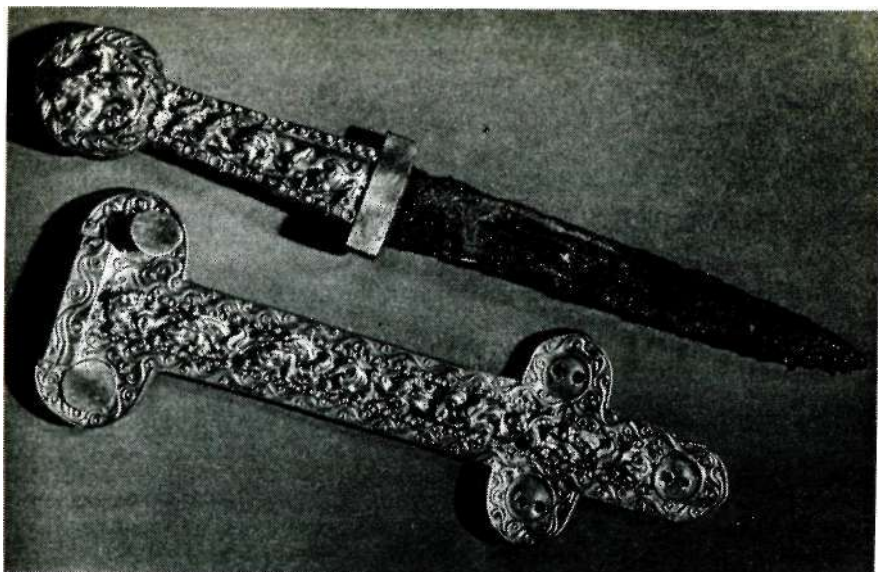
Но не только богатством погребальных украшений отличается это захоронение. В нем впервые были найдены монеты — документальные свидетельства времени захоронения. Одна из них, серебряная, отчеканена в соседней Парфии, когда там в 123—88 годах до н. э. правил царь Митридат. Вторая, золотая, выпущена на территории современной Франции при римском императоре Тиберии, правившем между 16—21 годами н. э. Таким образом, умерший был погребен на Тилля-тепе скорее всего на рубеже нашей эры. То было смутное время, когда в Бактрию хлынула с севера масса кочевников, сжигая и разрушая все на своем пути. В конце концов они осели на завоеванных землях, заложив основы нового, еще неизвестного нам царства. Не посчастливилось ли нам обнаружить могилы именно этих первых царей, вчерашних кочевников, ставших оседлыми горожанами? В таком случае это первое открытие подобного рода не только в Бактрии, но и на всем Древнем Востоке.

При необыкновенной заманчивости такого предположения нужны были конкретные доказательства этого. И они пришли при обнаружении четвертого захоронения. Раскопки показали, что гробницу соорудили в руинах к тому времени заброшенного монументального храма, частично разрушив одну из стен. На глубину около двух метров была прорублена прямоугольная шахта, в которую опустили деревянный гроб. Ответ на наш вопрос мы нашли в самом начале раскопок, углубившись на 30—40 сантиметров в землю. Здесь, на краю могильной ямы, мы обнаружили целый конский череп и кости передних лошадиных ног. Некогда завернутые в кожу, они представляют собой типичную деталь кочевнического погребального обряда.

У изголовья гроба находилось железное походное кресло, обтянутое кожей, лук и колчан со стрелами. Сам гроб родственники закутали кожаными расшитым узорчатым орнаментом покрывалом с золотыми дисками.

Казалось, уже трудно превзойти изобилие царской роскоши предыдущего погребения. Но четвертое захоронение как по количеству, так и особенно по художественной ценности изделий затмило все, что нам ранее было известно. Почти двухметровый гигант был облачен в богатые одеяния, сплошь затканые золотом. Голова его покоилась в великолепном золотом сосуде, на бортике которого сохранилась греческая надпись. Шею охватывала витая золотая цепь с камеей, изображавшей человека в низко надвинутой на лоб каске. Высокомерное лицо с прямым носом, широко раскрытыми глазами и капризно изогнутыми губами удивительно напоминало портретные изображения греко-бактрийских царей на древних монетах. Не исключено, что эта камья изготовлена греко-бактрийскими резчиками и лишь позднее ее использовали для наградного украшения.

Умершего опоясали кожаной портупеей, на ее полукруглых золотых бляшках рельефно выступали изображения то спокойно



Железный кинжал в золотых ножнах со сценой терзания животных

отдыхающего грифа, то диких зверей, свернувшихся клубком и злобно кусающих свою собственную лапу или хвост.

К португее был пристегнут кинжал в золотых ножнах, украшенных замечательным сюжетным орнаментом. В длинную цепочку вытянулись крылатые грифоны, зубастые драконы, хищники кошачьей породы, каждый из которых вонзил свои клыки в круп впереди идущего зверя. Эта же устрашающая сцена переходит на ручку кинжала и заканчивается на округлом навершии, где изображен медведь, сосущий виноградную лозу. В этом сказался неиссякаемый народный юмор бактрийцев, сумевших завершить мрачную, даже трагедийную сцену взаимно терзающих друг друга существ образом миролюбивого медвежонка, добродушно смотрящего на свет и как бы утверждающего оптимизм всего бытия.

У левого бедра умершего находился длинный обоюдоострый меч—свидетель былых побед воина-правителя. Богато расшитое золотыми бляшками одеяние помимо погребальной рубахи включало длинные кочевнические штаны, заправленные в короткие сапожки, крепившиеся двумя круглыми золотыми обувными пряжками. На них изображена колесница с прямоугольным кузовком, над которым на двух высоких бамбуковых шестах колышется балдахин. На колеснице восседает человек с неестественно запрокинутой головой.

Талия государя-воина была перетянута золотым плетеным поясом, украшенным девятью золотыми круглыми бляшками, отлитыми в высоком рельефе. На каждой пряжке изображен один и тот же сюжет—женщина, сидящая на льве. Лев показан в профиль с повернутой назад мордой; на спину брошена попона, стянутая ремнем. Женщина одной рукой властно, по-хозяйски опирается на

К очерку
Александра Рогова
«У СКАЛ ПУТЯТИНА»



Скалы Унковского подарили нам, аквалангистам, подводную встречу с хозяином дна морского — осьминогом. Борьба в воде и...

...обессиленный моллюск на спине у Олега Яременко, устремившегося на берег



В свете лампы-вспышки девятилучевая морская звезда солястер на склоне подводного утеса сверкает, как маленькое солнце

Распустив шупальца, актиния поджидает очередную жертву, привлекая ее и формой, и расцветкой, но стоит ей насытиться или «напугаться»...

...и красивый морской «цветок» превращается в малоприглядную одноцветную кочку





Морской огурец — трепанг выбирает для своих маршрутов чистые и открытые участки дна

Нептуния носит свой «дом» вполне законно: она его и «построила», и живет в нем, но если моллюск погибнет, то его жилище не будет пустовать — оно достанется вездесущему раку-отшельнику

Маленький кустик очень похож на коралл, но это водоросль кора длинна, известковые веточки которой более хрупки, чем у полипов

Среди лимотамний — известковых водорослей — поселился морской червь — нерис



Соседки-актинии отдыхают, свернувшись в клубки, а старая, обросшая «мхом» и одинокая модиола работает и работает: она процеживает сквозь ряды шупалец-ресничек морскую воду, по крохам собирая свой «хлеб насущный»



Морская звезда потирия мирно пасется вместе с морскими ежами, подбирая со дна съедобную мелочь



К очерку
Вячеслава
Крашенинникова
«ШВЕЙЦАРИЯ: ТУРИЗМ
И ОКРУЖАЮЩАЯ
СРЕДА»

Старинная крепость Грюйер,
кантон Фрибур. Из ее ворот
выезжали некогда шевалье —
рыцари

Удивительно живописны праз-
дничные костюмы грюйерцев!

На главной улице Грюйера
идет киносьемка

Лавочки Грюйера, где можно
купить приглянувшийся
сувенир





«Медвежья яма» в Берне, столице Швейцарской Конфедерации

Водопад Гисбах в Центральной Швейцарии



Деревенская улица

Старая английская гостиница у Гисбаха





Барабанщики открывают карнавальное шествие в Лейзана, Нижний Валлис

Аскона—город кинофестивалей в кантоне Тессин

Автострада. Тессин



К очерку
Виктора Сарияниди
«ЗОЛОТО
БАКТРИЙСКИХ
ЦАРЕЙ»



Общий вид храма

Золотой перстень

Золотая клипса



Золотые ножные браслеты





Борис Наконечный
КАРПАТЫ
ЗАЛЕЧИВАЮТ РАНЫ

Фотоочерк
(стр. 417—418)

Олени — гордость карпатских лесов

Мост через реку Брежкулец

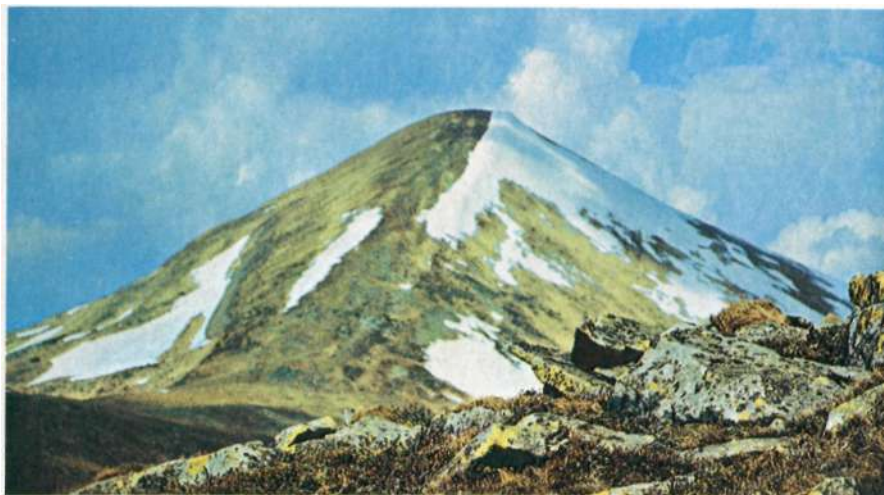


Растение из Красной книги
СССР. Горечавка вырезанная



Слизняк—лакомое блюдо
медведей





Говерла — самая высокая вершина советских Карпат

Дом для научных работников на подступах к Говерле

Пралисы — пращеры лесного царства



Эдельвейс — цветок из легенды



Росистое утро, сочные цветы.
Калужница болотная

Сергей Кулик
ПО НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ
Фотоочерк



Встречают иностранцев в Новой Зеландии довольно неожиданно. Как бы вы ни добирались до этой самой далекой от нас страны — по воздуху или по морю, первое, что сделают таможенники, — попросят... снять ботинки. Возьмут их в специальную комнату, внимательно осмотрят и вычистят подошвы, иногда даже изучат кусочки прилипшей к ним почвы под микроскопом и лишь тогда возвратят владельцу. Если обувь в багаже, попросят ее вынуть оттуда и тоже почистят подошвы.

Так новозеландцы оберегают от возможных инфекций основу основ своей экономики — зеленые пастбища. У этой удивительно красивой страны уникальная структура земельного фонда: из 17,6 млн. га используемых земель 8,3 млн. заняты культурными пастбищами, а еще 8,4 млн. га используются как естественные пастбища и луга. Новая Зеландия запоминается как страна зеленых гор и зеленых долин, городов и уютных ферм, окруженных изумрудными пастбищами (фото 1).

Пастбища, конечно, культивируются не для красоты. На островах живет 3 млн. человек, которым принадлежит 63 млн. овец и 10 млн. коров, или 24 головы на одного человека. Это один из многих мировых рекордов Новой Зеландии, где, как шутят ее жители, «овца правит бал». Это определяет и своеобразную структуру новозеландского экспорта, 30% стоимости которого падает на долю мяса, 24% — масла и сыра, 17% — шерсти.

«Две краски у моей страны — зеленых гор и синих вод», — сказал известный новозеландский поэт Ч. Брэш. Близость океана чувствуется в этой стране повсюду, причем в Окленде — крупнейшем городе страны, расположенном на узком перешейке, с окрестных

холмов можно увидеть сразу Тасманово море, относящееся к бассейну Индийского океана, и необозримый Тихий океан. Тогда, на восток, самая близкая к Новой Зеландии страна — Чили. А расстояние между этими «соседями» — 9400 км (фото 2).



«Есть третий цвет у наших гор — более белого снега лежат на них», — писал Ч. Брэнш. Суровая Антарктида здесь куда ближе, чем экватор, и поэтому даже невысокие новозеландские Альпы на Южном острове часто одевают зимнее покрывало (фото 3).



Новая Зеландия — страна действующих вулканов и гейзеров. Многие из них уже работают на человека. В знаменитой Долине гейзеров построена электростанция Уаиракеи — самая большая гидротермальная электростанция нашей планеты (фото 4).

Город Крайстчерч — центр наиболее богатого района страны, расположенного на Кентерберийской равнине (фото 5). Он знаменит своим университетом.



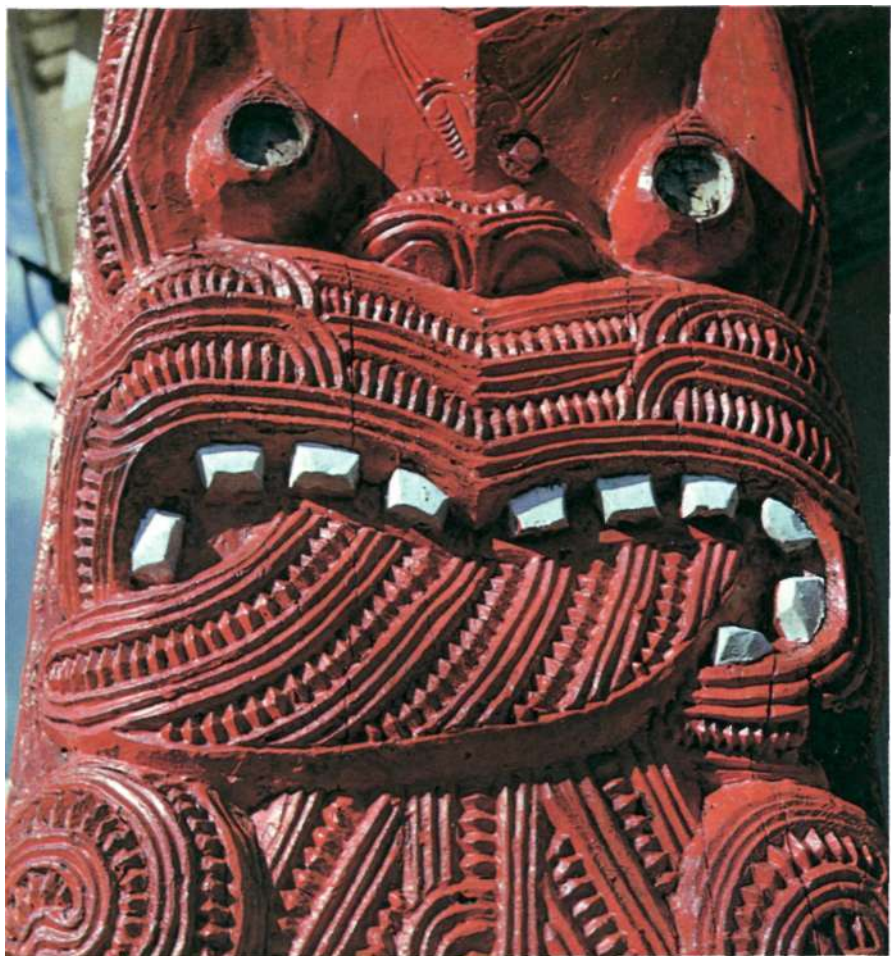


Новозеландская столица пользуется дурной известностью самого «продуваемого ветрами» города мира. Веллингтон расположен на берегу узкого и гористого пролива Кука, связывающего два океана. По проливу, словно по аэродинамической трубе, днем и ночью гуляют ветры. В узких улицах-щелях современных приморских кварталов, застраиваемых небоскребами, эти сквозные ветры лишь усиливаются (фото 6).



Однако не все, конечно, во внешне процветающей Новой Зеландии могут разрешить себе жить в особняках на холмах. Сэму Смартону, рыбаку из столичного пригорода, домом служит море. «Если я задержусь в семье дольше, чем проведу времени за делом, завтра детям нечего будет есть», — рассказывает он (фото 7).

Новую Зеландию нередко называют Британией Южных морей, страной «более английской, чем сама Англия», забывая при этом, что речь идет о стране, имеющей свое аборигенное население. Это маори, ныне 230-тысячный народ, потомки древних мореплавателей, переселившихся сюда в X—XIV вв. из Полинезии. Маорийские легенды гласят, что долгий путь через океан указал им бог Теко-Теко. И поэтому в



любом месте, где сегодня живут маори, можно увидеть его изображение (фото 8).

Рассказывая о Новой Зеландии, нельзя не упомянуть о ее удивительной фауне — самой древней в мире! Если не считать двух видов летучих мышей, на островах нет млекопитающих, но зато живет более 200 видов птиц, из которых две трети эндемичны, то есть присутствуют только данной местности. Наиболее интересна бескрылая птица киви, ведущая ночной образ жизни (фото 9).

Киви сделалась символом Новой Зеландии, она охраняется законом, а ее отстрел карается как тяжкое преступление.



голову зверя второй она держит двуручный сосуд. Хотя эта композиция повторяется на всех бляхах, каждая имеет свои особенности. Например, одна женщина, близко поднеся сосуд к груди, как бы сцеживает в него молоко. Тем не менее налицо одна общая идея сюжетных композиций: перед нами хозяйка животного мира, сумевшая покорить царя всех зверей—льва. Скорее всего это изображение древнеиранской богини Кибелы, владычицы животных, но претерпевшей стилистические изменения в угоду эллинским вкусам.

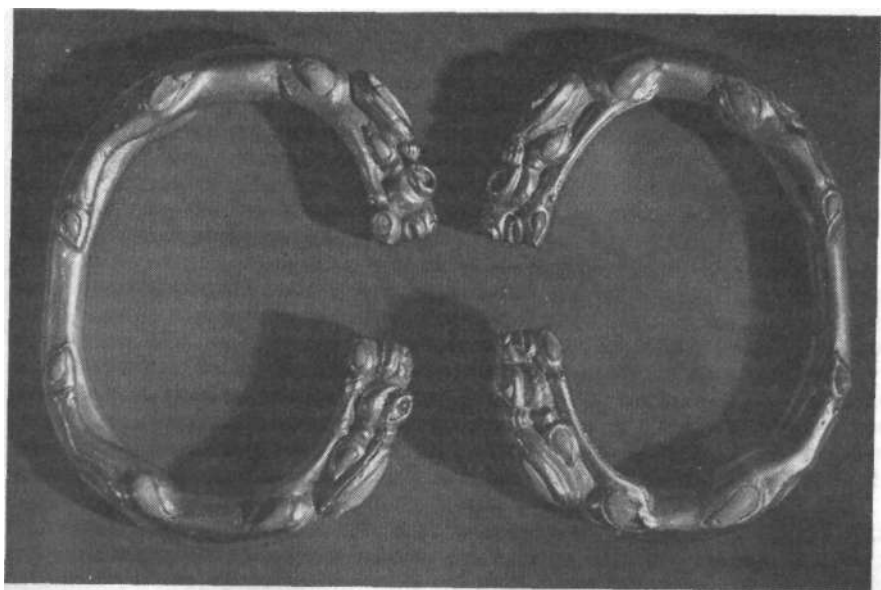
Вообще же здесь обнаружен строго ограниченный, но весьма показательный набор погребальных приношений, от портупей до личного оружия. Ничего лишнего, только боевое оружие и облачение, а в качестве символа власти—цепь с камеей. Правда, возле головы умершего находилась золотая модель деревца и статуэтка тура, которые можно было бы принять за элементы украшения, однако известны царские диадемы подобных предметов. Видимо, недаром в погребении находилась уникальная золотая монета с индийской надписью—свидетельство успешных походов вплоть до Индостана.

Во всех четырех погребениях умершие лежали головой на север, как бы показывая направление, откуда пришли их предки. Поэтому странным показалось следующее, пятое по счету погребение, где умершего положили головой на запад. В остальном оно не отличалось от всех других: на полу могильной ямы стоял деревянный гроб, накрытый покрывалом с нашитыми серебряными виноградными листьями. Внутри гроба на спине лежала молодая, лет тридцати, женщина с удивительно красивым ожерельем на груди, составленным из чередующихся золотых подвесок, инкрустированных гранатами и бирюзой. В ушах некогда были вдеты золотые серьги с бирюзовыми вставками. На руке сохранился тонкий золотой раздвижной браслет с пятью различными подвесками, среди которых выделяется бирюзовая вставка овальной формы. На лицевой стороне ее изображена Афина. От всей ее горделивой позы веет утонченной изысканностью и элегантностью поистине божественной красоты, запечатлевшей в веках гений безвестного бактрийского резчика по камню.

Полное отсутствие нашивных золотых бляшек—свидетельство сравнительно скромного положения, которое занимала умершая в обществе.

Среди найденных здесь украшений стоит упомянуть халцедоновую печатку с гравированным изображением орлиноголового грифона. Сильное львиное тело с выброшенными вперед когтистыми лапами украшено длинными крыльями и заканчивается толстым, загнутым на конце хвостом. Грифоны были широко распространены в древнем искусстве. Подобные типы принято относить к греко-персидскому стилю, характеризующемуся изяществом, динамизмом и реализмом.

При раскопках последнего в том сезоне, шестого захоронения обнаружили гроб, в котором головой на запад покоилась женщина около сорока лет. Голову ее венчала удивительно тонкой работы золотая корона, составленная из пяти остроконечных пальметок, укрепленных на широкой ленте. Уже сам этот факт представлял большой интерес, так как лишь у кочевников женщины занимали одну из самых высоких ступеней иерархической лестницы. В данном



Золотые браслеты с изображением антилопы

случае принадлежность умершей к кочевникам подтверждалась еще и тем, что корона оказалась не цельной, а составной. При помощи простейшей системы пальметки крепились к основанию, а при необходимости быстро снимались и укладывались в походную кладь.

Голова вместе с короной покоилась в мелком серебряном сосуде типа миски, положенным под голову. У висков располагались обычные золотые головные булавки в виде многолепестковых розеток, с концов которых свисали диски.

Под шеей располагалась массивная золотая застежка от платья или плаща, богато инкрустированная бирюзовыми вставками. На ней изображена сцена дионисийских мистерий, которые были широко распространены в античном мире. На первый взгляд вызывает удивление женское платье, в которое облачен мужчина. Однако именно на эллинистическом Востоке в женских одеждах нередко выступал Дионис, неперменный персонаж этих культовых обрядов.

Богато расшитые золотыми бляшками одеяния особенно пышны и красивы на груди, где замысловатый узор заканчивался золотой статуэткой крылатой богини, не имеющей в эллинистическом искусстве равных среди известных изделий такого рода. Спокойное лицо с прямым носом, широко раскрытыми глазами и красивым рисунком губ полно очарования неземного божества. Восточный тип лица подчеркивает точка в середине лба—бесспорное влияние культурного наследия Индии, плечи и кисти рук украшены многочисленными браслетами. Правая рука упирается в слегка отставленное бедро, а левая свободно опирается на колонку. Из-за плеч выступают крылья.

Это скорее всего изображение богини Афродиты, но в ее восточном, бактрийском варианте. Мы вряд ли узнаем имя мастера,

изготовившего статуэтку, но такое тонкое понимание пластики женского тела ставит его в один ряд с гениальными скульпторами античного искусства.

На запястьях рук умершей были надеты золотые браслеты, украшенные скульптурными головками львоподобных грифонов, живо напоминающих традиции искусства ахеменидского Ирана. Литые золотые браслеты находились и на лодыжках ног. Наконец, в правой руке был зажат золотой скипетр — символ царской власти. В соответствии с типично греческими погребальными обрядами за щеку умершей положили серебряную монету — плату Харону за перевоз через реку Стикс в царство мертвых. Еще одна, но на этот раз золотая монета была зажата в кулаке. На обеих сохранился надчекан Сапалейзиса, одного из первых кочевых правителей, захвативших Бактрию.

Итак, судя по всему, некрополь в целом может быть датирован I в. до н. э. — I в. н. э. В это время Греко-Бактрийское государство уже не существовало, а империя Великих Кушан еще не сложилась. Этот смутный и во многом загадочный период слабо освещен как письменными источниками, так и археологическими данными. Вспомним общую историческую ситуацию. После смерти Александра Македонского здесь, в сердце Азии, сначала было создано Селевкидское, а затем Греко-Бактрийское царство, верхушку которого составили эллинизированные бактрийцы и греческие колонисты. Сплав этих двух культур во многом предопределил дальнейшее развитие местной культуры на многие века вперед. Но само Греко-Бактрийское царство просуществовало более ста лет и погибло под натиском кочевых племен — кушанцев, пришедших в Среднюю Азию из районов Центральной Азии. Под натиском хуннов они пришли в соприкосновение с кочевым миром среднеазиатских степей, раскинувшихся к востоку от Каспийского моря вплоть до Алтая. В движение приходит вся эта бесчисленная кочевая лавина, устремившаяся в середине II в. до н. э. на юг, в плодородные и процветающие земледельческие оазисы. Достигнув реки Амударьи, кочевники сокрушили Греко-Бактрийское царство и основали здесь пять княжеств. Судя по развалинам греческого города Ай-Ханум, расположенного на левом берегу Амударьи, завоеватели разрушали и грабили все на своем пути. Однако постепенно вчерашние кочевники, прельстившись выгодами спокойной и обеспеченной жизни, сами стали горожанами. Пройдет еще немного времени, и возникнет мировая империя Великих Кушан. Вот этот-то промежуточный период и заполняет потоком научной информации могильник Тилля-тепе.

Но если на Тилля-тепе располагался некрополь, то где же обитали при жизни те, кто хоронил своих родственников с истинно царской пышностью? И здесь мы должны вернуться к величественным руинам города Емши-тепе, где на высокой и неприступной цитадели, видимо, и располагалась резиденция царей.

ДРАКОНЫ ОСТРОВА КОМОДО

Очерк



Уже в пути, зная маршрут самолета, я все еще сомневался: действительно ли лечу на Комодо? Два дня назад мы с моим переводчиком Анди Варисаджи завтракали в одном из джакартских кафе. На стене там висела картина, изображавшая доисторических динозавров. Я сказал Анди, что хотел бы сфотографировать нечто подобное — гигантских варанов, сохранившихся лишь в Индонезии. Но тогда я и не думал, что это окажется столь реальным.

Громадные допотопные ящеры обитают на четырех островах Малого Зондского архипелага — Флоресе, Риндже, Падаре и Комодо. Регулярного сообщения с Джакартой они не имеют. На Комодо всего полторы сотни жителей, а на Риндже и Падаре вообще никто не живет. Несколько селений лишь на Флоресе, но постоянной связи с ними не налажено. Больше всего варанов на Комодо (само слово «комодо» на языке бахаса-индонезия означает «варан»).

Глядя на картину в кафе, я вспомнил малозондских драконов и тут же выбросил их из головы. И оказалось совсем напрасно. На завтра Анди с сияющей улыбкой сообщил, что мы летим на Комодо.

— Как? Ведь мы собирались в Бандунг.

— Мне казалось, вараны интереснее.

— Да, но как мы попадем на Комодо?

Анди скромно опустил глаза.

— Я зафрахтовал «Дакоту».

Увидев мою полную растерянность, он добавил:

— Меньшего самолета у них не нашлось.

Я все еще не мог вымолвить ни слова. Страшно было даже подумать, во что это может обойтись.

Анди засмеялся:

— Не волнуйтесь, все расходы взяла на себя газета «Мердека». Я обещал репортаж о варанах.

А я и забыл, что в переводчики мне дали журналиста.

Так началось это путешествие. Я смотрел на плывущую под крылом «Дакоты» искристую синеву моря и думал о живых представителях мезозойской эры, открытых всего несколько десятилетий назад.

История эта связана с драматическим приключением голландского пилота Хендрика Артура ван Боссе, решившего в 1911 году перелететь с Явы на остров Сумбава. В те времена такое предприятие было рискованно. В тропиках сильные воздушные течения, вызванные разностью температур, играли маломощными машинами как хотели. Самолет ван Боссе бросило в пике, выйти из которого пилот не смог. К счастью, машина упала в воду вблизи острова, и летчик выбрался на берег.

Обессиленный, ван Боссе долго лежал на песке. Он понятия не имел, где находится. Малый Зондский архипелаг—великое множество крохотных островков, рассыпанных, как бисер, у слияния Индийского и Тихого океанов. Все они не были нанесены на карту. Ван Боссе помнил только, что от линии курса самолет уносило к западу.

Вдруг перед ним появилась омерзительная тварь в образе гигантского допотопного ящера, который стоял совсем рядом, в двух-трех метрах. В первый момент пилот подумал, что это галлюцинация. Но тут из ближайшего леса вышли еще две такие же химеры. Перепуганный ван Боссе выхватил маузер.

Рука дрожала, и в ящера он, видимо, не попал, но страшный дракон все же нехотя отступил. Наверное, его просто смутил непривычный вид двуногого существа. Как потом оказалось, остров был необитаем.

В полном одиночестве и постоянном страхе (гигантские ящеры бродили по всему острову) ван Боссе прожил на Комо до почти год. По сравнению с Робинзоном Крузо ему было куда труднее. Когда ван Боссе плыл к берегу, спички в кармане размокли. Как он ни старался, вспомнив школьные уроки истории, добыть огонь с помощью трения, ничего не вышло.

Складной нож и двенадцатизарядный маузер с тремя запасными обоймами— вот все, чем располагал наш герой, попав в общество химер мезозоя. Питался он зелеными кокосовыми орехами, лесными бананами и слегка привяленной на солнце оленьей, разнообразя иногда стол яйцами сорных кур, которые водились на острове в изобилии. Вообще всевозможной живности на маленьком Комодо было много: дикие олени, стаи обезьян, птицы. Но добывать пропитание было нелегко. Если удавалось подстрелить оленя, к нему тут же устремились ящеры. Голодный охотник не всегда успевал отрезать кусок для себя. Как только авиатор находил и начинал раскапывать похожий на термитник инкубатор сорных кур, драконы были уже тут как тут. На ван Боссе они не покушались, но привыкнуть к ним авиатор так и не сумел. При одном виде громадных ящеров голландца бросало в холодный пот.

Ночевал ван Боссе на деревьях, но и там не чувствовал себя в безопасности. Он не раз замечал, как молодые ящеры, несмотря на

кажущуюся неуклюжесть, взбирался, резвясь, на ветвистые смоковницы с ловкостью ящериц.

Когда кончились патроны, а вместе с ними и возможность добывать мясо, ван Боссе принялся строить плот. На его сооружение ушло несколько месяцев. Ведь всего инструментов — карманный нож, а сухие стволы бамбука, которым можно доверить свою судьбу, тверды, как железо. К тому же для плота годились не поваленные ветром бамбучины, почти всегда подгнившие, а не тронутый порчей сухойстой. На плот же пошло ни много ни мало четыреста стволов!

Прочно скрепив лианами вязанки бамбука, авиатор сплел из побегов того же растения что-то вроде полотнищ для паруса и тента, выстругал весла и, загрузив плот незрелыми кокосовыми орехами и дикими бананами, пустился в плавание — куда ветер дул и влекло течение.

Приходится поражаться, как он выжил. Южные моря, такие чарующие с борта большого лайнера, в действительности полны коварства, особенно в тропической полосе к востоку от Индии. Именно здесь зарождаются тайфуны и чаще, чем в любой другой точке земного шара, свирепствуют всегда неожиданные смерчи. Легкую посудину эти грозные вихри способны поднять на воздух.

Но опаснее всего солнце. На каждый квадратный сантиметр земной поверхности в тропиках оно посылает от 600 до 800 калорий тепла в день. Значит, человеческий организм ежедневно получает сотни тысяч калорий. И потому тело должно очень интенсивно выделять влагу, до четырех литров в сутки.

Кроме редких случаев, когда в расставленные на плоту ореховые скорлупины удавалось собрать немного дождевой воды, ван Боссе приходилось пить только сок кокосовых орехов, по два ореха в день, утром и вечером. И за весь день съесть не более четырех бананов. Он не знал, сколько продлится плавание, поэтому свои запасы старался расходовать экономно.

Ван Боссе выдержал 57 дней! Когда его плот прибило, наконец, к большому острову Тимор, он сошел на берег изможденный, едва двигаясь. Пилот высох, как мумия, но рассудок у него оставался ясным. Он нуждался только в отдыхе и нормальном питании.

Я рассказываю об этом так подробно потому, что, не оказавшись ван Боссе «тропическим феноменом», как его потом окрестили газеты, о варанах Комодо, наверное, не знали бы еще очень долго. Его рассказам никто не верил. Зато все восхищались его одиночным плаванием. С новоявленной знаменитостью пожелал познакомиться генерал-губернатор Нидерландской Ост-Индии. Ван Боссе ничего не стал говорить о гигантских ящерах, но на все лады стал расхваливать остров. Какой там замечательный климат, природа, возможность для земледелия, рыболовства, одно слово — рай земной! Вот только удивительно, что такое сокровище находится в самом центре одной из старейших колоний Нидерландов и о нем до сих пор никто ничего не знал. Это был тактический ход. Ему важно было, чтобы воочию убедились в правдивости его «рассказней».

— Что ж, — морща лоб, сказал губернатор, — если этот ваш остров и вправду так хорош, надобно его обследовать получше. Вы не против, если мы поручим вам возглавить экспедицию?

Ван Боссе, разумеется, на это и рассчитывал, однако продолжал начатую игру. Ответил, как бы колеблясь:

— Если вы находите меня для такого дела пригодным... Я был бы рад, ваше превосходительство, но мой командир...

— Вздор! — оборвал губернатор. — Якорная стоянка для фрегата у вашего острова найдется?

— Да, ваше превосходительство, бухты там прекрасные.

— Хорошо, пойдете на фрегате!

Экспедиция изыскателей-аграрников была снаряжена по всем правилам. Понятно, прибывших ждало разочарование. Но только не ван Боссе. На сей раз, покидая Комодо, он увозил с собой на Яву вещественное доказательство — десяток драконьих шкур и двух живых драконов.

Мир был потрясен.

Генерал-губернатор, однако, всеобщего восторга не разделил. Когда ему доложили о результатах экспедиции, он приказал разжаловать ван Боссе из лейтенантов в рядовые и уволить из авиации.

Весь остаток жизни бывший авиатор посвятил изучению варанов Комодо. Он умер в 1938 г. на острове Ява, в Богоре. На его могиле установлен большой серый камень с любопытной надписью:

ХЕНДРИК АРТУР МАРИЯ

ван БОССЕ

(16.V. 1879—3.XL 1938)

Авиатор—от неумной жажды познания;
мореплаватель-одиночка—по несчастью;
первооткрыватель варанов острова Комодо—
тоже по несчастью;

лютеранин—по крещению;

бессребреник и холостяк—по убеждениям;

ЗООЛОГ, ДОКТОР ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК—

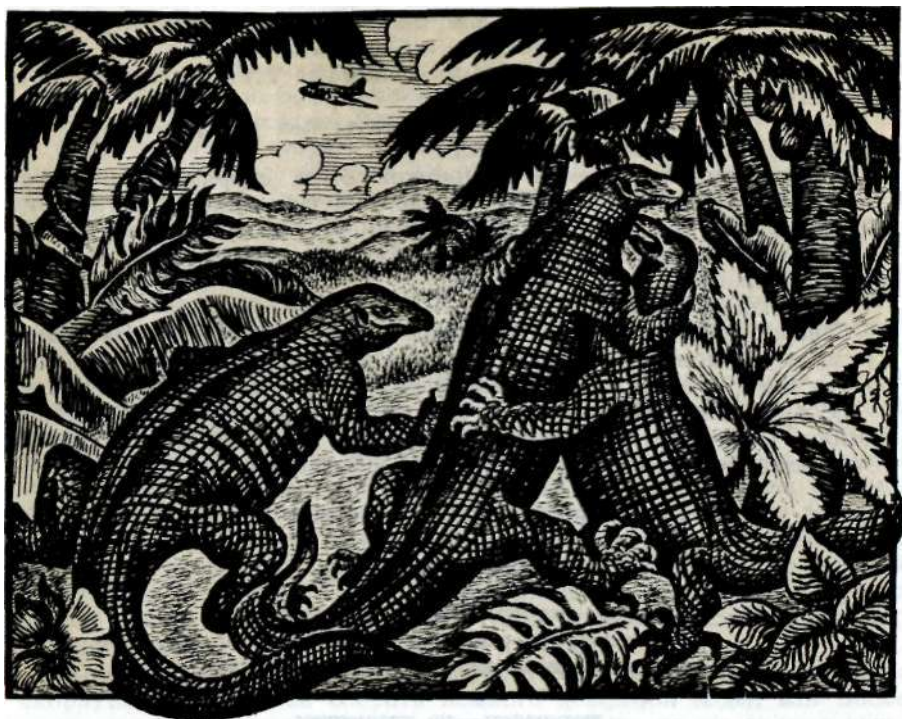
в результате обмана, чтобы не слыть обманщиком.

МИР ПРАХУ ТВОЕМУ!

Снижаясь, самолет ложился в крутой вираж. Уцепившись за кольцо над сиденьем, я прильнул к иллюминатору. Так вот ты какой, Комодо! Сразу весь как на ладони. Изрезанные ущельями плешивые горы, равнинные перелески... С высоты природа кажется чахлой, на сочную Яву совсем не похожа. Будто сюда, за экватор, забросили кусочки северного Марокко. На равнинных местах там и тут одинокие, с неяркой зеленью кусты, небольшие группки пальм. У подножий гор — заросли бамбука. Склоны то в чернеющих осыпях, то в мелкой кустарниковой поросли. Нигде ни одной речушки. Но какие-то источники пресной воды где-то, конечно, есть, иначе здесь не было бы никакой живности.

На восточной окраине острова к морю прижались хижинки деревушки. Берег там пологий и зеленый, а за селением со стороны суши пролегла широкая черная полоса — свежая гарь. Наверное, выжигают растительность, чтобы к деревне не подходили вараны. Опасны ли они для людей? Ящер, привезенный с Комодо в Лондонский зоопарк, настолько привык к своему зрителю, что бегал за ним, как собака. Но на самом острове были случаи, когда голодные вараны нападали на людей.

Самолет идет на посадку. Земля все ближе. На одной из полян



стадо каких-то животных. Похоже, буйволы. Их завезли сюда еще при ван Боссе, и они расплодились тут во множестве, одичали.

«Дакота» делает круг, еще круг, проносится над самыми вершинами гор. Пилоты ищут, где приземлиться.

...Мы увидели его сразу, едва самолет коснулся земли. Первое впечатление трудно передать. Шагах в сорока от песчаной косы, на которую посадил «Дакоту» капитан Сувондо, стояло с высоко поднятой змееподобной головой чудовище, будто вынырнувшее из глубины тысячелетий. В длину оно было метра три, туловище в поперечнике по центру свисающего к земле брюха—не менее метра. Грязно-бурая чешуйчатая кожа на спине как плотная кольчуга. Казалось, она высечена из камня. На непропорционально маленькой голове, там, где обычно расположены ушные раковины и ноздри, зияли темные провалы. Чудовище стояло против солнца. Его крохотные глазки поблескивали в отраженных лучах, как две отполированные желтые пуговицы.

Мускулистая, в жестких складках шея, широкая грудь и мощные, взгунувшие в песок короткие лапы.

Самолет его несколько не испугал. Огромную, неистово ревущую серую птицу ящер рассматривал, казалось, с любопытством. Лениво повел головой, только когда смолкли моторы. И снова застыл, подобно каменному изваянию.

В моих руках плясал фотоаппарат. Бегая от иллюминатора к иллюминатору, я лихорадочно шелкал.

Меня дергал за рукав Анди:

— Туан! Туан* Саша!

Я только отмахивался.

— Но, туан, у вас закрыт объектив!

Проклятье! Должно быть, и пленка давно кончилась.

Пока я дрожащими пальцами перезаряжал аппарат, варану стоять надоело. Повернувшись, он неторопливо побрел к прибрежным зарослям бамбука. Его толстый, заостренный треугольником на конце хвост волевался по земле и резал рыхлый песок, как соха.

Мне казалось, что второй пилот открывает дверцу самолета слишком медленно. Потом ему непременно понадобилось опустить стремянку. Не дожидаясь, пока он ее закрепит, я прыгнул на землю. За мной — Анди.

— Хелло, мальчики! — крикнул из самолета капитан Суондо. Показавшись в дверях, он бросил нам два карабина. — Возьмите, не помешают.

Моя горячность вызвала у капитана снисходительную улыбку.

Мы помчались за вараном. Ящер не оглядывался, шел неторопливо. На нас ему было ровным счетом наплевать. Когда до животного оставалось метров двадцать, мы сбавили темп и пошли шагом. На ходу, наверное в поисках чего-нибудь съедобного, ящер обнюхивал песок. Из его полуоткрытой пасти то и дело выскальзывал огненно-красный язык, похожий на струйку пламени. Я подумал, что легенды об огнедышащих драконах не так уж далеки от истины.

Мы шли за ящером минут пятнадцать. Я несколько раз щелкнул затвором фотоаппарата, но уже без прежнего энтузиазма. Мне хотелось снять чудовище в такой позе, в какой я его увидел впервые, — во всем его жутком величии.

Подойдя к зарослям бамбука, он немного постоял и скрылся в чаще. Идти туда я не решился, зная, что ударом хвоста варан острова Комодо способен убить лошадь и может целиком проглотить средних размеров собаку.

Этот ящер — настоящая bestия. На Комодо основной пищей служат ему олени и яванские кабаны. Последние тоже завезены сюда еще при ван Боссе. Но ящер никогда не нападает открыто. Поэтому олени и кабаны его не боятся. Забравшись в стадо животных, варан ждет, пока они перестанут обращать на него внимание. Затем, улучив момент, сбивает с ног жертву с молниеносной быстротой. Убив животное, ящер снова выжидает. Пировать начинает только тогда, когда стадо уйдет подальше. Вспоров клыками брюхо жертвы, хищник жадно пожирает внутренности.

Ученые, наблюдавшие варанов на Комодо, пришли к выводу, что у них сильно развито обоняние. Запах крови они чувят за сотни метров. Как только ящер распорет брюхо своей жертвы, из чащи к нему выходят его сородичи. Некоторые спешат на запах крови даже из соседних долин. От добычи им уже ничего не остается. Но они долго не могут успокоиться. Кружат на месте недавнего пиршества, алчно внюхиваясь в оставшееся на земле кровавое пятно.

И еще одно коварное качество у этого хищника: сравнительно слабых животных он словно гипнотизирует. Маленькая макака

* Господин (индонез.).

верещит и трясется от ужаса, но бежать не может. Несчастную обезьянку варан заглатывает живьем.

Посмотрев в сторону зарослей, где скрылся варан, я закрыл объектив.

— Ладно, Анди,— сказал я,— у нас еще есть время.

Было сухо и нестерпимо знойно. Раскаленному воздуху море не давало ни влаги, ни прохлады. Всюду в Индонезии воздух насыщен парами, как в бане, а тут — сушь. Может быть, потому здесь и живут вараны? Ведь они в общем-то обитатели жарких пустынь.

Мы вернулись к самолету и под ехидные взгляды старшего лейтенанта Рахмади, второго пилота, принялись строить планы, как выманить из чаши варана. Анди предлагал застрелить оленя и в удобном для нас месте подвесить его тушу на дереве. Сразу соберется целая стая ящеров.

Капитан Сувондо молча усмехался. Вся эта затея с варанами ему, вероятно, казалась пустой забавой. Потом он сказал, как бы подводя итог:

— Да, мальчики, план гениальный, но пора обедать.

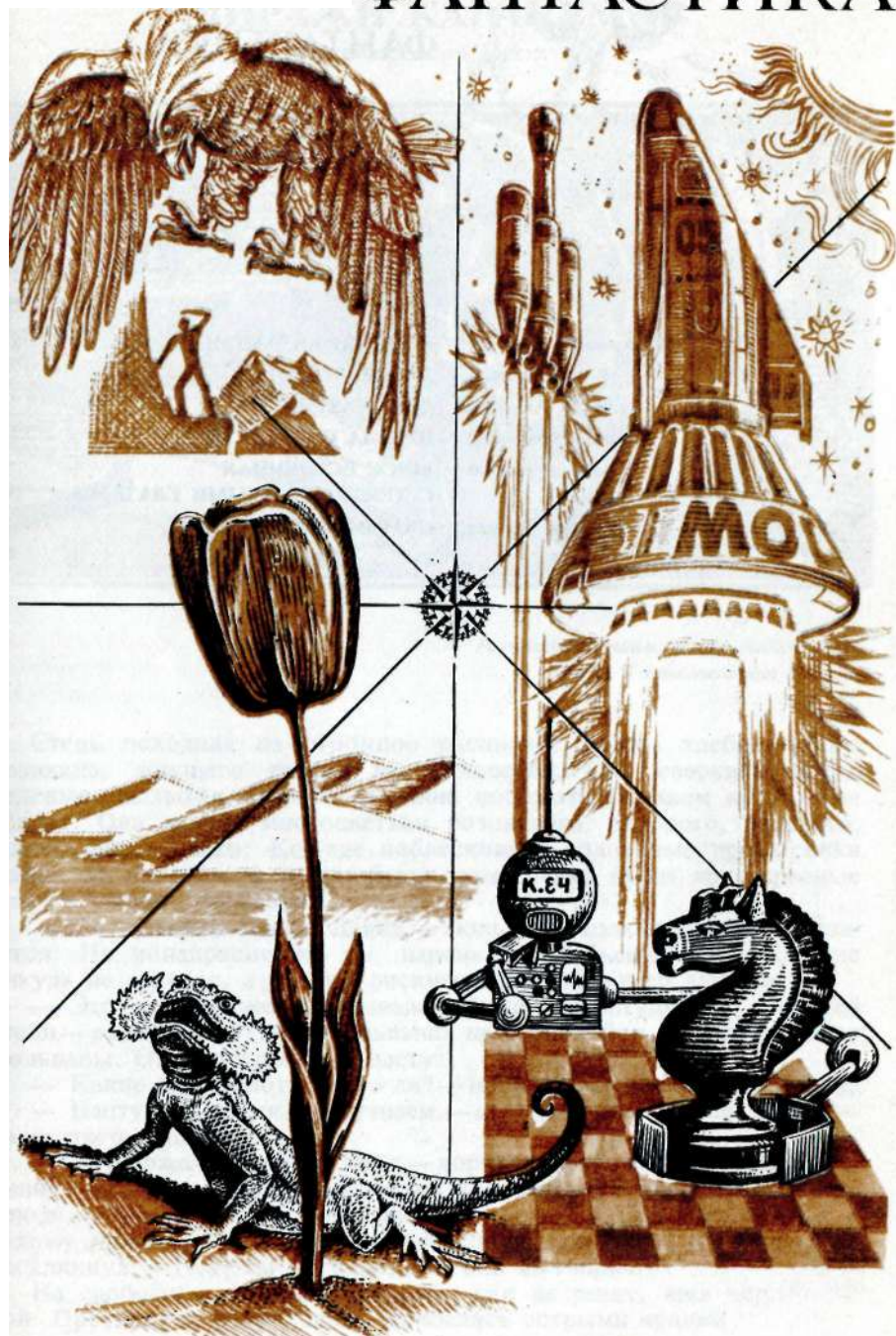
Хотя жара была нещадной, на отсутствие аппетита никто не жаловался. Все знали, что из Джакарты Анди захватил ведерный термос с отличным холодным пивом.

Расстелили брезент в тени крыла «Дакоты». Полулежа на нем, запивали пивом сушеные креветки с солеными рисовыми лепешками. О варанах на некоторое время забыли.

Я смотрел на плывущие по зеленовато-синему шелку неба ослепительно белые облака и чувствовал себя самым счастливым человеком на свете. Пусть я больше не увижу варанов, зато надо мною небо острова Комодо...

Комодо, Комодо, звонкое слово — Комодо!

ФАНТАСТИКА





ФАНТАСТИКА

Вячеслав Курдицкий	МИРАЖИ КАРАКУМОВ
Юрий Шпаков	ДЕТОНАТОР
Спартак Ахметов	СОИСКАТЕЛИ
Анджей Чеховский	ПРАВДА ОБ ЭЛЕКТРАХ
Джанни Родари	МИСС ВСЕЛЕННАЯ
	С ТЕМНО-ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ
Герберт Франке	САМОУНИЧТОЖЕНИЕ

МИРАЖИ КАРАКУМОВ

Фантастический рассказ



*Раскаты слышим, но не видим лица.
Веды, I тысячелетие до н. э.*

Степь походила на огромное расписное блюдо хлебосольного великана, ждущего гостей на пиршество. Она сверкала яркой зеленью, вызывая озорное желание побежать босиком куда глаза глядят. Она дарила многоцветьем розоватого, лилового, палевого, алого, фиолетового. Кое-где поблескивали солнечные пролысинки песка. И на этом фоне особенно заметными были ярко-красные брызги ранних тюльпанов.

— Послушай, — сказал Давид, — тюльпаны только-только начинаются. Не понапрасну ли ты, парень, ноги бьешь? Мое Капище никуда не денется, а вот ты рискуешь пустой номер вытянуть.

— Это почему же? — отозвался Ашир. — Прогулка по весенней степи — разве плохо? А о тюльпанах не беспокойся. Это не простые тюльпаны. Они круглый год цветут.

— Какие же? Золотые, что ли? — иронически усмехнулся Давид.

— Наступит время — и узнаем, — спокойно отозвался Ашир. — Ради этого и идем...

— Ну, пожалуй, ты, а не я, — ворчливо восстановил статус-кво Давид, — у меня дело поважнее. — Он подстегнул хворостиной верблюда. — Шагай, шагай, брат мой голенастый! — Он прислушался к сухому костяному стуку, посмотрел по сторонам и удивленно воскликнул: — Нет, ты погляди, что они вытворяют!

На свободном от травы пятачке, как на ринге, шел черепаший бой. Противники разбегались, сшибались острыми краями панцирей,

расползались в разные стороны и опять устремлялись в лобовую атаку. Все это — молча, деловито-сосредоточенно.

— Обычное дело, — заметил Ашир. — Весна. То, что каракалы песни поют в саксаульниках, тебя не удивляет. А черепаха, что, по-твоему, не живое существо?

— Камешки... камешки живые! — вдруг воскликнул Давид. — Гляди, покатались!

Ашир подошел, поднял.

— Это не камешки, а потомки наших дуэлянтов.

На ладони Ашира беспокойно сновала игрушечная — с грецкий орех — черепашка. Она не очень-то стремилась прятать голову и лапы: ей хотелось, видно, поскорее очутиться опять на земле. Давид потрогал ее. Панцирь был совсем мягким, потому, наверное, черепашка и не полагалась на его защиту.

— Отпусти кроху, — попросил Давид. — Ишь мелюзга нервничает.

Ашир опустил черепашку на землю, и она вперевалку покаталась в траву — прятаться и наедаться. А верблюд тем временем забрался в сизо-голубые с желтизной заросли янтака и блаженствовал там.

Нежнейшим запахом цветущего кандыма был насыщен воздух. Степная акация развесила черно-фиолетовые соцветия на поникших ветвях — издали одинокое деревце можно было принять за бьющий из бархана причудливый гейзер, замерший на мгновение. Очень далеко, почти у самого горизонта, перемещались две точки. Ашир был убежден, что видит двух всадников — мужчину и женщину. А может, так оно и было: в Каракумах предметы как бы излучают собственный свет и глаз человека обретает способность дальновидения.

— Чудные дела творятся, — вздохнул Ашир. — Сколько ошеломляющей красоты под небом синим, а мы, как кроты, сидим в каменных мешках, радуемся, что вода из крана течет. Вроде и земли на свете нет, лишь камень и гудрон.

— Что, на травку потянуло? — ехидно осведомился Давид. — На подножный, так сказать, корм? Рекомендую отречься от сей ущербной философии.

— При чем тут ущербность? — с досадой прервал его Ашир. — Разве мы не обособились от породившей нас природы? Да что далеко ходить! Помню, мать первые ботинки купила, когда мне десять лет исполнилось: трудно было после войны. Я все норовил надеть их, а прадед сердился: «Босиком ходи, босиком! Родная земля силу свою, дух и соки человеку дает — болеть не будешь, до ста лет доживешь».

— Сам-то он до ста лет дожил?

— До ста девяти.

— Впечатляющий возраст! — кивнул Давид, подумал и добавил менторским тоном: — Все равно мы не можем ждать милостей у природы. Силой должны их взять. Человек покоряет старушку планету, поскольку он венец природы и высший ее продукт. Это, брат, аксиома, а ведь еще и бионикой занимаешься! Шел бы ты в колхозные пасечники. Вывез пчелок на волю — и любуйся себе природой.

— Сухарь ты, Дэви,— сказал Ашир.— Черствый и неинтересный человек.

— Сухарь,— наставительно изрек Давид,— вещь очень нужная, когда деликатесов под рукой нет, и вдобавок — предмет длительного хранения. Держи, кстати, галету. Жуй и молчи! Спорить вы, премудрый царь Ашур, все равно не умеете. Ваши доводы не созвучны духу времени.

— Сказал бы я тебе кое-что, да спорить неохота,— возразил Ашир.— Мергенов и то для тебя не авторитет, когда сядешь на своего конька.

Давид поморщился:

— Зря это ты. Я Мергенова крепко уважаю, он Хрусталеву не чета. Вот посадили цацу на мою шею, а? Какой из него завсектором? — Давид даже руками всплеснул.— Тоже мне, теоретик! Он же электрик, монтер. Ему бы с кусачками по телеграфным столбам лазить, а не сектором руководить!

Ашир невольно улыбнулся, до того каким-то детским было возмущение Давида, который вот уже сколько времени никак не мог житье со своим новым завом. При малейшей возможности норовил увильнуть от плановой работы сектора, особенно если экспедиция какая-нибудь подвертывалась. Тут он вообще все запрещенные приемы использовал. Даже если ему в ней совершенно делать было нечего, Давид доказывал обратное. Он брался за любую работу, и потому руководители экспедиций брали его охотно.

А сейчас и вовсе идет на свой страх и риск. Что ему делать в Капище плачущего младенца? Ему своей темой заниматься надо, он же чертовски способен. Ведь его реферат о кольцевом принципе «магических чисел» в сверхтяжелых ядрах вызвал настоящую сенсацию на сессии Академии наук Туркмении.

— Дай еще галету, умник,— сказал Ашир.

— Кушай, детка, кушай,— ласково отозвался Давид.— Может, и ты малость поумнееешь. Я тебе две галеты дам.

— Что ты шипишь на всех, как кобра? Вот и Хрустал ев не хорош. А он вполне деловой зав: работу поставить умеет, художества твои терпит; разве мало этого?

— Ладно, маэстро, кончайте треп и прибавьте шагу. Наше жвачное животное забрело черт знает куда, а идти нам еще миль восемь с гаком, пока до твоих загадочных цветов доберемся.

— Кстати...— Голос Давида приобрел нотки заинтересованности.— Кстати, не можешь ли объяснить популярно, что заинтересовало бионику в этих тюльпанах?

— Тут найдется дело не только бионике, но и физике,— ответил Ашир,— и еще, не знаю каким, наукам.

— И ты надеешься в одиночку...— Давид как-то странно посмотрел на своего спутника.— Ну, хорошо, я, скажем, отправился в этот незаконный вояж из-за того, что поговорил с Хрустальевым очень уж крепко. Ну а ты-то почему?

Что ответить? Ашир и сам не знал, почему пришло такое неожиданное решение. Ведь экспедиция со всем необходимым оборудованием вот-вот отправится исследовать этот недавно обнаруженный загадочный феномен. Ашир и сам боялся себе признаться, что хотел стать первым, кто разгадает тайну.

И вдруг ни с того ни с сего слезы потекли по лицу Ашира, непонятная тоска жгала сердце.

А Давид вдруг озлился:

— Эй, друг, я тебя очень звал с собой, да? Я прямо на колени падал и умолял, да? Мы мирно шли своей дорогой—мой верблюд и я. Мы никого не задевали, никому ничего не обещали, просто в Капище шли. Так какого черта прицепился ты к нам со своими дурацкими тюльпанами? И согладайтай нам не нужен, понял?!

Что-то странное творилось с Давидом. Лицо его искажилось, голос то и дело срывался, пальцы скрючились. Он фыркнул, как раздраженный барханный кот, и неожиданно расхохотался. Он хохотал взхлеб, раскачивался и сгибался, хватался за голову и живот, стонал и охал по-бабьи.

Ашир глядел на Давида и чувствовал, как поднимается из глубин подсознания желание захохотать. Неудержимое, будто лавина. И он боролся с ним, сопротивлялся, сколько хватало сил.

Это походило на сон во сне. Что-то тревожное и зовущее шелестело, извивалось неподалеку; тонкой, липкой и холодной паутинкой раздвоенного змеиного язычка касалось губ, носа, подбородка; уползало в кусты эфедры, похожей на доисторический хвощ, в сизо-бирюзовую нежность янтака, к далеким застывшим черно-фиолетовым «гейзерам» сюзена. И буквально на глазах потухала, меркла неистовая светоносность пустыни. Она сменялась бесшумно колышущейся дымкой то ли муара, то ли выродившегося в черно-белые цвета северного сияния...

Они прошли немного в том направлении, куда побрел верблюд, увидели, что он остановился, спокойно пасется, и остановились тоже. Им было неловко друг перед другом за недавнее. Они словно постыдное что-то совершили, хотя ни тот, ни другой не смогли бы внятно объяснить, что, собственно, произошло. Будто на несколько минут стали они марионетками, подвластными чужой воле. Но чьей? В пустыне не было ни души.

Не сговариваясь, они стали развьючивать верблюда, спутали ему ноги, чтобы не ушел далеко. Палатку разбивать не стали. Но апрельские ночи в Каракумах свежи, и они натянули наклонный отражательный полог. Теперь тепло костра обвевало их ложе.

Наспех поев, оба разом уснули. А когда очнулись от забытия, в воздухе с мягким, вкрадчивым шелестом реяли духи ночи—большие летучие мыши. Где-то далеко-далеко повторял свою безнадежную, безответную мольбу ночной кулик-авдотка. Неуютно и зябко было от этого крика—казалось, сама ночь, сама земля вызывает к человеческому милосердию.

— Чего он душу рвет, глазастик!—негромко подсадовал Давид.— Тоскует о райском блаженстве? Да и то сказать: щедры ли мы лаской к братьям нашим меньшим? Человек, сказано, царь природы—верно, царь! И отношение царское: бери, что душе угодно, а там—хоть трава не расти.

— Она и не будет расти,—отозвался Ашир.— Вчера ты говорил нечто другое. Я тогда не стал спорить, приводить факты. А сейчас скажу. Видел мертвую полосу, что мы в начале пути миновали?

— След дэва Харута, что ли?

— Страшнее. Реальнее и потому страшнее. Это буровую вышку тягачи на новое место перетаскивали, сорвали поверхностный слой почвы. А без гумуса, как известно, не могут расти ни травы, ни злаки, ни прочая зелень. А чтобы этот слой восстановить в условиях пустыни, лет триста, а то и больше нужно.

— Значит, царствуем—рубим сук, на коем сидим?—горько усмехнулся Давид.

— Я верю,—сказал Ашир,—что сук этот все-таки не срубим.

— А если я тамариска и саксаула для костра наломаю, не будет глобальной катастрофы?

Похоже, Давид обрел прежнюю форму, раз сел на любимого конька, и Ашир обрадовался этому:

— Ломай уж!—махнул он рукой.—Ломай, гунн, круши, вандал!.. Я ведь тоже мечтаю о глотке обжигающего кок-чая.

В ночи горели и мерцали «земные звезды». Они плыли над скелетиками кустов, зеленовато-голубые джейраньи глаза. Всеми переливами красок играл в саксаульнике барханный кот манул. Яркими рубинами светил геккон. А всех богаче и красивее был тарантул—обладатель восьми ярчайших изумрудов. Все это подтвердилось утром. Обнаружились аккуратные дорожки из листьев сирени—следы джейранов, растопырки барханного кота и останки скорпионов, фаланг, тарантулов: кот манул охотился за ними ночью. Нашелся и окоченелый трупик маленького геккончика, убитого свирепым тарантулом. Но это—утром. А пока стояла ночь.

— Ашир,—жалобно протянул Давид,—неужели ты меняпустишь одного к этим чудовищам?! Неужели ты сможешь сидеть спокойно и слушать, как хрустят кости твоего товарища? Нет, не верю, что в тебе не сохранилось ни грамма человечности!

— Сохранилось, не канючь,—проворчал Ашир.—Фонарик только возьми, а то ничего не увидим во мраке.

Все-таки сидеть у огонька было куда приятнее, нежели впотьмах. Выспавшись, они наслаждались чаем, светом, теплом.

Не боясь костра, ныряли к огню летучие мыши—ловили мелкую ночную живность, привороженную древними чарами огня.

— Слышишь, как пищат?—спросил Давид.

— Кто?

— Нетопыри.

— Смеешься ты, что ли? У них же ультразвук, с сорока пяти килогерц начинается. А предел человеческого слуха—чуть за двадцать.

— Это я и без тебя знаю, а мышей все равно слышу.

Грустное, тягучее кошачье мяуканье медленно проплыло над их головами. Ашир задумчиво сказал:

— В детстве я твердо верил, что это кошки по ночам летают: ловят мышей летучих. Потом уж узнал, что козодой иногда так кричит. А-а, привет, приятель!

В круге света стоял забавный ушастый еж на тонких и высоких лапках, напряженно шевелил блестящим, как антрацит, рыльцем, принюхивался. Мимо пробежала не боящаяся никого на свете свирепая жухелица-скарит. Но еж проглотил ее и пошел дальше, принюхиваясь.

— Добрая собака,— сказал Ашир.
— Где? — не понял Давид.
— Еж! По древним поверьям огнепоклонников, он к добрым собакам относится.

— Есть и злые?

— Как же без злых? Это наши давешние панцирные бойцы.

— Черепахи?

— Они самые. По преданию, творение злого бога Аримана. Но я слышал и более поэтичную легенду. О красавице Зохре, которая за любовь к дэву Харуту и за недоброе сердце была превращена аллахом в черепаху.

— Да-а-а,— потянул Давид после паузы.— Может, сообразим по рюмочке чайку?

Давид повозился среди вьючной поклажи, чертыхнулся пару раз и вылез с бутылкой коньяка и пластмассовыми неаппетитными стаканчиками.

— Рюмочки-то подкачали,— посетовал он, наливая.

— Ничего,— бодро сказал Ашир и, поперхнувшись, долго кашлял.

От коньяка приятные, теплые волны расходились по телу, и Ашира охватила раскованность, эдакое блаженное сознание собственной значимости. Он первый заглянет внутрь чудесного цветка, и его имя будет навсегда связано с раскрытием жгучей загадки.

Нетопыри перестали летать, зато к костру сползлись разнокалиберные насекомые пустыни. Мелькали мохнатые бражники, толстые и красивые; чернотелки уткнулись головами в песок, словно молились огню; изящно покачивались богомолы, прижимая к груди шипастые хватательные конечности. Даже верблюд подошел и время от времени шумно сопел.

— Вали отсюда,— желчно сказал ему Давид и швырнул маленькой, но каменно тяжелой саксаулиной.— Сопит тут, ну прямо как Хрусталеv.

Верблюд обиделся и ушел переваривать жвачку.

В освещенном пространстве бесшумно, как призрак, возник тушканчик, испуганно подпрыгнул без малого на метр, поймал маленькими ладошками бражника и растворился во тьме.

Проснулись они рано, как только стало розоветь на востоке. И звезда путеводная там сияла—Венера. А по-местному—Зохре. Та самая, которую аллах в черепаху превратил. Давид пошел ловить верблюда, ускакавшего на спутанных ногах в колючки. Ашир принялся готовить завтрак.

После завтрака они достали карту-трехверстку, сверили с ней кроки и решили, что уклонились от азимута. Ошибка была поправимой: прибавлялись два-три лишних километра.

Сперва все шло как надо. Ашир посматривал по сторонам и радовался хорошему утру. Давид временами бросал взгляд на компас.

— Ходил кто-нибудь этим маршрутом? — осведомился Ашир.

— А кроки господь бог составлял? — вопросом на вопрос ответил Давид.



— Главная экспедиция Мергенова этой дорогой пойдет? — не унимался Ашир.

— Нет, путь Мергенова более долгий и кружной. А наш маршрут напрямую, вроде самолетной трассы.

— А как кроки от Мергенова попали к нам?

Давид этот вопрос не удостоил ответом. Но ответа и не требовалось. Ашир и сам знал, что кроки добыты незаконно, чтобы спокойно день-два повозиться в Капище. Одно дело в одиночку исследовать, совсем другое, когда в одном месте человек двадцать локтями толкаются.

Между тем зловредный верблюд опять сбился с пути истинного. Его постоянно тянуло севернее. Они помчались вдогонку. Верблюд заметил опасность и пустился неторопливой иноходью, сразу увеличив расстояние между собой и преследователями. Все это было весьма некстати. К счастью, строптивый «корабль пустыни», описав широкую дугу, остановился, привлеченный видом цветущего янтака. Тут он и был изловлен, нещадно отруган, и после необходимой передышки экспедиция возобновилась.

Дорогу им пересекла неуклюжая черепаха. Придавленная широкой верблюжьей ступней, она замерла, а через несколько секунд как ни в чем не бывало поползла дальше.

— Поразительная неуязвимость! — восхитился Давид.

— У нее есть инстинкт, есть и немалый опыт, — снисходительно пояснил Ашир. — Видишь, как избит ее панцирь? Она достаточно стара.

Черепаша свалилась с камня, куда карабкалась с упорством, достойным лучшего применения, и теперь лежала на спине, беспомощно размахивая лапами. Ашир помог ей перевернуться.

— Да,— сказал он глубокомысленно.— Опыт, конечно, увеличивает нашу мудрость, но не уменьшает нашей глупости.

— Это твое собственное изречение?— недоверчиво спросил Давид.

— Нет, что ты. А разве важно, кто сказал? Суть в том, что сказано.

— Может, ты и прав,— задумчиво покивал Давид.— Вот и пифагорейцы, скажем... Прикрываясь авторитетом Аристотеля, они утверждали мистическую первопричину чисел, «музыку сфер» и прочее. Ты же не станешь повторять подобную нелепость?

— Почему же не стану?— пожал плечами Ашир.— Конечно, не слова Аристотеля о том, что жираф— это плод «незаконной любви» пантеры и верблюда... Видишь ли, ортодоксальной науке свойственны крайности. Мы всегда торопимся предавать анафеме, а потом канонизировать. Вспомни хотя бы Винера, Менделя, Джинса.

— Одно лишь досадно: многие истины переходят в разряд азбучных крайне небезболезненно,— оживился Давид.

Верблюд категорически отказывался идти дальше. Ашир тянул его за недоуздок, а Давид играл роль толкача, но ничего не помогало. Верблюд задира морду, тихо рычал, скалился, скрипел зубами, перемалывал обильную желто-зеленую пену, и пытился. В его больших печальных глазах, опущенных изумительной красоты ресницами, тлели недоумение и ужас.

— Трогай, саврасушка,— льстивым голосом уговаривал Давид.— Трогай, милый... кормилец горбатый. У-у, паразит несознательный!

— погоди,— сказал наконец Ашир.— Мне кажется, он здорово напуган чем-то. Но чего ему бояться?

— Спроси,— посоветовал Давид, утирая пот со лба.

Ашир осторожно пошел вперед, поглядывая по сторонам и под ноги. Вдруг острая волна омерзительно неприятного ощущения возникла в желудке, толчками поднялась к горлу, мутя рассудок. Он поспешно отступил, с трудом приходя в себя.

— Слушай, Дэв! Какой-то недотепа поставил здесь без отметки импульсный многопрограммный эмиттер!

Все стало ясно и просто; вчерашнее состояние получало реальное объяснение. Эмиттер— вот где собака зарыта!

— Да, да, мы нарвались на низкочастотные излучатели. Потому и верблюд кругал давал, вместо того чтобы прямо идти. Но почему здесь поставили эмиттеры, и без обязательных маяков? Похоже, они оконтуривают нечто скрытое от наших глаз, а? Ты понимаешь что-нибудь, Дэв?

— Кажется, да,— не сразу ответил Давид.— Теперь понятно, почему Мергенов окольный путь для экспедиции избрал. А я, как распоследний тупица, напрямик попер. Перехитрил, называется! Вот же виднеется урочище Геокдженгель. Там и стоит зиккурат, то бишь Капище плачущего младенца. Посторонним тут делать нечего. Потому и эмиттеры установили.

— Угу...— пробормотал Ашир.— Благодарю за объяснение. Что

- будем делать? Назад возвращаться? Неспроста ты Ваньку поминал.
- Какого еще Ваньку?
 - Ну, парня. Который понапрасну ноги бьет.
 - А-а... это да. Было.
 - Коли было, так ищи выход.
 - Может, попытаться нейтрализовать излучение? — нерешительно спросил Давид.
 - Что же, идея,—сказал Ангар.— Но где взять экранирующую металлическую сетку?
 - Кабы знать,—посетовал Давид,—прихватил бы. А если включить эмиттер?
 - Чем? Пальцем или магическим заклинанием?
 - Заклинанием. Должен же существовать код для дистанционного управления.
 - Должен. Но где генератор для подачи сигнала? Заклятием «Сезам, отворись!» тут не обойдешься.
 - Придется ждать прихода экспедиции,—покорно сказал Давид. И вдруг радостно воскликнул:— Есть выход! Эврика! Эмиттер-то импульсный—излучает дискретно!
 - Давай дальше,—поощрил его Ашир.
 - Период излучения известен?
 - Молодец,—сказал Ашир.— Варит котелок. Предлагаешь в паузу проскочить?
 - Точно!
 - А если она короткая? Мы же тип эмиттера не знаем.
 - На верблюде проскочим! Он, дьявол, быстро бегаёт, только разогнать его надо.
 - Прямо на выюки сядем?—усомнился Ашир.— Тяжеленько.
 - Зачем же? У меня есть километра два капронового шнура. Расчленим выюк и потом частями спокойненько перетащим. Лепесток излучения, полагаю, не слишком велик?
 - Голова у тебя, однако...—протянул Ашир.— Остается определить начало и конец периодов.
 - Это просто: бери секундомер и засекай.
 - Секундомер без подопытного кролика не поможет.
 - Я буду кроликом,—бодро заверил его Давид.— Во всяком случае, это справедливо: не ты, а я заварил кашу.

В урочище было влажно и тепло, как в оранжерее. И растительность—богатейшая! Все видовое разнообразие цветущих Каракумов и субтропиков Туркмении. Местность эта по праву носила название Геокдженгель—Зеленые заросли. Здесь обитал даже селин, хотя каждому ботанику известно, что сей парадоксальный злак в процессе эволюции обособился до предела—требовал, чтобы его обязательно время от времени заносили подвижные пески. То, что для других ксерофитов стало необходимым, было губительно для него.

Тюльпаны они разыскали не сразу.

Конечно, Ашир знал все, что можно было узнать о странном растении. Знал, что цветок представляет собой точный параболоид. Однако, когда увидел все изящество математически строгих линий тюльпана, долго стоял зачарованный. «Для чего природе понадобили-

лась такая форма кристалла? — пытался понять Ашир. — Каков смысл и место кристалла в мире растений?..»

Чашечки цветов были точно ориентированы на солнце и совмещались с его суточным движением как прецизионный часовой механизм, невольно заставляя думать о вещах и явлениях, никакого отношения к миру растений не имеющих. Внутри некоторых чашечек накопились холмики странной пыли. Ашир вытрясал ее в конвертики, осторожно наклоняя тюльпаны. Из одной вдруг выпало какое-то погибшее насекомое. Значит, это не пыль, а скорее пепел?

Подумав немного, Ашир достал термометр — самый большой, на пятьсот градусов — и стал медленно ощупывать его серебряным клювиком пространство внутри тюльпанной чашечки. Сперва ничего интересного не произошло. Расхождение в несколько градусов было закономерным, поскольку гелиотропизм присущ многим растениям, например полу бородатому дельфиниуму, растущему в Средней Азии издавна. Потом серебряная линия на шкале метнулась вверх, сухо треснуло стекло. Тяжелая дымящаяся капля ртути упала в живую чашечку цветка, мгновенно прожгла ее и со свистящим звуком, похожим на предупреждающее шипение гюрзы, закружилась на влажной земле.

Да, шутить с этим цветком не приходилось. Но зачем концентрируется в исчезающе малом объеме тюльпанного параболоида такая сумасшедшая температура? Если у обычных гелиотропитов разница температур внешней среды и полости цветка не превышает восьми—десяти градусов, необходимых для создания микроклимата плодику, то здесь — сколько же? Сколько нужно, чтобы ртуть вскипела мгновенно?

Потрясенный Давид шумно дышал за спиной Ашира, лез помогать, подавал реплики. Когда из недр тюльпана был извлечен настоящий кристалл (не фигуральный!) и со всем тщанием изучен под бинокулярной лупой, он сказал Аширу:

— В полевых условиях эту штуку на зуб не попробуешь. Нужна более солидная аппаратура. В Ашхабаде разберемся.

Тот кивнул, спрятал кристаллик в часовой кармашек и зашпилил булавкой.

...В Капище им повезло меньше. Вероятно, в давние времена зиккурат стоял на поверхности, гордо возвышаясь среди прочих культовых сооружений. Тысячелетия, пронесшиеся над Каракумами, изменили ландшафт, и зиккурат утонул в толще песка. Вход в него находился в самом центре ложбины. Они полезли туда, вооружившись сильным аккумуляторным фонарем и на всякий случай корявой крепкой саксаулиной. Арочный зал был велик, как рыночная площадь. Посередине они увидели бассейн, а на противоположной от входа стороне — галерею.

Свет фонаря терялся в высоте, не достигая потолка. Они вошли в галерею, не гася фонаря и отмечая схему поворотов.

— У тебя нет ощущения, что мы шагаем в обратную сторону? — внезапно спросил Давид.

— Нет, конечно, — с удивлением ответил Ашир. — Я все время схему рисую, это не то, что твои кроки.

— Мои кроки свое дело сделали, — возразил Давид. — Но я готов голову дать на отсечение, что здесь мы уже проходили!

— Гляди, Фома неверующий! Вот мы пошли прямо на восток,

потом свернули под углом в тридцать три градуса. Отклонились в обратную сторону на семь градусов. Смотри, смотри сюда, не отклоняй фонарь! Вот спустились на тринадцать ступенек. Еще отклонились на двадцать один градус и опять идем на восток.

— Ладно,— сказал Давид.— Запутался я, ртарик, в твоих градусах. Да и картограф из тебя неважный.

— Вон свет брезжит впереди,— сказал Ашир.— Сейчас все прояснится, и ты будешь на коленях просить прощения, скептик.

Но прав оказался Давид: они вышли в зал из той же галереи.

— Мистика какая-то,— смущенно пробормотал Ашир.

— Или, по-научному, сеанс массового гипноза.

Они сделали еще несколько попыток обойти все галереи, но неизменно возвращались в арочный зал, к бассейну. Они оставили Капище и вернулись к тюльпанам с датчиками переносного электронного пульта.

— Подойди сюда! — позвал Ашир.

Давид приблизился, держа банку мясных консервов и нож: была его очередь готовить.

Ашир протянул ему крохотную капсулу-наушник:

— Слушай.

В капсуле потрескивало, шуршало, попискивало, бормотали странные голоса. И вдруг возникли звуки, похожие одновременно и на шум моря, и на шелест листья, и на одинокий плач ветра в барханах, и на быстрый бессвязный шепот, словно молился кто-то, задыхаясь и торопясь, ибо истекало отпущенное ему время. Это была мелодия тревоги и зова, безнадежной тоски и просветленной надежды, мелодия страха и радости. Она, удалившись, затихла, и снова в наушнике забормотали маленькие деревянные язычки.

— Что это? — спросил Давид, нервно сжимая консервную банку.

— Музыка сфер,— ответил Ашир, извлекая из уха капсулу.— Музыка сфер — вот что это.

Весело светило весеннее солнце Каракумов. Ящерка лазала по коленчатым деревянистым кустам кандыма, прыгала с ветки на ветку, как воробей. За ней внимательно следил богомол-эмпуза, и зеркальце на его лбу сверкало, как капелька воды. Вспархивал удод, похожий на большую желто-черную бабочку-махаона, присаживался, суетливо тыкал кривым клювом в землю, глухо, как из-под земли, тутукал, нервно поигрывал раздвоенным хохолком, то раскрывая его, то складывая. Надсадно и стремительно, в темпе проносящихся пожарных машин, гудели в воздухе жуки-бронзовки; суслики свистели у своих нор, как милиционеры на городских перекрестках. Саксаульник напоминал издали застывшие голубоватые клубы дыма, его желтые цветки казались частыми искорками веселого скрытого дымом пламени.

— Что это? — настойчиво повторил Давид.

— Тюльпан поет,— сказал Ашир.

— Сам собой? — Давид выпустил, наконец, банку, и она, упав рядом с ножом на землю, откатилась на несколько шагов.

— Не знаю. Может быть, он — направленная параболическая антенна.

— Значит, мы слышали голос солнца?

— Посмотри, куда направлен параболоид цветка! На эту точку небесной сферы проецируется не солнце, а Альфа Эридана.

— И ты думаешь...— Давид умолк, выжидательно глядя на Ашира.

Тот пожал плечами.

— Ладно,— решил Давид,— тогда и я скажу кое-что. Ты ночью ничего не слышал?

— А что я должен был услышать?.. Жаба нежно свистела. Кричал сыч. Звонил в колокольчик сверчок. Еще что?

— Ну, что-нибудь не совсем обычное.

— Вроде бы нет, а ты?

— В Капише ночью плакали.

— Слуховая галлюцинация?

— Вроде бы нет,— сказал Давид нерешительно.— Отчетливо так было слышно. А ну, пойдём-ка...

Возле входа в зиккурат он ткнул пальцем:

— Смотри!

На влажном песке четко отпечатались детская **ступня**— маленькая круглая пяточка, круглые выбоинки пальцев. Цепочка следов вела из пещеры в заросли эремурусов, и оба они невольно посмотрели туда, будто ожидали увидеть заплутавшего ребенка. Потом переглянулись.

— Прямо шарady какие-то,— досадливо сказал Давид.— Ну откуда здесь ребенку взяться, скажи на милость? Почему у него только четыре пальца, а не пять? Почему в тюльпане музыка играет, как в «Спидоле»?

— Погоди, погоди,— встрепенулся Ашир.— Четыре пальца, говоришь?

Он быстро присел, рассмотрел следы, выпрямился и негромко рассмеялся:

— Да это же след дикобраза. Ди-ко-бра-за!

И он снисходительно потрепал Давида по плечу.

— Ладно, брось!— Давид был явно смущен таким поворотом «шарady».— Какой дикобраз, если дитя плакало?!

Тьма была непроницаемой, какой-то первозданной, изначальной. И в этой крошечной тьме плакал ребенок. Совсем маленький и совсем беспомощный. Его оставили—и ушли. Пусть его плачет! Пусть детские пальчики хватают пустоту. Но что-то неувомимое, способное быть и добрым, и жестоким находилось рядом, осторожным дуновением-ошупыванием изредка касалось лица, шеи, рук.

А реальность отсутствовала. Загнанная в подсознание, она билась, как муха в паутине, в этом вязком непроницаемом мраке. Но самой определенной реальностью был детский плач! Плач негромкий и унылый, не оставляющий места для надежд, ибо там, за стеной тьмы, за гранью сущего, устали плакать тысячи и тысячи лет... Конечно же, глупее глупого было воспринимать эти звуки в их элементарной модификации. Но так уж устроен человек, что его рассудочность уступает место импульсивности, когда раздаётся крик о помощи.

— Аши-и-ир!..— пробился к его сознанию голос Давида, и тьма стала медленно, неохотно отступать.— Где ты, Аши-ир? Отзовись!

Он обрел способность шевелить языком и закричал неистово:
— Здесь я!.. Здесь, Давид, в Капище я-а-а!

И опять совсем рядом заплакал младенец.

— Дави-и-и-ид! — теряя самообладание, закричал Ашир и бросился в темноту.

...Очнулся он на траве, увидел озабоченное лицо Давида. И солнце. Он улыбнулся.

И вдруг он опять вспомнил это ощущение падения в ничто, падение в глухой тишине без начала и конца, когда не знаешь, куда падаешь, вверх или вниз.

— Давид... что это было... там... в Капище?..

— Э-э, дружище, ты свалился в глубокий колодец в лабиринте галерей зиккурата. И если бы не пыль веков на дне его... В общем, считай, что тебе повезло.

Ашир содрогнулся, пошевелил руками, ногами, ощупал себя.

— Цел, цел, — засмеялся Давид, — врач тебя уже осматривал.

— Какой врач?

— Наш, экспедиционный, — Канабаев. Ведь все наши уже здесь — и Мергенов, и Самарин, и Хрусталеv, и Майка, и Дурсун... Если б не они, мне бы ни о чем тебя не найти...

— Ну и что Мергенов?

— Настроен сурово. Сказал: «Пусть в себя придет, тогда и разговаривать будем с вами обоими». — Давид помрачнел, задумался.

Ашир приподнялся, сел, обхватил колени руками. Поодаль белели палатки, возле них кипела обычная экспедиционная жизнь.

— Ну а плач, плач ребенка?..

Давид оживился:

— Следы дикобраза помнишь?

— Да я на голос побежал, на плач то есть, — сказал Ашир.

— И здесь объяснение простое. Устройство такое в камне вырублено. Ветер в нем плачет. Жрецы большие мастера были на такие вещи. Мергенов и в лабиринте, в котором мы плутали, уже успел разобраться.

Ашир пощупал часовой кармашек брюк: здесь ли кристалл? Он вытащил его, повертел в руках.

— Ну а тюльпаны? Они же нам не приснились?

— Тут пока — белое пятно. Но уже ясно, что цветочки имеют какое-то отношение к алтарю зиккурата. Теперь падай в ноги Мергенову и моли его, чтоб он простил твои грехи и включил в исследовательскую группу.

Медленно, бесшумно, как сова, полетела ночь, роняя перья тьмы в ложбины и к подножию холмов.

Ашир ушел из палатки, чтобы подумать, сосредоточиться. Потом лежал ничком на траве, вытянув перед собой руки. В кончиках пальцев приятно покалывало. Если бы кто-то посмотрел со стороны, то увидел бы искорки, крохотные молнии, проскакивающие между землей и пальцами Ашира, — это давал знать о себе кристалл тюльпана. Ашир лежал ничком в полусне, каждой клеточкой тела, каждой молекулой воспринимая земные токи — целительную силу земли. И это было так приятно — чувствовать себя неразрывно слитым с планетой, породившей тебя. Он еще не мог знать, что принесет раскрытие тайны кристалла, и еще не догадывался, что

тюльпанный кристалл проявит себя, когда начнут считывать информацию, записанную в кристаллической структуре алтаря зиккурата, но чувствовал, что у кристалла проявятся Много других, почти сказочных свойств.

В палатке беспокойно ворочался Давид, шептал во сне: «Да, да, ошиблись... Признаем... Но зачем же из экспедиции?..» Наверно, разговаривал с Мергеновым и Хрустальевым.

Вдалеке, четко вырисовываясь силуэтом на темной сини неба, подремывал верблюд. Ему, наверное, грезились безбрежные — до горизонта — заросли упоительно вкусного колючего янтака: тот, что рос в ложине, он уже весь съел.

ЮРИЙ ШПАКОВ
ДЕТОНАТОР
Фантастический рассказ



— Говорит Первый. Внимание, говорит Первый. Передаю сообщение чрезвычайной важности. Слушайте все. Слушайте все!

Ровный голос гремел во всех помещениях Корабля—не только в каютах и рабочих отсеках, но даже в отдаленных закоулках, куда обычно редко кто заглядывал. Впервые за время полета была включена специальная линия связи, предназначенная для самых крайних случаев. В такт словам пронзительным синим светом мигали огни сигнальных ламп. И каждый, каким бы делом ни занимался, застывал в напряженном ожидании.

— Только что расшифрованы данные, полученные системой дальнего поиска. На Третьей планете обнаружены несомненные признаки разумной жизни. Приняты многочисленные радиосигналы, их характер показывает, что они содержат осмысленную информацию. Первичный анализ дает основание предполагать: перед нами цивилизация, достигшая Второго энергетического уровня. Следовательно, возможен контакт с местными жителями, которые могут быть похожими на нас. Предпосылки: масса планеты, ее удаление от Солнца, период обращения, состав атмосферы почти тождественны с нашими. Наблюдения продолжаются.

Вскоре весь экипаж, свободный от вахты, собрался в круглом зале—обычном месте общих встреч. Трудно было сдерживать волнение: только что услышанная новость означала, что достигнута конечная цель, ради которой предпринята долгая, сложная и опасная экспедиция.

Уже много раз корабль совершал пульсации в пространственно-временном континууме, перемещаясь от одной звездной системы к другой. И каждый очередной бросок заканчивался неудачей. Правда,

исследования окрестностей желтых карликов давали обширный научный материал. Однако братьев по разуму космонавты нигде не встретили.

Им попадались разные миры. Давно остывшие, от полюсов до экватора закованные в сплошные ледяные панцири, и горячие, содрогающиеся от яростных вулканических извержений. Они видели бескрайние каменные пустыни, покрытые кольцами исполинских кратеров, и кипящие аммиачные моря. На нескольких планетах удалось обнаружить простейшие формы жизни. Но нигде никаких разумных существ, ни малейших признаков их деятельности! С горькой усмешкой вспоминали они гипотезы о перенаселенном космосе, о разнообразных инопланетных обитателях, вспоминали предпринятые много лет назад наивные попытки послать сигналы в межзвездные бездны — вдруг да отзовутся далекие собратья по Вселенной...

И вот теперь, когда надежды почти иссякли, когда экипаж стал громко поговаривать о том, что пора возвращаться, им, наконец, улыбнулась удача. И какая! Встретить не просто Чужой Разум, но и близкую по уровню развития цивилизацию, возможно, даже схожую по облику местных жителей... Сразу забылись длинная цепь разочарований, трудности и тяготы продолжительного полета. Каждый думал об одном: долгожданный контакт совсем близок. И каждый старался представить, какой окажется первая встреча.

На обзорном экране планета выглядела сияющим белесовато-голубым шаром. Неподалеку от него висел в пространстве шарик поменьше — лишенный атмосферы естественный спутник.

— Мне все время кажется, — проговорил Механик, — что произошла ошибка в расчетах и мы, сами того не подозревая, вернулись домой. Сходство просто поразительное!

— Ошибки нет, — сухо возразил Навигатор. — Наш дом далеко. А удивляться совпадениям не стоит. В бесконечной Вселенной могут отыскаться и абсолютные наши двойники.

— Думаю, дело не в случайности, а в закономерности, — сказал Биолог. — Для белковой жизни необходимы строго определенные, узко ограниченные условия. Если нарушены оптимальные соотношения, не будет и эволюции. И поскольку законы природы всюду одинаковы, могу предсказать, что здешние аборигены ходят, как и мы, на двух ногах, дышат легкими, теплокровны... Не удивлюсь, если и понятия о красоте у нас окажутся схожими. Короче говоря, очень много шансов на то, что мы сумеем понять друг друга.

— А если они все-таки выглядят как-то иначе?

— Что же, в конечном счете любой вариант по-своему интересен. Разве не любопытно увидеть иной путь развития при сходных природных условиях?

А планета тем временем приближалась. Шар заполнил почти весь экран. И стало совершенно ясно, что перед ними чужой, совсем незнакомый мир. Сквозь рваную облачную пелену высвечивали непривычные очертания материков, морей и океанов. Космонавты жадно вглядывались в нечеткие разноцветные пятна на поверхности, пытаясь угадать, что это такое — дикие лесные чащобы или культурные посадки, озера или искусственные водохранилища.

Большой Мозг Корабля непрерывно анализировал результаты локации, и на световом табло вспыхивали обобщенные сведения о

процентном соотношении воды и суши, о средних температурах, рельефе, атмосферных явлениях. Цифры эти встречались с ликованием.

— Климат здесь, правда, немного суровее, чем у нас,— заключил Биолог,— но вполне терпимый. Пожалуй, в умеренных широтах мы могли бы разгуливать даже без защитной одежды.

— Весьма симпатичная планета,— согласился Доктор.— Зеленая, тихая, мирная. Хотел бы я прогуляться по ней. Просто пройти босиком по траве. Когда подумаю, что возможно такое счастье, душа замирает. Скорей бы увидеть все это вблизи...

Но слишком большого увеличения бортовая аппаратура дать не могла. Прямые признаки цивилизации с дальнего расстояния не обнаруживались, и можно было лишь гадать, как выглядят обитатели планеты, их города, жилища, техника. Каждый фантазировал на свой лад...

— Говорит Первый,— снова раздался голос Командира.— Слушайте все! Корабль переходит на стационарную круговую орбиту. Повторяю: выходим на круговую орбиту. Наблюдения продолжают.

— Явная перестраховка,— прокомментировал Навигатор.— Мы находимся еще слишком далеко, обнаружить нас с поверхности невозможно. Конечно, торопиться с посадкой не следует, однако и останавливаться рано. Так мы мало что узнаем.

Но тут же выяснилось, что решение Командира продиктовано не только чрезмерной осторожностью. Табло сообщило, что удалось зафиксировать несколько космических объектов явно искусственного происхождения. Все они оказались беспилотными устройствами, скорее всего выполняли роль спутников связи. Сам факт их существования говорил о многом — теперь об уровне местной цивилизации можно было судить более точно.

Планета успела дважды обернуться вокруг своей оси, когда Командир пришел к выводу, что собранной информации вполне достаточно.

— Кратко подведем итог,— сказал он, когда экипаж снова собрался вместе.— Удалось установить, что планета населена достаточно плотно. Выявлены сотни тысяч промышленных центров, и, надо полагать, общее число обитателей составляет несколько миллиардов особей. Говорят они на многих языках — к сожалению, ни один из них мы пока не расшифровали. Поэтому приходится лишь догадываться, каково здесь общественное устройство. Скорее всего, единого государства нет. Одни страны хорошо развиты в индустриальном отношении, другие от них отстают. Признаки войн не замечены, всюду на планете царит мир.

— Великолепно! — не выдержал Доктор.

— Да, это облегчает наши задачи. Есть, правда, и тревожные признаки: сильное загрязнение атмосферы продуктами сгорания топлива и радиоактивными отходами. Следовательно, способы выработки энергии применяются самые варварские.

— Это мы поправим,— сказал Биолог.

— Безусловно. Мы обязаны помочь нашим младшим братьям по разуму. В этом наша историческая миссия... Но сейчас надо решить, как действовать на первоначальном этапе, где и когда осуществить контакт. Прошу иметь в виду, что сведения о планете и ее

жителях крайне скудные, о немедленной посадке речи быть не может.

— А если опуститься в пустынной, ненаселенной местности? — спросил Доктор.

— Это мало что даст. Собрать недостающие данные с поверхности труднее, чем отсюда, с орбиты. Не говорю уже о том, что нас могут заметить во время посадки.

— Лучше всего дожидаться расшифровки основных местных наречий, — сказал Лингвист. — Какой же контакт без разговора?

— И долго придется ждать?

— Сказать трудно. Большой Мозг ведет лексический анализ непрерывно, но никакого просвета я пока не вижу: ничего общего с нашими языками. Вот если бы мы могли одновременно видеть их телепередачи... Тогда было бы легче выявить значение слов.

— Что ответит на это Физик?

— Мы пытаемся преобразовать перехватываемые сигналы в видимое изображение. Но пока безрезультатно.

— Какие еще есть мнения?

— Далеко мы все-таки остановились, — сказал Доктор. — Если бы подойти поближе, к границам атмосферы...

— Нет, — решительно оборвал Командир. — Раз они способны выходить в космос, то имеют и хорошую службу локации. Нас быстро засекут, а это нежелательно.

— Очень важно, чтобы они, едва обнаружив нас, поняли наше миролюбие, — заметил Лингвист, — чтобы никто из аборигенов не принял Корабль за космического агрессора...

— Не так-то это просто.

— Вот почему я предлагаю дожидаться, пока будет преодолен языковой барьер.

— Но для этого, как я понял, необходима дополнительная информация, — сказал Доктор. — А ее мы сумеем добыть лишь в том случае, если приблизимся к планете. Выходит, заколдованный круг?

— Быть может, пошлем разведчика? — предложил Биолог. — Ему легче остаться незамеченным. Два-три витка в атмосфере — и мы получим огромное количество новых данных.

— Отличная идея! — воскликнул Лингвист.

— Есть другие мнения? — спросил Командир, обводя взглядом собравшихся. Все молчали.

— Хорошо, я тоже согласен. Приказываю подготовить зонд к полету. Максимальное приближение — до одной сотой радиуса планеты.

Автоматический разведчик — глаза и уши Корабля — незаменим при исследовании негостеприимных, опасных космических объектов. Он способен маневрировать в самых широких пределах, садиться на воду и на сушу, снова взлететь. Ему не страшны ни огонь, ни океанские глубины, ни ураганные вихри: силовое поле надежно защищает его аппаратуру от всех внешних воздействий. Казалось бы, мысль об использовании разведчика для подробного изучения обитаемой планеты давно должна была прийти Командиру в голову: ведь если даже аборигены отнесутся к кибернетическому устройству враждебно, никакого вреда ему они причинить не смогут. И действительно, Командир сразу подумал про зонд. Но решение о его

запуске принял не сразу. Не случайно советовался с экипажем. Он не был уверен в главном: пойдет ли этот полет на пользу предстоящему контакту, не возникнут ли неожиданности и какие-либо осложнения? Однако и у него любопытство оказалось сильнее осторожности...

Из недр Корабля вынырнуло массивное цилиндрическое тело, развернулось и стремительно исчезло, словно рухнуло в бездонную пропасть. Тотчас же изображение на обзорном экране стало расти — зонд приступил к работе. С надеждой и волнением вглядывались космонавты во все более четкую и подробную картину Чужого Мира.

Описывая в пространстве громадную спираль, разведчик приближался к планете. Одна за другой выявлялись неразличимые прежде детали — доказательства разумной деятельности местных жителей. На ночной стороне сияли бесчисленные россыпи разноцветных огней, на дневной — вырисовывались через облачные поляны геометрические узоры возделанных нив, строгие линии каналов, очертания городов, от которых тянулись густые дымные шлейфы.

— Это очень напоминает исторические фильмы, — заметил Биолог. — И наши предки жили подобным образом: задыхались в тесных, задымленных городах, тратили массу времени и труда на выращивание съедобных растений, разведение домашних животных. Ясно, что здесь еще не умеют синтезировать пищу.

— До этого не так далеко, — сказал Механик. — Индустрия у них достаточно развита: космическая техника говорит сама за себя. На основе уже достигнутого и с нашей помощью они смогут очень быстро ускорить движение прогресса.

— Еще вопрос, как и кому мы должны помогать, — задумчиво проговорил Лингвист. — Все зависит от того, какие тут общественно-политические формации. На планетах со Вторым энергетическим уровнем могут быть государства с разными политическими системами. В некоторых из них может существовать классовое неравенство, угнетение бедных богатыми. Так было когда-то у нас, так, возможно, сейчас и у них. Допустим, захотим мы накормить всех голодных, дадим им свои синтезаторы. А их приберет к рукам местная знать.

— На первых порах можно контролировать распределение...

— Значит, прямое вмешательство? А мы имеем на это право?

— Делать добро, побеждать голод и болезни, дарить всеобщее благо — разве это плохо? — искренне удивился Механик. — По-моему, мы сами все усложняем. Когда отпадет забота о повседневном пропитании, социальные перемены произойдут сами по себе. Без всякого нашего участия. Раз не будет материальной основы неравенства, все силы общества направит на развитие духовных интересов...

— Не согласен, — сказал Лингвист. — Сытость, точнее сказать, пресыщение чаще ведет к регрессу. Изобилие необходимо выстрадать, создать его собственными руками. А если щедрые дары свалятся с неба — в прямом и переносном смысле, — они лишь могут замедлить колесо истории. Поэтому я повторяю: сначала их надо понять, а уж потом решить, нужны ли им наши благодеяния. Возможно, не так уж они в них нуждаются!



— Смотрите! — воскликнул Доктор. — Что это?

Откуда-то снизу, из-под облаков, вынырнул округлый, похожий на рыбу предмет и устремился наперерез зонду.

— Летят встречать! — радостно сказал Физик.

— Не очень-то похоже, — покачал головой Лингвист. — Так не встречают. Скорее всего, выпущен боевой снаряд...

Экран осветился резкой вспышкой: посланная для уничтожения разведчика ракета наткнулась на силовое поле и взорвалась, не причинив зонду ни малейшего вреда. В воздухе закувыркались черные обломки. Косматый клубок огня и дыма провалился в облачную белизну.

— Они могут повторить атаку, — тревожно сказал Лингвист.

— Дикари! — махнул рукой Физик. — Скоро поймут, что мы для них неуязвимы, и прекратят свои жалкие укусы. Зря только расходуют боеприпасы.

— Мне одно непонятно, — проговорил Механик. — Зонд сделал менее одного оборота вокруг планеты. А с их стороны уже ответная реакция. И такая решительная...

Еще две ракеты взорвались, ударившись о броню невидимой защиты.

— Слабоваты они против нас, — сказал Доктор.

— Дело не в том, кто сильнее, — нахмурился Лингвист. — Под угрозой весь дальнейший контакт. Плохо, что нас приняли за врагов. Может быть, лучше совсем прекратить разведку?

— Поздно, — сказал Командир. — Боюсь, что слишком поздно...

Подчиняясь команде Большого Мозга, зонд круто пошел вверх. И вдруг на экране появилось словно его отражение: такой же черный цилиндр, прорезав облачные слои, стал набирать высоту.

— Возможно, мираж? — спросил Доктор.

— Нет, — ответил Физик. — Это сверхмощная ракета. И не одна...

Действительно, вслед за первым цилиндром показалось еще несколько. Рассыпавшись широким веером, они летели по странной траектории — не вдогонку за разведчиком, а к каким-то иным, неизвестным целям.

Рядом с обзорным экраном осветился другой, локационный. И все увидели: по бледно-зеленому кругу — силуэту планеты — медленно перемещаются встречные рои ярких точек. С каждой секундой их становилось все больше. Выпущенные почти одновременно с разных континентов, из океанских пучин, неудержимо мчались армады тяжелых ракет.

Космонавты замерли. Вся их совершенная техника была не в силах обратить время вспять, остановить лавину, начавшую свой смертоносный разбег. Ничем не могли они помочь обреченным собратям, которых так долго искали в просторах Вселенной и которых даже не успели увидеть. Лишь представили себе, как там, внизу, сейчас, в эти роковые секунды, живут миллиарды разумных существ — ни о чем не подозревая. Они работают, радуются, любят, мечтают, ласкают детей и надеются на светлое будущее, не зная о том, что их не станет через считанные мгновения. И не просто множество жизней находится внизу. Там результаты труда бесчисленных поколений, которые век за веком благоустраивали родную планету, ценой величайших усилий и жертв поднимались по крутым и тернистым дорогам прогресса. А теперь все это напрочь перечеркнуто простым нажатием нескольких кнопок...

— Мы совершили трагическую ошибку, — сказал Командир тихим голосом, в котором звучали боль и отчаяние. — Эта несчастная планета, начиненная страхом и ненавистью, была на грани военной катастрофы. Не хватало лишь искры, чтобы возник пожар. Роковую роль детонатора сыграл наш мирный разведчик — кто-то принял его за ядерную ракету, выпущенную противником. К чему это привело, вы все видели. Каждая враждующая сторона попыталась нанести опережающий удар, и победителей в результате не оказалось. Только побежденные.

— А теперь, товарищи, — сказал преподаватель, — нам надо подробно проанализировать случившееся. Каким образом следовало действовать экипажу, чтобы не только не допустить ядерной войны, но и помочь местной цивилизации выйти из тупика? Кто желает высказаться?

Курсанты молчали. Они только что сняли тяжелые шлемы энцефаловизоров, и у каждого перед глазами еще стояло кошмарное видение гибели планеты. И хотя все прекрасно понимали, что пережитая ими сцена — лишь очередное контрольное задание, спектакль, режиссером которого была Логическая Машина, трудно было отрешиться от ощущения личного присутствия, сопричастности к космической трагедии, подавить в душе горечь.

— Предлагаю сделать перерыв,— сказал тот, кто недавно был Командиром.

Они подходили к распахнутому окну, с удовольствием вдыхая вечернюю прохладу и запах цветущих лип. Загорелые плечистые парни с необычной для себя нежностью разглядывали синеющее небо, кружевные аллеи парка, строгие силуэты хорошо знакомых учебных корпусов — словно хотели запомнить обыденную эту картину на всю жизнь.

...В Космическом Центре шла очередная тренировка. Особая группа продолжала готовиться к Первой Звездной экспедиции.

СПАРТАК АХМЕТОВ
СОИСКАТЕЛИ

Фантастический рассказ



I

Неслышные, как призраки, они пробежали открытое место и растворились в кустарнике, которым был обсажен ров. Ни один листик не шелохнулся. Атаман жестом показал — раздеваться. Воины стащили потные халаты и шальвары и остались в розовых набедренных повязках. Атаман оглядел безлюдную стену с вертикальными щелями бойниц. Ткнул пальцем в грудь трем воинам. Юркий Абэ взял саблю в зубы и беззвучно канул в воду. Следом за ним нырнули Кумар и чернокожий Чака. Вскоре их головы показались в локте от противоположной стороны рва. Абэ ловко выбрался наверх, прижался спиной к горячей стене, сцепив на животе кисти рук. Чака влез к нему на плечи и принял ту же позу. Пирамиду завершил Кумар, смуглое тело которого пришлось между бойницами.

Подоспели остальные. Держа в зубах сабли, они поднимались по живой лестнице и перемахивали через парапет. «Первый... второй... третий...» — сосчитал Кумар и поднял руки. С парапета его ухватили за кисти, подтянули. Тогда Чака повернулся лицом к стене, сжал лодыжки Кумара и повис, согнув в коленях жилистые ноги. Абэ отлип от стены, подпрыгнул и схватился за них. Подтянулся, неуловимо быстрым рывком оказался за широкой черной спиной. Через мгновение он уже был среди товарищей. Следом за ним на площадку спрыгнули Чака и Кумар.

В крепости все еще не подняли тревогу. Неужели стражники спят, разморенные полуденной жарой? А может, следят изо всех щелей, выжидая? Холодок пробежал по спинам воинов. Они перегля-

нулись и побежали вдоль парапета. Босые ноги шелестели по мрамору. Казалось, раскаленная площадка сама несла воинов. Промелькнула угловая башня, пузатая, словно кувшин. Крутая лестница вела налево вниз, где среди финиковых пальм дремали павлины и лениво лепетал арык.

Воины рассыпались по саду, с разных сторон подкрадываясь к лазурному дворцу. Дверь с золотыми накладками первым увидел узкоглазый Абэ. Он растянул губы и закричал павлином. Неслышно появились товарищи, будто возникли из дрожащего марева. Абэ приоткрыл дверь. Загорелые воины скрылись в черном проеме, последним скользнул в него атаман.

Они пробежали по длинному коридору и вдруг оказались в большом зале с ребристыми колоннами. Сквозь стеклянную крышу били солнечные лучи, переливаясь в горах монет. Все помещение заполняло золотое сияние, в воздухе дрожали золотые пылинки. Там и сям лежали кувшины, истекающие дирхемами и динарами. В волнах золотого моря плывал запахнутый сундук, наполненный лалами, яхонтами и гранатами.

— Аллах!..— восхищенно выдохнул кто-то.

— Золото Искандара...

— Да обратится оно в прах,— прошипел атаман.— Нам нужен перстень с голубым гранатом. Только перстень!

Воины бросились к сундуку, забыв об опасности. Лишь Чака настороженно поглядывал по сторонам. Его мучила мысль, что стражники прознали о нападении. Они не торчали на стенах, пугая ворон. Они поступили умнее: затаились и теперь готовы обрушить удар. Как бы в ответ на эти опасения из-за колонн бесшумно выдвинулись голые по пояс стражники с грозно занесенными для удара копьями.

— А-а-а!—страшно закричал Чака, ныряя под летящее копьё.

Воины бросились врассыпную, только один остался лежать ничком. Меж его лопаток подрагивало тонкое древко.

Чернокожие копьёметатели шагнули в сторону. Из-за их спин появились новые стражники, вооруженные кривыми саблями. Миниатюрный Абэ первым ринулся на них. Дважды взлетел сияющий клинок—два стражника рухнули на рассыпанное по полу золото. Абэ уже схватился с третьим. Зал наполнился лязгом стали, выкриками, стонами. В лучах солнца еще веселее заплескались золотые пылинки.

Стражников было слишком много.

— К выходу!— крикнул Стас, нанося и отражая удары.

— Перстень!—задышался Кумар.— Без него... нельзя!..

— Черт с ним!— прохрипел Ли, которого теснили трое.— Нам не встывать...

Абэ бился молча, оскалив зубы. В обеих руках гибкого Кумара сверкало по сабле.

— Внимание!— воскликнул Стас, отпрыгивая назад и наклоняясь над полупустым кувшином с золотыми динарами.

И тут стражники выбили клинок из руки Ли. Товарища заслонил Абэ, рядом встал улыбающийся Кумар.

— Держи!— Он бросил обезоруженному Ли одну из своих сабель. И тут атаман поднял над головой тяжелый кувшин.

— Тр-рах!

Кувшин взорвался, точно ядро. Картечь золотых монет полоснула по стражникам. Разъяренный Ли бросился вперед, рубя направо и налево. Перед ним мелькнула черная спина. Ли яростно полоснул по ней саблей и замер, увидев падающего Чака.

— Я нечаянно,— по-детски пролепетал Ли.— Прости...

Но тут раздались звонкие хлопки, и все услышали знакомый насмешливый голос:

— Стоп, стоп!

Из-за колонны в сопровождении сотрудника Центра вышел невысокий худощавый человек в голубом тренировочном костюме. Он оглядел бурно дышащих соискателей, скользнул взглядом по чернокожим андроботам, игравшим роль стражников.

Опустив саблю, Стас вопросительно смотрел на устада Галима Камалова, которого все звали Устад-Галимом. Лысую голову ученого покрывала тибетейка, вышитая жемчугом. На желтоватом лице тонкая сетка морщин. Две глубокие складки между косо поставленными бровями придавали ему выражение печали и сострадания. Курчавую бородку тронула седина, в густых коротко подстриженных усах таилась легкая усмешка. Острого языка Устад-Галима боялись все соискатели.

Камалов подошел к сраженному копьем рыжеволосому гиганту. Боб честно изображал труп: он лежал, разметав по золотым монетам кудри, и за время схватки ни разу не пошевелился. Устад-Галим отлепил от его спины копьё с присоской, позвал:

— Боб, сынок, проснись, уже поют райские трубы...

Соискатель встал, сокрушенно повесив голову.

— Гибель Чаки я видел,— тихим голосом продолжал Камалов.— Разговор об этом впереди. А вот как тебя угораздило?.. Реакция у тебя замедленная, вот что. А без нее в нашем деле труба... Я, как и все восточные владыки, люблю красные яхонты и рыжих воинов. Но при плохой реакции локоны не спасут! — У стада повернулся к Стасу.— Ты тоже хорош. Попал в засаду, потерял двоих. Задание не выполнил... Чему улыбаешься, атаман? Добудь перстень Искандара, а потом веселись!

Стас поднял руку. На безымянном пальце электрической искрой блеснул голубой гранат. Соискатели радостно вскрикнули.

— Смотри-ка! — удивился Устад-Галим.— Успели... Ну, что ж, ваша группа в прошлое пойдет первой.

2

Вводную программу соискатели получили за декаду до запуска. В холле Стас быстро просмотрел ее и усмехнулся. Насколько Устад-Галим иронично и четко излагал свои мысли вслух, настолько же расплывчато и наивно он выразил их на бумаге. Видимо, информация о заданной точке прошлого была скудна, и ему пришлось напрячь воображение, придумывая подробности.

На плечо Стаса опустилась крепкая ладонь Абэ:

— Атаман, мы собрались прогуляться. Ты с нами?

Стас отрицательно мотнул стриженной головой.

— Хочу полистать вводную.

Жилище Стаса мало чем отличалось от комнат его товарищей. Разве что участок стены над столом выложен ромбовидной чешуей

таисянского плечерога, да в черной шкатулке искрится марсианская галька. На Марсе и Таисе Стас не был. Чешую и прозрачные камешки привезла Алена. Она любила все лучезарное. И сама была веселая и яркая. Мужа называла Добрыней. «Почему?» — спрашивал Стас, взвешивая на ладонях ее тяжелые волосы. «Ты большой и добрый, — смеялась Алена. — И верный. А если отпустишь бороду, то будешь вылитый Добрыня Никитич с картины Васнецова». Стас посмотрел на стереоизображение Алены, сел и принялся читать вводную программу.

«В стародавние времена, когда ужасные дивы и прекрасные пери являлись людям, царствовал славный Рабиг ал-Мулюк. Его владения омывало море, пересекали реки и сухие русла; сады граничили с пустынями, а дворцы — с хижинами. В числе подданных были визири и воины, звездочеты и купцы, простолюдины и нищие».

Стас постарался представить себе Рабиг ал-Мулюка. Жил, наверное, в древности этакий арабийский царек. Грабил подданных, сладко ел и развлекался. Владел двумя-тремя оазисами, угонял у соседей скот, верил в существование дивов и пери...

«Рабиг аль-Мулюк старался быть праведным владыкой: карал злодеев, возвеличивал храбрых и усердных. Не его вина, если подлинная справедливость не воцарилась в стране. Царь был бездетным. Приближалась старость, но некому было передать власть. Подолгу бродил Рабиг ал-Мулюк в саду, удрученный тягостной думой».

Давняя боль кольнула Стаса: у них с Аленой тоже не было детей. «Успеем, — смеялась жена. — Сто лет впереди! Да и некогда. Ты копаешься в жерлах вулканов, я ползаю по планетам...» Сколько ни уговаривал Стас, Алена только смеялась. И он верил, что впереди сто лет. Сто лет! Когда солнечный протуберанец сжег корабль Алены, Стас тоже хотел умереть. Тоскуя по жене, бросил вулканологию и пришел в Центр...

Стае снова погрузился в чтение вводной.

«Однажды владыка гулял в саду. Чей-то голос окликнул его.

— Кто посмел? — гневно спросил повелитель.

— Я — Хызр. Разве ты не узнал меня?

Падишах с достоинством наклонил голову.

— Вот чудодейственное яблоко, — негромко промолвил Хызр. — Раздели его с женой, и у вас родится сын.

Царь побледнел и обеими руками принял краснобокий плод».

Стас еще раз перечитал эти строки. Кто такой Хызр?.. А, это добрый вестник. Стало быть, у царя будет сын.

«И когда родился Сайф ал-Мулюк, ликовала вся страна.

У колыбели наследника владыка собрал звездочетов и дервишей. Мудрецы долго лицезрели младенца, изучали расположение родинок, многозначительно вздыхали и переглядывались».

Стас отложил вводную. Итак, если отбросить восточную цветистость, информация о Сайф ал-Мулюке выглядит следующим образом: во-первых, он станет мудрым, во-вторых, воинственным, наконец, он приобретет жизненный опыт и превратится в крепкого царька. Дальнейшие предсказания перебрасывали царевича из VIII века в авантюрную сказку. И Стасу, который подменит Сайф ал-Мулюка в прошлом, предстоит большие испытания. Придется работать как следует, чтобы все закончилось благополучно. Надо



выполнить задание Устад-Галима и вернуться из прошлого. Только тогда жизнь без Алены приобретет какой-то смысл.

«Время показало, что звездочеты и дервиши не ошиблись. С малых лет царевич радовал воспитателей остротой ума и любознательностью. Он рано научился читать и писать, скакать на коне и владеть оружием. Любил слушать рассказы о злобных дивах и прекрасных пери, о войнах и странствиях, о несчастной птице рухх, детенышей которой пожирает злобная аждаха.

Однажды падишах призвал к себе сына...»

3

Через декаду соискатели собрались у Камалова. Вообще-то можно было сразу идти на пусковую площадку, потому что ничего нового устад не сообщил. Все давно говорено-переговорено, уточнено и проверено. Но так уж повелось, что очередная команда усаживалась у овального стола и молча созерцала тубетейку на голове Устад-Галима. И что интересно: такая игра в молчанку приносила пользу. Медики это подтверждали.

Камалов сидел в глубоком кресле. Пошипывал курчавую бородку и разглядывал соискателей. Смотреть на них — одно удовольствие. За столом собрались здоровенные красивые парни, спокойные или тщательно скрывающие волнение.

Стройный Чака согнулся и спрятал ладони между коленями. Мелкие кольца его волос напоминали вязаную шапочку. Соискатель

покачивался и смотрел в сторону. «Красив,— подумал Камалов.— Не слишком ли ты волнуешься, сынок?» Устад перевел взгляд. Уж кто был самоуверен и никогда не волновался — так это Абэ! Он раскинулся в кресле, положив ногу на ногу, шурил узкие глаза. Он мал ростом, невероятно силен и смешлив. На улыбающегося товарища недобрительно косится дисциплинированный Кумар. Его черные волосы аккуратно причесаны, стартовый костюм застегнут на все кнопки. В Камалова он влюблен, непререкаемо верит каждому слову.

Рыжеволосый Боб напоминает чемпиона Олимпийских игр по метанию молота. Природа щедро одарила его: широченные плечи и грудь, литые бицепсы, длинные ноги. К сожалению, все это большей частью бездействует, ибо их обладатель любит поспать. Он и сейчас дремлет. А вот Ли никому не нравится. Какой-то он унылый, бесцветный. Скуку наводит. Не понятно, зачем он вообще пришел в Центр. Боясь обнаружить антипатию, Камалов прощал ему мелкие промахи, за которые беспощадно ругал Стаса.

Из общей массы соискателей Стас не особенно выделялся, и все-таки он — признанный лидер и бессменный атаман на полигоне. Почему? Причина проста. Если каждый из соискателей чемпион в каком-либо одном виде спорта, то Стас многоборец. Среди узких специалистов он — ученый-энциклопедист. По складу характера он чужак, который, не задумываясь, пойдет туда — не знаю куда, чтобы принести то — не знаю что. «На кого он похож? — думал Устад.— Пожалуй, на добродушного и верного Добрыню».

Устад-Галим приподнялся и обвел взглядом соискателей. Парни зашевелились, готовые ко всему.

— Кто не уверен в себе? — спросил Камалов. Не ожидая ответа, решительно встал: — На старт!

В нижнем ярусе их встретил знакомый сотрудник Центра. Камалов быстро прошел мимо пусковой площадки.

— Вы не с нами? — забеспокоился Чака.

— Я буду у мониторов.

На площадке серебристо мерцали стартовые капсулы. Соискатели привычно разместились в них, надели на головы пси-датчики, обмотали их длинными шелковыми чалмами. Пошевелили руками и ногами, принимая удобную позу. Сотрудник Центра меланхолично обошел капсулу, проверяя, все ли сделано по инструкции.

— Внимание!.. — Голос Устада прозвучал в сознании каждого соискателя. — В исходном положении проигрываем вводную. Затем действуете самостоятельно. Время!

Надвинулась металлическая штора, и Стаса окутала темнота. На мгновение безысходное чувство оторванности от всего мира охватило его. «Спокойно!» — приказал себе Стас. Тьма обволакивала и теснила грудь. «Алена!.. — позвал он. — Алена!» И успокоился. Мысленно представил, как серебристая капсула поднимается над площадкой. Раздвинулись лепестки приемных диафрагм, капсула вошла в люнет пси-генераторов. Диафрагмы закрылись. Сейчас Устад скажет обычное...

— Доброго пути! — прошелестел в мозгу знакомый голос.

Стас мгновенно расслабил и напряг мышцы... Ну!

Перед глазами развернулся огненно-пестрый веер. Он мерцал и переливался. Стае летел сквозь него, возносясь выше и выше. Свет стал невыносимо ярким, под ногами открылась бездна. Стас рухнул в

нее, чувствуя, как стремительное падение выворачивает его наизнанку. И вдруг все прекратилось...

...Стас открыл глаза. Он сидел на узорчатом ковре. Стены комнаты расписаны причудливым орнаментом, в узкие окна бьет солнце. Соискатель поднялся и подошел к бронзовому зеркалу. В отполированном металле отразился юный царевич, облаченный в тонкий халат. Адаптация пошла быстрее. Тугая чалма уже не давит голову, рука сжимает кинжал, украшенный огненным рубином...

4

Однажды Сайф ал-Мулюка призвал падишах и молвил:

— Пришло время приобщаться к делам. Вот ключи. Осмотри сокровищницы, познай меру обладаемого. Но только вот этим ключом не воспользуйся, запертую им дверь не отворяй!

Много дней ходил по дворцу юноша, отпирая бесчисленные замки. Пересыпал в ладонях старинные золотые монеты, любовался радужной игрой в алмазах, катал по узорчатым коврам сияющие жемчужины. И вот осталась единственная дверь, в которую он не входил. «От какой опасности предостерегал отец?» — подумал царевич. Долго колебался и вдруг решил: «Человек должен знать все!»

Проскрежетал ключ, заскрипела дверь, и он увидел старый сундук посреди пустой комнаты. Оставляя следы на пыльном полу, Сайф ал-Мулюк подошел к нему и приподнял крышку. Внутри лежала потертая шуба. Юноша взял ее и встряхнул. Из шубы выпали перстень и кусок ткани. Юноша подобрал их, подошел к окну, чтобы рассмотреть. Перстень был изготовлен из неведомого тяжелого металла. Его украшал голубой камень. На кромке вырезано: «Искандар зуль-Карнайн». «Неужели драгоценность принадлежала великому воителю?» — поразился Сайф ал-Мулюк.

За действиями царевича по монитору ревниво следил Кумар. Его первым вернули из прошлого, за то что он не посмел послушаться падишаха и не вошел в заветную дверь. Кумар первым заметил красный сигнал тревоги на боковом экране.

— Устэд,— позвал он.— Нарушение...

Камалов повернулся к монитору, на котором в полумраке тайной комнаты вырисовывалась фигура Сайф ал-Мулюка. Царевич рассматривал подобранную на полу ткань. Недоуменно вскинул брови, скомкал и бросил ее в сундук. Надел на палец перстень Искандара и, не оглядываясь, пошел к двери...

Устэд-Галим озабоченно подвигал тюбетейку на голове.

— Ошибки быть не могло? — спросил он сотрудника Центра.

Тот поморгал глазами, не понимая.

— Я спрашиваю о портретном сходстве.

— Пси-копия довольно точная. В пределах допуска, конечно.

— Поразительно! Такой нуль-эффект я наблюдаю впервые.

— Я тоже.— Сотрудник пожал плечами.— Как быть?

— На возврат. Соискателю там больше делать нечего.

На другом экране царевич развернул ткань, заметил в ней нечто странное и вдруг побледнел. Тяжелый стон сорвался с губ. Юноша зашатался и упал на пол...

После посещения запретной комнаты Сайф ал-Мулюк стал неузнаваем. Жизнерадостный юноша превратился в затворника.

Цельми днями сидел в покоех, а когда к нему входили, что-то торопливо прятал за пазуху. От печали и раздумий он исхудал и пожелтел. Дворцовый лекарь в недоумении крутил головой.

Падишах пригрозил ему смертью, если он не установит причину болезни. Испуганный старик побежал к царевичу.

— Смилуйся, о повелитель,— запричитал он,— топор навис над моей головой! Объясни, почему ты печален?

Юноша достал из-за пазухи тонкую ткань и развернул ее. Долго лекарь разглядывал вытканый портрет девушки неземной красоты. Даже его старое сердце дрогнуло от ее небывалого совершенства. Он пришел к падишаху и прошептал:

— Любовь...

— Кто же она? — вскричал Рабиг ал-Мулюк.

— Пери,— ответил лекарь, подавая портрет.

Рабиг ал-Мулюк задумался... Он корил сына за непослушание. Уговаривал не стремиться к недостижимому. Собрал во дворце красивейших девушек, которые танцевали, играли на сладкозвучных инструментах, пели нежные песни. Царевич не глядел на них.

— Разве я не люблю сына больше жизни? — спросил себя падишах.— Разве я не могу исполнить все его желания?

И вот уже плывут на восток корабли. Их сопровождают попутные ветры и штиль, извержения огнедышащих гор и штормы. Ночью море светится голубыми огнями, днем над волнами носятся крылатые рыбки.

Однажды к царевичу подошел капитан.

— Посмотри на небо,— встревоженно сказал он.

Царевич поднял голову и увидел черную тучу, исполосованную вспышками молний.

— Шторм,— спокойно сказал он.— Мало ли их было...

— Это не шторм,— покачал головой капитан.— Это див.

— Тогда приказывай, я верю твоей многоопытности.

По слову старого морехода на кораблях спустили паруса. Сайф ал-Мулюк вместе с командой укрылся в трюме, который плотно задраили. Время шло в тревожном ожидании. Юноша ухватился за переборку, чувствуя, как она подрагивает от ударов волн о борт. Бессилие перед стихийной мощью дива охватило его. Внезапно раздался страшный грохот, корабль круто накренился. Покатились бочки, давя людей. Вода хлынула в трюм. Ее шум поглотил крики о помощи и проклятья...

В этот момент Камалов нажал кнопку возврата, быстро оглядев остальные мониторы. На их экранах Сайф ал-Мулюк отказался спуститься в трюм и привязал себя к мачте. Он без страха смотрел на близкую тучу. Бывалые воины учили: победа заключена в острье клинка. И царевич обнажил саблю. Но она не понадобилась: было видно, что туча пройдет стороной. Юноша облегченно вздохнул. И тут страшный удар обрушился на корабль. Мачта переломилась, как былинка...

Сайф ал-Мулюк очнулся в воде, привязанный к обломку мачты. Рука продолжала сжимать бесполезную саблю. Ласковое солнце освещало невysокие волны, которые погребли столько же воинов и мореходов. «Клянусь, я отомщу» — подумал царевич.

Несколько дней волны качали обломок мачты. Голод и жажда мучили юношу. Наконец, он увидел скалистую вершину и берег,

поросший лесом. Царевич сделал из плаща парус и вскоре достиг суши.

За несколько дней Сайф ал-Мулюк оправился от долгого поста и окреп. Он обследовал побережье и убедился, что находится на острове. Тогда он принялся собирать выброшенные на берег обломки кораблей, пустые бочонки, из которых надеялся соорудить плот. Однажды он отправился к скалистой вершине, чтобы осмотреться. Здесь он увидел гнездо огромной птицы, в котором сидели два голых птенца величиной со страуса. Они жалобно кричали, глядя, как к ним подползает огромная змея.

Вспомнив рассказы о кровожадной аждахе, пожирающей птенцов рухх, юноша окаменел, но быстро опомнился и выхватил саблю. Однако он опоздал. Аждаха проглотила птенцов. Обезумев от гнева, Сайф ал-Мулюк обрушил разящие удары на рогатую голову, на длинное бородавчатое тело, которое судорожно билось и свивалось в кольца. Клинок рассекал аждаху, но отрубленные части превращались в маленьких змей. Они набрасывались на царевича, кусали, обвивали руки и ноги...

5

Никто не видел, как погибал Сайф ал-Мулюк. Устад-Галим сидел спиной к монитору, Кумар сочувственно слушал Чаку. Сотрудник же Центра, убаюканный однообразием событий на пси-экранах, бездумно смотрел в сторону. Ему было скучно.

— Я полез в трюм не потому, что испугался дива.— Губы Чаки шевелились с трудом.— Я не трус.

— Ну-ну,— примирительно сказал Камалов.— Трусом тебя никто не считает. Ведь это ты чуть ли не голым высочил из шлюза на лунной станции?

— Микрометеорит попал в товарища у самого входа,— объяснил Чака.— Не было времени натягивать защитный костюм.

— Прекрасно!— Устад удовлетворенно кивнул.— Наша система воспитания исключает трусов. Однако скажи мне вот что: там, на Луне, ты понимал, что можешь погибнуть?

— Разумеется...

— Задержало это тебя хотя бы на долю секунды?

— Ну...— Чака помялся.— Сначала в голове мелькнуло, что можем погибнуть оба. Но как бы я жил дальше?

— Вот видишь! А наша профессия требует не просто храбрости, а храбрости беззаветной.— Устад-Галим говорил жестко, глядя Чаке в глаза.— Самоотверженности, а не подавления инстинкта самосохранения. Возвращайся-ка на лунную станцию.

— Черт бы побрал этого дива!—сердито сказал Чака.

— Не затрагивай авторского самолюбия,— усмехнулся Камалов в бородку.— Полигон с царевичем придумал я. Не один, конечно. И вообще не вижу повода для трагедии!—сердито сказал он, глядя на понурого Чаку.— Не калека же ты, как Ли!

— Ли сразу ушел,— задумчиво сказал Кумар.— Даже не заглянул в мониторную... Почему вы назвали его калекой?

— Потому что многое здесь ему безразлично. Потому что, дожив до тридцати лет, он не узнал горестей и радостей любви. Потому что он равнодушен к женщине, которую избрал в жены. Он даже не удивился портрету на шелке...

— Как? — изумился Кумар. — Разве... — Его взгляд остановился на мониторе Боба, над которым полыхал красный сигнал тревоги. В тот же миг Кумар нажал кнопку возврата.

Сотрудник Центра продолжал смотреть в сторону.

— Та-а-ак,— зловеще протянул Камалов.— Вы, кажется, хотели бросить работу в Центре? Сделайте это сейчас.

Сотрудник непонимающе глядел на ученого.

— Вы допустили пси-гибель соискателя. Завтра трагедия может произойти не на экране, а в жизни... Прощайте!

Бывший сотрудник Центра неловко потоптался, махнул рукой и быстро вышел. Камалов проводил его недобрым взглядом.

— Калека! — презрительно бросил он.— Человек равнодушный, не влюбленный в дело — калека. Сам по себе он безвреден, но в качестве устада может принести непоправимый ущерб.

Чака вздохнул и нерешительно спросил:

— Мне можно уйти?

Устад-Галим кивнул. Перевел взгляд на Кумара.

— Мне хочется посмотреть, как пройдут полигон остальные, — попросил несостоявшийся соискатель.— Можно?

— Да, это тебе пригодится.

— У меня... есть шансы?

— Я хочу, чтобы ты работал в Центре. Очень нужен человек, пунктуально соблюдающий инструкции. Согласен?

У Кумара радостно блеснули глаза.

— Прекрасно! — сказал Камалов.— А вот и Боб...

Соискатель ворвался в мониторную, как мамонт. На бледном лице расплывались кирпичного цвета пятна.

— Полигон не корректен, — кричал он басом.— Полигон нельзя пройти! Появление змеек — жульнический прием!

— Просто у тебя замедленная реакция, — решительно оборвал его Камалов.— Взгляни, как идут остальные.

6

Птенцы жалобно кричали, глядя на подползающего змея. Сайф ал-Мулюк выхватил саблю и, перепрыгнув через птенцов, оказался перед аждахой. Каждый удар рассекал змея, но отсеченные части превращались в маленьких змеек, которые набрасывались на царевича. К счастью, на помощь пришли птенцы. Точными ударами широких клювов они убивали змеек. И мерзкие твари были уничтожены. Царевич сел, устало вытер пот со лба. Птенцы ластились к нему, трепеща неоперенными крылышками...

В это время раздался громовой клекот. На скалу опустилась громадная птица с длинной голой шеей, круглой головой и устрашающим клювом. Сердце даже самого храброго воина дрогнуло бы при виде птицы рухх, способной унести в когтях молодого слона. Юноша отшатнулся и застыл, но рухх ласково проговорила:

— Не бойся, о обладатель перстня Искандара!

Царевич мельком глянул на перстень с голубым камнем.

— Раз в десять лет, — продолжала птица рухх, — я высиживаю двух птенцов, но не могу уберечь их. Ты уничтожил аждаху! Чего бы ты ни пожелал, получишь все.

Сайф ал-Мулюк, загораясь надеждой, развернул вытканый портрет. Рухх посмотрела и сокрушенно вздохнула.

— Здесь выткано изображение дочери царя всех пери.

— Отнеси меня к ней! — воскликнул юноша.

— Пери томится в колодеце злобного дива.

— Тогда отнеси меня к колодцу!

— Хорошо, я выполню твое желание.

Сайф ал-Мулюк погладил на прощание птенцов, и взобрался ей на спину.

— Держись крепче! — крикнула рухх.

Развернув широкие крылья, она бросилась с обрыва. Ударил встречный ветер. Зеленый остров накренился, отпрянул и, быстро уменьшившись, пропал. Внизу голубело море. Каждый взмах могучих крыльев приближал царевича к желанной цели. Вот в дымке обозначился неведомый берег, опоясанный белой полосой прибоя... Вскоре они летели над желто-серыми песками. Воздух стал сухим и знойным.

7

— И где вы разыскали сказку для программы? — сокрушенно спросил Боб. Он уже немного успокоился.

— О, это длинная история.— Камалов улыбался, поглядывая на пси-экраны, где продолжали маршрут Стас и Абэ.— Сказку придумала моя прабабушка. В ней много невероятных приключений и неожиданных поворотов. Это идеальная матрица, внедряемая полем пси-генераторов в сновидения соискателей. Она дает возможность проявить в полной мере их потенциальные способности. Очень гибкая матрица!.. Население земного шара непрерывно увеличивается. Надо разместить и накормить миллиарды людей. Крайне нужны космонавты для освоения новых планет, исследователи, врачи, устеды — вот почему наша профессия стала такой важной! Но именно поэтому мы должны проводить строжайший отбор. Только один из пяти проходит все испытания. Ты понял, Боб?

Четыре монитора давно погасли. На двух остальных экранах громадная птица сделала над пустыней круг, шумно захлопала крыльями и села. Сайф ал-Мулюк сошел на землю. Его немного качало.

— Вон там, — рухх указала горбатым клювом, — колодец, в котором обитает див.

Три долгих дня спускался царевич в колодец дива. Его то опалил жар, то обжигал холод. Он засыпал в движении и просыпался, застревая в трещине. И когда его ноги коснулись дна, он долго топтался на месте, а потом медленно повалился на бок и заснул...

Сайф ал-Мулюк очнулся от острого ощущения опасности. Перед ним была громадная глыба, закрывающая вход в пещеру дива. Этот камень он не смог бы отвалить и полный сил. А что теперь, когда он изможден и слаб?

Царевич хрипло закричал, сжал кулаки и обрушил их на косную глыбу. И когда перстень Искандара коснулся камня, тот со скрежетом приподнялся. Юноша едва не упал от неожиданности. Постоял шатаясь, подобрал саблю и бросился вперед. Глыба с грохотом упала за его спиной.



Царевич оказался в большой пещере, очертания которой терялись в полумраке. Прямо перед ним с потолка свешивался белый полог, охватывающий овальное возвышение. Держа перед собой клинок, царевич поднялся на возвышение, отвел саблей ткань и замер. Перед ним на узкой постели лежала Исоё. Ее лик, обрамленный черными локонами, напоминал полную луну. Тень от ресниц легла на щеки...

У Сайф ал-Мулюка закружилась голова. Однако чувствительный юноша давно превратился в стойкого воина. Он вложил саблю в ножны, осторожно прикоснулся к руке Исоё. Позвал ее шепотом, а потом полным голосом, тряс за руку и плечо. Зачарованная пери не просыпалась. И вдруг донесся приглушенный рев. Див! Царевич выскользнул из-под полога, быстро оглядел пещеру. Тяжелые ковры украшали стены, он спрятался за ними.

Глыба с грохотом поднялась, и в пещеру ворвался ревуший див. Огромный, заросший черной шерстью, он стоял на кривых ногах. Из пяток, коленей и локтей росли изогнутые когти. Див напоминал гориллу, толстые губы свисали, как у верблюда. Треугольные глазницы казались наполненными тлеющим углем, над косматой головой высились рога.

Див подошел и сорвал полог над ложем пери. Во всем блеске красоты перед страшилищем лежала беззащитная Исоё. Царевич

стиснул эфес сабли, но остался недвижим. Между тем див долго смотрел на пери, шевеля верблюжьими губами. Уголья глаз запылали еще сильнее, когтистые пальцы сжимались и разжимались. Див горестно взревел, осторожно поднял изголовье постели и вытащил белую пластинку с черными письменами. В тот же миг Исоё вздохнула и открыла глаза.

— Мир тебе, о повелительница!—взревел див.

— Гибель тебе, о обезьяна!—звонко ответила пери. Она метнула взгляд в сторону Сайф ал-Мулюка и закусила губу.

— Я принес гранаты и персики, инжир и айву, виноград...

— А яблоки из моего сада?

— Прости, несравненная, я опять не смог проникнуть в сад,—покаянно ревел див.—Я соскучился по твоему танцу.

— Ты глуп,—пожала плечиком пери,—но я проголодалась.

Див поставил перед ней золотое блюдо и высыпал плоды из мешка. Исоё взяла персик, надкусила и положила на блюдо. Съела несколько ягод винограда. Див жадно смотрел на нее.

«И эта тупая горилла,—подумал Сайф ал-Мулюк,—ворует чужих возлюбленных? Сжигает города и переворачивает корабли? Да ее надо загнать в клетку и показывать всем как воплощение абсолютно-го зла!»

— Не надо!—отчаянно закричала Исоё.— Не выходи!

Но царевич уже появился из-за ковра.

— Встань, чудовище!—крикнул он.

— Человек?!—удивленно заревел див.

— Да, человек!—Сайф ал-Мулюк продолжал медленно приближаться.— Встань, когда с тобой говорит человек!

Див захохотал и дохнул огнем. За секунду до этого Кумар вырвал царевича из пещеры. Устад-Галим одобрительно хмыкнул.

8

«И эта обезьяна,—с горечью подумал Сайф ал-Мулюк,—приводит людей в ужас. Сжигает селения, переворачивает корабли. Поистине, зло всегда тупо и убийственно. Животворна только мудрая доброта».

— Сегодня я хочу танцевать,—сказала Алена.

Она подняла руки над головой и хлопнула в ладони. Пещера наполнилась чудесной музыкой, напоминающей одновременно пение птиц, журчание ручья, шелест трав. Царевич смотрел во все глаза, забыв об усталости, голоде и ранах. Это был не танец. Это упруго колыхались в потоке воды гибкие лилии, это волновалось пшеничное поле. Золотое пламя локонов обжигало глаза, змеями извивались руки. Див ревел от восторга, колотя кулаками по брюху.

Внезапно музыка оборвалась.

— Это все,—сказала пери.—Теперь спи! Спи!

Див упал на колени, запрокинул рогатую голову и захрапел. Не взглянув на чудовище, пери вышла на середину пещеры и позвала:

— Выходи, о любимый! Я так долго ждала тебя!

Не колеблясь ни мгновения, Сайф ал-Мулюк откинул свисающий ковер и устремился к девушке.

— Да, это ты,—шептала Алена.—Это ты! Она подошла к юноше, коснулась его обнаженной груди легкими пальцами. Раны

царевича затянулись, небывалая сила наполнила мышцы. Не помня себя, он привлек любимую:

— Бежим!

— Безрассудный,— задыхалась девушка.— А див?

— Я убью его!

— Но душа дива заключена в сундуке, который покоится в морской пучине.

— Я подниму его!

— Этого не требуется. У нас есть перстень Искандара...

Они смотрели друг на друга и не могли насмотреться. Говорили все слова, которые переполняют влюбленных, придумывали новые, не замечая бега времени. Но вот див заворчался. Царевич укрылся за ковром, а пери сердито закричала:

— Вставай, о нерадивый! Принеси яблоки из моего сада!

Див положил под изголовье белую пластинку, посмотрел на спящую красавицу, взревел и вылетел из пещеры. Едва умолк грохот, Сайф ал-Мулюк отбросил ковер, подбежал к Алене и выхватил из-под ее головы пластинку. Взявшись за руки, они выбежали из пещеры.

Алена подняла голову. Высоко-высоко сиял клочок неба. Пери сжала руку возлюбленного, глубоко вздохнула, и они взвились вверх. Дух захватило у Сайф ал-Мулюка. Плотный воздух бил в лицо, грудь сжимали то ледяные, то раскаленные обручи. Устье колодца приближалось, клочок неба расширялся и наливался синевой. Они вылетели из колодца.

Пери и Сайф ал-Мулюк шли и летели, летели и шли, пока не достигли обрывистого берега, о который бились тяжелые волны. Они спустились к самой воде и встали на большой плоский камень. Царевич снял с пальца перстень Искандара и метнул его в море. Волнение утихло...

Они напряженно смотрели в воду, и в это время со стороны пустыни донесся низкий гул. Пери оглянулась. Далеко над горизонтом чернела туча.

— Див настигает нас! — тревожно крикнула она.

Царевич молча ждал. Из темно-зеленой глубины медленно всплыл и заколыхался на воде массивный сундук, обросший водорослями и покрытый илом. Сайф ал-Мулюк выволок его на камень, сорвал замки, распахнул. В черном углу сидел нетопырь и скалил зубы. Юноша схватил его и швырнул в море.

Страшный удар грома потряс небо и землю. Пыльная мгла заволокла пустыню. Порыв ветра едва не сбросил влюбленных с камня. «Я отомстил», — подумал царевич.

Буря длилась недолго. Туча растаяла, мгла рассеялась, в бездонном небе засияло солнце. Сайф ал-Мулюк смотрел на пери. Алена улыбалась. По ее бледным щекам текли слезы...

9

На Абэ нельзя было смотреть без сожаления. Само воплощение разочарования, он просил:

— Устад, можно я пойду еще раз? Ошибок не будет!

— Ты можешь указать свои промахи?

— Ну...— Абэ сконфуженно замялся.— Не проявил выдержки, что ли... Полез, как дурак, на дива.

— Кумар, твое мнение?

— Соискатель чересчур рискованно действовал все время,— начал Кумар.— Это свидетельствует не об отсутствии выдержки, а об излишней самонадеянности. По натуре Абэ— сильная личность. Любая преграда кажется ему незначительной. Он старается подавить чужую волю. Ему нельзя быть усталом.

— Но-но, полегче,— угрожающе заворчал Абэ.

Камалов похлопал его по спине.

— Кумар прав. Я сказал бы больше: у тебя диктаторские наклонности, сынок. Ты слишком непримирим. Подумай о других профессиях, об освоении планет например.

— Но я люблю детей! Я не могу без них!

— Удивил! Детей любят все. Даже Ли безразличен к детям. Как это можно— не любить детей?— Камалов закрыл глаза, словно собирался вообразить такое противоестественное состояние.— Нет, это невозможно! Каждый ребенок— это целая вселенная. И задача устада— найти в этой вселенной разноцветные звезды таланта и разжечь их. Обнаружить «черные дыры» дурных инстинктов и преодолеть их тяготение. Понимаешь? Не задавить, а преодолеть! Вспомни Бенджамина Спока и Антона Макаренку! Вспомни Корчака, который за детьми пошел в печь крематория...

— Я бы тоже так смог!

— Самоуверенности в тебе...— Камалов поцокал языком.— Ну-ка, перечисли основные качества воспитателя.

— Устаду надлежит быть смелым, сильным, ловким, остроумным,— начал Абэ.

— Ты таков и есть. Но этого мало.

— Он должен быть энциклопедически образован, изобретателен. Должен мгновенно откликаться на любые изменения в настроении ребенка...

— И этого мало!

— По-вашему, устад должен во всем походить на Стаса,— сердито сказал Абэ.

— Правильно! И знаешь почему? Многие качества, которые ты перечислил и которых все-таки недостаточно для профессии воспитателя, заложены в нем от природы.

Абэ долго молчал. Вздохнул.

— Ладно, Устад-Галим. Я понял. Расскажите, пожалуйста, чем кончилась история царевича и пери. Мои наследники любят слушать сказки.

— У тебя есть дети?

— У нас с Исоё их двое. Сын и дочь... Они воспитываются в интернате «Баргузин».

10

После долгих странствий царевич и пери благополучно достигли владений Рабиг ал-Мулюка. Счастью старого царя не было предела. Он прижал к груди сына и обретенную невестку. Весь народ ликовал.

В ночь перед свадьбой пери улетела в небесные чертоги.

— Ты заставила себя ждать!— загремел ее отец.

— Я томилась в колодце дива...

— Мне донесли: див погиб и чары развеялись!

— Это сделал мой возлюбленный.

— Он достоин награды, но...

— Я стану его женой!

— Что?! Невозможно...— прошептал пораженный отец.— Пери не могут жить на земле. Ничто не объединяет вечных и смертных.

— Если бы не смертный человек, я вечно спала бы в глубоком колодце.— Голос девушки постепенно наливался силой.— Я бы вечно танцевала перед дивом. Не пери, а человек освободил меня... Я не хочу быть вечной!

— Ты не думаешь о будущем,—дрожащим голосом уговаривал отец.— Пройдет ничтожно малое время, твоя красота увянет, лицо пересекут морщины, стан согнется. Ты превратишься в безобразную старуху. Ты умрешь!

— Пусть так. Но до самой смерти я буду любить!

Царь бессильно опустил голову. Девушка вернулась на землю к своему возлюбленному...

Кумар открыл капсулу и помог Стасу размотать чалму и снять датчики. Соискатель лежал без движения, бледный и осунувшийся. Хотел улыбнуться, но его лицо только жалко кривилось...

Стае с трудом поднял руку и погладил левое предплечье. Под зеленым стартовым костюмом оно было повязано пластиковой пленкой с портретом жены. На все полигоны Стае ходил вдвоем с Аленой. Он лежал на спине, всхлипывая от изнеможения. Сознание туманилось. Стасу грезилось, что прекрасная женщина опустилась перед ним на колени и положила невесомую руку на влажный лоб.

— Алена!

Солнце не сожгло ее, просто она растворилась в Солнце...

— Алена!

Вместе с солнечными лучами она прилетает на Землю. И все живое жадно впитывает лучи, потому что без солнца нет жизни. Мерцают озера— это глаза Алены, золотятся пшеничные поля—это волосы Алены, краснеют яблоки— это румянец Алены. Ребятишки любят яблоки. Они с наслаждением вгрызаются в сочные плоды. И вместе с яблоками в каждого ребенка входит Алена. Может быть, поэтому Стае не мыслит себя без детей. Может быть, поэтому...

— Але-о-о-она!

ПРАВДА ОБ ЭЛЕКТРАХ

Фантастический рассказ



Мы были за городом и решили поиграть в электров. Арне стал выговаривать слова считалки, чтобы определить, кто будет электром, и тут раздался свист снижающейся ракеты. Она опустилась в нескольких десятках шагов от нас и некоторое время покачивалась на длинных, как у паука, ногах.

— Не знаю такого типа, — сказал Арне. — Видно, новая модель. Я добавил:

— Никогда еще не видел такой большой.

Мы подошли поближе. Ракета согнула ноги и коснулась брюхом травы. Она была какой-то странной. На ее корпусе черным лаком были изображены непонятные знаки.

— Почему никто не выходит? — спросил я.

— Дурачок, — ответил Арне, — сначала ракета должна остыть.

Однако очень скоро в брюхе ракеты открылся люк, высунулась длинная раздвижная лесенка и по ней спустился некто в шлеме и серебристом скафандре. Он был очень похож на человека. Арне тоже так считал:

— Странновато выглядит для электра.

Когда пилот снял шлем, мы увидели, что он действительно человек. Арне даже присвистнул сквозь зубы от удивления. В этот момент пилот заметил нас и стал махать рукой, чтобы мы подошли.

— Может, лучше удрать? — спросил я, но Арне был другого мнения.

— Идем, — сказал он. — Удрать всегда успеем.

Пилот ждал нас сидя на ступеньке лесенки. Когда мы подошли, он спросил, как нас зовут.

— Меня Рой,—сказал я.
— Меня Арне,—сказал Арне.— А тебя как?
— Том,—пилот широко улыбнулся и спросил:— Что вы тут делаете, ребята?
— Играем в электров,—быстро ответил Арне.
— Первый раз слышу,—удивился пилот.— Что это такое — электры?

Арне просто онемел. Пилот с минуту приглядывался к нему, потом перестал улыбаться.

— Надо вам кое-что пояснить, ребята,—сказал он.— Я прилетел с Земли и вовсе не собираюсь вас разыгрывать. Я и вправду не знаю, что такое электры.

— Врет,—шепнул мне Арне.— Земля? Нет такого города.

А пилот вынул из кармана скатанную в трубочку бумажку и блестящую коробочку. Бумажку сунул в рот, шелкнул коробочкой и зажег бумажку. Она едва тлела, но зато было полно дыму. Арне закашлялся.

— Ну,—нетерпеливо повторил пилот.— Земля — планета Солнечной системы. Можете мне поверить. А теперь расскажите об электрах.

— Ага,—понял Арне.— Ты с другой планеты?

— Вот именно,—подтвердил пилот и вдохнул едкий дым.

Арне отошел на несколько шагов и ткнул меня локтем.

— Разрази меня гром,—шепнул он,—если я сумею ему объяснить, что такое электры. Он, верно, сумасшедший.

— Ну так как? —спросил пилот. Теперь он смотрел на меня, поэтому я и отозвался:

— Электры бывают разные.

— Какие же?

— Полицейские, пилоты, мыслетроны, супермыслетроны, транзисторные и ламповые.

— Ага. Роботы.

Я испугался:

— Нельзя так говорить. Это очень плохое слово.

Пилот почему-то усмехнулся.

— Ну, ладно. Значит, вы играли в этих электров?

— Да,—вмешался Арне.— Это интересная игра. Сначала считаемся, кто будет электром, а потом тот, кто стал им, может отдавать другому разные приказы, ведь другой — человек. Например, он должен влезть на высокое дерево, или поймать травлика, или сорвать светоросль с какой-нибудь клумбы и не попасться сторожу. Потом другой становится электром и может отыгаться.

— А разве не наоборот? —спросил пилот.— Разве не тот, кто стал электром, должен слушаться человека?

Арне молча ткнул меня локтем.

— Нет,—ответил я,— Арне сказал правду.

Пилот смотрел на нас так, что мне стало не по себе.

— Уж не хотите ли вы меня уверить,—спросил он наконец,— что у вас машины могут командовать людьми?

— Не машины,—возразил я,— а электры.

— А что в таком случае делают люди?

— Разное. Работают в магазинах с магнетизмом или на электростанциях.



— Почему электры этого не делают?

— Они бы намагнитились,— объяснил я.— Можно повесить на дверях табличку: «Внимание! 1000 гаусс», и тогда ни один электр не сунется.

— А где еще работают люди?— спросил пилот.— Есть у вас ученые? Ну, такие, что занимаются физикой, математикой и так далее.

Мы с Арне взглянули друг на друга.

— Нет,— сказал Арне.

— Может, на этой планете нет и школ? Умеете ли вы читать и писать?

Арне удивился.

— Конечно, есть школы. Но сейчас каникулы.

Пилот погасил бумажную трубочку и вынул из кармана другую. У него тряслись руки, только, как видно, не от страха, потому что выражение его лица стало уж очень сосредоточенным. Я подумал, что хорошо бы все-таки удрать, но ничего не сказал Арне, а то он подумал бы, что я боюсь. Пилот встал и стал ходить по траве взад-вперед.

— Кто главный на вашей планете?

— Президент,— сказал Арне.

— Надеюсь, он человек?

Арне выпучил глаза и ничего не ответил.

— Так кто же тут президент, черт возьми?

— Супермыслетрон,— неуверенно ответил Арне.

Пилот был ужасно зол, но ничего не сказал, только еще быстрее зашагал взад-вперед. Через некоторое время он успокоился и снова сел на ступеньку лесенки.

— Послушайте, ребята,— сказал он.— Или я спятил, или на вашей планете творится что-то скверное. Я всегда считал большим упущением, что корабли с Земли навещают звездные колонии не чаще чем раз в двести лет, но мне и в голову не приходило, что за это время может дойти до... до... Почему люди слушаются этих электров?

Арне снова толкнул меня.

— Потому, что они умнее.

Пилот плюнул и хотел, видно, выругаться, но потом передумал.

— Хорошо, на вас-то нечего сердиться. Но поймите, что электры — это всего-навсего машины, которые, правда, умеют быстро считать, но нет и не будет машины умнее человека. Ведь это человек создает машину, а не наоборот.

— Как раз наоборот,— возразил Арне.

Пилот посмотрел на него с некоторым сожалением и мягко улыбнулся:

— Будь у меня побольше времени, я сам сделал бы вам такого мыслящего робота.

— Неправда,— сказал Арне.— Ни один человек этого не может. Мой дядя пытался сделать транзистор, и ничего у него не вышло. А электры очень умные. Я сам знал полицейского, который мог умонжить в уме двадцать четыре тысячи пятьсот восемьдесят два на пятнадцать тысяч сто четыре. У него всегда получалось триста семьдесят один миллион двести восемьдесят шесть тысяч пятьсот двадцать восемь.

Пилот молчал, и Арне продолжал:

— Или мой двоюродный брат Аль. Он нашел на свалке ржавый корпус электра.

— Так, так,— заинтересовался пилот.

— Он почистил его и надел на себя.— Арне рассказывал эту историю, наверное, в тысячный раз, и всегда с увлечением.— Потом он пошел в Клуб Электрических Полицейских, туда, где стоят шахматные столики. Один электр стал играть с Алем в шахматы. Брат рассказывал, что полицейский сразу понял, что Аль — человек, потому что Аль все время делал глупые ходы и зевнул двух коней. Но он ничего не сказал, а пригласил Аля в бар на триста вольт в прямоугольном импульсе. Аль воткнул свою вилку в розетку, и его так трянуло, что он до сих пор помнит.

Пилот закусил губу.

— Итак,— сказал он,— вам просто чудесно живется на этой планете. Наверное, вы вовсе не хотите, чтобы было иначе, правда? Рой, ты хотел бы иметь робота, который выполнял бы твои приказания?

Я вначале опешил, а потом такая мысль показалась заманчивой. Пилот немного утешился.

— А ты, Арне?

— Он ходил бы вместо меня в школу? — решил уточнить Арне.

Пилот нахмурился.

— Нет, это ты оставь...

Арне был разочарован.

Мы замолчали. Пилот втянул в себя дым, как будто это доставляло ему удовольствие, и спросил:

— Наверно, не все люди охотно слушаются этих электров? Только не врите: вы ведь говорили, что есть полиция.

Я не знал, что ответить, и, конечно, снова вмешался Арне:

— Мой дядя Лео был камердинером у одного электромозга на улице Дедиода. Это был старый ламповик, без единого транзистора. Дядя Лео рассказывал о нем много смешного. Этот ламповик ужасно боялся молний и во время грозы не позволял заземлять себе шасси, чтобы молния его не сожгла.

— Интересно,— заметил пилот.— И что же дальше?

— Однажды дядя очень рассердился на своего хозяина,— сказал Арне,— и назло не отключил заземления. Как раз тогда ударила молния и сожгла ему все сетки. За это дядя должен был целый год крутить динамо.

— Без перерыва?

— Ну, нет, судья осудил дядю на много киловатт-часов, и дядя должен был накрутить их на этой динамо-машине. Ходил крутить каждый вечер.

— Ага,— пробормотал пилот.

Арне сел на траву напротив него и закинул голову, чтобы увидеть головку ракеты. Я уже был сыт рассказами Арне, поэтому воспользовался случаем и спросил пилота:

— Ты один прилетел с Земли?

— Не совсем,— сказал пилот.— На орбите остался корабль, называется он «Норберт Винер». Его длина триста четырнадцать метров. То, что ты видишь, всего лишь исследовательская ракета. В корабле двенадцать человек и десять роботов. Командует нами Лаготт, и пусть разразят меня сто килограммов антиматерии, если он не человек из костей и крови.

— И роботы должны слушаться людей?

— Еще как. Ходят по струнке.

— А Земля очень далеко отсюда? — спросил Арне.

— Свет летит от Солнца до вашей планеты двадцать три года. Мы летели двадцать пять.

— Ого,— сказал Арне, но вид у него был такой, словно он ни чуточки не верит пилоту.— Врет,— шепнул он мне,— ему самому не больше двадцати пяти.

Пилот взглянул на часы, сказал, что должен возвращаться в ракету, и добавил:

— Если хотите взглянуть, что там внутри, то полезайте. Только осторожно, без баловства.

Мы поднялись вверх по лесенке. Я немного трусил, но Арне влез внутрь, а я не мог отставать от него. Мы увидели вертикальный лаз, в котором можно было перемещаться по скобам, а в стенах открывались дверцы в кабины. В самом низу толстая плита закрывала проход. Пилот сказал, что за ней реактор.

Потом пилот оставил нас одних и полез в одну из кабин наверху. Когда он скрылся в кабине, Арне велел мне молчать и полез следом. Потом он заглянул в приоткрытую дверь и быстро съехал вниз.

— Рой,— сказал он тихо,— пилот врет.

— Ну?

— Врет безбожно. Ни с какой он ни с Земли. То, что он говорил об электрах,— чепуха. Если не веришь, погляди сам.

Я немного побледнел от волнения. Но сделал так, как сказал Арне. Пилот сидел в большом кресле перед панелью большого электра, какого-то супермыслетрона, ворчавшего и блестящего экранами. На нем была надпись: «Радиостанция». Наверно, так его звали. Я никогда еще не видел электра, который выглядел бы так грозно. Он что-то резко говорил пилоту, а тот все время повторял: «Слушаюсь, командир». И не было никаких сомнений, кто из них подчиняется, а кто приказывает. Я быстро спустился вниз, где ждал Арне.

— А я ему столько наговорил,— сказал Арне,— бежим скорее! Мы соскользнули по лесенке и бросились бежать сломя голову.

Перевод с польского
Дмитрия Шурыгина

Анджей Чеховский — польский писатель-фантаст. Рассказ «Правда об электрах» впервые был опубликован в сборнике «Пришельцы», выпущенном варшавским издательством «Наша кшенгарня» в 1967 году.— *Прим. ред.*

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РАССКАЗЕ А. ЧЕХОВСКОГО «ПРАВДА ОБ ЭЛЕКТРАХ»

Итак, читатель, перед нами модель технократического общества в худшем варианте этого понятия—так сказать, технократия наоборот. Роботы, «умные машины», созданные некогда людьми, выходцами с Земли, ныне строго управляют своими создателями, а те покорно, безропотно, с явной охотой подчиняются «делу рук своих».

Что это? Рассказ-шутка? Рассказ-предупреждение?..

Впрочем, идея его достаточно серьезна, чтобы еще и шутить над ней. Но и предупреждать, похоже, рано: сегодняшний уровень роботехники никак не позволяет делать столь далеко идущие прогнозы.

Не позволяет?..

Тревожным сигналом прозвучало сообщение из Соединенных Штатов Америки о случайной ошибке (?) компьютера, давшего приказ о боевом вылете самолетов, несущих смертоносный ядерный груз.

Компьютер ошибся?!

Самая точная, самая совершенная, самая «умная» машина—компьютер! Но—только машина! А мы порой уже сегодня начинаем верить в нее как в некую панацею, дающую нам избавление от многих трудов—праведных и неправедных. Машина считает лучше и быстрее человека. Она обладает куда более стремительной реакцией там, где человек может просто не успеть. Машины прогнозируют, проектируют, чертят, играют в шахматы, переводят с одного языка на другой, пишут музыку и стихи. Машины—верные помощники людей и их дорогие игрушки...

Фантастика—самый точный барометр тревог человеческих. Она улавливает бурю там, где небо еще безоблачно, а ветер нежен и ласков. Фантастика, подобно сумасшедшему (с точки зрения «здорового» смысла...) трубачу, трубит тревогу в надежде, что кто-то, пусть один из миллиона, услышит ее и поверит ей.

Поверить фантастике?

А нет ли парадокса в самом этом словосочетании? Поверить сказке. Поверить выдумке.

Но—вечно пушкинское: «Сказка—ложь, да в ней—намек...» А предсказателей, провидцев, прорицателей всякого толка никто никогда всерьез не принимал. Судьба небезызвестной Кассандры тому порукой.

Однако Кассандра-то оказалась права...

И, возвращаясь к случаю с «ошибкой» компьютера в США, не стоит ли вспомнить двадцатилетней давности американский фантастический фильм Стэнли Кубрика «Доктор Стренджлав», где моделировалась почти такая же ситуация, какая произошла—могла произойти!—в действительности.

Анджей Чеховский заглянул очень далеко, в такое будущее, куда нынче только мечтой и вольно дотянуться. Люди с Земли, прилетевшие в свою космическую колонию на звездолете, носящем имя отца кибернетики Норберта Винера, никак не предполагали, во что выльется здесь слепая вера в могущество «Бога из Машины». Все-таки думается, автор шутит, хотя в шутке его есть немалая доля грусти. Стоит улыбнуться вместе с ним,

посочувствовать юным героям рассказа, обаятельным в своей «голубой» наивности. Улыбнуться и... призадуматься. Не над всесилием машин призадуматься: оно в наших руках и мы без него (простите за каламбур!) как без рук. Но — над нашей беспечной уверенностью: машина выручит, «вывезет» всегда, тут, дескать, и думать-то не о чем...

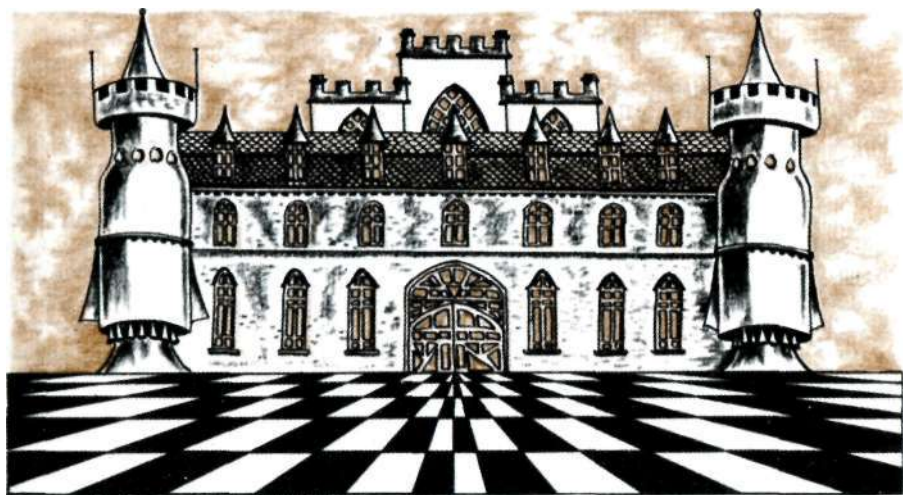
Вот что странно: «думать не о чем». А если подумать? Если вспомнить слова романтика будущего, прекрасного фантаста Рея Брэдбери: «Сами машины — это пустые перчатки. Но их надевает человеческая рука, которая может быть хорошей или плохой». А значит, наше Завтра — в наших руках. И от нас зависит, каким оно будет.

Сергей АБРАМОВ,
председатель Совета по научно-фантастической,
приключенческой и детективной литературе
Союза писателей РСФСР

ДЖАННИ РОДАРИ

МИСС ВСЕЛЕННАЯ С ТЕМНО-ЗЕЛЕНЫМИ ГЛАЗАМИ

Фантастический рассказ



Дельфина? Кто она? Бедная родственница синьоры Эулалии Борджетти, владелицы прачечной на Каналь-Гранде в городе Модена. Софрония и Бибиана, дочери вдовы Борджетти, немного стыдятся своей двоюродной сестры, которая всегда всегда торчит в прачечной в своем неизменном сером халате: возится у стиральных машин, чистит куртки из оленьей кожи, гладит брюки и рубашки. Между собой они называют Дельфину «эта замарашка». Ведь их мать держит ее из милости еще и потому, что трудится Дельфина за двоих, а налога за нее не надо платить ни лиры.

Впрочем, иногда и они, раздобывшись, ведут Дельфину в кино, сажают ее на самое неудобное место, а сами садятся в лучшем ряду.

— Мои дочери такие сердечные, жалостливые, — говорит синьора Эулалия, бдительно следя, чтобы Дельфина не взяла еще кусочек свиной ножки.

Но та и не думает брать. И пьет воду, а не соки. А из фруктов ест только самые дешевые яблоки, а не мандарины. Она же моет посуду после обеда, когда Софрония и Бибиана неторопливо снимают с шоколадок серебристую обертку. На мессу ходит лишь она, ведь кто-то из семьи должен посещать церковь.

Ну, а на грандиозный бал в честь избрания президента республики планеты Венера она, понятно, не попала. На бал отправились на космическом корабле торговой палаты Софрония и Бибиана с тетужкой Эулалией. На других кораблях на Венеру полетела половина жителей Модены да и, пожалуй, всей Европы. В небо

взмыли сотни кораблей с пылающими хвостами, похожими на кометы.

Дельфина слыхала, что праздничные балы на Венере просто-таки великолепны. На них слетаются юноши и девушки со всего Млечного Пути. Пей оранжад, ешь сколько угодно мороженого. И все бесплатно!

Постояла Дельфина у двери дома, провожая взглядом счастливец, повздыхала и вернулась в прачечную. Ей нужно было доглядить платье синьоры Фольетти, которое та наденет, когда пойдет в оперный театр на «Золушку» Россини. Чудесное черное платье, украшенное серебряным и золотым шитьем, похожим на звездную ночь. Увы, на бал синьора Фольетти это платье одеть не может: она была в нем два месяца назад на балу по случаю избрания другого президента Венеры. На этой планете очень часто меняют президентов, чтобы был повод устроить новый грандиозный бал.

Дельфина решила, что ничего не случится, если она примерит это красивое платье. Сидело оно на ней прекрасно, что и подтвердило заркало, лукаво ей подмигнувшее. Дельфина, кружась в танце, выскользнула за дверь. Улица была пустынна, и девушка стала танцевать на тротуаре. Внезапно послышались чьи-то шаги, голоса.

«О боже, куда бы спрятаться?» Неподалеку стоял небольшой семейный корабль. Он назывался «Фея II». Владельцы корабля с волшебным названием вполне по-земному позабыли закрыть люк. Дельфина юркнула в корабль и спряталась на заднем сиденье. Ах, как хорошо было бы взмыть на таком корабле в небо! Лететь спокойно от звезды к звезде без забот, обязанностей, без придиричливой тетки, болтливых двоюродных сестер и назойливых клиентов...

Шаги и голоса все ближе, вот они уже совсем рядом. Передний люк открылся, в корабль сели мужчина и женщина. Дельфина соскользнула на пол и спалась в комок.

— О, мамма миа! Это же синьора Фольетти! Если она меня увидит в своем платье...— прошептала Дельфина.

— Как бы не опоздать,— сказала синьора своему мужу, кавалеру Фольетти, владельцу фабрики запасных частей для консервных банок.— Ровно в полночь вылетим обратно: я хочу завтра утром съездить в Кампокуруино за свежими яйцами.

Синьор Фольетти пробормотал в ответ что-то нечленораздельное. Он зажег спичку и закурил сигарету. Одновременно он нажал на стартовую кнопку. Корабль взмыл ввысь со скоростью света (плюс два сантиметра в секунду), и, раньше чем спичка погасла, «Фея II» прибыла на Венеру.

Дельфина подождала, пока супруги Фольетти вылезут из корабля. Когда они ушли, она сказала самой себе: «Раз уж я тут очутилась, сбегая, взгляну на бал. Народу в зале, конечно, столько, что синьора Фольетти наверняка не заметит меня в ее платье».

Президентский дворец находился совсем близко. Миллион его окон был ярко освещен. В большом зале семьсот пятьдесят тысяч приглашенных разучивали новый танец «Сатурн». Лучшего места, чтобы потанцевать никем не узанной, и не найти!

— Разрешите пригласить вас, синьорина?

К Дельфине подошел высокий, изящный и мускулистый молодой человек.

— Знаете, я только прилетела и не умею танцевать «Сатурн».

— Это очень просто. Я вас быстро научу. «Сатурн» похож на танго-вальс и на самбу-гавот. Видите, это почти так же легко, как просто ходить.

— Да, танец нетрудный. А мы до сих пор танцуем менуэт-твист.

— Вы землянка, не так ли?

— Да, из Модены. А вы венерианец, это сразу видно по вашим зеленым глазам.

— Но у вас тоже чудесные глаза. Зеленые, как моя планета.

— Правда! А мои кухни говорят, что глаза у меня цвета цикория.

Дельфина и молодой человек станцевали «Сатурн» и еще двадцать четыре бальных танца. Они остановились, лишь когда умолкла музыка и по громкоговорителям объявили, что через три минуты президента республики Венера вручит приз самой красивой девушке этого праздника.

«Вот счастливица,— подумала Дельфина.— Но не пора ли мне бежать к кораблю? Слава богу, всего половина двенадцатого. Супруги Фольетти улетят ровно в полночь. Вернуться я могу только на их корабле. Снова спрячусь на полу у заднего сиденья». Но тут к ней подошли два господина в мундирах, взяли ее за руки и повели на сцену.

«Все, я пропала. Наверно, синьора Фольетти меня увидела и обвинила в краже своего вечернего платья. Кто знает, куда меня ведут эти два венерианских карабинера»,— в страхе думала Дельфина. А они вели ее прямо на сцену. Раздались бурные аплодисменты. «Злые люди аплодируют карабинерам, которые меня арестовали. Никому и в голову не приходит, что я невиновна»,— думала Дельфина.

— Дамы и господа,— объявили по громкоговорителю.— Перед вами президент республики Венера.

«Как?! Он президент республики? Тот самый юноша, с которым я танцевала. Поди угадай».

Да, именно он был президентом. Он подошел к микрофону, провозгласил Дельфину мисс Вселенной и ласково ей улыбнулся.

Тем временем двое адъютантов президента притащили Дельфине множество подарков: холодильник, автоматическую стиральную машину с двадцатью семью переключателями, флакончики шампуня, тюбики зубной пасты, таблетки против головной боли и космического недомогания, золотой консервный нож (подарок фирмы Фольетти, город Модена, Земля), множество безделушек.

— А сейчас президент вручит синьорине кольцо с драгоценным камнем цвета ее глаз,— объявили по громкоговорителю.

У Дельфины дрожали пальцы, когда президент надел ей кольцо... Внезапно взгляд ее упал на наручные часы. «Полторы минуты первого! Космический корабль супругов Фольетти... Прачечная...» — молнией пронеслось в голове. Дельфина рванулась так, словно ее оса укусила. Она выронила кольцо, соскочила со сцены и побежала, расталкивая толпу. Впрочем, все и так расступились, давая мисс Вселенной дорогу.

К счастью, «Фея II» еще стояла на космодроме: супруги Фольетти задержались на балу. Видно, они захотели посмотреть на торжество избрания и награждения мисс Вселенной.

Дельфина проскользнула на свое место и затаилась в ожидании.



— Странно, у девушки, которая весь вечер танцевала с президентом и потом была провозглашена мисс Вселенной...— сказала синьора Фольетти мужу, когда они сели в корабль.

— Очень красивая девушка! — воскликнул кавалер Фольетти. — Видела, с какой радостью она приняла наш золотой консервный нож? Она явно разбирается в консервах.

— Я не то хотела сказать. Тебе не кажется, что на ней было платье точно такое же, как у меня? Ну, помнишь, черное, вытканное золотом и серебром, которое стоило пятьсот тысяч...

— Быть того не может!

— Не знаю я, что платье находится в прачечной...

Синьор Фольетти закурил сигарету. В Модене он приземлился прежде, чем успел выпустить облачко дыма.

На следующее утро Софрония и Бибиана пришли в прачечную — похвастаться перед Дельфиной всем, что они увидели, услышали и сделали на балу.

— Мы чуть не потанцевали с президентом!

— Я почти коснулась его руки.

— Красивый молодой человек. Вот только этот недостаток.

— Какой?

— У него зеленые, травяного цвета брови. Будь я его женой, я бы заставила его покрасить их.

— Он женат?

— Почти. Говорят, он женится на мисс Вселенной. Она блондинка и малость тронутая. Представь себе, в полночь она убежала.

Говорят, что, если она возвращается домой поздно, мать ее бьет.

Дельфина, понятно, промолчала.

В полдень вся Модена заволновалась. В город прибыли с особой миссией, получив двойные командировочные, посланцы планеты Венера. Они начали обходить улицы, дом за домом.

— Кого они ищут?

— Представляете, говорят, будто мисс Вселенная одна из моденских девушек,— сказал пожилой горожанин.

— Вернее, из Модены или из Рубьеры,— добавил другой.

— В общей суматохе на балу забыли спросить, как ее зовут. А президент Венеры хочет непременно жениться на ней сегодня же, иначе он подаст в отставку и снова станет торговать горячим на своей фотоноколонке.

Посланцы ходили с кольцом, сравнивая драгоценный камень с цветом глаз моденских девушек. И пока ни разу цвет не совпал.

Софрония тоже прибежала примерить кольцо.

— Синьорина, но у вас глаза черные!

— Ну и что же? У меня глаза меняющегося цвета. Вчера вечером они вполне могли быть зелеными.

Потом и Бибиана прибежала.

— Синьорина, вы не подходите. У вас глаза коричневые.

— Это ничего не значит. Если кольцо подойдет на мой палец, то девушка, которую вы ищете,— я.

— Синьорина, не мешайте нам работать.

Наконец, посланцы добрались до Каналь-Гранде, подошли к прачечной Борджетти. Однако тут в прачечную вошла синьора Фольетти, чтобы забрать свое платье.

— Вот оно,— вся дрожа, сказала Дельфина.

— Но оно не отглажено! — возмутилась синьора Фольетти.

— Как так? — изумилась синьора Эулалия Борджетти.— Платье должно было быть готово еще вчера вечером. Что это за фокусы, Дельфина?

Дельфина побледнела. В этот момент на пороге появились посланцы планеты Венера в черных мундирах. Дельфина приняла их за карабинеров и, решив, что они пришли ее арестовать, упала в обморок.

Когда она очнулась, то увидела, что сидит на лучшем в прачечной стуле, а вокруг стоят посланцы с Венеры, обе кузины, тетушка, клиенты. А за дверью собралась огромная толпа горожан, и все ждут, когда она откроет глаза.

— Вот они! — закричали посланцы.— Вот они, глаза зеленого, венерианского цвета.

— А вот платье, в котором мисс Вселенная была вчера! — радостно воскликнула синьора Фольетти.

— Я... я его надела... но нечаянно,— пролепетала Дельфина.

— Что ты говоришь, детка? Это платье — твое. Какая честь для меня! Какая честь для Модены и для Кампокурино! Наша Дельфина станет женой президента планеты Венера!

Потом начались поздравления.

В тот же вечер Дельфина улетела на Венеру. Она вышла замуж за президента венерианской республики, который, чтобы никогда с ней не расставаться, отказался от своего высокого поста и вновь стал продавать горячее на фотоноколонке.

Пришлось венецианцам выбрать нового президента и устроить новый бал. На этот грандиозный бал отправилась и синьора Фольетти. Она передала Дельфине привет от тетушки Эулалии, Софронии и Бибианы, которые поехали лечиться от избытка желчи на воды, в Кьянчано-Терме.

Сама же синьора Фольетти привезла Дельфине дюжину свежих крупных яиц, купленных в Кампокурино.

Перевод с итальянского *Льва Вершинина*

Джанни Родари (1920—1980) — известный итальянский писатель, коммунист. Публикуемый рассказ впервые был напечатан в газете «Паэзе сера» в 1972 году.— *Прим. ред.*

САМОУНИЧТОЖЕНИЕ

Научно-фантастический рассказ



Коммодор сидел, как обычно, за вычислением курса. И в это время пришло сообщение. Он поспешил к экрану и воочию увидел это. Белая игла пронзила небо. Длинный луч света, лишь временами прерываемый попадавшимися на его пути малыми планетами, исходил от дискообразного тела. Вот он поймал один из астероидов, который тут же вспыхнул, как солнце. Требовалась высшая готовность к любому действию.

— Объявляю тревогу, — отдал приказ Коммодор. — Расстояние измерить! Вычислить по яркости поток энергии!

Он продолжал наблюдать. Видел, как вокруг планет, которых коснулся луч, неожиданно возникала пелена и как вдоль луча что-то передвигалось с бешеной скоростью. Одновременно небесное тело становилось прозрачным, раздувалось, рассыпалось и превращалось в пыль под воздействием неизвестной энергии. И тут вдруг луч погас, дискообразное тело — это был космический корабль — исчезло.

Коммодор протер глаза. Корабль исчез! Но он же не мог превратиться в ничто!

— Вот он появился! — крикнул наблюдатель.

— Невозможно, — пробормотал Коммодор, хотя видел все своими глазами. В течение нескольких мгновений, пока они потеряли корабль из виду, он пересек почти всю небесную полусферу. Снова световой конус вонзился в черноту. На сей раз яркая полоса выхватила лишь крохотный обломок. Он двигался навстречу кораблю, словно притягиваемый лучом. Свет опять погас, так что они остались в неведении, что произошло с пойманным небесным телом. И снова корабль совершил гигантский скачок и повел свою игру сначала.

— Черт возьми, где же, наконец, результаты вычислений! — прогремел Коммодор.

Навигатор вбежал в отсек и сказал запинаясь:

— Удаление — три световые минуты, диаметр корабля — семь километров, поток энергии...

— Что? — воскликнул главный пилот. Он выхватил у навигатора из рук листок с цифрами, уставился в него и побледнел. — Но этого быть не может!

— Это так, — ответил навигатор. — Мы дважды пересчитали.

— Собрать всю команду! — приказал Коммодор.

— Орудийную прислугу тоже?

Коммодор провел рукой по седой шевелюре:

— И их тоже. Нам уже не помогут никакие орудия.

Вскоре экипаж выстроился. Даже повар и больной инженер-электронщик в пижаме.

— Ребята, — сказал Коммодор, — нам противостоит противник, намного нас превосходящий. Он движется со сверхсветовой скоростью и обладает энергией, луч которой поражает на расстоянии в миллионы километров. Мощность нашего оружия не идет с этим ни в какое сравнение! Нам остается лишь надеяться, что враг не обнаружит нас. В противном случае вы знаете, что нам надлежит делать. Мне тяжело об этом напоминать, но подумайте, что произойдет с нашей родиной, если ее местоположение еще раз станет известно враждебным силам. Шестьдесят лет назад мы с трудом отбили нападение геркулан. Подобное больше не должно повториться. Заранее благодарю вас за мужество... — Голос ему отказал.

Все остались стоять в тесном строю и как зачарованные смотрели на светлую линию, пожиравшую небесные тела. Не было среди них ни одного, у кого не захватило бы дух от страха, но они держались спокойно.

Корабль снова исчез. И тут луч поймал их! Слепящий свет действовал парализующе.

Коммодор не медлил ни секунды. Он нажал на снятую с предохранителя клавишу «Уничтожение». Сконцентрировавшаяся в топливе энергия мгновенно высвободилась. Вспыхнуло раскаленное сферическое облако и стало рассеиваться в пространстве.

Когда терморадарные установки засекли чужеродное тело, Координатор распорядился направить на него прожектор. Они заметили небольшую ракету, медленно продвигавшуюся среди малых планет. Но это длилось недолго, потом последовал взрыв.

— Неужели мы вызвали его нашим световым конусом? — спросил в испуге Координатор.

— Возможно, они не переносят света, — заметил Главный биолог.

— Гм. Маловероятно. Может быть, сильно изменилась энтропия системы?

Главный физик оторвался от своих инструментов:

— Нет, речь идет об упорядоченном переносе энергии из определенной точки.

— Тогда попробуйте инверсию, — попросил Координатор.

Физик синтезировал вокруг эпицентра взрыва минусовое гравитационное поле. Даже огромный транспортный корабль дрожал во



время мощного излучения энергии. Но нужный эффект был достигнут: атомное облако стянулось, стало концентрироваться, сжиматься до первоначальных размеров. Физик кое-где регулировал процесс с помощью переключателя. Раскаленное пылевое облако уже снова принимало очертания ракеты, пока немного размытые, однако мало-помалу изображение стало четче, и наконец в пространстве опять возникла прежняя ракета, следующая тем же курсом, словно ничего не произошло.

Физик устало выключил установку.

— Взглянем на ситуацию, — предложил Координатор. Они пригласили с собой Лингвиста и перешли в космический бокс.

Коммодор все никак не мог отделаться от ощущения чудовищного давления и невыносимой яркости освещения. Но он сидел в командном отсеке, хотя рука его еще лежала на клавише «Уничтожение». Вся команда стояла в строю, на лицах читался ужас. Коммодор бросил взгляд на экран; чужой корабль был уже не виден, никакого луча не было заметно в непроницаемом мраке. Может, он спал и ему привиделся кошмар? С трудом он выпрямился за пультом.

И тут же, словно по волшебству, открылась дверь шлюзового отсека и вошли четверо в облегающих пластиковых одеждах. Невысокие, широкоплечие, бело-серый цвет кожи. Неизвестная раса, но антропоморфные, вызывающие доверие существа.

Один из вошедших начал говорить. Он пробовал изъясняться на

самых различных языках, но его не поняли. Тогда он нарисовал на дощечке какие-то знаки, но с тем же успехом.

— Почему люди не реагируют? — спросил Координатор Главного биолога. — Вы можете это объяснить?

— Внешние признаки указывают на то, что они объята страхом, — ответил тот, — самым примитивным, животным чувством страха.

— Ну, а в остальном здесь, кажется, все в порядке, — сказал Координатор. — Больше нам здесь делать нечего.

Они вошли в шлюзовой отсек, дверь закрылась, шум раздался уже снаружи — и пришельцы исчезли.

Экипаж ракеты медленно приходил в себя, освобождаясь от страха. На световом экране они снова увидели дискообразное тело корабля и луч.

— Мы продолжаем наш путь, — распорядился Коммодор. — Все на свои места!

Он приказал Логике приступить к расшифровке дощечки со знаками.

Спустя два часа перевод был у него в руках:

«Транспортник ПРТ-220 с 7-й планеты созвездия Плеяд Тайгете за сбором(?) циркония (-евой руды?) наблюдал несчастный случай (взрыв?) на вашем корабле. Сразу после того, как заметили (запеленговали?) его, мы смогли вас нашим... (?) совместить снова. Мы желаем положительного (счастливого?) продолжения рейса!»

Наконец-то гнет, давивший Коммодора, исчез. Он нацарапал несколько слов на бумаге и вызвал радиста.

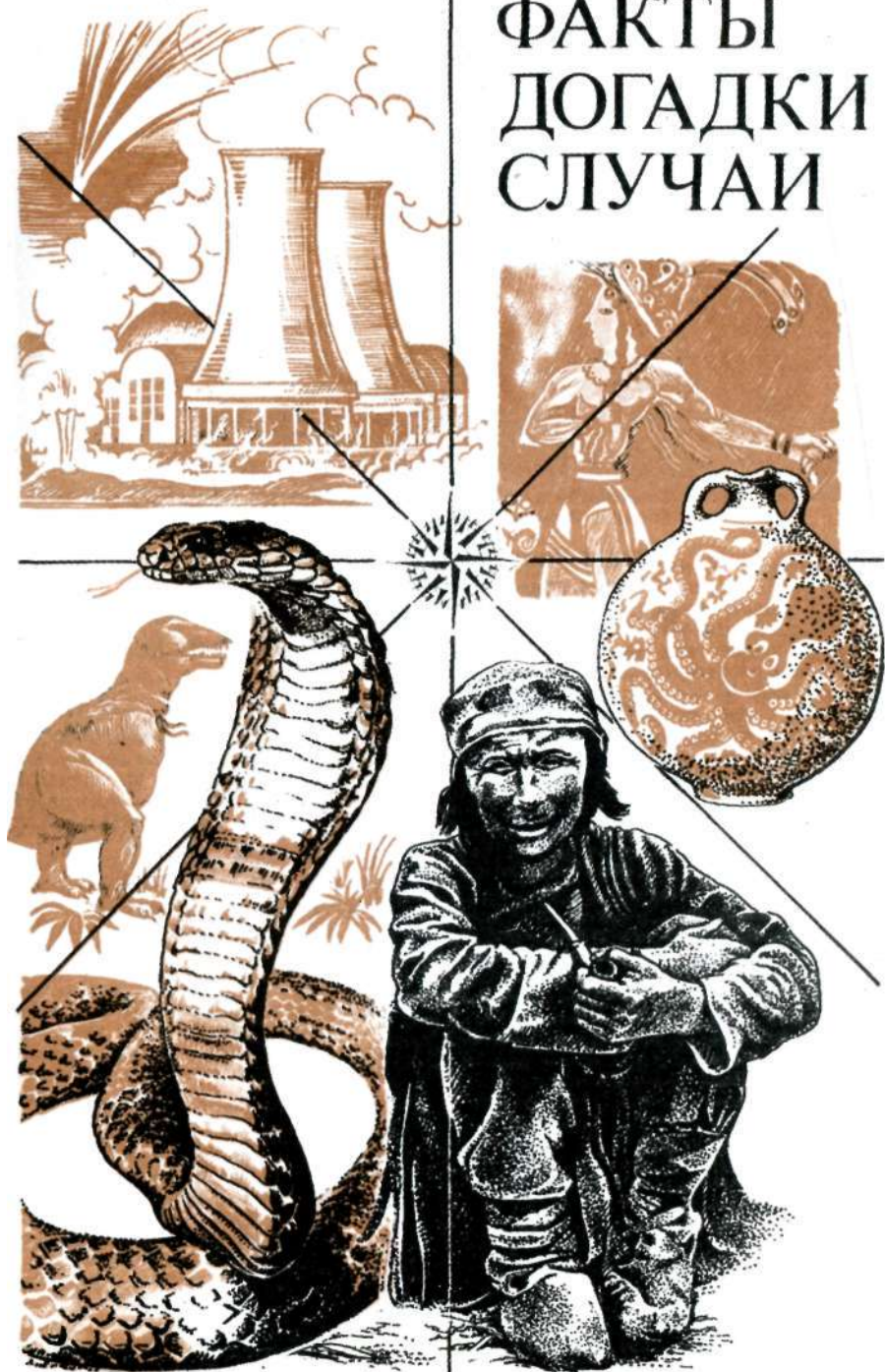
— Пошлите это сообщение. Логик поможет вам подобрать знаки.

Через некоторое время радиоволны понесли в мировое пространство следующее послание: «Транспортнику ПРТ-220. Благодарим за помощь и желаем успеха. Экспедиционный корабль «Колумбус» с 3-й планеты Солнечной системы, находящийся в исследовательском рейсе».

Перевод с немецкого *Юрия Новикова*

Герберт В. Франке (1927) — писатель-фантаст ФРГ, автор свыше 30 книг. Рассказ «Самоуничтожение» впервые опубликован в сборнике Г. Франке «Зеленая комета» (Мюнхен, 1964). Публикуемый рассказ взят из антологии западногерманской фантастики, вышедшей в 1972 году в ГДР. — *Прим. ред.*

ФАКТЫ ДОГАДКИ СЛУЧАИ





ФАКТЫ ДОГАДКИ СЛУЧАИ

Александр Яблоков	ИЗ СЕЛЕВОГО ПЛЕНА
Валерий Полосухин	СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙ МЕТЕОРИТНОЙ БОМБАРДИРОВКИ ЗЕМЛИ
Евгений Курочкин	СРЕДИ БРОНТОТЕРИЕВ В ГОБИ
Владимир Алексеев, Евгений Полищук	ВУЛКАНИЧЕСКИЕ ПЕЩЕРЫ ТОЛБАЧИНСКОГО ДОЛА
Георгий Пермяков	ТРУБКА ДЕРСУ УЗАЛА
Игорь ("ооновский	НОЧНОЙ «ГОСТЬ»
Виктор Рощаховский	ЗАГАДКА САРГАССОВА МОРЯ
Аво Тийте	ПО СЛЕДАМ САНТОРИНСКОЙ КАТАСТРОФЫ
Бернгард Гржимек	СОБАЧЬИ АРИСТОКРАТЫ САМОГО ПРОСТЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ
Елена Чупеева	ЭНЦИКЛОПЕДИСТ И ПУТЕПШСТВЕННИК
Марина Курячая	«КРАСНЫЙ УГОЛЬ» ПЛАНЕТЫ
Кирилл Белоусов	АРКТИЧЕСКАЯ ПУСТЫНЯ
Эдуард Мысловский	РАЗВЕДКА ПЕРЕД ШТУРМОМ
Борис Наконечный	КАРПАТЫ ЗАЛЕЧИВАЮТ РАНЫ

ИЗ СЕЛЕВОГО ПЛЕНА



ЛЭП-500 не просто проложить в заполярной тундре, сибирской тайге или в пустыне, но всего сложнее, наверно, в горах, где почти на каждом шагу и обвалы, и осыпи, и лавины, и сели. И потому задолго до того, как монтажники начнут собирать ажурные секции опор, изыскатели ведут разведку будущей трассы. Изучаются различные варианты, пока наконец не утверждается самый подходящий для строительства линии электропередач, наиболее дешевый и надежный в эксплуатации.

Летом 1977 г. небольшой изыскательский отряд Таджикского научно-исследовательского отдела энергетики работал в бассейне реки Исфайрам на северном склоне Алайского хребта; изучался один из вариантов, шестой по счету, будущей высоковольтной линии, по которой энергия Вахша должна будет прийти в братский Узбекистан. Работа сложная; в нашей стране еще не сооружались линии через хребет, перевалы которого лежат почти на четырехкилометровой высоте.

Наши два вздохода—легкий «козлик» ГАЗ-69 и мощный ГАЗ-66—позволяли одновременно обследовать большой участок. Геологи тщательно исследовали горные породы: у будущих опор должен быть прочный, надежный фундамент. Геофизики изучали электропроводность грунтов, от которой, в частности, зависело, насколько часто молнии будут поражать опоры. А мы, лавинщики, старательно описывали, фотографировали и наносили на схемы ме-

ста, где зимой могли обрушиваться со склонов снежные лавины. Если опора повреждается летом, ее можно сравнительно легко восстановить или даже заменить новой, но, если авария происходит в разгар зимы, ничего не поделаешь, жди, пока снег растает. А ведь энергия одной ЛЭП-500 питает целые промышленные районы, десятки городов, сотни предприятий. Ударная же сила лавины достигает ста десяти тонн на квадратный метр препятствия! Какая опора устоит перед таким сокрушающим тараном? Одно только «дыхание» лавины—удар воздушной волны, нередко сопровождающей снежный обвал, тоже измеряется несколькими тоннами на квадратный метр.

Объем отдельных лавин достигает нескольких миллионов кубометров, глубина снега в них—с многоэтажный дом. Вот потому на нас и ложилась особая ответственность. Снега в верховьях Исфайрама выпадает много, склоны гор крутые, скалистые, перепад высот большой, древесной растительности мало—прямо-таки раздолье для лавин. И следы их мы встречали почти на каждом шагу.

Иной раз уходили из лагеря не на один день, прихватив спальные мешки и продукты, поднимаясь на самый гребень Алайского хребта, обходя цирки и кары. Пляшущее пламя костра, резкий ветер с вершин, журчание недалекого родника, чистые звезды в бархатно-черном небе...

Самой зеленой была долина правого притока Исфайрама—реки Каинды с

очень чистой и холодной водой. Внизу густые заросли березы, тополя, шиповника, ивы, выше по склонам арчовое редколесье. Но наиболее живописна скалистая теснина другой реки — Тенгизбая в исфайрамских истоках; лилово-красные крутые скалы, голубоватые пятна снега у гребня, где пестрели веселые лужайки эдельвейсов. По дну тенгизбайской теснины среди каменных глыб вилась древняя тропа, отмеченная пожелтевшими черепахи и костями лошадей. Оперы ЛЭП здесь не поставишь: гигантские потоки снега зимой заполняют каменную щель от борта до борта.

Думай, думай, изыскатель, ведь по твоим следам будут шагать монтажники!

Наибольшее впечатление оставлял, конечно, перевал Тенгизбай на высоте четырех тысяч метров над уровнем моря. Отсюда более века назад один из исследователей природы Средней Азии, Алексей Павлович Федченко, первым из ученых увидел сквозь прозрачную дымку многокилометрового расстояния громаду Заалайского хребта—северного рубежа Памира. Что для гор сотня лет? Миг в их жизни. Точно такие же каменные исполины, увенчанные снегами и льдами, какими их когда-то увидел первооткрыватель, выселись и перед нами. Редкая величественная панорама, смотришь — не намотришься, и никак не хочется спускаться в долину...

Руководил нашим отрядом начальник лаборатории Хамиджон Обидович Арифов, разрядник по нескольким видам спорта. На работу он предпочитал принимать таких же здоровяков, чтобы потом в экспедиции никто не жаловался на недуги или слабость. Люди в отряде в большинстве были молодые, но уже достаточно проверенные «полем». Это геоморфолог Мирхабиб Аброров, геофизики Виктор Хоронько и Камиль Шамсутдинов, геолог Виктор Фаустов. Наш двадцативосьмилетний начальник, видимо, был наделен талантом руководителя. Ему нравилось что-то организовывать, согласовывать, пробовать, мчаться на край света за нужным прибором, строить планы на много лет вперед. Он верил, что в каждом человеке скрыты огромные способности.

Базировались мы в живописном урочище Лянгар возле устья Каинды. Вечерами, возвращаясь с маршрута, мы издали замечали на фоне лилово-палевых скал и темной травы оранжевые пятна наших палаток, стоящих под скалистым склоном между двумя огромными каменными глыбами, свалившимися сюда, по видимому, во время сильного землетрясения. Купание в холодной воде и съеденный с поистине волчьим аппетитом ужин быстро возвращали бодрость, и мы по-

долгу засиживались у костра, делясь впечатлениями, прикидывая планы на будущее или просто перекладывая содержимое своего рюкзака. Сколько всего может уместиться в нем! Спальный мешок, теплая одежда, белье, мыло, спички, карманный фонарик с батарейками, верный фотоаппарат с запасом пленки, иной раз даже кинокамера, полевой бинокль, ручки, карандаши, блокноты, иногда портативный приемник. Кое-кто брал с собой учебники или художественную литературу. Словом, все мое ношу с собой, как гласит латинская поговорка. А ведь нужны еще и продукты. Вот сидишь, прикидываешь, что оставить в лагере, а что взять в новый маршрут.

Закончив обследование верховьев, мы решили перебазироваться ниже по долине Исфайрама. Сняли палатки, сложили имущество, погрузились. Прощай, Лянгар!

Впереди юрка «легковушка», за ней «шестьдесят шестой», груженный экспедиционным имуществом. Дорога вилась по правому берегу Исфайрама, опускаясь ниже и ниже с каждым километром. Мягкий, теплый ветер шевелил волосы. Прозрачные тени легких облаков неторопливо пылили по бурым, обожженным солнцем склонам гор. Довольные тем, что трудную работу удалось выполнить досрочно, мы безмятежно беседовали о своих делах. Вдруг наш водитель Таджикин тревожно воскликнул: «А где же дорога?» — и резко затормозил. Мы выскочили из машины...

Знакомого ущелья с узким бурным потоком Исфайрама мы не увидели. Перед нами простиралось синее озеро, из которого кое-где торчали зеленые верхушки деревьев. Дорога круто ныряла в воду, исчезая в темной глубине.

Еще не понимая, в чем дело, мы как-то инстинктивно почувствовали, что произошло нечто неожиданное, бесповоротно изменившее все наши планы.

У переднего колеса машины плеснула волна, другая... Уровень новорожденного водохранилища поднимался прямо на глазах, ведь река ежесекундно приносила более полусотни кубометров воды. И странное впечатление производила настоороженная тишина, сменявшая привычный шум горной реки. Вот под водой скрылся один камень, за ним другой... Что же все-таки произошло? Обвал?

И только тут далеко впереди, у поворота, в километре от нас, мы разглядели огромный кипящий и вораочающийся темно-рыжий вал, наглухо перегородивший долину. Он вздрагивал, то поднимаясь, то опадая, над ним вздымались фонтаны грязи.

Мы ошеломленно переглянулись. Вот это да! Сель, гигантский, чудовищный



Перекрытый селм Исфайрам

сель, вырвавшийся из крутой скалистой долины Тегермача—правого притока Исфайрама,—сотни тысяч тонн жидкой грязи и камня.

Хорошо, что наши парни сегодня утром разоспались, а мы, старшие, не слишком старательно их будили. А если б выехали на час раньше, как собирались? Об этом и думать не хотелось...

Посоветовавшись, решили вернуться к месту бывшей стоянки, а там, как говорится, видно будет. До нас постепенно доходила серьезность нашего положения: продукты на исходе, рации нет, сель отрезал нас от внешнего мира. Наши вездеходы в создавшейся ситуации тоже были бесполезны: вверх, через хребет, дороги нет, а внизу ее перекрыл сель. Спорили долго. Наконец пришли к выводу: оставив в горах машины, в обход по скалам обойти возникшее озеро и сель, спуститься в ближайший населенный пункт и сообщить в Душанбе о нашем положении.

Прохладным утром вышли в путь по давно забытой полузасыпанной тропе, которую еще в четырнадцатом году прокладывали здесь австрийские пленные. После того как по дну исфайрамской долины пролегла широкая автодорога, этой тропой никто не пользовался. Местами она вообще исчезала. На наиболее сложных участках приходилось вырубать в твердом грунте ступеньки, вернее, маленькие впадинки, чтобы только ухва-

титься, опереться, не сорваться со склона. Кое-где проходили только с помощью предусмотрительно взятой с собой прочной капроновой веревки. «Живые», ползущие вниз осыпи, почти отвесные скалы, «прижимы», где тропа вилась у самого берега реки, а то и прямо по воде, каменные кручи—далеко не полный перечень того, что нам пришлось преодолеть в пути.

В довершение всего прошел ливень, камни стали скользкими.

За целый день с огромным трудом прошли мы километров десять, но, увы... Слишком часто мы строим планы, руководствуясь лишь предположениями. Когда поздним вечером, смертельно уставшие, мы вышли, наконец, к небольшому домику-летовке, в которой жил местный лесник, оказалось, что дальше дороги нет: ниже образовавшегося водохранилища сель снес несколько мостов и полностью уничтожил километра два шоссе.

Лесник сказал, что причиной селя стал обвал, перегородивший на несколько суток реку Тегермач. Первым обнаружил сель двенадцатилетний сын лесника. С чудовищным грохотом из узкой скалистой теснины в низовьях Тегермача вдруг вырвался гигантский вал высотой в десятки метров, несший огромные каменные глыбы, обломки скал и множество деревьев, сломанных или вырванных с корнем,—целую арчовую рощу. Вся эта масса, сотрясая землю и воздух, мчалась

вниз по исфайрамской долине, на глазах меняя ее рельеф. Домик лесника уцелел просто чудом, буквально повиснув над высоким отвесным обрывом, хотя до этого стоял на пологой поляне в стороне от реки. Лесник на всякий случай перебрался в безопасное место на высокую террасу, перетащив туда свое имущество и перегнав лошадь, ангорского козла, осли и трех собак.

Только в устье Тегермача, перекрыв исфайрамскую долину широкой пологой плотиной, через которую переливалась поднимающаяся вода, лежало, по моим подсчетам, не менее миллиона кубометров горных пород, вынесенных селем. Зато на других участках вместо ровного дна долины темнели глубокие крутые каньоны, в мгновения вырытые сумасшедшим потоком. И все это рыжого, коричневого, охристого, оранжевого, а то и багрового цвета, точно открытая рана на теле земли.

Возникшее озеро прорывом не угрожало, приход и расход воды в нем сравнялись, а плотина, созданная селем, была прочной.

Сколько же работы здесь дорожникам! Придется нашим вездеходам ждаться, пока дороги и мосты будут восстановлены, а для этого потребуются не одна неделя. А мы? Продуктов почти нет. Спасибо леснику—поделился чем мог. Снова долго совещались, но так ни к чему и не пришли. Наконец, Хамиджон Обидович объявил, что все остаются здесь, у лесника, который обещал и впредь помогать нам, а они с Аброровым, как самые сильные и крепкие, пойдут дальше по скалам до ближайшего селения. И едва забрезжил рассвет, они ушли.

По правде сказать, я особенно беспокоиться не испытывал, по собственному опыту зная, что нас обязательно выручат. Но вот когда? Ведь нас ждали новые маршруты, а тут вынужденное безделье. Лесник Исман Бердыбаев, проработавший здесь почти четверть века, рассказал о другом тегермачском селе, пронесшемся 18 июня 1966 г. Причина его—прорыв высокогорного озера Яшинкуль, образовавшегося три столетия назад во время сильного землетрясения, когда обвал воздвиг каменную плотину высотой более двухсот метров. Озеро назвали Яшин, то есть Грозовым, так как землетрясение сопровождалось сильной грозой. Вскоре каменная чаша наполнилась до краев, затем вода просочилась сквозь преграду, и приток сравнялся с расходом. Триста лет существовало озеро... Весна 1966 г. была очень жаркой, ледники начали таять дружно и раньше обычного. Уровень озера поднимался на метр в сутки. Фильтрация воды резко усилилась, и вот

плотина не выдержала. Свидетелем прорыва оказался один из местных жителей, находившийся километрах в двух от плотины и наблюдавший за событиями в бинокль... Под напором воды из тела плотины стали вылетать камни. Образовавшаяся ниша стремительно росла, увеличивалась, и вот плотина в этом месте резко осела, вода хлынула в проем...

Три часа с глухим грохотом почти семь миллионов тонн воды гигантским водопадом низвергались из озера. Расход воды достигал пяти тысяч кубометров в секунду! Поток вырвался в долину Исфайрама, по которой шел весенний паводок, и вместе с ним выплеснулся на ферганские поля, затопляя их липкой, вязкой грязью, снося столбы, мосты, размывая дороги.

Нынешний селъ значительно меньше, хотя и на этот раз, судя по всему, расход достигал нескольких сот кубометров в секунду, причем не воды, а грязи и камня, масса которых вдвое тяжелее, поэтому столь велика разрушительная сила потока. И хотя существуют различные инженерные способы защиты от селей—дамбы, плотины, селеуловители, настоящая борьба с этим грозным стихийным явлением только начинается.

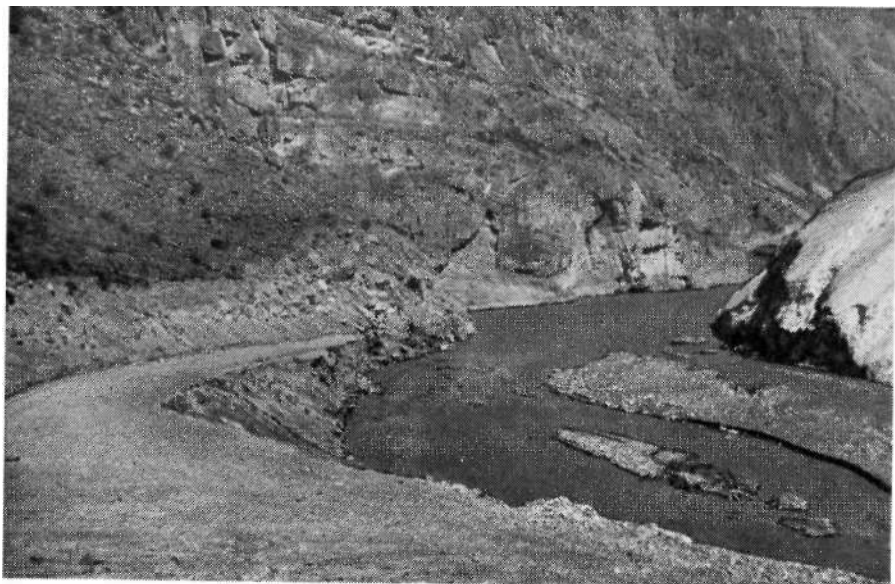
Составлены каталог селеопасных рек на территории нашей страны, методические указания и рекомендации по борьбе с селями. Создан полигон по искусственному воспроизведению селей, где испытывается противоселевая техника, селеметрическая аппаратура.

Что можно противопоставить стихийному явлению, чья мощность измеряется сотнями тысяч и даже миллионами лошадиных сил? Если селевой поток невелик, его можно перехватить и отвести в сторону по бетонному руслу. Таких русел в Таджикистане уже немало. Специальные гребневые плотины задерживают наиболее крупные каменные глыбы. Ежегодно на противоселевые сооружения в республике расходуются десятки миллионов рублей. Помогает и террасирование горных склонов.

В борьбе с селями хорошо помогает фитомелиорация—восстановление на обнаженных склонах луговой, кустарниковой и древесной растительности.

Есть и принципиально иной подход. Зачем задерживать, останавливать селъ? Не лучше ли устранить саму его причину—спустить селеопасные озера?! И казахские селевики уже приступили к спуску некоторых озер, прорезая их плотины взрывами или стальными ножами бульдозеров.

В борьбе с селями используются новейшие достижения науки и техники. Методами сейсмической, гравитационной, магнитной и электрической разведок спе-



Сель во многих местах разрушил дорогу

циалисты обследуют морены наиболее опасных ледников: нет ли внутри пустот, слабых участков, не грозят ли они прорывом в случае образования здесь озер? Изучаются и естественные плотины некоторых озер. Аэро- и космические снимки дают достаточно подробные сведения о тех горных водоемах, до которых невозможно добраться даже с помощью вертолета.

^ Все это так. А нам все же приходится сейчас сидеть у берега мутного, бурного Исфайрама, который до сих пор никак не придет в себя после селя, и ждать помощи. Почему так получилось? Да потому, что при всех достижениях наука еще не может предсказывать возникновение и прорыв завалов вроде тегермачского...

Впрочем, о чем разговор? Ты же географ, исследователь, которому удалось лицом к лицу столкнуться с редким и грозным явлением природы. Так смотри, наблюдай, записывай, запоминай и будь счастлив, что тебе так здорово повезло! Жаль только, что кончается фотопленка...

Родника поблизости не оказалось, а по реке после селя неслась такая багрово-бурая вода, что приходилось подолгу отстаивать её, прежде чем ставить на эгонь. Кусок жесткой лепешки, кружка эбжигающего чая—о чем еще и мечтать з наших условиях?..

Палатки, в которых мы жили, стояли за коротком, трехсотметровом отрезке

асфальта, оставшемся от шоссе. Ниже дорогу на большом протяжении срезал сель, река мчалась вплотную к желто-сиреневым отвесным скалам. А выше полотно было частично разбито и засыпано селем, частично покрыто образовавшимся водоохранилищем.

Да, именно горным дорогам больше всего достается от селей. Селевой поток уничтожает сотни метров, а то и километры полотна. Он не засыпает его, как обвал или лавина,—шоссе можно тогда расчистить,—а сносит полностью, дороги как и не было... Да, природа—это не только реки, леса и поля, не только чистый воздух и тишина, но и такая вот слепая, обладающая огромной разрушительной силой стихия. Все это приходило в голову в долгие часы ожидания. И вот...

Пусть не обижаются вертолетчики Киргизии и Узбекистана, с которыми мне тоже доводилось немало летать над горами и ущельями. Но, по моему мнению, лучшие асы винтокрылых машин у нас, в Таджикистане. Вот и теперь мой старый знакомый Владимир Никульников на верной «ми-четверке» сумел разыскать нас на дне глубокой и узкой скалистой долины среди каменного хаоса. Прошли, пробилась наши парни, сообщили куда нужно!

Вертолет загружен до предела—взлетит ли? Ударил из выхлопных патрубков пепельно-голубой горячий дым, глу-

хо затарахтел мотор, потом, набирая обороты, завыл винт. За иллюминаторами закружился пыльный вихрь. Вертолет по-бычьему наклонился, задрал хвост и рванулся вперед. Нас прижало к жестким металлическим сиденьям. Машину качнуло, окружающий пейзаж резко накренился и куда-то провалился... Поднялись!

Невдалеке парил орел. Он недовольно покосился в нашу сторону, наверное, рев мотора ему не понравился. В крутом пиике царь пернатых ушел вниз. А наш вертолет набрал высоту и, разvernувшись над голубым созвездием алайских ледников, взял курс на Душанбе.

Александр Яблоков

КОРОТКО О РАЗНОМ

Зеленые медведи



Тот факт, что в шерсти некоторых животных могут поселиться зеленые микроводоросли, был известен ученым. Но удивил многих случай в зоопарке американского города Сан-Диего. Там позеленели белые медведи. Колонии водорослей при этом не только поселились на боках полярных животных, но и проникли внутрь полых волосков шерсти. Ни мыло, ни лекарства не помогали. Единственным спасением оказалась морская вода с добавками солей магния. Медведи за неделю снова стали белыми.

Конец загадок прополиса

Прополис используется в народной медицине вот уже более 2000 лет. Можно вспомнить, что им лечили свои раны солдаты Александра Македонского. Однако секреты этого природного вещества до конца не были известны ученым. Имелись лишь гипотезы. Правда, антибиотическое действие прополиса было определено объективно. Но где пчелы берут антибиотики?

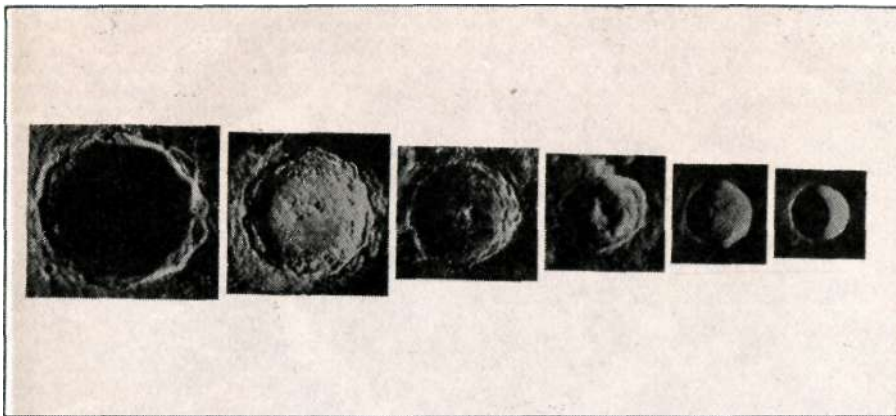


Недавно за тайны «пчелиной смолы» взялись московские специалисты по биоорганической химии. Вооружившись самыми современными аналитическими приборами, они определили состав и происхождение прополиса. В Европейской части СССР четко выделено два типа. Первый из них, преобладающий, совпадает по составу с выделениями пазушных почек березы и осины. Второй, характерный для южных районов, родствен смолистым выделениям почек тополя. Деревья выделяют их для защиты от вездесущих микробов, грибов и вирусов. Пчелам остается лишь посещать ветки деревьев и нести в свой улей лечебные смолистые вещества.

Открытие ботаников

Раньше считалось, что железное дерево (темир-агач), древесина которого тонет в воде, растет лишь в субтропической части Азербайджана. Советские ботаники открыли заросли железного дерева и на северных склонах Большого Кавказского хребта. Ученые определили, что этот уникальный представитель флоры растет там уже около 80 млн. лет. За этот период оно сумело приспособиться к более суровому климату. Заросли железного дерева, отстоящие более чем на 200 км от основного ареала своего распространения на север, нанесены на ботанические карты и взяты на учет.

СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙ МЕТЕОРИТНОЙ БОМБАРДИРОВКИ ЗЕМЛИ



Лунные кратеры различных морфологических типов: Шмидт—11 км; Дауэс—18 км; Ремер—39 км; Тихо—60 км; Коперник—85 км; Платон—110 км

Лишь в начале нашего века было установлено, что на Земле существует рельеф «неземного» происхождения—метеоритные кратеры. Предполагается, что события, связанные с образованием некоторых из них, отражены в легендах и мифах древних народов. Так, есть мнение, что миф о Фаэтоне связан с прохождением по небосклону боида, образовавшего кратеры Каалиярв в Эстонии. Сейчас известно уже более ста кратеров метеоритного происхождения диаметром от нескольких до ста километров. Возраст самых древних приближается к миллиарду лет.

Метеоритные кратеры представляют собой округлые в плане депрессии, окруженные кольцевой возвышенностью—валом. Кратеры диаметром до 3—5 км имеют вогнутое дно. У более крупных дно плоское. В его центральной части нередко видна возвышенность, так называемое центральное поднятие, образовавшееся в результате упругой реакции горных пород после удара метеорита. В кратерах диаметром более 20—25 км есть еще одна или несколько кольцевых возвышенностей, но меньшей высоты, чем внешний вал. И в самом кратере и вне его на расстоянии радиуса породы раздроблены и перемешаны взрывом метеорита. В нижней части вала, под кратерными выбросами, залегают несколько приподнятые коренные породы. Это так называемый структурный подъем. Кратеры окружены системой радиально-концентрических разломов. Их размеры

зависят от диаметра кратера, обусловленного в свою очередь энергией взрыва. Энергия эта часто огромна. Для образования 25—35-километрового кратера она должна превышать раз в десять энергию самых сильных землетрясений. А при образовании 100-километрового Попигайского кратера в Восточной Сибири 50—60 млн. лет назад выделившаяся энергия в тысячи раз превосходила энергию землетрясений, которые называют мировыми катастрофами. Взрыв вулкана Кракатау по сравнению с попигайским мог бы показаться легким хлопком.

Во время взрыва метеорита коренные породы подвергаются воздействию огромных температур и давлений и потому разрушаются, расплавляются, испаряются, а в центре взрыва даже превращаются в плазму. Естественно, изменения, происходящие с породами и слагающими их минералами, имеют зональность: чем дальше от центра взрыва, тем меньше изменения. Там, где температура ниже точки плавления, но давление высокое, в минералах происходят изменения, позволяющие определить, что породы подверглись ударно-взрывному воздействию. Например, при давлениях 100—450 килобар (то есть 100—450 тыс. атмосфер) и температуре 100—900° С кварц уплотняется, в его кристаллической решетке происходят такие качественные изменения, что он превращается в новые минералы—стишовит и коэзит, а графит превращается в своеобразные алмазы, не встречающиеся в обычных для Зем-

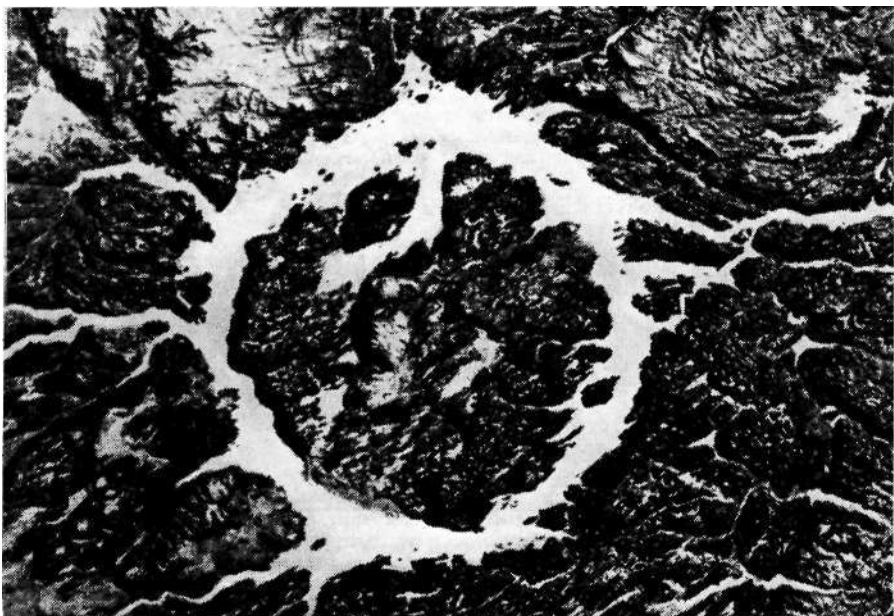


Фото 1. Астроблема Маникуган в Канаде. Сильно разрушенный кратер возрастом в несколько сот миллионов лет. Поперечник депрессии—около 65 км. Диаметр системы радиально-концентрических разломов—около 140 км

ли кимберлитовых месторождениях.

Крупные метеоритные кратеры, возникшие около 100 млн. лет назад и ранее, почти или полностью утратили первоначальную морфологию. Их вещество земные поверхностные процессы перенесли в другие места. Эти кратеры по предложению Р. С. Дитца называют астроблемами—звездными ранами (фото 1).

В 1965 г. советский ученый К. П. Флоренский в работе «О начальном этапе дифференциации вещества Земли» показал, что метеоритная бомбардировка могла привести к частичному плавлению и частичной дифференциации вещества нашей планеты, образованию атмосферы и даже гидросферы еще до того, как началась дифференциация земного вещества при высвобождении гравитационной энергии и накопившегося радиогенного тепла. В том же году вышла работа Уила Л. Донна с соавторами «Ранняя история Земли». В ней говорится, что древняя кора нашей планеты была «ударно-взрывной». Эти работы в то время вызвали интерес, но не более того, потому что в их основе не лежал материал наблюдений, который можно было бы использовать для построения рабочих геологических моделей. Необходимые данные стали накапливаться лишь в последние годы

благодаря активным космическим исследованиям планет, космической и высотной аэрофотосъемке больших территорий Земли и геологическим исследованиям нашей планеты.

Еще в эпоху телескопических исследований Луны на ней было обнаружено множество кратерных структур диаметром от нескольких до тысячи двухсот километров (Море Дождей, фото 2). Когда начались космические Исследования, такие же кратеры были открыты и на невидимой с Земли стороне Луны, а также огромное количество кратеров меньших размеров—вплоть до долей микрона на частицах лунного грунта. На заставке показаны различные лунные кратеры.

До недавнего времени генезис крупных лунных кратеров, особенно диаметром в десятки и сотни километров, был предметом жарких споров. Одни утверждали их эндогенную природу (объясняли процессами, происходящими в недрах планеты), другие утверждали, что они имеют ударно-взрывное происхождение. Дело в том, что выяснению истины кроме нехватки необходимых данных мешало определенное внешнее сходство эндогенных и метеоритных кратеров, изученных к тому времени на Земле.

Фото 2.

Западное полушарие Луны. Часть Моря Дождей с Заливом Радуги—в северо-восточном углу снимка. На материке около центра снимка видна многокольцевая ударно-взрывная структура Моря Восточного диаметром около 900 км



Космические исследования все поставили на свои места.

Главные доказательства метеоритной природы кратеров получены при изучении лунных пород. Минералы и обломки пород несут признаки мощных ударно-взрывных воздействий. В породах, привезенных из горных районов («материков») Луны, всегда содержатся микроскопические примеси метеоритного вещества. В более молодых, как правило слабо сцементированных, отложениях, с лунных низменных равнин («морей»), метеоритного вещества меньше, но все же оно есть. Наконец, что чрезвычайно важно, лунные породы оказались исключительно бедны газами, в них нет воды. А для вулканических взрывов необходимо присутствие не менее 1% воды и газов в магме. Грубо! говоря, чем больше газов, тем мощнее взрыв. Но и вулканические образования тоже обнаружены на Луне. Это обширные лавовые равнины в понижениях лунного рельефа («морья») и на днищах некоторых кратеров диаметром более 50 км. Были найдены и отдельные вулканические формы рельефа кратерного типа, но они оказались совсем не похожими на лунные метеоритные кратеры—размеры меньше, а форма в плане неправильная.

Изучение кратерного рельефа и определение абсолютного, возраста лунных пород показали, что более чем 3,8 млрд.

лет назад поверхность планеты подвергалась мощнейшей метеоритной бомбардировке, именно тогда и сформировалась большая часть наблюдаемых сейчас кратерных форм и толща ударно-переработанных, сильно измененных пород на «материках» мощностью до нескольких километров.

Интенсивная переработка поверхности на ранних этапах достоверно установлена и на Меркурии, Марсе, его спутниках Фобосе и Деймосе. Недавно с помощью радиолокационных средств на Венере обнаружены разрушенные кратеры диаметром от 35 до нескольких сот километров. На фото 3,4,5 показаны кратеры Меркурия, Марса и его спутников. Несмотря на ряд различий, связанных со спецификой физических условий, кратерные формы в основном схожи.

Итак, исследования Луны и других планет показали, что еще до рубежа 3,8 млрд. лет назад их поверхность подверглась интенсивной бомбардировке метеоритами. В результате сформировался кратерный рельеф и образовалась толща ударно-переработанных пород.

Логично считать, что и Земля в тот же период подверглась не менее энергичным ударно-взрывным воздействиям.

Где же следы этих древних катастрофических событий, как они выглядят? Ведь если метеоритные кратеры, образовавшиеся миллиард лет назад, измени-

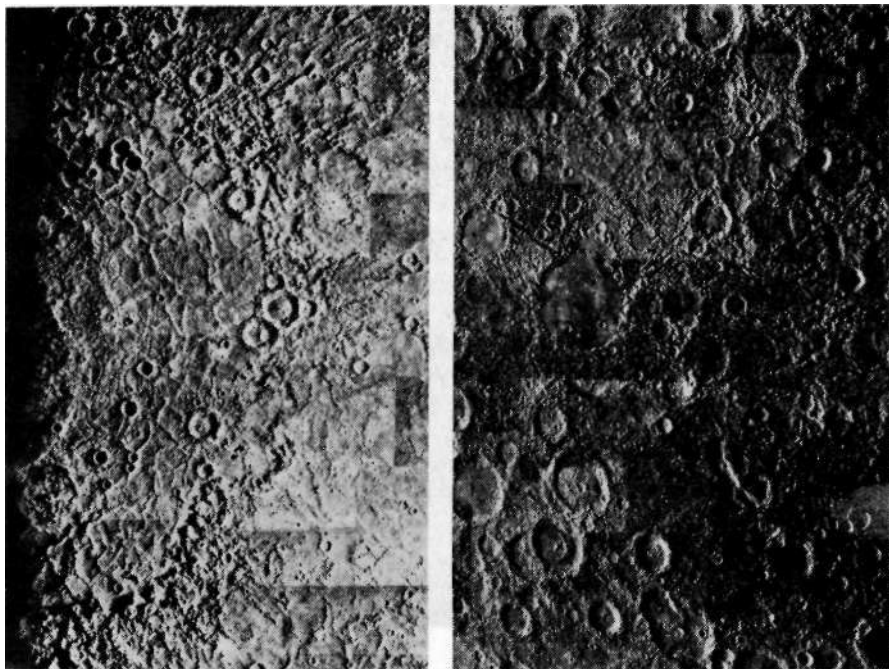


Фото 3. Меркурий (снимок КА «Маринер-10»). На правом фрагменте видна западная половина многокольцевой структуры Бассейн Калорис (Жары) диаметром 1300 км

лись настолько, что определить их происхождение по внешнему облику невозможно, то что же стало с теми, чей возраст в 3—4 раза солиднее? Что же—только логика, снова умозрительные построения, только аналогии? Прав ли Дж. Геттон, один из основоположников геологии, утверждавший, что в этой науке мы не видим ни начала, ни конца? Действительность всегда оптимистичнее мрачной логики.

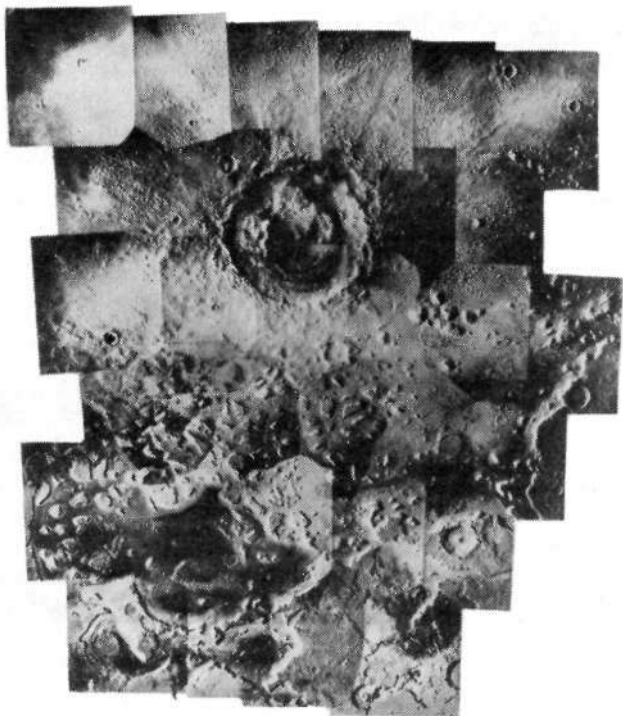
В последние годы благодаря фотографированию из космоса и высотной аэро съемке больших территорий было установлено, что поверхность Земли покрыта множеством кольцевых структур диаметром от нескольких до многих сотен километров. Исследования кольцевых образований в поперечнике до десятков километров установили эндогенную природу многих из них. Как правило, они представляют собой различные вулканические образования и тектонические структуры—формы рельефа, возникшие из-за перемещений участков земной коры в результате внутренних процессов. Встречаются среди них и сравнительно молодые метеоритные кратеры, и кольцевые структуры, веземной генезис которых бесспорен. Среди кольцевых образований

большого диаметра преобладают дугообразные и кольцевые разломы, которые часто обозначены различными магматическими телами, а при геофизических исследованиях они выделяются концентрической картиной гравитационных и магнитных полей. Происхождение таких образований до сих пор считалось эндогенным. Правда, недавно некоторые ученые их стали считать ударно-взрывными, но не старше 600 млн. лет. Если встать на такую точку зрения, нужно признать, что внутренняя энергия играет совершенно незначительную роль в формировании и развитии структур земной коры, а бомбардировка Земли крупными телами еще в недавнем геологическом прошлом была не менее интенсивной, чем 4 млрд. лет назад. А это не согласуется с результатами исследований Луны и других планет.

По мнению автора, земные кольцевые структуры—следы древней метеоритной бомбардировки планет; происходившей ранее 3,8 млрд. лет назад. Впоследствии сами кратерные структуры были уничтожены земными процессами, но разломы, образовавшиеся одновременно с ними, продолжали существовать. Энергию же они «черпали» в недрах Земли.

Фото 4.

Марс (снимок К Л «Викинг-1»). Пограничная зона между северными равнинами и материком. Самый крупный кратер— Лию—имеет диаметр около 200 км,



Какие здесь можно привести доказательства?

Внешнее сходство кольцевых структур с ударно-взрывными заключается в характерной для тех и других системе радиально-концентрических разломов, создающих рисунок «битой тарелки».

Картина распределения магнитных и гравитационных аномалий в этих структурах сходна. Кольцевые структуры распределены на поверхности континентов в общем статистически случайно. Они никогда не образуют линейных систем. Эти структуры, как и лунные кратеры эпохи интенсивной бомбардировки, имеют очень солидный возраст—более 3,5 млрд. лет. Они всегда древнее складчатости пород, в которых развиты, и пород, впоследствии поднявшихся по разломам из земных глубин, а это датируется зачастую 3,0—3,5 млрд. лет. Таким образом, нельзя говорить об образовании этих кольцевых структур лишь в течение последних 600 млн. лет.

Все эти данные говорят о возрасте большей части исследуемых кольцевых структур и их сходстве с ударно-взрывными образованиями. Прямое доказательство их происхождения—вещество, испытавшее ударно-взрывное воз-

действие. Где его искать? Что оно собой представляет?

Мы рассуждали так. Судя по исследованиям Луны и других планет, а также по теоретическим расчетам, древняя метеоритная бомбардировка «переработала» всю поверхность Земли. Следовательно, признаки воздействия этого процесса должны присутствовать всюду в породах соответствующего возраста. Но после эпохи интенсивной бомбардировки последовали длительные периоды разрушения древнейших формаций, в результате чего они в основном были уничтожены и вошли в виде разобренных обломков в состав более молодых отложений. Значит, вещественные свидетельства древней метеоритной бомбардировки надо искать в этих отложениях. Но что искать?

Как уже говорилось выше, под воздействием ударно-взрывных процессов в породах образуются характерные минералы. В частности, графит превращается в своеобразные алмазы, не встречающиеся в кимберлитовых (взрывных, но эндогенных) месторождениях. Впервые они были обнаружены в метеоритах. Затем их нашли в метеоритных кратерах. Эти алмазы имеют две характернейшие особенности. Во-первых, в них в виде тончайших включений содержится лондей-

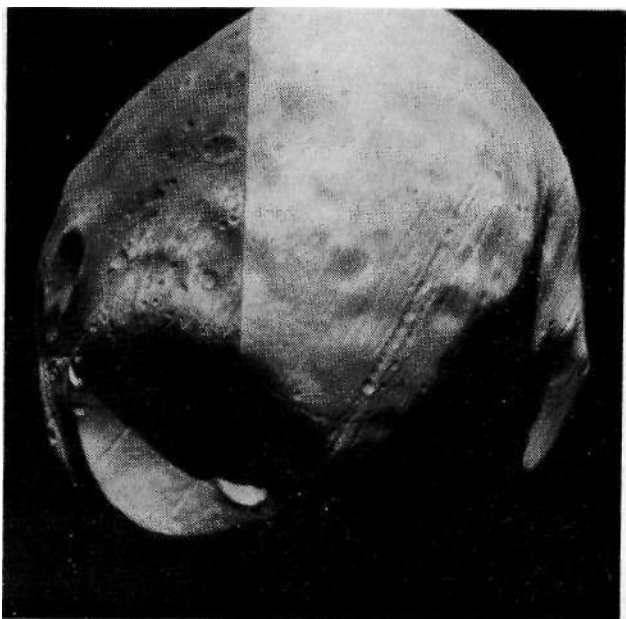


Фото 5.

Спутник Марса Фобос (снимок КА «Викинг-1»). Максимальный диаметр Фобоса равен—13,5 км. Самый крупный кратер на нем (Стикни) имеет поперечник—11 км

лит—минеральная разновидность углерода, образующаяся из графита при огромных давлениях и высокой температуре. Искусственно алмазы с лонсдейлитом были получены взрывным методом при давлениях 700—1400 килобар и температуре около 1000° С, а статическим сжатием—при давлении 120—130 килобар и температуре около 3000° С, то есть в термодинамических условиях, совместно не встречающихся ни в земной коре, ни глубже. Во-вторых, для ударно-взрывных алмазов характерно повышенное содержание легкого изотопа углерода С¹², так как углерод исходного графита материнских пород обычно имеет биогенное происхождение.

Вне ударно-взрывных кратеров эти алмазы были найдены только в россыпях, образовавшихся при размыве комплексов пород возрастом древнее 3—3,5 млрд. лет. Следовательно, возраст алмазов в россыпях, во всяком случае, не моложе.

Кроме описанных древних алмазов установленного импактного (ударно-взрывного) происхождения есть еще две разновидности этого минерала, которые имеют тот же возраст и генезис. Речь идет о карбонадо и балласах. Они встречаются в Африке, Южной Америке и Австралии. За столетний период разработок кимберлитовых месторождений в них ни разу не находили этих алмазов. По данным Б. И. Прокопчука, они встреча-

ются или в россыпях древнее 1,5—2 млрд. лет, или в относительно молодых россыпях, образовавшихся за счет древних. Наиболее изучено карбонадо. Карбонадо—микро- и скрытокристаллическая разновидность алмаза. Минеральные включения в карбонадо никогда не встречаются в кимберлитовых алмазах и не характерны для кимберлитов. Изотопный состав углерода карбонадо, по данным А. П. Виноградова и других, очень легкий, резко отличен от изотопии алмазов из кимберлитовых трубок. На основании анализа всех характеристик карбонадо Е. В. Францисон и Ф. В. Каминский пришли к выводу о его некимберлитовом происхождении.

Кроме изотопного состава углерода, своеобразных минеральных включений, насыщенности графитом карбонадо с ударно-взрывными алмазами роднят их поликристалличность, кубический облик монокристаллов, пониженная плотность и многое другое. Балласы (радиально-лучистая разновидность алмаза) также обладают рядом черт, роднящих их с импактными алмазами. Все сказанное выше позволяет нам предположить ударно-взрывное происхождение карбонадо и балласов. Древнейшие россыпи карбонадо и балласов образовались в результате размыва и переотложения пород возрастом древнее 3—3,5 млрд. лет. Следовательно, карбонадо и балласы не моложе этих пород.

Одновременность образования импактных разновидностей алмазов и кольцевых структур — очень важный довод в пользу ударно-взрывного происхождения последних.

Таким образом, на Земле, несмотря на исключительную активность протекающих на ней процессов, сохранились и вещественные, и структурные свидетельства бомбардировки нашей планеты крупными телами в период ранее 3,5—3,8 млрд. лет.

Длительные периоды разрушения земной поверхности после образования кольцевых структур должны были привести к тому, что очень редко в верхних

горизонтах земной коры они имеют ударно-взрывную природу. В большинстве случаев эти образования, очевидно, представляют собой исключительно долгоживущие, многократно возрождавшиеся системы разрывных нарушений, образование которых было лишь предопределено метеоритной бомбардировкой. Только их корни, скрытые в глубинах Земли, образовались в ту далекую эпоху. Длительность их существования, так сказать их неуничтожимость, — еще одна очень серьезная загадка...

Валерий Полосухин

В защиту потонувших кораблей

В Канберре (Австралия) издан правительственный декрет, согласно которому все корабли, затонувшие в территориальных водах Австралии в XVII и XVIII вв., становятся теперь собственностью государства. Причины подобного акта понятны. В последние годы аквалангисты и водолазы частных фирм и нигде не зарегистрированных компаний развили бурную деятельность по ограблению трюмов затонувших кораблей. В результате ценные вещи и документы уплыли на аукционы в Японию, США и Швейцарию. Австралийские музеи тем самым лишились многих исторических реликвий.



О пиратах XX века

Недавно в бразильском порту Сантус произошла перестрелка между полицейскими и... пиратами, грабившими трюм торгового судна. Корсары облюбовали этот порт и решили нападать на корабли, приближающиеся к Сантусу. По мнению полицейских береговой охраны, организация пиратов существует более 14 лет. Она тесно связана с контрабандистами и фирмами, занимающимися скупкой и перепродажей краденых вещей. Современные корсары имеют быстроходные катера с пулеметами и особую «гвардию» головорезов, берущих на abordаж корабли.

Кондиционеру — 1200 лет?

На берегу Ганга в штате Бихар индийские археологи обнаружили комплекс храмовых построек. Среди руин, очищенных от наносов песка и илстых частиц, оказалось и здание библиотеки с хранилищем рукописей. Сами древние манускрипты не дошли до наших дней. Они погибли во время религиозных войн более тысячи лет назад. Но вот уникальное инженерное сооружение при хранилище сохранилось довольно хорошо. Речь идет о высокой кирпичной башне, в верхнюю часть которой был когда-то вмурован большой котел с водой. От стенок резервуара вниз шли наклонные каналы, по которым охлажденный водой воздух проникал внутрь хранилища. Словом, здесь работал своеобразный кондиционер, который защищал в жаркой местности материал ценных рукописей от иссыхания.

СРЕДИ БРОНТОТЕРИЕВ В ГОБИ



Палеонтологические исследования в Монголии в пустыне Гоби обычно ассоциируются с поисками остатков динозавров, которые жили в мезозое и в конце мелового периода вымерли. Затем наступила эра млекопитающих—кайнозой, которая длится уже 65 млн. лет. В некоторых районах земного шара окаменевшие кости вымерших млекопитающих сохранились в осадках древних озер и рек. В этой статье рассказывается о поисках и раскопках позвоночных животных раннего олигоцена (32—37 млн. лет назад) на юго-востоке Монголии.

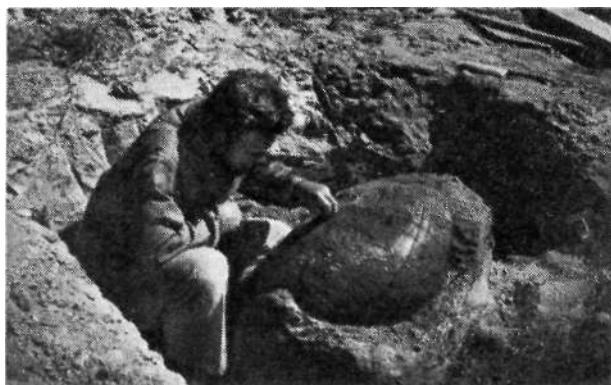
На четвертый день пути наш восточно-гобийский отряд Совместной Советско-Монгольской палеонтологической экспедиции выехал к обрывам Эргилин-Дзо. Сначала от Улан-Батора автомашины шли вдоль железной дороги на юго-восток, а от Сайн-Шанды повернули в пустыню прямо на юг. Далеко на севере остались изумрудные горы Хангая и бескрайние степные равнины Средней Монголии. Теперь основными красками ландшафта стали белая, черная и желтая. Зеленая появлялась у редких колодцев да в немногочисленных саксаульниках. Обрывы Эргилин-Дзо стали видны между сомонами Хубсугул и Хатан-Булак. Мы подъезжали к Эргилин-Дзо рано утром, и восходящее солнце подчеркивало красный цвет уступов обнаженных глин, песков и песчаников.

Ископаемых позвоночных открыла здесь в 20-х годах нашего столетия Центрально-Азиатская экспедиция Американского музея естественной истории, она назвала эти места Ардын-Обо. Двадцать лет спустя Монгольская палеонтологическая экспедиция Академии наук СССР, которой руководил профессор И. А. Ефремов, известный ученый и писатель-фантаст, называла их Эргиль-Обо. А сейчас это место называется Эргилин-Дзо. Сравнивая карты, схемы, фотографии и описания, я убедился, что речь идет об одном и том же месте. Палеонтологи участок местности, где залегают ископаемые остатки каких-либо животных, называют по близлежащему ручью, колодцу, оврагу или населенному пункту. Под этим названием оно и входит в научную литературу.

Обрывы Эргилин-Дзо врезались в окружающую равнину, как нос огромного корабля. На самой высокой их точке виднелось 4-метровое Эргиль-Обо. Обо — пирамида из камней, место подношений ламаистов своим богам и путеводный маяк в океане пустынь. Под обрывами с юго-востока на северо-запад по равнине шла старая караванная тропа. Верблюды проторили ее в течение многих столетий. Теперь караваны не ходят, и на машине старый караванный тракт можно пересечь, так и не заметив его. Но сверху, от Эргиль-Обо, тропа была видна отчетливо, так как ее выделяла растительность особого типа.

Лагерь мы разбили под обрывами, у колодца Сэвхуль-Худук. Стена обрывов

Гигантская наземная черепаха эргиль-эмис—свидетель развития засушливых условий в раннем олигоцене Центральной Азии



прикрыла нас от знойного южного ветра и от бурь, приходящих с запада. Наш лагерь—несколько полотняных палаток, между ними юрта, в стороне кухня, недалеко две автомашины ГАЗ-66, трайлер ЗИЛ-130 и бульдозер. Здесь и предстояло нам жить и работать два месяца.

Никто из нас раньше здесь не бывал. Ископаемые кости животных собирали прежде на крайних восточных участках обрывов Эргилин-Дзо, хотя, по данным польских и монгольских палеонтологов, они встречались и в 30—40 км западнее нашего лагеря. Геологический возраст отложений Эргилин-Дзо определяли поразному—от позднего эоцена до среднего олигодена. Предстояло более точно установить возраст отложений.

Для начала мы обследовали места раскопок прежних экспедиций. Почти всюду на поверхности вскрытых глин и песков встречались только разрозненные и немногочисленные обломки костей различных млекопитающих и панцирей черепах. А нам были нужны массовые скопления, особенно черепа и челюсти, по которым в первую очередь определяют род и вид животных.

Ископаемые кости встречаются не во всей толще выходящих на дневную поверхность пород, а чаще всего приурочены к так называемым горизонтам размыва, отдельным участкам русл древних потоков.

В пестром и сложном профиле Эргилин-Дзо вскоре удалось наметить такие горизонты. Каждое утро мы выходили на разведку. В поисках костей участвовали студенты из Москвы и Саратова: Игорь Кузиков, Александр Горошко и Николай Шувалов, опытный полевик и препаратор Валерий Чистогоанов, монгольский специалист Чангтумур, наши два шофера Михаил Сытин и Александр Антипов, бульдозерист Виктор Александров. Каждый обследовал определенный горизонт и ес-

ли находил кости, то отмечал это место пирамидкой из камней или белой тряпочкой. Часам к 10—11, когда солнце уже пекло неимоверно и перед глазами пыли радиужные круги, мы встречались, обменивались впечатлениями и возвращались в лагерь. Снова выходили из лагеря в 4—5 вечера, когда спадала жара. Вообще же поиск ископаемых костей лучше вести утром или ближе к вечеру: в косых лучах солнца они гораздо заметнее.

Толща осадков нашего местонахождения ясно разделялась на две пачки: нижнюю—песчаную, преимущественно белого цвета и верхнюю, сложенную красными, охристыми и черноватыми песками, глинами и песчаниками. Когда позднее к нам присоединились геологи Е. В. Десяткин, И. Г. Лискун, В. И. Жегалло и монгольский специалист Д. Дашзевег, удалось установить, что нижняя пачка—это отложения озер, а верхняя—отложения, сформировавшиеся уже в условиях речного режима. Между двумя главными пластами осадков залегал основной горизонт размыва—слой песчаных частиц разного размера и цвета с включением галек и глиняных окатышей. В нем и были наиболее богатые скопления ископаемых костей.

Постепенно район поисков расширялся. В маршруты мы выезжали уже на машинах, иногда на несколько дней. У западных обрывов Эргилин-Дзо организовали временный лагерь. Дорог здесь, разумеется, не было, и потому в некоторых местах двигались со скоростью 10—15 км в час. Особенно тяжело было ехать под обрывами, где песчаные кочки перемежались сайрами—сухими руслами, по которым в период дождей скатывается вода.

Первую крупную раскопку мы заложили рядом с основным лагерем на Сэвхуль-Худуке. В вершине глубокого длинного сайра здесь стояло несколько высо-



Раскопана и отпрепарирована нижняя челюсть болотного носорога аминодонта

ких останцов. И на одном из них была найдена песчаная линза длиной 5—6 м и около полуметра толщиной. Она была буквально переполнена мелкими древними костями. Сразу бросались в глаза челюсти небольших носорогообразных — гиракдонтов, хищных млекопитающих, множество остатков мелких жвачных — трагулид. Попадались и остатки грызунов, челюсти ящериц.

Бульдозер на этот останец не смог взобраться. Лопатами, кирками и ломami мы несколько дней снимали пустую породу, пока не дошли до костеносного слоя. Получилась почти горизонтальная площадка размером 14—15 м². Теперь в ход пошли раскопачные ножи и кисти. Снимаю слой за слоем и расчищая поверхность костей кисточками, брали один образец за другим. Кости были довольно прочными, так что закреплять их спиртовым раствором клея БФ или бутирала почти не приходилось. Образцы обкладывали ватой, заворачивали и укладывали в картонные коробки.

Оставшаяся в костеносном слое порода казалась пустой. Но это было не так. Следовало ее промыть. У колодца соорудили дощатый желоб и ванну, выстланную полиэтиленовой пленкой. Рюкзаками перетаскивали отработанный грунт и промывали его на металлических ситах. В промытой и высушенной породе под лупой можно было выбрать много отдельных зубов и обломков челюстей цилиндрических грызунов, зумисов — древнейших хомякообразных и ящериц.

Теперь, когда на этом месте раскопки были налажены, появилась возможность переключиться на новые точки. В 45 км к западу от лагеря на ровной поверхности, покрытой сплошь черными и красноватыми железистыми конкрециями, мы нашли обширные высыпки костей каких-то средних по размеру травоядных мле-

копитающих. Но они лежали только на поверхности, а время и выветривание поработали так, что часто даже не удавалось установить, к какой части скелета относится тот или иной фрагмент. И родовую принадлежность этих небольших носорогообразных установить не удалось.

Зато на участке под названием Баян-Цав-Обо мы нашли скопление костей великолепной сохранности. Главный горизонт размыва был представлен мощным, 1,5—2-метровым слоем «катунных» конгломератов. В нем находилось немало круглых глиняных «бомб», иногда размером с футбольный мяч и каменной твердости, — катунов. Между ними залегали многочисленные обломки костей и даже целые черепа зверей. Особенно многочисленными оказались остатки аминодонтов — болотных носорогов. Очевидно, в ложе древнего потока эти катуны способствовали накоплению этих остатков. Погибли животные где-то выше по руслу, потому что в Баян-Цаве совсем не встречалось сочлененных костей.

Кости были такие прочные, что их можно было сразу укладывать в ящики. Но черепа и нижние челюсти нуждались в особой обработке. Их надо упаковывать в монолиты. Поверхность такого объекта очищают от глины и песка и пропитывают жидким клеем, а потом вырубают вместе с блоком породы. Блок сшивают досками, а открытую поверхность костей покрывают мокрой бумагой и заливают гипсом.

В таком виде монолит сохнет несколько дней, потом его подрубают снизу, переворачивают и тоже обшивают досками. Крупные монолиты в несколько сот килограммов приходится подрезать тросом с помощью автомашины или бульдозера. К концу полевого сезона в экспедиции набираются десятки монолитов. Ко-



Собраны многочисленные остатки нелетающих двупалых эргильорнитид. Позднее, в плиоцене, эти птицы распространились до Европы, а затем вымерли

сти упакованы надежно. Транспортировать их в таком виде можно любым способом и на любые расстояния, да и храниться монолиты могут много лет, пока не подойдет их очередь препарирования.

Все ископаемые материалы, взятые нами за первые дни работы на Баян-Цаве, находились почти на поверхности обнажений. Но кости уходили в глубину. Чтобы не повредить объект, костеносный слой надо вскрывать не сбоку, со стороны склона, а сверху. Для этого надо было предварительно удалить 3—4 м пустых пород. Справиться со слоеным «пирогом» глин, песков и катунов одними кирками и ломанами мы не могли. Пришлось использовать бульдозер.

Несколько дней над обрывами Баян-Цава разносился рев бульдозера и лязг металла. Первые метра два бульдозер снял хорошо, справился и с небольшим слоем песчаника. Но когда пошли верхние слои конгломератов, мощности нашего ДТ-74 уже не хватило. Не помогло и искусство бульдозериста Виктора

Александрова. Сколько бульдозер ни рычал, нож его не мог взять слежавшуюся за миллионы лет глину с галькой.

Но в целом раскопки на западных участках Эргилин-Дзо прошли успешно. А на востоке мы оставили напоследок самый интересный и самый богатый костями участок, так называемые «холмы Новожилова».

В 1948 году Нестор Новожилов — сотрудник экспедиции И. А. Ефремова — отправился в маршрут не как всегда — вдоль обрывов, а вниз на равнину, где в 1,5—2 км от Эргиль-Обо виднелись невысокие беловатые холмы. Там он нашел большое скопление черепов крупных травоядных непарнопалых — бронтотериев. Холмы были названы в его честь, а история эта живо описана в книге Ефремова «Дорога ветров».

Бронтотерии — крупные, вероятно до двух тонн весом, носорогоподобные звери с характерными лопато- или рогообразными выростами на голове. В позднем эоцене и в раннем олигоцене они достигли большого разнообразия в Азии и



Северной Америке. Питались они мягкой, сочной растительностью, о чем говорит строение их зубов. А вот о назначении носовых выростов единого мнения среди специалистов нет. Возможно, они служили турнирным оружием, как рога у оленей. Кости бронтотериев встречаются по всему Эргилин-Дзо, в холмах же Новожилова сохранились и их целые черепа.

Мы собрали 15 хорошо сохранившихся черепов и больших нижних челюстей этих животных. В одном месте нашли скопление костей мелких млекопитающих, черепах и рыб, что было важно для полноты характеристики всего комплекса ископаемой фауны.

По всему местонахождению тут и там, как грибы, выростали монолиты. Когда все экземпляры, выходящие на поверхность, были выбраны, стал работать бульдозер. День за днем он сгребал почву, а новых находок не обнаруживали. Валерий Чистогонов предложил вскрыть невысокий плоский холм метрах в пятистах от основного местонахождения. На его поверхности почти не было костных остатков, а вся она была покрыта сплошным слоем плотных известковистых конкреций. Через два дня работы на новом месте появились обнажившие находки.

Кости встречались в сочленении— бедро с голенью, лапа с предплечьем, попадались серии позвонков. Все—от тех же бронтотериев, только каких-то более мелких форм. Через неделю бульдозер вскрыл скелет какого-то крупного животного—с черепом, полными передними и задними конечностями, позвоночным столбом. Не хватало только ребер. Неделью продолжалось его препарирование и подготовка к перевозке. Скелет взяли двумя монолитами, каждый килограммов по триста. И только через два

года в Москве, когда скелет был окончательно отпрепарирован и изучен, стало ясно, что он принадлежал новому виду бронтотериев из рода метатитан.

Работы на Эргилин-Дзо заканчивались. Предстояло лишь исследовать местонахождение Хоер-Дзан. Но программа летних работ была по существу выполнена. В Улан-Батор ушли два трайлера с монолитами и образцами. Анализ показал, что все отложения Эргилин-Дзо имеют один возраст—ранний олигоцен. Обрыв, в котором захоронены кости, образовался в результате тектонического разлома несколько миллионов лет назад. Разлом прошел с востока на запад, сдвинул одни слои по отношению к другим, и тогда взору открылось несколько страниц истории Земли.

В наши дни окрестности Эргилин-Дзо довольно пустыньны. Почти нет растительности. Изредка промаячит небольшая группа джейранов, пролетит стая садж. Ночью появятся на несколько часов мелкие обитатели пустыни—хомячки да тушканчики. А около 35 млн. лет назад обстановка здесь была совсем иной. Тут и там виднелись обширные озера. В них впадали крупные реки. Поймы их покрывали непроходимые хвойно-широколиственные леса. Стада бронтотериев (а их было не меньше пяти разных видов) бродили по заболоченным приозерным равнинам. Особенно многочисленны в районе Эргилин-Дзо были протэмболотерии с широким лопатообразным выростом на носу. Во влажных местах держались древние свинообразные—небольшие антрокотерии и огромные энтелодонты. По поймам рек паслись многочисленные болотные носороги—аминодонты. Они тоже были различны: от небольших—размером с ослас до крупных—с бегемота. В лесах жили также странные травоядные звери—

схизотерии с когтями вместо копыт и другие древние животные. В реках водилось много рыбы и водяных черепах—меланохелисов, хризомисов и триониксов. А может быть, некоторые из них населяли и озера. В раннем олигоцене климат в Центральной Азии по сравнению с предыдущими периодами стал суше, появились открытые засушливые пространства по невысоким плоским водоразделам. Стали распространяться и новые виды животных. Среди них ардинии—небольшие носорогообразные гиракодонты, напоминающие по внешнему виду не то маленьких лошадок, не то носорогов. Жили здесь древние тапириды — коло доны, цилиндродонтные грызуны, крупные нелетающие птицы эргильорнисы—далекие родственники современных журавлей, гигантские сухопут-

ные черепахи—эргильэмисы. В числе млекопитающих водились здесь и хищники—мелкие и крупные гиенодоны, птеродоны, ардиниктисы; они могли жить и на открытой равнине, и в лесах.

Ранний олигоцен в Азии—эпоха перехода от лесистых и заболоченных ландшафтов с мягким и влажным климатом к открытым засушливым ландшафтам с более жарким и континентальным климатом. Почти все местонахождения, относящиеся к раннему олигоцену, бедны остатками позвоночных животных. Эргилин-Дзо — самое богатое среди них. Найденные там многочисленные ископаемые дают возможность представить все разнообразие жизни в тот период.

Евгений Курочкин

Операция «Саксаул»

Монгольские ученые вот уже несколько лет используют советский опыт по высадке семян саксаула в пустынной местности. Планами первой очереди намечаются посадки на площади в 4 млн. га. При этом используются семена давно акклиматизированного в Монголии кустарника. В создаваемых по плану насаждениях саксаула предусматривается, что в междурядьях, своеобразных оазисах, будут затем выращиваться сельскохозяйственные культуры.



У всех здоровое сердце

Любой человек, попавший в польское село Верховиска, будет прежде всего поражен специфическим запахом на всех его улицах. Пахнет там лекарственной травой—валерианой. Но если поговорите с жителями, то быстро убедитесь, что никто там валерьяновых капель не пьет, даже старики. Все дело в том, что в этом селении выращивают и заготавливают для аптек ценное растение, идущее также и на экспорт. Среди жителей села Верховиска, как утверждают врачи, нет людей с больным сердцем. Оказывается, для хорошего здоровья достаточно одних запахов. Правда, аромат лекарственного растения здесь густой и постоянный.

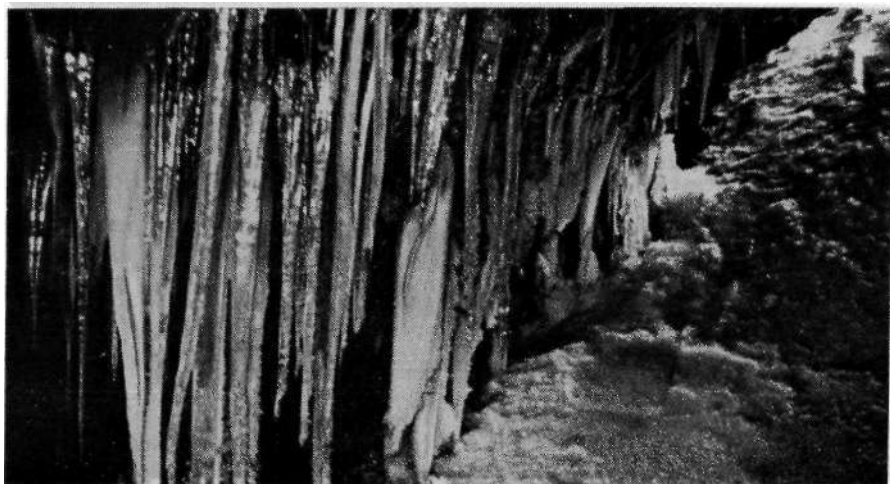


Самый большой лабиринт Европы

Тернопольская область славится своими карстовыми пещерами. Они привлекают внимание не только туристов, но и исследователей. Вот уже несколько лет изучается пещера, получившая название «Оптимистическая». Недавно специалисты из Львова, Киева, Одессы и Симферополя произвели новые замеры этого подземного лабиринта. Общая длина галерей, залов, озер и гротов составила 139,5 км. Таким образом, еще раз подтвердилось, что «Оптимистическая» — самая крупная пещера в Европе.



ВУЛКАНИЧЕСКИЕ ПЕЩЕРЫ ТОЛБАЧИНСКОГО ДОЛА



К утру восходящее движение ускорилося... Огромная сила, сила нескольких сот атмосфер, исходившая от скопления паров в недрах Земли, неодолимо выталкивала нас... Вскоре желтые отсветы стали проникать в расширяющуюся галерею; я замечал направо и налево глубокие ходы, похожие на огромные туннели, из которых вырывались густые пары; огненные языки, треща, лизали стены.

— Посмотрите, посмотрите, дядюшка! — закричал я.

— Ну, что же, это серное пламя! Вполне естественное явление при извержении.

...Плот несся по волнам лавы, среди дождя пепла, окруженный шипящим пламенем.

Жюль Берн. Путешествие к центру Земли.

Крупнейшее за историческое время извержение на Камчатке, начавшееся 6 июля 1975 года в 18 км к юго-западу от вулкана Плоский Толбачик и продолжавшееся 475 дней, не могло не привлечь внимание исследователей. Десятки экспедиций работали в этом отдаленном и труднодоступном районе. На обширном, слегка понижающемся плато — Толбачинском доле, вдоль и поперек покрытом многовековыми напластованиями лавовых потоков, можно было встретить ученых самых различных специальностей — вулканологов, геохимиков, геофизиков, биологов, минералогов... Случилось так, что в составе одной из геофизических экспедиций оказались и мы — физики по образованию и спелеологи по профессии.

Спелеология — наука о пещерах. Не раз приходилось нам проникать в таинственный и чудесный подземный мир. Глубокие шахты, запутанные лабиринты, узкие щели и громадные залы, украшенные фантастическими натечками, подземные озера, реки, водопады, низвергающиеся во мраке вечной ночи, — все было нам знакомо. Но пещеры, которые мы надеялись увидеть в окрестностях Толбачика, совсем другого рода. Своим происхождением они обязаны вулканическим извержениям.

Большинство известных пещер образуется в результате постепенного размыва растворимых горных пород подземными водами. Чаще всего они попадают в известняках, так как известняки легко растворяются водой, содержащей угле-

кислоту (а таковы почти все подземные воды), и, кроме того, обладают достаточной вязкостью, предотвращающей осыпание образующихся полостей. Такие пещеры называются карстовыми — по имени известнякового массива Карст в Югославии, где они впервые были изучены. Карстовые пещеры встречаются и в других растворимых породах: гипсах, доломитах и т. п.

Совершенно иной механизм зарождения вулканических пещер. В отличие от карстовых, формирующихся тысячелетиями, лавовые по геологическим масштабам времени возникают мгновенно, при истечении лавы в ходе извержения. Поверхность лавового потока и слои, непосредственно примыкающие к ней, охлаждаются гораздо быстрее, чем средняя часть. Это ведет к тому, что на некотором расстоянии от места истечения наружная часть потока отвердевает. Образуется лавовая труба, и лава продолжает течь уже внутри этой трубы. Когда давление в недрах вулкана ослабевает, поток лавы уже не заполняет всей трубы, а лишь ее нижнюю часть. Бывает, что вулкан работает толчками, тогда уровень жидкой лавы пульсирует, она может вновь достигать свода трубы, оплавлять его и оставлять наплывы и висячие стержни, подобные сталактитам. Когда же извержение прекращается, расплавленная масса (если ее вязкость не слишком велика) некоторое время еще продолжает свое движение, опорожняющая трубу и оставляя полость — лавовый туннель. Так рождаются вулканические пещеры... Есть они и на Толбачинском доле.

И вот мы поднимаемся по склонам Плоского Толбачика. Этого дня мы дожидались целый месяц: вершина вулкана обычно затянута облаками, делать восхождение в такую погоду бесполезно — дно кратера не разглядишь. Толбачинский дол находится на высоте около 1 км над уровнем моря, а высота Плоского Толбачика — 3140 м. Слева и справа видны побочные вулканические конусы различной формы, в этом районе их более сотни. Под ногами хрустит шлак, часто попадаются небольшие красивые образования, похожие на грецкие орехи, — это плагиоклазовые лапилли, во множестве выброшенные вулканом при извержении. Постепенно мы вступаем в область вечных снегов и по заснеженному кулуару поднимаемся на предвершинный гребень. На этой высоте уже ничто не напоминает о вулкане. Обычный высокогорный пейзаж: скалы, лед, белое безмолвие...

Внезапно что-то меняется. Сначала до нас доносится резкий запах. Пока еще кратер не виден за перегибом, лишь этот странный запах среди величественных

снежных просторов на высоте, куда не долетают дымки промышленных предприятий, где воздух должен быть первозданно чист. Склон становится пологим, слышится гул вулкана, постепенно усиливающийся. Еще несколько десятков метров — и мы выходим к кромке кратера. Он представляет собой грандиозный провал километровой диаметра и полукилометровой глубины. Таким глубоким он стал совсем недавно, когда магматический очаг под ним после извержения Новых Толбачинских вулканов опустошился. Дно прежнего кратера превратилось в лишенную опоры кровлю и обрушилось. Внизу видны два незамерзающих озера; в одном вода серого цвета, в другом — зеленоватого. Пять мощных газовых струй — фумарол — с ревом вырываются из-под прибрежных камней и поднимаются вертикально вверх. Пахнет серой, хлористым водородом; шум стоит такой, будто мы находимся в цехе гигантского завода. И «производственные» шумы, и запахи на такой высоте, в царстве вечного покоя и безлюдья, рождают совершенно необычные ощущения.

Но мы собирались не только осмотреть кратер, но и спуститься в него. Именно так поступили знаменитые путешественники и первые исследователи вулканических пещер профессор Лиденброк и его племянник Аксель, герои известного фантастического романа Жюль Верна. Вот что увидели они, спустившись в кратер вулкана Снайфельдс в Исландии: «На дне кратера находились три трубы, через которые во время вулканических извержений центральный очаг извергал лаву и пары. Каждое из этих отверстий в диаметре достигало приблизительно ста футов. Их зияющие пасти разверзлись у наших ног».

Однако стены кратера Плоского Толбачика оказались совершенно отвесными и к тому же сильно камнепадными. Единственное, что удалось сделать, — это спуститься в одном месте метров на сто и сфотографировать дно. Впрочем, даже если бы и удалось спуститься, пещеры вряд ли были бы обнаружены: проседание дна кратера в ходе последнего извержения наверняка смяло и разрушило все пустоты...

В вулканические пещеры мы попали не так, как герои Жюль Верна. Нельзя сказать, что пещер, вход в которые находится в стене кратера, не существует. Такова, например, пещера Галлборг-Архаун в Исландии. Но чаще их вход расположен далеко от вулкана. И представляет он собой не «дверь», а отверстие в потолке. Хрупкая кровля лавовых труб, разрушааясь вследствие эрозии, легко обваливается и дает возможность исследователям проникнуть в подземный



На склоне вулкана арочный вход в лавовую пещеру. Стремительный горный поток несет по ее дну

мир. Кстати, именно из-за своей недолговечности (по геологическим меркам) существующие вулканические пещеры гораздо моложе карстовых. Их находят в породах, образовавшихся не ранее третичного периода геологической истории Земли.

Оказалось, что весь Толбачинский дол, спускающийся от конуса вулкана на запад, юг и юго-восток к большой излучине реки Толбачик, сплошь усеян такими полуразрушенными пещерами. Правда, последнее извержение, рассеявшее около 2 км³ шлака по всему долу, засыпало входы многих из них. Но здесь побывало очень много исследователей, что сыграло на руку спелеологии. Исходя в маршрутах вдоль и поперек весь Толбачинский дол, вулканологи просто не могли не наткнуться на вскрытые лавовые полости. Самую большую обнаружил вблизи Южного прорыва директор Института вулканологии член-корреспондент АН СССР С. А. Федотов. Длина ее около 200 м, возраст не более нескольких сот лет. Высота потолка различных ходов пещеры колеблется от 0,5 до 4,5 м. Потолок сводчатый, местами прогнутый, оплавленный, с тонкими (0,5—1 см) лавовыми сосульками до 15 см длиной. Мощность кровли (толщина местами 2—3 м) говорит о том, что лавовод активизировался после некоторого перерыва, длившегося, вероятно, несколько недель.

Другая пещера расположена ближе к Северному прорыву, недалеко от стационарного лагеря вулканологов. Эту пещеру они считают своей, «домашней» и размещают в ней точные приборы — наклонометры. Незадолго до рождения нового вулкана чуть-чуть увеличивается наклон земной коры возле его подножия. Эти незначительные, но улавливаемые наклономерами изменения и служат предвестниками нового извержения. Подобные приборы очень чувствительны, а в пещере они находятся в стабильных условиях и защищены от механических воздействий.

Длина этой пещеры около 120 м. Протиснувшись через довольно узкий вход, по пологому шлаковому склону съезжаем в небольшой зал. В стене этого зала на высоте человеческого роста расположены два полукруглых отверстия — начало двух лавовых туннелей. Мы медленно продвигаемся по одному из них. По бороздкам на стенах видно, что лава текла нам навстречу. Видно также, что она была очень жидкой. По мере того как ее остатки застывали, на тонком поверхностном слое образовалось множество складок и морщин, пол пещеры поразил нас замысловатыми узорами... Через несколько десятков метров — слияние двух туннелей, затем поворот, новое расширение трубы и еще один зал. Затем ход постепенно сужается, и вот уже продвинуться дальше невозможно.

По сравнению с обычными карстовыми ходами лавовый туннель имеет более правильную форму, без изломов, с плавными закруглениями на поворотах. Нижняя часть ровная, сталагмитов нет: все, что капало с потолка, попадало на еще жидкий пол.

Стоя в таком туннеле, нельзя не думать о тех катастрофических событиях, которые его создали. Какие потрясающие картины должны были открываться здесь взору! И снова вспоминается Жюль Верн: «Я невольно представлял себе, как высока должна быть здесь температура, когда потоки лавы неслись по этой дышавшей покоем галерее. Я представлял себе, как огненные потоки разбивались об углы колонн, как горячие пары скоплялись в этом узком пространстве».

Во время работы нашей экспедиции мы не раз пересекали Толбачинский дол. И в конце концов несколько новых пещер вулканического происхождения удалось обнаружить и нам. На склонах Плоского Толбачика мы часто встречали небольшие лавовые вздутия и полые базальтовые трубы длиной 20—30 м. Часто чувствовали, что идем по полым лавовым куполам: звук шагов становился гулким, но входных отверстий заметно не было. Попадались лавовые трубы, сильно разрушенные водой. Ручьи, текущие по их дну, образуют живописные каскады, и, стоя на полуобвалившейся кровле этих труб, можно часами наблюдать, как поток чистой воды, вырываясь из одного участка трубы, делает красивый вираж и тут же ныряет в ее следующий сегмент.

В последний день нашего пребывания на Толбачинском доле мы решили пересечь обширный лавовый поток извержения 1975 г. Хотя его ширина всего 3 км, идти пришлось почти целый день. Да и вряд ли можно назвать ходьбой лазанье по чудовищным нагромождениям скал, перемятых лавовых труб, вулканических бомб. Неустойчивые камни шатались под ногами, и для сохранения равновесия приходилось непрерывно балансировать руками в воздухе (хвататься за острые выступы лавовых торосов — удовольствие ниже среднего). Некоторые места потока были все еще горячими, приходилось перешагивать через глубокие трещины, из которых поднимались горячие струи воздуха и газа...

В начале пути мы обследовали довольно большой участок плато, где нашли множество разнообразных провалов, лавовых пещер и гротов, заполненных водой и льдом. Наше внимание привлекли необычные кристаллы льда в одном из гротов. Они имели форму звезды и достигали 30 см в поперечнике, толщина их

составляла несколько миллиметров. Лепились они не только к стенкам грота, но и к ледяным сосулькам, свисавшим с потолка. Было такое впечатление, будто кто-то украсил грот. Встречать подобные формы в карстовых пещерах нам не приходилось.

На всем протяжении нашего пути встречались небольшие провалы глубиной 20—30 м. Один из них мы детально обследовали. Его диаметр около 50 м, на дне небольшое зеленое озеро. В вертикальной стене провала мы заметили небольшое отверстие, оказавшееся входом в лавовый туннель. С трудом добравшись до него, мы углубились в пещеру. Лавовая труба была очень узкой и уже начала разрушаться. Метров через двадцать мы наткнулись на кучу шлака, перегораживающую ход. По-видимому, из потолка выпал кусок породы, и через образовавшееся отверстие просыпался шлак. Его удалось разгresti, и мы попали в продолжение хода. Туннель, расширяясь, сужаясь и изгибаясь, тянулся еще около 60 м.

В конце дня, уже в сумерках, мы обнаружили еще один крупный провал — на самом краю лавового потока. Для спуска в него уже не оставалось времени. А как заманчиво это было! Вдруг именно в этом провале начинается гигантская многокилометровая лавовая труба, вроде тех, что привлекают толпы туристов, например, на Канарских островах...

... С плато Маль-Паис узкая дорожка ведет в провал. За высоким темным входным отверстием она сперва следует вдоль туннеля, направляющегося к морю, затем сворачивает на запад в более узкий ход и достигает самой глубокой (35 м ниже поверхности) части пещеры. На всем пути посетителей сопровождает музыка: рокот барабанов, звонкий голос фанфар, причудливые звучания электронных инструментов. Яркие прожекторы озаряют темные переходы и залы, высвечивают окрашенные окислами своды и висячие лавовые столбы, отбрасывающие затейливые тени. Щелкают затворы фотокамер, сверкают фотовспышки... Проход расширяется в огромную аудиторию — концертный зал, подобного которому нет на свете. Звучат аккорды гитары. Акустика превосходная; лавовые стены пористые, поэтому здесь нет нежелательных резонансов. По двум лестничным пролетам туристы поднимаются в библиотеку. Внезапно у ног разверзается подземное озеро. Оно питается морской водой, и в нем обитают крохотные белые крабы, которые променяли голубизну моря на мрак лавовой пещеры... Это одна из крупнейших вулканических пещер — Кува-де-лос-Вердес на острове Лансароте из группы Канарских. Ее длина — 6,1 км.

Лавовые пещеры есть во многих вулканических районах мира: в Исландии, в Сицилии, на Ближнем Востоке, в странах Африканского континента. Длинные лавовые трубы известны в Австралии, Новой Зеландии, Корее, Японии, на многих тихоокеанских островах. Пещеры этого типа открыты в Аргентине. Больше всего исследованных лавовых пещер на западе США и в Мексике.

Найти сплошную длинную лавовую трубу—дело непростое, так как ее своды легко разрушаются. На сегодня самая длинная труба—Куэва-дель-Виенто, образующая фантастический комплекс из пересекающихся ходов на трех различных уровнях, находится на острове Тенерифе (Канарские острова), но она не сплошная: ее общая длина 10 км составляется из двух сегментов длиной 7,9 и 2,1 км. В США и Австралии системы с частичными обрушениями достигают в некоторых случаях 40 км.

Обнаруженные в нашей стране лавовые пещеры не идут ни в какое сравнение с этими гигантами. Но не будем забывать, что и вулканоспелеология у нас фактически только зарождается. Да и отечественной спелеологии, переживающей сейчас период бурного развития, всего около двадцати лет. За это время количество известных на территории СССР пещер возросло с 500 до 4000. Еще десять лет назад глубочайшей пещерой страны считалась Назаровская (360 м), а сейчас шахта Снежная по глубине вышла на третье место в мире (около 1200 м), хотя еще не пройдена до конца.

Несомненно, и советская вулканоспелеология сделает немало выдающихся открытий.

*Владимир Алексеев,
Евгений Полищук*

Уникальный музей



Уникальный музей открыт недавно в одном из частных каирских особняков, владелец которого отбывает наказание в каторжной тюрьме. Это единственный в мире музей, который одновременно курируют археологи и полицейские. Дело в том, что в этом доме детективы обнаружили собрание древнейших реликвий—амулетов и украшений фараонов, алебастровых и мраморных статуэток. Все эти исторические редкости предназначались для тайной продажи иностранным туристам. А найдены они были в могильниках в долине Нила подпольными шайками грабителей древностей. В чем же смысл экспозиции? Она показывает экспонаты, которых могли бы лишиться не только национальные музеи, но и вся человеческая культура в целом, ибо уникальные находки древнеегипетского искусства должны были уплыть в частные коллекции толстосумов.

Рогатая черепаха



На маленьком скалистом островке у северных берегов Австралии сиднейский палеонтолог Алекс Ричи нашел окаменевшие остатки довольно большой сухопутной черепахи. Удалось установить, что жила она свыше 12 млн. лет назад, не оставив после себя прямых потомков. Вид этот полностью вымер. Ученые в наши дни впервые встретились с представительницей этого удивительного вида. А удивиться тут есть чему. Во-первых, черепаха эта была обладательницей двух острых и загнутых назад рогов. Когда она втягивала голову под панцирь, рога оставались снаружи. Во-вторых, панцирь этого животного был очень тонким. Быть может, именно поэтому данный вид и вымер, ибо эти устрашающие рога медлительной черепахи помочь, конечно, были не в состоянии. Ведь она могла ими только пугать своих врагов.

ТРУБКА ДЕРСУ УЗАЛА



Мудрые, полные любви к человеку и природе книги Владимира Клавдиевича Арсеньева «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала» десятки раз издавались в нашей стране и за рубежом. Их главные герои — сам Арсеньев и его проводник гольд Дерсу Узала. Обаятельный лесной следопыт широко известен во всем мире. Ему посвящены два кинофильма. Читателей и кинозрителей интересует: не вымышленная ли это фигура? Не литературный ли он герой дилогии писателя о Дальнем Востоке? Да и как правильно произносить имя героя?

Ответ на эти вопросы дает ныне здравствующий 80-летний сын Арсеньева — Владимир Владимирович, ученый, путешественник, краевед. Он ясно помнит гольда.

Владимир Владимирович выглядит очень молодо для своих лет. Он высок, подтянут, подвижен, ходит быстро. Вот что он говорит:

— Произносить надо Дерсу Узала. Это имя реально существующего человека, верного соратника отца.

Но столь понравившиеся Максиму Горькому книги Арсеньева включают и литературный вымысел. На страницах «По Уссурийскому краю» говорится, что Арсеньев познакомился с Дерсу в 1902 г. Однако это сюжетный прием автора. В одном из дневников Арсеньева есть интересная запись. Здесь подробно описывается первая встреча 34-летнего путешественника с гольдом, которая произошла 3 августа 1906 г. В дневниках Арсеньева

много говорится о проводнике. Подлинное его имя Дерчу Оджал.

Сам Владимир Клавдиевич, его жена и сын так рисуют портрет гольда. Он был русоволос, приземист, имел могучую выпуклую грудь, мощные руки и ноги. Ходил легко, но вразвалку. Дерсу легко разжимал челюсти тяжелого волчьего капкана, что под силу лишь немногим. Темно-серые глаза Дерсу были очень зорки.

Гольд носил светлые усы и округлую бородку. По тайге и горам Дерсу ходил неумоимо с любимым грузом на спине. Стрелял без промаха. Сломанная ветвь, царапина на коре, смятая трава, зола костра, помятый мох, ружейный пыж, срезанная береста, сдвинутый с места камень рассказывали ему целую повесть о таежных людях.

Часто думают, что Дерсу Узала — единственный проводник Арсеньева. На деле за 30 лет странствий Арсеньева их было более двадцати. Среди них — Геонка, Намука, Мулинка, Карпушка, Чочо, тунгус Попов, Кялондзига, Гейкер, Савушка, Чингинчин, Бутунтари, Доверй, Калюндюга и другие. В дальневосточной тайге Владимиру Клавдиевичу помогали нанайцы, орочи, удэгейцы, нивхи, якуты, эвены, эвенки, тазы. В Хабаровском крае и Приморье еще живы древние старики — проводники Арсеньева. Иные помнят и могучего следочья Дерсу. В Хабаровском географическом обществе хранится фотоальбом самого Арсеньева. В нем снимки ряда проводников путе-

шественника. Некоторые из них, например быстроногий Сунчай Геонка, ходили с Владимиром Клавдиевичем долгие годы.

Но писатель не выделял их и не чтит так, как добродушного гольда Дерсу Узала.

Из подробных иллюстрированных дневников Арсеньева и воспоминаний его родных известно, что у Дерсу был брат, тоже охотник, силич и мудрый дальневосточный лесной скиталец.

В тайге Дерсу Узала не расставался со своей трубкой, наполняя ее «маньчжуркой» — крепким, пахучим, тертым в муку самосадом. Когда табака не было, Дерсу набивал трубку особой сухой травой, которую называл «янцо». На фотографиях Дерсу неизменно с трубкой в зубах или в руках. В Уссурийске и Хабаровске есть цветные портреты Дерсу Узала во весь рост. В Географическом обществе Приморья хранятся его редкие фотографии. И везде трубка. Это или короткая изогнутая носогрейка, или прямая трубка с чубуком до 30 см длиной, а порой небольшая тонкая «файка» с белым нефритовым мундштуком и чашевидной медной головкой.

У себя дома в Хабаровске и Владивостоке Арсеньев хранил личные вещи своего любимца Дерсу. Среди них была его обоженная деревянная трубка. Рядом лежали арсеньевские реликвии — черная лакированная ручка с пробковым покрытием для пальцев. Ею Арсеньев писал в Хабаровске книги «По Уссурийскому краю» и «Дерсу Узала». Тут же желтели бесценные древние папирусы из мертвого города Хара-Хото, письма Пржевальского (дар Козлова), самого Козлова и Роборовского, темнели средневековые чжурчженские монеты.

Жена Арсеньева, Анна Константиновна, рассказала:

— Хорошо помню гольда Дерсу. Он изрядно жил у нас в Хабаровске на Артиллерийской горе — ныне Ленинской улице. Мы там стояли в 23-м полку. Дерсу часто водил моего восьмилетнего сына Волю гулять в ближний лесок. Потом говорил мне: «Нюра, твой сынка шибко большой охотник. Паук от тигра отличай могу». 13 марта 1908 г. на Корфовском каменном карьере хребта Хехири, что в 20 верстах южнее Хабаровска, сонного Дерсу убили каторжники.

Этот печальный, траурный день муж всегда отмечал. Он доставал все фотографии Дерсу, которых имел множество, и ставил их всюду. Муж хорошо снимал и собирался даже овладеть кинокамерой. 13 марта вечером Владимир обязательно рассказывал нам с Волей что-нибудь интересное и новое о славном гольде.

Он ласкательно называл его «мой Дерсу».

Ныне с помощью сына и брата Владимира Клавдиевича Арсеньева установлено примерное место гибели Дерсу Узала на Хехцире.

Таежный следочей Дерсу провел всю жизнь в лесу. Он тонул, обгорал, побывал в плену у жестоких хунхузов, был на охоте тяжело ранен тигром. Оспа унесла его жену и детей — сына и дочь. Гольд хранил много лесных тайн. Он знал, где в Приморье залегает «черное солнце» — уголь, где бьют целебные воды, где много рыбы, соболя и оленей. Он ведал, где таятся пещеры с кладами из древних монет и кинжалов, где тайники «промышленников» — свирепых, алчных бандитов тайги.

Дерсу родился ровно на 20 лет раньше Арсеньева — в 1852 г. Владимир Клавдиевич задумал много походов. Он всей душой любил Дальний Восток. Путешественник разбил его на районы, которые решил непременно изучить: Якутию с Колымой, Чукотку, Охотье, Камчатку, Командоры, Сахалин, Шантары, Сихотэ-Алинь, Амур, Уссури, Баджал, юг Уссурийского края. Про многие зоны Дальнего Востока Владимир Клавдиевич говорил: «Белая провинция», «Квадрат неизвестности», «Медвежья губерния». Несмотря на раннюю смерть — путешественник скончался в 58 лет, — Арсеньев почти выполнил свой план, не побывав только на Колыме и Курилах.

Владимир Клавдиевич два года преподавал этнографию в университете Владивостока, где получил звание почетного профессора. В стенах вуза, в блестящих публичных лекциях, на которые всегда приходило много народу, путешественник часто и благодарно вспоминал своего проводника и большого друга Дерсу Узала.

В память о незабвенном гольде Владимир Клавдиевич посадил долгоживущие ясени и липы на Хехцире, Уссури, Сихотэ-Алине, в Хабаровске — на берегу Амура и на Артиллерийской горе. И неразговорчивый Дерсу Узала преданно чит и любил своего отважного русского друга.

В память о себе проводник сделал щедрый дар — преподнес Арсеньеву большую плантацию женьшеня, скрытую в непроходимой тайге у реки Илистой. По словам Арсеньева, в 1890 году на Илистой было 22 драгоценных корня. Женьшень удивителен. Это подлинный Мафусайл восточного леса, он живет более 300 лет.

Арсеньев умер, так и не успев добыть для людей богатство Иистой. Сокровище Дерсу пока не обнаружено. Где-то среди диких скал приморской речки Иистой прячутся уже сотни женьшеней — размножившиеся потомки дара Дерсу. Но придет время, и дальневосточники отыщут плантацию и передадут ее врачам.

Таков прямодушный, бесстрашный и щедрый следопыт-рыцарь Дерсу Узала, герой книг Арсеньева — певца дальневосточной природы, его верный спутник и ДРУГ.

Георгий Пермяков

Белковый картофель

На опытных плантациях близ озера Балатон венгерские селекционеры занимаются выведением необычного сорта картофеля. Его клубни содержат в три раза больше белка по сравнению с клубнями обычных сортов. Собранные первые хорошие урожаи. Проверка показала, что белок картофеля нового сорта по питательности может конкурировать с куриным мясом.

Предполагается, что уже в недалеком будущем овощами с уменьшенным количеством крахмала будут снабжаться санатории для детей и пожилых людей с заболеванием сердечно-сосудистой системы.



Островки для птиц

Уровень воды в лесных озерах по весне весьма капризен. Когда он поднимается, гнезда многих птиц, устроенных в камышовых зарослях, оказываются под водой.

Зоологи и охотоведы Пермской области вот уже несколько лет сооружают для уток искусственные плавучие гнезда. Из разного подручного материала делают плотки размером примерно в квадратный метр. В середине каждого из них из травы и веток оборудуется гнездо. Но главное в том, что такой плотик привязывается к прибрежным кустам длинной веревкой ИЛИ ставится на якорь. Подъемы или опускания уровня воды не могут теперь причинить вреда гнездам с кладкой яиц. Утки и другие птицы охотно селятся на таких плотиках. Количество птиц заметно увеличивается.



Клеберит — брат ильменита

Первое время о существовании этих камешков с красноватыми и белыми прожилками знали лишь дети. Они играли в них на мостовых в городах на юге ГДР. Но вот наконец камешки привлекли внимание геологов. Их привезли в Берлин и в лаборатории университета имени Гумбольдта подвергли спектральному анализу. Они содержали в основном окисные соединения титана и железа с небольшими включениями песка и частиц никеля. Анализ позволил сделать вывод, что обнаружен неизвестный до сих пор магматический минерал, хотя он и близок по составу к известному ильмениту — титанистому железняку. В честь известного берлинского профессора Вилли Клебера новый минерал внесен в каталоги под названием «клеберит».



НОЧНОЙ «ГОСТЬ»



Домик был деревянный, легкого типа и скорее походил на сарайчик, чем на жилое помещение. Но я в нем жил без всяких претензий — кругом буйство зелени, аромат цветов, неподалеку ручеек с чистой водой. Днем и ночью поют, кричат, свистят, щебечут, лают, рычат и шипят пернатые, лохматые, чешуйчатые и панцирные обитатели тропического леса, порхают огромные бабочки и с гудением проносятся жуки. Чем не жизнь? Расположился я в домике один, и моими гостями были лишь ящерицы гекконы, да и те появлялись на стенах и потолке только с наступлением сумерек. Днем они отдыхали в трещинах стен, складках оконных занавесок или в каких-то других укромных уголках. На день окна домика я закрывал решетчатыми ставнями, после того как, возвратившись однажды вечером, обнаружил полный разгром. Все мои вещи были рабросаны по полу, тетради с записями разорваны, а запас продовольствия похищен. В мое отсутствие здесь немного порезвились обезьяны. На ночь ставни я открывал, а оконные проемы завешивал марлей, прикрепляя ее кнопками. Обезьяны по ночам не бродили, а марля была достаточной преградой для ночных насекомых, которых привлекал свет. Те комары, бабочки и жуки, которым удавалось все-таки найти лазейки и проникнуть в домик, быстро становились добычей гекконов, способных бегать не только по стенам, но и по потолку головой вниз. Гекконы ловко ловили насекомых и лишь

изредка срывались и падали на пол или на постель, где я лежал. Упав, они на секунду замирали, но тут же вновь оказывались на стене.

Однажды утром, еще лежа в кровати, я внезапно почувствовал острую колющую боль в области ступни. Сдернув простыню, успел заметить, как с кровати сползла большая многоножка сантиметров двенадцать длиной и моментально исчезла в щели пола. Многоножки неядовиты, питаются они всевозможной живностью, поедают и мертвых червей, гусениц, бабочек и ящериц. На челюстях после еды остаются микроскопические частицы разложившейся пищи, которая и может вызвать заражение при укусе. Вообще эти очень неприятные на вид существа на людей не нападают, и я пострадал, видимо, потому, что сильно придавил ногой многоножку, забравшуюся под простыню невесть зачем. Ступня моя распухла, я себя стал чувствовать неважно.

Болезнь — хорошего мало, а в тропиках вдвойне тяжело, особенно если повышается температура. Тяжко, жарко, душно, сон тревожный, постоянно мучает жажда.

Входную дверь в домик на ночь я запираю плотно, все от тех же бесчисленных насекомых, появляющихся с наступлением темноты. И вот в одну из таких томительных ночей в дремотном состоянии я уловил странные звуки. Будто кто-то приглушенно чихал. Что за наваждение? Соседей, кроме ящериц, у меня не

было, а они молчаливы. Прислушался, затаился— снова раздалось таинственные звуки, что-то упало на пол. При слабом лунном свете было видно, что дверь закрыта, окна затянуты марлей. Я осторожно поднялся на кровати, спустил ноги, стал присматриваться, но ничего различить не мог, а звуки повторялись. Едва я потянулся за коробкой спичек, чтобы зажечь светильник, стоящий на столике около кровати-раскладушки, как раздалось громкое шипение. Это меня встревожило. Светильник загорелся, заморгал, слабо освещая комнату; от его мигания поплыли тени, потом околтурились предметы, и снова— «пчи», будто воздух с силой вырвался из лопнувшей камеры велосипедного колеса. И тут впервые в жизни я явственно ощутил, как волосы на моей голове становятся дыбом. Метражах в трех от кровати на полу с распушенным капюшоном стоял гамадриад. Узнал я его сразу. Примерно две трети его туловища образовали на полу этакий «крендель», а передняя часть тела поднялась вертикально, и голова гамадриада находилась на уровне моего лица.

Вот так посетитель! Ведь гамадриад не что иное, как самая крупная ядовитая змея в мире— знаменитая королевская кобра. По величине среди кобр она действительно королева—длина ее достигает четырех-пяти метров! И вот эта красавица рядом, с глазу на глаз! Под руками никакого оружия, бежать не в состоянии, да если б и мог—нельзя! Только выдержка и спокойствие. Змеи, как правило, на предметы неподвижные почти не реагируют. Это я знал, и пришлось превратиться в неподвижный предмет. Гамадриад тоже замер, как изваяние, а я, не спуская с него глаз, осторожно повернулся, поднял ноги на кровать, прижался спиной к изголовью. Ступнями ног придавил простыню к матрасу, а руками, ухватившись за ее концы и уперевшись локтями о колени своих слегка дрожащих ног, натянул простыню на себя. Получилось что-то вроде паруса, поверх которого я мог следить за «королевой». Обдумывая свое положение, я решил в случае нападения защищаться парусом, отбить им броски змеи, хотя прекрасно сознавал, что тонкая материя не преграда для больших изогнутых, как сабли, и острых, как иглы, зубов моего противника. Знал я и то, что вообще-то кобры на людей первыми не нападают, но пойдя определи, что там на уме у гамадриада.

Внезапно в пламя светильника влетела большая ночная бабочка, фитиль заморгал, затрещал. Гамадриад насторожился и сделал несколько резких выпадов, потом опустил к полу голову и пополз к столику, на котором трепыхалась опаленная бабочка.

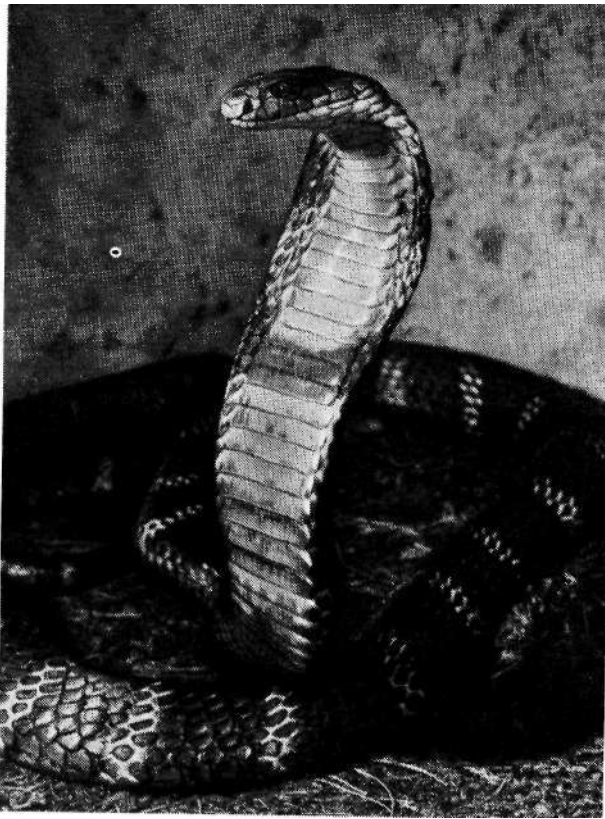
Вот он совсем близко у кровати, еще бросок—и он сможет коснуться моего паруса. У самого стола змея свернулась спиралью, подняла высоко голову и нацелилась на бабочку, а она, как нарочно, пытается взлететь, часто взмахивала опаленными крыльями и передвигалась по столу. И тут я заметил у змеи одну странность. По всему разрезу ее рта были четко видны длинные белые зубы. Но ведь у змей они наружу не выступают, а скрыты на обеих челюстях губами, отороченными роговыми щитками. Объяснения этой странности я найти не мог, как ни ломал голову.

В окнах забрезжил рассвет, и я решил потушить светильник в надежде, что это отвлечет змею от кровати, и она отползет.

Ноги у меня от неподвижного сидения затекли, по лицу струился пот, он попал в глаза, мешая четко видеть обстановку. Медленно повернув голову, я стал с силой дуть на пламя светильника, и мне удалось его потушить. Наступили полумрак и томительная тишина, гамадриада я потерял из виду, но от этого легче мне не стало. Ведь движется змея молниеносно, и ее появления можно было ожидать где угодно.

Постепенно рассвело, и теперь главной моей задачей было обнаружить гамадриада. Где он затаился? Может, под кроватью, а может, уполз в смежную маленькую комнатушку, где у меня хранились кое-какие вещи и походный инвентарь? Надо было обязательно обнаружить кобру. От укусов крупной королевской кобры погибают не только люди, но и такие огромные звери, как носороги и слоны.

Совсем рассвело, а гамадриада я все еще обнаружить не мог. Внезапно занавеска на окне зашевелилась, и на подоконнике очутился маленький полосатый зверек, очень похожий на нашего сибирского бурундука. Он осмотрелся и смело прыгнул на пол. С этим зверьком и его собратями я познакомился раньше, чем с гамадриадом. Они часто забегали в домик в открытые двери, забирались через окно, когда были приоткрыты ставни, и повадились ходить за лакомством. Это были пальмовые белочки, которые с удовольствием поедали кусочки печенья, сухарики и сладости. Спрыгнув на пол, зверек уселся на задние лапки и стал осматриваться вокруг глазами-бусинками. Потом замер, резко крикнул, метнулся в сторону, вскопил на подоконник, ловко отодвинул мордочкой краешек занавески и исчез. А на том месте, где он только что сидел, появился гамадриад. Он, видимо, бросился на зверька, но промахнулся, что редко бывает. Вообще зверьки не «королевская»



пища. Как ни странно, «королевское» меню состоит главным образом из змей, в том числе ядовитых.

Рассерженный неудачной охотой, гамадриад высоко поднял голову и пристально посмотрел в сторону окна, через которое удрал полосатый зверек. А я все еще находился под парусом, все обдумывал, как же мне вырваться из плена королевы змей, которая, видимо, ретируется и не собиралась. Длина ее была не менее трех метров, окраска туловища оливково-зеленоватая, ближе к хвосту располагались темные поперечные полосочки, задняя сторона головы имела оранжевый оттенок. Взгляд змеи был пристальным, длинный раздвоенный на конце язык часто высовывался и, пошевелившись, быстро исчезал. Все это я успел рассмотреть, пока не наступил критический момент.

Потеряв интерес к убежавшей белочке, гамадриад опустился на пол и пополз в мою сторону.

Три метра... два... один... полметра.

Голова змеи у ножки кровати. Нервы были на пределе, неудержимо хотелось рвануться и бежать.

Я замер, съезился, туго натянул простыню, образовав этаким щит, но глаз с головы гамадриада не спускал. Отчетливо различал все щитки на его голове, чешуйки на туловище и белые зубы — их я насчитал по шести с каждой стороны головы. Загадочные зубы... Гамадриад уполз под кровать и снова затаился, а я вынужден был все так же оставаться неподвижным, словно неодоушвенный предмет. Теперь я раздумывал о том, как предупредить об опасности того, кто скоро должен был принести мне завтрак, как открыть ему дверь.

И вот раздалась шага, шум у входной двери, чей-то разговор. Значит, пришел не один человек — это уже хорошо. В дверь постучали, потом пытались открыть, но она была заперта, не поддалась даже сильным рывкам. Гамадриад же не замедлил вырасти перед ней во всем своем великолепии с раскачивающейся

взад и вперед головой, окруженной капюшоном.

Улучив момент, когда змея сосредоточила внимание на двери, я стал кричать: «К окну! К окну!» Меня поняли. Один из пришедших отодвинул марлю и просунул голову. Я второпях объяснил, в каком положении нахожусь, предупредил о смертельной опасности. И тут я стал свидетелем совершенно потрясающего. Пришедшие—их оказалось двое—сорвали с окон занавески и смело влезли в комнату, загородив спинами оконные проемы. Гамадriad мгновенно повернулся, сильно зашипел и сделал бросок вперед. А в следующий миг он, ловко схваченный за шею и туловище, извиваясь всем телом, пытался вырваться из рук моих избавителей. Что же произошло?

Один из пришедших был ветеринарным врачом. Он хорошо говорил по-русски, так как окончил Московскую ветеринарную академию. Вот что он рассказал после того, как гамадriad был опущен в большой полотняный мешок, который крепко завязали шнурком. Таких мешков для транспортировки змей в домике, где я жил, хранилось много.

Все это происходило в Индии. Мое временное жилище находилось в лагере звероловов, куда меня пригласили отобрать из числа пойманных местными охотниками диких животных экземпляры для Московского зоопарка.

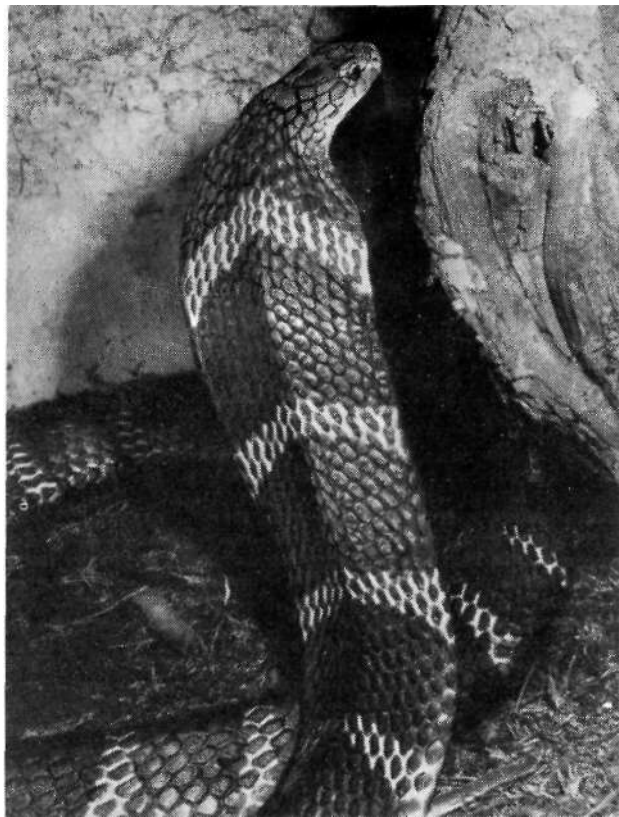
Отличный знаток фауны Индии, спасший меня от гамадриада, рассказал, что королевская кобра обитает в Индии, а также в южных провинциях Китая, встречается в Индостане, на полуострове Малакка и на некоторых островах Юго-Восточной Азии. На людей эта огромная змея не нападает, но очень опасна в период размножения. Она откладывает 30—40 яиц в кучи листьев, травы и веток, нагребая их усилиями своего гибкого и мускулистого туловища. После откладки последнего яйца кобра с осторожностью продолжает строительство гнезда, засыпая его сухой листвой, чтобы яйца совсем не стали видны. Потом змея укладывается поверх кладки, свернув свое длинное туловище кольцом. Развитие яиц в гнезде-инкубаторе продолжается долго, от двух до трех месяцев, и все это время змея на страже, ревностно его охраняет. Если приблизятся животные или люди, она громко шипит, «чихает» и, если пришелец переступит определенную границу, яростно набрасывается на него, атакует с молниеносной быстротой.

Когда кобрыта выведутся и распознать кто куда, самка покидает гнездо и больше к нему не возвращается. До следующей кладки яиц она особой опас-

ности не представляет. Обычно при встрече с человеком или крупным животным кобра замирает, поднимает переднюю часть туловища, расправляет верхние ребра, которые, растягивают эластичную кожу на шее, поэтому кажется, что голова кобры очень большая. Поднявшись и расширив капюшон, змея громко шипит, но, если ее не трогают, старается быстро уползти. Ловят ее в тот самый момент, когда она стоит в угрожающем положении, готовая сделать бросок для укуса. Вот в такой опасный момент опытные ловцы, приблизившись к кобре, проявляют исключительную ловкость и отвагу. Они оказываются проворнее змеи и ухитряются, бросившись к ней, схватить ее руками в области шеи, зажать голову и не дать возможности укусить. На такую опаснейшую охоту обычно выходят вдвоем. Один старается отвлечь внимание змеи, а второй медленно подкрадывается с противоположной стороны и в удобный момент нападает. Когда змея схвачена, второй ловец тоже бросается к добыче и крепко прижимает середину туловища змеи к земле, не давая возможности зацепиться за сучки, стволы деревьев, пни или другие предметы. В противном случае сильным, резким движением кобра может высвободить свою голову из рук охотников. Длина ядовитых зубов достигает более 3—4 см. Кинжалы, а не зубы! Они опасны и тогда, когда кобра находится в мешке или корзине. Как же обезвредить змей? И ловцы придумали. Зная, что змеи вообще и кобры в том числе могут долгоми днями и неделями обходиться без пищи и воды, они сшивают им челюсти прочными белыми шелковыми нитками, пропуская их в несколько рядов по бокам змеиной головы. При сшитых губах змея может издавать звуки, высывать язык и даже пить воду. В этом и крылся секрет тех белых «зубов», которые ввели меня в заблуждение прошедшей ночью. В этом и объяснение тому, что пришедшие поутру ко мне ветврач со своим помощником без особого труда справились с гамадριάдом. Мне оставалось лишь пожалеть, что я не знал об этом раньше.

При поступлении в зоопарк или лабораторию голову кобры крепко зажимают руками, нитки осторожно перерезают. Живи себе, кобра, только не кусайся! Конечно, такой способ временного обезвреживания кобр и других ядовитых змей применяется не везде и не всегда, но он несомненно оригинален и надежен.

Но как же гамадriad со штырями губами попал ко мне в домик? В лагере случилось вот что. Пойманных кобр обезвредили, осмотрели и разместили в корзинах. Одну из них недостаточно



крепко завязали. Сильные змеи сумели приподнять крышку и распозлись. Одна кобра, видимо привлеченная светом в окна домика, ухитрилась проникнуть внутрь, отодвинув головой занавеску.

В нашей стране королевские кобры не водятся, но обитают их близкие сородичи — кобры среднеазиатские. Живут они в Туркмении, Узбекистане и Таджикистане. Они находятся под охраной закона как редкий вид, зарегистрированный в Красной книге СССР и Международного союза охраны природы. Может возникнуть вопрос: почему и зачем брать под защиту столь опасных змей?

Ну, что ж, надо вспомнить тогда, почему эмблема медицинских учреждений — чаша, обвитая змеей. Какое отношение имеют «отвратительные» животные к благородному делу здравоохранения?

Змеи в представлении большинства людей до сих пор слыт страшными, агрессивными, коварными, злыми, обладающими магическими свойствами и

таинственной способностью гипнотизировать свою жертву, «притягивать» ее. Все небыллицы перечислить невозможно. Однако некоторые основания для столь сильной неприязни есть. Это в первую очередь их ядовитость, известная с глубокой древности и вызывающая панический страх и в наше просвещенное время. Я многократно был свидетелем того, как во время охоты, экскурсий, туристических походов и экспедиций смелые и физически сильные люди при встрече со змеей бежали куда глаза глядят. А те, кто порешительнее, «обороняются» и «обороняют» присутствующих. Тут в ход идут палки, камни, топоры, подчас огнестрельное оружие, все, что попадется под руки. В итоге прославляется «герой» сражения, не дрогнувший перед страшной медянкой, а она-то, погибшая из-за жестокости и невежества, на самом деле обыкновенная безногая ящерица веретеница, которая ни малейшего вреда причинить не может.

В наше время на просторах земного

шара, в основном на суше, обитает около 2500 видов змей, из которых опасны своей ядовитостью для людей примерно 400 видов.

Отличить ядовитую змею от неядовитой — в природных условиях задача сложная и для зоологов. Животные эти передвигаются быстро, внешние формы их схожи. А окраска даже в пределах одного вида весьма разнообразна. Поэтому и повелось издавна: что ни змея, то и ядовитая тварь. Нагоняют страхи и такие особенности змей, как бесшумное скольжение, внезапность появления, пристальный взгляд немигающих глаз, блеск чешуи, таинственное шипение, высовывающийся и быстро шевелящийся тонкий раздвоенный язык, обитание среди развалин, на заброшенных кладбищах, в болотистой местности. Наконец, внезапные укусы при сборе грибов, ягод, валежника, цветов, уборке сена или во время других хозяйственных работ. Все это породило представление о змеях как заклятых врагах человека.

Но во многих районах земного шара с давних времен змеи обожествлялись, поклонение живым змеям и их изображениям носило массовый характер. Сооружали специальные храмы, в которых содержали «священных» змей, и в том числе кобр.

Особенно высокого развития культ змей достигал в Египте, Индии, Бирме, Мексике, Перу и других странах.

Большая смертность людей, пострадавших от укусов ядовитых змей в прошлом, низкая эффективность применявшихся противоядий долгое время служили причинами обожествления змей, возвеличивания их как существ, обладающих чудодейственной, колдовской силой.

Однако прослеживается и другое. Змеиный яд и разные части тела змей с древних времен использовались в качестве сырья для приготовления лечебных средств. Микстура под названием «Териакл», в состав которой входил яд змей,

была впервые изготовлена в I в. н. э. Она стала столь популярной, что ее можно было приобрести в аптеках многих стран Европы еще и в XVIII в. В восточной медицине для изготовления лекарственных средств кроме яда использовали змеиные глаза, печень, жир, кожу, кости и другие части тела. С развитием научной медицины было установлено, что подавляющее большинство лечебных средств, изготавливаемых ранее из яда змей и отдельных органов этих животных, лечебными качествами не обладают. Но все же змеиный яд как целитель отвергнут не был. Современная наука после глубокого и разностороннего изучения признала яд исходным продуктом для изготовления многих медикаментов. Сейчас лечебные препараты, в состав которых входит змеиный яд, широко используются для исцеления людей, страдающих ревматизмом, полиартритом, ишиасом, эпилепсией, бронхиальной астмой, гемофилией, стенокардией и другими заболеваниями. Ведутся исследования в области применения змеиногo яда против злокачественных образований и облегчения острых болевых ощущений. Яд змей — основа для изготовления сывороток, применяемых при спасении укушенных этими животными людей.

Нет сомнения в том, что дальнейшее изучение змеиногo яда откроет еще более широкие возможности для использования этого ценнейшего дара природы.

В пределах нашей страны обитает 10 видов ядовитых змей, из них 4 вида зарегистрированы в Красной книге СССР; они подлежат особой охране, да и остальные 6 видов находятся под защитой, их отлов регламентируется, истребление запрещено, так как они являются единственным источником добычи ценнейшего яда, потребность в котором ежегодно увеличивается, а заменители пока не найдены.

Игорь Сосновский

А вот где омулю понравилось!

Попытки ихтиологов акклиматизировать байкальского омуля предпринимались в Японии, Чехословакии, США, Канаде. Это и понятно, ведь рыба редкая да еще вкусная. Но омуль нигде не прижился. Однако недавно нашлось исключение. Байкальский омуль отлично акклиматизировался в водах монгольского озера Хубсугул. Косяки его там из года в год увеличиваются. Ученые считают, что Байкал и Хубсугул возникли в одно время, у них и водный состав схож. Омуль чувствует себя на новом месте как дома.



ЗАГАДКА САРГАССОВА МОРЯ

5 июня 8498 г. до н. э. гигантский метеорит с массой в два миллиона раз большей, чем у тунгусского, со скоростью 15—20 км/сек врезался в земную атмосферу и взорвался в северо-западной части Атлантического океана. Вызванная чудовищной силы взрывом океаническая волна высотой в несколько километров ринулась на острова и континенты, неся разрушение и смерть всему живому на берегах. Взрыв распорол дно океана, вызвал значительный провал земной коры, и морская бездна поглотила большой остров. Только вершины его гор остались на поверхности. Это нынешние Азорские острова. Вместе с погибшей землей исчезла и цветущая страна, самая древняя на нашей планете цивилизация— легендарная Атлантида.

Такую картину катастрофы рисует в своей гипотезе западногерманский физик О. Мук. Точную дату катастрофы он вычислил с помощью календаря майя.

Какие же аргументы находит О. Мук в пользу существования большой земли на месте гипотетического падения гигантского метеорита? Наиболее веские из них в рассуждениях ученого—это загадочные тысячекилометровые странствия угрей, загадка Саргассова моря.

Изучение образа жизни угрей, этих змееподобных рыб, началось еще в древности, но не завершено до сих пор. Вплоть до 20-х годов нашего столетия ученым не были достоверно известны процессы размножения угрей и места их нереста. Там, где обитают угри,—в реках Европы (от Печоры до бассейнов Средиземного и Черного морей) и Северной Африки—всегда встречались только взрослые особи и никогда личинки или мальки.

Еще в Древней Греции знали, что у речного угря нельзя обнаружить зрелой икры и молюки. «Как же они размножаются?»— недоумевали ученые древности. И они пришли к убеждению, что угри происходят от... дождевых червей. Несмотря на всю смехотворность такого предположения, эта точка зрения просуществовала почти две тысячи лет.

Однако все же было замечено, что молодые угри входят в реки из моря. Каждый год к устьям рек подходят огромные стаи этих маленьких, совершенно прозрачных рыбок (отсюда и их название на этой стадии развития — «стеклянные угри»). Они поднимаются в верховья рек,

растут и превращаются во взрослых рыб. Прожив в реках и озерах от 5 до 25 лет, угри начинают мигрировать в море. В темные безлунные ночи большими косяками покидают они пресные воды и устремляются на нерестилища. А вот куда? Ученые этого очень долго не знали, не имея возможности проследить путь угрей, которые движутся на глубине до 1500 м.

В начале нашего века, когда в Атлантике были пойманы «стеклянные угри» размерами всего 12—15 мм, стало ясно, что места нереста находятся примерно в этом районе. Вскоре стало точно известно: нерестятся европейские и американские угри в Саргассовом море.

Это удивительное море—море без берегов, окруженное кольцом течений: Канарского, Северного пассатного и Гольфстрима. На его поверхности плавают огромные скопления водорослей—саргассов. Важны две особенности этого моря: первая—повышенная насыщенность здешних вод кислородом; вторая—прогретые поверхностные воды опускаются тут вниз и даже на глубине 400 м температура их составляет 16—17° С, что вдвое выше, чем на экваторе на таких же глубинах.

Вот сюда и приходят угри на нерест. В глубинах Саргассова моря мечут икру, а после нереста здесь же погибают. Вышедшие из их икринок личинки начинают миграцию к рекам Европы и Америки. Мощный поток Гольфстрима доставляет к европейским берегам миллионы будущих угрей. Огромное количество их гибнет в пути от многочисленных врагов. Известный датский ихтиолог И. Шмидт считал, что от Саргассова моря до Европы они плывут около трех лет.

Но загадка угрей не была решена до конца. В самом деле, почему из рек Норвегии, Прибалтики, Причерноморья они проделывают путь по морям и океанам в тысячи километров, подвергаясь множеству опасностей, и каким-то непонятным образом определяя дорогу к цели? Почему для нереста им нужно именно Саргассово море, а не аналогичные воды Восточной Атлантики или Средиземноморья? И почему американские угри идут на нерест тоже непременно в Саргассово море, а не в иное место? В чем притягательная сила этого удивительного моря?

Есть разные гипотезы на этот счет.

Советский ученый П. Ю. Шмидт высказал мнение, что чрезвычайная протяженность нерестовой миграции европейских угрей вызвана изменением гидрологических условий в послеледниковый период. Вот что пишет ученый в шеститомном издании «Жизнь животных»: «Весьма вероятно, что в ледниковый период вся северная часть Атлантического океана была заполнена массами холодной воды и струи Гольфстрима не расходились, как теперь, веерообразно в северо-восточном направлении. Гольфстрим был отжат к югу, и воды двигались в широтном направлении—от берегов Флориды до Португалии, а достигнув берегов Европы, поворачивали на юг. Где-то на широте 20° возникло противотечение, двигавшееся с востока на запад, к американскому континенту. В результате зона с высокими температурами на глубинах растянулась на весь океан—от Багамских до Канарских островов. В восточной части этой зоны нерестился европейский угорь, в западной—американский. Но с окончанием ледникового периода Гольфстрим устремился на северо-восток и нерестовая зона сжалась в долготном направлении до размеров Саргассова моря».

Современные популяризаторы гипотезы существования Атлантиды, О. Мук и Ч. Берлиц, взяв за основу выводы П. Ю. Шмидта, внесли в них только одну «поправку»: путь на север Гольфстриму 15 тыс. лет назад преграждали не холодные массы воды, а земли Атлантиды. Течение, «натякаясь» на остров, было вынуждено повернуть и зигзагообразно следовать около Саргассова моря. На востоке оно доходило до Атлантиды, на западе—до берегов Америки. Это буйное течение перед исчезновением Атлантиды

было жизненной стихией угрей, и их образ жизни за многие тысячелетия выработался в соответствии с этими условиями. Когда в результате катастрофы воды Гольфстрима направились на север и северо-восток, изменились условия жизни угрей, но они продолжали и продолжают подчиняться древнему инстинкту и отправляются для нереста в зону с «запрограммированными» условиями, хотя для этого приходится теперь namного удлинять свой путь. Высказывается еще одна версия: а не выводились ли угри в пресных водах погибшей Атлантиды? Если это так, то после ее гибели им пришлось искать новые пристанища для своего обитания, и в конце концов они попали в реки Европы и Америки...

Так или иначе, но и в наши дни наступает день и час, когда косяки угрей снова и снова покидают реки и пускаются в путь к Саргассову морю (быть может, к берегам несуществующей ныне Атлантиды). «Они не подозревают даже,—пишет О. Мук,—что Саргассово море вовсе не то, каким оно было во времена их очень далеких предков; не знают они ничего и о погибшем материке, повинувшись лишь своему инстинкту...» Каждый угорь, по мнению О. Мука, является прямым доказательством реального существования Атлантиды в далеком прошлом.

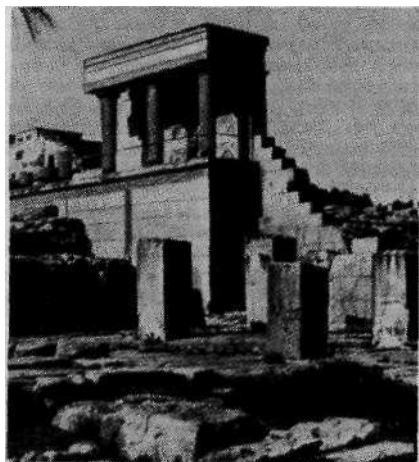
Об Атлантиде написано, и высказано во много раз больше гипотез, чем о какой-либо другой загадке минувших веков. И она будет решена, видимо, только тогда, когда человечество обретет надежные средства детального исследования морских глубин. А пора эта не за горами...

Виктор Роцаховский

Еще о пользе болот

Уже давно известно, что чрезмерное осушение болот может привести к печальным последствиям, например к понижению уровня грунтовых вод, что в свою очередь сказывается на урожайности сельскохозяйственных культур, испытывающих резкий недостаток влаги. Теперь к этим выводам следует прибавить и результаты исследований экологов из Чикаго. Они установили еще одно полезное свойство болот. Оказалось, что болотная растительность усваивает и нейтрализует токсичные соединения азота и фосфора. Заросли осоки и особенно камыша служат как бы накопителями этих веществ, не пропуская их в реки и озера. А поступают они в болота из подпочвенных вод, куда попадают из канализационных и промышленных стоков. Словом, польза болот как преграды против вредных соединений фосфора и азота неоспорима.

ПО СЛЕДАМ САНТОРИНСКОЙ КАТАСТРОФЫ



В III—II тысячелетиях до н. э. на юге Балканского полуострова, на западном побережье Малой Азии и на островах Эгейского моря процветала высокоразвитая своеобразная культура. По своим главным центрам — острову Крит и городу Микены на Пелопоннесе — она получила название крито-микенской. Именуют ее также эгейской (по морю) и минойской (по имени легендарного владыки Крита — царя Миноса).

Долгое время эта культура была известна лишь по древнегреческим мифам и трудам историков Древней Греции (Фукидида, Геродота и др.), а также поэмам Гомера. Замечательные археологические открытия за последние сто лет сделали ее вполне реальной и позволили занять принадлежащее ей по праву место рядом с высокоразвитыми цивилизациями Древнего Египта и Передней Азии. Знаменитый археолог Артур Эванс записал в своем дневнике, что это «исключительное явление — ничего греческого, ничего римского...». Высокий уровень эгейской культуры удивил мир. Древние эгейцы создали сложные по своему архитектурному решению, богато украшенные росписью дворцы, мощные крепости. Эгейская керамика и изделия из драгоценных металлов теперь широко известны. Искусство Эгейского мира несомненно является одной из вершин художественного творчества народов древности. Бассейн Эгейского моря населен издавна: еще в неолите (VI—IV тысячелетия до н. э.) на

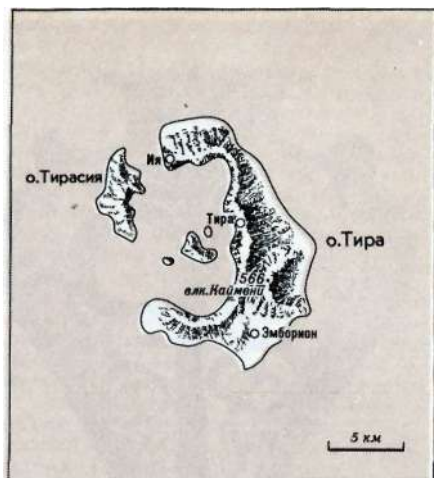
плодородной Фессальской равнине возникло много поселений. К началу бронзового века там уже шумели города, огражденные оборонительными стенами.

Второй центр неолитической культуры — Крит. Одно из самых ранних поселений находилось здесь на том же месте, где спустя несколько тысячелетий воздвигли Кносский дворец, прообраз легендарного Лабиринта.

Постепенно Фессалия, сыгравшая большую роль в развитии неолитической культуры в Восточном Средиземноморье, уступает позиции Кикладам и Криту, который к концу раннеминойского периода становится подлинным властителем Эгейского бассейна. Расцвет крито-микенской культуры наступил во II тысячелетии до н. э., о чем красноречиво свидетельствуют раскопки на Крите.

Дальнейшие события оказались роковыми для эгейцев: в середине II тысячелетия до н. э. внезапно погибли селения в прибрежной зоне восточной части Средиземного моря. Катастрофа постигла и жителей островов Эгейского моря, в том числе Крита. Был уничтожен один из главных центров Критской империи, город Кносс, и его знаменитый дворец.

Экономический, политический и культурный расцвет Критской державы сменился упадком. Некогда цветущие поселения исчезли с лица Земли. Катастрофа произошла одновременно в нескольких пунктах. Развалины Кносса, Феста, Агиа-Триады, Гурния, Мохлоса, Маллия, Па-



лекастро, Псири и других поселений Крита покрыл толстый слой пепла. Особенно яркую картину разрушения можно наблюдать в Кноссе — столице Критской империи. Дж. Пендлбери, ученик Эванса, описывает драматическую обстановку, которую он увидел в так называемом «тронном зале». Здесь был полнейший хаос. В одном углу лежал опрокинутый большой сосуд из-под масла. Культовыми сосудами, казалось, кто-то пользовался в момент катастрофы. Можно было подумать, что царь Крита в смячении поспешил сюда, чтобы вымолить у богов спасение.

Что же послужило причиной катастрофы? Вряд ли это были какие-то внутригосударственные потрясения. Видимо, тут сыграли роль внешние факторы. Некоторые исследователи склонны говорить о воинственных племенах из северных районов материковой Греции. Но археологические данные говорят против этой гипотезы. Скорее всего варварами были завоеваны лишь «обломки империи».

Английский ученый Т. П. Спратт с удивлением обнаружил, что многие древние города Крита находятся под водой, другие же современные им порты удалены от моря. Исследования геологов, океанографов и археологов говорят о том, что по сравнению с античной эпохой остров как бы повернулся по поперечной оси: восточное побережье опустилось, а западное поднялось. Некоторые мысы Крита в западной части прежде были островами. На востоке же, наоборот, остров Мохлос, когда-то часть Крита, и перешеек (ныне ушедший под воду) образовали две гавани.

В 1939 г. греческий археолог Спири-

дон Маринатос выступил на страницах английского журнала «Антиквити» с интересной гипотезой; он предположил, что причина гибели эгейской цивилизации — колоссальное вулканическое извержение на острове Санторин.

Геологический «механизм», приведший к катастрофе, раскрыли позже его соотечественник Ангелос Галанопулос и американские геологи Драгослав Никович и Брюс Хизен. Изучив образцы вулканических пород, добытые в разных местах Эгейского бассейна, они пришли к выводу, что незадолго до 1500 г. до н. э. в районе Кикладских островов и Крита произошло извержение вулкана, а 50 лет спустя — еще одно, более мощное. Именно оно нанесло цивилизации Крита страшный удар, от которого она так и не сумела оправиться. О масштабах катастрофы говорит хотя бы такой факт: огромные пространства дна Эгейского моря покрыты вулканическим пеплом. Приблизительную картину катастрофы удалось восстановить благодаря обширным археологическим раскопкам на Санторинском архипелаге, в частности на острове Тира. Обнаруженные там произведения искусств и ремесел принадлежат к периоду расцвета эгейской культуры. Отметим, что древние поселения Тиры, погребенные под слоем пепла, стали известны еще в 70-х гг. прошлого века благодаря геологическим исследованиям французского ученого Ф. Фуко.

В глубокой древности там существовал небольшой скалистый остров, образованный сланцами и мрамором. В результате вулканических извержений образовался конус. После взрыва он разрушился, но его остатки сохранились до наших дней в виде островов Тиры, Тера-



Сосуд с пальмами. Арголида—XV в. до н. э.

сии и Аспрониси. Фуко доказал, что в момент взрыва вулканический остров был уже населен. Найдены развалины домов, построенных из нетесаного камня, необожженные глиняные сосуды, каменные орудия, запасы ячменя и олив. Все это говорит о том, что население занималось земледелием и ремеслами. Большое количество дерева, которое шло на постройки, вызвало предположение, что этот остров был покрыт густым лесом. Период больших извержений, тянувшийся, по-видимому, довольно долго, начался катастрофой, в результате которой были погребены под пемзовыми массами древние поселения, и кончился разрушением главного конуса.

Дальнейшие раскопки существенно дополнили сведения о минойских поселениях на Санторинском архипелаге и их трагической гибели. В южной части острова Тира, близ селения Акротира, под многометровой толщей вулканического пепла, получившего название пуццолана, обнаружено поселение городского типа площадью более 1 км². Очищенные от пепла кварталы рассказывают о былой жизни некогда цветущего города. Обнаружены двух- и трехэтажные дома с остатками кровли, опирающейся на колонны. Небольшие лоджии, вестибюли с каменными скамьями, высокие коридоры вели во внутренние покои с многочисленными

нишами и выступами. Главные помещения отапливались каминами.

Фрески, обнаруженные на стенах домов, поразительны. Самая большая из них занимает 16 м². На ней изображен пейзаж острова до катастрофы—холмы, валуны, красные лилии, склоняющиеся под порывами ветра, и летящие над ними ласточки. На другой фреске грациозно ступающие антилопы, в наши дни сохранившиеся лишь в Африке.

Обнаружена масса ритуальных сосудов, фигурок жертвенных животных. Найдены фрески, на которых изображены процессии женщин в натуральную величину со священными дарами.

Полагают, что античный город тянулся поперек всего острова и заканчивался гаванью, удобной для кораблей. В те времена на краю кратера жило больше 30 тыс. человек. При взрыве Санторина и погружении кальдеры северная часть города разрушилась, южная была погребена под продуктами извержения, а часть ушла под воду. Остатки городских сооружений обнаружены на глубине до 20 м.

Все сказанное не оставляет сомнения в том, что этот крупный город, существовавший в эпоху расцвета крито-минойской культуры, погиб в результате вулканического извержения.



Ритон с морскими звездами. Като—Закро—XV в. до н. э.



Юноша с короной («принц»).
Кносс—XVI в. до н. э.

Обнаружение его можно сравнить с открытием Геркуланума и Помпеи, погибших при извержении Везувия. Примечательно, что в бывшей столице Санторин найдено лишь два человеческих скелета. Это говорит о том, что в отличие от Везувия активизация вулкана Санторин не была внезапной. Жители успели покинуть остров. Быстроходные суда увозили их на Крит, а возможно, и в Малую Азию и на Африканский материк.

В общей сложности при санторинской катастрофе действовали четыре фактора разрушения: землетрясение, взрывная волна, цунами и тучи горячего пепла. На санторинскую катастрофу обратили внимание совсем недавно. Однако и до этого многим казалось странным, что почти вертикальная, высотой примерно 300 м внутренняя сторона серповидного острова Тира как бы отполирована гигантской рукой. Но наличие такого большого вулкана (диаметр кальдеры примерно 14 км) в Средиземноморье представлялось невозможным.

Руководимая Г. Гаертрингеном немецкая экспедиция обнаружила следы санторинской катастрофы в 1895—1898 гг. Однако тщательные исследования начались только после 1939 г., когда грече-

ский археолог Спиридон Маринатос первым связал санторинскую катастрофу с внезапной гибелью эгейской цивилизации. В связи с этим интересно заметить, что более 100 лет назад академик Авраам Сергеевич Норов (1795—1869) связывал катастрофу в Эгее с потопом Девкалиона, датируя это событие 1450 г. до н. э. Поразительно, что ученый с такой точностью назвал дату наводнения, опустошившего побережье Средиземного моря. Только много лет спустя греческий сейсмолог А. Галанопулос пришел к выводу, что миф о потопе Девкалиона можно сопоставить с реальными катастрофическими событиями. Известный советский географ Л. С. Берг, высоко оценивая гипотезу А. С. Норова, высказывал мысль о существовании в давние времена в районе Эгейского моря обширной суши, остатки которой и есть современные острова Киклады, Крит, Хиос и др.

При подведении итогов работы нескольких археологических экспедиций была установлена грандиозность катастрофы на острове Тира. При изучении морского дна Эгейского моря с помощью специальных трубок-грунтоносов, опускаемых на дно моря с палубы корабля, были обнаружены в колонках донных осадков восточной части Средиземного моря два слоя вулканического пепла, который геологи называют тефрой. Эти принесенные ветром и упавшие в море мелкие частицы пепла во много раз меньше песчинки и состоят в основном из бесцветного вулканического стекла.

Д. Нинкович и Б. Хизен установили,



Девушка--парижанка..
Кносс—XV в. до н. э.



**Ритон в виде головы быка.
Микены—XVI в. до н. э.**

что два слоя тефры соответствуют двум извержениям. По взятым пробам они составили карту распространения этих двух вулканических слоев и выяснили их толщину: нижняя тефра — максимум 22 см (проба взята к юго-востоку от Санторина); толщина слоя верхней тефры превышает 2 м (вблизи Санторина).

Вулкан Санторин по возрасту необычайно молод: он возник всего 200—100 тыс. лет назад. За это время образовался первичный конус. Из-за общего погружения древнеэгейской суши подножие вулкана оказалось под водой, и он стал островом. Когда давление газов и раскаленной лавы превысило прочность горных пород, вулкан взорвался, и огромные массы пара и газов вырвались наружу, поднимая на высоту 30—40 км гигантское количество пепла — так образовалась нижняя тефра.

Новый цикл извержений начался в образовавшейся кальдере Санторина, где благодаря вулканической деятельности постепенно возникли новые небольшие острова — Акротири, Лумарави и Фанари (южная часть кальдеры). В северной ее части образовался крупный остров Тира, который постепенно сросся с малыми островками. Главный очаг вулкана угас, на самом севере действовал лишь вулкан Перистер. На западе формировался еще один вулкан — Симандир. Таким образом, перед минойской катастрофой, образовавшей верхнюю тефру, Санторин представлял собой сложную группу сросшихся друг с другом вулканических конусов, расположенных преимущественно по его

периферии. Центральную часть кальдеры невозможно восстановить, так как при катастрофе она обрушилась и эти участки острова рухнули в воду. Однако, видимо, центральная часть острова представляла собой равнинную территорию.

В момент катастрофы более 130 км³ вулканических продуктов было выброшено в воздух, и вокруг погибло все живое. На месте 2000-метрового конуса вулкана появилась впадина диаметром 14 км и глубиной до 300 м (ниже уровня моря). На остатках горного массива отложился примерно 30-метровый слой белой пемзы и красно-розового туфа. Основная часть вулкана была отброшена далеко в море.

Общая картина санторинской катастрофы теперь уже достаточно ясна. По масштабам ее можно сравнить с таким стихийным бедствием, как извержение вулкана Кракатау в 1883 г., в результате которого погибло более 36 тыс. человек. Тогда столб из пепла и водяных паров достиг 80-километровой высоты и был виден на расстоянии 700 км. Взрыв был слышен в Австралии и на Мадагаскаре; волна цунами, возникшая при катастрофе, имела высоту 36 м, во время извержения было выброшено в атмосферу 50 км³ вулканических продуктов.

Можно предполагать, что при санторинской катастрофе разрушения были еще более грандиозными. Следы волны цунами, возникшей после взрыва, видны на острове Крит на 30-метровой высоте. А вскоре берегов острова достигло и облако из горячего пепла и лавовых частиц, уничтожая все, что еще осталось после цунами. В ограниченном бассейне Эгейского моря это привело, несомненно, к гораздо большему жертвам, чем на просторах океана. Следы санторинского пепла и пемзы найдены на островах



Богиня со змеями



«Арфист». Музыкант с о. Аморгаса (III тысячелетие до н. э.). Кувшин с о. Крит

Анафи, Псара, Кос, Милос, Наксос и других, а также в прибрежных зонах Северной Африки, Малой Азии и даже в Македонии.

Район катастрофы долго оставался необитаемым. Только в некоторых местностях Южного Крита (например, в Агия-Триаде) найдены следы поздних поселений. Но в конце концов был восстановлен дворец в Кноссе, который использовался для жилья примерно до 1190 г. до н. э., когда вторжение греков-дорийцев из северных частей материковой Греции положило конец эгейской культуре.

Критская империя была в основном морской державой, поддерживала тесные связи почти со всеми близлежащими странами. Владыки Крита держали в своих руках основные торговые пути в Средиземноморье, поэтому торговля приносила большие доходы.

Естественно, что такая ужасная катастрофа не могла не оставить следов в памяти народа. Правда, дальнейшие события оказались не особенно благоприятными для тех, кто пережил катастрофу. Вторжение ахейцев, а затем и дорийцев из северных частей материковой Греции, частые войны между отдельными городами-государствами не способствовали сохранению мифов и преданий. Одно из первых сведений о санторинской катастрофе—миф о великане Талосе, который стерег Крит, кидал в странников

камями и прижимал их к своей раскленной груди. Предание о потопе Девкалиона содержит сведения о гигантских волнах, которые внезапно затопили острова Эгейского моря, опустошили берега Македонии. По словам Страбона, они были видны в Нижнем Египте и Киренаике.

Миф об огнедышащем чудовище Тифоне и фрагменты «Войны титанов» Гесиода также, видимо, имеют первоосновой рассказы оставшихся в живых свидетелей катастрофы.

Катастрофа на Тире, ставшая трагедией и для всех близлежащих земель, подорвала экономическую и военную мощь Критской империи. Однако только ли взрыв вулкана и сильное землетрясение послужили причиной гибели поселений на островах Эгейского моря и на прибрежных участках Европы и Малой Азии?

Предания, мифы и легенды, конечно, источник не слишком достоверный, но для составления какой-либо общей картины исторических событий нужно учитывать и их. До нас дошли и более точные сведения — древние хроники, высеченные на стенах египетского храма в Мединет-Хабу, в которых говорится о вторжении «народов моря» во владения фараонов. Родина «народов моря», сообщают хроники, подверглась землетрясениям, города их погбили, леса были объаты пламенем.

Это и заставило «народы моря» двинуться на восток и вторгнуться во владения Египта. Они приплыли на судах и вступили в союз с кочевниками-ливийцами (предками берберов). Египту пришлось вести кровопролитную войну и на суше, и на море. Только с огромным трудом, понеся большие потери, войска египтян смогли отразить нашествие врагов и защитить свою страну.

Находилась ли родина пришельцев на островах Эгейского моря, в частности на Тире и Крите, или же катастрофа послужила толчком, который привел в движение различные племена и народы Восточного Средиземноморья, сокрушившие Критскую империю? Ответить на эти вопросы может лишь дальнейшее всестороннее изучение Эгеиды, окончательная гибель которой произошла уже на памяти человечества.

Итак, Минойское государство III—II тысячелетия до н. э. занимало весь бассейн Эгейского моря. Наиболее крупные поселения располагались на Крите и Тире. Где находилась столица Минойского государства, пока неизвестно. Найденный на Тире город не уступает по размерам и пышности Кноссу—центру острова Крит. Санторинский вулканический массив был удивительно удачно приспособлен для создания там неприступной военной крепости, поэтому именно на Тире было целесообразнее всего держать военный флот на случай нападения врагов и для того, чтобы распространять свою власть на отдаленные территории Средиземноморья, например в Италии, Сицилии и на Липарских островах, которые, по-видимому, лишь частично и недолго подчинялись минойцам. Данные говорят

о том, что народы, населявшие Западное Средиземноморье, не всегда подчинялись Минойской державе. Вероятно, минойские поселения возникали в Крыму. Они вели торговлю с народами Северной Европы. Об этом свидетельствуют находки на Крите и в минойских гробницах в Греции. Это, в частности, изделия из прибалтийского янтаря. На южном побережье Британских островов найдены оловянные слитки в форме хвоста ласточки, принятой на Крите, а в курганах к северу от Темзы—фаянсовые бусы, кинжалы и золотые кубки минойского типа.

Критские изделия находят в Месопотамии и даже в Индии, в дельте реки Ганг. Среди них миниатюрная терракотовая печать с изображением летящего быка. По мнению директора Калькутского музея А. К. Бхаттачария, она напоминает те, что найдены на Крите в культурных слоях III—II тысячелетия до н. э.

Крупные достижения в археологии в последнее время заставили по-иному оценить многие древние предания. Раскопки в Восточном Средиземноморье открыли неизвестную ранее культуру и установили причину упадка ее в результате грандиозного извержения вулкана Санторина в XV в. до н. э. Что можно ожидать от дальнейших исследований? Прежде всего дополнительных данных о культуре и быте минойцев, расшифровки их письменности, так называемого линейного письма «А», наконец, ответа на вопрос, можно ли отождествлять Минойскую империю с Атлантидой Платона.

Аво Туйтс

Найден атлас Донкера

При разборе архивных полок в национальной библиотеке Австралии был найден старинный фолиант довольно солидного размера. Долгое время он лежал незамеченным в разделе документов по земельной собственности конца XVIII в. Находкой оказался один из старейших атласов мира, известный как «Морской атлас Донкера». Консультации с европейскими специалистами доказали, что обнаружен единственный сохранившийся в мире образец работы известного голландского картографа Хендрика Донкера. Создан этот атлас в 1659 г. в Амстердаме. Он составлен из 19 карт. На одной из них, кстати, есть и Австралия, но... этот континент обозначен лишь приблизительными линиями. Условными контурами даны очертания западного и частично южного побережья. Очевидно, атлас завезен в Австралию каким-то мореплавателем.

СОБАЧЬИ АРИСТОКРАТЫ САМОГО ПРОСТЕЦКОГО ПРОИСХОЖДЕНИЯ



Недавно произошел такой случай: молодого пса породы чау-чау шестнадцати месяцев от роду привезли из Европы в Северную Америку и продали там за баснословную цену. «Это самая высокая цена, когда-либо заплаченная за собаку», — с гордостью констатировали американские журналы.

Те люди, для которых степень значимости всего на свете определяется рыночной стоимостью, стали воспринимать чау-чау как наиболее родовитую породу собак. Кстати, «голубая» кровь у них налицо: это единственная порода собак да, пожалуй, и вообще единственное животное с совершенно синим языком. Если у «смеющегося» чау-чау из пасти свисает не иссиня-черный, а пятнистый или, не дай бог, розовый язык, то это просто-напросто никакой не чау-чау, хотя бы у него и был глубокомысленно наморщенный лоб (как полагается этой породе) и задорной баранкой загибался бы вверх пушистый хвост!

Если покопаться в родословной у людей, кичащихся своим знатным происхождением, сплошь и рядом выясняются самые неожиданные вещи. То же относится и к родословным породистых собак.

Чау-чау родом из Китая. Но на своей родине они отнюдь не нежились в покоях знатных мандаринов, как, например, маленькие лохматые курносые болонки «пекинес», а были вынуждены зимой на

севере возить санки и охранять крестьянские дворы, стеречь овец, помогать во время охоты, словом, это были обычные трудолюбивые четвероногие. Правда, что касается древности происхождения, то их генеалогическое древо действительно уходит в глубь веков: собаки эти известны не менее двух тысяч лет! Сохранилось прелестное маленькое керамическое изделие, датирующееся 150 г. до н. э., на котором изображен чау-чау, причем точно такой, какие бегают сегодня по улицам Берлина. Даже поводок на нем в виде маленькой изящной сбруи.

Но по-настоящему интересным все это становится тогда, когда дело доходит до значения самого названия «чау-чау». По-китайски это звучит как «чау кау», что означает «съедобная собака».

В 1880 г. в Кантоне было двадцать ресторанов, в которых подавались блюда исключительно из собачьего мяса. «Съедобных собак» специально откармливали одной лишь растительной пищей и по достижении шестимесячного возраста забивали. Особенно вкусными считались черные чау-чау, а наиболее лакомым блюдом — их язык. Европейским туристам в китайских «чайных домиках» во внутренних районах Китая часто подавали запеченную ветчину, а по окончании обеда предьявляли весь окорок, который оказывался собачьим. В китайских деревнях существовало особое ремесло — свежевание собак.



Собаки чау-чау весьма древнего происхождения—они известны не менее двух тысяч лет!

В Корее разведение собак для откорма тоже было обычным делом. Состоятельные люди там выбирали вместо жирной курочки аппетитную собачку. Собачье мясо считалось деликатесом не только на Азиатском континенте. В африканских странах, для того чтобы быть допущенным ко двору вождя, следовало появляться там с несколькими откормленными собачками.

Когда первый пароход приплыл в страну индейцев сиу, вожди двух влиятельных родов пригласили белых пришельцев на праздничный пир.

— Мы дарим вам свои сердца,— заявили они в разгар пиршества,— смотрите, мы зарезали своих верных собак, чтобы накормить вас ими, и Большой Дух скрепит этим нашу дружбу!

По-видимому, все индейские племена, за исключением разве что дакотов, в прежние времена лакомились собачатиной.

Во время осады Парижа немцами в 1870 г. можно было увидеть пять воздушных шаров. На них пять собак благополучно пролетели над вражескими войсками и исчезли вдали. По-видимому, привязанность владельцев к своим четвероногим была столь сильна, что их спасли таким способом от посягательств парижан, терзаемых нестерпимым голодом. Именно в эти недели в Париже стала появляться в продаже «баранина», а собаки куда-то исчезли... Более того, меню ресторанов открыто начали предлагать

бифштексы из собачатины рядом с жареными молодыми крысами.

Но и в мирные времена одно селение близ Потсдама «прославилось» своими любителями собачатины. Тому, кто бывал в этом районе, советовали не спускать свою собачку с поводка. Судя по статистическим сведениям, еще в сравнительно недавнее время в Германии в районах Хемница, Лейпцига, Дрездена, Цвиккау ели собачье мясо.

Есть люди, рассматривающие его как изысканный деликатес, а есть и такие, которые наивно полагают, что смогут вылечить астму, натираясь собачьим салом. На мой же взгляд, поедание собак, наших верных и преданных друзей,— самое настоящее варварство. Его следует строжайше запретить.

Первых «съедобных собак» — чау-чау, прибывших из Китая в Европу, к счастью, не съели. Было это в 1780 г., когда какой-то матрос взял с собой на корабль двух малюсеньких щенят. Один английский священник описал эту породу, отметив помимо синего языка еще и прямые задние ноги, без привычного у других собак изгиба. Однако стать родоначальниками наших сегодняшних европейских чау-чау этим двум экземплярам не было суждено. Ими стали собаки, завезенные гораздо позже, через целых сто лет, и экспонировавшиеся поначалу в зоопарках рядом с обезьянами и попугаями. До тех пор, пока ими не занялись собачьи питомники.

Один из этих «синезыких», по кличке Чау Восьмой, завезенный из Китая в 1895 г., заняв на выставке собак призовое место, был затем продан за две тысячи марок и стал, по слухам, родоначальником многих поколений европейских и американских чау. Эти собаки постепенно становились все «благороднее», все более «голубых» кровей. Однако китайские имена им дают охотно и по сегодняшней день, например Ай-чинг («любящее сердце»), Куан-ин («богиня»), Май-май («младшая сестра»), Ву-тип («бабочка»), Шипп-пэ («певунья»). Подобные клички производят значительно большее впечатление, чем просто Жучка или Пират...

Когда я у одних моих знакомых фотографировал чау-чау, то явственно ощущал, как неприятно пробирает меня ледяной сквозняк неоттапливаемого вести-

бюля. Даже сквозь подошвы ботинок проникал омерзительный холод, исходящий от каменных плит, покрывающих пол. Какой густой и теплой должна быть шкура такой «съедобной собаки», я понял только тогда, когда Хиен-тцу («многоуважаемый господин») и Кум-сум («золотое сердце») преспокойно разлеглись спать на этом каменном полу (см. заставку).

Они и на самом деле очень приятные, степенные и представительные собаки, эти чау-чау. В Европе они нашли своих ценителей, и действительно представляют благодаря своей оригинальности большую ценность.

Бернгард Гржимек

Перевод с немецкого
Евгении Гевской

К озеру журавлей — не подходить!

Малый Балатон был когда-то заливом большого озера, но постепенно обмелел от наносов впадающей в него речки. Недавно значительная часть этого мелководного озера объявлена особым заповедником. Ученые заметили, что на его берегах охотно поселяются редкие в Европе птицы — журавли, белые цапли, дунайские чайки. Чтобы семейство птиц спокойно обосновалось на Малом Балатоне и размножилось, посещение озера на несколько лет запрещено. Туда допускаются лишь орнитологи, следящие за состоянием гнездовий. Кроме того, ученым поручено защищать птиц от хищников.



Следы гигантского удара

Около пяти миллионов лет назад в том месте на Чукотском полуострове, где сейчас находится озеро Эльгыгытгын, произошла встреча нашей планеты с огромным каменным метеоритом. Космический пришелец, вероятнее всего, имел в диаметре около полукилометра. В результате этого катаклизма и образовалась глубокая впадина, где сейчас плещутся воды озера. Это было определено экспедицией геологов АН УССР. Обследуя берега озера, они обнаружили явные следы гигантского удара — кольцевые разломы, оплавленный кварц и гранит. «Брызги» из камней были разбросаны на десятки километров вокруг кратера.

Работа ветра

Ураганы и смерчи, поднимая в воздух частицы верхнего слоя земли, уносят их на большие расстояния. Известны, например, случаи, когда песок Сахары оседал в Лондоне. Австрийский географ Франц Герберт решил подсчитать с помощью ЭВМ примерный тоннаж пыли, которая уносится с Африканского континента. Цифра оказалась внушительной — около 21 млрд. т.



Зима 1793 г. была на исходе. Стояла сильная оттепель, и лошади с трудом тащили громоздкие сани, в которых сидел Паллас. Его путь пролегал от Москвы через Царицын в Крым. Первопрестольная давно скрылась за окомом. Предстояло переправиться через Клязьму по льду, но оттепель сделала свое дело: на льду тускло отсвечивали линзы воды. Здоровенный ящик в обтерханном тулупе резко остановил коней, повернул к задумавшемуся Палласу лицо, по самые глаза заросшее рыжей бородой.

— Что делать-то, ваша милость?

Паллас остро глянул на него, на реку, и в голубых глазах мелькнула усмешка.

— Ничего, — спокойно сказал Паллас. — Я покажу дорогу.

— Опасно, ваша милость... Может, до ночи обождешь? Покрепчает мороз.

— Ждать некогда.

Паллас тяжело вылез из саней — прожитые годы ощутимо давили на плечи — и уверенно ступил на лед.

До середины Клязьмы все шло хорошо. Кося глазом на разводья, кони послушно шли за поводырем. И вдруг злоеши треск, лед прогнулся и лопнул. Паллас чуть не по шее провалился в полынью. Хорошо, что не выпустил узду! Коня вскинули головы, испуганно шаркнулись в сторону и выволокли Палласа на лед.

— Ох-ти, барин! Да как же это?!

Ящик прыгнул с облучка, ухватил академика за ворот мокрой шубы.

Чувствуя, как озноб сотрясает тело, Паллас лежал под кое-как отжатой шу-

бой. Сорок верст бежали кони во весь дух до ближайшего села. Паллас клял себя за оплошку. Объехать десятки губерний России и тут, на обжитой Русской равнине, недалеко от Москвы, провалиться под лед. А ведь в новых краях опасности были не в пример грознее. Ан, обходилось... В памяти ожили мрачные чащобы вогульских лесов, дикие, безлюдные горы Алтая, гнилые болота. Все было! Странствия в камышово-осоковых низовьях Яика, изнуряющая летняя жара в степях Прикаспия, солончаки. Горы и леса Забайкалья, расслабляющий воздух Закаменной Даурии — такой легкой и «весьма летом упругий», а на самом деле источник хворобы, которая свалила почти всех спутников. Все прошел ты, Петр Симон сын Палласа, нигде не оступился.

Может, так, а может, иначе думал российский академик после купания в ледяной Клязьме. Что знаем мы о нем? В. Н. Маракуев, автор конца XIX в., писал: «Частная жизнь Палласа почти неизвестна, так как все внимание его современников сосредоточивалось на его учениости». Но вот свидетельство русского путешественника В. Измайлова: «Выражение его лица приятное, но наружность не представляет ничего особенного. Он имеет лицо умное, выражение кроткое, и при первом взгляде можно видеть, что зло никогда не приближалось к его сердцу. Речь его проста и занимательна. Характер ровный и веселый. В разговоре он не переходит быстро от одного предмета к другому. В произведениях его виден ученый, в разговоре же

виден человек и хороший философ... Он отличается необыкновенной скромностью и мало заботится о своей славе, не привязан к блеску.

Он думает, что всеобщее усовершенствование ума, царство добродетели не могут никогда быть на земле. Наука же должна быть собственностью некоторых избранных умов, другие же должны довольствоваться лишь легкой корою истины... Сама истина должна бы оставаться только между нами, академиками.

Признаюсь, что такая гордая мысль в самом негордом человеке едва может быть в моих глазах оправдана даже чувством негодования, которое возбуждала в Палласе кровавая эпоха нашего времени».

Чем же дорог нам, людям двадцатого века, академик Паллас?

Русские ученые, как известно, немало сделали в борьбе с метафизическими взглядами на природу. Попытки связать между собой отдельные природные явления, определить их обусловленность, всесторонне подойти к изучению географических зон — все это характерные черты работ современников и последователей М. В. Ломоносова — И. И. Лепехина, П. И. Рычкова и других. Среди этих исследователей достойное место занимает Петр Симон Паллас. Родился он 22 сентября 1741 г. в семье профессора анатомии Берлинской медицинской академии. Отец Палласа — немец, родом из Пруссии, мать, Сюзанна Леонард, — по происхождению французженка. Мальчик получил хорошее образование. До 13 лет воспитывался дома — учителем и отцом. Затем слушал лекции по анатомии, физиологии, ботанике в медико-хирургическом колледже. Любимой же наукой Палласа была зоология. В раннем детстве Петр Симон изучил латынь, английский и французский. Рано проявил склонность к самостоятельным исследованиям: в 15 лет составил классификацию птиц на основании формы клюва, вел наблюдения над образом жизни гусениц.

1758 год Паллас провел в Галле, изучая математику, физику, минералогию, естественные науки. Затем продолжил образование в Голландии, которая славилась своими зоологическими коллекциями, собранными в обширных колониях. Вскоре он защищает в Лондоне докторскую диссертацию на тему «О паразитах, живущих в теле животных». Паллас предложил новую классификацию червей, доказав ошибочность Линнеевой. Позже Кювье высоко оценил эту работу.

В июне 1762 г. Паллас возвратился в Берлин. Отцу не удалось выхлопотать ему место врача, и Петр Симон опять едет в Голландию. Трехлетнее пребыва-

ние в Гааге — плодотворный период в жизни 19-летнего ученого. Появляется его труд «Исследование зоофитов» (1766), где выдвигается важная мысль: «Начиная с простейшей, природа постепенно изменяет и преобразует органы сообразно их назначению и... привносит в простое нечто новое, улучшает его». В ряде работ он поднимает вопросы географии обитания животных, описывает редкие виды амфибий, моллюсков, птиц. Эти труды приносят Палласу европейскую известность. Он избран членом многих научных обществ, Лондонской и Римской академий наук. Но от материальной нужды не избавился: издание сочинений не позволяло даже прокормить семью (в 1767 г. Паллас женился), а ведь ученый мечтал о больших путешествиях для сбора фактических данных.

Страстная мечта Палласа сбылась неожиданно. В 1766 г. Екатерина II решила закончить «дело Петра» — всестороннее обследование России. И вот лейпцигский профессор Людвиг рекомендует императрице Петра Симона Палласа. Вскоре его избирают академиком и профессором натуральной истории Петербургской Академии наук. Академия обязалась платить ему по контракту 800 руб. в год — для того времени сумма немалая! Со своей стороны Паллас дал слово ревностно исполнять «должность, изобретать нечто новое в своей науке, подавая со временем сочинения для академических комментариев... Сверх того, быть при академических натуральных кабинетах, стараться умножить оные достойными вещами».

Так называемые академические экспедиции охватили огромную территорию — от Поволжья и Урала до Ледовитого океана, от Петербурга и Москвы до Забайкалья и Кяхты. Они открыли новую эпоху в изучении России. После издания описаний путешествий Палласа, Гмелина-младшего, Лепехина и других география нашей страны впервые становится на прочную основу. Академик Л. С. Берг писал: «В течение 1768—1774 гг. Академия, можно сказать, открыла всему свету новую часть мира — Россию. Грандиозный план исследований, широта размаха их и удачный подбор руководителей до сих пор вызывают изумление».

Паллас возглавил Первую Оренбургскую экспедицию, которая за четыре года (1768—1772) всесторонне обследовала Заповолье, Закамье, местность вдоль Уральского хребта и р. Урал — от Перми до Гурьева. С Палласом были «студенты Академии» (будущие академики) В. Ф. Зуев, Н. П. Соколов, а также Антон Вальтер, «чучельник» Шуйский, рисовальщик Дмитриев. Позже к отряду присоединились капитан Н. П. Рынков, географ И. Георги и другие. В путешествии Палла-

са сопровождала жена, не побоявшаяся тягот странствий по России.

Нагруженный тяжелой кладью обоз экспедиции выехал из Петербурга 21 июня 1768 г. С первого же дня Паллас аккуратно заносил в путевой дневник свои наблюдения. Значение этих записей огромно. Необыкновенный талант наблюдателя виден здесь в каждой строчке. Русский натуралист начала двадцатого века Э. Ф. Люткевич говорил: «Описания природы Скифии у Геродота, Галлии у Цезаря, Германии у Тацита неизвестны, ибо никакой естественный наш современник не находит в этих странах полной картины описанной ими природы. Такое именно значение... имеют труды великого ученого — Петра Симона Палласа: в них содержится немало данных, которые в настоящее время уже перестали существовать и сохранились лишь в интересных и точных его описаниях». Результатом его исследования стал монументальный труд «Путешествие по разным провинциям Российской империи» (2000 страниц «ин кварта» с многочисленными рисунками), вышедший в свет в 1773—1788 гг. Здесь описаны местности Юго-Восточной России, Урала, Сибири, Прикаспия, Поволжья, Северного Кавказа, Забайкалья в том виде, какими они были двести лет назад, когда флора и фауна значительно отличались от нынешних. С величайшей точностью академик описал горы, степи, реки, озера, флору и фауну (более 425 видов и разновидностей птиц, 150 млекопитающих и т. д.), климат, дал этнографическое и антропологическое описание многих народностей России. Особенно замечательны его описания Великих Булгар, столицы прикаспийских болгар в VII—IX вв., уральских и саянских могильников, древностей Юга России.

В реке Клязьме Паллас изучал рыбье население. Вот образец его стиля: «Река Клязьма, большой излучиной до города (Владимира.— *Е. Ч.*) касающаяся, нарочито изобильна рыбою, а особливо в ней много судаков, окуней, ершей, шук, подустов, жерехов, головлей, плотвы, язей, уклейки и проч. Стерлядей ловят только редко, а еще реже, и почти в одной только речке Нерехте, текущей в Клязьму, попадают форели».

На реке Пьяне (у д. Барнуково) он впервые описал карстовую пещеру (ныне знаменитая Варну конская пещера). А в ноябре 1768 г. в верховьях рек Кинели и Самары Паллас обнаружил сайгака и тоже впервые подробно описал его. На Волге он указал местным рыбакам на нелепость поверья о несъедобности «железницы» (сельди-черноспинки) и рекомендовал коптить ее. Лишь в конце XIX в. этот вид занял принадлежащее

ему по праву место в рыбном хозяйстве бассейна Волги. В тридцати верстах от Симбирска, на реке Бирючае (притоке Свяги), были найдены остатки скелета мамонта. Паллас принял их за кости индийского слона, высказав в то же время мысль о происхождении их «от древних и важнейших стремительных перемени земного шара». Дикую лошадь, бредившую табунами в истоках Бузулука и Большого Иргиза, он назвал *Equus esuiferis*. Некоторые современные зоологи считают ее тарпаном, другие — лошадью Пржевальского. Ныне тарпан исчез почти совсем.

Ничто не ускользало от взгляда Палласа. В Яицкой степи он обнаруживает «...знатный шанец, который известен яицким казакам под именем Маринкина городка; но они не знают больше никакого о том известия, как только сие, что Маринка была такая женщина, которая в прежние времена ходила на разбой из онаго городка. За вероятное почтение можно, что сие место укреплено и проименовано по Марине Сандомирской, супруге ложнаго Димитрия. Маринкин городок находится на высоком степном месте при буераке...». Исследуя возвышенности Ергени, Жигули, Общий Сырт и различия флоры к северу и югу, Паллас высказал предположение, что Общий Сырт и Ергени—это древний берег Каспия, который некогда сообщался с Черным морем. В Гурьеве пристальное внимание Палласа привлекли колебания уровня Каспия, и он догошно расспрашивал об этом старожилов.

— И-и, батюшка! Да Каспий завсегда колебался! В году семьсот тридцатом, этта, значит, лет за сорок до твоего приезде, ой как низко стояло море. Дунет с севера ветер, воду стонит—дык гуляй себе пешком на энти острова!—Собеседник Палласа показал на лежащие перед устьем Урала острова Каменный, Песчаный, Камынин, Пешной.—Ан вдруг весной тады же прибыло на шесть сажень. И три острова из энтих исчезли! Ишо протекло время, опять Каспий убыл. Три лета назад опять вода поднялась. И чевой-то Каспий дышит так, барин? Растолкуй нам.

Внимательно выслушав старожилов, Паллас колебания уровня моря поставил в зависимость от пополнения его запасов водами рек, то есть связал с циклами климата, что в основном согласуется с современными представлениями. Из барометрических наблюдений Паллас определил, что Каспий на 20 м «ниже» Черного моря. В наши же дни эта разница еще больше.

Летом 1770 г. Паллас исследует юго-восточный склон Уральского хребта и прилегающую к нему часть Западно-

Сибирской низменности. Вслед за Страленбергом он считает правильным провести границу между Европой и Азией по Уральским горам, затем на юг по «степному горному хребту» (Общему Сырту). Созданная им схема общего строения Уральских гор позже легла в основу его теории о генезисе горных хребтов Земли. Весьма ценные наблюдения этого времени — описание остатков мамонта и быка последней межледниковой эпохи. Именно Паллас внес белого журавля — знаменитого стерха в анналы науки, и потому латинское название птицы — *Glus leucogeranus Pallas, 1773*.

В 1771 г. им была изучена северо-западная часть Алтая, в том числе Тигирский хребет, где описан колонок. На основе изучения вертикальной слоистости в морских отложениях на берегах реки Томи Паллас выдвинул мысль о мощных процессах — факторах образования горных краяхей.

1772 год был годом Байкала и Забайкалья. Паллас добрался до Кяхты. В Иркутске Палласу принесли череп и две ноги «какого-то незнакомого и ужасной величины тела», обнаруженного в вечной мерзлоте близ Вилуйска. Череп покрывала кожа, местами сохранилась шерсть, на ногах — сухожилия. Академик признал в остатках ископаемого шерстистого носорога. В степях Даурии он описал кулана (ныне его нет там), голубую сороку (аналог только на Пиренейском полуострове), индийского журавля. Исследуя Байкал, Паллас задумывается над вопросом: каким образом попал в озеро тюлень? Здесь же он впервые описал замечательную байкальскую рыбу голомянку.

И еще. Многие слышали о «Палласовом железе». Что это? Так названа ценнейшая находка ученого — сорокапудовая глыба железа, пустоты в ней были заполнены минералом оливином. Глыбу нашел лет за тридцать до приезда Палласа казак Медведев на берегу Енисея. Академик доставил ее из Красноярска в Петербургскую Академию наук. Паллас считал «железо» телом земного происхождения, на самом деле это — метеорит.

В июле 1774 г. академик Паллас вернулся в столицу. Путешествие закончилось. Молодой и здоровый до отъезда, Паллас выглядел изможденным стариком, хотя минуло ему всего 33 года! Он был сед, его мучило острое воспаление глаз, докучало желудочное заболевание. Вскоре умерла его верная спутница жизни, оставив четырехлетнюю дочь. Паллас стойчески перенес несчастье, его

поддерживало сознание исполненного долга: «Блаженство видеть природу в самом бытии, учиться ей служило мне за утраченную при этом юность и здоровье лучшей наградою, которую от меня никакая зависть не отнимет».

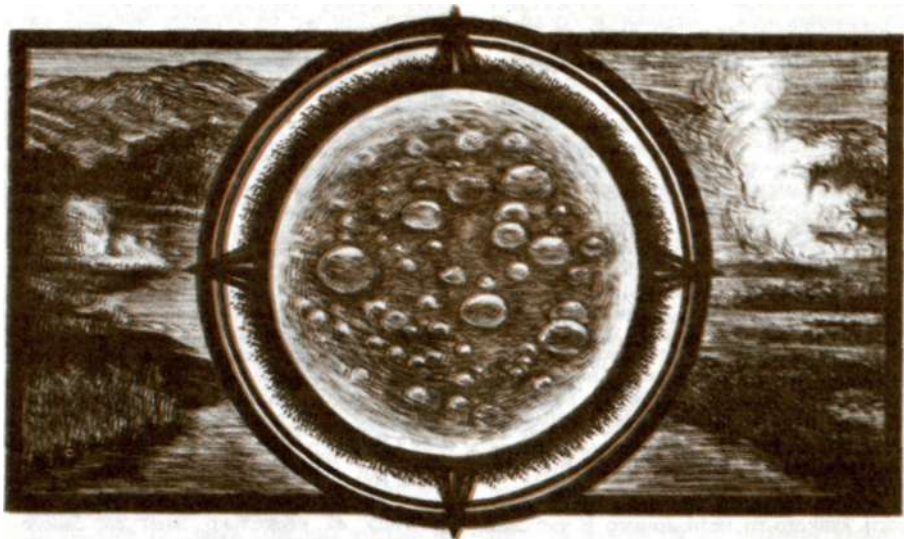
Проходит несколько лет. Как ни спокойна жизнь Палласа в столице, его, природного натуралиста, тянет к полевым исследованиям. В начале 1793 г. он едет в последнее свое путешествие — на юг России (через Москву, Царицын, калмыцкие степи в Крым). Он много ездил по Крыму, тут в полном блеске развернулся его талант описывать малоизвестный край. Палласа очаровала дивная природа Тавриды, теперь он мечтает провести здесь остаток жизни. Но, увы! Климат для него оказался неблагоприятным, он несколько не поправил здоровья. Кроме того, Палласа мучила оторванность от мира науки. Надо было завершать издание своих многочисленных трудов. И в 1801 г. Паллас решился покинуть Крым и Россию навсегда. На родине, в Берлине, он прожил еще десять лет и умер за несколько дней до своего семидесятилетия. Похоронен он на Гальском кладбище. На могиле (по его желанию) поставили простой камень с именем и датами рождения и смерти. Петербургская Академия наук воздвигла надгробный памятник с латинской надписью.

Один из крупнейших ученых-энциклопедистов XVIII в., Паллас оставил глубокий след в различных областях знания. Не говоря уж о зоологии, ученый обогатил географию, ботанику, геологию, палеонтологию, сельское хозяйство, медицину, этнографию и др. Им написано 170 работ, среди них капитальные сочинения — «Российско-азиатская зоография» в трех томах (на нее Паллас потратил сорок лет), «Флора России», «Исторические известия о монгольском народе», «Сравнительный словарь всех языков и наречий».

Огромны заслуги Палласа в развитии географической науки. Его замечательные путешествия доставили бесценный материал, дали основу для широких обобщений. На родине, в Германии, он не смог применить свое дарование исследователя и посвятил его изучению необъятных просторов России, где работал сорок три года. Имя Петра Симона Палласа принадлежит прежде всего русской науке.

Елена Чупеева

«КРАСНЫЙ УГОЛЬ» ПЛАНЕТЫ



Темноту комнаты прорезал резкий луч, под стрекот проектора на экране ожили камчатские пейзажи. Прошло больше пятнадцати лет, но я до сих пор помню удивительное ощущение неправдоподобности увиденного. Синий океан, лизавший пустынный берег, зеленые сопки, громоздившиеся вдаль... Фильм рассказывал о Долине гейзеров.

Непривычный, почти фантастический пейзаж безмолвно плыл перед глазами. Кругом маленькие кратеры с грязными лужицами на вершине. Время от времени на их поверхности лопались мутные пузыри и тут же появлялись новые.

«Фумаролы,— догадалась я,— а вон гейзеры». Прямо к небу взметнулись огромные фонтаны. С гор бежали ручьи. И всюду пар, пар. Казалось, белым паром окутана сказочная долина. И хотя фильм был «немой», чудились грохот падающей воды, бульканье фумарол, журчание горячих ручейков. «Геотермальные источники»,— пояснил автор фильма.

Так я впервые, еще школьницей, услышала это слово.

Сейчас о геотермальной энергетике говорят много. И это не удивительно. Доступность подземного тепла не может не привлекать. Действительно, что может быть проще? Не нужно никакого топлива, дорогостоящего оборудования. Природа предоставила человеку уже готовый к употреблению пар или горячую воду, которые и зовутся красным углем плане-

ты. Остается подать пар на турбину, а дальше электроэнергия поступает потребителю.

Именно так работают геотермальные электростанции (ГеоТЭС) в Италии, США, Японии, где обнаружены месторождения сухого пара. Первая такая станция начала действовать еще в 1913 г. в итальянском местечке Лардерелло. И уже в 50-х годах на итальянских ГеоТЭС вырабатывалось почти 6% полученной в стране электроэнергии.

В США освоение геотермальных ресурсов началось позднее: первая ГеоТЭС дала ток в 1960 г. Сейчас самая крупная электростанция в Долине больших гейзеров (в 128 км от Сан-Франциско) обладает мощностью в 500 тыс. кВт. Несмотря на некоторую необычность, этот способ получения электроэнергии весьма выгоден. Себестоимость геотермальной энергии примерно в полтора раза ниже, чем полученной на тепловых электростанциях (ТЭС). И хотя мощность ГеоТЭС невелика (в основном несколько десятков мегаватт), даже в таких экономически развитых странах, как США и Япония, геотермальная электрическая энергия применяется в больших масштабах. Так, мощность ГеоТЭС в Мацукаве (Япония)—20 тыс. кВт, причем себестоимость ее тока почти на четверть меньше, чем в среднем по стране.

Однако не одной простотой и экономичностью привлекательны ГеоТЭС. Важны и экологические аспекты. Ведь

геотермальная энергетика не требует сооружения карьеров и шахт для добычи топлива, значит, не нужны и дороги для его перевозки. А главное, не загрязняется воздух, не расходуется в топках драгоценный кислород атмосферы.

И если бы ГеоТЭС можно было строить там, где это необходимо, то сейчас, наверное, не существовало бы энергетических проблем. Однако месторождений сухого пара в мире немного. Чаще пар смешан с горячей водой, как, например, в Долине гейзеров на Камчатке. У реки Паужетки паро-водяная смесь на выходе из скважины имеет температуру 150–200°С. Эту смесь сразу разделяют: пар подают на турбину Паужетской ГеоТЭС, а горячую воду используют для иных целей.

Месторождения горячей воды встречаются значительно чаще, чем сухого пара или паро-водяной смеси. Им совсем не обязательно сопутствуют гейзеры и фумаролы. Пример тому—Кавказ.

В Махачкале—столице Дагестана—я умывалась геотермальной водой. Своими глазами видела обогреваемые ею дома, парники, бани, бассейн. Не случайно в Махачкале проводили всеозонную конференцию по проблемам геотермии. Геотермальная вода стала предметом серьезного исследования многих специалистов.

Для начала несколько фактов. В Тбилиси на геотермальное горячее водоснабжение переведено около 30 многоэтажных зданий с населением 3300 человек. Первый в нашей стране геотермальный теплочно-парниковый комбинат в Петропавловске-на-Камчатке круглый год работает на горячих источниках с температурой воды около 70°С. Зимой, когда все кругом засыпано снегом, здесь снимают урожай зеленого лука и огурцов. В грузинском городе Зугдиди отопление термальной водой экономит более 800 т условного топлива в год.

Много это или мало? Учитывая возможности геотермальной энергетики, все-таки мало. В 1975 г. уголь, дрова и мазут, завезенные только в Дагестан из других районов страны, составили около 500 тыс. т условного топлива. Расходовались они в основном для теплоснабжения жилищно-бытового и коммунального хозяйства. По подсчетам отдела экономики Дагестанского филиала АН СССР, использование термальной воды для теплоснабжения позволило почти полностью отказаться от привозного топлива. А если на такое отопление перевести все населенные пункты Армении, Грузии, Кабардино-Балкарии, Сибири, Узбекистана, где также обнаружены месторождения геотермальных вод?

Мало того, достаточно горячая вода

получается и для выработки электроэнергии. Принцип, положенный в основу этого метода, довольно прост. Всем известно, что баллончики с аэрозолями нельзя ставить возле горячих предметов: может произойти взрыв. А почему? Потому что фреон, добавляемый в жидкость, кипит при низкой температуре: стоит чуточку нагреть, и его пары разорвут баллончик. Подобные вещества можно использовать на ГеоТЭС. Например, на Камчатке горячая вода с температурой 81°С испаряет фреон, а его пары подаются на турбину Паратунской ГеоТЭС. На других электростанциях, в частности в США, для аналогичных целей применяют изобутан, хлористый этил.

Итак, вместо нефти, угля, дров—обыкновенная вода. И все же она не совсем обычна. Если раньше на совещаниях по геотермии собирались в основном инженеры, энергетики, геологи, географы, то на махачкалинской встрече присутствовали... агрономы. Дело в том, что в воде зачастую растворены очень ценные минеральные соли. В ухозе Дагестанского сельскохозяйственного института провели такой эксперимент. Несколько делянок с луком и помидорами разделили на две группы: одни поливали обычной водой и подкармливали микроэлементами, для других брали воду прямо из пробуренных скважин. Результат оказался неожиданным. На «геотермальных» грядках урожай оказался значительно выше. Содержание сухих веществ, углеводов, аскорбиновой кислоты в собранных здесь луке и помидорах было больше.

Но и это не все. Как выяснилось, термоминеральная вода может оказаться полезной при производстве белково-витаминного корма. Известно, что не последнюю роль здесь играют микродоросли (схенедесмус, хлорелла). Их выращивают в воде, куда добавлены минеральные соли и углекислый газ. В Дагестанском педагогическом институте установили: термоминеральная вода—прекрасная питательная среда для зеленых одноклеточных. Биомасса, полученная таким способом, обходится дешевле. Кроме того, тепло термоминеральных вод позволяет выращивать хлореллу круглый год.

Растворенные в подземной воде соли делают ее источником ценных химических элементов. Мало кто знает, что йод в промышленных масштабах получают в основном из подземной воды. Для этой цели пригодны растворы с концентрацией 20—25 мг йода на 1 л. До сегодняшнего времени считали, что самое большое содержание йода в подземных водах Северной Италии, в Сальсомаджоре (более 500 мг на 1 л). Теперь в СССР и США



Гейзеры в долине реки Паужетки (Камчатка)

найлены месторождения, где концентрация йода еще больше.

Кроме йода из этих вод можно добывать бром, бор, калий, литий, магний, вольфрам, германий, мышьяк, рубидий, цезий, стронций. В нашей стране три четверти брома получают из подземных вод. В США пятая часть всех известных запасов лития находится в виде водных растворов под землей. Вот почему многие специалисты считают: «жидким рудам» принадлежит большое будущее.

Но хотя месторождения геотермальных вод, как мы говорили, встречаются чаще, чем сухого пара, их число все-таки ограничено. Конечно, даже уже открытые месторождения подземного тепла позволят сэкономить миллионы тонн топлива, но они не решат энергетических проблем в целом.

Казалось бы, все ясно, и спорить не о чем. Геотермия — вещь и нужная, и полезная во многих отношениях, только бесперспективная в планетарном масштабе. Однако мы слишком мало знали о ней.

Вот перед нами прогноз американских специалистов: геотермальная энергия в ближайшие двадцать лет может дать только для Запада США 400 тыс. мегаватт энергии, то есть больше, чем все современные электростанции США. Напомню, по выработке электроэнергии эта страна сейчас на первом месте в мире.

Что это — неоправданный оптимизм или трезвый расчет?

До сих пор речь шла о том, что в буквальном смысле лежит на поверхности. И пар, и горячую воду природа сама дает прямо в руки человека — бери и пользуйся. Ну а если заглянуть поглубже? Известно, что температура по мере продвижения в глубь Земли растет. В некоторых местах, называемых геотермальными аномалиями, уже на глубине 3—4 км очень жарко: 170—200°С. Специалисты считают, что блоки нагретых сухих горных пород — это самые ценные геотермальные ресурсы!

В сравнении с месторождениями горячей воды и пара они просто великаны. Но можно ли извлечь заключенное в сухих породах тепло? Уже разработано несколько смелых проектов. Идея, лежащая в их основе, предельно проста. В пробуренную скважину под давлением закачивают холодную воду. Она проходит через систему трещин искусственного или естественного происхождения. Подземное тепло превращает ее в пар, который возвращается на поверхность земли по другой скважине и подается на турбину ГеоТЭС. Конденсат вновь поступает в первую скважину, и все начинается сначала. Цикл замкнут!

В сущности, принцип тот же, что и на тепловых электростанциях: сжигаемое топливо нагревает воду в котле, а образующийся пар поступает на турбину. Отли-



Изыскатели геотермальных источников

чие лишь в том, что на будущих ГеоТЭС топка и паровой котел под землей: их роль выполняют сухие нагретые породы. Здесь не будет никаких вредных выбросов, а значит, источников зловещих смогов.

А перспективы? Они поистине грандиозны. Расчеты, выполненные в Государственном научно-исследовательском энергетическом институте имени Г. И. Кржижановского под руководством проф. И. Т. Аладьева, дали ошеломляющие результаты. Оказалось, что, построив ГеоТЭС только на некоторых геотермальных месторождениях, можно удовлетворить почти половину сегодняшней потребности в энергии, так как их мощность будет не менее 100 тыс. мегаватт! (Для сравнения: самая мощная в СССР Красноярская ГЭС—6 тыс. мегаватт.)

Цифры фантастические, но вполне обоснованные. В будущем в нашей стране предполагается построить первые крупные ГеоТЭС: мощностью 200 мегаватт на Камчатке, по 500 мегаватт в Дагестанской АССР, Ставропольском крае, Закарпатье. А ведь это далеко не полный перечень районов, где найдены горные породы с высокой (более 160°C) температурой на глубине менее 4 км.

Дело в том, что пока нет достаточно надежных способов определения геотермальных аномалий. Исключение составляют районы вулканов и места, где при-

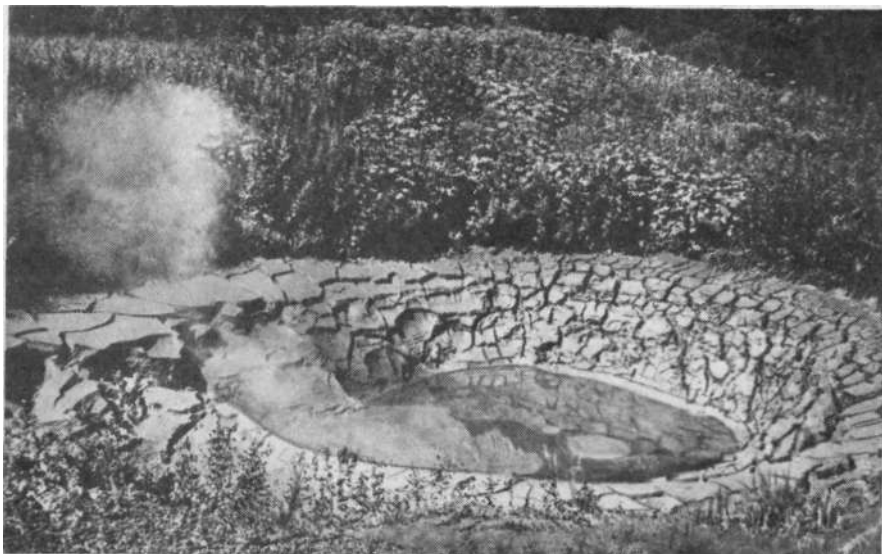
родный пар и горячая вода вырываются на поверхность.

Существующие сейчас геологические, геохимические, сейсмические и другие способы не всегда позволяют получить количественные и качественные оценки таких месторождений. Ситуация удивительно напоминает положение дел в нефтедобывающей промышленности начала XX в. Тогда разведка нефти сводилась к отысканию ее следов на поверхности земли. И лишь позже, когда потребность в нефти гигантски возросла, были разработаны новые методы поиска нефтяных месторождений.

Слово «потребность» многое ставит на свои места и объясняет, почему человек до сих пор так мало использует сокровище, в буквальном смысле лежащее под ногами. Ведь на нефть, миллионы лет прятавшуюся под землей, сперва смотрели точно так же. И брали лишь то, что выходило на поверхность. Сто лет назад никому бы в голову не пришло бурить землю, чтобы добыть топливо. Его и так хватало: дрова, уголь вполне удовлетворяли тогдашние потребности.

Нефтехимия произвела настоящую революцию в производстве. Ткани, посуда, лекарства, краски, дорожное покрытие, новые материалы для всех видов промышленности—везде необходима нефть. А о топливе и говорить не приходится.

«Шофер» (chauffeur) в переводе с



Фумарола

французского означает «кочегар». Это отзвук тех дней, когда для транспорта требовался уголь, а не бензин. Ныне без нефти не поедет автомобиль, не сдвинется с места тепловоз, не взлетит самолет. Потребность в нефти стала фантастической. Чтобы добыть драгоценную черную жидкость, научились делать то, что еще двадцать лет назад казалось невозможным. Буровые ставят прямо на трясинах, берут нефть с морского дна, появились сверхглубокие скважины.

А геотермальная энергетика? Зачем нужны поиски геотермальных аномалий, разработка новой технологии, когда вся наша жизнь построена на нефти? Но все чаще теперь вспоминают мудрое менделеевское изречение: «Сжигать нефть — все равно что топить ассигнациями».

И потому интенсивно строят атомные электростанции, появились первые автомобили с водородным двигателем, разрабатываются способы улавливания солнечной энергии. Поиски источников энергии продолжаются. И сегодня взоры специалистов обращаются к геотермии; трудно найти более доступный и более «чистый» источник энергии. Хотя и здесь, конечно, не обходится без проблем.

Первая и главная: геотермальные аномалии потому и зовутся аномалиями, что весьма редки. А электростанции строят ведь не там, где можно, а где нужно. В принципе задача эта решается легко. Там, где с глубиной температура повы-

шается равномерно (примерно на 3°C каждые 100 м) и геотермальные аномалии отсутствуют, нужно бурить сверхглубокие скважины — на 10—12 км.

Пока таких скважин нет, потому что не существует бурового оборудования и материалов, способных работать на такой глубине при столь высоких (более 300°C) температурах.

Вторая проблема — коррозия. Это бедствие знакомо практически всем отраслям промышленности. Коррозия оставляет зияющие дыры в стенках химических реакторов, превращает в ржавую труху металлические трубопроводы, прожорливо съедает станки, машины, мосты. Не обошла она и оборудование ГеоТЭС.

Минеральные соли, растворенные в воде, — это и достоинство (ценнейшие химические элементы), и недостаток геотермальных источников.

При строительстве ГеоТЭС необходимы стойкие антикоррозийные сплавы, а они довольно дороги. Правда, получаемые энергия и тепло настолько дешевы, что все расходы окупятся. Такова экономика этого нового дела.

Проблемы вполне разрешимы. В этом убеждает пример атомной промышленности. На первом этапе ее развития возникла потребность в новых сплавах, способных выдерживать высокие температуры, давление, радиоактивное излучение. Ни один из существовавших в то время материалов не отвечал этим жестким

условиям. Коррозия быстро приводила его в негодность. Однако довольно быстро были созданы новые сплавы.

Но есть проблема и посложнее.

Ныне точно установлено, что вблизи горных водохранилищ, а также скважин, в которые нагнетается вода, возрастает сейсмическая активность. Иначе говоря, появляется опасность землетрясений. Поэтому геофизики, подобно опытной медсестре, безошибочно находящей вену больного, должны столь же точно указывать места, где «игла» буровой может безболезненно вонзаться в тело нашей планеты. И хотя опыт и интуиция в этом деле важны не меньше, чем в медицине, основную роль играет математика. Пока специалисты могут назвать такие места с известной долей вероятности. И задача геофизиков состоит в том, чтобы разработать методику, позволяющую уменьшить вероятность ошибки до минимума.

Итак, как видим, проблем довольно

много, ведь дело новое, неизведанное. И среди них есть и довольно неожиданная. Огромные гейзеры, мощными столбами подпирающие небо, оказались не столь уж мощными. Долина гейзеров теперь закрыта для туристов. Некоторые из них, любуясь игрой подземных сил, кидали в устье гейзеров консервные банки и другие предметы. Было очень забавно, когда они вместе с фонтаном воды взлетали на недосыгаемую высоту. И вот результат: сегодня самый большой и красивый гейзер больше не существует. «Банками засорили», — объясняют местные жители.

Это вопиющий пример бездумно-преступного отношения к природным сокровищам. Геотермальные воды — одно из таких богатств, в которых человечество будет нуждаться все больше и больше. Тем внимательнее к ним нужно относиться.

Марина Курячая

Остатки старинной мельницы

Близ города Писек на юге Чехословакии летом 1979 г. обнаружены остатки средневековой водяной мельницы. Она была сооружена более 400 лет назад на берегах реки Огавы. Чем же примечательна эта небольшая мельница? Как определили ученые из Пражского археологического института, мельницу соорудили не для помола зерна, а для промывки золотоносных песков. Это первая подобного рода находка в Европе. Исключительный интерес проявили к ней историки из многих стран мира.

Косилки с клаксоном

Во Франции и Бельгии в виде эксперимента начали использовать сенокосилки с колокольчиками, трещотками и гудками. Производить сильный шум на покосе предложили члены общества охраны животных. Дело в том, что во время покосов под ножи машины попадают фазаны, молодые косули, зайцы и многие другие представители уже сильно поредевшей в Европе фауны. Статистика утверждает, что на каждой сотне гектаров косилки убивали до семи зайчат.

Альпинисты открыли озеро

Когда бухарестские альпинисты вернулись из своего трудного похода в горный массив Фегэраш, они рассказали, что обнаружили в одной из впадин большое озеро. Им не поверили в первую очередь географы. Такого озера не было на карте Южных Карпат. Однако последующая аэрофотосъемка подтвердила правоту альпинистов. На высоте 2375 м над уровнем моря действительно находится безымянное ледниковое озеро. Оно самое большое в этом районе. Таким образом, географические открытия в наши дни возможны и в Европе.

АРКТИЧЕСКАЯ ПУСТЫНЯ



О тундре написано много, и задача не из легких если уж не удивить читателя, то хотя бы заинтересовать. По роду своей работы мне посчастливилось побывать на Новосибирских островах, в краю арктической тундры. Пути нашей геологической экспедиции начались с самого южного острова архипелага—Большого Ляховского, затем прошли на север к Котельному, а потом на восток через Землю Бунге на острова Фаддеевский и Новая Сибирь.

Каждый из этих осколков тундры в Ледовитом океане по-своему интересен, и с каждым у нас связан не просто один из последних сезонов. Но я остановлюсь лишь на Земле Бунге.

Бедна и однообразна природа арктических островов, суровы здесь климатические условия. Земля Бунге вообще почти безжизненна. Она представляет собой недавнее морское дно, всего лишь несколько тысячелетий тому назад ставшее сушей.

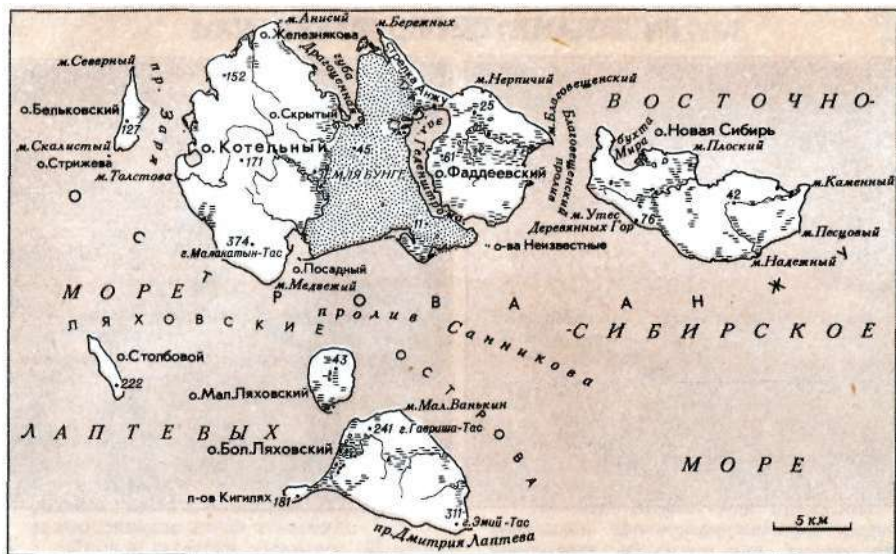
Когда в 1811 г. ее открыл охотник-промысловик Яков Санников, эта территория была островом. На картах до 50-х годов нашего века она изображалась уже как восточное продолжение острова Котельного, но еще отделенная от острова Фаддеевского проливом Геденштрома. Сейчас Земля Бунге связана с Фаддеевским узким перешейком — стрелкой Анжу и статут острова (как и Фаддеевский) сохранила только в силу исторических традиций.

Трижды мне довелось пересечь Землю Бунге, и каждый раз, оставаясь без-

жизненной, она тем не менее выглядела по-иному и преподносила новые сюрпризы.

Первое знакомство с Землей Бунге состоялось в конце июля 1974 г., когда мы перегоняли вездеход с Котельного на Фаддеевский. Заканчивались последние километры пути по Котельному. Внезапно с увала открылась панорама плоской песчаной низины (5—6 м над уровнем моря) с невысокими сопками в центральной части. Спустившись с увала, мы очутились в арктической пустыне. Чем дальше мы в нее углублялись, тем более тягостное впечатление она производила. Трудно было раньше представить, что здесь, на севере, где так много рек и озер, встретишь настоящую пустыню. На десятки километров простирались почти безжизненные безводные пески. Лишь кое-где торчали единичные кочки с редкой сухой травой, местами встречались пересохшие плоские долины ручьев. Линия горизонта сливалась с уходящими вдаль песками, только стрелка компаса не давала сбиться с пути в этом песчаном хаосе. Ни птицы, ни зверя.

Мы стремились скорее миновать неуютные пески, но вездеход увязал в них и двигался медленно. Когда до границ Земли Бунге оставалось километров восемь, кончился бензин. На беду, в захваченной с собой бочке оказалась сольерка—случается и такое! Что делать? Лагерем вставать нельзя: нет воды. Решили сливать из баков остатки горючего. В конце концов нацедили неполное ведро и проскочили-таки пески. Бензина хватило



до первого озера на острове Фаддеевском, где мы и разбили лагерь.

В конце сентября наш маршрут повторился, но в обратном направлении. Уже выпал снег, мороз сковал пески. Вездеход мчался, как по асфальту, стрелка спидометра подскакивала до цифры «30!». Несколько часов такой езды — и мы облегченно вздохнули: пустыня была позади. На этот раз все обошлось хорошо; Земля Бунге осталась в памяти как снежная равнина.

Прошло два года. Лето 1976 г. выдалось на редкость дождливым. За июль выпала, вероятно, годовая норма осадков, и Землю Бунге мы не узнали. Вместо безводной пустыни нас встретили насыщенные влагой зыбучие пески. Вездеход проваливался почти на четверть катка, мотор надрывался, а машина двигалась как черепаха. За день мы не прошли и тридцати километров. Местами наше передвижение скорее напоминало

плавание, так как на большей части маршрута пески оказались залитыми водой сантиметром на тридцать. На самом обводненном участке произошла авария — поломался каток. Пришлось прямо в воде заменять его. Многоликой она оказалась и очень неприветливой, эта Земля Бунге.

Заканчивая описание арктической Сахары, необходимо заметить, что и здесь есть свои оазисы. Конечно, без пальм, но даже в самое сухое время года с избытком влаги. На двух небольших участках у восточной и южной окраин Земли Бунге поблескивают водой многочисленные маленькие озера. Пески не развеваются ветром: они закреплены черными лишайниками. Не хватает только миражей, если не учитывать за мираж саму Землю Бунге — уникальную песчаную пустыню Арктики.

Кирилл Белоусов

РАЗВЕДКА ПЕРЕД ШТУРМОМ



Непал... Гималаи... Высочайшие горы Земли... Острыми пиками врезаются в небо вершины, над которыми царит исполин Эверест (Сагарматха, непальски, — 8842 м). Немногим альпинистам мира удалось добраться до его венца, пройти по кромке самой удаленной от уровня океана земной поверхности.

Готовятся к покорению Эвереста и советские альпинисты. Весной 1980 г. группа в составе Е. Тамма, А. Овчинникова, Б. Романова, Е. Ильинского, В. Медведева и автора этих строк вылетела из Москвы в Катманду — столицу Непала. После выполнения необходимых формальностей альпинисты на небольшом двухмоторном самолете были доставлены в селение Лукла, где обычно начинают свой путь все экспедиции на Эверест и другие вершины района.

Основной груз нашей группы любезно согласился взять со своим рейсом польские альпинисты, которые вели подготовку к штурму вершины в 1980 г. Чтобы не терять времени, наша четверка во главе с А. Овчинниковым ушла в базовый лагерь, расположенный у подножия Эвереста на высоте 5300 м. Мне было поручено отправить оставшийся груз с помощью носильщиков, и незнание непальского языка не помешало успешно справиться с этой проблемой. Часть грузов навьючили на яков, другую взяли на свои плечи носильщики. После пятидневного перехода по живописному ущелью прибыли в базовый лагерь.

Нас тепло встретили члены польской экспедиции, предоставили для жилья отдельный кемпинг, пригласили пообедать. Большинство из них отсутствовали. Они работали на маршруте, подготавливая его к решающему штурму.

Наша задача скромнее — ознакомиться лишь с подходами к вершине. 22 апреля мы преодолели коварный ледопад Кхумбу — сплошное нагромождение льда — и поднялись на высоту 6100, откуда увидели нашу мечту. До полудня осматриваем и фотографируем вероятные маршруты, а на следующий день после ночевки возвращаемся в базовый лагерь.

Здесь провели переговоры и заключили предварительные договоры на обеспечение экспедиции 1982 г. носильщиками и транспортом. Руководителем (сирдаром) шерпов согласился быть опытный высотник Пемба Норбу.

Разведка дала возможность выявить все сложности организации и проведения будущей экспедиции, проверить некоторые виды снаряжения, установить деловые отношения с официальными организациями Непала.

Следующие этапы подготовки продолжатся на Памире, где будут проведены сборы сильнейших альпинистов страны.

А еще через год — штурм Эвереста.

Эдуард Мысловский

КАРПАТЫ ЗАЛЕЧИВАЮТ РАНЫ

Текст к фотоочерку

(См. вклейку)

— В Карпатах есть места, где были большие бои, а тут вот они прошли стороной, но деревья потом падали, падали... Ё-ё, так! То беда, когда надо было валить лес. Мы рубили как попало и где попало, Абы побольше! Война пожгла много; там, на равнине, лес ждали: люди жили в землянках. Лес шел в долину, оттуда грузили эшелон за эшеленом, давай и давай! Ё-ё, так! Тогда в Карпатах много склонов стали голыми!..

Старые вырубки засажены. И не поросль поднялась уже — молодой лес; буки, ели — смереки вытянулись крепкие, дружно и весело. Два века они будут тянуться, пока станут сорокаметровыми гигантами, как сохранившиеся в заповеднике пралисы.

— А что такое пралисы? — спросил я у проводника.

— Как бы это сказать?..

Он подумал немного. Для гуцула это слово всегда было очень понятным, но мне надо было знать точное его значение. Проводник почувствовал это и старался найти подходящие слова.

— ...Пралисы — то есть старые деревья... Очень старые деревья — два, три века — это они... Пралисы — то есть прадеды лесов. — Он ткнул посохом в ствол смереки в три обхвата, вернее, ткнул в густой зеленый мох, что покрывал кору.

Я потрогал его рукой — мох был мягким, немного влажным, но под ладонью угадывалась крепость дерева, крепкая, тугая древесина. «Прадед» стоял спокойный, стройный. «В середине нет гнили. Старый, но очень крепкий ствол», — подумал я.

Для разработки научных основ охраны окружающей среды необходимо знать закономерности географического распространения, формирования и функционирования природных экологических систем, прежде всего таких, в которых не проявилось влияние человека. Лучшие всего этой цели служат заповедные территории.

Не так давно исполнилось 10 лет со дня организации Карпатского госу-

дарственного заповедника. В этом заповеднике лесами покрыто 92% общей площади, причем леса в возрасте более 100 лет занимают здесь больше 52% территории.

Мы с проводником ходили и искали самые старые ели — смереки, редкие растения, следы диких животных.

Это был второй мой проводник. Я занимался фотографированием редких природных объектов для Украинского общества охраны природы, нужно было обойти побольше лесных кварталов. А у каждого из проводников здесь свой участок, и потому после обхода очередного проводник передавал меня своему коллеге — таков установленный порядок.

На перевале между Говерлярским и Черногорским лесничеством у конуса Говерлы местами лежало много снега, и ноги тонули в нем. Потом перевал остался позади, и третий проводник показал тропу к приюту «Брецукул». Спускаться было легко. На снегу виднелись отпечатки медвежьих лап. Внизу ждал патруль лесной охраны.

Проводник был из ближнего к заповеднику села Ворохта. Через плечо у него висела полевая сумка из добротной кожи; она как бы срослась с ним, ничуть не мешала подниматься по крутым склонам, перелезать через валежины. В сумке полголовки чеснока, краюшка хлеба, кусок сала, в другом отделении — полевой дневник.

Мы находили альпийские колокольчики, крокусы. Крокусы наступали на талый снег целыми отрядами; некоторые цветы, на вид хилые, появлялись прямо среди снега, и снег вокруг стебля подтаивал. Я опускался на колени и рассматривал их в видоискатель, а проводник доставал дневник, сосредоточенно обдумывал что-то, потом не спеша записывал. Вести фенологические наблюдения — одна из его обязанностей.

Мы поднимались из поймы реки Прут на полонину. Край полонины порос густым сочным конским шавелем. Было жарко. Граница участка шла по хребту Марыш. Отсюда хорошо видна вершина

Говерлы, в другой стороне вырисовываются разбросанные по склону строения.

— ...Туда машина не ходит,— сказал проводник,— только конь и человек. То е верховинские села.

Основную территорию Карпатского заповедника в лесном поясе занимают леса из ели обыкновенной, пихты белой и бука лесного. В субальпийском и альпийском поясах фоновые виды — сосна горная, ольха зеленая (душечья) и можжевельник сибирский, образующие криволестье; белоус торчащий и луговик дернистый, формирующие субальпийские луга; осока вечнозеленая и ситник трехраздельный, занимающие основные площади в альпийском поясе.

В заповеднике насчитывается 40 видов растений, зверей, птиц и насекомых, внесенных в Красную книгу УССР. Персонал заповедника охраняет природные богатства от пожаров и нарушений установленного режима, обеспечивает сбережение типичных растительных группировок и диких животных украинских Карпат в их природном состоянии, создает условия для увеличения численности реликтовых растений, ведет научные исследования и работу по обога-

щению заповедника и смежных территорий ценными видами растений и животных.

Возле села с поэтичным названием Луги, за территорией заповедника, вырублен участок леса, увезены стволы и убран хворост. Где шумел лес—торчат лишь пни; сетовать не приходится: деревья всегда служили ценным строительным материалом. Но вот что примечательно: пеньки те на темной земле не черные, а белые.

Кора аккуратно снята, чтобы не разводить насекомых-вредителей, чтобы живые деревья рядом не болели. Ну раз заботливо снимают кору с каждого пня, то, наверное, не поднимается рука срубить лишнее дерево в ущерб Карпатам.

Из окна автобуса, что шел на Рахов, и там и здесь виднелся старый лес и молодой: на послевоенных вырубках—пустошах поднялись совсем молодые посадки.

Там, наверху, в заповеднике, вовсе не тронутые лесные кварталы. И здесь склоны зарастают—появилось потомство прашуров-пралисов.

Карпаты залечивают раны.

Борис Наконечный

От редакции. В настоящее время по предложению Государственного комитета УССР по охране природы, Министерства лесной и деревообрабатывающей промышленности УССР создан Карпатский государственный природный парк.

В состав заповедной зоны включена значительная часть территории Ивано-Франковской области, в том числе город Яремча, селение Ворохта и др. Создание Карпатского государственного природного парка направлено на улучшение условий отдыха трудящихся и охраны природы региона Карпат.

Фермы лягушек

Правительство Индии выделило сотни тысяч рупий на создание экспериментального центра по селекции и разведению лягушек и организацию целой серии ферм, подведомственных этому центру. Дело в том, что экспорт лягушачьих лапок в Европу давно приносит существенный доход государству, исчисляемый во многих миллионах долларов. Но теперь дело не только в этом. Ученые предложили разводить лягушек для нужд сельского хозяйства. Отобраны перспективные виды, которые поедают насекомых и слизняков. Среди сельского населения проводится кампания по разъяснению огромной пользы лягушек.



Айсберг на привязи у спутника

Весной 1979 г. американские и датские специалисты провели эксперимент в Северной Атлантике, связанный с радиомаркировкой крупных айсбергов. Для этого над вершущками опасных ледяных гор зависали вертолеты, с которых сбрасывались острые стальные гарпуны-стержни с радиопередатчиками и яркими фонарями. Таким образом, айсберг превращается в плавучий маяк, предупреждающий корабли об опасности. Кроме того, передатчик шлет кодированные сигналы на метеорологический спутник, который затем сообщает координаты айсберга штурманам кораблей, плавающих в Северной Атлантике.



Вода из пещеры для нужд ирригации

Удивительный мир глубоких пещер Кубы привлекает туристов и исследователей из разных стран мира. Там можно полюбоваться на огромные сталактиты, увидеть не только слепых рыб, но и крабов.

В наши дни внимание кубинских спелеологов обращено не на экзотику пещер. У них родилась смелая и оригинальная идея. Связана она с тем, что многие пещеры — это огромные подземные водохранилища. Например, недавно на глубине 80 м было обнаружено озеро, накопившее десятки тысяч кубометров пресной воды. Как раз той воды, которая так дефицитна в условиях жаркого климата Кубы. И вот впервые в мировой практике предложено выкачивать живительную влагу из таких пещер для нужд орошения полей и снабжения населения городов чистой питьевой водой.



Города без зелени

Итальянское ботаническое общество провело обследование зеленых насаждений во Флоренции. Было установлено, что более 20% деревьев в этом городе засохло. Каштаны, липы и пинии погибли из-за соединений свинца, которые содержатся в выхлопных газах автомобилей. Чем быстрее растет число машин на улицах, тем больше засыхает деревьев. Погибают они и от различных солей, попадающих в грунтовые воды вместе с ядовитыми стоками промышленных предприятий. Ботаники обнаружили сходную картину и в других городах Италии. Ученые делают выводы, что, если не принять особые меры, города вскоре могут стать «каменными джунглями» без единого дерева.

По следам легенды о драконе

Примерно в 800 км к юго-востоку от Адена в водах Индийского океана расположен остров Сокотра. С ним связано много средневековых арабских легенд. Одна из них рассказывает, что давным-давно в горах острова произошла битва гигантского дракона со слоном. Победил в этом сражении слон. Он проткнул своими бивнями грудь чудища. На том месте, где пролилась кровь дракона, стали расти необычные деревья. Они выделяют ароматическую смолу красного цвета. Издревле она поставлялась в страны Азии как дорогое косметическое средство. Современных ученых эта легенда заинтересовала еще и потому, что местные поверья приписывали смоле драконового дерева удивительные целебные свойства, в частности при лечении ожогов. Сейчас это подтвердилось научной проверкой.

Экспедиция ботаников нашла на острове и другие ценные лекарственные травы и растения. Надо сказать, что нигде, кроме острова Сокотра, они больше не встречаются.



Почему возросли заказы на акул?

Действительно, рыбаки в Мексиканском заливе получили много заказов на вылов живых акул. Американские, английские и канадские биологи создали при университете в Майами специальную лабораторию по изучению морских хищниц. Ученых заинтересовал тот факт, что акулы не восприимчивы к вирусам, не подвержены опухолевым заболеваниям, а серьезные раны на их теле быстро зарастают. Биологи предполагают, что завидное здоровье акул объясняется тем, что в их организме всегда есть солидный резерв антител, то есть тех самых частиц, которые у других животных образуются только при инфекционных поражениях. Разгадка феномена акул — секрета состава их крови и веществ в печени, как предполагается, поможет создать лекарственные препараты для борьбы с самыми опасными заболеваниями человека.

Предсказание с помощью лазера

Как известно, в мае 1980 года началось мощное извержение вулкана Сент-Хеленс в США, «дремавшего» до этого свыше 100 лет. По наблюдениям японского геофизика Мотокадзу Хидано, облако вулканической пыли достигло острова Кюсю. Ученый провел лазерное зондирование стратосферы над Японией и насчитал такое количество мелких частиц пепла, которого достаточно для ослабления солнечного излучения и понижения средних температур. Он подсчитал, что на высоте 18 км

образовался слой аэрозолей плотностью почти в 30 раз выше нормальной. Позже такой же слой толщиной до 2 км был обнаружен над Атлантическим и Тихим океанами. Японский ученый считает, что по опыту прошлых извержений может создаться понижение средних температур в умеренных широтах, опасное для ряда сельскохозяйственных культур.

Факты подобраны
Германом Малиничевым

Спутник следит за чистотой атмосферы

Американский метеоролог Уолтер А. Лайонс проанализировал снимки, сделанные в июне 1979 г. с борта метеоспутников, находившихся на экваториальной орбите, с высоты около 46 тыс. км. На снимках видна мощная полоса дымки, протянувшаяся над значительной частью США — от штата Кентукки до Мэриленда — и затем уходящая на 1300 км к востоку от побережья до центральной части Атлантического океана.



Анализ показал, что эта дымка — плотная масса воздуха, насыщенного сульфатами, выделяющимися в атмосферу в результате сжигания больших масс каменного угля на электростанциях промышленных районов бассейна р. Огайо и Новой Англии (северо-восточные штаты США, у Атлантического побережья).

Сульфаты служат ядрами конденсации капель влаги, которые образуют дымку и обычно снижают видимость более чем наполовину. При высоком атмосферном давлении дымка может сохраняться на одном месте в течение нескольких недель.

Под дымкой могут возникать грозовые фронты в облаках, где охлажденные воздушные массы соприкасаются с более теплыми. Дождь «размывает» дымку, но, выпитывая в себя серную кислоту, осадки приобретают токсические и коррозионные свойства.

Исследования также показали, что в пределах дымки существует высокая концентрация озона. Это оказывает неблагоприятное влияние на посевы сельскохозяйственных культур, в частности бобовых.

Ворьба с загрязнением океана

Министерство рыболовства Канады провело испытания специальных сферических пластмассовых радиобуев, которые позволяют следить за перемещениями нефтяного пятна в открытом море даже в условиях шторма или тумана. Такие буи с радиопередатчиками можно сбрасывать с вертолета, летящего на высоте до 50 м над поверхностью моря.

Длительные испытания показали, что буи дрейфуют вместе с нефтяным пятном, в центре которого они сброшены. Прием радиосигнала можно вести при помощи судовой радиопаратуры. До настоящего времени принятие мер по борьбе с нефтяным загрязнением часто затруднялось сложностью слежения за их дрейфом в неблагоприятных метеорологических условиях.

В целях предотвращения загрязнения океана в США принят закон, запрещающий сброс в море жидких и твердых отходов без разрешения Управления по защите природной среды. В результате всех принимаемых в последние годы в США мер масса сбрасываемых в море промышленных отходов существенно сократилась.



Во многих портах, в том числе Вальдесе (штат Аляска), становящемся крупнейшим пунктом перевозок нефти, возводятся сооружения для предотвращения попадания жидкого горючего в море.

Метеохарактеристики засухи

Сотрудник Скриппсовского океанографического института анализировал метеообстановку, сопровождающую катастрофические засухи, охватившие в 1976—1977 гг. Тихоокеанское побережье США, в 1972 г.— Восточную Европу, в 1976 г.— Британские острова, в 1952—1954 гг.— Юго-Запад США, и засуху 1930 г., вошедшую в историю Запада США как «год пыльных бурь».

Исследователь установил, что всем этим катастрофам сопутствовали: 1) возникновение нисходящих потоков воздуха, что вследствие увеличения давления повышало температуру и уменьшало влажность атмосферы, препятствовало конденсации влаги, способной вызвать осадки; 2) образование зон с очень высоким давлением непосредственно над районом засухи; 3) формирование мощных «сопутствующих» зон высокого давления над океаном по обе стороны континентального высокого давления.

По мнению исследователя, образованию «сопутствующих» зон и возникновению засух может способствовать разогрев или охлаждение морской воды. Так как океан более длительное время сохраняет тепловую энергию, чем атмосфера, области высокого давления над ним в состоянии создать в атмосфере вызывающие засуху условия и в последующие годы.

Исследователь не исключает и солнечного влияния на возникновение засухи.



Джунгли под угрозой

Английский ботаник Тимоти Уитмор (Оксфордский университет) считает, что при нынешних темпах рубки к 2000 г. на Земле останется не более трети тропических лесов, существовавших еще недавно. Опасность усугубляется тем, что во многих районах не только вырубаются крупные деревья, но и полностью сводятся более мелкие породы и подлесок, идущие на производство бумажной массы.

Некоторым ценным породам деревьев грозит полное уничтожение. По подсчетам Т. Уитмора, для поддержания древесного вида в сохранности необходимо не менее 5 тыс. отдельных его представителей, занимающих площадь как минимум от 17 до 135 км² в зависимости от вида. Площадь джунглей и других тропических лесов уменьшается с такой интенсивностью, что в ряде районов она скоро может приблизиться к критической.

Цунами в Индонезии

18 июля 1979 г. катастрофическая волна цунами обрушилась на южное побережье о. Ломблен в архипелаге Малых Зондских островов. Волна достигла отметки 45 м над уровнем моря и полностью опустошила 50-километровый отрезок побережья.

Погибло 150 человек, а 350 человек пропало без вести. Пунами вызвало оползни, огромные массы породы обрушились в море.

Источник цунами достоверно неизвестен. Согласно данным Национального центра информации о землетрясениях



(США), мировой сейсмической сетью не зарегистрирован в этом районе ни один подземный толчок, который мог бы послужить причиной цунами.

Однако индонезийская метеоролого-геофизическая станция Купаиг, расположенная в 175 км к югу от о. Ломблен, отметила 18 июля землетрясение, магнитуда которого осталась неопределенной.

Гигантский ископаемый медведь

Во время земляных работ в районе Кирнса (штат Юга, США) обнаружены необычные кости. Приглашенный для их осмотра видный палеонтолог Джеймс Х. Мадсен (университет плато Юга) установил, что это остатки неизвестного науке вида ископаемого медведя, жившего в верхнем плейстоцене (около 18 тыс. лет назад).

Окаменелость представляет собой бедренную кость, длина которой превышает 75 см, или почти втрое длиннее бедра современного медведя. Рост ископаемого животного, вставшего на дыбы, составлял почти 4 м, что примерно на 1 м превышает размеры нынешнего белого медведя и на 1,5 м — гигантского серого — гризли.

Высказывается предположение, что этот ископаемый медведь — крупнейший из всех, живших на Земле. Обнаружены фрагменты обоих бедер, две большеберцовые кости, один поясничный и один крестцовый позвонок животного.

Необычный удильщик

Науке известно семейство рыб-удильщиков, у которых в ходе эволюции возник специальный орган для приманивания добычи. Эти рыбы обычно занимают неподвижное положение на обломке скалы, принимая окраску водорослей и покачивая «приманкой» — особым выростом, который похож на беспозвоночных (червей или креветок). Рыба, пытающаяся овладеть «приманкой», становится жертвой удильщика.

Недавно ихтиологи Теодор У. Питш и Дейвид Б. Гробекер (университет плато Калифорния, США) обнаружили, что в водах, омывающих Филиппинские острова, водится ранее неизвестный вид удильщика, «приманка» которого очень напоминает маленькую рыбку —

Тело этой рыбы (ее назвали антеннариус) имеет длину около 3 см и покрыто кремовыми, коричневыми, красными и черными пятнышками. Рыба обладает гибким выростом, достигающим 27 мм в длину. На его конце уплощенное образование ткани длиной около 14 мм. Это и есть «приманка», окрашенная в коричневые и белые тона с двумя черными пигментными точками, имитирующими глаза. «Приманка» имеет также вертикальные полоски, нитеобразные волокна с выступами, напоминающими плавники.

Когда приманка не нужна, гладкая мускулатура антеннариуса свертывает ее в плотный комок неправильной формы, а гибкий «удильный» выступ прижимается к телу рыбы. Приманивание добычи встречается не только в море, но и на суше. Такое поведение описано у различных видов пауков, черепаш, гепардов и других животных, нередко принимающих неподвижную позу, но демонстрирующих какую-нибудь часть тела в качестве «приманки». Однако столь совершенный аппарат, как созданный природой для этих целей у антеннариуса, встречается крайне редко.

Лишайники — индикаторы загрязнения среды

Американские ботаники Мейсон Хейл и Джеймс Лоури исследовали лишайники, растущие на о. Пламмерс, распо-

ложенном рядом с мостом автострады вблизи Вашингтона, соединяющей штаты Мэриленд и Вирджиния. В качестве контрольной группы использовались лишайники о. Бэр, находящегося в 5 км от о. Пламмерс, вдали от каких-либо дорог.

Заводов и электростанций, работающих на угле и тем загрязняющих общее воздушное пространство, в окрестностях обоих пунктов нет. Таким образом, повышенное содержание свинца может быть вызвано лишь выхлопными газами автомашин.

Установлено, что частицы свинца серьезно замедлили рост лишайников.

Образцы лишайников, собранные на о. Пламмерс г 1938 г., задолго до строительства автострады, и находящиеся ныне в музее, содержат лишь 106 частей свинца на 1 млн. Примерно этот уровень сохранялся здесь до 1964 г., когда завершилось строительство автомобильного моста. В 1965 г. по мосту проходило за сутки в среднем около 40 тыс. машин. Содержание свинца стало быстро расти. В 1977 г., когда число проезжающих автомашин достигло в среднем 100 тыс. в сутки, оно составило 1200 частей на 1 млн. (Для сравнения: в тропических областях Панамы, совсем не затронутых индустриализацией, соответствующая величина составляет лишь около 5 частей на 1 млн.)

Можно считать установленным, что лишайники представляют собой идеальный организм для контролирования загрязнения природной среды, так как они активно поглощают свинец из воздуха и сохраняют его в продолжение всей своей жизни. Свинец—наиболее распространенный и легко измеримый из всех тяжелых металлов, входящих в состав автомобильного выхлопа. Однако лишайники могут отлично «регистрировать» также и другие содержащиеся в нем тяжелые металлы—никель, медь и кадмий.



Метеорология городов

Длительные наблюдения на территории города Сент-Луис (штат Миссури, США) показали, что «теплый остров» (участок атмосферы над крупным промышленным центром) оказывает существенное влияние на погоду и климат окружающей местности. Оно отчетливо ощущается даже на расстоянии около 40 км, на противоположном берегу реки Миссисипи. Среди наиболее заметных результатов такого воздействия—увеличение количества осадков, частота и продолжительность гроз.

Аналогичные эксперименты проводились в окрестностях Чикаго. Одновременно изучалось влияние на метеословия большого пресноводного бассейна—озера Мичиган, на берегу которого стоит Чикаго.

Наблюдения показали, что среднее количество осадков, выпадающих во время гроз, возникающих к северо-западу от Чикаго, возрастает в сторону города Ла-Перт (штат Индиана), находящегося в 80 км от Чикаго.

Воздействие озера Мичиган на климат и погоду Чикаго не столь уж значительно; хотя оно и приводит к некоторому снижению средних температур, но существенно изменить эффект городского «теплового острова» озеро не может.



Советско-американское открытие в Беринговом море

В 1977 г. на судне «Волна» советскими и американскими учеными проводились совместные научные исследования в Беринговом море—самой северной акватории Тихого океана,

отделяющей Азиатский континент от Америки. Главная цель работ—выяснение причин высокой биологической продуктивности этого моря, расположенного в обычно небогатых жизнью субарктических районах Земли.

Научно-исследовательское судно «Волна» было предоставлено Советским Союзом. На борту судна работали 18 советских и американских специалистов; США предоставили в распоряжение экспедиции часть исследовательской аппаратуры и электронную вычислительную технику.

Базой экспедиции служил порт Датч-Харбор на Алеутских островах. Судно выполнило 28 океанологических станций, собирая данные о температуре воды, ее солёности, объеме и видах загрязнения, количестве растворенных в ней кислорода, тяжелых металлов, различных химических веществ, включая гидроуглероды, о массе питательных веществ, планктона и т. п. Результаты исследования глубинных течений обрабатывались сразу на борту судна при помощи ЭВМ.

Итоги всех этих исследований были подведены на конференции, состоявшейся в июне 1979 г. в Фордхемском университете (штат Нью-Йорк). Советская делегация, которую возглавляла морской микробиолог А. В. Цыбань, обменялась результатами анализа собранных материалов с американскими коллегами, возглавляемыми Джоном Дж. Мак-Лафлином.

Важнейшее открытие состояло в том, что из примыкающих к Берингову морю районов Тихого океана сюда направляется неизвестное ранее глубинное течение. Продвигаясь по шельфу на север в северо-восточной части этого моря, его водные массы постепенно поднимаются ближе к поверхности и несут с собой из глубин большое количество нитратов, фосфатов, силикатов и трассирующих элементов, которые образуют питательную среду для фитопланктона — мельчайших водных растительных организмов.

Поднятые на борт пробы воды показали, что в одном литре содержится от 0,5 до 1,5 мг нитратов и от 0,095 до 0,190 мг фосфатов, что представляет весьма высокие величины даже для морей умеренного климатического пояса.

Питающийся этими веществами фитопланктон служит пищей для зоопланктона—мельчайших животных организмов, в свою очередь поедаемых рыбами и другими крупными морскими животными.

Это и есть ответ на вопрос, почему в столь суровых природных условиях в большом количестве встречаются растения ста семидесяти и животные трехсот различных видов, составляющих одну из богатейших экологических систем Мирового океана.

Экологические исследования

в Папуа — Новой Гвинее

Молодое государство Папуа — Новая Гвинея принимает активное участие в проводимой под эгидой ЮНЕСКО международной программе «Человек и биосфера». В частности, здесь исследуется влияние вырубки леса (как сплошной, так и выборочной) в долине р. Гогол на экологические и социальные аспекты окружающих районов провинции Маданг. При этом производится классификация почв, картирование растительности, изучаются процессы ее естественного восстановления, определяется роль пернатых в распределении растительности, качество воды, изучается экология насекомых и грибковых организмов и т. п.

Другая часть программы — сравнительные экологические работы в районах Лаэ (северо-восток о. Новая Гвинея) и Адelaide (штат Южная Австралия). Часть этих работ, взятая на себя учеными Папуа—Новой Гвинеи, включает составление исчерпывающей экологической характеристики

города Лаэ и окружающей его местности, в том числе использование энергии и воды, жилищные условия, питание населения, его бюджет времени и другие социальные аспекты. Все эти характеристики подлежат сопоставлению с аналогичными материалами, собираемыми сотрудниками Австралийского национального университета в городе Аделаида.

Воздействие человеческой деятельности на экологические системы речных дельт изучается в районе строительства гидроэлектростанции на р. Пурари, впадающей в залив Папуа. Наблюдениям подвергаются популяции речных и морских прибрежных рыб и других водных организмов, изменения в процессах накопления осадков на дне, роль бактерий и питательных веществ в развитии водной фауны и флоры, степень эффективности мер по борьбе с малярией и с заболеваниями, переносимыми членистоногими. Предусмотрено также антропологическое изучение местного населения и его традиционного взаимодействия со средой обитания.

Информация подобрана
Борисом Силкиным

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЯ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

- 7 **Василий Песков**
ОЧАРОВАНЬЕ ДОРОГИ
Очерки. Фото автора. Заставка
М. Краковского
- 24 **Игорь Фесуенко**
**ОПЕРАЦИЯ «СПАСЕНИЕ
В СЕЛЬВЕ»**
Документальная повесть. Рис.
А. Кретова-Даждь
- 42 **Карем Раш**
ЛЕДОВЫЙ КЛАСС
Очерк. Рис. В. Варлашина
- 57 **Алексей Исаев**
СТАРИННЫЙ БОР
Заметки лесовода. Фото автора
- 67 **Иво Андрич**
ЛИЦО ЗЕМЛИ
Путевые записи. Перевод
с сербскохорватского Александра
Романенко. Фото из альбома
«Югославия».
- 78 **Александр Романенко**
**ПУТЕВЫЕ ЗАПИСИ
ИВО АНДРИЧА**
Послесловие переводчика
- 81 **Евгений Курильский**
СЫНЫ ВУЛКАНА
Повесть. Емел Л. Кулагина
- 102 **Валентин Рыбин**
БЕРЕГ ЗАГАДОК
Рассказ. Рис. М. Краковского
- 112 **Борис Соколов**
К ТЕПЛОМУ КУРОСИО
Документальная повесть. Рис.
М. Худатова
- 128 **Виктор Островский**
САМАЯ ПРЕКРАСНАЯ НОЧЬ
Глава из книги «Выше, чем
кондоры». Перевод с польского
Фаины Стекловой Фото из
названной книги
- 145 **Вячеслав Пальман**
НА РЕКЕ ДА НА СУХОНЕ...
Очерк. Фото автора
- 166 **Александр Рогов**
У СКАЛ ПУТЯТИНА
Очерк. Фото автора
- 183 **Федор Худушин**
ГОРОД И ПРИРОДА
Рис. А. Грашина
- 196 **Вячеслав Крашенинников**
**ШВЕЙЦАРИЯ: ТУРИЗМ
И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА**
Очерк. Фото автора. Рис.
Ф. Меркурова
- 210 **Маргарита Ногтева**
УВИДЕТЬ МОРЕ...
Новелла. Рис. А. Жуковой
- 213 **Генрих Гунн**
КОЖЕОЗЕРСКИЕ БЫЛИ
(Из рассказов об Озерном крае).
Фото Ю. Рыбакова
- 226 **Владимир Лысов**
УДАЧНЫЙ РЕЙС
Повесть. Рис. Г. Валентова
- 243 **Станислав Старикович**
ВСТРЕЧА С ТЕРМИТАМИ
Фото автора. Рис. Е. Поливанова
- 253 **Ричард Дана**
ВОКРУГ МЫСА ГОРН
Из книги «Два года простым
матросом». Перевод с английского
Анатолия Пахомова. Рис.
М. Худатова
- 262 **Олег Басов**
САРЫГ
Повесть. Рис. В. Масленникова
- 280 **Виктор Сариниди**
ЗОЛОТО БАКТРИЙСКИХ ЦАРЕЙ
Очерк. Фото автора
- 292 **Александр Иванченко**
ДРАКОНЫ ОСТРОВА КОМОДО
Очерк. Рис. М. Худатова

ФАНТАСТИКА

- 301 **Вячеслав Курдицкий**
МИРАЖИ КАРАКУМОВ
Фантастический рассказ. Рис.
В. Родина
- 315 **Юрий Шпаков**
ДЕТОНАТОР
Фантастический рассказ. Рис.
А. Грашина
- 323 **Спартак Ахметов**
СОИСКАТЕЛИ
Фантастический рассказ. Рис.
Л. Костиной
- 339 **Анджей Чеховский**
ПРАВДА ОБ ЭЛЕКТРАХ
Фантастический рассказ. Перевод
с польского Дмитрия Шурыгина.
Рис. В. Родина
- 345 **Сергей Абрамов**
НЕСКОЛЬКО СЛОВ
О РАССКАЗЕ А. ЧЕХОВСКОГО
«ПРАВДА ОБ ЭЛЕКТРАХ».
- 347 **Джанни Родари**
МИСС ВСЕЛЕННАЯ
С ТЕМНО-ЗЕЛеныМИ ГЛАЗАМИ
Фантастический рассказ. Перевод
с итальянского Льва Вершинина.
Рис. И. Нарижного
- 353 **Герберт Франке**
САМОУНИЧТОЖЕНИЕ
Научно-фантастический рассказ.
Перевод с немецкого Юрия
Новикова. Рис. И. Нарижного

ФАКТЫ. ДОГАДКИ СЛУЧАИ...

- 359 **Александр Яблоков**
ИЗ СЕЛЕВОГО ПЛЕНА
Фото автора
- 365 **Валерий Полосухин**
СЛЕДЫ ДРЕВНЕЙ
МЕТЕОРИТНОЙ
БОМБАРДИРОВКИ ЗЕМЛИ
Фото из различных изданий
- 372 **Евгений Курочкин**
СРЕДИ БРОНТОТЕРИЕВ В ГОБИ
Фото автора
- 378 **Владимир Алексеев,**
Евгений Полищук
ВУЛКАНИЧЕСКИЕ ПЕЩЕРЫ
ТОЛБАЧИНСКОГО ДОЛА
Фото авторов
- 383 **Георгий Пермяков**
ТРУБКА ДЕРСУ УЗАЛА
Рис. М. Худатова
- 386 **Игорь Сосновский**
НОЧНОЙ «ГОСТЬ»
Фото Берлинского зоопарка ГДР.
Заставка Е. Поливанова
- 392 **Виктор Рощаховский**
ЗАГАДКА САРГАССОВА
МОРЯ
- 394 **Аво Тийтс**
ПО СЛЕДАМ САНТОРИНСКОЙ
КАТАСТРОФЫ
Фото из разных изданий
- 401 **Бернгард Гржимек**
СОБАЧЬИ АРИСТОКРАТЫ
САМОГО ПРОСТЕЦКОГО
ПРОИСХОЖДЕНИЯ
Перевод с немецкого Евгении
Геевской. Заставка А. Жуковой.
Фото автора.
- 404 **Елена Чупеева**
ЭНЦИКЛОПЕДИСТ
И ПУТЕШЕСТВЕННИК
Заставка В. Родина
- 408 **Марина Курячая**
«КРАСНЫЙ УГОЛЬ» ПЛАНЕТЫ
Фото И. Вайнштейна
- 414 **Кирилл Белоусов**
АРКТИЧЕСКАЯ ПУСТЫНЯ
Заставка М. Худатова
- 416 **Эдуард Мысловский**
РАЗВЕДКА ПЕРЕД ШТУРМОМ
Фото автора
- 417 **Борис Наконечный**
КАРПАТЫ ЗАЛЕЧИВАЮТ РАНЫ
Текст к фотоочерку на вклейке

419 КОРОТКО О РАЗНОМ.
Факты подобраны Германом
Малиничевым. Рис. А. Жуковой

**422 ЗАРУБЕЖНЫЕ НАУЧНЫЕ
ВЕСТИ.**
Информация подобрана Борисом
Силкиным. Рис. В. Родина

На вклейке: цветные фото
А. А. Рогова,
В. Л. Крашенинникова,
В. И. Сарияниди

Фотоочерки Б. Н. Наконечного
о Карпатах, С. Ф. Кулика
«По Новой Зеландии»

На суше и на море: Повести. Рассказы. Очерки. Статьи
Н12 /Редкол.: С. И. Ларин (сост.) и др.— М.: Мысль, 1981.—
430 с, ил., карт. 8 л. ил.
В пер.: 2 р. 90 к.

Двадцать первый выпуск художественно-географического ежегодника «На суше и на море» открывается очерками известного журналиста Василия Пескова «Очарование дороги». В книгу вошли также повести, рассказы, новеллы, очерки о нашей современности, о природе и людях нашей Родины и зарубежных стран, о путешествиях и исследованиях советских и иностранных ученых, материалы по охране окружающей среды, истории исследования Земли, фантастические рассказы советских и зарубежных авторов. В разделе «Факты. Догадки. Случаи...» помещены научно-популярные статьи и сообщения, краткая информация по различным отраслям наук о Земле и многообразных природных явлениях.

На цветной вклейке публикуются также фотоочерки о Карпатском заповеднике и Новой Зеландии.

НА СУШЕ И НА МОРЕ

Художественно-географическая книга

Заведующий редакцией А. П. Воронин

Редактор Н. Н. Пронин

Младший редактор Т. Д. Изотова

Редактор карт О. В. Трифонова

Художественный редактор А. И. Ольденбургер

Технические редакторы В. Н. Корнилова,
Л. П. Гришина

Корректор Ч. А. Скруль

ИБ № 1703

Сдано в набор 14.10.80. Подписано в печать 25.03.81.

A02535. Формат 60x90^{1/16}. Бумага офсетная, № 1. Гарн. тайме. Офсетная печать. Усл. печатных листов 28 с вкл. Учетно-издательских листов 34,55 с вкл. 59,25 усл. кр.-отт. Тираж 290 000 экз. (1-й завод 1 — 100000 экз.). Заказ № 2153. Цена 2 р. 90 к.

Издательство «Мысль». 117071. Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

Исправление: в 20-м выпуске ежегодника 1980 года на стр. 453 вместо фамилии автора «Валерий Гуляев» следует читать «Владимир Авинский».



2p. 80k

